424

N 133

ДОСУГИ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АНАТОЛІЯ

АРХІЕПИСКОПА.

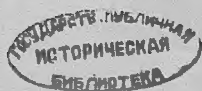
(СЪ ПОРТРЕТОМЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО).

ИЗДАНІЕ

Протоіерея Василія Гречулевича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

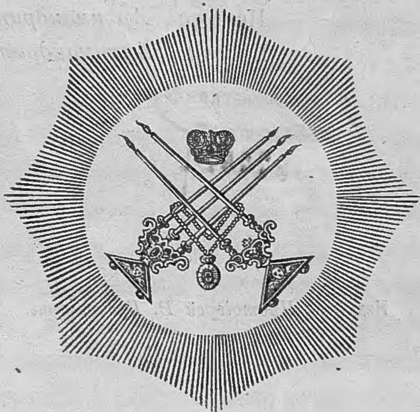
1868.

ДОСУГИ

АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ.

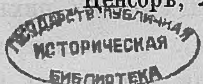

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

От с. петербургскаго комитета духовной цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 1 дня 1868 года.

Ценсоръ, *Архимандритъ Сергій.*
Ценсоръ, *Архимандритъ Фотій.*

Издатель: *Протоіерей В. Гречулевичъ.*

Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ», близъ Смольнаго монастыря, на Екатерининской улицѣ, въ домѣ Экгардта № 60/3.

ОБЪ ИКОНОПИСАНІИ.

Кто вы прельстилъ есть не покоритися истинѣ, имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ вас распятъ (Галат. 3, 1)?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По украшеніи иконописаніемъ вновь устроенныхъ или обновленныхъ храмовъ нашей Церкви, мѣстное начальство обыкновенно поручаетъ духовнымъ лицамъ обозрѣть произведенія иконописцевъ и представить свое объ нихъ мнѣніе. Въ такихъ случаяхъ часто искуснѣйшіе художники испытываютъ ту непріятность, что написанныя ими иконы не одобряются—или потому, что онѣ дѣйствительно не соотвѣтствуютъ своему назначенію, или, что лица, на коихъ возлагается разсмотрѣніе произведеній живописи, сами не имѣютъ надлежащаго понятія о томъ, чего отъ иконописанія требуетъ св. Церковь. Случается, что художники, убѣжденные критическими сужденіями знающихъ людей, признаютъ справедливость замѣчаній относительно своихъ произведеній, и неоднократно изъявляютъ желаніе, чтобы для успѣховъ иконописанія изложилъ кто либо его теорію.

Соотвѣтственно такому желанію предпринято предлежащее разсужденіе. Цѣль—не механическая сторона иконописнаго художества, а указаніе на то, къ чему оно должно стремиться. Сочинитель сего разсужденія почелъ не излишнимъ присовокупить и краткую исторію иконописнаго художества, а какъ онъ чувствовалъ, что нѣкоторыя его мнѣнія новѣйшимъ художникамъ покажутся парадоксами, противъ которыхъ возникнутъ

многія возраженія: то на тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть дѣльнѣе прочихъ, онъ заранѣе отвѣчаетъ въ заключеніи сего разсужденія.

Нимало не льстя себѣ, что предположенная настоящимъ разсужденіемъ цѣль достигнута, тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ нѣтъ еще никакихъ въ семъ родѣ сочиненій, и, сколько у насъ извѣстно, нѣтъ и на иностранныхъ языкахъ [1], сочинитель желаетъ только положить начало болѣе обдуманнымъ въ семъ родѣ сочиненіямъ, и посему испрашиваетъ прощенія въ недостаткахъ предлежащаго. А сочиненія такого рода при возрастающихъ въ нашемъ отечествѣ успѣхахъ живописнаго художества необходимы: *да нѐ бываемъ ктому,* какъ говоритъ Апостолъ, *младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія: истинствующе же въ любви да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ* (Ефес. 4, 14. 15).

[1] Винкельманъ излагалъ общую теорію съ критикою живописныхъ и скульптурныхъ изображеній. 1727 г. издана была книга: Menelogium Graecorum, jussu Basilii imperatoris, за шесть мѣсяцевъ. 1845 года въ Парижѣ вышла книга: Manuel d'iconographie chrétienne,—переведенная съ греческаго Павломъ Дидрономъ на французскій языкъ. Но эти сочиненія не имѣютъ въ виду теоріи иконописанія, а одну практику. Онѣ тоже почти, что русскіе такъ называемые *подлинники.*

О

ИКОНОПИСАНІИ.

—

1. Способность къ живописи есть даръ Божій.

И здравый разумъ и слово Божіе удостовѣряютъ, что Богъ, который даетъ *мудрость мудрымъ и разумъ вѣдущимъ смышленіе* [1], отъ коего исходитъ *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ* [2], насаждаетъ въ человѣческомъ духѣ способности къ полезнымъ для людей искусствамъ. Посему пророкъ Исаія, изобразивъ занятія оратая, внушаетъ, что соблюдаемому имъ порядку и дѣйствіямъ научилъ его Богъ; что все искусство земледѣльца происходитъ отъ Господа силъ: *сія отъ Господа Саваоѳа изыдоша* [3]. Въ книгѣ Іова говорится, что даже умѣнье ткать дается женамъ отъ Бога [4]. А пророкъ Варухъ, изчисливъ благодѣянія, изліянныя Богомъ на народъ израильскій, восклицаетъ: *Сей Богъ нашъ! не вмѣнится инъ къ нему: изобрѣте всякъ путь художества, и даде Іакову отроку своему, и Израилю возлюбленному своему* [5]. Слѣдовательно

---

[1] Даніила 2, 21. [2] Іак. 1, 17. [3] Исаіи 28, 25. 29. Смотри подлинникъ. [4] Іова 38, 36. [5] Варух. 3, 37. греческой LXX толк.: ἐξεῦρε πᾶσαν ὁδὸν ἐπιστήμης. Въ славянской библіи, изданной при императрицѣ Елисаветѣ: *всякъ путь хитрости*, но въ пареміи, которая читается въ мѣсячной минеи 24 декабря, переведено: всякъ путь художества.

каждый здравомыслящій, разсуждая объ искусствахъ вообще, легко убѣдится съ св. Григоріемъ Назіанзинымъ, что «какъ въ искусной музыкальной гармоніи, одна струна издаетъ тотъ звукъ, другая другой, высокій или низкій; но все устрояется однимъ искуснымъ начальникомъ хора и составляетъ одну прекрасную гармонію: такъ (и во всѣхъ искусствахъ) одинъ художникъ и Зиждитель (Богъ) Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей различныхъ полезныхъ учрежденій и искусствъ; но все предложилъ всѣмъ, кто хочетъ соединить насъ узами взаимнаго общенія и человѣколюбія и украсить жизнь нашу кротостію» [1]. Но если всякое дарованіе и способности къ полезнымъ искусствамъ ниспосылаются отъ Бога: то явно, что въ семъ смыслѣ и художество, именуемое иконописаніемъ, источное свое начало имѣетъ также отъ Бога.

2. Какъ первоначально развивалась способность къ живописи въ родѣ человѣческомъ?

Какъ въ частности во всякомъ человѣкѣ, такъ и въ народахъ вообще дарованія и искусства имѣютъ свое время развитія. Хотя, по внушенію совѣсти, надлежало бы ожидать, что люди, пользуясь своими дарованіями и способностями, станутъ употреблять ихъ преимущественно во славу Божію; но въ человѣческомъ родѣ, по причинѣ кореннаго поврежденія нашей природы, дурныя склонности и стремленіе ко злу, какъ вообще въ дѣйствіяхъ, такъ и искусственныхъ произведеніяхъ, предварительно получили перевѣсъ предъ добрыми склонностями. По свидѣтельству перваго бытописателя Моисея, прежде всемірнаго потопа нѣкоторыя искусства изобрѣтены въ нечестивомъ племени Ламеха и, конечно, не съ благою цѣлію [2]. Описаніе Ноева ковчега, по чрезвычайной его вмѣстимости и многимъ подраздѣленіямъ, необходимымъ для содержанія въ немъ

[1] Tom. I. pag. 99. oratio 5. adversus Julianum imperat. in vectiva prima.
[2] Записки на книгу Бытія: стран. 156 и 157.

разнаго рода животныхъ и пищи для нихъ [1], ведетъ къ заключенію, что построеніе ковчега не могло совершиться безъ архитектурнаго и рисовальнаго искусства.

Послѣ потопа въ непродолжительномъ времени дарованія и способности къ искусствамъ проявились въ произведеніи грубыхъ истукановъ. Возникло идолопоклонство. Новые жители земли предались столь безразсудному суевѣрію, что славу, подобающую одному истинному Богу, стали воздавать истуканамъ въ видѣ людей, птицъ, четвероногихъ и гадовъ [2]. Для охраненія истинъ божественной религіи и обѣтованій о возстановленіи рода человѣческаго отъ конечнаго ихъ забвенія, Богъ изъ Авраамова потомства произвелъ и образовалъ народъ. Но этотъ народъ простой до того, что удивленіе его къ произведеніямъ живописи и скульптуры удобно могло превратиться въ ихъ обожаніе, надлежало оградить отъ такого поползновенія, тѣмъ паче, что онъ былъ окруженъ самыми суевѣрными народами. И Богъ при землетрясеніи, изъ среды огня и трубныхъ звуковъ, возгремѣлъ въ слухъ израильскаго народа: *не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею: да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ* [3]. Заповѣдь сія неоднократно со всею строгостію была изъясняема и внушаема израильскому народу его законодателемъ [4]. Но исторія показываетъ, что какъ не всякое изображеніе, такъ и не всякаго рода поклоненіе имъ воспрещалось второю заповѣдію. Воспрещалось только поклоненіе изображеніямъ боготворимыхъ язычниками предметовъ и существъ вымышленныхъ, какихъ представляли идолы, которые, по выраженію Апостола, *ничто*, одна мечта, пустой вымыслъ, дѣло обмана [5]. Между тѣмъ какъ въ скиніи свидѣнія, къ которой народъ обращался для поклоненія Богу, были изваяны надъ ковчегомъ, по повелѣнію Божію, два херувима, преклонявшіе на него и другъ ко другу лица;

---

[1] Бытія 6. [2] Рим. I, 23. [3] Исход. 20, 4. 5. [4] Левит. 26, 1. Второз. 5, 8. [5] I Коринѳ. 8, 4. Іерем. 51, 18.

такія же были сдѣланы изображенія на завѣсѣ узорчатой работы къ дверямъ скиніи и на покрывалахъ ея, сотканныхъ изъ крученаго виссона и разноцвѣтной пряжи [1]. Подобно сему и въ Соломоновомъ храмѣ, по свидѣтельству св. Писанія, были украшены херувимами стѣны и завѣса святилища [2]. Іосифъ Флавій присовокупляетъ, что на ней были вышиты многія, разнообразныя изображенія, кромѣ животныхъ [3]. Явно, что не только для сооруженія и украшенія храма Соломонова, по его безпримѣрному величію и святолѣпному украшенію, но и для устроенія подвижнаго храма, или скиніи свидѣнія, устроенной Моисеемъ, требовалось знаніе рисунка и живописи. Для устроенія скиніи и всѣхъ ея принадлежностей, по образу, показанному Богомъ Моисею на Синайской горѣ, Господь, избравъ отъ племени Іудова Веселеила, изрекъ объ немъ: «Я исполнилъ его духомъ Божіимъ, премудростію, разумѣніемъ и вѣдѣніемъ для всякаго дѣла» [4]. Какое понятіе о семъ и о живописномъ искусствѣ имѣли впослѣдствіи ученые іудеи, можно видѣть изъ дошедшаго до насъ сочиненія Филона іудеянина, который говоритъ: «Св. Писаніе именуетъ Веселеила, что означаетъ въ тѣни Божіей: потому, что онъ начертываетъ образы, между тѣмъ какъ зодчій, по имени Моисей, представляетъ образцы: первый какбы тѣни наводитъ; а второй не тѣни, но указываетъ на самые первообразы и виды природы для украшенія живописнымъ искусствомъ святилища. Первый (Веселеилъ) воспоминается въ священныхъ письменахъ какъ мудрый живописецъ престола Божія: ибо и міръ, это прекрасное и великолѣпное твореніе Божіе, тѣмъ же (живописнымъ) искусствомъ украшенъ премудро. Какъ же не признавать живописи великимъ искусствомъ, когда посредствомъ ея украшенъ храмъ святый, заключающій въ себѣ образы предметовъ небесныхъ, которые размышляющему внушаютъ разнообразныя идеи?» [5]

---

[1] Исход. 36, 37. 37, 7. 9. [2] Паралип. 3, 7. 8, 9. 10, 14. [3] Oper. Joseph. Flav. Tom. I. pag. 132. [4] Исход. 25, 9. 3. Исход. 31, 13. [5] Oper. Phil. Jud. pag. 596.

Какъ изъ сего, такъ и вообще изъ свидѣтельства св. Писанія можно заключать, что ветхозавѣтные іудеи не только не имѣли такого отвращенія отъ живописнаго искусства, какое имѣютъ нынѣшніе, но что въ цвѣтущія времена еврейскаго народа, они упражнялись какъ въ другихъ искусствахъ, такъ и въ живописномъ, или по крайней мѣрѣ рисовальномъ [1]. По свидѣтельству Моисеева пятикнижія, въ еврейскомъ народѣ издревле были искусные рѣзчики на камняхъ [2], а Іисусъ Сираховъ замѣчаетъ, что производившіе въ его время рѣзьбу на печатяхъ, тщательно старались о соблюденіи разнообразія, прилагая все усиліе къ тому, чтобы выразить изображаемый предметъ и усовершенствовать свое произведеніе [3]. Но склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, особенно подражаніе окрестнымъ и другимъ народамъ, съ которыми іудеи были въ сношеніяхъ, осквернили рѣзецъ и кисть ихъ художниковъ изображеніемъ языческихъ мерзостей. Кромѣ множества идоловъ, которые, по словамъ пророковъ, были выставлены на всякомъ холмѣ въ іудейскомъ и израильскомъ царствѣ [4], во времена пророка Іезекіиля, въ самомъ Соломоновомъ храмѣ были написаны кругомъ на стѣнахъ всякія изображенія пресмыкающихся животныхъ, и гнусныхъ звѣрей, и всякіе идолы [5]. Когда же наконецъ правосудіе Божіе, за пристрастіе евреевъ къ языческимъ обычаямъ, истребивъ огнемъ и мечемъ цвѣтущіе города Палестины, предало ихъ порабощенію и плѣненію окрестныхъ народовъ, которымъ они подражали: тогда въ еврейскомъ народѣ истребились художества, и евреи впали въ самое суевѣрное отвращеніе къ произведеніямъ ваянія и живописи.

Несчастныя времена еврейскаго народа были для язычниковъ временами совершеннаго невѣдѣнія Бога истиннаго. Первоначально въ Египтѣ, Палестинѣ, Греціи и Италіи господствовалъ такъ называемый фетишизмъ, или поклоненіе грубымъ кумирамъ, которые сперва были не что иное, какъ простые,

---

[1] 4 Царс. 16, 10. 1 Парал. 28, 11. [2] Исхода 39, 6. 14. [3] Премуд. Сирах. 38, 27. 28. Снеси греческій текстъ. [4] Ierem. 3, 6. 23. Іезекіил. 6, 3. 4. 20. 28. Осіи 4, 13. [5] Іезекіил. 8, 10.

едва обдѣланные камни въ видѣ столповъ и конусовъ [1]. Впослѣдствіи придѣлали къ нимъ руки и ноги, но такъ, что кумиры едва подходили къ образу человѣка. При благопріятныхъ обстоятельствахъ египетскаго государства, еще подъ рѣзцомъ египетскихъ скульпторовъ грубые кумиры большею частію облеклись въ правильныя человѣческія формы; но египетскіе художники не умѣли сообщить имъ свободы въ постановкѣ и движеніи членовъ. Живопись египтянъ, какъ орудіе религіи и правительства, имѣла характеръ простоты вразумительной для народа [2]. Соединенная съ богослуженіемъ и отечественною исторіею, она подводила изображаемые предметы подъ общіе родовые виды божествъ, героевъ, жрецовъ, воиновъ, рабовъ, такъ что каждый изъ сихъ предметовъ въ каждомъ изъ тысячи изображеній при первомъ взглядѣ можно было отличить отъ другихъ. Поэты древней Еллады, приписавъ своимъ богамъ страсти, пороки и своеволіе неукротимѣе человѣческихъ, побудили и соотечественныхъ художниковъ выражать въ произведеніяхъ своихъ эту сверхчеловѣческую природу; такъ произошли идеалы греческихъ божествъ олицетворенные въ истуканахъ, изъ коихъ многіе, уцѣлѣвъ до нашихъ временъ, свидѣтельствуютъ, до какой гибкости и совершенства доведено было греческими художниками ваятельное искусство. Къ отличительнымъ качествамъ ваятельнаго греческаго искусства относится, что при всемъ разнообразіи его произведеній, въ каждомъ изъ нихъ видѣнъ особенный характеръ, сообщенный художниками стану, формамъ, выраженію лица, — характеръ, рѣзко отличающій одинъ предметъ еллинскаго богопочтенія отъ другаго; каждое изъ сихъ произведеній подчинялось условному идеалу, по которому оно тотчасъ было узнаваемо. Судя по такимъ образцамъ ваятельнаго художества, со всею вѣроятностію можно заключать, что и образцовыя произведенія греческой живописи заслуживали того удивленія и похвалы, коими превозносили ихъ современные писатели: хотя

[1] Втор. 7, 5. 12. 3, 16. 22. 3 Царс. 14, 23. Миѳологическая галлерея 68. Путешест. по Египту и Нубіи, А. Норова.

мы о совершенствѣ еллинской живописи сами судить не можемъ оттого, что кромѣ немногихъ фресковъ, составлявшихъ комнатныя украшенія въ Геркуланѣ и Помпеи, произведенія греческой живописи не уцѣлѣли, потому что были писаны большею частію красками, растворенными на растопленномъ воскѣ [1]. Но вообще у язычниковъ рѣзецъ и кисть первоначально были посвящены исключительно ихъ религіи и исторіи отечества, такъ что языческія искусства, особенно ваяніе и живопись, всемѣрно старались проникнуть въ душу народа, напечатлѣть въ его сердцѣ и помыслахъ миѳологическія понятія о божествахъ, также историческія и народныя событія. Достойно замѣчанія, что въ нѣкоторыхъ греческихъ республикахъ закономъ были запрещены произведенія живописи и скульптуры, оскорбляющія чувство цѣломудрія [2]. Даже портретная живопись была у нихъ не болѣе, какъ орудіемъ правительства къ вознагражденію заслугъ знаменитыхъ людей и къ поощренію къ подвигамъ самоотверженія во славу отечества. Такъ послѣ мараѳонскаго сраженія, аѳиняне оказали Мильтіаду только ту одну почесть, что на картинѣ, представлявшей мараѳонское сраженіе, выставленной надъ портикомъ называемымъ Пециль, былъ изображенъ Мильтіадъ въ видѣ полководца, ведущаго воиновъ на сраженіе [3]. У римлянъ писались портреты только по опредѣленіямъ сената въ награду знаменитымъ гражданамъ за ихъ заслуги, и благородство доказывалось количествомъ изображеній своихъ предковъ: чѣмъ Цицеронъ подчасъ любилъ хвалиться [4]. Но когда въ Греціи и въ римской имперіи растлѣніе нравовъ и роскошь усилились до крайности: тогда въ странахъ сихъ скульптура и живопись не имѣли уже никакихъ предѣловъ.

---

[1] Отъ этого у римлянъ самыя картины назывались cerae, и вмѣсто нашего выраженія разсматривать изображенія, говорили: *legere ceras*. Такъ Овидій въ книгѣ I. Fast, говоритъ: Perlege dispositas annosa per atria ceras. [2] Aelian: Variae Historiae Libr. IV, cap. IV. [3] Исторія древней Греціи Гиллиса часть 2, стр. 245. [4] Въ рѣчи противъ Верра Цицеронъ говоритъ о себѣ: Ego me ob aedilitatem mihi delatam adeptum esse intelligo antiquiorem in Senatu sententiae dicendae locum, togam praetextam, sellam

3. Происхожденіе и судьба иконописанія.

Въ первые три вѣка по Рождествѣ Христовомъ такія свирѣпствовали противъ христіанства гоненія, сопровождаемыя всѣми родами мученій и истребленіемъ его памятниковъ, что христіане, для совершенія своего богослуженія, укрываясь въ пещерахъ и самыхъ тайныхъ мѣстахъ, едва ли могли имѣть благолѣпные храмы, украшенные особенно замѣчательными произведеніями живописи. Кромѣ того, съ одной стороны, имѣя въ виду обращеніе въ христіанство іудеевъ, которые могли почесть иконы идолами, съ другой стороны — приведеніе ко Христу язычниковъ, отъ коихъ требовалось отреченіе отъ поклоненія изображеніямъ ими боготворимымъ, первенствующая Церковь не только не выказывала своего употребленія иконъ, но даже столь была осторожною въ открытіи глубочайшихъ тайнъ своего вѣроученія, что тѣ, коимъ преподавались начатки христіанскаго вѣроученія, не были допускаемы во внутренность святилища и не могли присутствовать при совершеніи таинства евхаристіи. При всемъ томъ, въ уцѣлѣвшихъ отъ истребленія временемъ твореніяхъ христіанскихъ писателей, есть свидѣтельства объ употребленіи христіанами живописи и даже скульптуры для изображенія предметовъ своего вѣроученія. Такъ Тертулліанъ, писатель II вѣка, уклонившись въ заблужденіе Доната, въ сочиненіи о стыдливости, обращаясь къ православному читателю, говоритъ: «сошлешься ли ты на притчу, въ коей представляется взысканная Господомъ и подъятая на рамена овца? Но пусть выставлены будутъ даже изображенія, находящіяся на вашихъ потирахъ, однакожь и посредствомъ ихъ изъясненія не докажешь: означаетъ ли она (овца) кающа-

---

curulem, *jus imaginis ad memoriam posteritatem que prodendam.* Противъ Рулла: Est hoc in more positum Quirites, ut ii, qui *beneficio vestro imagines familiae suae* concecuti sunt... Противъ Пизона: Obrepsisti ad honores *commendatione famosarum imaginum.*

гося грѣшника, или язычника воздыхающаго ко спасенію.» И ниже: «развѣ мнѣніе твое потвердитъ Пастырь, котораго изображаешь на чашѣ» [1]. Евсевій Памфилъ свидѣтельствуетъ, что въ финикійской Кесаріи, именуемой Панеадою, онъ видѣлъ высѣченную изъ камня группу представлявшую Спасителя, исцѣляющаго кровоточивую жену и писанныя на дскахъ изображенія Іисуса Христа и апостоловъ Петра и Павла [2]. Святый Ириней и св. Епифаній въ изложеніи ереси карпократіанъ, осуждаютъ ихъ за то, что они изображенія языческихъ философовъ Пиѳагора, Платона и Аристотеля почитали наравнѣ съ изображеніями Спасителя, которыя у карпократіанъ были писаны красками, также золотыя, серебряныя и изъ другихъ веществъ [3]. Въ наше время, кромѣ чудотворныхъ иконъ переданныхъ намъ христіанскою древностію, слѣды иконописанія, бывшаго во времена гоненій, усматриваются еще въ римскихъ катакомбахъ или подземельяхъ, въ которыхъ преслѣдуемые христіане укрывались для совершенія своего богослуженія [4]. Къ памятникамъ древняго иконописанія должно также отнесть образчикъ живописи, уцѣлѣвшій въ нубійскомъ храмѣ Келабше, коей поврежденный уже временемъ рисунокъ, снятый г. Норовымъ, приложенъ къ его путешествію по Египту и Нубіи [5].

Когда наконецъ проповѣдь Евангелія покорила вѣрѣ во Христа кесарей и богослуженіе христіанское облеклось въ соотвѣтствующее его идеямъ благолѣпіе: тогда иконописаніе сдѣлало такіе успѣхи, что въ христіанскихъ храмахъ IV вѣка не только выставлялись лики Спасителя и святыхъ, писанные отдѣльно, но и многосложныя историческія иконы. Объ одномъ изъ такихъ изображеній св. Григорій нисскій въ похвальномъ словѣ св. мученику Ѳеодору говоритъ: «Живописецъ навелъ искусствомъ своимъ краски расположенныя на иконѣ, пред-

---

[1] De Pudititia Cap. VII. X. [2] Eusebii Pamphil. Ecclesiast. Histor. pag. 256. [3] Oper. S. Irinaei advers. Haereses Libr. I. Cap. XXIV. Oper. S. Epiphanii Tom. I Lib. I. [4] Христіан. чтеніе 1825 г. часть XIX. стр. 319. Annal. Ecclesiast. Baronii. A. C. 57. Tom. I. pag. 456, гдѣ говорится о кладбищѣ Прискиллы, открытомъ 1578 г. при саларійской дорогѣ. [5] Часть II, стр. 254.

ставилъ мужественные подвиги, твердость и терпѣніе мученика, звѣрскіе виды мучителей, яростныя ихъ дѣйствія, пылающую оную печь, блаженнѣйшую кончину сего страстотерпца и въ человѣческомъ видѣ ликъ Христа, судіи сихъ подвиговъ. Изобразивъ намъ искусно красками все сіе, какъ въ нѣкоей поучительной (γλωττοφόρῳ) книгѣ, умно высказалъ онъ (живописецъ) подвиги мученика и украсилъ храмъ наподобіе луга блистающаго цвѣтами. Ибо и живопись, безмолвная на стѣнахъ, имѣетъ даръ говорить и приноситъ большую пользу» [1]. Въ пятомъ столѣтіи по Р. Х. священный обычай украшать храмы иконами въ христіанствѣ, столь былъ общимъ, что вмѣстѣ съ иконопочитаніемъ сохранился до нашихъ временъ даже и въ отторгшихся отъ вселенской Церкви христіанскихъ сектахъ несторіанской и евтихіанской, существующихъ доселѣ на востокѣ. Относительно же иконопочитанія, какъ свидѣтельствуютъ св. Аѳанасій александрійскій [2] и св. Василій великій [3], предстоятели Церкви, по преданію отъ Апостоловъ, еще въ IV вѣкѣ излагали то самое ученіе, которое обнародовано во всей Церкви послѣднимъ вселенскимъ соборомъ [4].

Но какъ всѣ христіанскія истины, такъ и догматъ о иконопочитаніи испыталъ жестокія гоненія. Іудеи, всегдашніе враги христіанъ, почитая иконы идолами, всякій разъ, когда нахо-

[1] Oper. S. Gregorii Nyssen. Tom. III, pag. 205. Въ семъ же вѣкѣ украшались разными изображеніями І. Христа и Апостоловъ и надгробные памятники, какъ свидѣтельствуетъ памятникъ въ честь знаменитыхъ римскихъ матронъ, Пробы и Юліи. Смот. Baronii Tom. VI. A C. 395, pag. 181. [2] Oper. S. Athanasii ad Antiochum quaestio XXIX. pag. 277. [3] Oper. S. Basilii Tom. II. pag. 224. Epist. ad Julian. Apostatam 360, juxta alios 285. [4] Иконоборцы, а впослѣдствіи протестанты и реформаты въ подтвержденіе своего образа ученія ссылались на письмо св. Епифанія, въ которомъ будто бы сей святитель говоритъ, что онъ, проходя въ одно время чрезъ Палестину, и усмотрѣвъ въ нѣкоемъ храмѣ завѣсу съ изображеніемъ Спасителя, изорвалъ оную. Но подложность сего письма очевидна изъ того, что св. Епифаній, изчисляя малѣйшія бывшія до него и въ его время ереси, не почитаетъ иконопочитанія ни ересію, ни заблужденіемъ. Кромѣ сего могъ ли св. Епифаній въ другой странѣ и епархіи дойти до того, чтобы рвать чужія завѣсы, не побесѣдовавъ напередъ о томъ съ мѣстнымъ предстоятелемъ церкви? Смотр. Ann. Eccles. Baronii Tom. VI. A. C. 392.

дили къ тому удобный случай, непримиримую свою вражду противъ христіанства обнаруживали между прочимъ истребленіемъ иконъ [1]. Римская имперія съ усиленіемъ роскоши и растлѣнія нравовъ стремилась къ упадку. Персы, сарацины, болгары, аравитяне, устремившись на нее со всѣхъ сторонъ, означали свои наѣзды превращеніемъ въ развалины городовъ и храмовъ Божіихъ. Въ VII в. магометане, признавая себя орудіемъ Промысла къ истребленію идолопоклонства, повсюду сокрушали иконы въ христіанскихъ областяхъ, покоряемыхъ силою своего оружія [2]. Времена великихъ Константиновъ, Юстиніановъ, Өеодосіевъ, покровительствовавшихъ св. Церкви, были непродолжительны. Въ началѣ VIII столѣтія Левъ Исаврянинъ, человѣкъ грубый, необразованный, достигшій императорскаго престола изъ простаго солдата, вооружился противъ иконъ со всею лютостію фанатизма. Не могши склонить къ своимъ видамъ св. Германа, константинопольскаго патріарха, онъ издалъ самъ собою указъ о повсемѣстномъ истребленіи иконъ въ римской имперіи, которое лично началъ сокрушеніемъ иконы Спасителя, стоявшей на главныхъ вратахъ одного изъ константинопольскихъ храмовъ [3]. Слѣдствіемъ сего гоненія, между прочимъ было отпаденіе отъ имперіи Италіи. Будучи однако не въ состояніи истребить всѣ иконы, Левъ Исаврянинъ (хотя, называя ихъ идолами, хвалился, что онъ уничтожалъ идолопоклонство, семь вѣковъ существовавшее въ Церкви) [4] передалъ свою ненависть къ нимъ своему наслѣднику. Константинъ, сынъ его, прозванный Копронимомъ, по вступленіи на престолъ немедленно созвалъ многочисленный соборъ изъ своихъ единомышленниковъ, предполагая воспретить иконопочитаніе мнимою церковною властію. Хотя на семъ соборѣ не было ни патріарховъ, ни представителей главнѣйшихъ Церквей, и соборъ началъ свои сужденія единственно по указу

---

[1] Ann. Eccl. Baron. T. X. A. Ch. 560 pag. 197. T. XII. A. Ch. 723 pag. 307 и въ другихъ мѣстахъ. [2] Ann. Eccl. Baron. T. IX. A. Ch. 509. pag. 87. [3] Ann. Eccl. Baron. T. XII. Ann. Ch. 726. pag. 334. [4] Слово Григорія папы, напечатанное въ Сборникѣ 1700 г.

Копронима, а не по требованію вселенской Церкви: при всемъ томъ, вслѣдствіе опредѣленія сего незаконнаго собора снова начались гоненія, увѣнчавшія множество православныхъ мученическими страданіями и кончиною, и продолжались до воцаренія внука Константинова. При семъ императорѣ обстоятельства Церкви приняли другой видъ. Константинъ, по внушенію благочестивой матери своей Ирины, созвалъ для умиротворенія Церкви вселенскій соборъ, который, начавшись въ Константинополѣ и бывъ довершенъ въ Никеи, окончательно изложилъ и обнародовалъ во всей Церкви древнее ея ученіе о иконопочитаніи [1]. Однакожь иконоборство съ новою силою возгорѣлось при императорѣ Львѣ V Армянинѣ и продолжалось еще болѣе тридцати лѣтъ. Церковь украсилась новымъ ликомъ исповѣдниковъ, пострадавшихъ за истину. Наконецъ честь рѣшительнаго прекращенія гоненій за иконопочитаніе предоставлена была Провидѣніемъ правившей государствомъ императрицѣ Θеодорѣ, матери Михаила Багрянороднаго. Утихли бури, открыто волновавшія Церковь, хотя еретики, именуемые павликіанами, выказывали еще по временамъ свою ненависть, между прочимъ, и къ св. иконамъ и бывъ преслѣдуемы тою же императрицею, проникли въ Болгарію, гдѣ, сдѣлавшись извѣстными подъ именемъ богомиловъ, разсѣвали впослѣдствіи свои заблужденія и относительно иконопочитанія [2].

Явно, что при такихъ обстоятельствахъ Церкви искусство иконописанія не могло процвѣтать въ имперіи, потрясаемой со всѣхъ сторонъ варварами. Однакоже выпадали времена, въ которыя проявлялись въ Греціи истинно геніальные иконописцы. Какъ напр. отецъ и сынъ Панселины. Не процвѣтало иконописное искусство и на западѣ; а судя по древнѣйшимъ иконамъ и статуямъ, сохранившимся въ римской Церкви, ка-

---

[1] Отцы втораго Никейскаго собора предъявили на немъ множество свидѣтельствъ объ иконопочитаніи изъ древнихъ отцевъ Церкви. Свидѣтельства сіи можно видѣть въ дѣяніяхъ сего Собора, а сокращенно у Ассеманія Callend. Univers. Eccles. Tom. 1. pag. 11. 19. [2] Разсужд. о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской Церкви, примѣчаніе 33, въ словѣ Козьмы.

кова напр. латеранская или лоретская Божіей Матери сравнительно съ древнѣйшими иконами византійскаго письма, уцѣлѣвшими до нашихъ временъ въ нашемъ отечествѣ, въ Грузіи, Молдавіи, Греціи и вообще на востокѣ, очевидно, что искусство иконописанія на западѣ было тогда въ младенческомъ состояніи и гораздо ниже восточнаго. Въ самомъ Римѣ все, что было лучшаго въ искусственномъ отношеніи, было произведеніе греческаго художества, какъ сіе напр. доказываетъ мозаическая икона Спасителя — изображеннаго благословляющимъ, по преданію восточной Церкви, именословнымъ перстосложеніемъ десницы, въ римской Церкви блаженнаго апостола Петра (Beati Petri Apostoli), устроенная иждивеніемъ папы Льва III въ половинѣ девятаго столѣтія [1]. Да и не могли тогда искусства процвѣтать на западѣ; потому что западная часть римской имперіи, наводняемая еще съ четвертаго вѣка попеременно то германскими народами, то гуннами, вандалами и аланами, распалась на многія возникшія вновь государства, по образованіи коихъ, долго еще разрушенные города лежали въ развалинахъ, а искусства и науки были въ такомъ упадкѣ, что когда папа Адріанъ II послалъ 794 года во Францію опредѣленіе седьмаго вселенскаго собора: то гальскіе епископы, разсматривая оное, соблазнились нѣкоторыми выраженіями, не понявъ точнаго ихъ значенія. Вслѣдствіе сего, по повелѣнію Карломана, въ опровержение постановленія Никейскаго собора написаны четыре книги, извѣстныя подъ названіемъ: Libri Carolini и составленъ въ Франкфуртѣ соборъ, изъ опредѣленій коего видно, что присутствовавшие на немъ не очень знали греческій языкъ [2]. О семъ же предметѣ состоялся соборъ и въ Парижѣ при Людовикѣ I, преемникѣ Карломана. Но предубѣжденіе противъ опредѣленія втораго Никейскаго собора постепенно разсѣялось и на западѣ, такъ что наконецъ онъ въ римской Церкви при-

---

[1] Vaticana Confessio Beati Petri... Steph. Borgiae 1786. a Romae pag. 60—64. Въ началѣ сей книги приложена гравюра представляющая означенную икону. [2] Frider. Spanhejmi Historia imaginum 1686 a. Lugd. pag. 423—442. Снеси самое постановленіе VII вселенскаго собора.

знанъ былъ вселенскимъ, и въ самой Франціи при владычествѣ франковъ храмы и аббатства украшались настѣнными изображеніями и помѣщаемыми въ отдѣльныхъ кіотахъ, писанными во вкусѣ византійскомъ, по золотому полю [1].

Между западными славянскими народами иконопочитаніе водворилось вмѣстѣ съ Евангеліемъ. Святый Меѳодій, проповѣдавшій Евангеліе въ славянскихъ земляхъ около 863 года, былъ даровитымъ иконописцемъ, и между прочимъ употреблялъ живопись средствомъ къ обращенію славянъ [2]. Такимъ образомъ въ славянскихъ странахъ, съ водвореніемъ восточнаго вѣроисповѣданія, иконописаніе получило характеръ византійскаго, котораго памятники доселѣ сохранились. Такого напр. стиля въ главномъ прагскомъ соборѣ, что въ Богеміи, образъ Спасителя, писанный по золотому полю, и многіе образа въ церквахъ св. Елисаветы и св. Варвары въ Бреславлѣ [3].

Въ нашемъ отечествѣ иконописаніе также возникло съ введеніемъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Извѣстно изъ исторіи, сколь сильно потрясъ совѣсть великаго князя Владиміра философъ нѣкій, или инокъ Константинъ, показавъ Владиміру въ заключеніе проповѣди своей икону страшнаго суда. Просвѣтитель Россіи, принявъ св. крещеніе въ Херсонѣ, привезъ съ собою въ Кіевъ церковные сосуды, книги и иконы. Для украшенія храмовъ въ Кіевѣ, великомъ Новгородѣ и другихъ городахъ первоначально были вызываемы великими князьями греческіе художники, которые писали иконы на дскахъ и выкладывали мозаикой на стѣнахъ. Памятникъ сего рода иконъ представляютъ мозаическія изображенія Спасителя, Богоматери, Апостоловъ и святителей въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ [4]. Изъ древнѣйшихъ отечественныхъ иконописцевъ извѣстенъ одинъ св. Алипій, кіевопечерскій монахъ, преставившійся въ началѣ XII вѣка. Онъ выучился иконописанію у грековъ. Но

---

[1] Памятникъ искусствъ, тетрадь XI, 401. [2] Памятникъ искусствъ, тетрадь IX, 94. [3] Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи Н. Греча. СПБ. 1839 года часть III, стр. 8. Памятникъ искусствъ, тетрадь IX, 94. [4] Описаніе Кіево-Софійскаго собора 1825 года, стр. 42, 43.

кромѣ образа подъ названіемъ: *предста Царица*; или *Царь царемъ* въ московскомъ Успенскомъ соборѣ [1], неизвѣстно, есть ли еще въ числѣ древнихъ иконъ, находящихся въ Россіи, писанныя рукою преподобнаго Алипія? Равнымъ образомъ трудно судить: до какой степени совершенства достигло у насъ иконописаніе предъ нашествіемъ татаръ. Въ придѣлѣ во имя св. первомученика Стефана въ Кіевѣ въ печерской соборной церкви показываютъ древняго письма икону пресвятыя Богородицы, предъ коею молился князь Игорь Ольговичъ, убитый 1147 года [2], но неизвѣстно, русской ли сія икона кисти, или греческой? Съ достовѣрностію только можно заключить, что русскіе иконописцы у грековъ переняли простой образъ разводить краски на яичномъ желткѣ, растворивъ его предварительно простымъ хлѣбнымъ квасомъ [3], и что они, хотя не всегда имѣли случай учиться у византійскихъ художниковъ, однако постоянно подражали греческимъ образцамъ. Въ нашествіе татаръ, разорившихъ города и села русскія, превратившихъ храмы Божіи въ развалины, иконописаніе держалось списываніемъ старыхъ иконъ, имѣло пріютъ свой въ монашескихъ обителяхъ, которымъ татары не только не дѣлали никакого насилія, но даже оказывали нѣкоторое покровительство, — особенно же было поддерживаемо іерархами нашей Церкви, изъ коихъ нѣкоторые, какъ напр. св. митрополиты Петръ и Ки-

---

[1] Памятники московской древности. Тетрадь 2, стр. 12. [2] Описаніе Кіево-печерской лавры 1831 года, стр. 32. [3] Карамзинъ въ 258 примѣчаніи къ III тому исторіи россійскаго государства ошибочно утверждаетъ, будто краски растворяются нашими иконниками на яичномъ бѣлкѣ. Достоинство письма красками растворяемыми на желткѣ, кромѣ проявленія естественной ихъ свѣжести, состоитъ еще въ томъ, что краски такимъ образомъ разводимыя одна другую совершенно покрываютъ, что ими, какъ лучшими акварельными на слоновой кости или на бристольной бумагѣ, можно дѣлать самыя нѣжныя черты и пунктировку на деревяныхъ доскахъ. Но какъ растворяемыя на желткѣ краски въ дѣлѣ мгновенно засыхаютъ; то онѣ (хотя можно класть ихъ широкою кистію) становятся неспособными къ растушовкѣ. Почему въ письмѣ для малѣйшей оттѣнки, или свѣтотѣни требуется особенный составъ краски и кисть чистая, вымытая. Впрочемъ свѣжесть красокъ разводимыхъ на желткѣ сохраняется только на бумагѣ въ книгахъ, а на деревѣ онѣ несравненно скорѣе тускнутъ, нежели растворенныя на маслѣ.

пріанъ [1], сами занимались иконописнымъ художествомъ. Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка славились Ѳеофилъ иконописецъ, грекъ, прозванный философомъ, Симеонъ Черный, старецъ Прохоръ и Андрей Рублевъ, коего произведенія кисти высоко цѣнились любителями иконнаго письма. Отечественныя записки сохранили еще имена московскихъ иконописцевъ Захаріи, Іосифа и Николая, которые при великомъ князѣ Симеонѣ расписывали московскіе Успенскій и Архангельскій соборы [2]. Въ новгородской и псковской области, не смотря на то, что онѣ были свободны отъ татарскаго порабощенія и процвѣтали торговлею, иконописаніе не оказало особенныхъ успѣховъ, можетъ быть потому, что сіи области съ половины XIV столѣтія были волнуемы ересію стригольниковъ, разрушавшею самыя основанія постановленій церковныхъ; а съ половины XV вѣка ересію жидовствующихъ, проникшею во внутренность Россіи и между прочимъ отвергавшею иконописаніе [3].

На западѣ съ XII вѣка фанатики, извѣстные подъ именемъ петробруссіанъ, виклефитовъ, албигенсовъ и вальденсовъ, въ изступленіи своемъ неистовствовали между прочимъ и противъ иконопочитанія и во многихъ мѣстахъ возобновили ужасы иконоборства [4]. Въ самой Италіи художества долго были еще въ младенческомъ состояніи, а произведенія ихъ безвкусны и грубы. Почему недостатокъ въ отношеніи къ иконописанію живописнаго искусства римляне замѣняли несообразнымъ съ древними постановленіями Церкви обычаемъ украшать статуи, какъ замѣтилъ еще св. Симеонъ ѳессалонитскій, париками изъ естественныхъ волосъ, наряжать ихъ въ различныя одежды и совершать зрѣлищныя представленія священныхъ событій, какъ-то: Благовѣщенія пресвятой Дѣвѣ, страданій Спасителя и т. п. [5].

---

[1] Общій мѣсяцесловъ декабря 23 дня въ Слѣдов. псалтири. [2] Памятники московской старины, тетрадь 1 стр. 10. [3] Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ русской Церкви стр. 75 и 111. [4] Institut. Theolog. Dogm. Step. Wiesl. 1827. Tom. II. pag. 566. [5] *Συμεὼν τοῦ Μ. Ἀρχιεπισκ. Θεσσαλον. κατὰ αἱρέσεων κεφαλ.* 23. Также поступаютъ и въ наше время послѣдователи латинскаго вѣроисповѣданія: въ Неаполѣ, Сициліи, въ Испаніи, даже въ Іерусалимѣ и Виѳлеемѣ.

Однако торговыя сношенія итальянцевъ съ греками и переселенія сихъ по несчастнымъ обстоятельствамъ Греціи на западъ, перенесли въ Италію вмѣстѣ съ другими художествами и иконописное византійскаго стиля. Въ семъ родѣ живописи нѣкоторые итальянскіе художники пріобрѣли необыкновенную извѣстность, изъ числа коихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія по своимъ произведеніямъ Перуджино и Ангелико фіезольскій, доминиканскій монахъ (Fra Giovani Angelico da Fiesole) [1].

Въ Германіи и на берегахъ Рейна первоначально также господствовалъ стиль византійскаго иконописанія. Съ XIII вѣка германцы начали уклоняться отъ сего направленія живописи, а воспослѣдовавшая чрезъ два вѣка, такъ называемая, реформація въ Германіи совершенно уронила живопись: потому что Кальвинъ рѣшилъ, будто иконопочитаніе есть идолослуженіе, и его послѣдователи въ южной Франціи и въ Англіи отличались въ истребленіи иконъ самымъ изступленнымъ изувѣрствомъ. Лютеръ хотя былъ умѣреннѣе, но отвергши иконопочитаніе, охладилъ стремленіе къ самой живописи. Между тѣмъ еще въ концѣ XV столѣтія фламандскій живописецъ Ванъ-Эйкъ открылъ способъ растворять краски и писать ими на сѣменномъ маслѣ [2]. Способъ сей, по многостороннему для письма удобству и свойству сохранять надолго прочность красокъ, предпочтенъ художниками прежнимъ способамъ ихъ растворенія.

Пятнадцатый вѣкъ былъ вѣкъ открытій и стремленія къ всеобъемлющей образованности. Извлеченныя около сего времени изъ архивной пыли и библіотекъ творенія языческихъ писателей и отысканныя въ развалинахъ городовъ Италіи произведенія древней скульптуры породили въ высшемъ сословіи людей, а преимущественно въ римскомъ духовенствѣ, пристрастіе ко всему языческому [3]. Казалось, особенно во времена

---

[1] Alleluia, религіозный альманахъ 1840 г. Варшава, du Vandalisme et du Catholicisme dans l'art M. Montalembert, a Paris 1839. [2] Памятникъ искусствъ. Тетрадь VIII. 64. [3] Историческій словарь подъ именемъ: Петръ Бембо.

папы Льва X, что обновленное язычество воскресло въ Италіи со всѣмъ своимъ развратомъ и чувственными наслажденіями. Подъ такимъ вліяніемъ образовались прославленныя школы живописи: римская, флорентійская, венеціанская, болонская и ломбардская или вообще италіанская, также порожденныя ею испанская и французская, и явились безчисленныя произведенія живописи, представляющія какъ будто лики святыхъ и библейскія, или церковно-историческія событія, въ такомъ видѣ, что чрезъ нихъ просвѣчивало, если не язычество, то плоды нечистой фантазіи, несообразной ни съ исторіею, ни съ сущностію предмета, ни съ достоинствомъ своего назначенія. Произведеній въ духѣ истинно христіанскомъ и невозможно было тогда ожидать на западѣ: потому что папы ничего не щадили для отысканія всего языческаго и выставляли языческія гнусности на видъ всему міру, такъ что по-сю-пору нетолько повсюду въ Италіи, но и въ самомъ Римѣ можно видѣть идолопоклонническія мерзости наравнѣ какъ будто съ христіанскою святынею. Богатые приношеніями народовъ, папы со всею щедростію поощряли художниковъ, отличавшихся обновленіемъ языческихъ своеволій подъ христіанскими названіями, и по смерти своихъ предшественниковъ украшали ихъ гробницы аттрибутами, чисто языческими. Получивъ своевольное направленіе, живопись съ той поры доселѣ нетолько не оставляла пути проложеннаго Рафаэлемъ Урбино, Леонардомъ де-Винчи, Тиціаномъ, Караччіами Корреджіами, Гвидо Рени, и Доминикино съ многочисленною ихъ братіею; но какъ будто поставила для живописцевъ послѣдующихъ вѣковъ правиломъ подражать ихъ анахронизмамъ и несообразностямъ съ духомъ истиннаго христіанства. Къ столь рабскому подражанію, а еще болѣе къ безотчетному удивленію произведеніямъ живописи упомянутыхъ школъ увлекли то въ частности, то въ совокупности усматриваемыя на нихъ, доведенныя до высочайшаго искусства, самая отчетливая правильность рисунка, изумительная свѣжесть колорита, игривость кисти и какбы у самой природы похищенная естественность изображаемыхъ предметовъ. Однако здраво-

мыслящіе и на западѣ не одобряли своеволія своихъ живописцевъ [1]; въ Испаніи отдавали ихъ подъ надзоръ какого нибудь богослова, хорошо знавшаго священную исторію, коего совѣтамъ художники должны были слѣдовать во все продолженіе работы по какому нибудь заказу. Но и этотъ способъ не избавлялъ произведеній живописи отъ важныхъ ошибокъ потому, что монахи римскихъ орденовъ, желая означить, что такой-то образъ или картина писаны въ такомъ-то орденѣ, требовали изображать историческія лица въ платьѣ того ордена, въ монастырѣ коего они писались [2].

По сліяніи русскихъ княжествъ въ единодержавное государство, жизнь его, сосредоточенная въ Москвѣ, одушевляемая живымъ чувствомъ благочестія, благотворно дѣйствовала и на иконописное художество, тѣмъ болѣе, что въ шестнадцатомъ столѣтіи находили время заниматься иконописаніемъ и митрополиты Симеонъ, Варлаамъ, Макарій и Аѳанасій; только къ прискорбію пожары 1545 — 47 и 60 годовъ истребили въ Москвѣ много памятниковъ иконнаго чуднаго письма, по выраженію лѣтописцевъ [3]. И достойно замѣчанія, что въ XVI столѣтіи, тогда, какъ итальянскіе живописцы, принимаясь за изображеніе священныхъ предметовъ, вдохновлялись истуканами и рельефами, представлявшими миѳологическіе вымыслы, въ Россіи, какъ можно видѣть изъ сочиненія неизвѣстнаго писателя, подъ названіемъ стоглаваго собора, полагали: «Аще кто на таковое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе всяко сподобится искусенъ быти, тогда не подобаетъ ему, кромѣ святыхъ изображеній, ничтоже начертавати, рекше воображати, еже есть на глумленіе человѣкомъ» ... «отъ невѣрныхъ и иностранныхъ римлянъ... иконнаго воображенія православнымъ

[1] Claudii Fleuri Historia Ecclesiast. Tom. XXXV. Provincial. Consilii Senonsis въ канонѣ XL сказано: Curent. Episcopi, ut lascivaė imagines et veritati Scripturae non convenientes ab Ecclesiis tollantur. Такой же силы каноны Tom. XLIV Disciplinaė decreta in conventu Posiacensi condita. Но папы такихъ каноновъ не издавали. [2] Памятникъ искусствъ, тетрадь IX. 91. [3] Памятники московской древности. Тетрадь 1. стр. 31.

пріимать не подобаетъ. Аще ли же по нѣкоему прилучаю отъ древнихъ лѣтъ гдѣ обрящется въ нашихъ странахъ вѣрныхъ, рекше въ греческихъ или русскихъ, а вообразуема будетъ послѣ расколу церковнаго, иже грекомъ со римлянами, и тогда аще и зѣло иконное воображеніе есть по подобію и хитро, поклоненія же имъ не творити: понеже отъ рукъ невѣрныхъ изображаемы суть, аще и по подобію, совѣсть ихъ нечистотѣ подлежитъ»[1]. Хотя сомнительно, чтобы отцы стоглаваго собора полагали такое правило, между прочимъ и потому, что предсѣдательствовавшій на томъ соборѣ Іоаннъ Васильевичь въ грамотѣ своей къ императору Карлу V изъявлялъ желаніе прислать къ нему изъ Германіи искусныхъ живописцевъ, ваятелей и каменьщиковъ, чтобы ихъ произведеніями украсить храмы Божіи[2]: при всемъ томъ мнѣнія, изложенныя въ сочиненіи именуемомъ стоглавымъ соборомъ, съ одной стороны съ большою правдоподобностію указываютъ на тогдашній образъ мыслей у нѣкоторыхъ, съ другой стороны свидѣтельствуя, что въ XVI столѣтіи продавали на Руси иконы своего произведенія и армяне, ведутъ къ заключенію, что сіи-то продавцы въ смутныя времена Россіи разсѣяли по ней образа своего письма, на коихъ благословляющія руки Спасителя и угодниковъ Божіихъ изображены съ перстосложеніемъ, которое у нихъ въ употребленіи и нашими раскольниками считается исключительно правильнымъ. По крайней мѣрѣ въ концѣ приведеннаго правила такъ называемаго стоглаваго собора ясно сказано: «А невѣрнымъ и иностраннымъ, паче же нечестивымъ и поганымъ армяномъ святыхъ иконъ не писати и на серебро и злато не мѣняти: понеже не въ почесть, но въ поруганіе святыню продавати грѣхъ есть»[3]. Еще до такъ называемаго стоглаваго собора, въ 1554 году нѣкто дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый былъ преданъ церковной епитиміи за ложныя мнѣнія о иконописаніи[4]; а по взятіи Казани, соборомъ осужденъ какой-

---

[1] Стоглава глава 126. [2] Памятники московской древности. Тетрадь 1. стр. 35. [3] Стоглав. глава 126. [4] Акты, собранные археолог. экспедиціею. Том. I. стр. 241.

то Бакшинъ съ виновниками, который между прочимъ отвергалъ иконописаніе, и положено, чтобы «святыя и честныя иконы и бытейское письмо были (писаны) не на соблазнъ міру, но во утвержденіе православію, въ просвѣщеніе и умиленіе [1]». Подъ конецъ царствованія Іоанна Васильевича иконописаніе такіе уже оказало успѣхи, что образовались, какъ теперь выражаются, особенные стили иконописанія, называвшіеся пошибами, изъ коихъ московскій отличался отъ стараго стиля болѣе свѣтлымъ колоритомъ и умильностію въ выраженіи лицъ, а строгоновскій точностію обрисовки, тщательною отдѣлкою мелочей и драпировки, яркостію красокъ и богатою позолотою. Современники находили еще различіе стиля въ иконописаніи успенскомъ и кіевскомъ. Иконописное художество имѣло уже тогда техническіе свои термины, ничуть не хуже состоящихъ теперь въ употребленіи; какъ напр. *пошибъ*—стиль, *доличное*—драпировка, *затинка*—свѣтотѣнь и т. п. [2] Произведенія сего времени русскаго иконописанія уважались и въ иностранныхъ земляхъ. Такъ нѣкто Іоаннъ Комнинъ медикъ съ особенною отзывался похвалою о видѣнныхъ имъ въ монастыряхъ Аѳонской горы, пожертвованныхъ Іоанномъ IV и многихъ другихъ иконахъ московскаго художества [3].

Въ царствованіе набожнаго Ѳеодора Іоанновича, особенно любившаго живопись, и Бориса Годунова, благодѣтельствовавшаго монашескимъ обителямъ и украшавшаго благолѣпіемъ храмы Божіи, иконописцы имѣли довольно занятій, и хотя не имѣли опредѣленныхъ правилъ рисунка, однако въ ихъ произведеніяхъ можно усматривать какбы условную соразмѣрность изображаемыхъ лицъ, особенно же тщательную отдѣлку и усильное стремленіе къ усовершенствованію своихъ произведе-

---

[1] Исторія россійской Церкви, г. Муравьева стр. 135. Памятники московской древности. Тетрадь I, стр. 67. [2] Памятники московской древности. Тетрадь I. стр. 64. 65. [3] По словамъ Ассеманія книга эта Комнина вышла на простомъ греческомъ языкѣ въ Унгаро-Влахіи въ синагобскомъ монастырѣ 1701 года, потомъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ издана въ Парижѣ 1708 года. Calend. Eccl. Univers. Asemanii Tom. I. pag. 9. 75. et sequ.

ній. Доказательствомъ сего могутъ служить уцѣлѣвшія отъ тѣхъ временъ иконы въ новгородскихъ обителяхъ, изъ коихъ многія заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ напр. миніатюрныя изображенія чудесъ преподобнаго Антонія Римлянина, на иконѣ сего преподобнаго въ монастырѣ его имени. Прискорбно только, что отъ недосмотра духовныхъ лицъ съ сего, какъ кажется, времени иконописцы особенно стали размножать иконы съ перстосложеніемъ для знаменія св. крестомъ десницы, признаваемымъ раскольниками исключительно правильнымъ.

Въ послѣдовавшее по кончинѣ Годунова время ужасы междусобія и самозванства не благопріятствовали художествамъ. Москва пылала отъ пожаровъ, горѣли обители и храмы Божіи. Поляки, какъ впослѣдствіи чрезъ два вѣка французы, отличались такимъ изувѣрствомъ, что умышленно кололи и сожигали св. иконы [1]. Съ воцареніемъ кроткаго Михаила Θеодоровича снова просіяли благолѣпіемъ храмы Божіи и иноческія обители. Но едва ли когда въ нашемъ отечествѣ открывалось столь обширное поле для упражненія въ иконописаніи, какъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, въ которое для росписанія храмовъ иконописцы были вызываемы въ Москву и изъ другихъ городовъ [2], а по особенному положенію, такъ какъ тогда множество было иконописцевъ при царскомъ дворѣ, они получали отъ казны опредѣленное содержаніе и награды. Царь далъ имъ жалованную грамоту, по которой «тщаливіи и честніи св. иконъ писатели, яко истинніи церковницы, цер-

---

[1] Памятники московскихъ древностей. Тетрадь IV, стр. 62. [2] Акты, собранные археологическою коммисіею. Томъ IV, 5 стр. Около сего времени появились многіе сборники подъ названіе *прорисей и подлинниковъ* съ подробнымъ означеніемъ въ нихъ отличительныхъ примѣтъ лица каждаго святаго, одежды, положенія, аттрибутовъ, даже самыхъ цвѣтовъ и красокъ, коими надлежало изображать облаченіе святыхъ. Такіе сборники о-сю-пору можно видѣть не только у иконописцевъ, придерживающихся византійскаго стиля, но и въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, какъ напр. въ книгохранилищѣ новгородскаго Софійскаго собора. Но какъ сіи сборники очевидно составлены въ разныхъ мѣстахъ разными лицами, то посему есть сборники московскіе, кіевскіе, новгородскіе, устюжскіе: то они во многомъ несогласны между собою.

ковнаго благолѣпія художницы», были предпочтены всѣмъ прочимъ художникамъ. Кромѣ того заслужившіе названіе мастера имѣли преимущество предъ прочими иконописцами, въ родѣ нынѣшнихъ профессоровъ; были жалуемы землями, кафтанами и т. п., имѣли преимущество предъ получавшими одно содержаніе, а московскіе предъ городовыми [1]. Главнымъ надзирателемъ за правильностью иконописанія былъ поставленъ царской грамотою 1667 года мая 12 дня Симонъ Ушаковъ. Кромѣ обновленія и украшенія московскихъ храмовъ въ это время воздвигнуты были и украшены иконописаніемъ новыя обители, особенно новгородскій Иверскій монастырь и такъ называемый Новый Іерусалимъ.

Не смотря однако же на столь многія иконописныя занятія, не только въ пособіе русскимъ не требовались иностранные художники, но даже были отвергаемы произведенія ихъ кисти. Такъ патріархъ Никонъ, узнавъ, что нѣкоторые изъ бояръ, возвратившись изъ польскаго похода, принесли съ собою иконы письма латинскаго, велѣлъ ихъ отобрать и предать огню, какъ предметы противные православію, даже издалъ указъ, что кто впредь будетъ писать не по старинѣ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію [2]. Вообще на иконописаніе было обращаемо тогда такое вниманіе, что, по опредѣленію состоявшагося въ Москвѣ собора, на коемъ присутствовали патріархи Іосифъ московскій, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, царь Алексѣй Михайловичь окружною грамотою повелѣлъ: «да честныя иконы... по преданію святыхъ и богоносныхъ отецъ, по необходимому обычаю святыя восточныя Церкви, по приличности дѣлъ и лицъ пишемы будутъ. Всякое же нелѣпіе и неприличіе ктому да не вообразится, хитрость же и благоискусство художное весьма со всякимъ тщаніемъ да хранимо будетъ; праведно бо есть праведнаго Бога и праведныхъ Его угодниковъ праведными художества

[1] Памятники московской древности. Тетрадь 1, стр. 66. [2] Исторія россійской Церкви, стр. 276.

мѣрами и украшеніи образы начертати; да не виною неискуснаго начертанія образъ лица нѣкоего святаго небреженіемъ достойнаго си отщетится почитанія... Хощемъ же, да добросвидѣтельствованы иконописцы выну избранни будутъ, воеже бы прочимъ того художества рачителемъ ихъ рукописаньми свидѣтельствованнымъ святыхъ иконъ дѣланіемъ упражнятися[1]».

Несмотря на такую ревность патріарха Никона, царя и знаменитаго собора, домовыя церкви у бояръ Матвѣева и князя Василія Васильевича Голицына были расписаны въ новомъ вкусѣ италіянскими и нѣмецкими художниками. Кромѣ сего, неизвѣстно, стремленіе ли къ новости, или возбужденное между тогдашними иконописцами оказываемымъ имъ уваженіемъ и царскими наградами соревнованіе произвело то, что еще въ половинѣ сего столѣтія, какъ видно изъ дѣла князя Хворостина о латинскихъ образахъ и свидѣтельства бывшаго въ то время въ Москвѣ алеппскаго архидіакона Павла, московскіе иконописцы стали подражать стилю европейской живописи, отважились уклониться отъ освященныхъ давностію формъ греческаго стиля и вводить новыя формы неусвоенныя Церковію [2].

Въ семъ же вѣкѣ преимущественно начали европейцы смотрѣть на Россію, какъ на обѣтованную землю для ихъ корыстолюбивыхъ видовъ. Отъ сего произошло, что европейскіе торговцы стали ввозить въ нее печатныя на бумагѣ картины своего произведенія, а поселившіеся въ Москвѣ иностранные художники начали гравировать на мѣди и вырѣзывать на деревѣ изображенія священныхъ событій и лики святыхъ, которые въ печатныхъ экземплярахъ открыто продавались на рынкахъ. Но какъ сіи эстампы были неискусной работы, а представленные на нихъ святые лики были изображаемы несообразно съ духомъ православной Церкви: то патріархъ Іоакимъ воспретилъ такое злоупотребленіе окружною грамотою, въ которой со скорбію жаловался, что «многіе торговые люди по-

---

[1] Акты, собранные археологическою коммисіею. Томъ IV, стр. 224, 225.
[2] Памятники московской древности, Снегирева, тетрадь I. стр. 67.

купаютъ листы на бумагѣ нѣмецкіе печатные и продаютъ; которые листы продаютъ нѣмцы еретики, лютеры и кальвины, по своему ихъ проклятому мнѣнію, неистово и неправо, наподобіе лицъ своея страны, и въ одеждахъ своихъ странныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, которые обрѣтаются у православныхъ; а они еретики святыхъ иконъ не почитаютъ и ругаяся, развращенно печатаютъ въ посмѣхъ христіанамъ, и таковыми листами иконы святыя на дскахъ пренебреженны чинятся и ради бумажныхъ листовъ иконное почитаніе презирается»[1].

Въ западной части Россіи, отторгнутой Литвою во время порабощенія татарами восточной, иконописцы, при насильственномъ введеніи въ XVI столѣтіи, такъ называемой Уніи, отъ сближенія съ западными художниками заимствовали у нихъ способъ растворять краски для иконнаго письма на постномъ маслѣ, ознакомились отчасти съ правилами рисунка и старались перенять у европейскихъ художниковъ и примѣнить драпировку облаченій къ ликамъ своей кисти, все однакоже имѣя въ виду старинныя греческія иконы. Но безпрестанныя гоненія за вѣру праотцевъ, притѣсненія, коимъ подвергалось самое богослуженіе и происшедшая отъ сего бѣдность храмовъ Божіихъ — не благопріятствовали успѣхамъ иконописанія. Знаменитый же пастырь нашей Церкви, митрополитъ Петръ Могила, не одобрялъ иконописанія во вкусѣ школъ италіанскихъ[2].

Насталъ вѣкъ Петра великаго. Преобразователь Россіи, горя желаніемъ ознакомить русскихъ со всѣми искусствами Европы, посылалъ способныхъ молодыхъ людей для изученія живописному художеству въ Голландію и Италію. Изъ числа русскихъ живописцевъ, образовавшихся въ Европѣ при Петрѣ I, извѣстны, Василевскій, Меркулевъ и Никитинъ, коего произве-

---

[1] Акты, собранные археологическою экспедиціею. Томъ V, стр. 254 и 255; грамота обнародованная 1674 года. [2] Λίθος albo kamień z procy, и сочиненіе Петра Могилы на польскомъ языкѣ подъ вымышленнымъ именемъ Пимена, стр. 20.

денія еще можно видѣть въ обѣихъ столицахъ. Но ни изъ чего не видно, что Петръ помышлялъ о преобразованіи иконнаго письма, по образцамъ школъ италіанскихъ. Иконостасъ походной его церкви, которымъ нынѣ украшенъ храмъ Чесменской больницы, вышитъ шелками и золотомъ по бархату въ старинномъ греческомъ вкусѣ. Кромѣ того указомъ, даннымъ святѣйшему Сѵноду 12 апрѣля 1722 года, Петръ повелѣлъ быть подъ сѵнодальнымъ смотрѣніемъ надзирателемъ надъ иконописцами въ столицахъ русскому иконописцу Ивану Зарудаеву [1]. Одна только, сколько по преданію извѣстно, икона, на коей представленъ нерукотворенный образъ Спасителя и которая, какъ говорятъ, сопровождала Петра во всѣхъ походахъ, а нынѣ хранится въ его деревяномъ домикѣ надъ Невою, кажется не русской кисти.

При Аннѣ Іоанновнѣ русскіе художники Никитинъ и Матвѣевъ писали образа въ италіанскомъ вкусѣ. Изъ частныхъ художниковъ одни подражали рисунку, драпировкѣ одеждъ въ своихъ произведеніяхъ и художественнымъ пріемамъ иностранныхъ живописцевъ, другіе, придерживаясь старинныхъ способовъ, писали иконы во вкусѣ византійскомъ. Гравированные въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны лики святыхъ и предметы священныхъ событій, приложенные къ церковнымъ книгамъ печатаннымъ при Кіевской лаврѣ, особенно же усматриваемые въ Библіи московской печати, доказываютъ, что художники по возможности и способамъ усильно старались о правильности рисунка и чистотѣ гравировки, такъ, что ихъ произведенія мало чѣмъ уступали подобнымъ гравюрамъ, приложеннымъ къ латинскимъ того времени богослужебнымъ книгамъ, печатаннымъ въ Римѣ.

Елисавета Петровна учредила академію художествъ, и особенное прилагала попеченіе о возобновленіи храмовъ и мона-

[1] Памятники московской древности. Тетрадь II, стр. 81. Зарудаеву данъ былъ титулъ: Суперъ-интендента и инструкція 1710 года, мая 11, по силѣ коей онъ наблюдалъ не только за правильностію письма русскихъ иконописцевъ, но и за тѣмъ, чтобы не продавались въ лавкахъ и на рынкахъ иностранныя произведенія религіозныя.

стырей во всей имперіи. Кромѣ того, въ царствованіе сей императрицы воздвигнуты величественные храмы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ Россіи, большею частію во вкусѣ италіанской архитектуры; открылась потребность и приложены ревностныя старанія о возможномъ украшеніи и благолѣпіи вновь воздвигнутыхъ храмовъ. Въ это и послѣдующее время изъ числа воспитанниковъ вновь учрежденной академіи художествъ по церковно-исторической живописи сдѣлались болѣе другихъ извѣстными Лосенко и Якимовъ; но кромѣ ихъ другіе иконописцы почти безъ разбора подражали художникамъ римской Церкви. Къ счастію несоотвѣтственность ихъ произведеній своему назначенію скрывалась особенною, какъ выражаются художники, манерою, или видомъ живописи, заимствованнымъ также у западныхъ живописцевъ, по которому изображаемые предметы представлялись неявственно, какбы въ сумракѣ, а отраженіе свѣта означалось только на нѣкоторыхъ выпуклостяхъ предметовъ, представленныхъ на картинѣ. Но отъ вниманія императрицы Екатерины II не скрылось, что иконописцы своевольно стали уклоняться отъ древнихъ образцовъ; почему она запретила изображать святые лики въ странныхъ и соблазнительныхъ видахъ и повелѣла— подвергать строжайшему наказанію иконописцевъ, поступающихъ вопреки сему запрещенію [1]; а при возобновленіи въ трехъ древнихъ московскихъ соборахъ иконнаго письма 1770 года подтвердила, чтобы вся эта живопись произведена была такъ точно, какъ древняя, безъ отличія [2].

Между тѣмъ какъ въ семъ вѣкѣ и живопись и архитектура, угождая вкусу публики, сдѣлались въ Россіи смиренными, большею частію рабскими, а иногда смѣшными подражательницами италіанскихъ, до той степени, что какъ бы ни были искусны произведенія архитектуры и живописи, они теряли свою цѣну, если не уподоблялись италіанскимъ: въ Римѣ, луч-

---

[1] Указъ состоялся 22 дня августа 1767 года. [2] Памятники московской древности. Тетрадь II, стр 94.

шіе цѣнители живописнаго художества, окруженные образцовыми произведеніями лучшихъ своихъ художниковъ, превозносили похвалами русскихъ иконописцевъ [1], невольно сознавая искусство ихъ кисти въ изображеніи святцевъ, или мѣсяцеслова восточной Церкви въ лицахъ на пяти кедровыхъ доскахъ, которыя Петромъ I подарены были нѣкоему греческому священнику Фокѣ и, бывъ впослѣдствіи куплены какимъ-то маркизомъ каппонійскимъ, сдѣлались извѣстными подъ названіемъ каппонійскихъ или каппоніанскихъ досокъ (tabulae Capponianae) [2]. Но римскіе ученые никакъ не соглашались допустить, что эти доски писаны русскими художниками.

Западная Европа въ семъ столѣтіи ревностно воспитывала нечестіе. Посему, кромѣ германскаго живописца Рафаеля Менгенса, коего произведенія были предметомъ восторженнаго удивленія нѣкоторыхъ современниковъ, религіозную живопись можно почитать отцвѣтшею въ семъ вѣкѣ на Западѣ. Слѣдуя духу времени, художества часъ-отъ-часу болѣе вдохновлялись языческими произведеніями и гнусными гр ами миѳологіи, наконецъ дошли до такого состоянія, что даже такіе люди, какъ Жанъ-Жакъ-Руссо, вопіяли къ соотечественнымъ своимъ ху-

---

[1] Calend. Eccles. Univers. Assemanii. Tom. 1, pag. 34, 150, 151.

[2] Calend. Eccles. Univers. Asseman. Tom. 1, pag. 23. Что такъ названныя каппонійскія доски писаны русскими художниками, очевидно изъ того, что каждый изъ нихъ подписалъ свое имя подъ своимъ произведеніемъ, именно такъ: *писалъ Андрей Ильинъ, Иванъ Васильевъ и Никита Ивановъ.* Кромѣ того всѣ лики святыхъ и церковныхъ событій надписаны на означенныхъ доскахъ русскими словами (Cal. Eccl. Univers. Asseman. Tom. 1, pag. 5, 151). Не смотря на то, римскіе писатели утверждали, будто означенные святцы писаны греческими или сербскими художниками въ Аѳонской горѣ, или въ другомъ мѣстѣ, на томъ единственномъ основаніи, что на нихъ не изображены святые русской Церкви, прославившіеся въ новѣйшія времена, каковы: преподобный Сергій радонежскій, митрополиты: Петръ, Алексій и другія (ibid. pag. 89). Но на нихъ не изображены и лики сс. Владиміра, Ольги и подобныхъ по самой простой причинѣ, что святые отечественной нашей Церкви въ мѣсяцословахъ, особенно старинныхъ, поставлены, какъ говорится, подъ числомъ; а художники не хотѣли писать всѣхъ святыхъ, чтобы святцы совмѣстились на предположенномъ количествѣ досокъ. Мнѣнія о сихъ святцахъ Пареброхія и Кульчинскаго опровергаетъ самъ Ассеманій со всею основательностію.

дожникамъ: «Вотъ настала минута, въ которую кисть ваша, произведенная для усугубленія величества храмовъ нашихъ превосходными и священными изображеніями, падетъ изъ рукъ вашихъ, или подвергнется поношеніямъ, украшая колесницы любострастною живописью. Сады наши украшаются истуканами. Что жь бы вы думали представляютъ сіи совершенныя произведенія искусства, выставленныя для всеобщаго удивленія? Защитниковъ отечества? или — тѣхъ, еще превосходнѣйшихъ мужей, которые обогатили его своими добродѣтелями? Совсѣмъ противное. Вы увидите изображенія всѣхъ заблужденій сердца и разума, тщательно извлеченныхъ изъ древней миѳологіи и заранѣе предложенныхъ любопытству дѣтей нашихъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы они, не научившись еще читать, имѣли въ глазахъ своихъ образецъ всѣхъ порочныхъ дѣйствій» [1]. Впрочемъ, французы и прежде сего, кромѣ Пуссеня и картезіанскаго монаха Лесюера, почти не имѣли знаменитыхъ религіозныхъ живописцевъ. А во времена революціи, французами до той степени овладѣлъ духъ язычества, что прославившійся живописецъ Давидъ желалъ, чтобы произведенія его до того были проникнуты характеромъ языческой древности, чтобы аѳинянинъ, возвратившись съ того свѣта, могъ почесть ихъ произведеніями еллинскихъ художниковъ [2]. Къ историческо-церковнымъ русскимъ живописцамъ XVIII столѣтія, кромѣ вышеупомянутыхъ, можно отнесть еще академика Угрюмова, по его картинамъ: *покореніе Казани и помазаніе на царство Михаила Ѳеодоровича*. Но сіи картины въ области живописи тоже, что трагедія Озерова Пожарскій и другія въ области литературы. Въ нихъ почти ничего нѣтъ русскаго, отъ нихъ вѣетъ Франціей. Въ концѣ сего же вѣка сдѣлалась извѣстною злѣйшая изъ сектъ, отвергающая между прочимъ и иконопочитаніе, именуемая молоканскою, или духоборческою. Не име-

---

[1] Изъ рѣчи Ж. Ж. Руссо, удостоенной въ 1750 году награды за рѣшеніе вопроса предложеннаго дижонскою академіею: *возстановленіе наукъ и художествъ послужило ли къ исправленію нравовъ*? [2] Памятникъ искусствъ, тетрадь IX, стр. 110.

нуя живыхъ и рано для искусства похищенныхъ смертію, Боровиковскій, изъ числа извѣстнѣйшихъ русскихъ живописцевъ, болѣе принадлежитъ настоящему, нежели предшествовавшему вѣку, и справедливость заставляетъ сказать, что онъ едва ли не болѣе другихъ совоспитанниковъ академіи художествъ ощущалъ назначеніе иконописанія. Въ семъ отношеніи изъ числа его произведеній образа, представляющіе преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, Зосиму и Савватія, находящіеся въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Другіе художники текущаго столѣтія, оставивъ манерность своихъ предшественниковъ и усильно стараясь въ своихъ произведеніяхъ подражать во всемъ природѣ, болѣе или менѣе достигли своей цѣли: но за то ошибки и несоотвѣтственность ихъ произведеній съ потребностію св. Церкви сдѣлались очевиднѣе; потому что, какъ изъ тѣхъ же произведеній можно усмотрѣть, сіи художники по большей части не предлагали себѣ для разрѣшенія вопроса: чего желаетъ, ожидаетъ, требуетъ св. Церковь отъ иконописанія? Говорить о частныхъ живописцахъ московскихъ, ярославскихъ, тверскихъ и другихъ предлежащее сочиненіе не предположило своею цѣлію.

Замѣчательно, что въ теченіи настоящаго столѣтія явились живописцы, посвятившіе кисть свою изображенію библейскихъ событій и въ Англіи, гдѣ ученіе Кальвина доселѣ было враждебно такого рода живописи. Въ семъ отношеніи изъ англійскихъ живописцевъ Мартинъ прославился своими картинами: разрушеніе Вавилона и Ниневіи, Исходъ евреевъ изъ Египта и т. д. Сіи и французскаго живописца Горація Вернета картины, Юдиѳь, Елеазаръ и Ревекка, хотя Вернетъ посвятилъ себя другаго рода живописи, показываютъ, что оба сіи живописцы отчасти постигли, что требуется отъ живописца библейскихъ событій.

Италіанскіе художники не производятъ уже въ семъ вѣкѣ ничего достопримѣчательнаго въ такомъ родѣ живописи, въ какомъ прославились Рафаель Урбино, Микель-Анжело, Леонардо-де-Винчи, Доминикино и другіе; а лучшіе изъ современ-

ныхъ италіанскихъ художниковъ почитаютъ Рафаеля Урбино и Микель-Анжело съ ихъ братіею растлителями вкуса истинно христіанскаго [1]. Поэтому поселившійся въ Римѣ пруссакъ Овербекъ сталъ писать образа въ старинномъ вкусѣ на подобіе византійскаго иконописанія. Его выраженія лицъ, постановка ликовъ, драпировка одеждъ подходятъ къ духу христіанской Церкви. Но почти каждое произведеніе кисти Овербека искажено анахронизмами. Такъ на изображеніи его тайной вечери Спаситель представленъ пріобщающимъ св. Апостоловъ облаткомъ. Сверхъ сего достойно вниманія, что царствующій нынѣ баварскій король, отличнѣйшій любитель и цѣнитель искусствъ ваятельнаго и живописнаго, украшаетъ новые въ Баваріи храмы произведеніями живописи въ родѣ византійскаго иконописанія [2].

Долгъ исторіи замѣтить еще, что законами нашего отечества положено наблюдать, чтобы ни въ церквахъ, ни въ продажѣ не было иконъ неискусно, тѣмъ болѣе въ соблазнительномъ видѣ писанныхъ [3]; а незабвенный, благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай I, Высочайше соизволилъ повелѣть, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, въ древнихъ церквахъ безъ Высочайшаго соизволенія не производилось ни малѣйшаго исправленія, возобновленія и измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени [4].

Для какихъ цѣлей св. Церковь ввела въ употребленіе св. иконы?

Св. Церковь призвала въ свою область живописное художество съ тѣмъ, чтобы возвысить его до тѣхъ высокихъ идей, которыя едва доступны уму человѣческому, чтобы сообщить

---

[1] Памятникъ искусствъ. Тетрадь VII, стр. 58. [2] Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи Николая Греча, СПБ. 1839 года. [3] Свода Законовъ Томъ XIV, стр. 101. перваго изданія. [4] Высочайшій указъ 1843 года, апрѣля 20 дня.

живописи направленіе достойное всѣхъ усилій дарованія ниспосылаемаго свыше, именно: чтобы произведенія живописи сдѣлать сообразными съ тѣми самыми цѣлями, для достиженія коихъ Церковь употребляетъ священное Писаніе и проповѣданіе истинъ христіанской вѣры и дѣятельности живымъ словомъ.

1. Главная цѣль иконописанія содѣйствовать живому проповѣданію предметовъ вѣры и священныхъ событій, благодѣтельныхъ для всего человѣческаго рода, къ насажденію и углубленію ихъ въ сердцѣ человѣческомъ. Древніе греки искусство выражать письменами мысли и живопись называли однимъ словомъ *γραφή*—*письмо*. По сей причинѣ и у римлянъ, вмѣсто нашего выраженія *разсматривать*, употреблялось слово — *legere* — *читать* изображенія [1]. Можетъ быть, такой образъ выраженія произошелъ оттого, что до изобрѣтенія буквъ у нѣкоторыхъ народовъ понятія о вещахъ изображались знаками, имѣвшими нѣкое сходство съ предметами, на которые хотѣли указать. Такіе знаки сперва сокращены въ іероглифическія начертанія, а потомъ замѣнены буквами, или условными чертами, означающими звуки, изъ коихъ состоитъ человѣческое слово. Но не входя въ изслѣдованіе о семъ предметѣ, нельзя не замѣтить, что хорошо написанныя иконы можно уподобить буквамъ, чрезъ которыя духовные предметы какбы исходятъ въ міръ явленій. И опытъ доказываетъ, что «живопись, какъ говоритъ св. Григорій великій, для незнающихъ письменъ такую же приноситъ пользу, какую писаніе умѣющимъ читать: потому что необразованные, взирая на произведенія живописи, усматриваютъ то, чему, по вѣрѣ, должны слѣдовать, такъ, что по нимъ учатся незнающіе письменъ [2].»

Отъ сего происходитъ, что въ древности многія иконы писали почти іероглифически, т. е. съ такими символами, которые при воззрѣніи на икону скорѣе могли сообщить понятіе

---

[1] Perlege dispositas annosa per atria ceras. Ovidius. Libr. I. Fast. [2] Oper. Greg. papae. epist. ad Serenum Massilensem episc. pag. 1100.

изображаемаго предмета, напр. Іоанна Крестителя изображали съ крыльями [1], потому что объ немъ через пророка Малахію Духъ Св. предрекъ: *Се Азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ Моимъ.* [2] И доселѣ живописцы латинскаго вѣроисповѣданія для утвержденія догмата о главенствѣ папы, апостола Петра пишутъ съ ключами [3], хотя символическое выраженіе власти прощать грѣхи кающихся, и не разрѣшать совѣсти нераскаянныхъ, означаемое ключами, относится ко всей Церкви, такъ какъ власть эту Спаситель далъ всѣмъ Апостоламъ. Апостола Павла изображаютъ иконописцы съ мечемъ, каждаго изъ четырехъ Евангелистовъ съ однимъ изъ четырехъ лицъ херувимовъ, явившихся въ видѣніи пророку Іезекіилю. [4] Будучи орудіемъ Церкви къ озаренію людей свѣтомъ истинной вѣры, которая вездѣ, куда только проникла, разогнала мракъ языческихъ заблужденій, иконописаніе не только не подвергаетъ вѣрующихъ опасности впасть въ идолопоклонство, но даже предохраняетъ отъ него, такъ что исторія не представляетъ примѣра, чтобы гдѣ-либо христіане такое же имѣли понятіе о иконахъ, какое язычники о своихъ идолахъ. Какъ портрета какого либо знаменитаго лица, напримѣръ государя, ни одинъ самый необразованный христіанинъ не почтетъ за самое то лицо, которое представлено на портретѣ: такъ не сочтетъ онъ иконы за тотъ самый предметъ, который на ней изображенъ. Онъ только не въ состояніи выразить ученымъ образомъ своихъ мыслей, но понятія его вѣрны. Въ истинѣ сего сомнѣвающійся легко можетъ удостовѣриться, вслушавшись въ бесѣды нашихъ простолюдиновъ, какія между ними бываютъ при стеченіи ихъ въ храмы или знаменитыя монашескія обители. При взглядѣ на изображенія, обратившія на себя ихъ вниманіе, они, если сами не знаютъ, всегда стараются найти кого либо, кто бы имъ изъяснилъ предметъ пред-

---

[1] Къ иконамъ сего рода можно отнести икону Софіи Премудрости Божіей въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ Юрьевскомъ монастырѣ икону Божіей Матери, именуемую Неопалимая купина, и т. п. [2] Малах. 3, 1. [3] Матѳ. 16, 19. [4] Іезекіил. 1, 10.

ставленный на иконѣ. Такимъ образомъ иконописаніе становится для простаго сословія людей какбы символическимъ катихизисомъ, по которому народъ пріобрѣтаетъ понятія о предметахъ религіи.

2. Также доказано опытомъ, что, по причинѣ поврежденія нашей природы, всегда склонной ко злу, въ мірѣ семъ, исполненномъ соблазновъ, и высшаго сословія люди, самые образованные, для преспѣянія въ святости жизни сознаютъ потребность окружать себя символами Божественнаго вездѣприсутствія, возбуждающими благочестивыя чувствованія. А можно ли для сей цѣли придумать символы поразительнѣе иконъ? Въ семъ смыслѣ говоритъ Григорій великій въ письмѣ къ нѣкоему Секундину: «Я послалъ тебѣ иконы (Спасителя, Божіей Матери, св. апостоловъ Петра и Павла), которыя ты просилъ написать для тебя. Ибо мнѣ весьма пріятно твое требованіе: такъ какъ ты всѣмъ сердцемъ и желаніемъ ищешь того, коего образъ желаешь имѣть предъ очами своими, чтобы ежедневное чувственное созерцаніе содѣлало тебя опытнымъ (въ дѣлѣ спасенія) и взирая на икону, ты пылалъ любовію къ тому, коего желалъ имѣть образъ». [1]

Съ противной стороны, не отъ того ли, съ усиленіемъ растлѣнія нравовъ, въ иномъ домѣ вовсе не видно иконъ, чтобы онѣ не напоминали живущимъ въ домѣ о судѣ Божіемъ, о вѣчности и другихъ истинахъ христіанства — страшныхъ для нераскаяннаго грѣшника?

3. Производя въ насъ благочестивыя ощущенія, иконы служатъ сверхъ того сильнымъ побужденіемъ къ подражанію добродѣтелямъ, какбы олицетвореннымъ въ жизни Спасителя и благоугодившихъ Богу своими подвигами. Еще язычники утверждали, что преспѣянію въ добродѣтели много содѣйствуетъ живое воспоминаніе, по которому бы, какбы предъ очами нашими, представлялся образъ какого-либо важнаго, добродѣтельнаго

---

[1] Oper. S. Greg. pap. Tom. I. pag. 971. Libr. IX. Epist. LII. ad Secundinam.

мужа [1], безъ сомнѣнія потому, что «какъ живописцы», по замѣчанію св. Василія великаго, «когда снимаютъ съ какихъ нибудь изображеній копіи, часто взирая на образцы, стараются перенесть съ нихъ подобіе на свое произведеніе: такъ и старающіеся объ усовершенствованіи себя въ каждой въ частности и вообще во всѣхъ добродѣтеляхъ, какъ на живыя нѣкія и дѣйствующія изображенія должны взирать на жизнь святыхъ и подражать тому, что въ нихъ хорошо.» [2] Греки и римляне выставляли въ открытыхъ мѣстахъ изображенія и статуи своихъ героевъ для поощренія соотечественниковъ къ подвигамъ самопожертвованія въ пользу своего отечества. Тѣмъ болѣе для блага всего человѣчества необходимы побужденія къ подражанію христіанскимъ добродѣтелямъ праведниковъ, прославляемыхъ Церковію. [3]

4. По опыту извѣстно, что возбудивъ въ сердцѣ нашемъ благочестивыя ощущенія, иконы, написанныя соотвѣтственно своему назначенію, окриляютъ духъ нашъ благоговѣніемъ и молитвою къ Богу, — что устремленный на нихъ взоръ, сосредоточивая наши мысли, укрѣпляетъ душевныя силы въ молитвен-

---

[1] Seneca. Lucio Epist. XI. [2] Oper. S. Basilii. Tom. III. Epistola 2 ad Gregorium. [3] Одну изъ могущественнѣйшихъ силъ, которыми римская пропаганда и вообще паписты удерживаютъ своихъ послѣдователей въ слѣпомъ послушаніи своимъ видамъ и совращаютъ въ латинство полуобразованныя сословія другихъ вѣроисповѣданій, составляютъ образки, или картинки, которыми украшаютъ они религіозныя книги и брошурки, большею частію стереотипнаго роскошнѣйшаго изданія, въ безчисленныхъ, самыхъ разнообразныхъ, преимущественно крошечныхъ, форматахъ, въ видѣ альманаховъ, молитвенниковъ и т. д. Кромѣ того латинскіе пасторы религіозныя, большею частію фантастически-фанатическія картинки раздаютъ дѣтямъ при чтеніи катихизиса и въ другихъ случаяхъ, а чаще всего на духу лицамъ женскаго пола — со внушеніемъ, что вручаемая картинка должна напоминать кающейся обѣтъ или исправленія въ какомъ нибудь порокѣ, или какого нибудь приношенія въ ихъ костелы. Какихъ можно бы ожидать плодовъ, если бы у насъ не пренебрегали средствами для напечатлѣнія въ юношескихъ сердцахъ чистыхъ христіанскихъ истинъ и назидательныхъ примѣровъ; если бы они въ домахъ родителей разсматривали религіозныя картинки, а не журналы: Искра, Заноза и т. п.? Но къ прискорбію, тогда какъ вымышленная *мадамъ Курдюкова* прославлена лучшими политипажными картинками, наши нравственно-духовныя книжечки или безъ всякихъ украшеній, или съ такими не то гравюрами, не то политипажами, что ихъ совѣстно показать иностранцу.

номъ подвигѣ. Если же, испытывая столь благодатное отъ иконъ одушевленіе, христіане, руководствуемые св. Церковію, благоговѣйно чествуютъ самыя иконы: то воздаваемое имъ чествованіе не есть ли только выраженіе нашего благоговѣнія къ самому Богу и любви въ отношеніи къ тѣмъ, коихъ лики представлены на иконахъ? Менѣе ли оно естественно признательности, по которой добрый сынъ цѣлуетъ изображеніе своихъ родителей, а вѣрноподданный съ почтительною любовію взираетъ на портретъ своего государя? «Мы вѣрные», говоритъ св. Аѳанасій, «не по иному побужденію чествуемъ иконы, какъ по любви къ тѣмъ, которые изображены на иконѣ. И въ этомъ случаѣ поступаемъ подобно тому, какъ поступаетъ сынъ, привѣтствуя родителей.» [1] А по словамъ св. Григорія папы, «мы не предъ иконою, какъ предъ Божествомъ, повергаемся; но воздаемъ поклоненіе Тому, коего посредствомъ иконы воспоминаемъ или рожденіе, или страданіе, или сидѣніе на престолѣ (славы).» [2]

Вотъ для какихъ цѣлей св. Церковь освятила употребленіе иконъ и предписала чествовать ихъ. Она желаетъ, чтобы онѣ были поучительны, возжигали въ насъ духъ благочестія, возбуждали къ подражанію добродѣтелямъ, какбы олицетворённымъ въ жизни Спасителя и святыхъ, доставляли намъ подкрѣпленіе въ молитвѣ и были какбы проводниками нашего благоговѣнія къ Богу и общенія со святыми. «Аки царскимъ путемъ шествующе», говорятъ св. отцы седмаго вселенскаго собора, «послѣдующе богоглаголивому ученію св. отецъ нашихъ и преданію св. Церкви (вѣмы бо, яко сія есть Духа Св., въ ней живущаго), со всякою достовѣрностію и тщательнымъ разсмотрѣніемъ опредѣляемъ: подобно изображенію честнаго креста, полагати во святыхъ Божіихъ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дскахъ, въ домахъ и на путяхъ, честныя и святыя иконы, написанныя

---

[1] Oper. S. Athanasii Alexandrin. pag. 272. Quaestion. ad Antiochum. Quaestio XXXIX. [2] Epistola LII. ad Secundinum. Oper. S. Gregorii papae. Tom. I. Libr. IX. indictio II. pag. 971.

красками и изъ дробныхъ каменій и изъ другаго способнаго къ тому вещества устрояемыя, якоже иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и непорочныя Владычицы нашея св. Богородицы, такожде, и честныхъ Ангеловъ, и всѣхъ святыхъ и преподобныхъ мужей. Елико бо часто чрезъ изображеніе на святыхъ иконахъ видимы бываютъ, потолику взирающіи на оныя подвизаемы бываютъ воспоминати и любити первообразныхъ имъ, и чествовати ихъ лобызаніемъ и почтительнымъ поклоненіемъ, не истиннымъ по вѣрѣ нашей богопоклоненіемъ, еже подобаетъ единому Божественному естеству, но почитаніемъ по тому образу, якоже изображенію честнаго и животворящаго креста и св. Евангелію и прочимъ святымъ, ѳиміамомъ, и постановленіемъ свѣщей честь воздается, яковый и у древнихъ благочестивый обычай былъ. [1] Ибо честь воздаваемая образу преходитъ къ первообразу, и покланяющіися иконѣ покланяются существу изображеннаго на ней.» [2] Сообразно съ симъ и на соборѣ, состоявшемся въ Москвѣ 1667 года, на коемъ, кромѣ московскаго, присутствовали патріархи Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, положено: «еже призрѣти окомъ благоразсмотрѣнія на писаніе честныхъ и святыхъ иконъ и на иконописатели, да оныя лѣпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ искуснымъ разсмотромъ художества пишемы будутъ, воеже бы всякаго возраста вѣрнымъ, благоговѣйная очеса си на ня возводящимъ къ сокрушенію сердца, ко слезамъ покаянія, къ любви Божіи и святыхъ Его угодниковъ, и подражанію житію ихъ богоугодному возбуждатися, и предстояще имъ мнѣти бы на небеси стояти себе предъ лицы самыхъ первообразныхъ.» [3]

---

[1] Удивительно, что иконоборцы, обращая вниманіе на одну внѣшность поклоненія иконамъ, не хотѣли слушать, какое значеніе давала ему св. Церковь, какую имѣло цѣль чествованіе иконъ? Объяснимъ сіе примѣромъ. Полковыя знамена, конечно не божества, но имъ оказывается военная почесть, которая, имѣя въ военной дисциплинѣ возвышенный смыслъ, приноситъ ожидаемую отъ того пользу. [2] Книга правилъ св. Апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ, стран. 5 и 6. [3] Акты собран. археологическою экспедиціею. Томъ IV, стр. 224 и 225 въ окружной царской грамотѣ объ иконномъ писаніи.

Характеръ иконописанія именуемаго греческимъ.

Достигаетъ ли предположенныхъ Церковію цѣлей иконописаніе именуемое греческимъ (также византійскимъ и корсунскимъ)[1], коимъ въ Россіи еще многіе занимаются? При первомъ взглядѣ на нѣкоторыя иконы сего рода явно усматривается неправильность, или искаженіе рисунка, неискуственность драпировки въ одеждахъ, незнаніе поверхностей анатоміи человѣческаго тѣла, монотонія, или единообразіе въ лицахъ (по которому всѣ лики, представленные на одной иконѣ, другъ на друга похожи какъ родные), совершенное отсутствіе перспективныхъ соображеній, или выраженія оптической близости и отдаленности предметовъ, многократное повтореніе одного и того же лица на одной и той же иконѣ, только въ различныхъ положеніяхъ (тогда какъ икона, если она не подраздѣлена какбы рамами на многія, естественно должна представлять только одинъ моментъ какого-либо событія), безъискуственное сочетаніе свѣта и тѣни, отчего иконы иногда походятъ на ткань пеструю.

При всемъ томъ, усматриваемая на иконахъ греческаго стиля скромность положенія изображаемыхъ ликовъ, отсутствіе въ ихъ тѣлѣ и лицахъ дебелости и красноты, соотвѣтствующее идеѣ объ изнуреніяхъ и подвигахъ, коими благоугодившіе Богу стяжали царствіе небесное, строгое соблюденіе костюмовъ, болѣе вѣрныхъ историческимъ о древнихъ одеждахъ преданіямъ, нежели костюмы изображаемые новѣйшими живописцами, отсутствіе наглаго обнаженія разныхъ членовъ человѣческаго тѣла, изумительная тщательность въ отдѣлкѣ, по которой кажется, что иконописцы не только съ особеннымъ терпѣніемъ, но съ религіознымъ одушевленіемъ писали иконы,—все это извиняетъ въ нихъ недостатокъ искусства, такъ что христіанинъ, даже

[1] Списокъ русскимъ памятникамъ Петра Кеппена. Москва, 1822 года, стр. 38.

привыкшій восхищаться произведеніями новѣйшей живописи, при воззрѣніи на икону, написанную во вкусѣ византійскомъ, не можетъ не сказать, что художникъ усильно старался, по возможности и своему разумѣнію, представить предметъ достойный благоговѣнія взирающихъ на икону.

Не отнесть ли еще къ недостаткамъ или безвкусію сего рода живописи листоваго золота, которымъ обыкновенно иконописцы украшаютъ свои произведенія, и яркости цвѣтовъ, происходящей отъ того, что всѣ роды красокъ растворяемыхъ на яичномъ желткѣ проявляютъ свою естественную живость? Съ одной стороны это дѣйствительно походитъ на недостатокъ вкуса, особенно отъ неумѣнья иконописцевъ соблюсти постепенность сліянія свѣта и тѣни. Но если съ другой стороны мы, по врожденному нѣкоему чувству, не иначе представляемъ себѣ міръ духовный, особенно тѣ обители блаженства, въ коихъ Богъ особеннымъ образомъ являетъ Ангеламъ и духамъ праведныхъ свое присутствіе, какъ въ самомъ восхитительномъ свѣтѣ: то блескъ золота и яркость цвѣтовъ, которые усматриваются на иконахъ византійскаго стиля, при воззрѣніи на нихъ невольно увлекаютъ въ міръ духовный, или по меньшей мѣрѣ напоминаютъ объ немъ не только необразованнымъ, но и умѣющимъ цѣнить искусство новѣйшей живописи: между тѣмъ какъ для возбужденія подобныхъ ощущеній посредствомъ италіанской живописи требуется самое изящное произведеніе и нетолько умѣнье судить о красотахъ ея, а даже особенная точка взгляда на изображеніе. Вотъ, между прочимъ, причины, по которымъ люди простые, дышущіе благочестіемъ, предпочитаютъ иконы византійскаго стиля произведеніямъ италіанской живописи, и равнодушны къ послѣднимъ. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что церковная живопись требуетъ непремѣнно золота и яркости красокъ; но что она требуетъ всего того, что можетъ зрителя, при посредствѣ искусства, переносить въ міръ духовный; что чувство, руководствующееся духомъ благочестія, хотя бы и простыхъ людей, достойно уваженія, достойно того, чтобы искусства старались снисходить къ нему. И люди

размышляющіе, умудренные опытами жизни, умѣютъ цѣнить и угождать ему. Такъ одинъ знаменитый въ нашемъ отечествѣ сановникъ протестантскаго исповѣданія, устроивъ въ своемъ имѣніи для крестьянъ своихъ церковь, заказалъ украсить ее иконами такъ называемаго греческаго письма, и столько объ этомъ заботился, что, по его требованію, иконописецъ прежде размѣщенія иконъ въ церкви на иконостасѣ, долженъ былъ каждую изъ нихъ показывать ему. Однажды одинъ русскій вельможа, заставъ его занятаго разсматриваніемъ такихъ иконъ, въ изумленіи воскликнулъ: «помилуйте, NN., неужели вы изъ протестанта сдѣлались раскольникомъ, что составили для себя такую коллекцію суздальскихъ иконъ?» — «Не то», отвѣчалъ послѣдній, «я заказалъ эти иконы для церкви моихъ крестьянъ: потому что при первомъ взглядѣ на иконы такого письма, гдѣ бы онѣ ни были поставлены, каждому приходитъ на мысль, что онѣ представляютъ предметъ благоговѣнія, тогда, какъ въ картину италіанскаго письма предварительно надобно всмотрѣться и притомъ взоромъ знатока въ живописи, чтобы узнать, что она представляетъ предметъ религіозный. По моему мнѣнію», присовокупилъ онъ, «италіанская живопись имѣетъ сходство съ игрою на скрипкѣ, а живопись византійскаго стиля съ игрою на фортепіано. Надобно быть игроку на скрипкѣ отличнымъ виртуозомъ, чтобы слушать игру съ удовольствіемъ, когда онъ играетъ соло: а на фортепьяно и простая пѣсенка, сыгранная отрокомъ, не терзаетъ слуха. Въ подобномъ отношеніи греческое иконописаніе къ италіанской живописи. Нужна самой превосходной кисти картина какой нибудь италіанской школы, чтобы возбудила во мнѣ чувство благоговѣнія: а икона и посредственно написанная въ греческомъ стилѣ возбуждаетъ во мнѣ религіозныя ощущенія.» [1]

---

[1] Этотъ анекдотъ разсказанъ автору бывшимъ начальникомъ гренадерскаго корпуса генераломъ Набоковымъ. Упоминаемый въ анекдотѣ сановникъ протестантскаго вѣроисподанія, покойный шефъ жандармскаго корпуса графъ Бенкендорфъ.

Впрочемъ само собою разумѣется, что именемъ иконописанія византійскаго, греческаго, корсунскаго означаются лучшія произведенія лучшихъ въ семъ родѣ иконописцевъ, а не тѣ издѣлія, кои выходили въ свое время изъ рукъ суздальцевъ, обратившихъ иконописаніе изъ корыстныхъ видовъ въ простое ремесло. Отличительныя черты такихъ издѣлій — совершенное отсутствіе правильности въ рисункѣ и мертвенная безжизненность въ лицахъ, которыя изображаются мрачными, почти на подобіе эѳіопскихъ. Такія издѣлія по справедливости вошли въ притчу, подъ названіемъ суздальскихъ. Но съ другой стороны, чего стоятъ безчисленныя произведенія бездарныхъ живописцевъ въ родѣ италіанской живописи? Въ какихъ положеніяхъ не изображаютъ они Ангеловъ, св. мучениковъ и мученицъ? Въ какихъ каррикатурныхъ видахъ не представляютъ они евангелистовъ, святителей и другіе лики? А такія произведенія въ употребленіи не столько отъ недостатка въ художникахъ, сколько отъ того, что сіи не имѣютъ надлежащаго руководства, которому бы могли слѣдовать, занимаясь иконописаніемъ; не имѣютъ почти никакихъ свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, которые пишутъ по заказу. Всѣ познанія ихъ заключаются въ умѣньи какъ нибудь рисовать, растворять краски для письма, и въ какихъ нибудь изустныхъ преданіяхъ своихъ мастеровъ, которые и сами ничего не знаютъ. Не достойны ли подобныя произведенія большаго еще осужденія, нежели издѣлія вошедшія въ притчу подъ именемъ суздальскихъ?

Критическій взглядъ на церковно-историческую живопись школъ италіанскихъ и вообще новѣйшую.

Правильность и свобода рисунка, глубокое изученіе поверхностной анатоміи человѣческаго тѣла, искусное размѣщеніе свѣта и тѣни, правильность въ подборѣ цвѣтовъ, вѣрность и чистота кисти, искусство въ расположеніи и соблюденіи разно-

образія лицъ, знаніе перспективы или оптическаго разстоянія предметовъ, усовершенствованіе механизма и знаніе всѣхъ новѣйшихъ открытій и способовъ живописнаго художества, безспорно, въ большей или въ меньшей мѣрѣ принадлежатъ исторической живописи, называемой вообще италіанскою. Она произвела многіе лики Апостоловъ почти образцовые, создала многіе идеалы святыхъ въ духѣ римской Церкви, стараясь съ напряженнымъ усиліемъ увѣковѣчить подвиги своихъ Францисковъ, Доминиковъ, Лойолъ, Розалій, Терезій и проч., выставила многія историческія картины, отличныя по сочиненію и размѣщенію на нихъ дѣйствующихъ лицъ и по искусному сочетанію свѣтотѣни и т. д. Но, образовавшись подъ вліяніемъ истукановъ и барельефовъ, представляющихъ противные христіанскому духу предметы языческой религіи, во время господствовавшаго въ Итали растлѣнія нравовъ, ввела въ свои произведенія своеволіе оскорбительное для истинно-христіанскаго чувства, измѣнила облаченія (костюмы) Богоматери и другихъ святыхъ, освященныя древностію, и воспламененная пластическими произведеніями языческихъ художниковъ безъ всякой нужды, кстати и не кстати стала выказывать свое искусство въ обнаженіи различныхъ членовъ человѣческаго тѣла; а подъ именемъ Ангеловъ на всѣхъ своихъ произведеніяхъ—изображать языческихъ геніевъ въ такихъ своевольныхъ положеніяхъ, въ какихъ не представляли ихъ и языческіе художники.

Доведенная на такихъ условіяхъ до высочайшаго совершенства, италіанская живопись сдѣлалась образцовою для живописцевъ другихъ странъ, такъ что всѣ почти безотчетно принялись превозносить ея произведенія и подражать имъ. А какъ всякое подражаніе, естественно, слабѣе своихъ подлинниковъ; то оно въ области живописи породило множество произведеній уродливыхъ, предосудительнѣе издѣлій италіанской кисти. Казалось бы, что время и безпристрастное соображеніе, чего требуетъ св. Церковь отъ живописнаго художества, постепенно должны были охладить фанатическое удивленіе вмѣстѣ съ безотчетнымъ подражаніемъ произведеніямъ италіанской живописи.

Но оно съ равною силою, какъ въ другихъ странахъ Европы, такъ и въ нашемъ отечествѣ, доселѣ господствуетъ отъ того, что призванные природнымъ влеченіемъ въ область художествъ вступаютъ на поприще живописнаго и продолжаютъ свои подвиги, не получивъ предварительно основательнаго религіознаго воспитанія, не стараясь пріобрѣсть свѣдѣній о духѣ св. писанія, о жизни первобытныхъ христіанъ, о подвигахъ благоугодившихъ Богу своею жизнію. Между тѣмъ какъ, если бы наши живописцы отвергли тотъ предразсудокъ: будто италіанская живопись достигла крайняго предѣла совершенства, будто предписанныя ею условія суть непреложныя правила, будто формы, въ какихъ явились ея произведенія, неизмѣнны; съ другой стороны, еслибъ избравшіе для себя церковно-историческую живопись были проникнуты духомъ истиннаго православія, духомъ восточной Церкви, старались быть христіанами въ полномъ значеніи слова, и съ безкорыстнымъ самоотверженіемъ посвятили себя олицетворенію великихъ идеаловъ христіанства; то въ прославленныхъ, возвеличенныхъ именемъ образцовыхъ произведеніяхъ италіанскихъ школъ, усмотрѣли бы столь неизвинительные недостатки и погрѣшности, что сіи образцы представились бы неболѣе какъ плодами жалкой восторженности и болѣзненнаго воображенія италіанскихъ художниковъ, нимало несоотвѣтствующими той цѣли, для достиженія коей св. Церковь призвала въ свою область живописное художество.

Въ подтвержденіе сказаннаго, взглянемъ безпристрастно на прославляемыя до безконечности произведенія живописи италіанскихъ школъ. Во главу ихъ обыкновенно ставятъ извѣстныя картины Рафаэля Санціо, представляющія: Преображеніе Господне и Богоматерь, или какъ художники обыкли говорить, Мадонну, хранящуюся въ Дрезденской картинной галереѣ. Въ первой картинѣ, какъ извѣстно, Рафаэль представилъ два событія, совершающіяся, по его предположенію, въ одномъ мгновеніи: Преображеніе Господне и бѣснованіе сына нѣкоего человѣка. Такъ какъ, по свидѣтельству Евангелія, когда Спаситель сошелъ съ Ѳаворской горы, на которой Онъ преобразился

предъ учениками своими, отецъ бѣснующагося, подойдя съ несчастнымъ сыномъ своимъ къ Господу [1], со скорбію жаловался, что Апостолы не могли исцѣлить сына его; то Рафаэль вообразилъ, что этотъ отецъ приводилъ бѣснующагося своего отрока къ Апостоламъ во время самаго Преображенія Господня, и что демонъ обладавшій отрокомъ, какбы ощущая славу Преображенія Христова, съ большимъ насиліемъ терзалъ свою жертву. Но по свидѣтельству евангелиста Луки, отецъ привелъ къ Спасителю бѣснуемаго своего сына на другой уже день по сошествіи Господа съ горы преображенія [2], и ниоткуда не видно, что онъ приводилъ отрока къ Апостоламъ во время самаго Преображенія Господня. Могло случиться, что приводилъ его въ другое время, напр. когда Спаситель восходилъ на гору или сходилъ съ нея.

Въ отношеніи къ самому искусству эта картина представляетъ ту несообразность, что гора, на коей совершается Преображеніе, изображена въ столь близкомъ разстояніи отъ мѣстопребыванія другихъ Апостоловъ, коихъ Спаситель не благоволилъ сдѣлать свидѣтелями своего Преображенія, что и они подобно апостоламъ Петру, Іакову и Іоанну вмѣстѣ съ окружающимъ ихъ народомъ не могли не видѣть, что лице Спасителя возсіяло наподобіе солнца, и ризы Его возблистали подобно снѣгу: потому что лики Спасителя и Апостоловъ, бывшихъ на Ѳаворѣ, мало чѣмъ меньше лицъ изображенныхъ группами подъ горою, а сія послѣдняя не только на гору, но и на холмъ порядочный не похожа.

Картина извѣстная подъ именемъ Дрезденской Мадонны, по изобрѣтенію и выполненію, едва ли не превосходнѣе картины Преображенія. Но это чисто плодъ фантазіи. Богоматерь, держащая Богомладенца представлена на небесахъ, или лучше въ вѣчности, окружена безчисленнымъ множествомъ умныхъ силъ едва примѣтныхъ въ безпредѣльности небеснаго міра. Но Богоматерь носила въ своихъ объятіяхъ Спасителя на землѣ, а не на небѣ, гдѣ предстоитъ теперь престолу Сына

[1] Матѳ. 17, 14. [2] Лук. 9, 37—40.

своего и Бога. Богомладенецъ представленъ нагимъ, развѣ потому только, что Рафаэлю хотѣлось выказать свое искусство въ изображеніи нагаго младенческаго тѣла. Спрашивается еще: по какому побужденію изъ числа всѣхъ святыхъ Рафаэль помѣстилъ на этой картинѣ въ такой близости къ Богоматери только великомученицу Варвару и папу Сикста? Что за преимущество ихъ предъ другими святыми? Подлинно ли это изображена Рафаэлемъ Варвара? Едва ли. Потому что это лицо частенько любилъ онъ повторять въ своихъ произведеніяхъ; или развѣ потому это великомученица Варвара, что при ней изображена башенка съ тремя окнами, которая неизвѣстно какъ очутилась на небѣ? Ангелы ли, или языческіе геніи изображены внизу сей картины? При такомъ соображеніи явно, что комментарій на эту картину г. Василія Жуковскаго, по своей восторженности и теплотѣ чувства, болѣе достоинъ удивленія, нежели самая картина.

На картинѣ Леонарда де-Винчи: Тайная вечеря, изящнѣйшей по выраженію смятенія въ лицахъ Апостоловъ, пораженныхъ изреченіемъ Спасителя: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, — Спаситель и Апостолы изображены сѣдящими на скамейкахъ; тогда какъ, по свидѣтельству Евангелія и восточному обычаю, общему съ обыкновеніемъ древнихъ грековъ и римлянъ, они *возлежали* на одрахъ, похожихъ на наши софы. Подобно сему почти не возможно найти церковноисторической картины, какой бы то ни было италіанской школы, въ которой не было бы или очевидныхъ анахронизмовъ, или чего либо такого, что еще предосудительнѣе, оскорбительнѣе для чувства истинно благочестиваго.

Такъ, въ противность свидѣтельству всей христіанской древности, италіанскіе живописцы нерѣдко изображаютъ Спасителя пріобщающаго Апостоловъ на Тайной вечери опрѣснокомъ, пастырей воздающихъ, по указанію Ангела, поклоненіе Богомладенцу лежащему въ яслехъ, представляютъ въ видѣ италіанскихъ пастуховъ, греческихъ святителей первыхъ восьми вѣковъ—въ облаченіяхъ римскихъ епископовъ новѣйшаго времени, Богоматерь и святыхъ женъ — въ одеждахъ самыхъ прихотливыхъ, своевольныхъ, въ положеніяхъ изысканныхъ, позорищныхъ. Спасителя воскре-

шающаго, преобразующагося и возносящагося на небо, также Ангеловъ и святыхъ возносящихся въ горняя, или нисходящихъ на землю, пишутъ такъ, какъ будто бы подобныя дѣйствія стоятъ Спасителю, Ангеламъ и духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, какихъ-либо усилій! По понятіямъ христіанскимъ, Вездѣсущій по Божеству является, гдѣ хочетъ, въ одно мгновеніе, безъ малѣйшаго усилія; подобно сему святые и безплотные духи почти съ такою же удобностію по волѣ Божіей восходятъ на небо и нисходятъ на землю, если то нужно, съ какою мысль наша обтекаетъ небо и землю.

Подобныхъ несообразностей церковно-исторической италіанской живописи невозможно исчислить. Но нельзя умолчать о томъ, что многія изображенія святыхъ, написанныя живописцами римской Церкви, какъ исторически извѣстно, не что иное, какъ портреты лицъ самыхъ обыкновенныхъ; картину, напримѣръ, извѣстную подъ именемъ Madonna della Seoggiola, Рафаэль написалъ съ одной молодой женщины, дочери бочара, которую онъ случайно увидѣвъ съ младенцемъ на колѣнахъ, за неимѣніемъ при себѣ ни бумаги, ни холста, первоначально сдѣлалъ углемъ очеркъ ея на днѣ боченка [1]. Нѣкоторыя изображенія святыхъ были даже списаны съ лицъ не очень похвальнаго поведенія, напр. картина подъ именемъ Магдалины, стоявшая до революціи въ парижской церкви кармелитскаго монастыря, написана Ле-Брюномъ съ извѣстной Ла-Вальеръ [2]. Можно съ достовѣрностію дѣлать подобныя заключенія о многихъ картинахъ церковно-исторической италіанской живописи: потому что, при разсматриваніи ихъ, очевидно, что живописцы старались о соблюденіи одной естественности въ своихъ произведеніяхъ, нимало не думая о томъ, что изображали предметы духовнаго міра и такихъ людей, которые хотя жили въ настоящемъ мірѣ, но не были отъ міра сего. Какая же

---

[1] Смотри эстампъ подъ названіемъ: Рафаэль Санціо, рис. А. Рудневъ, печат. въ литографіи А. Чишкова 1838 года. [2] Письма русскаго путешественника часть 7, стр. 252.

польза для христіанства, для самаго общежитія отъ такихъ произведеній? Слава художниковъ? Но что въ ней, когда ихъ произведенія тонкій ядъ для нравственности? Если по мнѣнію св. Исидора Пилусіота, «недостойны названія искусствъ тѣ упражненія, которыя не имѣютъ цѣлію пользы общежитія»[1]: то подобныя упомянутымъ произведенія италіанскихъ школъ не должно ли почесть злоупотребленіемъ высокаго таланта, даннаго человѣку Богомъ во славу пресвятаго своего имени?

Произведенія въ этомъ родѣ русскихъ художниковъ, даже самыхъ лучшихъ, какъ подражаніе образцамъ италіанской школы, по сему самому, ниже своихъ подлинниковъ. Ни изъ чего не видно, чтобы кто-либо изъ даровитыхъ нашихъ живописцевъ рѣшился проложить для себя особенный путь въ области церковно-исторической живописи, стать выше образцовъ италіанскихъ школъ. Кажется, будто враждебный нѣкій духъ удостовѣрилъ ихъ, что художникъ не въ состояніи пріобрѣсть другой славы, кромѣ той, что онъ можетъ сравниться съ италінскими живописцами. Отъ этого произошло, что многія произведенія русскихъ художниковъ и по сочиненію и по манерѣ кажутся копіями какихъ нибудь италіанскихъ картинъ и на нихъ похожи, какъ почерки одной руки; что на каждомъ почти произведеніи образованнѣйшихъ нашихъ живописцевъ можно усматривать тѣ же анахронизмы и несообразности съ духомъ истиннаго христіанства, какими запечатлѣны картины италіанскихъ школъ. Если же нѣкоторые изъ русскихъ художниковъ хотѣли, по чувству народности, сдѣлаться какъ будто оригинальными: то по недостатку точныхъ познаній о тѣхъ предметахъ, которые предпринимали выразить своею кистью, впали въ другія ошибки. Представимъ на сіе доказательства.

Одинъ, впрочемъ знаменитый, живописецъ, желая изобразить тотъ моментъ, когда Спаситель на Тайной вечери сказалъ ученикамъ своимъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, поставивъ апостола Петра у порога горницы, заставилъ его кивать

---

[1] Oper. S. Isidori Pilusiot. Libr. III. Epist. 185.

рукою — апостолу Іоанну, въ томъ предположеніи, что Евангельское слововыраженіе: *поману же Петръ ученику, егоже любляше Іисусъ*, означаетъ *кивать рукою*. Но слово *поману* означаетъ *далъ знакъ* и конечно такой, ради коего апостолу Петру не было нужды выходить изъ-за стола и кивать рукою евангелисту Іоанну. Вошло еще у нашихъ живописцевъ въ обычай, не извѣстно на какомъ основаніи, писать Марію Магдалину почти въ юношеской красотѣ, бѣлокурою, посреди цвѣтущей пустыни, въ новомъ, какъ будто только что вынутомъ изъ ларца платьѣ, съ распущенными волосами; иные пишутъ ее въ костюмѣ почти модномъ, съ вуалемъ на головѣ, съ какимъ нибудь сосудцемъ въ рукахъ. Спасителя изображаютъ съ евангеліемъ московской печати, съ закладками изъ лентъ. Святителей четвертаго и пятаго вѣковъ представляютъ въ саккосахъ и митрахъ; Іоанна Крестителя, Апостоловъ и многихъ мучниковъ въ формахъ атлетическихъ, тучными и румяными; Ангеловъ однихъ представляютъ по образцамъ языческихъ геніевъ, другихъ изображаютъ въ видѣ совершенно нагихъ младенцевъ [1]. Правда, все это пишутъ весьма натурально, до той степени натурально, что взирающему на подобныя изображенія кажется, что это портреты, что въ самомъ дѣлѣ, будто гдѣ-то онъ видѣлъ подобныя лица, и художники достигаютъ такими произведеніями хоть минутной газетной славы; такъ какъ журналисты рады случаю выказать

---

[1] Совокупность такихъ несообразностей и историческихъ невѣрностей можно усматривать въ книгѣ: *Живописный Карамзинъ*. На всѣхъ картинахъ этой книги, на коихъ художнику довелось представить монаховъ нашей Церкви со введенія въ нашемъ отечествѣ христіанства до XVIII столѣтія, онъ изобразилъ ихъ въ камилавкахъ и клобукахъ современной нашему вѣку формы, и сверхъ того украсилъ ихъ крестами наподобіе митрополичьихъ. На картинѣ, представляющей крещеніе Великой княгини Ольги, константинопольскій патріархъ, особенно его прислужники, изображены въ новѣйшихъ облаченіяхъ римской Церкви, а св. Ольга поставлена въ крестильнѣ, устроенной наподобіе вазы, столь малой, что и надъ младенцемъ невозможно было бы въ такомъ сосудѣ совершить крещенія не только по обряду восточной Церкви чрезъ погруженіе, но и по обряду римской Церкви чрезъ изліяніе воды на крещаемаго.

свои богословскія и эстетическія познанія и наполнить журналы восклицательными, вопросительными и другими строчными знаками. Но какое впечатлѣніе подобныя изображенія производятъ на зрителей? Чему поучаются разсматривающіе ихъ? Возжигаютъ ли въ нихъ такія изображенія духъ благочестія? Возбуждаютъ ли къ подражанію жизни Спасителя и добродѣтелямъ святыхъ, къ сокрушенію сердца, къ слезамъ покаянія и любви Божіей? Могутъ ли своею святолѣпностію укрѣплять насъ въ молитвенномъ подвигѣ и достойно служить проводниками нашего благоговѣнія къ Богу? Не удивительно было бы, еслибъ произведенія нашихъ художниковъ выходили изъ рукъ ихъ несоотвѣтствующими своему назначенію отъ скудости способовъ къ усовершенствованію своего искусства. Но, при безпримѣрныхъ поощреніяхъ и покровительствѣ правительства, всѣ роды живописнаго художества, кромѣ иконнаго, достигли у насъ такого совершенства, что, кажется, ни въ одномъ изъ нихъ современные европейскіе художники не въ состояніи ничего представить лучше произведеній нашихъ художниковъ. Между тѣмъ, какъ скоро кисть ихъ коснется предметовъ христіанскихъ, тотчасъ усматривается недостатокъ образованія въ семъ отношеніи. Доказательствомъ сей истины, кромѣ представленныхъ, можетъ служить безпримѣрная по сочиненію и исполненію извѣстная картина: *послѣдній день Помпеи.* На лѣвой сторонѣ этой картины, художникъ, поистинѣ знаменитый, въ противуположность смятенію язычниковъ, находившихся въ отчаяніи отъ всеобщей гибели, представилъ, съ какою преданностію въ волю Божію и съ какимъ упованіемъ на Промыслъ тогдашніе христіане встрѣтили страшное потрясеніе природы. Мысль сію художникъ выразилъ изображеніемъ матери-христіанки въ объятіяхъ своихъ дочерей, и кажется, священника, или дьячка, уносящаго священные сосуды и церковную утварь. Матерь съ дѣтьми представлена стоящею на колѣняхъ со взоромъ устремленнымъ на небо. Хорошо! Но какъ у матери, такъ и у дочерей руки обнажены по самыя плечи. Нельзя сказать, что это случилось отъ суматохи, съ просонковъ,

потому, что на картинѣ виденъ какой-то язычникъ-женихъ, который успѣлъ въ послѣдній день Помпеи обвѣнчаться по своему языческому обряду. Между тѣмъ какъ изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства извѣстно, что нравы тогдашнихъ христіанъ были столь строги, что христіанскія жены и дѣвы не только не обнажали своихъ рукъ наподобіе язычницъ, но даже не являлись открыто безъ покрывала на лицѣ [1]. Священникъ ли, или дьячекъ, спокойно взирающій на изверженіе Везувія, изображенъ въ видѣ какого-то драбанта съ обнаженною рукою и ногою почти до голени. Развѣ такимъ образомъ ходили когда-либо христіанскіе священнослужители? Какъ судить о подобномъ своеволіи нашихъ художниковъ, оскорбляющемъ христіанскія чувства? Что сказали бы христіане пострадавшіе за иконопочитаніе, взглянувъ на подобныя изображенія? «Не посрамляйте матери нашей Церкви», взывалъ въ свое время св. Іоаннъ Дамаскинъ къ иконоборцамъ, «не лишайте ее украшенія!» [2] Теперь бы онъ умолялъ нашихъ художниковъ не посрамлять Церкви такими изображеніями. Оставьте лучше, сказалъ бы онъ, стѣны храмовъ нашихъ обнаженными. Церковь не престанетъ существовать и безъ вашего искусства, а съ подобными его произведеніями принуждена будетъ оплакивать вѣчную погибель дѣтей своихъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что причины указаннаго своеволія живописныхъ произведеній должно искать не столько въ самихъ художникахъ, сколько въ данномъ имъ направленіи; но зачѣмъ они, не потрудившись узнать, что требуется отъ иконописанія, жалуются на равнодушіе публики къ ихъ произведеніямъ; вопіютъ, что на Руси не знаютъ вкуса (?), не умѣютъ цѣнить ихъ высокихъ талантовъ! Напрасно! Нѣтъ народа, который бы столько любилъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, какъ русскій; нѣтъ народа, который бы болѣе восхищался произведеніями живописи въ духѣ истинно религіозномъ; и можетъ быть нѣтъ на-

---

[1] 1 Корине. 11, 5. 6. 9. Четьи-минеи октября 8, житіе преподобныя Пелагіи. Христіан. чтеніе 1842 года. СПБ. Часть 2, стр. 396. Часть 3, стр. 81.
[2] Слово объ иконахъ, § 13.

рода, который бы съ такою смѣтливостію постигалъ все истинно высокое и прекрасное, какъ народъ русскій. Такъ, едва явился образъ академика Бруни, представляющій моленіе Спасителя о чашѣ, какъ всякій, видѣвшій тотъ образъ, старался имѣть съ него списокъ, по крайней мѣрѣ литографированный, и эстампы съ него распространились по всей Россіи. Значитъ, доколѣ наши живописцы не усвоятъ себѣ народнаго благочестія, не пріобрѣтутъ свѣдѣній требуемыхъ иконописаніемъ, доколѣ ихъ произведенія не будутъ соотвѣтствовать той цѣли, для достиженія коей св. Церковь приняла въ свою область живописное художество: дотолѣ, какъ бы ни было оно покровительствуемо правительствомъ, какіе бы художники ни прилагали усилія, сколько бы ни жаловались: народъ, пока будетъ еще благочестивымъ, останется равнодушнымъ къ ихъ произведеніямъ, а съ упадкомъ благочестія погибнутъ и художества.

Отъ иконописца требуются образованіе и жизнь соотвѣтствующія понятіямъ христіанскаго ученія.

Если произведенія церковно-исторической живописи, обыкновенно почитаемыя отличнѣйшими, при безпристрастномъ на нихъ взглядѣ оказываются несоотвѣтствующими тѣмъ цѣлямъ, для коихъ св. Церковь приняла въ свои нѣдра живописное художество: то явно, что для достиженія сихъ цѣлей недостаточно быть просто живописцемъ; что иконописаніе требуетъ отъ художника, чтобы онъ былъ всецѣло проникнутъ высокими истинами вѣры и дѣятельности христіанской, чтобы онъ имѣлъ достаточныя понятія о томъ: какое богатство премудрости, благости и любви Божіей къ роду человѣческому открыто въ богопознаніи истинно христіанскомъ, какая высота святости указана Спасителемъ для дѣятельности человѣческой; какъ благодѣтельно и возвышенно назначеніе человѣка. Необходимо, чтобы художникъ самою жизнію своею соотвѣтствовалъ такимъ понятіямъ.

Нельзя не удивляться, съ какою вѣрностію судили о семъ наши предки подъ конецъ XVI столѣтія, когда въ Италіи господствовало растлѣніе нравовъ и чрезъ произведенія живописи въ самыхъ храмахъ, посвященныхъ имени Божію, проявлялось обновленное язычество, прикрытое именемъ христіанства. Такъ въ сочиненіи именуемомъ: Стоглавъ, неизвѣстный его писатель говоритъ: «Подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну, непраздкословцу, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не піяницѣ, не грабежнику, не убійцѣ, наипаче же хранить чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасеніемъ. Не могущимъ же тако до конца пребыти, по закону женитися и бракомъ сочетатися, и приходити ко отцемъ духовнымъ почастѣ, и во всемъ извѣщатися, и по ихъ показанію и ученію жити въ постѣ и молитвѣ и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякаго зазора и безчинства, и съ превеликимъ тщаніемъ писати образъ Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и пречистыя Его Богоматери и всѣхъ святыхъ, пророковъ и апостоловъ, и священномучениковъ, преподобныхъ женъ и святителей и преподобныхъ отцевъ [1].» Ниже сочинитель, сказавъ, что живописецъ не долженъ подражать тѣмъ, «иже суть послѣдующе обычаямъ скверньмъ», присовокупляетъ: «Понеже на сицевое (иконописное) святое дѣло таковымъ (дерзати) не прощено есть; якоже и древле рече Господь Моисею, еже Веселеіила наполнихъ Духа Божія. Сей же Веселеіилъ дѣлатель бысть скиніи свидѣнія закона ветхаго, кольми паче нынѣшнія благодати пишущимъ образъ Спаса Христа Бога нашего и пречистыя Его Богоматери и святыхъ Его тщатися къ воспріятію Духа Божія [2]».

Можно ли не ощущать истины такого образа мыслей относительно того, что преимущественно необходимо иконописцу, размысливъ, что иконописаніе, по своему предмету и цѣлямъ, ради коихъ освящено Церковію, столько же должно превосходить всѣ роды живописи, сколько евангельское ученіе превос-

[1] Глава 43. [2] Стоглав. Соб. глава 123.

ходитъ всѣ вѣрованія и науки, сколько духъ матерію? Обнимая небо и землю, иконописаніе должно стремиться къ проявленію нетлѣннаго, вѣчнаго. Ибо, хотя это непреложная истина, что «Бога безтѣлеснаго, невещественнаго, неимѣющаго вида, неограниченнаго и непостижимаго въ Его сущности, поистинѣ», какъ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, «изобразить невозможно [1]», потому что *Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ* [2] для взора самыхъ Ангеловъ: при всемъ томъ, почти все, что въ христіанской религіи подлежитъ мышленію, составляетъ предметъ иконописанія: «чтобы», говоря словами св. Іоанна Дамаскина, «какъ слушая тѣлесными ушами чувственныя слова, мы постигаемъ вещи духовныя: такъ чрезъ тѣлесное созерцаніе (иконъ) восходили къ созерцанію духовному [3]». Такимъ образомъ иконописаніе беретъ на себя какбы воплотить духовное, одухотворить земное, осуществить, подобно вѣрѣ, ожидаемое, проявить невидимое, вѣчное, вознесть мысль и сердце человѣка въ область міра духовнаго, приблизить къ душѣ нашей вѣчность. Посему кисть иконописца должна быть непорочною, святою, какъ провозвѣстница великихъ истинъ вѣры и дѣятельности христіанской. Если же когда либо осквернилась она изображеніемъ языческихъ мерзостей и растлѣнныхъ человѣческихъ дѣйствій, то неиначе должна приниматься за изображеніе священныхъ предметовъ, какъ измытая въ слезахъ истиннаго покаянія. Въ противномъ случаѣ произведенія ея не будутъ соотвѣтствовать требованіямъ чистаго христіанства, и хотя бы художникъ называлъ свои издѣлія духовными и священными: они останутся плотскими, нечистыми.

Такъ, если иконописецъ, по цѣли своей, есть проповѣдникъ высокихъ истинъ христіанства: то христіанское вѣроученіе требуетъ отъ него, какъ отъ своего служителя, чтобы онъ самою жизнію соотвѣтствовалъ внушеніямъ евангелія. Ибо если еще язычники требовали отъ своихъ ораторовъ доброты сердца [4],

---

[1] Слово объ иконахъ 32. [2] 1 Тимоѳ. 6, 16. [3] Слово объ иконахъ г. 3. 4.
[4] Quintilian. Liber. I et XII, cap.

требовали, чтобы ораторъ, желая тронуть своихъ слушателей, напередъ самъ былъ тронутъ до глубины души предметомъ своего слова [1]: то можно ли ожидать, чтобы произведенія иконописца соотвѣтствовали цѣли своего назначенія и возбуждали въ зрителяхъ христіанскія чувствованія: если онъ самъ, изображая ихъ, не былъ проникнутъ духомъ мыслей, желаній и чувствованій христіанскихъ? Даже можно сказать, что чѣмъ болѣе времени требуется для изображенія кистію священныхъ предметовъ вѣры: тѣмъ болѣе требуется отъ иконописца истинно христіанскаго одушевленія, или лучше постояннаго стремленія къ изображенію святости, нежели отъ оратора, которому не нужно много времени для сочиненія слова. Мгновенная религіозная теплота сердца, или возбужденное чѣмъ либо скоропреходящее набожное чувство, какъ не можетъ согрѣть сердца постоянною любовію добра: такъ не въ состояніи произвесть ничего подлинно соотвѣтствующаго требованіямъ чистаго христіанства въ области иконописанія. Только тогда иконописецъ будетъ приближаться къ идеаламъ христіанскаго вѣроисповѣданія и произведенія его часъ-отъ-часу будутъ совершеннѣе: когда онъ, вполнѣ обладая механизмомъ своего художества, болѣе и болѣе будетъ достигать совершенства въ христіанской дѣятельности [2].

---

[1] Cicer. de orat. lib. I. Num. 69. libr. II. Num. 187.

[2] Русскій народъ безъ теоріи, по одному чувству христіанскаго благочестія, понимаетъ, что отъ иконописца требуется жизнь добродѣтельная, непорочная. Отъ сего во всей Россіи пересказываются въ народѣ преданія, что въ старину иконописцы неиначе принимались писать образа, какъ приготовивъ себя къ таковому священному упражненію постомъ и молитвою. Такъ понимаютъ искусство иконописанія и нѣкоторые изъ образованныхъ живописцевъ. Академикъ Медвѣдевъ неиначе приступилъ къ росписанію собора ростовскаго Яковлевскаго монастыря, какъ исповѣдавшись и причастившись св. таинъ. Вслѣдъ засимъ, не выходя изъ церкви, взялся за кисть, и не вкушалъ никакой пищи, пока не начертилъ лица Спасителя на сводахъ алтаря. Такимъ же образомъ всегда безъ пищи съ молитвою начиналъ онъ писать образъ Спасителя и Божіей Матери. (См. путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ г. Муравьева, стр. 74). О необходимости имѣть особенное расположеніе духа для изображенія священныхъ предметовъ имѣли понятіе и нѣкоторые западные живописцы. Такъ испанскій живописецъ Таргасъ, принимаясь

Какія познанія преимущественно могутъ способствовать живописцу возвыситься до идеальности, требуемой иконописаніемъ?

Неусыпно совершенствуясь въ исправленіи и святости жизни своей, иконописецъ долженъ стараться пріобрѣсть такія познанія, которыя могутъ способствовать возвыситься до идеальности, требуемой иконописаніемъ. Изъ сохранившихся до нашихъ временъ, такъ называемыхъ антиковъ, или пластическихъ произведеній язычества, легко убѣдиться, что художники Еллады глубоко изучали творенія своихъ сказочниковъ-поэтовъ, которыхъ мечты они олицетворяли рѣзцемъ своимъ. Греческіе скульпторы умѣли до идеальности возвысить бредни своей миѳологіи, представляя вымышленныхъ боговъ своихъ въ нѣкоей, какбы безстрастной красотѣ, спокойствіи и величіи. Вообще же древніе справедливо думали, что въ видимой природѣ нѣтъ красоты, выше которой не могло бы представить воображеніе; что изящнѣйшія произведенія всякаго рода художниковъ суть только осуществленіе идеаловъ, представившихся внутреннему созерцанію души ихъ [1].

за работу, напередъ постился, причащался св. таинъ, ложился во гробъ и, умерщвляя плоть, размышлялъ о вѣчности. (Памятн. искусствъ, тетрадь IX. стр. 79).

[1] Ego statuo sic, говоритъ Цицеронъ: nihil esse in ullo genere tam pulchrum, quod non pulchrius id sit, unde illud, ut ex ore aliquo, quasi imago exprimetur, quod neque oculis, neque auribus, neque ullo sensu percipi potest: cogitatione tantum et mente complectimur. Itaque et Phidiae simulacris, quibus nihil in illo genere perfectius videmus, (ut his picturis, quas nominavi), cogitare tamen possumus pulchriora. Nec vero ille artifex, cum faceret Iovis formam, aut Minervae, contemplabatur aliquem, e quo similitudinem duceret; sed ipsius in mente insedebat species pulchritudinis eximia quaedam, quam intuens, in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat.... Has rerum formas *ideas* apellat ille non intelligendi solum, sed etiam dicendi gravissimus auctor et magister Plato: easque gigni negat et ait semper esse, ac ratione et intelligentia contineri: cetera nosci, occidere, fluere, labi.... Orat. II, cap. 3. Сюда относится у него же

Тѣмъ болѣе иконописецъ, какъ служитель небесной истины, долженъ стараться усвоить душѣ своей высокія идеи христіанскаго ученія, чтобы его мысли, воображеніе и чувства могли возвыситься до созерцанія христіанскихъ идеаловъ, приводить его въ состояніе такого вдохновенія, которое содѣйствовало бы къ проявленію ихъ посредствомъ его искусства: потому что предметъ его кисти почти исключительно предметы міра духовнаго, небеснаго, обладающіе красотою и совершенствами сверхчувственными, едва мыслію созерцаемыми. Для сей цѣли иконописецъ имѣетъ нужду, освящаясь прилежнымъ чтеніемъ св. писанія, жизнеописаній людей благоугодившихъ Богу своею жизнію и историческихъ церковныхъ памятниковъ, изучать размышленіемъ своимъ тѣ мѣста писаній, которыя могутъ быть предметами иконописанія. Но чтобы, читая житія святыхъ, особенно св. писаніе, по неопытности, не уклониться въ мысли несообразныя съ сущностію предмета, на иконописца художество его возлагаетъ обязанность имѣть общеніе съ благочестивыми людьми, особенно изъ духовнаго званія; чтобы ихъ сужденіями о предметахъ вѣры и исторіи христіанской могъ онъ повѣрить свой образъ мыслей, разумѣніе св. писанія и церковныхъ книгъ. Въ противномъ случаѣ иконописецъ, при всемъ своемъ искусствѣ, не избѣжитъ погрѣшностей, станетъ олицетворять свою мечту, а не существенность, или, подражая другимъ, будетъ повторять ихъ ошибки и погрѣшности.

Но какъ съ другой стороны иконописецъ, до какой бы ни возвысился идеальности, обдумывая свой предметъ, всегда будетъ имѣть въ мысляхъ своихъ какой либо чувственный, хотя изящнѣйшій его образъ, потому что мы о предметахъ міра духовнаго не можемъ имѣть чисто духовныхъ понятій, и, хотя вѣра научаетъ насъ, что Богъ есть чистѣйшій духъ и Ангелы суть духи, однакожъ не иначе можемъ представлять ихъ въ своемъ воображеніи, какъ въ какихъ либо формахъ и пре-

---

de inventione II. cap. I, и у Плинія Historiae Natur. I, 35. Миѳическое сказаніе о Зевксисѣ, который, будто бы, для изображенія совершеннѣйшей красоты, потребовалъ отъ Греціи пять красивѣйшихъ дѣвицъ.

имущественно человѣческихъ: то, подражая св. писателямъ, которые, для сообщенія намъ понятія о предметахъ міра духовнаго, заимствовали слова изъ круга наименованій предметовъ и дѣйствій міра чувственнаго, иконописецъ также, для приближенія къ понятію зрителей изображаемыхъ своею кистію предметовъ міра духовнаго, вынужденъ заимствовать черты и краски изъ круга предметовъ видимой природы, т. е. подражать ей: не потому, что, какъ замѣтилъ еще святый Аѳанасій, «всѣ толкуютъ, что всякое искусство есть подражаніе природѣ [1]»; но потому, что безъ сего пособія иконописецъ не въ состояніи олицетворить своего идеала. Однакожь, обращая свой взоръ на окружающую его природу, художникъ долженъ сознавать, что природа, какъ нѣкто справедливо сказалъ, хороша, когда ее умоютъ; съ другой стороны, что не смотря на разнообразіе вкусовъ, въ ней еще есть такія общія черты красоты и величія, изъ коихъ однѣ доставляютъ чистое безмятежное удовольствіе, другія проникаютъ насъ благоговѣніемъ къ премудрости и благости Всемогущаго и какъбы возносятъ духъ нашъ въ область міра безпредѣльнаго, вѣчнаго. Долгъ иконописца избирать въ видимой природѣ черты и краски, подмѣчать свѣтъ и тѣни такія, которыя могли бы сообщать взирающимъ на произведенія его кисти сколь возможно близкія понятія о предметахъ міра духовнаго, и въ чертахъ плотскихъ, видимыхъ проявлять духовное, невидимое.

Мало сего, восхищаясь созерцаніемъ природы, иконописецъ, какъ служитель евангелія, ни на одно мгновеніе не долженъ забывать, что грѣхопаденіемъ первобытныхъ нашихъ прародителей, не только повреждена человѣческая природа, но и *вся тварь*, по выраженію апостола Павла, *подверглась суетѣ* [2]; а посему то, что, по духу міра сего, можетъ почесться красотою и величіемъ, по духу евангелія будетъ отвратительно и низко. Напр. тучность человѣческаго тѣла скорѣе есть признакъ болѣзненнаго состоянія, если не самаго тѣла, то души

---

[1] Oper. S. Athan. Alexandr. Tom. I, pars. I, pag. 18. [2] Рим. 8, 20.

нашей, нежели здоровья и совершенства нашей природы. Мясистость и преобладающая краснота, усматриваемая въ изображеніяхъ италіанскихъ школъ Богомладенца, Богоматери и святыхъ несообразна съ понятіемъ, какое о Спасителѣ и святыхъ представляютъ преданія и ихъ жизнеописанія. Обнаженіе безъ очевидной нужды различныхъ частей человѣческаго тѣла, изысканное положеніе лицъ, такъ называемые живописцами рекурсы, страстные взгляды, напряженность мускуловъ, атлетическія формы тѣла не пристали тѣмъ, которые изнуреніями и всякаго рода лишеніями старались пріобрѣсть царствіе небесное. Изъ такихъ соображеній легко убѣдиться, что нашъ языкъ не даромъ, для означенія красоты приличной святымъ, имѣетъ особенныя выраженія: *святолѣпность*, *святолѣпный*, *боголѣпный*, *боголѣпно*, и т. п., и самые живописцы совершенно въ другомъ видѣ представляли предметы иконописанія, если бы имѣли объ нихъ понятія сообразныя съ самою истиною. Рубенсъ, напр. въ картинѣ изображающей отлученіе отъ Церкви императора Ѳеодосія, не представилъ бы св. Амвросія медіоланскаго столь тучнымъ и надменнымъ: еслибъ зналъ, что вся сила святителей того времени состояла въ молитвѣ, смиреніи, строгомъ послѣдованіи евангелію и правиламъ св. Церкви.

Частныя понятія о предметахъ иконописанія.

Въ частности иконописецъ посредствомъ своей кисти или сообщаетъ чадамъ св. Церкви тѣ понятія о Всевышнемъ Существѣ, которыя самъ Богъ открылъ намъ о Себѣ въ св. писаніи, или изображаетъ безплотныхъ духовъ и людей благоугодившихъ Богу своею вѣрою и добродѣтелями. Древнѣйшимъ символомъ Бога, во всесвятой Троицѣ покланяемаго, въ откровеніи и въ области иконописанія можно почесть явленіе Господа Аврааму въ видѣ трехъ мужей, которымъ онъ оказалъ гостепріимство, принявъ ихъ какъ странниковъ [1].

---

[1] Быт. 18.

Но какъ пророку Даніилу Отецъ небесный явилъ Себя въ образѣ ветхаго деньми въ одеждѣ снѣговидной [1]; Второе лице ради нашего спасенія вочеловѣчилось; а третіе лице Св. Троицы являлось въ видѣ голубиномъ и огненныхъ языковъ: то вошло въ обычай и въ такихъ образахъ посредствомъ иконописнаго художества представлять понятіе о Всесвятомъ существѣ Божіемъ, въ Троицѣ Святой прославляемомъ.

Какая совокупность величія, премудрости и благости требуется въ изображеніи перваго лица Святой Троицы, иконописцу внушаетъ само св. писаніе, которое Отца небеснаго именуетъ Отцемъ единороднаго Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа [2], даннаго Имъ міру, по одной любви къ роду человѣческому [3], Отцемъ всякаго отечества на небесахъ и на землѣ [4], Отцемъ щедротъ [5], Богомъ любви [6] и всякія утѣхи [7]. Посему живописцы западной Церкви погрѣшаютъ, представляя Бога Отца въ видѣ суроваго и грознаго старца, раздѣляющаго при созданіи хаосъ творенія какбы съ напряженнымъ усиліемъ. Такое изображеніе противно какъ выше приведеннымъ словоовыраженіямъ о Богѣ Отцѣ св. писанія, такъ и тому ученію откровенія, что все создано единымъ словомъ Божіимъ и все твореніе есть только какбы осуществленная мысль Божія, для приведенія коей въ дѣйствіе, Всемогущій, Премудрый и Всеблагій не имѣлъ нужды ни въ малѣйшемъ усиліи.

Второе лице Святой Троицы св. писаніе именуетъ Богомъ [8], единороднымъ Сыномъ Отца небеснаго [9], рожденнымъ прежде всѣхъ вѣковъ [10], изображаетъ единосущнымъ Отцу по Божеству [11] и Сыномъ человѣческимъ [12]: потому что Онъ для спасенія рода человѣческаго отъ чистѣйшей крови пренепорочныя Дѣвы воплотился, или, по выраженію Апостола, *принялъ на Себя зракъ раба* [13], т. е. былъ въ *подобіи нашей плоти, кромѣ грѣха*, обиталъ между людьми, открылъ имъ истинное бого-

[1] Даніил. 7, 9. [2] Іоан. 1, 18. I Петр. 1, 3. [3] Іоан. 3, 16. [4] Ефес. 3, 15. [5] 2 Коринѳ. 1, 3. [6] 1 Іоан. 4, 16. [7] 2 Коринѳ. 1, 3. [8] Іоан. 1, 1. Рим. 9, 5. [9] Іоан. 1, 18. 1 Іоан. 4, 9. [10] Колос. 1, 15. [11] Іоан. 10, 30. [12] Мат. 16, 13. Іоан. 3, 12. [13] Филип. 2, 7.

познаніе, претерпѣлъ отъ людей крестныя страданія, умеръ, погребенъ, воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо, возсѣлъ одесную Отца небеснаго, пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Такія, сообщаемыя намъ св. писаніемъ, понятія о второмъ лицѣ Святой Троицы дозволяютъ иконописцу изображать Спасителя въ человѣческомъ видѣ отъ младенческаго до мужескаго возраста, отъ положенія въ виѳлеемскихъ ясляхъ до крестныхъ страданій и погребенія, также нисходящимъ во адъ, воскресшимъ, возносящимся на небо, возсѣдящимъ одесную Отца небеснаго, грядущимъ на облакахъ судить, и судящимъ весь родъ человѣческій. Но иконописецъ не долженъ забывать, что въ лицѣ Спасителя и во время открытаго пребыванія Его на землѣ *имѣвшіе очи видѣти* усматривали *славу яко Единороднаго отъ Отца*[1] небеснаго, что Іисусъ Христосъ есть Богочеловѣкъ. Посему отъ иконописца требуется глубокое изученіе евангелія, неутомимое усиліе и самая зрѣлая обдуманность въ изображеніи лица Господа нашего. Иконописецъ долженъ знать, что, какъ всѣ ветхозавѣтные праведники предъизображали своими добродѣтелями лице Христово: такъ добродѣтели святыхъ благоугодившихъ Богу своею жизнію въ новомъ завѣтѣ суть только подражаніе и какбы отраженіе добродѣтелей и совершенствъ Іисуса Христа. Слѣдовательно какъ пророки, апостолы и вся Церковь главною цѣлію своей проповѣди и ученія во всѣ времена имѣли Господа нашего Іисуса Христа: такъ иконописецъ долженъ имѣть въ предметѣ преимущественно то, чтобы въ умѣ и въ сердцѣ взирающихъ на изображаемыя его кистію иконы Спасителя, вообразился Христосъ, чтобы въ выражаемыхъ кистію осанкѣ, взорѣ, лицѣ, движеніяхъ, во всемъ тѣлѣ Спасителя можно было созерцать величіе, безстрастіе, божественную любовь, благость, милосердіе, смиреніе и кротость Господа. Изъ сего легко усмотрѣть, что только въ чистой душѣ, озаренной наитіемъ благодати, можетъ представиться идеалъ, въ которомъ должно быть изображаемо лице Спасителя нашего,

---

[1] Іоан. 1, 14.

что иконописецъ не найдетъ для сей цѣли ни одной черты посреди суеты мірской, что въ семъ отношеніи не только не могутъ быть для него пособіемъ такъ называемые антики, или уцѣлѣвшіе до нашихъ временъ истуканы Зевеса, Аполлона и подобныхъ боговъ языческихъ, но еслибъ художникъ дерзнулъ подражать ихъ формамъ, то, по достоинству, подвергся бы той участи, которая во дни св. Геннадія патріарха постигла, какъ свидѣтельствуетъ исторія, нѣкоего константинопольскаго живописца, дерзнувшаго написать образъ Іисуса Христа наподобіе языческаго бога Дія. За такую дерзость сему живописцу усохла рука, и только покаяніемъ и молитвами св. Геннадія патріарха онъ получилъ исцѣленіе [1].

Для сообщенія нѣкоего понятія о Духѣ Святомъ, третьемъ лицѣ Святой Троицы, кромѣ символовъ голубя и огненныхъ языковъ, и притомъ, или въ совокупности съ первыми лицами существа Божія, или, съ тѣми событіями, въ коихъ Онъ подъ такими видами являлся, или могъ дѣйствовать, иконописецъ не имѣетъ права употреблять другихъ символовъ; особенно долженъ беречься представлять третіе лице Св. Троицы отдѣльно въ видѣ юноши, какъ дерзали изображать Духа Св. нѣкоторые живописцы западной Церкви, которою и осуждено такое своеволіе [2].

Добрыхъ Ангеловъ представляетъ слово Божіе и житія святыхъ въ видѣ мужей и юношей [3], весьма рѣдко въ видѣ отроковъ [4]; но нигдѣ не говорится, чтобы они кому либо являлись подъ видомъ младенцевъ и притомъ нагихъ, какъ обыкновенно изображаютъ ихъ художники римской Церкви. Наименованіе ихъ добрыми, святыми, Божіими, даетъ разумѣть, что ихъ лики должны быть оттѣнены святолѣпною красотою, кротостію и добротою. Для означенія ихъ духовности и быстроты, съ которою они совершаютъ волю Божію, издревле иконописцами Ан-

---

[1] S. Theophanis Chronographia pag. 77. Συνοψις Ἱστορ. παρὰ κὺρ. Γεώρ. Κεδρην. pag. 275 и въ жит. св. о. Геннадія патріарха. [2] St. Wiest. Institut. Theolog. Dogm. Tom. II, pag. 564. Calend. Eccl. Univ. Assemanii, Tom. 1, pag. 47. [3] Дѣян. 1, 10. Марк. 16, 5. Лук. 24, 4. [4] Въ житіи св. муч. Дороѳея, февр. 6, также въ житіи преподобнаго Луки елладскаго, февр. 7.

геламъ всѣхъ девяти чиновъ усвоены крылья, хотя, по свидѣтельству св. писанія, только серафимы и херувимы являлись окрыленные шестью крыльями. Греческіе иконописцы представляли Ангеловъ въ діаконскомъ облаченіи, опоясанными ораремъ, которымъ на плечахъ и груди образуется крестъ, потому что въ церковной іерархіи діаконы при совершеніи священнодѣйствій, по таинственному изъясненію, образуютъ собою служеніе на небесахъ Ангеловъ. Но какъ ни откуда не видно, чтобы Ангелы являлись кому либо въ діаконскомъ облаченіи: то иконописецъ не погрѣшитъ, изображая ихъ просто въ свѣтлыхъ, какбы эѳирныхъ одеждахъ, коихъ складки (какъ представляли Ангеловъ нѣкоторые живописцы среднихъ вѣковъ) скрываютъ ихъ ноги.

Одинъ чинъ Ангеловъ св. писаніе именуетъ силами; въ церковныхъ книгахъ они означаются названіемъ умныхъ силъ. Ихъ изображаютъ иконописцы въ видѣ младенческихъ головокъ съ крыльями. Символъ сей не только не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но даже весьма близко выражаетъ ихъ наименованіе.

Въ какихъ видахъ являлись херувимы и серафимы, иконописецъ можетъ усмотрѣть изъ самаго св. писанія [1]. Символическіе аттрибуты, съ коими издревле изображались архангелы, описаны въ Четьи-минеи подъ 26 числомъ мѣсяца марта.

Въ сонмѣ святыхъ, благоугодившихъ Богу своею жизнію на землѣ, первое лице преблагословенной Матери Господа нашего, о которой предсказалъ пророкъ Исаія, что Она, будучи Приснодѣвою, зачнетъ и родитъ Еммануила [2]; потому что, какъ говоритъ св. Амвросій: «Та, которая могла зачать, могла и родить, не преставая быть Дѣвою: такъ-какъ зачатіе всегда предшествуетъ рожденію» [3]. Благоговѣя предъ непостижимою тайною воплощенія Спасителя, коего орудіемъ содѣлалась Пресвятая, вся вселенская Церковь исповѣдуетъ Ее пренепороч-

---

[1] Исаіи 6, 2. 3. 6. Іезекіи 1, 5, 12. [2] Исаіи 7, 14. Снеси Матѳ. гл. 1.
[3] Oper. S. Ambrosii. Mediol. de Virginibus cap. 6.

ною Матерію, безъ всякаго сравненія честнѣйшею херувимовъ и славнѣйшею серафимовъ, Царицею неба и земли, высшею небесъ, свѣтлѣйшею лучей солнечныхъ, Ходатайцею и Споручницею нашего спасенія предъ престоломъ Сына своего и Бога. Такія понятія о лицѣ Богоматери достаточны къ возбужденію въ иконописцѣ ощущеній и мыслей долженствующихъ вдохновить его и просвѣтить умъ къ изображенію Богоматери. Изображаетъ ли онъ Пренепорочную внимающею благовѣстію Архангела во время его благовѣстія, полагающею въ ясляхъ, или держащею въ своихъ объятіяхъ Богомладенца, сопутствующею Спасителю во время служенія Его роду человѣческому, или стоящею у креста Его и наконецъ въ небесной славѣ предъ престоломъ Сына своего и Бога — смиреніе, любовь, терпѣніе, сострадание и кротость въ соединеніи съ величіемъ и боголѣпностію въ высочайшей степени должны быть отличительными чертами лика приснодѣвственной Матери.

Представляя ветхозавѣтныхъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, святителей, отшельниковъ, преподобныхъ женъ и дѣвъ, иконописецъ долженъ имѣть въ виду, что хотя святые были люди намъ подобострастные, но они изъ любви къ Богу перенесли безчисленные труды, изнуренія, скорби, гоненія, преслѣдованія; что они постоянно пребывали въ постѣ, молитвахъ и бдѣніи, что многіе изъ нихъ еще въ сей жизни, достигши безстрастія, были земными ангелами и при содѣйствіи благодати Божіей содѣлались небесными человѣками. Слѣдовательно лица ихъ сіяли горячайшею любовію къ Богу, терпѣніемъ и кротостію; тѣла ихъ были истощены богоугодными подвигами; въ ихъ взорахъ просіявало небесное упованіе, что имъ готовится вѣнецъ правды, которымъ увѣнчаетъ ихъ праведный Судія, въ день торжественнаго явленія своего.

На иконахъ св. мучениковъ и мученицъ, представляющихъ страдальческіе ихъ подвиги, по необходимости допускаются обнаженія нѣкоторыхъ частей тѣла. Но иконописцу надлежитъ помнить, что св. мученики не были отчаянные атлеты съ геркулесовскими формами тѣла, что они, бывъ вынуждены обстоя-

тельствами времени свидѣтельствовать истину своей вѣры и упованіе на Бога претерпѣніемъ мученій, были укрѣпляемы въ своихъ подвигахъ Божественною благодатію; посему съ такимъ спокойствіемъ и кротостію переносили свои страданія, что приводили въ изумленіе и наконецъ терпѣніемъ побѣдили своихъ мучителей. Понятіе объ ихъ сверхъестественномъ терпѣніи можно почерпать изъ церковной исторіи, изъ твореній древнихъ христіанскихъ писателей, а частію изъ Четій-миней. Такъ напр. св. мученикъ Лаврентій, жегомый на желѣзной рѣшеткѣ, не вопіялъ, не стеналъ, не испустилъ ни одного вздоха, и когда половина его тѣла обращенная къ огню совершенно испеклась, онъ только сказалъ мучителю: «поверни на другую сторону: эта уже изжарилась!» Вообще же иконописецъ долженъ помнить, что христіанское цѣломудріе допускаетъ обнаженіе тѣла только въ неизбѣжныхъ случаяхъ, притомъ изможденнаго страданіями и пощеніемъ, слѣдовательно немогущаго дѣйствовать на волненіе чувственности.

Лики тѣхъ святыхъ, которые заблужденія своей жизни загладили продолжительнымъ покаяніемъ, такъ какъ они, стараясь наказать въ себѣ прежнее своеволіе жизни своей, истощили плоть свою чрезвычайными подвигами и лишеніями, не только должны быть изображаемы безъ малѣйшихъ слѣдовъ страстей, волновавшихъ сердце ихъ, но напротивъ такъ, чтобы взирающему на ихъ изображенія можно было имѣть хотя нѣкоторое понятіе, до какого изнуренія доводили они себя, бывъ воспламенены любовію Божіею.

Даже тѣхъ блаженныхъ нынѣ небожителей, которые земную жизнь свою провели въ грубыхъ беззаконіяхъ, наконецъ чуднымъ содѣйствіемъ благодати принесли хотя кратковременное, но всеискреннее покаяніе, какъ напр. разбойника исповѣдавшаго на крестѣ Господа — живописецъ не имѣетъ права изображать рѣзкими чертами, придавать имъ вакхическую красноту, гигантскія формы, дикіе взгляды и т. п., потому что если сильная скорбь въ самое короткое время можетъ довесть человѣка до совершенной дряхлости: то тѣмъ болѣе благодать Божія

въ одно мгновеніе сильна переродить человѣка и сообщить ему новый, небесный видъ. Ликамъ такого рода святыхъ приличествуетъ выраженіе сознанія своей виновности, смиренія, радости о помилованіи и ощущеніе милосердія Божія.

Наконецъ бываютъ случаи, заставляющіе иконописца представлять посредствомъ своего искусства понятіе объ отпадшихъ злыхъ духахъ. Имъ приписываетъ св. писаніе лживость, коварство, зависть, злобу, лукавство, хитрость, вѣчное противленіе Богу и постоянную ненависть къ людямъ, по которой они употребляютъ всѣ усилія, чтобы привесть человѣческій родъ въ бѣдственное состояніе какъ въ сей, такъ особенно въ будущей жизни; въ Четьихъ-минеяхъ и вообще въ жизнеописаніяхъ святыхъ злые духи изображаются гнусными, самыми отвратительными и уродливыми чудовищами. Посему иконописцу легко подобрать черты для сообщенія понятія о злыхъ духахъ.

Отъ иконной живописи требуется въ высшей степени историческая вѣрность и вообще правдивость.

Идеальность требуемая иконописнымъ художествомъ не уполномочиваетъ иконописца уклоняться отъ исторической вѣрности въ изображеніи святыхъ ликовъ, ихъ одеждъ, облаченій, мѣстностей и т. д. Напротивъ кисть иконописца въ высочайшей степени должна быть правдивою, вѣрною своему предмету: потому что долгъ иконописца олицетворять истину, а не мечту. Еслибъ живописцы италіанскихъ школъ и вообще римской Церкви не погрѣшали преимущественно въ семъ отношеніи: то о наблюденіи исторической вѣрности въ иконописаніи, по видимому, напоминать не было бы нужды: потому что, если портретные живописцы стараются соблюсти совершенное сходство не только самыхъ портретовъ съ изображаемыми лицами, но и съ тѣми предметами, коими списываемыя лица бываютъ окружены въ обыкновенномъ быту жизни своей;

то тѣмъ болѣе требуется историческая вѣрность въ произведеніяхъ иконной живописи: потому что она беретъ на себя изобразить и напечатлѣть въ умѣ и въ сердцѣ взирающихъ на ея произведенія высочайшія истины вѣры и лица не только дѣйствительно существовавшія, но и принесшія въ жертву свою жизнь небесной истинѣ.

Между тѣмъ на своевольное уклоненіе живописцевъ отъ исторической истины издавна жалуются благочестивые люди. Такъ еще князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ, по чувству благочестія своего, скорбѣлъ, «что лице одного и того же Спасителя пишутъ разными цвѣтами и красками. Иной пишетъ Его темнорусымъ, другой свѣтлорусымъ, а иной совсѣмъ чернымъ, иной даетъ ему волоса и бороду совсѣмъ гладкіе, а другой кудрявые.... Почему бы», говаривалъ упомянутый князь, «не стараться художникамъ писать Спасителя какими либо одними цвѣтами и въ видѣ одинаковомъ? [1]»

Въ изображеніи Богоматери живописцы предаются еще большему своеволію, такъ что невозможно было бы исчислить, въ какихъ видахъ и облаченіяхъ представляла Ее кисть италіанскихъ школъ. Столько же безотчетно и произвольно италіанскіе художники изображаютъ святыхъ, прославившихся въ продолженіе первыхъ осьми вѣковъ христіанства.

Къ освобожденію иконописнаго художества отъ такихъ несообразностей необходимо, чтобы иконописцы обратились къ священнымъ преданіямъ Церкви и ея исторіи, безпристрастно съ размышленіемъ вникнули въ сохранившіяся до нашихъ временъ въ нашемъ отечествѣ и на востокѣ частію подлинныя, древнія иконы, а частію списки съ нихъ, собрали въ пособіе своему искусству печатныя изображенія снятыя съ древнихъ иконъ, медали представляющія древнихъ благочестивыхъ царей и священные предметы, вмѣстѣ съ другими христіанскими памятниками, и при такихъ пособіяхъ поставили иконописное художество на твердыхъ основаніяхъ. Съ сею цѣлію взгля-

[1] Письма къ воинамъ. Томъ 1, стр. 206.

немъ на извѣстнѣйшіе памятники и указанія, долженствующіе руководствовать иконописца.

Къ созерцанію идеала, къ которому долженъ живописецъ возвыситься въ изображеніи лика Іисуса Христа, могутъ способствовать какъ древнія художественныя Его изображенія, такъ и почерпнутыя изъ церковныхъ преданій описанія человѣческаго вида Іисусъ-Христова. Однимъ изъ древнихъ изображеній, произшедшихъ отъ христіанской кисти, признается образъ Спасителя находящійся въ римскихъ катакомбахъ кладбищенской часовни Каллиста, который изданъ въ сборникѣ Боттари, также на пяти гробницахъ ватиканскаго кладбища [1]. Къ памятникамъ сего рода можно отнесть изображеніе лица Господня, приложенное къ путешествію г. Норова по святой землѣ, снятое имъ съ древнѣйшей иконы въ Палестинѣ [2]. Можно находить и въ нашемъ отечествѣ, особенно въ сѣверныхъ его областяхъ, многія еще древнія иконы, или списки съ нихъ преимущественно нерукотвореннаго образа Господня, на коихъ лице Его изображено сходно съ вышеупомянутыми. На всѣхъ такихъ иконахъ почти единообразно представлено лице Спасителя овальнымъ, нѣсколько продолговатымъ, соразмѣрностію носа, бровей, очей и устъ подходящею къ мѣрѣ антиковъ, съ бородою короткою, съ волосами посреди чела раздѣленными на двѣ стороны, ниспадающими волнообразно на плеча. Подобными чертами изображается лице Спасителя въ письмѣ представленномъ восточными патріархами въ IX вѣкѣ греческому императору Ѳеофилу [3], также въ составленномъ изъ древнихъ преданій описаніи Никифора Каллиста, жившаго въ XIV вѣкѣ

---

[1] Bottari, Pittur. o Sculture Sacre Tom. II, lau LXX. pag. 42. [2] Путеш. по св. Землѣ, часть II, стр. 173. [3] Oper. St. Damasceni pag. 679. Parisiis 1712, a. Прискорбно, что въ Россіи о-сю-пору нѣтъ слѣпковъ съ образцовыхъ, какъ увѣряютъ, статуй датскаго скульптора Тордтвальсена, представляющихъ Спасителя и св. апостоловъ, между тѣмъ, какъ въ иномъ мѣстѣ можно видѣть слѣпки не только едва не со всѣхъ языческихъ истукановъ, какъ будто на смотръ собранныхъ, но даже слѣпки съ новѣйшихъ произведеній такого рода, напримѣръ Амура и Психеи Кановы; иная же мерзость въ одномъ и томъ же мѣстѣ выставлена въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

историка, и въ имѣющемъ явный признакъ древности описаніи нѣкоего, бывшаго будтобы при царѣ Иродѣ іудейскимъ проконсуломъ, Публія Лентула, обрѣтающимся въ заглавіи рукописнаго евангелія іенской библіотеки[1].

Хотя въ сихъ описаніяхъ усматривается, по видимому, нѣкоторое несогласіе относительно цвѣта очей и волосъ на бородѣ, главѣ и бровяхъ Спасителя, но сіе могло произойти частію отъ того, что по преданію, при взглядѣ на Господа во время земной Его жизни, видъ лица Его измѣнялся[2]; а частію отъ того, что и обыкновенные люди часто имѣютъ такой цвѣтъ волосъ и очей, который трудно опредѣлить въ нѣкоторомъ разстояніи: а описанія лица Господня произошли не изъ одного источника.

Въ заглавіи послѣдняго описанія сказано: «увѣряютъ, что во время кесаря Октавія Публій Лентулъ, проконсулъ іудейскій при царѣ Иродѣ, писалъ къ римскимъ сенаторамъ слѣдующее письмо, найденное послѣ Евтропіемъ въ лѣтописяхъ римскихъ». Хотя, по недостатку историческихъ памятниковъ, невозможно опредѣлить: кто былъ этотъ Лентулъ и Евтропій отыскавшій его посланіе? но оно изъ всѣхъ описаній лица Христова самое обстоятельное и болѣе другихъ подходитъ къ древнимъ художественнымъ изображеніямъ Спасителя, выше указаннымъ. Вотъ заключающееся въ немъ описаніе человѣческаго вида Іисуса Христа. «Онъ (Іисусъ Христосъ) имѣетъ высокій и стройный станъ; видъ Его важенъ и выразителенъ, такъ что, смотря на Него, нельзя не любить и вмѣстѣ не бояться Его. Волосы Его на головѣ отлива винограднаго, до ушей безъ блеска и гладки, отъ ушей до плечъ идутъ свѣтлыми волнами и спускаются ниже плечъ, на головѣ раздѣляются на двѣ стороны, по обычаю назореевъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна. Ланиты покрыты негустымъ румянцемъ. Видъ благообразный и пріят-

---

[1] Annales de Philosophie Chrétienne Tom. VII. 1834. Paris. [2] Четьи-минеи за мѣсяцъ августъ 16 дня.

ный; носъ и уста правильные. Борода довольно густая и одинакого цвѣта съ волосами, раздѣляется надвое съ подбородка; глаза голубые и весьма блестящіе. Въ выговорахъ и укоризнахъ Онъ страшенъ; въ наставленіяхъ и увѣщаніяхъ ласковъ и любезенъ. Взглядъ удивительно пріятенъ и вмѣстѣ важенъ. Никто никогда не видалъ Его смѣющимся; но видали плачущимъ. Ростъ Его высокій (по описанію Каллиста около 7 пальмъ, то-есть 5 футовъ, 4 дюйма и 2 линіи), руки длинныя и прямыя, плечи совершенныя [1]».

О преблагословенной Матери Господа нашего Іисуса Христа Георгій Кедринъ, XI вѣка историкъ, изъ преданій заимствовалъ свѣдѣнія, что Она «имѣла возрастъ средній, пшеничный цвѣтъ лица, волосы бѣлокурые, взоръ свѣтлый, очи миловидные, любила одежды не крашенныя [2]». А св. Амвросій говоритъ, что въ пренепорочной Матери, какъ въ зерцалѣ отражалась чистота и добродѣтель, что самый видъ тѣла Ея былъ изображеніемъ мудрости и правоты [3]». Кромѣ сего иконописцы могутъ удостовѣриться, что всѣ древнія иконы Божіей Матери византійскаго стиля, хотя ликъ Преблагословенныя представляется на нихъ въ различныхъ положеніяхъ, сходны какъ съ приведеннымъ описаніемъ лица Ея, такъ и между собою; что на нихъ обликъ лица Ея и соразмѣрность частей его подходитъ къ мѣрѣ антиковъ; что на всѣхъ такихъ иконахъ Преблагословенная изображена въ одеждахъ единообразныхъ.

Равнымъ образомъ историками сохранены преданія о лицѣ и видѣ многихъ святыхъ, напр. Никифоръ Каллистъ передалъ намъ свѣдѣніе объ апостолѣ Павлѣ, коего живописцы римской Церкви изображаютъ чуть не гигантомъ, что онъ былъ ростомъ малъ (по словамъ Іоанна Златоуста въ 3 локтя), не прямъ и нѣсколько согбенъ, лице у него было чистое и являло признаки долгихъ лѣтъ; на верхней части головы не было волосъ; въ глазахъ его усматривалась весьма много пріят-

---

[1] Христіанское чтеніе на 1838 годъ, часть IV, стр. 359 и нижеслѣдующія.
[2] Synopsis Historiae Georgii Cedrini pag. 148. [3] Oper. S. Ambr. Mediol. Libr. II, de virgin. cap. 67.

ности; брови поднятыя вверхъ и какбы разбѣгающіяся; носъ продолговатъ съ пріятною неровностію; борода густая и довольно длинная, по мѣстамъ съ сѣдиною, также какъ и голова [1].

Видъ лица, ростъ и характеръ нѣкоторыхъ святыхъ изображены въ историческихъ объ нихъ разысканіяхъ, а частію въ ихъ жизнеописаніяхъ. Такъ о св. Василіѣ великомъ извѣстно, что онъ былъ росту высокаго, но весьма сухъ, и видъ имѣлъ глубокомысленный. Тѣло св. Григорія Назіанзина было слячено отъ лѣтъ, голова гола, а лице изсохшее отъ слезъ [2]. О преподобномъ Орѣ въ Четьи-минеи за августъ мѣсяцъ говорится, что онъ былъ девяноста лѣтъ, имѣлъ длинную бороду, украшенную сѣдинами, взоромъ свѣтлъ и самымъ видѣніемъ честенъ и благоговѣенъ.

Какъ изображать тѣхъ святыхъ, о видѣ и обликѣ коихъ древность не оставила намъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, могутъ служить вѣроятнѣйшимъ указаніемъ древнія иконы, напр. апостолъ Петръ на всѣхъ старинныхъ иконахъ представляется старцемъ худощавымъ, безъ волосъ на верхней части головы, съ малою бородою. Подобно сему изображается и святитель Николай. Наши московскіе святители: Петръ, Алексій и Филиппъ, новгородскіе: Никита, Евѳимій, Іона и другіе, преподобные отцы: Сергій радонежскій, Зосима и Савватій соловецкіе, Варлаамъ хутынскій, Савва вишерскій и другіе на многихъ старинныхъ иконахъ, такъ называемаго греческаго письма, сохранившихся въ сѣверныхъ областяхъ Россіи, изображены до той степени единообразно, что со всею вѣроятностію можно заключить, что въ ихъ изображеніяхъ соблюдено портретное сходство [3]. А касательно облаченій, митръ, архіерейскихъ посоховъ, иноческихъ одеждъ, въ коихъ упомянутые

[1] Syn. Hist. G. Cedrini. Libr. II, c. 37. Христіанское чтеніе 1826 года, часть XXI стр. 342. [2] Словарь историческій, или сокращенная библіотека подъ именами означенныхъ святыхъ. [3] О нѣкоторыхъ иконахъ сіе исторически извѣстно: такъ напримѣръ образъ преподобнаго отца Кирилла бѣлоезерскаго, хранящійся въ большомъ соборѣ кирилловскаго монастыря писанъ преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ: «еще живу сущу чудотворцу Кириллу.» См. Москвитянинъ 1843 года № II, стр. 256.

святые представлены на старинныхъ иконахъ, и сомнѣваться нельзя, что въ изображеніи ихъ соблюдены старинныя формы: такъ какъ въ нѣкоторыхъ соборахъ и монашескихъ обителяхъ доселѣ сохраняются такого вида древнія архіерейскія облаченія, митры, посохи, иноческія одежды и т. д.

Древнѣйшія изображенія многихъ святыхъ можно находить въ рукописныхъ спискахъ съ твореній отцевъ Церкви, при коихъ приложены ихъ изображенія и вообще въ древнихъ такъ называемыхъ харатейныхъ книгахъ, какія хранятся въ библіотекахъ с. петербургской Императорской, московской патріаршеской ризницы, новгородскаго Софійскаго собора, въ нѣкоторыхъ иноческихъ обителяхъ, въ Румянцовской и въ частныхъ рукахъ. На нѣкоторыя древнія изображенія святыхъ, хранящіяся въ римской ватиканской и парижской библіотекѣ, указываетъ Ассеманій въ твореніи своемъ Calendaria universae Ecclesiae [1]. Но по всей вѣроятности можно бы отыскать подобные памятники христіанской древности и въ другихъ знаменитыхъ европейскихъ библіотекахъ, каковы: вѣнская, оксфордская и другія.

Древнѣйшія изображенія святыхъ отцевъ, прославившихся неутомимыми подвигами и просвѣщеніемъ для блага св. Церкви съ III до IX вѣка по Рождествѣ Христовомъ, какъ напр. Аѳанасія великаго, Кирилла іерусалимскаго, Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Епифанія, Ефрема Сирина и другихъ, можно усматривать снятыя съ древнѣйшихъ иконъ и припечатанныя при ихъ твореніяхъ, изданныхъ въ XVII и XVIII столѣтіи въ Парижѣ, въ Венеціи, во Франкфуртѣ и другихъ мѣстахъ, также въ рѣдкой теперь книгѣ πατρολόγια [2].

Указаніемъ на древніе костюмы благочестивыхъ греческихъ царей, напр. равноапостольныхъ Константина и Елены, могутъ быть древнія медали, изъ коихъ нѣкоторые снимки напечатаны

---

[1] Calend. Eccles Universae Tom. VI. pag. 3 et allis. [2] Полное надписаніе означенной книги слѣдующее: πατρολόγια, id est descriptio SS. Patrum Graecorum, qui in Augustana Bibliotheca visuntur aeri incisa per Raphaëlem custodem Antverpianum Augustae Vindelicorum anno partus Virginei 1624 a.

въ книгахъ называемыхъ Corpus Bysantinum и въ первыхъ шести томахъ исторіи Баронія [1].

Отъ такихъ указаній иконописецъ не въ правѣ уклоняться, какъ развѣ имѣя основательнѣйшія причины, убѣждающія его, что въ подобныхъ памятникахъ не соблюдена историческая вѣрность. Долгъ его, не увлекаясь своею фантазіею, предварительно искать историческихъ памятниковъ, которымъ бы онъ могъ слѣдовать, изображая каждый предметъ своей кисти. Для достиженія сей цѣли, на немъ лежитъ обязанность пріобрѣсть точныя свѣдѣнія не только о лицахъ, составляющихъ предметъ иконописанія, но и о всякаго рода одеждахъ, сосудахъ, орудіяхъ, которыя могли быть въ ихъ употребленіи, часто даже о самой мѣстности, на которой происходило какое-либо церковно-историческое событіе. Какъ, напримѣръ не знать иконописцу, а не знаютъ лучшіе художники, что въ древности іерархи и пресвитеры носили фелони или ризы почти равной длины спереди и сзади; что въ Россіи рѣдкіе архіепископы и митрополиты, а только всѣ патріархи носили саккосы до Петра I, который сперва пожаловалъ ими митрополитовъ и архіепископовъ, а потомъ указалъ всѣмъ россійскимъ архіереямъ тотчасъ послѣ хиротоніи вмѣсто фелоней носитъ саккосы [2]; что монашескіе клобуки, какъ можно усматривать на всѣхъ портретахъ россійскихъ патріарховъ до Адріана, также изъ портрета митрополита Петра Могилы и другихъ, употреблялись круглые, полуовальные. Въ семъ отношеніи древніе иконописцы очевидно менѣе погрѣшали, такъ, что, разсматривая старинныя иконы, нельзя не убѣдиться, что ихъ писатели болѣе старались о соблюденіи исторической вѣрности въ иконописаніи, нежели новѣйшіе. Изъ сего слѣдуетъ, что пока иконописаніе не утвердится на незыблемыхъ правилахъ, иконописцу въ изображеніи тѣхъ предметовъ, на которые трудно найти историческія указанія, всего естественнѣе имѣть въ виду иконы

---

[1] Annales Ecclesiaticae Caesar. Baronii Soran cum critica, Historico-chronologica Antonii Pagii. Lucae. 1738. [2] Указъ состоялся 1705 года.

древняго византійскаго письма: какъ потому, что древніе художники, по всей вѣроятности, слѣдовали существовавшимъ еще въ ихъ время историческимъ памятникамъ, такъ и потому, что условныя изображенія въ извѣстныхъ формахъ нѣкоторыхъ представляемыхъ на иконахъ предметовъ освящены уже употребленіемъ [1].

Для сочиненія и выполненія изображеній, представляющихъ ветхозавѣтныя историческія событія, иконописцу не только необходимы свѣдѣнія объ устройствѣ скиніи и храма Соломонова, о жертвенныхъ сосудахъ, орудіяхъ, о левитскихъ и священническихъ ветхозавѣтныхъ облаченіяхъ, и вообще объ одеждахъ, архитектурѣ, земледѣліи и искусственныхъ произведеніяхъ евреевъ, но также о костюмахъ, сосудахъ и орудіи египтянъ, ассиріянъ, халдеевъ, персовъ, тирянъ, сидонянъ, грековъ и римлянъ: такъ какъ евреи не только были въ частыхъ сношеніяхъ съ тѣми народами, но даже нѣкоторыми изъ нихъ были порабощаемы. Только когда, по совершенному недостатку древнихъ скульптурныхъ и другаго рода памятниковъ, художникъ не можетъ отыскать никакихъ указаній, ему позволяется отчасти увлечься и фантазіей въ изображеніи костюмовъ и другихъ подобныхъ предметовъ; но и въ такихъ случаяхъ онъ долженъ беречься изображать восточныхъ жителей, напримѣръ патріарховъ: Авраама, Исаака и Израиля въ новѣйшихъ европейскихъ одеждахъ, и лучше уже въ семъ отношеніи подражать одѣяніямъ степныхъ арабовъ, какъ потому, что на востокѣ, по общему мнѣнію ученыхъ путе-

---

[1] Въ сочиненіи: Стоглавъ, предписывается иконописцамъ писать образа *по подлинникамъ, по образу и подобію.* Кажется, что со временъ Іоанна Васильевича русскіе иконописцы такими слововыраженіями означали то же, что теперь художники разумѣютъ подъ словами *идеалъ, типъ, прототипъ*, къ которому живописецъ долженъ приблизиться, изображая какой либо священный предметъ: потому что нельзя сказать, чтобы русскіе иконописцы съ XV до XVIII вѣка только что списывали иконы съ прежнихъ. Это явно изъ разнообразія положеній, въ которыхъ были представляемы ими лики святыхъ. Сколько напримѣръ разнообразія въ однихъ чудотворныхъ иконахъ, однихъ и тѣхъ же ликовъ?

шественниковъ, доселѣ мало въ чемъ измѣнились обычаи и костюмы восточныхъ народовъ, такъ и потому, что жизнь простыхъ израильтянъ, особенно во времена патріархальныя, во многомъ сходна была съ жизнію кочующихъ племенъ Аравіи[1].

Равнымъ образомъ иконописцу необходимо имѣть въ виду какъ то, изъ какого народа по происхожденію святые, коихъ лики онъ изображаетъ, такъ и страну, въ которой происходили событія, составляющія предметъ его кисти. Господь устроилъ свою Церковь изъ всѣхъ племенъ, колѣнъ, народовъ и языковъ земли, которые отличаются особеннымъ цвѣтомъ тѣла и волосъ, различною физіономіею и т. д. Даже растенія и самая почва земли имѣютъ иной видъ въ одной, нежели въ другой странѣ свѣта. Долгъ иконописца во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ сколь возможно приближаться къ истинѣ. Не странно ли напр., что художники пишутъ евангелистовъ наподобіе какихъ нибудь русскихъ старичковъ? Согласно ли было бы съ истиною изображать ѳиваидскихъ отшельниковъ въ лѣсистой, мрачной пустынѣ, какія свойственны сѣвернымъ странамъ земли?

Стараясь быть вѣрнымъ исторической истинѣ, иконописецъ долженъ еще пріобрѣсть точныя свѣдѣнія о томъ: дозволяется ли Церковію изображать лики святыхъ съ такими символами, какіе придаютъ имъ какіе нибудь иконописцы, или могутъ представиться его воображенію? Такъ иконники придерживающіеся византійскаго стиля, послѣдуя мнѣнію Ѳеофилакта болгарскаго, жившаго въ XI вѣкѣ, изъ херувимовъ явившихся въ видѣніи пророку Іезекіилю, изображаютъ съ евангелистомъ Маркомъ лице орлиное, а евангелиста Іоанна пишутъ съ символомъ льва. Но по изъясненію, точнѣе подходящему къ отличительнымъ признакамъ евангельскихъ писаній блаженнаго

---

[1] Отличительнымъ напр. признакомъ лицъ жителей Востока, между прочимъ, можно положить то, что часть лица занимаемая бровями, глазами и носомъ, длиннообразнѣе лица сѣверныхъ жителей, коихъ лица обыкновенно дѣлятся на четыре равныя части; что глаза восточныхъ жителей почти на той же линіи стоятъ, на которой у сѣверныхъ людей брови; вообще соразмѣрность лицъ жителей Палестины и смежныхъ народовъ подходитъ къ мѣрѣ антиковъ. См. книгу «Рисовальный Учитель» Н. Станкевича. СПБ. 1834 года.

Іеронима [1], жившаго въ IV, и св. Григорія Двоеслова [2] жившаго въ VI столѣтіи по Рожд. Христ., упомянутые символы должно писать на оборотъ. У живописцевъ римской Церкви вошло въ обычай писать св. Іоанна крестителя указывающаго перстомъ на естественнаго агнца, тогда какъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ опредѣлено: «Образъ Агнца (вземлющаго грѣхъ міра) Христа Бога нашего представлять на иконахъ по человѣческому естеству, вмѣсто ветхаго агнца, да чрезъ то, созерцая смиреніе Бога Слова, приводимся къ воспоминанію житія Его во плоти, Его страданія и спасительныя смерти, и симъ образомъ совершившагося искупленія міра [3]».

Какія пособія могли бы содѣйствовать успѣхамъ иконописанія?

Выше изчисленныя историческія указанія, столь необходимыя для направленія иконной живописи къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ должна она стремиться, не легко частному художнику найти и въ столицахъ, а въ дали отъ нихъ почти совершенно невозможно. Посему: 1) большое принесло бы пособіе успѣхамъ иконописанія составленное опытною рукою выправленное въ рисункѣ и драпировкѣ гравированное, или литографированное, или хотя политипажное собраніе копій съ древнихъ византійскаго стиля иконъ, особенно тѣхъ, коихъ рисунки не такъ еще искажены, что въ нихъ невозможно уже усматривать спокойнаго величія, простоты и сообразности съ духомъ христіанства ликовъ святыхъ [4]. 2) Столько же было бы

---

[1] Oper. Hieronym. Tom IV. Paris. 2 pag. 586. Epist. 54 ad Pammochiam. [2] Oper. S. Gregor. papae Tom. I. pag. 1200 in Ezechielem. [3] Книга правилъ св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, VI всел. собора 82 правила, стр. 116. [4] Въ изданіи такого альбома самая вопіющая въ Россіи нужда, а издатель его не только не остался бы въ убыткѣ, но даже щедро былъ бы награжденъ покупщиками. Академикъ г. Солнцевъ давно посвятилъ себя подобнымъ истинно

полезно для иконописнаго художества изданіе книги, въ которой бы собраны были изображенія святителей и преподобныхъ, снятыя съ эстамповъ приложенныхъ къ ихъ твореніямъ, изданнымъ въ разныхъ городахъ Европы въ теченіи XVII и XVIII вѣка, особенно изображенія святыхъ находящіяся еще при древнихъ рукописяхъ. 3) Не менѣе того давно ожидаетъ иконная живопись изданія библіи въ лицахъ, съ изображеніями и ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событій, составленными со всею отчетливостію въ рисункѣ и строгою обдуманностію по сочиненію. Изданіе подобной книги тѣмъ необходимѣе, что благочестіе русскаго народа любитъ украшать храмы изображеніями ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событій; а частные художники кромѣ вышедшихъ въ старину лицевыхъ библій, которыя составили, какъ выразился святѣйшій патріархъ Іоакимъ, *Лютеры и Кальвины*, не имѣютъ другаго руководства въ семъ отношеніи [1].

полезнымъ для искусства занятіямъ; но къ прискорбію о-сю-пору не издаетъ въ свѣтъ трудовъ своихъ. Между тѣмъ, молодые наши граверы избираютъ программы, для выказанія своего въ гравированіи искусства, крайне неудачныя. Напр. художникъ Плаксинъ, граверъ отличнѣйшихъ способностей, вздумалъ выгравировать съ какой-то картины Рафаэля Урбино Святое Семейство, въ которомъ лице св. Іосифа обручника очевидно списано съ какого нибудь бритаго ксендза. Вѣдь св. Іосифъ былъ израильтянинъ, а израильтяне не брили бородъ. И при такихъ несообразностяхъ художники жалуются, что ихъ произведенія не имѣютъ сбыту на Руси православной!

[1] Къ составленію библіи въ лицахъ могли бы послужить пособіемъ такого рода гравюры и политипажи новѣйшіе иностранные; только для сей цѣли требуется критическій взглядъ при ихъ выборѣ, свобода и совершенство рисунка. Напр. въ книгѣ, именуемой *священная исторія ветхаго и новаго завѣта, вышедшей изъ типографіи Плюшара въ С. Петербургѣ 1839 г.*, политипажныя изображенія священныхъ событій въ Египтѣ, по характеру архитектуры и костюмовъ египетскихъ, заслуживаютъ одобренія. Вообще же, если бы наши художники старались узнавать истинныя потребности св. Церкви и русскаго народа, трудились совѣстливо, принимались за дѣло тщательно, изучившись своему искусству: то не имѣли бы нужды наскучать своими письмами извѣстнымъ лицамъ о содѣйствіи въ покупкѣ ихъ издѣлій. Истинно хорошія, сообразныя съ потребностію св. Церкви и русскаго народа произведенія сами по себѣ привлекали бы покупателей.

Иконописецъ долженъ устранять отъ себя предметы враждебные духу христіанства.

Углубившись въ свой предметъ, сообразивъ критически всѣ отношенія и назначеніе его, и приведя духъ свой молитвою и размышленіемъ въ состояніе какбы нѣкоего вдохновенія свыше, которое могло бы возвысить его до идеальнаго созерцанія предмета иконописанія, искусный художникъ можетъ, въ уповаціи на содѣйствіе благодати Божіей, приняться за дѣло. Но какъ всегда, такъ особенно во время своихъ занятій, онъ долженъ всемѣрно избѣгать страстныхъ волненій, суетной разсѣянности и всего того, что можетъ привесть духъ его въ смущеніе, ослабить душевныя силы и возбудить въ немъ мысли и ощущенія враждебныя духу христіанства. Съ сею цѣлію, между прочимъ, изъ лабораторіи иконописца должны быть изгнаны всякаго рода изображенія языческихъ, такъ называемыхъ, Зевесовъ, Венеръ, Сатурновъ, Нимфъ, Бахусовъ, Наядъ и всего ихъ нечистаго племени [1]; потому что если, по выраженію св. писанія, изъ одного и того же источника не можетъ истекать сладкая и горкая вода [2]; если съ терновника не собираютъ винограда, а съ репейника смоквъ [3]: то грязныя произведенія языческой фантазіи всегда будутъ охлаждать въ иконописцѣ теплоту вѣры и благочестія, долженствующихъ одушевлять его во время его занятій, погрузятъ сердце его во блатѣ низкихъ, недостойныхъ кисти помысловъ, а отъ сего произведенія, вышедшія изъ рукъ его въ такомъ состояніи духа, не будутъ соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ, для достиженія ко-

[1] Крайне прискорбно для христіанскаго чувства въ лабораторіяхъ нашихъ художниковъ видѣть въ смѣси картины представляющія священные и миѳологическіе предметы, изображеніе Спасителя на-ряду съ какимъ нибудь Бахусомъ, Богоматери съ Венерою и т. п. Неужели наши художники дошли до такой мудрости, что сравнили всѣ вѣрованія? Къ чему же это поведетъ, чѣмъ кончится? [2] Іак. 3, 11. [3] Матѳ. 7, 16.

ихъ Церковь освятила иконописное художество. *Кое бо*, вопрошаетъ Апостолъ, *причастіе правдѣ къ беззаконію, или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое же согласіе Христови съ веліаромъ, или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ? или кое сложеніе Церкви Божіей со идолы*[1].

Отъ иконописца требуется соображеніе относительно расположенія св. иконъ въ храмѣ Божіемъ.

Прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы иконы сами по себѣ соотвѣтствовали той цѣли, для достиженія коей живописное художество принято въ Церкви св., иконописецъ долженъ имѣть еще въ виду, чтобы произведенія его кисти, бывъ поставлены на предполагаемыхъ мѣстахъ, производили ожидаемое отъ нихъ дѣйствіе на приходящихъ въ храмъ Божій. Въ семъ отношеніи не столько отъ иконописца требуется соображеніе: какой величины будутъ иконы, сколько то: въ какихъ мѣстахъ, какія иконы должны быть поставлены? Такое соображеніе при украшеніи храмовъ нашей Церкви иконами необходимо потому особенно, что зодчіе и живописцы нашихъ временъ, не отвыкши еще восхищаться произведеніями зодчества и скульптуры языческими, полагаютъ, будто и христіанскіе храмы, подобно уцѣлѣвшимъ отчасти языческимъ капищамъ, тѣмъ болѣе будутъ имѣть величія и красоты, чѣмъ менѣе будетъ въ нихъ изображеній. Но язычники думали, что идолы суть божества ограниченныя пространствомъ мѣста занятаго капищами, въ которыхъ они обитаютъ, такъ, что, присутствуя въ своихъ капищахъ, въ одно и то же время не могутъ быть въ другихъ мѣстахъ, что посему необходимо приходить въ ихъ капища и приносить имъ извѣстнаго рода жертвы, чтобы получить отъ нихъ какую-либо помощь, а христіане исповѣдуютъ Бога вездѣсущаго и всевидящаго; посему и воздвигаемые ими храмы, какъ

---

[1] 2 Коринѳ. 6, 14. 15. 16.

значеніе, такъ и назначеніе имѣютъ совершенно отличное отъ тѣхъ, какія приписывались язычниками капищамъ лживыхъ божествъ.

И во первыхъ, христіанскіе храмы образуютъ собою вселенскую Церковь земную и небесную; потому что «Церковь», какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «не что иное какъ домъ устрояемый изъ нашихъ душъ. А сей домъ не весь равно драгоцѣнный; но изъ камней совносимыхъ на его устроеніе, иные блистательны и свѣтлы, иные менѣе и тусклѣе, хотя гораздо драгоцѣннѣе. Между вѣрующими можно видѣть въ Церкви многихъ замѣняющихъ золото, украшающее куполъ храма, можно видѣть и составляющихъ собою украшеніе, наподобіе картинъ, и многихъ стоящихъ наподобіе колоннъ. Ибо обыкновенно называютъ столпами тѣхъ людей, которые не только твердостію характера, но и добродѣтелію доставляютъ (Церкви) украшеніе наподобіе столповъ, имѣющихъ позолоченныя капители; можно видѣть въ Церкви и множество вѣрующихъ, которые образуютъ какъ бы большое пространство, огражденное стѣнами, потому что сонмы вѣрующихъ суть наподобіе стѣнъ церкви [1]». Соотвѣтственно сему св. иконы полагаемыя на иконостасѣ и въ алтарѣ, по изъясненію Симеона Өессалонитскаго, образуютъ собою небесную торжествующую Церковь [2].

Вовторыхъ, христіанскіе храмы не только назначаются для молитвенныхъ собраній, торжественнаго служенія Богу и совершенія святѣйшихъ таинствъ вѣры, но вмѣстѣ суть училища благочестія христіанскаго [3]. Для сихъ преимущественно цѣлей св. Церковь приняла въ свои нѣдра иконописаніе, именно: чтобы оно содѣйствовало ея усиліямъ къ возбужденію въ вѣрующихъ съ одной стороны благоговѣнія къ Богу и молитвеннаго духа, съ другой къ углубленію истинъ вѣры и христіанской дѣятельности въ чадахъ Церкви. Изъ сего слѣдуетъ, что мно-

---

[1] Oper. S. Ioah. Chrysostomi Tom. XI, pag. 78. Parisiis 1734 in Epist. ad Ephes. cap. IV, Homil. X. [2] Συμεων του μακαριου Ἀρχιεπισκοπου Θεσσαλονικης κατα αἱρέσεων ἐν Γιασιω της Μολδαβιας 1683 κεφ. 136. [3] О служеніи и чиноположеніяхъ православныя греко-россійскія Церкви, гл. 1, § 5.

жество иконъ, не только не отвлекаетъ отъ такихъ цѣлей, но еще болѣе споспѣшествуетъ къ достиженію ихъ. Посему отъ иконописца требуется такое размѣщеніе иконъ въ храмѣ, чтобы однѣ изъ нихъ преимущественно настроивали душу зрителя къ молитвѣ, другія служили побужденіемъ къ христіанской дѣятельности.

Въ храмахъ восточной Церкви издревле устроялись во внутренности алтаря три входа, изъ коихъ боковые именовались сѣвернымъ и южнымъ, а средній, какъ предназначенный для торжественныхъ во время богослуженія шествій, образующихъ явленіе Іисуса Христа, Царя небесе и земли, для проповѣди евангелія, вшествіе Его въ Іерусалимъ на страданія и явленіе Его ученикамъ своимъ по воскресеніи, именовался Царскимъ. По сторонамъ сихъ входовъ помѣщались четыре иконы, изъ коихъ стоявшія у самыхъ царскихъ вратъ представляли лики Спасителя и преблагословенной Его Матери. Съ правой стороны южнаго входа поставлялась икона, на коей изображался ликъ святаго, или историческое какое либо событіе, особенному воспоминанію коихъ посвящался храмъ, а въ соотвѣтствіе сей иконѣ полагалась съ лѣвой стороны сѣвернаго входа другая икона, также изображающая ликъ какого-либо святаго, или священное событіе. Издревле также поставлялись иконы и надъ вратами для означенія, какъ изъясняетъ Симеонъ Ѳессалонитскій, союза любви и единенія во Христѣ святыхъ христіанъ сущихъ на землѣ съ горними! «Съ сею цѣлію», говоритъ онъ, «и выше карниза, что надъ вратами, занимаетъ между св. иконами среднее мѣсто образъ Спасителя, а по сторонамъ Матери Его, Крестителя, ангеловъ, апостоловъ и прочихъ святыхъ, въ показаніе того, что подобнымъ образомъ Христосъ пребываетъ со святыми на небесахъ, что Онъ имѣетъ общеніе съ нами въ настоящей жизни, и что въ такомъ же видѣ имѣетъ со святыми пріити къ намъ [1]». Украшать такимъ образомъ иконостасы, по розысканіямъ Гоара, вошло въ обычай преимущественно со времени освобожденія Церкви отъ гоненія

[1] Κατα αἱρεσεων κεφ. 136.

иконоборцевъ[1]. Въ нашемъ отечествѣ въ теченіи XVI и XVII столѣтія величественные храмы, каковы напримѣръ московскій Успенскій и новгородскій Софійскій, украшались иконостасами въ пять ярусовъ, или поясовъ, которые технически назывались тяблами и именовались по содержанію иконъ праотеческими, пророческими, апостольскими, праздничными, Деисусомъ и мѣстными образами.

По свидѣтельству Гоара, на завѣсѣ, которою задергивались царскія врата, въ древности изображали особенно архангела Михаила, который какбы съ угрозою сверкающимъ мечемъ возбранялъ входъ въ святая святыхъ[2]. Какія же помѣщаемы были изображенія на царскихъ вратахъ, трудно найти указанія въ твореніяхъ церковныхъ писателей. Но, судя по стариннымъ иконостасамъ, сохранившимся еще кое-гдѣ въ сѣверныхъ областяхъ Россіи, можно заключать, что на царскихъ вратахъ постоянно писали образъ Благовѣщенія, и если позволяло мѣсто, четырехъ евангелистовъ, или благовѣстниковъ нашего спасенія, а на вратахъ сѣверныхъ и южныхъ — св. первомученика архидіакона Стефана, Ангеловъ, Аарона, Захарію пророка и т. п.

Въ алтарѣ, сколько можно заключать по уцѣлѣвшимъ до нашихъ временъ церковнымъ памятникамъ, каковъ мозаикъ сохранившійся отъ временъ Ярослава въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, и по свидѣтельству выше приведеннаго Гоара[3], на горнемъ мѣстѣ древніе христіане восточной Церкви изображали Спасителя благословляющаго на Тайной вечери хлѣбъ и вино, или пріобщающаго отъ тѣла и крови своей Апостоловъ, также святителей Церкви. Въ кіевскомъ соборѣ выложены еще мозаикой на сводѣ отъ горняго мѣста образъ Божіей Матери про-

---

[1] Εὐχολόγιον, sive Rituale Graecorum, Iac. Goar. Venetiis, 1730. Вотъ о семъ слова Гоара: Reticula lignea... mutavit Ecclesia Orientalis in tabulata solida, a tempore, quo Iconoclastarum furore turbata plures et frequentiores Sanctorum imagines ibi depictas esse voluit, earumque cultum perantiquum, probatum et sedula, crebraque observantia confirmatum... pag. 14. [2] Ibidem.
[3] Ibidem pag. 13.

званный стѣна необоримая, а ниже Тайной вечери два святые архидіакона и восемь святителей [1]. Впослѣдствіи для разнообразія начали ставить на горнемъ мѣстѣ иконы Св. Троицы, Распятія, моленія о чашѣ, и иконы Божіей Матери, за жертвенникомъ образа представляющіе Рождество, или положеніе Спасителя во гробѣ и симъ подобныя.

Такое расположеніе въ храмѣ св. иконъ, съ малыми исключеніями, въ Россіи кажется было всеобщимъ до введенія съ послѣдней половины XVIII столѣтія иконостасовъ устрояемыхъ наподобіе римскихъ тріумфальныхъ воротъ: а сего вида иконостасы не допускали уже изображеній въ количествѣ соразмѣрномъ прежнему.

Кромѣ иконъ, поставляемыхъ на иконостасѣ, въ кивотахъ, при стѣнахъ и колоннахъ, также украшались иконнымъ писаніемъ куполы и стѣны храма: какъ сіе доказываютъ остатки древняго мозаика въ Кіевософійскомъ и куполъ новгородскаго Софійскаго собора. Впослѣдствіи стѣнопись нашихъ храмовъ представляла евангельскія притчи, вселенскіе соборы и дѣянія святыхъ, такъ что для неграмотныхъ замѣняла грамоту, и для грамотныхъ служила поученіемъ. На иконостасѣ, въ куполѣ и на стѣнахъ московскаго Успенскаго собора, по замѣчанію митрополита Филарета, выражена и проявляется полная идея вселенской Церкви [2].

Явно, что расположеніе иконъ въ храмахъ св. нашей Церкви въ сущности своей доселѣ не измѣнилось. Почему, сообразуясь съ такимъ расположеніемъ, иконописецъ долженъ имѣть въ виду: на какомъ мѣстѣ будетъ поставлена какая икона и какъ должна быть написана, чтобы производила въ зрителяхъ ощущеніе соотвѣтственное своему назначенію.

Такъ иконы, поставляемыя на горнемъ мѣстѣ, въ кивотахъ и на иконостасѣ, особенно называемыя мѣстными, преимуще-

---

[1] Описаніе Кіевософійскаго собора и кіевской іерархіи 1825 г. стр. 42 и 43. [2] Памятники московской древности, тетрадь, 2 стран. II. 38, также воспоминаніе о посѣщеніи святыни московской государемъ наслѣдникомъ 1838 г. въ 12 д.

ственно предназначаются къ тому, чтобы въ приходящихъ въ храмы возбуждать духъ молитвы и благоговѣнія къ Богу, живое чувство вездѣприсутствія Его, *яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща* [1], и ту увѣренность, что святые, — также суть свидѣтели нашихъ дѣйствій, что они, пребывая на небеси, пребываютъ въ общеніи съ земною Церковію и составляютъ съ нею едину Церковь Христову; содѣйствовать молящимся къ сосредоточенію мыслей и душевныхъ движеній, требуемыхъ мѣстомъ, и какбы поддерживать слабость человѣческаго духа въ молитвенномъ упражненіи. Точно такія ощущенія многіе испытываютъ, вперяя взоръ свой на иконы написанныя искусно и благоговѣйною кистію. Слѣдовательно иконы, полагаемыя на главныхъ мѣстахъ, такъ какъ на нихъ прежде всего и какбы исключительно устремляются взоры присутствующихъ въ храмѣ во время молитвы, требуютъ въ высшей степени идеальности, самаго правильнаго рисунка, самаго обдуманнаго расположенія изображаемыхъ на нихъ ликовъ, самой тщательной отдѣлки и окончательности до той степени совершенной, чтобы иконы, не только казались явленіемъ духовнаго міра, но представлялись еще какбы пластически осязательными, чтобы, отторгая отъ земли сердце молящихся, приближали къ нимъ собою міръ небесный, производили въ чистыхъ душахъ предощущеніе вѣчнаго блаженства. Изъ сего также слѣдуетъ, что на указанныхъ мѣстахъ неприличны многосложныя, историческія иконы, особенно если на нихъ изображены вмѣстѣ съ святыми лица обыкновенныхъ людей, не только непрославившихся святостію жизни, но даже беззаконныхъ; потому что такого рода иконы, развлекая вниманіе молящихся, доводятъ мысли ихъ до разсѣянности; а иногда раждаютъ въ нихъ искусительные помыслы: не чествуютъ ли они вмѣстѣ съ иконами предметовъ недостойныхъ поклоненія; напримѣръ на Рафаэлевомъ Преображеніи Спасителя не воздается ли честь бѣснующемуся отроку, или на иконѣ Воскресенія Христова стражѣ римскихъ воиновъ? На сводахъ алтаря и церкви не-

[1] Дѣян. 17, 27.

умѣстны изображенія событій совершившихся на землѣ, каково напр. преднамѣренное закланіе Авраамомъ Исаака, или моленіе о чашѣ Спасителя, вознесеніе змія въ пустынѣ и т. п. На нихъ всего естественнѣе изображать явленія изъ духовнаго міра, напр. изображеніе Св. Троицы, Спасителя благословляющаго, или грядущаго на облакахъ славы судить живыхъ и мертвыхъ, также лики святыхъ, окруженные свѣтомъ небеснаго блаженства.

Въ отдѣльныхъ по сторонамъ храма кивотахъ, на тумбахъ иконостаса и кивотовъ, особенно на стѣнахъ, прилично помѣщать изображенія евангельскихъ притчей, священныхъ и церковно-историческихъ событій, которыя въ области художествъ именуются историческою живописью, а по отношенію къ цѣли должны быть поучительны, такъ чтобы въ семъ смыслѣ могли по справедливости носить названіе нѣмыхъ проповѣдей. На такихъ иконахъ художнику часто представляется необходимость писать и лица обыкновенныхъ людей, даже духовъ злобы; посему онъ имѣетъ случай выказать свое искусство въ выраженіи страстей, напр. коварства и злобы фарисеевъ, предлагающихъ Спасителю вопросъ: *Достоитъ ли давать дань кесарю, или ни?* Но иконописцу съ одной стороны надлежитъ беречься въ семъ отношеніи какой либо крайности; съ другой стороны стараться, чтобы лики святыхъ самою осанкою, выраженіемъ лица и движеній были отличнѣе и превосходили своею святолѣпностію другія лица, изображаемыя на иконѣ. Съ сею цѣлію древніе иконописцы полагали для себя правиломъ окружать лица святыхъ сіяніемъ, или по меньшей мѣрѣ свѣтлою, наподобіе круга, чертою. Новѣйшіе живописцы, изъ предосудительнаго въ семъ отношеніи желанія, чтобы ихъ произведенія подходили сколь возможно ближе къ природѣ, и казались естественными, отвергли сіе правило, тогда какъ языческіе художники, которые, безспорно, искусство ваянія довели до высочайшаго совершенства, нерѣдко употребляли этотъ художественный символъ, означающій, что, какъ живописный,

такъ и скульптурный ликъ, окруженный лучами или сіяніемъ, представляетъ предметъ религіознаго благоговѣнія [1].

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ликъ одного и того же святаго требуется представить въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ историческихъ изображеніяхъ, иконописцу должно внушить простое соображеніе, что сколько кратъ нужно повторить ликъ такого святаго, лики его на всѣхъ изображеніяхъ должны сходствовать между собою, въ какихъ бы положеніяхъ онъ ни былъ представленъ. Было бы еще лучше, еслибы совмѣстными усиліями живописцевъ идеалы святыхъ олицетворялись такимъ образомъ, чтобы каждый типъ ихъ имѣлъ какбы индивидуальный характеръ; чтобы изображеніе каждаго святаго, какимъ бы ни было представлено живописцемъ, превосходнымъ, или посредственнымъ, тотчасъ сообщало понятіе именно такого-то, а не другаго святаго, такъ чтобы съ перваго взгляда ликъ одного святаго могъ быть отличенъ отъ другаго, какъ начертаніе одной буквы отъ другой, какимъ бы онѣ ни были написаны почеркомъ. Общее же правило, которому долженъ слѣдовать художникъ, упражняясь въ писаніи историческихъ иконъ, состоитъ въ томъ, чтобы все изображаемое на нихъ было прилично священному мѣсту, не подавало никакого соблазна, не заключало въ себѣ ничего страстнаго, и согласно было съ историческою истиною.

Въ иноческихъ обителяхъ и храмахъ, въ которыхъ хранятся прославленныя чудотвореніями св. иконы, или нетлѣнные останки угодниковъ Божіихъ, вожделѣнны для народнаго благочестія изображенія благодатныхъ исцѣленій, бывшихъ плодомъ вѣры и молитвы предъ чудотворною иконою, или нетлѣнными останками угодниковъ Божіихъ, также изображенія добродѣтельныхъ подвиговъ упоминаемыхъ въ ихъ жизнеописаніи. Такого

[1] См. рисунки къ Миѳологической галереѣ №№ 84, 244, 371, 663. Плиній въ похвальномъ словѣ Траяну говоритъ: Horum (negotiorum) unum si praestitisset alius, illi jam dudum *radiatum caput* et media inter deos sedes auro staret aut ebore, augustioribusque aris et grandioribus victimis invocaretur.

рода иконы весьма приличны и въ тѣхъ храмахъ, которые обыкновенно означаются именемъ того или другаго святаго. Созерцаніе такихъ иконъ укрѣпляетъ вѣру въ Промыслъ и побуждаетъ къ добродѣтельной жизни. А какъ въ сердцѣ русскаго народа и любовь къ отечеству возжигается и питается силою праотеческой вѣры въ Бога, такъ что русскій народъ любитъ родную страну свою потому, что онъ любитъ св. Церковь; что, по вѣрѣ сердца его, въ русской землѣ Богъ основалъ царство свое, царство Христово и домъ пресвятыя Богородицы: то усладительно было бы для народа въ обителяхъ и храмахъ достопамятныхъ знаменитыми отечественными событіями видѣть ихъ историческія изображенія. Кого напримѣръ не приводило бы въ умиленіе изображеніе въ паперти нижегородскаго собора, представляющее: какъ стекающійся народъ по гласу Минина жертвуетъ для спасенія Церкви и отечества послѣднимъ достояніемъ своимъ? Въ притворѣ новгородскаго хутынскаго монастыря, каждый посѣтитель обители съ назиданіемъ взиралъ бы на икону преподобнаго Варлаама хутынскаго, изображающую: какъ преподобный, во время свирѣпствовавшаго въ новгородской области глада, не опасаясь оскудѣнія въ обители, надѣлялъ всякаго странника хлѣбомъ и деньгами; или когда выпавшій въ іюнѣ мѣсяцѣ снѣгъ произвелъ между окрестными поселянами ропотъ на промыслъ Божій, пр. Варлаамъ показываетъ зародившихся въ хлѣбѣ червей, истребленныхъ внезапно выпадшимъ снѣгомъ и морозомъ, поучая народъ усматривать въ мнимомъ бѣдствіи милость Божію, благодѣтельствующую смертнымъ. Во всякомъ храмѣ было бы поучительно изображеніе мученій претерпѣнныхъ за вѣру св. Михаиломъ княземъ черниговскимъ въ татарскомъ станѣ. А житія святыхъ отецъ нашихъ и отечественная исторія представляютъ множество подобныхъ предметовъ достойныхъ кисти геніальныхъ художниковъ. Изъ новѣйшей напр. исторіи не стоитъ ли увѣковѣчить кистію возвращеніе въ Смоленскъ изъ рати смоленской чудотворной иконы Божіей Матери въ 1812 году, или умерщвленіе французами въ самомъ алтарѣ при совершеніи божественной литургіи нѣкоторыхъ свя-

щенниковъ въ нашествіе Наполеона? Въ другихъ странахъ по-
добные предметы церковной и отечественной исторіи послужили
бы неизсякаемымъ источникомъ занятій для художниковъ: а у
насъ едва начали помышлять о томъ. Между тѣмъ какъ по-
добныя изображенія вразумительнѣе говорили бы сердцу рус-
скаго народа, нежели другаго рода памятники, были бы самыми
вѣрными проводниками къ душѣ его великихъ истинъ вѣры
и дѣятельности христіанской, возжигали бы въ немъ пламенную
любовь къ Богу и ближнему, а такимъ образомъ содѣлались бы
самымъ надежнымъ средствомъ къ насажденію въ народѣ хри-
стіанскихъ добродѣтелей и доблестей отечественныхъ. И русскій
народъ любитъ художественныя произведенія даже, можетъ быть,
болѣе другихъ народовъ; никто, по совѣсти, не можетъ отри-
цать въ немъ талантливости къ искусствамъ: только этотъ на-
родъ въ семъ отношеніи чудный, единственный въ мірѣ! Потѣш-
ное веселитъ и радуетъ его; но онъ, пока не предается ему
всѣмъ сердцемъ, на пластическіе, хотя отечественные, памят-
ники взираетъ равнодушно, какъ на что-то чуждое ему, чуть
не такъ, какъ на нѣчто языческое; потому что о-сю-пору па-
мятниками въ духѣ русскаго народа были монастыри, храмы,
иконы. А какой высокій смыслъ такихъ памятниковъ? При
взглядѣ на икону представляющую изображеніе доблестей и
подвиговъ, совершенныхъ напр. св. великимъ княземъ Алексан-
дромъ Невскимъ въ защиту вѣры и во славу отечества, русское
сердце всецѣло горитъ любовію къ отечеству! Потому что рус-
скій признаетъ ихъ совершившимися подъ осѣненіемъ силы
Божіей [1].

[1] Само собою разумѣется, что писатель сихъ записокъ говоритъ здѣсь
о большой массѣ народа и притомъ современнаго, а не будущаго. Другіе
наблюдатели (Москвитянинъ) замѣчаютъ, что въ столицахъ, даже въ низ-
шемъ классѣ народа, разгарается уже пристрастіе къ зрѣлищамъ дотого,
что въ праздники, въ часы служенія заутрени, вечерни и даже обѣдни, въ про-
тивность обычаямъ нашихъ предковъ, храмы Божіи пусты, а театральные
райки набиты народомъ. На картины не очень нравственнаго содержанія,
выставляемыя иностранными продавцами въ окнахъ столичныхъ магазиновъ,
мужички толпами почти постоянно зѣваютъ; между тѣмъ издатели газетъ,
объявляя о зрѣлищахъ, со всею наивностію напоминаютъ, что римскій на-

Каждая икона должна быть означена надписаніемъ.

Еще одно условіе требуемое иконописаніемъ. Каждый ликъ святаго долженъ быть означенъ подписью иконописца: чей образъ представленъ на иконѣ? Это правило предписано св. Церковію. Именно: въ книгѣ называемой «Православное исповѣданіе вѣры каѳолической и апостольской Церкви восточной», въ изъясненіи второй заповѣди сказано: «о томъ мы должны стараться, чтобы всякая икона имѣла надписаніе, которое бы означало: кто именно изъ святыхъ изображенъ на ней, для того, чтобы скорѣе могъ утвердиться духъ молящагося [1].» Подражая живописцамъ италіанскихъ школъ, одни изъ нашихъ художниковъ, по незнанію сего правила, другіе умышленно — пренебрегаютъ имъ, утверждая въ свое оправданіе, что всякій образъ должно писать такъ, чтобы съ перваго на него взгляда, каждый тотчасъ могъ узнать: чей ликъ изображенъ на иконѣ? Справедливо. Но иконописецъ, какъ служитель въ нѣкоторомъ отношеніи св. Церкви, не долженъ отвергать ея постановленій; съ другой стороны, едва ли кто изъ новѣйшихъ художниковъ, по сознанію ихъ самихъ, превзошелъ древнихъ ваятелей Еллады въ искусствѣ олицетворять именно тѣ, а не другіе предметы, которые они старались осуществить рѣзцомъ своимъ: однакожь они, какъ всякому легко убѣдиться, между прочимъ изъ рисунковъ приложенныхъ къ книгѣ именуемой «Миѳологическая галлерея», лучшія свои произведенія означали надписаніемъ именъ изваянныхъ ими божествъ [2]. Между тѣмъ какъ многія издѣлія новѣйшихъ художниковъ, по своимъ анахронизмамъ и другимъ несообразностямъ, именно такія, что нехитрому уму не разобрать безъ подписи: кого, или что онѣ представляютъ?

родъ ничего болѣе не требовалъ отъ правительства, кромѣ хлѣба и зрѣлищъ. Оно въ самомъ дѣлѣ легче требовать хлѣба, нежели трудиться на хлѣбъ!

[1] Правосл. испов. каѳ. и апост. Церкви восточн. Москва, 1839 года, стр. 190, 191. [2] Рисунки къ Миѳологической галлереѣ №№ 156, 351, 563, 689.

Заключенie.

Сочинитель сихъ записокъ позволяетъ себѣ думать, что, на изложенныхъ имъ условіяхъ, иконописное художество будетъ соотвѣтствовать своимъ цѣлямъ. Но, какъ оно на такихъ условіяхъ сблизится съ иконописаніемъ византійскаго стиля, котораго не жалуютъ новѣйшіе художники и вообще люди привыкшіе восхищаться произведеніями живописи италіанскихъ школъ; то легко могутъ возразить: не охладѣетъ ли отъ сего вкусъ къ исторической священной живописи?

Странное опасеніе, тѣмъ болѣе, что о живописномъ художествѣ всѣхъ мыслей невозможно выразить словомъ. Это доскажетъ кисть талантливыхъ художниковъ, когда они всѣ усилія свои направятъ къ тому, чтобы ихъ произведенія соотвѣтствовали тѣмъ цѣлямъ, для достиженія коихъ Церковь освятила ихъ художество. Впрочемъ съ одной стороны излишнее неблаговоленіе новѣйшихъ художниковъ и любителей новѣйшей живописи къ иконописанію византійскаго стиля проистекаетъ отъ предубѣжденія, похожаго на то, по которому раскольники нашей Церкви отвергаютъ всякое произведеніе живописи, если оно не написано въ греческомъ стилѣ; съ другой стороны, если бы иконописное художество, утвердившись на правилахъ вытекающихъ изъ сущности предмета, дѣйствительно сблизилось съ иконописаніемъ византійскимъ: то едва ли бы отъ сего охладѣлъ вкусъ къ истинно образцовымъ произведеніямъ священно-исторической живописи [1]. Хотя и въ семъ

[1] Спрашивается: неужели уронилось бы искусство, если бы пишущіе иконы въ греческомъ стилѣ усвоили себѣ правильность и совершенство рисунка, естественность въ драпировкѣ одеждъ, соблюденіе правилъ перспективы, искусное сочетаніе свѣта и тѣни и другіе способы новѣйшей живописи? И наоборотъ: предосудительно ли для живописцевъ италіанскаго стиля соблюденіе въ своихъ произведеніяхъ исторической вѣрности, стремленіе къ идеальности, устраненіе изысканности и своеволія въ постановкѣ изображаемыхъ лицъ, представленіе ихъ въ умиляющемъ зрителя видѣ, на-

послѣднемъ случаѣ иконописецъ, какъ служитель истины, съ самоотверженіемъ долженъ слѣдовать указаніямъ ея одной, не раболѣпствуя прихотямъ, несовмѣстнымъ съ духомъ истиннаго христіанства. Но, сообразивъ ходъ священно-исторической живописи, легко усмотрѣть, что подобныя опасенія неосновательны. Ибо не оттого ли въ домахъ, славившихся благочестіемъ и отечественными добродѣтелями, встарину составляли преимущественное украшеніе теремовъ св. иконы византійскаго стиля;—не оттого ли и теперь во внутреннихъ клѣтяхъ благочестивыхъ домовъ души благоговѣющія къ святынѣ изливаютъ свои молитвы ко Господу преимущественно предъ иконами греческаго письма, что онѣ, хотя не искусно, однако ближе подходятъ къ христіанскимъ идеямъ, нежели произведенія италіанской кисти? Не оттого ли въ высшемъ сословіи людей охладѣлъ вкусъ къ исторической, нетолько священной, но и свѣтской живописи, что многія произведенія италіанскихъ школъ представлявшія, какъ будто, священные предметы, мало чѣмъ различались отъ миѳологическихъ фантазій? Такъ, италіанскія картины священно-исторической живописи, заставивъ старинныя иконы перейти изъ нѣкоторыхъ богатѣйшихъ домовъ частію въ храмы Божіи, а частію въ хижины, и сами должны были уступить присвоенное себѣ мѣсто изображеніямъ языческихъ басней. Но вымыслы идолопоклонниковъ, какъ противные здравому, озаренному христіанскимъ ученіемъ смыслу, не могли уже возстановить прежнихъ, насильственныхъ правъ своихъ, коими пользовались во мракѣ язычества, но которыя навсегда уничтожены христіанствомъ: посему, произведя на время судорожныя потрясенія въ душахъ страдавшихъ вольномысліемъ, не только снова обратились въ ничтожество, но съ паденіемъ своимъ увлекли съ собою вкусъ людей высшаго сословія и ко всякой исторической живописи, который тщетно стараются

божная тщательность въ отдѣлкѣ выражаемыхъ кистію предметовъ, свидѣтельствующая о томъ, что художникъ, изображая извѣстный ликъ, былъ проникнутъ тою мыслію, что онъ изображаетъ предметъ достойный народнаго благоговѣнія?

снова воспламенить восклицанія журналистовъ и общества поощренія художествъ.

Правда, еще англійскіе лорды для излѣченія отъ сплина, подобно древнимъ языческимъ богачамъ [1], отличаются безразсчетнымъ расточеніемъ своихъ сокровищъ на покупку прославленныхъ произведеній италіанскихъ школъ: но въ самой Италіи подобный восторгъ давно охладѣлъ, такъ что она не производитъ болѣе Рафаэлевъ, Доминикиновъ, Карачіевъ, и если еще сохраняетъ въ своихъ галлереяхъ ихъ произведенія; то единственно изъ видовъ на сіятельные англійскіе и русскіе кошельки. Что касается до Россіи, то опытъ показалъ, что въ ней священно-историческая живопись во вкусѣ италіанскихъ художниковъ всегда будетъ подобна растенію, перенесенному въ чуждый для него климатъ, на почву земли несвойственную ему, которое, хотя при неусыпныхъ попеченіяхъ садовника, усиленными способами искусства, будетъ прозябать, произведетъ цвѣты, даже принесетъ какіе нибудь плоды; но, бывъ оставлено безъ надзора своего воспитателя на одно мгновеніе, немедленно вянетъ и засыхаетъ до корня. Нужны ли доказательства? Слишкомъ сто лѣтъ прошло отъ основанія академіи художествъ; а далеко ли за предѣлами Петербурга и Москвы распространился вкусъ къ исторической италіанской живописи во всѣхъ ея родахъ? Въ первыхъ губернскихъ городахъ на пути въ Москву рѣдко гдѣ нибудь можно увидѣть бѣдную копію съ какой либо посредственной италіанской картины. Въ самомъ Петербургѣ весьма немногіе домы украшены произведеніями исторической живописи, а если гдѣ можно видѣть ихъ въ большемъ количествѣ: то развѣ въ отдѣльныхъ галлереяхъ, въ родѣ вывѣски, гласящей о богатствѣ и великолѣпіи хозяина дома.

Отъ чего такое равнодушіе къ произведеніямъ исторической живописи во вкусѣ италіанскихъ художниковъ? Зная способности русскаго народа къ искусствамъ, любовь, которую онъ питаетъ къ другаго рода художественнымъ произведеніямъ, никто

---

[1] Insanit statuas veteres Demasippus emendo. Horatius de Demasippo.

не станетъ утверждать, что русскіе не имѣютъ врожденнаго дара ощущать изящное. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи народъ русскій одаренъ удивительнымъ инстинктомъ и смѣтливостію. Но произведенія священно-исторической италіанской живописи не находятъ въ его сердцѣ сочувствія; потому что русскій, молясь изъ-дѣтства предъ иконами византійскаго стиля, при первомъ взглядѣ на картину во вкусѣ италіанскомъ усматриваетъ нескромность въ положеніи лицъ, въ самомъ выраженіи ихъ что-то страстное, обыкновенное, слишкомъ натуральное, нѣчто просто человѣческое, и онъ отвращаетъ отъ нея взоръ свой, какъ отъ предмета противнаго его вѣрѣ и благочестію. Изъ этого слѣдуетъ, что произведенія живописи тогда только найдутъ въ нашемъ народѣ сочувствіе и распространятся въ Россіи повсемѣстно, когда будутъ приспособлены къ требованіямъ отечественнаго вѣроисповѣданія. Къ другимъ же родамъ живописи, кромѣ портретной и то немногоцѣнной, на Руси вообще также равнодушны, какъ къ религіозной во вкусѣ италіанскомъ [1]. Русскій улыбнется, смотря на картину представляющую квасника или дѣвушку съ тамбуриномъ; посмотритъ съ удовольствіемъ на какой нибудь пейзажъ; но рѣдко рѣшится пріобрѣсть такого рода картины, отъ того что онъ внутренно предлагаетъ себѣ вопросъ: къ чему это? какая съ этого польза?

По признаніи необходимымъ, чтобы иконописаніе вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ отечественнаго вѣроисповѣданія, можетъ возникнуть возраженіе, что какъ ученіе истинно христіанскаго вѣроисповѣданія, по свойству своему должно быть таково, чтобы удобно могло быть усвоено каждымъ народомъ: такъ иконописаніе истинной Церкви Христовой должно быть таково, чтобы легко могло сдѣлаться въ мірѣ повсемственнымъ. Но будетъ ли оно имѣть такой характеръ, когда, соотвѣтствуя требованіямъ отечественнаго вѣроисповѣданія, сдѣлается русскимъ, національнымъ? Еслибъ и это послѣдовало, живописное

---

[1] Достовѣрно можно предполагать, что фотографія уничтожитъ портретную живопись.

художество отъ сего нимало не потеряло бы, какъ ничего не потеряло отъ того, что были школы живописи испанская, фламандская и проч. Впрочемъ такое опасеніе неумѣстно: потому, что нѣтъ ни одного рода церковно-исторической живописи, который бы ближе подходилъ къ всеобщему истинно религіозному чувству, какъ иконописаніе сообразное съ духомъ восточной, единой, истинной Церкви Христовой, даже въ такомъ видѣ, въ какомъ оно образовалось византійскими художниками. Живое доказательство сей истины представляетъ недавно скончавшійся король баварскій, который, воздвигнувъ подъ названіемъ Глиптотеки и Пинакатеки великолѣпнѣйшія зданія, для помѣщенія въ нихъ тщательно собираемыхъ имъ національныхъ произведеній скульптуры и живописи во всѣхъ родахъ того и другаго искусства, не только созидалъ храмы по образцамъ византійской архитектуры, какова въ Мюнхенѣ церковь всѣхъ Святыхъ, но и украшалъ ихъ изображеніями въ родѣ византійскаго иконописанія, такъ что даже латинскія ихъ надписанія означаются буквами подобными греческимъ. Для сообщенія понятія о качествѣ такой живописи, г. Гречъ приложилъ къ путевымъ запискамъ своимъ очеркъ образа Благовѣщенія, которое представлено точно почти въ такомъ видѣ, въ какомъ можно усматривать еще изображеніе Благовѣщенія на многихъ старинныхъ русскихъ иконахъ: г. Гречъ присовокупляетъ, что онъ, нѣсколько разъ приходя въ мюнхенскій храмъ всѣхъ Святыхъ, погружался въ созерцаніе изящнаго, направленнаго, по его словамъ, къ главной и единственной цѣли — возбужденію вѣры и благоговѣнія къ Божеству: между тѣмъ какъ это одна только изъ цѣлей, для достиженія коихъ св. Церковь приняла въ свои нѣдра иконописное художество[1].

Такимъ образомъ и на западѣ возникла мысль, что иконописаніе византійскаго стиля болѣе другихъ родовъ живописи приближается къ предназначенію соотвѣтствующему видамъ св.

---

[1] Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи, Н. Греча. СПБ. 1839 года, часть III, стр. 59, 60.

Церкви. Еще ли ожидать, пока иностранцы скажутъ намъ, что у насъ сладко или горько, хорошо или дурно? Если къ сему присовокупить, что каждый живописецъ, къ какому бы онъ ни принадлежалъ христіанскому вѣроисповѣданію, желая сохранить въ своихъ произведеніяхъ историческую вѣрность, изображая Іисуса Христа, Богоматерь, св. Апостоловъ, мучениковъ, святителей и преподобныхъ первыхъ VIII вѣковъ христіанства, необходимо долженъ представить лики ихъ точно въ такихъ облаченіяхъ, въ какихъ они усматриваются на иконахъ византійскаго стиля; что бритые святые явились въ западной Церкви послѣ того уже, какъ членамъ ея іерархіи вздумалось брить бороды, между тѣмъ, какъ еще на тридентинскомъ соборѣ почти всѣ епископы ихъ были съ бородами; что священныя облаченія, нынѣ употребляемыя въ западной Церкви, по своей формѣ принадлежатъ къ нововведеніямъ папизма, а въ древнія времена во всемъ сходны были съ церковными одеждами восточной Церкви, какъ сіе доказываютъ печатные эстампы, приложенные къ твореніямъ [1] древнихъ отцевъ римской Церкви, напр. Григорія Двоеслова, Льва великаго и другихъ, изданныхъ въ Парижѣ; что разнокалиберные костюмы римскихъ монаховъ явились уже по раздѣленіи Церкви и отъ желанія знаменитѣйшихъ изъ нихъ пріобрѣсть славу учредителей новаго монашескаго ордена: то ни одного христіанскаго общества иконописаніе не можетъ быть сообразнѣе съ духомъ первобытной Церкви Христовой, и слѣдовательно не можетъ быть повсемственнѣе въ христіанскомъ мірѣ, какъ иконописаніе соотвѣтствующее потребностямъ нашего отечественнаго вѣроисповѣданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ восточной, единой истинной вселенской Церкви Христовой. Противъ этой истины самые жаркіе ревнители папизма ничего возразить не въ состояніи [1].

Разумѣются творенія, изданныя венедиктинцами въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія. [2] Ассеманій о вышеупомянутыхъ святцахъ, называемыхъ имъ каппоніанскими досками, говоритъ: Tabulae pari characterum et picturarum (pulchritudine) nitent; nec est, quod in iis sive in nomine, sive habitu Sanctorum reprehendas. Adeo sunt omnia ad accuratam Historiae Ec-

Но въ семъ отношеніи можетъ представиться новое возраженіе: не потеряетъ ли живописное художество само по себѣ, то есть не сдѣлается ли оно вялымъ, безжизненнымъ, неподвижнымъ въ стремленіи своемъ къ идеальному совершенству, если художники перестанутъ учиться по живописнымъ образцамъ италіанской школы, будутъ изображать лики святыхъ въ положеніяхъ безстрастныхъ, устранятъ изъ области иконописанія мясистость, красноту лицъ, изысканныя движенія и т. д.? На это можно отвѣчать, что съ одной стороны въ отношеніи ко всякому роду занятій и слѣдовательно живописному искусству христіанинъ имѣетъ общее правило: все испытывать, а только хорошаго держаться [1]. Руководствуясь симъ правиломъ и пріобрѣвъ ясныя понятія о томъ, чего ожидаетъ св. Церковь отъ иконописанія, художникъ отличитъ лучшее, сообразное съ духомъ истиннаго христіанина и въ произведеніяхъ италіанскихъ художниковъ. Съ другой стороны, тотъ не знаетъ духа человѣческаго, не знаетъ его способностей, не размышлялъ о высокихъ идеяхъ истиннаго христіанства, кто бы сталъ утверждать, что живописное художество италіанскихъ школъ въ олицетвореніи предметовъ христіанской религіи достигло крайняго предѣла совершенства.

Не только иконописаніе, но и другихъ родовъ живописное искусство можетъ и будетъ совершенствоваться до безконечности; въ противномъ случаѣ не было бы тѣхъ порывовъ и постоянныхъ усилій, которыми одушевляются, живутъ художества; геніальные художники не тяготились бы списываніемъ самыхъ образцовыхъ картинъ, не желали бы создавать новыя, невидимыя въ области художествъ творенія, не старались бы осуществить идеалы таящіеся въ неясномъ мерцаніи души ихъ, и притомъ такъ, что сколько бы ни усовершали свои произведенія, какими бы сіи ни превозносились похвалами въ мірѣ, сами художники всегда недовольны своими твореніями и внутренно

---

clesiasticae atque picturae normam redacta. См. Calendaria Ecclesiae Universae I. Simon. Assemanii. Tom. 1, pag. 4.

[1] 1 Солун. 5, 20.

сознаются, что онѣ далеко отстоятъ еще отъ той идеи, которую хотѣли осуществить, которая представляется во внутреннемъ святилищѣ души ихъ. Таковъ удѣлъ всѣхъ произведеній человѣческихъ въ семъ мірѣ. «Возьми, если хочешь», говоритъ Іосифъ Флавій, «какое только изобрѣтено искусство, большое или малое, и самаго превосходнаго въ своемъ искусствѣ художника, потомъ изслѣдуй: соотвѣтствуетъ ли требованіямъ искусства произведеніе художника? Разсматривая, ты удостовѣришься, что послѣднее отъ перваго не на малое, но на большое отстоитъ разстояніе; что почти невозможно, въ какомъ бы то ни было искусствѣ быть окончательно совершеннымъ; что искусства, наподобіе никогда неисчерпаемаго источника, изобилуютъ идеями многообразныхъ божественныхъ предметовъ [1]».

Если же олицетвореніе столь высокихъ идей по преимуществу лежитъ на иконописаніи: то оно не достигло еще всей полноты совершенства, къ которому оно должно стремиться соотвѣтственно своему назначенію и ожиданіямъ св. Церкви. Даже оно едва-ли достигнетъ предѣловъ крайняго совершенства: потому что, какъ въ христіанской дѣятельности, сколько бы человѣкъ ни старался о своемъ усовершенствованіи, при свѣтѣ озаренной евангеліемъ совѣсти всегда будетъ находить въ себѣ какіе нибудь недостатки: такъ при свѣтѣ христіанскихъ понятій объ иконописномъ художествѣ вообще и о предметахъ его въ частности, при свѣтѣ вѣковыхъ опытовъ и пособіи другихъ отраслей живописи, въ иконописныхъ произведеніяхъ человѣческихъ всегда можно будетъ находить какіе нибудь недостатки, посему невозможно опредѣлить, до какой степени совершенства можетъ возвыситься иконописное художество: когда усилія истинныхъ его геніевъ будутъ имѣть въ предметѣ не свою, а Божію славу, станутъ трудиться не для своекорыстныхъ видовъ, но для преспѣянія царствія Божія; не будутъ забывать ни на одно мгновеніе, что Богъ строгаго потребуетъ отъ нихъ отчета въ употребленіи даннаго имъ съ ихъ бытіемъ таланта [2].

КОНЕЦЪ.

[1] Oper. Philonis Judaei Francofurti, 1691, pag. 225. [2] Матѳ. 25, 14. 30.

ГЕРБОВЕЦКАЯ ИКОНА БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Семьдесятъ лѣтъ уже прошло, какъ многіе страждущіе неисцѣльными болѣзнями и безнадежно бѣдствующіе въ тяжкихъ обстоятельствахъ, побуждаясь вѣрою, стали притекать къ просіявшей благодатными дарами иконѣ Божіей Матери въ мужескомъ Гербовецкомъ монастырѣ, Бессарабской области, съ молитвеннымъ упованіемъ на всемощное заступничество Царицы небесной, и удостоиваются сверхъестественнаго исцѣленія отъ болѣзней и избавленія отъ неизбѣжныхъ бѣдствій. Наконецъ знаменія и чудеса, испытываемыя притекавшими съ вѣрою къ Заступницѣ рода христіанскаго, подвигли кишиневскихъ гражданъ просить о ежегодномъ перенесеніи той же иконы на зимнее время изъ Гербовецкаго монастыря въ г. Кишиневъ и, по ходатайству мѣстнаго архіепископа Антонія, постановленіе о семъ святѣйшаго Сѵнода удостоилось высочайшаго утвержденія, въ 17 день января 1859 года.

Но, сколь ни многочисленны были явленія Божіей благодати къ людямъ, молитвенно притекавшимъ къ Заступницѣ усердной предъ святою Ея иконою,—явленное имъ Божіе милосердіе большею частію оставалось предметомъ благоговѣйныхъ разсказовъ только въ тѣсномъ кругу облагодѣтельствованныхъ семействъ и ихъ знакомыхъ, а до общаго свѣдѣнія рѣдко доходило. Между тѣмъ, истинные ученики Христовы, по заповѣди Спасителя, должны, что̀ слышатъ на ухо, проповѣдывать на кровляхъ (Матѳ. 10, 27): *да вси вѣру имутъ, и спасутся.* Посему я счелъ долгомъ, въ назиданіе ищущихъ спасенія душъ, объявить во всеуслышаніе о слѣдующихъ трехъ случаяхъ благодатнаго

исцѣленія вѣрующихъ предъ гербовецкою иконою Божіей Матери въ прошедшемъ 1861 году.

1. Бессарабской области, Оргѣевскаго уѣзда, проживающій въ с. Пуцунтей, 3 гильдіи купеческій сынъ Иванъ Матвѣевъ Гречинъ-Людвигскій, явившись лично съ своею женою въ Гербовецкій монастырь 23-го сентября 1861 года, представилъ настоятелю монастыря, архимандриту Іерониму, собственноручную записку, въ которой прописалъ, что, въ послѣднихъ числахъ декабря 1860 года, супруга Гречина-Людвигскаго, Марія Ивановна, стала страдать нестерпимою болью головы и частымъ кровотеченіемъ изъ носа, а вскорѣ затѣмъ послѣдовала еще и невыразимая боль зубовъ, и эти болѣзни ея до того усилились, что она ощущала мучительную ломоту во всемъ своемъ тѣлѣ, лишилась возможности ходить и потеряла надежду на продолженіе жизни. Въ столь отчаянномъ положеніи, она во время переноса гербовецкой иконы Божіей Матери въ апрѣлѣ 1861 года изъ Кишинева въ монастырь, на пути между селами Дишкова и Бравичи, обратилась всѣми мыслями и молитвенными воздыханіями къ Заступницѣ христіанъ, Царицѣ небесной и, упросивъ подвесть себя къ иконѣ, со слезами приложилась къ ней, а на другой день исповѣдалась и пріобщилась св. таинъ въ церкви с. Бравичи. Съ той поры эта страдалица совершенно освободилась отъ головной и зубной боли, и по истеченіи трехъ недѣль почувствовала себя совершенно здоровою.

2. Подольской губерніи, Брацлавскаго уѣзда, с. Мачихи, приходскій священникъ Варѳоломей Усаневичъ отнесся къ настоятелю Гербовецкаго монастыря, архимандриту Іерониму, отъ 29-го ноября 1861 года, письмомъ, въ которомъ прописалъ, что пятимѣсячной его дочери Евгеніи минувшимъ лѣтомъ привита была оспа. Хотя процессъ зрѣнія оспы, какъ извѣстно по опыту, совершается въ девять дней, много въ двѣ недѣли, но съ его дочерію случилось совершенно иначе: оспенные пузырки не засыхали больше семи недѣль, и воспаленіе отъ нихъ продолжало усиливаться. Отъ этого дитя до крайности исхудало и измучилось. На восьмой недѣлѣ лѣвая ручка дитяти вся по-

крылась красноватостію, и воспаленіе было такъ сильно, что на разстояніи вершка можно было ощущать дѣйствіе внутренняго огня. Священникъ Усаневичъ обращался къ совѣту и пособіямъ врачей; но страданіе дитяти отъ пособій не прекращалось, между тѣмъ воспаленіе распространялось далѣе къ груди и плечамъ младенца. Наконецъ врачи вовсе отказались лѣчить болѣзнь, объявивъ, что они не могутъ понять ея свойства. Тогда священникъ Усаневичъ и его супруга ожидали кончины своей дочери, тѣмъ болѣе, что она не принимала уже никакой свойственной ея возрасту пищи. Въ это время родители вспомнили о чудотворной гербовецкой иконѣ Божіей Матери, съ которой списокъ имѣли въ своемъ домѣ, и, павъ на колѣни предъ Ея ликомъ, начали умолять Святѣйшую всѣхъ святыхъ о помилованіи ихъ и исцѣленіи ихъ дочери отъ лютаго недуга. Не успѣли они окончить своей молитвы, какъ дитя ихъ, послѣ суточной безсонницы, стало засыпать; казалось, оно кончается, потому что вовсе незамѣтно было дыханія. Но чрезъ часъ оно проснулось, стало двигать больною ручкою, которою не дѣйствовало въ теченіи недѣли, и употреблять свойственную его возрасту пищу; огонь, палившій ручку дитяти, видимо ослабѣвалъ, такъ что на третій день оно оказалось совершенно выздоровѣвшимъ, безъ всякихъ медицинскихъ пособій.

Изложивъ обстоятельства выздоровленія своей дочери, священникъ Варѳоломей Усаневичъ присовокупляетъ, что исцѣленія своей дочери отнюдь не относитъ онъ ни къ родительскимъ о ней попеченіямъ, ни къ врачебнымъ пособіямъ, но совершенно увѣренъ, что уврачеваніе ея ниспослано свыше преблагословенною Владычицею Богородицею, предъ иконою коей, списанною съ гербовецкой, молился съ матерью дитяти. Въ заключеніе своего письма онъ проситъ настоятеля Гербовецкой обители принять въ церковь монастырскую, на память чудотворнаго исцѣленія его дочери, препровожденную при томъ письмѣ, серебряную ручку.

3. Служащій въ Бессарабскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, коллежскій ассесоръ Дмитрій Ивановичъ Сурачанъ,

въ октябрѣ мѣсяцѣ истекшаго 1861 года, словесно объявилъ настоятелю Гербовецкаго монастыря, что жена его г. Сурачана, Софія, долгое время такъ страдала отъ боли въ ногахъ, что вовсе не могла ходить; пріѣхавъ же въ августѣ того же года въ Гербовецкій монастырь и приложившись нѣсколько разъ къ чудотворному образу Заступницы рода христіанскаго, ходатайствомъ Ея, по истеченіи нѣкотораго за тѣмъ времени, получила совершенное исцѣленіе отъ своего недуга.

Слыша о толикихъ благодатныхъ дарованіяхъ Преблагословенной въ женахъ, Матери Божіей, кто не ублажитъ пресвятую Царицу небесную во славу Господа и Бога нашего Іисуса Христа!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЧУДЕСАХЪ ВСЕМОГУЩЕСТВА И ПРОМЫСЛА БОЖІЯ.

Едва ли не каждаго изъ насъ, въ теченіи земнаго странствованія, постигаютъ такія трудныя обстоятельства, такія тяжкія, неуступающія врачебному искусству, болѣзни, что, по сознанію освободившихся отъ нихъ, спасеніе или выздоровленіе надобно приписать только чуду Божія милосердія. Внимательное соображеніе подобныхъ событій всякаго убѣждаетъ, что промыслъ Божій въ сихъ случаяхъ свое милосердіе къ уповающимъ на него людямъ проявляетъ самымъ простымъ образомъ, но съ такою непостижимою дѣйственностію, что ясно указываетъ имъ на милующую ихъ десницу. Въ болѣзняхъ, напримѣръ, пробужденіе и удовлетвореніе непреодолимаго желанія что нибудь съѣсть или выпить, вопреки строжайшему запрещенію врачей, вдругъ какбы обновляетъ силы больнаго — и онъ, хотя постепенно, однакожь скоро выздоравливаетъ!

Но въ благочестивыхъ семействахъ, втайнѣ содѣвающихъ душевное спасеніе, можно слышать о многихъ еще болѣе изумительныхъ чудесахъ, коими благость Божія спасаетъ человѣка отъ неминуемой повидимому гибели и подаетъ неожиданное исцѣленіе болящимъ.

Облагодѣтельствованные сверхъестественнымъ дѣйствіемъ Божіей благодати разсказываютъ о подобныхъ событіяхъ, къ сожалѣнію, только въ семейномъ своемъ кругу, для утвержденія родныхъ и въ упованіи на Бога; изъ постороннихъ же немногіе, и то развѣ коротко знакомые съ ними, иногда слышатъ объ изліянныхъ на тѣ семейства чудесахъ Божіей благости въ слѣдствіе теплыхъ напр. молитвъ предъ чудотворными ико-

нами, или мощами угодниковъ Божіихъ. Такая, если можно сказать, скрытность происходитъ либо отъ того, что удостоившіеся особеннаго покровительства Божія опасаются, какъ бы чрезъ разглашеніе объ этомъ не подвергнуть своей вѣры осужденію въ самохвальствѣ, либо отъ того, что настоятели знаменитыхъ иноческихъ обителей и храмовъ нашего отечества требуютъ, чтобы предъявители какого либо чуда подтвердили дѣйствительность его присягою, и, для удостовѣренія въ истинѣ, заводятъ формальныя слѣдствія, допрашивая разныхъ свидѣтелей даже на мѣстѣ жительства, часто отдаленнаго отъ обители, или храма, въ которомъ совершилось чудо, и тогда уже доводятъ о немъ до свѣдѣнія высшаго начальства нашей Церкви.

Въ теченіи моей жизни я слышалъ такъ много разсказовъ отъ разныхъ отцовъ и матерей семействъ объ изліянныхъ на нихъ истинно сверхъестественныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ и объ особенномъ покровительствѣ, котораго удостоивалъ ихъ промыслъ Всевышняго, что теперь не въ состояніи пересказать всѣхъ ихъ съ надлежащею точностію, потому что онѣ смѣшались въ моей памяти одни съ другими. Но не могу забыть и рѣшаюсь изложить здѣсь повѣствованія, слышанныя мною отъ достойныхъ уваженія протестантовъ.

Въ бытность мою въ Житомирѣ, я имѣлъ знакомство съ однимъ почтеннымъ, занимавшимъ важную должность, чиновникомъ протестантскаго вѣроисповѣданія, К. И. Ф. Въ то время, по разнымъ мѣстнымъ интригамъ, послѣдовало распоряженіе высшаго начальства о переводѣ его въ другую губернію. Узнавъ объ этомъ, я счелъ своимъ долгомъ посѣтить того чиновника, чтобы проститься съ нимъ, и съ этою цѣлію пріѣхалъ къ нему. Онъ пригласилъ меня въ гостиную, и просилъ подождать, пока не прочтетъ и не подпишетъ въ своемъ кабинетѣ нѣскольких бумагъ по службѣ. Когда онъ входилъ въ свой кабинетъ и выходилъ изъ него, я замѣтилъ въ углу этой комнаты въ серебряномъ, ярко вызолоченномъ окладѣ, икону съ теплящеюся предъ ней лампадою. Поэтому, какъ скоро кончилъ онъ свое занятіе и вышелъ ко мнѣ, — я сказалъ ему:

— Честь имѣю поздравить васъ, К. И.!

«А съ чѣмъ вы поздравляте меня?»—спросилъ онъ.

— Съ принятіемъ, говорю, православнаго вѣроисповѣданія, о чемъ свидѣтельствуетъ эта икона въ вашемъ кабинетѣ.

«Да», отвѣчалъ К. И. Ф., «онъ меня почти изгналъ изъ Чернигова, а теперь гонитъ изъ Житомира».

— Кто этотъ *онъ*, и почему вы приписываете ему такое преслѣдованіе васъ?

— «Это икона Святителя Θеодосія Углицкаго, коего мощи почиваютъ въ Черниговскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ 1836 году — продолжалъ К. И. Ф. — начальство перевело меня изъ Полоцка въ Черниговъ зимою, какъ пришлось и теперь. Предъ отправленіемъ въ дорогу, я написалъ къ одному изъ подчиненныхъ мнѣ чиновниковъ, чтобы онъ приготовилъ для меня и отапливалъ до моего пріѣзда квартиру и, какбы по какому-то предчувствію, упросилъ полоцкаго почтмейстера отпустить со мною благонадежнаго почталіона.

«На пути, ощутивъ въ тѣлѣ сильныйознобъ, я отдалъ почталіону деньги, чтобы онъ оплачивалъ прогоны на почтовыхъ станціяхъ; потому что, вмѣстѣ со мною, и все мое семейство подверглось тифусу. По пріѣздѣ въ Черниговъ, всѣ мы спесены были въ квартиру и, размѣщенные по кроватямъ, находились въ безнадежномъ состояніи. Явился врачъ и прописалъ лѣкарства, а добрые люди приставили прислугу, и въ числѣ прислужницъ именно при женѣ, которая лишилась уже языка, была какая-то старуха. По прошествіи нѣсколькихъ сутокъ, жена моя, съ трудомъ могшая объясняться по-русски, въ одно утро, пробудившись, стала спрашивать сидѣвшую у ея постели старуху. «Послушай», говоритъ, «отъ этого дому дорога идетъ какбы къ Деснѣ, тамъ поворачиваетъ вправо, затѣмъ снова на лѣво и приводитъ къ большой дорогѣ, по которой ходятъ въ большую вашу церковь?»—«Такъ, матушка», отвѣчаетъ старуха; «да вы развѣ бывали когда въ Черниговѣ?»—«Не мѣшай», прервала жена, «а слушай. Въ той церкви, на правой сторонѣ, есть склепъ, или погребъ, а въ немъ гробъ, въ которомъ лежитъ

какой-то человѣкъ святой. Этого человѣка видѣла я сейчасъ, такъ ясно, будто на яву. Опъ былъ здѣсь, приказалъ мнѣ встать, повелъ меня по тѣмъ улицамъ, что я сказывала, привелъ въ церковь, потомъ въ склепъ: тамъ, указавъ на икону, предъ которой теплится лампада, сказалъ: «молитесь и будете здоровы», а самъ легъ во гробъ. Затѣмъ я, пробудившись, увидѣла тебя. Сходи же къ моему мужу, потребуй отъ него пять рублей ассигнаціями, отправься въ ту церковь и попроси священниковъ, чтобы они помолились, какъ знаютъ, въ томъ склепѣ». Старуха исполнила требованіе г-жи Ф... Вслѣдъ за тѣмъ, заключилъ К. П. Ф., я и все мое семейство, ощутительно приходя въ силу, чрезъ двѣ недѣли совершенно выздоровѣли. Съ тѣхъ поръ, сколько ни случается со мною скорбей и непріятностей, какой-то внутренній голосъ постоянно внушаетъ мнѣ перейти въ нѣдра православной Церкви. Но какъ у меня, такъ и у жены моей есть богатые родственники въ Курляндіи и Лифляндіи, отъ которыхъ мы надѣемся получить большое наслѣдство; между тѣмъ, они, къ сожалѣнію, столь твердо придерживаются лютеранизма, что если бы узнали о нашемъ переходѣ къ православію, непремѣнно отреклись бы отъ насъ».

Вотъ другой разсказъ: Въ 1851 году, отправившись для обозрѣнія церквей Могилевской епархіи, 14 іюля отслужилъ я всенощное бдѣніе въ церкви м. Пропойска, а на другой день поутру поѣхалъ въ с. С....ку для совершенія литургіи въ день ангела мѣстнаго владѣльца. Послѣ богослуженія, въ домѣ владѣльца предложили мнѣ, какъ водится, закуску, а потомъ просили подождать до обѣденнаго времени. Узнавъ, что обѣдъ будетъ готовъ еще не скоро, я сталъ разсматривать висѣвшія въ комнатахъ господскаго дома картины, и наконецъ обратилъ вниманіе на одну старинную икону Нерукотвореннаго Образа. Всматриваясь въ нее, я восхищался удивительною правильностію и умиленностію лица Спасителя. Примѣтивъ мое вниманіе, владѣлецъ В. И. Б—фъ спросилъ: нравится ли мнѣ икона?— Она такъ хороша, отвѣчалъ я, что лучшей нельзя требовать. Владѣлецъ присовокупилъ, что эта икона въ его и братниномъ

семействѣ почитается чудотворною.—Какъ? возразилъ я:—это говорите вы, протестантъ, лютеранинъ?—«Точно такъ», продолжалъ онъ: «мы почитаемъ ее въ нашемъ домѣ чудотворною со времени разоренія Москвы французами. Супруга отца моего, статскаго совѣтника И. И. Б—фа, падчерица генералъ-прокурора Гл—ва, Елисавета Ивановна, узнавъ, что послѣ бѣгства французовъ изъ Москвы, домъ ихъ противъ Страстнаго монастыря уцѣлѣлъ, въ концѣ апрѣля 1813 года переѣхала въ Москву. Домъ ея дѣйствительно найденъ не только уцѣлѣвшимъ,—хотя кругомъ его на большое пространство все сдѣлалось жертвою пожара,—но еще въ немъ оказалось много чьей-то мебели, люстры и т. п. Въ одно раннее утро мѣсяца мая, Елисавета Ивановна, съ своею дочерію Софіею, бывшею впослѣдствіи за Хр—мъ, проходя чрезъ столовую, по указанію ея, обратила вниманіе на эту самую икону, висѣвшую тогда въ углу столовой, и вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрѣла, что на ней красными, повидимому огненнаго цвѣта буквами пламенѣетъ какая-то надпись. Вслѣдствіе сего Елисавета Ивановна, поставивъ въ углу залы столъ, сняла икону, и внизу на ней прочитала слѣдующее: «въ чьемъ домѣ сія икона хранится, того домъ всегда будетъ безопасенъ отъ пожара!» Затѣмъ созваны были всѣ домашніе, читали написанное и удивлялись; но въ тоже время чрезъ нѣсколько минутъ эта надпись сама собою изчезла, такъ что не осталось и слѣда ея. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ», прибавилъ В. И. Б., «сколько разъ впослѣдствіи ни подвергались пожару принадлежащія намъ зданія,—тотъ домъ, въ которомъ ставилась эта икона, всегда оставался невредимымъ, какбы хранимый невидимою силою».

Не очевидно ли изъ такихъ событій, даже и для внѣшнихъ, что Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, дивный во святыхъ своихъ, всегда, по своему обѣтованію, благодатно присутствуетъ въ своей Церкви? А кто изчислитъ чудеса промысла Божія, совершающіяся повидимому естественно, но столь изумительно и благотворно, что размышляющій объ угрожавшихъ ему бѣдствіяхъ легко можетъ убѣдиться, что Богъ печется объ

немъ, такъ какъ будто бы онъ одинъ былъ предметомъ Его промышленія? Иногда окружаютъ насъ обстоятельства, столь горестныя, что равняются, по видимому, рабству израильтянъ въ Египтѣ: но промыслъ Божій отъ угрожающей гибели спасаетъ такъ просто, такъ естественно и вмѣстѣ изумительно, что спасенный не можетъ не почитать своего избавленія чудомъ небеснаго милосердія, какъ будто и къ нему, какъ къ израильскому народу, относится Божественное изреченіе: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя отъ земли египетскія, отъ дому работы* (Ис. 20, 2).

НАУКИ.

Наука наукъ—есть познаніе истиннаго Бога. *Да не хвалится мудрый мудростію своею... но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати, яко Азъ есмь Господь творяй милость и судъ и правду на земли!* говоритъ Пророкъ отъ лица Божія (Ierem. 9, 23. 24). Потребность сего познанія, отличающая человѣка отъ безсловесныхъ животныхъ, столь глубоко насаждена въ нашей природѣ, что оно есть одно изъ основныхъ, существенныхъ, неотразимыхъ ея побужденій. Изъ этого слѣдуетъ, что если и безсловесныя животныя изъявляютъ своимъ образомъ благодарную признательность человѣку, питающему ихъ, заботящемуся о выгодномъ ихъ содержаніи, какъ поставляетъ это на видъ пророкъ Исаія, говоря, что «волъ знаетъ хозяина своего, и оселъ ясли господина своего» (Ис. 1, 2): то крайне предосудительно и неизвинительно для человѣка, одареннаго разумомъ и свободою, не стараться пріобрѣсть познаніе о высочайшемъ Существѣ, по милосердію коего мы и живемъ и движемся и существуемъ, — не усиливаться возрастать въ этомъ познаніи, постоянно наблюдая за чистотою своего сердца: такъ какъ только *чистые сердцемъ Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8). А Богъ отъ начала міра не преставалъ «свидѣтельствовать о Себѣ всѣмъ народамъ, посылая имъ дожди и времена плодотворныя, исполняя сердца ихъ веселіемъ» (Дѣян. 14, 17). Не познавать Бога было бы для насъ тѣмъ неизвинительнѣе, что высокія истины богопознанія, открываемы были человѣческому роду сперва чрезъ пророковъ, потомъ чрезъ Спасителя нашего Іисуса Христа и Его Апостоловъ, которые си-

лою Св. Духа сообщали имъ такую дѣйственность, что человѣческій умъ не могъ не принимать, а сердце не усвоять ихъ (Евр. 1, 1). До такого познанія Бога мудрецы всѣхъ вѣковъ, сами по себѣ, достигнуть не могли: потому что, какъ изъ человѣковъ никто не знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго (1 Кор. 2, 11): такъ и о Богѣ никто изъ людей самъ по себѣ не могъ имѣть истиннаго познанія; ибо никто не видѣлъ Его въ сущности. Только единородный Сынъ Отца небеснаго, единосущный Ему по Божеству, возвѣстилъ о Немъ роду человѣческому (Іоан. 1, 18). Потому-то, посланнные Спасителемъ во весь міръ, Апостолы говорили о своемъ ученіи: «мы проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную, которой никто изъ властей (изъ мудрецовъ) вѣка сего не позналъ; а намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ: ибо Духъ Св. все проницаетъ, и глубины Божіи» (1 Кор. 2, 7. 8), — и несомнѣнность этой истины подтвердили свидѣтельствомъ совершаемыхъ ими чудесъ.

Богопознаніе, открытое Іисусомъ Христомъ и проповѣданное Его Апостолами, именуется христіанскимъ ученіемъ вѣры. Поучая истинному богопознанію, оно вмѣстѣ съ тѣмъ объемлетъ собою жизнь и бытіе всего міра, и дополняетъ послѣдніе, правильные, выводы естественныхъ наукъ, разсѣянные въ системахъ. Оно же есть основаніе каждой, полезной, естественной науки и, какъ основаніе, не потворствуетъ неосновательнымъ взглядамъ на природу, но врачуетъ болѣзни заносчиваго ума, страдающаго туманными отвлеченностями и сухимъ формализмомъ. Оно одно положительно разрѣшаетъ въ теченіе многихъ столѣтій занимавшихъ человѣка вопросъ: откуда произошло въ мірѣ нравственное зло? — и указываетъ на самое вѣрное средство къ исцѣленію отъ него человѣческой природы, удовлетворяя своимъ рѣшеніемъ существеннымъ потребностямъ самыхъ возвышенныхъ умовъ. Оно есть вѣнецъ основательнаго человѣческаго воспитанія и вѣрная мѣра, которою человѣкъ можетъ непогрѣшительно опредѣлять степень умственнаго своего образованія.

Цѣль христіанскаго вѣроученія научить человѣка довольствоваться всякимъ своимъ положеніемъ въ настоящей жизни, быть полезнымъ въ общежитіи, и всеусильно стараться достигнуть блаженнаго своего предназначенія въ вѣчности. Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы человѣкъ могъ оцѣнить и усвоить себѣ великія благодѣянія, изліянныя на родъ человѣческій чрезъ Іисуса Христа, Спасителя нашего. Посему христіанское ученіе вѣры открываетъ намъ даже непостижимую, внутреннюю тайну Божественнаго естества, научая, что Богъ, высочайшее Существо всѣхъ существъ,—есть единый въ трехъ лицахъ своего Божества, самобытный, безначальный и безконечный; что Онъ источникъ жизни и бытія всѣхъ тварей, составляющихъ совокупность вселенной, что Онъ даровалъ законы и силы всему—отъ пылинки до міровыхъ системъ, отъ едва примѣтнаго насѣкомаго до человѣка, созданнаго по образу и по подобію Божію; что всѣ твари, одаренныя умомъ и свободою, почерпаютъ свое блаженство въ Богѣ; что какъ уставы природы, такъ и законы совѣсти суть произведеніе Божественной воли; что дивное устройство и порядокъ, примѣчаемые во вселенной,—суть только слабый отблескъ всеобъемлющей премудрости и благости Божіей; что Богъ, посредствомъ ли силъ и законовъ созданной Имъ природы, или непосредственно своею волею, живитъ и мертвитъ — кого хочетъ, дѣйствуя во всемъ такъ, что жизнь и бытіе каждаго человѣка и всѣхъ тварей суть дары неистощимой, безпредѣльной Его благодати!

Указывая на промыслъ Божій, которымъ поддерживаются бытіе и силы всѣхъ тварей и содержится въ стройномъ порядкѣ и единствѣ вселенная, христіанское вѣроученіе преимущественно внушаетъ, что Богъ есть любовь; что Отецъ небесный, по любви къ роду человѣческому, не пощадилъ единороднаго Сына своего, но предалъ Его на крестную смерть, чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ на вѣки, но, получивъ въ немъ оправданіе предъ Божественною правдою, наслѣдовалъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 16). А дабы вѣрующіе во Іисуса Христа, слѣдуя Его ученію и подражая Его святѣйшей жизни, удобнѣе могли до-

стигнуть столь вожделѣнной цѣли,—Спаситель, для достиженія содѣйствія вѣрующимъ въ подвигѣ добродѣтели и для руководства ихъ къ блаженной вѣчности, учредилъ Церковь свою, и, ниспославъ на нее Духа Святаго, даровалъ ей въ этомъ средство къ духовному возрожденію человѣка, запечатлѣннаго именемъ Христовымъ, и врачеванію душевныхъ его болѣзней!

Столь великія благодѣянія и дары Божіи, воспламеняя въ послѣдователяхъ Іисуса Христа любовь къ Богу и ближнему, побуждаютъ ихъ къ подвигамъ добродѣтели, научаютъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни предаваться волѣ Божіей, и затѣмъ не бояться убивающихъ тѣло, но немогущихъ убить безсмертной души (Матѳ. 10, 18). А Церковь Христова, окружая вѣрующихъ материнскимъ своимъ попеченіемъ въ настоящей жизни, осѣняетъ гробы и могилы ихъ сладостною надеждою воскресенія ихъ въ жизнь вѣчную, и умоляетъ благость Божію, да успокоитъ она уснувшихъ сномъ смерти въ тѣхъ обителяхъ блаженства, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, но процвѣтаетъ истинная, безконечно отрадная жизнь!

Сколь ни кратокъ этотъ очеркъ христіанскаго вѣроученія, но изъ него нельзя не усматривать, что всѣ, въ настоящемъ своемъ состояніи, естественныя науки не могутъ доставить человѣку столь великой пользы, одушевить его столь утѣшительными ощущеніями и такою надеждою, какою услаждаетъ жизнь людей христіанское ученіе вѣры. Естественныя науки изслѣдываютъ и сообщаютъ понятіе только о свойствахъ предметовъ насъ окружающихъ; дознавъ и уловивъ нѣкоторыя силы природы, онѣ научаютъ прилагать эти силы къ усовершенствованію искусствъ, къ преспѣянію промышленности, къ пользѣ и улучшенію земныхъ выгодъ частнаго лица и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ: но, проводивъ человѣка до рубежа земной его жизни, онѣ бросаютъ его при гробѣ, какъ негодную тряпку, не принося ему ни малѣйшей пользы относительно открывающейся предъ взоромъ его вѣчности. Христіанское ученіе вѣры, озаряя нашъ умъ познаніемъ Бога истиннаго, Создателя, источника всѣхъ силъ, учредителя всѣхъ законовъ, коими одарены твари,

составляющія совокупность вселенной, очищаетъ наше сердце отъ страстныхъ помысловъ, приводитъ въ порядокъ чувства, возвышаетъ разумъ, даетъ спасительное направленіе нашей волѣ, водворяетъ въ насъ миръ, возводитъ человѣка къ соединенію съ Богомъ, производитъ въ насъ предощущеніе безконечнаго блаженства въ вѣчности; а вмѣстѣ съ тѣмъ совокупляетъ людей въ общества, связуетъ ихъ союзомъ братскаго общенія, указываетъ имъ первыя основанія правды, одушевляетъ самою искреннею, дѣятельною любовію къ ближнимъ, научаетъ благоугождать Богу исполненіемъ Его заповѣдей, низводитъ на истинно вѣрующихъ благословеніе Божіе, коимъ оживотворяемый христіанинъ довольствуется всякою долею настоящей жизни, сознаетъ въ душѣ своей залогъ уготованнаго ему вѣчнаго блаженства, трудолюбіемъ и поведеніемъ оказывается полезнымъ во всякомъ обществѣ, и пріобрѣтаетъ всеобщее уваженіе. Напротивъ, пусть бы человѣкъ усвоилъ себѣ всѣ естественныя науки, пріобрѣлъ совершенную опытность въ примѣненіи ихъ къ житейскимъ выгодамъ,—неозаренный свѣтомъ христіанскаго вѣроученія, онъ неизбѣжно порабощается страстямъ, предается самымъ позорнымъ порокамъ и беззаконіямъ, потому что не имѣетъ ни побужденій, кромѣ кое-какихъ слабыхъ и ничтожныхъ, ни средствъ—къ обузданію своей чувственности, да и не желаетъ этого. Въ такомъ состояніи человѣкъ и самъ считаетъ себя несчастнымъ, и другихъ дѣлаетъ несчастными: никогда и ничѣмъ не довольствуясь, онъ только повсемѣстно разсѣваетъ развратъ, всякое зло и беззаконіе въ обществахъ человѣческихъ. Такія наблюденія убѣждаютъ, что христіанское вѣроученіе, по своей возвышенности, благотворной силѣ и пользѣ для человѣческаго рода, незамѣнимо никакими естественными науками.

Впрочемъ и естественныя науки, изучаемыя съ искреннимъ желаніемъ пріобрѣсть дѣйствительныя, точныя, а не мечтательныя понятія о бытіи, происхожденіи и свойствахъ окружающихъ насъ предметовъ, хотя не прямо, и какбы косвенно, хотя не въ такомъ свѣтѣ, какъ христіанское ученіе вѣры, устрем-

ляютъ и возносятъ умъ мыслящаго человѣка къ познанію Бога и Его совершенствъ. Вообще естественныя науки не только не заключаютъ въ себѣ ничего дѣйствительно противорѣчущаго Божественному откровенію, но еще могутъ служить къ уясненію и убѣжденію въ истинахъ христіанскаго вѣроученія. Для удостовѣренія въ этой истинѣ достаточно хотя бѣгло обозрѣть главныя изъ нихъ.

Между естественными науками высшее мѣсто, по справедливости, принадлежитъ *астрономіи.* Совокупность всѣхъ тѣлъ, всего вещества и организмовъ съ ихъ законами и силами, изъ которыхъ состоитъ вселенная, обыкновенно именуется природою. При взглядѣ на окружающую насъ природу, осебенно поражаетъ насъ благоговѣйнымъ изумленіемъ дивное великолѣпіе звѣздныхъ небесъ, ихъ безконечное, необъятное пространство, и безводная глубина, недостигаемая взоромъ даже при пособіи совершеннѣйшихъ, самыхъ громадныхъ, телескоповъ. Послѣ тысячелѣтнихъ наблюденій, астрономы въ новѣйшія времена открыли, что теченіе и движеніе громадныхъ тѣлъ и свѣтилъ небесныхъ совершается посредствомъ простыхъ законовъ притягательной ихъ силы и взаимнаго ихъ тяготѣнія, сообразно съ законами механики. Поэтому астрономы, принимая въ соображеніе тѣ законы, на основаніи ихъ математически вычисляютъ и опредѣляютъ самымъ точнымъ образомъ массы, плотность, формы, опредѣленіе орбитъ, или путей, и скорость теченія каждаго свѣтила небеснаго, взаимныхъ планетныхъ отношеній и даже такъ называемыхъ астрономами возмущеній [1]. Справедливость астрономическихъ выводовъ доказываютъ благовременныя предсказанія лунныхъ и солнечныхъ затмѣній, продолженіе планетъ марса и венеры и т. д. Но самыя тщательныя наблюденія планетныхъ системъ не открыли

---

[1] Возмущеніемъ астрономы называютъ то, когда тяготѣніе какого либо небеснаго тѣла, движущагося по своей орбитѣ, замедляетъ теченіе другаго тѣла, такъ что по теоріи обыкновеннаго движенія планеты, она не совершаетъ своего обращенія въ продолженіе такого времени, въ которое совершила бы его, если бы на нее не имѣло вліяніе тяготѣніе небеснаго тѣла, приближающагося къ ней на пути ея теченія.

въ небесномъ пространствѣ ни малѣйшаго повода къ заключенію, что на небесахъ что-либо происходитъ по слѣпому случаю. Напротивъ очевидно, что теченіе всѣхъ тѣлъ небесныхъ совершается по плану, премудро предначертанному. Впрочемъ и здравый смыслъ не можетъ допустить, чтобы законы планетныхъ системъ, ихъ движеній, и міровыхъ явленій, были одно и тоже съ производящею ихъ причиною: потому что эти законы явно указываютъ на предначертавшаго ихъ Законодателя.

Знаменитый англійскій астрономъ, Ньютонъ, открывшій въ природѣ, какъ извѣстно, законъ тяготѣнія, всегда былъ проникнутъ такимъ благоговѣніемъ къ Богу, что снималъ шапку, когда или самъ или кто другой произносилъ предъ нимъ это великое имя; разсуждая же объ открытомъ имъ законѣ, утверждалъ: «Воображать, что сила тяготѣнія прирождена матеріи, присуща ей и существенно ей принадлежитъ, я считаю величайшею нелѣпостію. Нельзя сказать, что одно (какое-нибудь) тѣло дѣйствуетъ на другое чрезъ пустоту пространства. Всякій, одаренный способностію мышленія о философскихъ предметахъ, никогда не согласится съ такимъ (мнѣніемъ). Тяготѣніе можетъ быть постоянно производимо по опредѣленнымъ законамъ, (только) дѣйствующимъ двигателемъ». Размышляя о томъ же предметѣ, астрономъ Кестнеръ заключалъ, что «тяготѣніе есть слѣдствіе постояннаго, обоюднаго дѣйствія двухъ тѣлъ, привлекающихъ другъ друга. Оно по существу своему не двойственно, не есть дуализмъ, но выраженіе высшаго (нѣкоего) единства; (такъ что) необходимость двигаться объемлетъ оба тѣла разомъ. Это въ сущности одинъ актъ и опытное доказательство, что оба тѣла существенно принадлежатъ другъ другу».

Вообще же, по астрономическимъ наблюденіямъ, всѣ небесныя тѣла взаимными отношеніями столь тѣсно соединены между собою, что составляютъ какбы одинъ организмъ,—что всѣ отдѣлы (части) планетныхъ системъ, всѣ движенія небесныхъ тѣлъ доказываютъ единство предначертаннаго плана въ ихъ устроеніи и размѣщеніи, и притомъ до такой степени, что даже въ

мысли невозможно представить большей и совершеннѣйшей гармоніи, какая въ нихъ господствуетъ. Знаменитый професcоръ высшей математики въ виленскомъ университетѣ, астрономъ Снядецкій говаривалъ, что небесныя тѣла взаимными отношеніями столь тѣсно соединены между собою, что и вообразить невозможно какой-либо послѣдовательности въ созданіи и устроеніи одной за другою планетной системы, что кажется, будто всемогущій Творецъ, созидая вселенную, взялъ горсть раскаленныхъ углей, бросилъ ихъ въ безпредѣльное пространство эѳира, и они въ тоже мгновеніе закружились вокругъ своихъ центровъ, и вмѣстѣ съ круговращеніемъ и взаимнымъ вліяніемъ, или тяготѣніемъ одного тѣла къ другому, составили существующія нынѣ планетныя системы»[1].

Размышляя о столь тѣсныхъ отношеніяхъ планетныхъ системъ, зависящихъ отъ обоюднаго притяженія и тяготѣнія однихъ къ другимъ, глубокіе мыслители не безъ основанія уподобляютъ всѣ въ совокупности планетныя системы искусно устроеннымъ часамъ, въ коихъ обращеніе одного кольца въ одно и тоже время послѣдовательно дѣйствуетъ на кругообращеніе колецъ, составляющихъ систему часовъ, а движеніе всѣхъ ихъ, взятыхъ въ совокупности, зависитъ отъ дѣйствующаго на нихъ тѣготѣнія гирь. Но часы обыкновенно устрояютъ искусные мастера, заводятъ и наблюдаютъ за правильнымъ ходомъ тѣ же мастера, или люди, умѣющіе заводить часы. Кто же устроилъ и приводитъ въ движеніе свѣтила и тѣла небесныя? Чьимъ промышленіемъ совершается столь дивное теченіе свѣтилъ небесныхъ?

На подобные вопросы, предложенные нѣкогда и Богомъ праведному Іову: «Ты ли связалъ во узы плеяды, или разрѣшилъ узы оріону? Ты ли выводишь зодіакальныя созвѣздія (Іов. 38, 31.32)?»— каждый астрономъ и каждый человѣкъ, побуждаемый совѣстію, не можетъ не исповѣдать съ благоговѣніемъ, что только всемогущая премудрость сильна была создать и устроить свѣтила небесныя съ ихъ планетными системами, и что только она

[1] Эту мысль Снядецкій изложилъ и въ одномъ изъ своихъ твореній; но писатель не имѣлъ ихъ подъ рукою, и посему не могъ сдѣлать требуемаго указанія.

также можетъ поддерживать ихъ бытіе, приводить въ движеніе ихъ силы. Такъ небеса, при взглядѣ на нихъ, по выраженію Пророка, понятно для всего рода человѣческаго проповѣдуютъ славу Божію; такъ о дѣлахъ рукъ Его возвѣщаетъ твердь, и посредствомъ обращенія планетъ вокругъ свѣтилъ небесныхъ день дню передаетъ слово, ночь ночи сообщаетъ познаніе о Богѣ столь внятно, что нѣтъ языка въ мірѣ, нѣтъ нарѣчія, на которомъ бы не былъ слышанъ и понимаемъ голосъ этой проповѣди (Псал. 18, 2—4).

Какъ въ звѣздныхъ мірахъ или планетныхъ системахъ, занимающихъ своимъ пространствомъ милліоны миль: такъ повсемѣстно въ цѣлой вселенной, и въ кристаллахъ и въ живыхъ существахъ, даже въ наблюдаемыхъ только посредствомъ микроскопа инфузоріяхъ, усматривается изумительная цѣлесообразность, стройность, порядокъ и симметрія. Всѣ тѣла, отъ поразительныхъ метеоровъ до капли воды или хлопка снѣгу, опредѣляются правильными, своеобразными формами, если ничто не препятствуетъ естественному ихъ развитію, или разложенію. Растворивъ напр. въ теплой водѣ по одной ложкѣ селитры и соли, стертыхъ въ мелкій порошокъ, и поставивъ этотъ растворъ въ тепломъ мѣстѣ, мы чрезъ нѣсколько времени усматриваемъ, что селитряный порошокъ совершенно отдѣлился отъ соли и образовалъ изъ себя шестигранные столбики, заостренные на подобіе крыши, а поваренная соль образовалась въ бугорчатые кристаллики. Не явно ли изъ этого, заключаетъ докторъ Ю. А. Штекгардтъ, что въ природѣ дѣйствуетъ высшая таинственная власть, даровавшая и мертвому и веществу законы, которые заставляютъ едва примѣтныя его частицы располагаться по опредѣленному плану и образовать изъ себя правильныя фигуры, подобно тому, какъ пчела всегда должна строить себѣ шестиугольное жилище [1]? Волнообразное колебеніе свѣта и звука, несмотря на ихъ различіе послѣдовательно рас-

---

[1] Учебникъ химіи доктора Ю. А. Штекгардта. Спб. 1862 г. стр. 33. 34. А наши доморощенные матеріалисты принялись теперь со всѣмъ жаромъ юношескаго пыла наполнять своими мнѣніями различные журналы, провозглашая абсо-

пространяя въ воздухѣ съ математическою точностію, по предначертаннымъ законамъ. Дознано еще учеными изслѣдованіями, что цвѣта радуги и призмы, отраженіе предметовъ на глазной оболочкѣ, сѣверныя сіянія, уклоненіе компасной стрѣлки, движенія атмосферы, приливы и отливы морей, дождевая капля, кружащаяся въ воздухѣ пылинка, управляются законами, премудро для нихъ предначертанными, и въ столь дивной соразмѣрности, что еслибы не было тѣхъ законовъ: то не могла бы состояться ни одна изъ естественныхъ наукъ, которыя въ наше время развиваются и усовершаются, поистинѣ съ гигантскими успѣхами.

Тщательныя наблюденія удостовѣряютъ еще, что въ природѣ постоянно совершаются измѣненія и передвиженія вещества, изъ коего составляются различныя тѣла и образуются

лютный матеріализмъ, усиливаясь свои мысли выражать самымъ рѣзкимъ тономъ, съ заносчивою рѣшительностію. Такъ напримѣръ авторъ статьи *„природа и естествознаніе“* аподиктически утверждаетъ, что матерія безсмертна; что въ природѣ независимыхъ, постоянныхъ силъ нѣтъ; что есть только взаимныя отношенія веществъ; что гдѣ бы сила ни проявилась, гдѣ бы ни дѣйствовала, необходимо одно условіе — присутствіе матеріи; что нѣтъ никакой всемогущей власти, управляющей тѣми силами, а есть только всемогущій случай, отъ котораго зависитъ то или другое явленіе. (См. Иллюстрацію 1863 г. февраля 28, стр. 134, марта, стр. 146). Конечно матерія, не смотря на безпрестанную свою измѣняемость, повидимому, безсмертна. Но Кто вызвалъ ее всемогущею волею изъ небытія въ бытіе, Тотъ силенъ снова обратить ее въ ничтожество; а воображать матерію безначальною—противно здравому смыслу. Кромѣ того, мнѣнія указаннаго автора не подтверждаются и опытами: въ магнитѣ напримѣръ постоянно проявляется сила одна и таже, свойство кристаллизующее селитряный порошокъ въ шестигранные столбики всегда одно и тоже. Въ вещественной природѣ, конечно, нѣтъ всемогущей власти; но есть міръ духовный, есть всеобъемлющій, премудрый Духъ, коего называемъ Богомъ, который управляетъ всѣми силами и событіями въ мірѣ вещественномъ. Сверхъ силъ проявляющихся въ матеріи, есть и другія силы, духовныя, нравственныя. Если напримѣръ благочестивый отецъ семейства, замѣтивъ, что кто-либо изъ посѣтителей его при его дѣтяхъ кощунствуетъ, изрыгаетъ на святыню хуленія,—укажетъ такому нечестивцу на дверь и скажетъ ему: „вонъ изъ моего дому“; то явно, что сила, заставившая безбожника удалиться со стыдомъ, невещественна. Слово *случай* выдумано невѣжествомъ; въ природѣ все имѣетъ свои причины, а тѣмъ болѣе нѣтъ случая всемогущаго. Но матеріалисты, исказивъ умъ, сердце и чувства развратомъ, ревностно провозглашаютъ матеріализмъ, въ той надеждѣ, что, заразивъ имъ массы народа, удобно произведутъ мятежи, коими управляя, и пользуясь общимъ смятеніемъ и замѣшательствомъ, успѣютъ захватить сокровища, пріобрѣтенныя трудолюбіемъ другихъ, для удовлетворенія своимъ страстямъ, пока, по безумному ихъ предположенію, не обратятся всецѣло въ ничтожество.

органическія животныя и растенія. А естественная наука, именуемая *химіею,* совершивъ о сю пору посредствомъ своихъ опытовъ чрезвычайныя открытія, узнала многія тайны природы, до той степени, что, можно сказать, химическими опытами, производится теперь въ маломъ видѣ почти все то, что въ природѣ совершается въ большихъ размѣрахъ. Пользуясь сильными кислотами, каковы напр. сѣрная, купоросная, селитряная, борная, царская водка, употребляя для своихъ цѣлей галванизмъ, кубы, реторты, кипяченіе, выпариваніе и т. д., химія разлагаетъ тѣла на ихъ составныя части, и нѣкоторыя изъ нихъ именуетъ простыми, потому что они не подлежатъ уже дальнѣйшему химическому разложенію. Изъ этихъ тѣлъ составляетъ она вещества какбы среднія: если части соединяемыя одарены такъ называемымъ химическимъ сродствомъ, или соединившись, составляютъ какбы одно естественное тѣло. Такія соединенія всегда совершаются въ опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ количествахъ по мѣрѣ и вѣсу. Однакоже, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, химія принуждена смириться предъ величіемъ твореній, вызываемыхъ изъ небытія всемогуществомъ и ознаменованныхъ печатію премудрости и благости Божіей: она своими опытами не въ состояніи образовать ничего органическаго, что было бы подобно нетолько животнымъ, но и растительнымъ организмамъ; она не можетъ произвесть и малѣйшей былинки. «Химія», говоритъ Либихъ, «можетъ только разлагать тѣла на составныя ихъ части, но не можетъ узнать (точнаго) расположенія ихъ; а на этомъ-то расположеніи, не на веществѣ основывается существо вещей. Три начала— углеродъ, водородъ и кислородъ, и притомъ одинаковаго вѣса, образуютъ и млечный сахаръ, и капусту, и хлопчатую бумагу [1]. Равнымъ образомъ трихининъ [2], хинниннинъ [3], и кофеинъ, даже кровь, при химическомъ разложеніи, показываютъ не

[1] Равнымъ образомъ адепты химіи, при всѣхъ успѣхахъ своей науки, не достигли и до такого искусства, чтобы могли составить хоть каплю коровьяго молока, какъ не могутъ, по сознанію Либиха, составить хлопчтатой бумаги.

[2] Ядъ, извлекаемый изъ рвотнаго орѣха (nux vomica).

[3] Антидотъ, или противоядіе трихнина.

иное что, какъ углеродъ, удушающій газъ и начало водородное. Слѣдовательно, причина различія тѣхъ веществъ лежитъ во внутреннемъ расположеніи составныхъ ихъ частей; но для дознанія такого расположенія никакой анализъ недостаточенъ. А изъ этого видно, что столкновеніе совершенно случайное, никакъ не могло произвесть тѣхъ веществъ. Подобное мнѣніе въ отношеніи къ началу (созданію) высшихъ органическихъ существъ, совершенно безсмысленно. Всѣ неорганическія силы (суть лишь) такъ называемыя въ физикѣ — прямыя линіи и площади. Напротивъ органическими силами производятся линіи кривыя и площади въ видѣ склеповъ. Если же станемъ доискиваться той силы, которая кривитъ тѣ линіи; то необходимо будетъ къ тремъ онымъ силамъ присовокупить еще новую, опредѣляющую расположеніе составныхъ частей въ тѣлахъ органическихъ, то есть, къ силѣ сцѣпленія, кристаллизующей въ теплотѣ, и къ химическому сродству, необходимо присоединить четвертую, органическую, жизненную силу ихъ элементовъ. Только эта сила управляетъ,—обуздываетъ, напримѣръ, необузданныя, мятежныя и вредныя сцѣпленія въ животномъ тѣлѣ, и ограничиваетъ ее сообразно съ цѣлію организма. Всѣ отвергающіе эту силу не имѣютъ никакого понятія о природѣ, и никакой истинный физіологъ не можетъ признать научно доказаннымъ ни одного положенія, которое утверждалось бы на такомъ отрицаніи. Въ живомъ тѣлѣ химическія силы подчиняются идеѣ (предначертанію, по которому создано тѣло); но химіи никогда не удастся изъ кислорода, аммоніака, воды, фосфора и извести (изъ этихъ главныхъ частей человѣческаго тѣла) образовать хотя малѣйшую органическую клѣточку» [1].

О химическихъ процессахъ вообще докторъ Ю. А. Штек-

---

[1] Новѣйшіе физіологи полагаютъ, что всѣ органическія тѣла начинаются съ клѣточки, заключающей въ себѣ ядрышко растенія; что клѣточки, послѣдовательно раздѣляясь на другія, образуютъ ткани и волокна всѣхъ частей животныхъ и растительныхъ тѣлъ. Но противъ этой гипотезы въ Германіи возникли уже возраженія ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ мускулахъ, которые состоятъ изъ тончайшихъ волоконъ, сплоченныхъ столь тѣсно, что въ оконечностяхъ своихъ похожи на струну, трудно усмотрѣть клѣточки.

гардтъ говоритъ, что «они назначены Творцемъ производить безпрерывныя передвиженія, ежедневно наблюдаемыя въ природѣ,... что химія объясняетъ тѣ передвиженія и даетъ точныя понятія о чудесахъ творенія. А такія объясненія ведутъ человѣческій умъ не только къ высшему образованію и усовершенствованію; но должны еще исполнить его большимъ удивленіемъ и глубочайшимъ благоговѣніемъ къ Тому, Кто открываетъ намъ въ тѣхъ чудесахъ безпредѣльное свое могущество и свою премудрость!»[1]

Физіологи доказываютъ, что во внутренности животныхъ тѣлъ газы кислородъ, водородъ, углеродъ и фосфоръ совокупляются и раздѣляются по тѣмъ же законамъ, которымъ тѣ элементы подчиняются внѣ животныхъ тѣлъ въ природѣ. Химическія превращенія, которымъ подвергается наша пища, претворяясь въ питательный сокъ и кровь, и вводитъ въ составъ тѣлесной ткани, — слѣдуютъ законамъ повсемѣстно дѣйствующимъ въ природѣ. Кругообращеніе крови подчинено законамъ гидростатики, коими управляется разнообразное теченіе воды. Вообще животный организмъ есть какбы результатъ частнѣйшаго приложенія всеобщихъ законовъ природы, которые, приспособительно къ поддержанію бытія и рода каждаго живаго организма, соразмѣряются и ограничиваются жизненностію, производимою въ животныхъ ихъ душею. Въ этомъ отношеніи органическая химія оказала наукѣ большую услугу, открывъ, изъ чего состоятъ въ животномъ организмѣ кости, перепонки, хрящи, фибры (жилки) мускуловъ, также рога, шерсть, чешуя и тому подобное.

Но знаніе всего того еще не объясняетъ, отъ чего происходитъ единство органической жизни, въ какомъ бы то ни было организмѣ. Это единство ея очевидно предначертано высочайшею, премудрою, зиждительною мыслію, тѣмъ болѣе, что малѣйшій безпорядокъ, или поврежденіе, происшедшее во внутреннихъ функціяхъ, или отправленіяхъ живаго организма, причиняетъ ему болѣзнь и даже смерть.

---

[1] Учебникъ химіи Штекгардта, стр. 3.

Итакъ въ тѣлѣ всякаго живаго организма химическія силы подчинены жизненности, производимой въ немъ его душею. Питаніе, воспроизведеніе новыхъ организмовъ, суть дѣйствія, посредствомъ коихъ жизненныя силы господствуютъ надъ входящею въ составъ организмовъ матеріею. И тогда какъ эта матерія, сама по себѣ, бездѣйственна, мертва, не имѣетъ силы образовать изъ себя что нибудь, — малѣйшее микроспическое сѣмя, какимъ-то могуществомъ превращаетя въ крошечную былинку, или цвѣтокъ, который растительными своими органами образуетъ листочки, чашечки, тычинки, лепестки, пестикъ. «Прозябать, расти, цвѣсти, приносить зерна и увядать—это важнѣйшія степени развитія, чрезъ которыя проходятъ растенія. Если они принесли сѣмена, т. е. новыя, могущія жить тѣла; то исполнили свое предназначеніе, и за тѣмъ снова обращаются какбы назадъ, къ уничтоженію» [1]. Уничтожаются ли они по прошествіи лѣта, или остаются навсегда неизмѣнными? Дѣйствіе Господа неба и земли, коимъ вызываются такія измѣненія жизни въ растеніяхъ, намъ совершенно неизвѣстно. И хотя нѣкоторые ученые дали этому процессу названіе жизненной силы, но чрезъ это къ болѣе ясному понятію мы не приблизились. Зиждительное могущество Творца, совершающееся въ растительности, происходитъ столь тайно, что дѣятельность человѣческаго ума въ этомъ отношеніи едва ли когда нибудь обратится въ опытное знаніе. Такъ, хотя мы чувствуемъ радость, когда весной распускаются почки и земля обращается какбы въ море цвѣтовъ; равно ощущаемъ грусть, когда осенью листья увядаютъ и предсказываютъ свое уничтоженіе; но откуда это приходитъ и куда уходитъ,—какъ совершаются такія чудеса въ царствѣ растительномъ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Только то доступно нашему понятію, что все это производитъ всемогущая благость Божія.

Такъ, на основаніи самыхъ тщательныхъ наблюденій надъ растительностію, можно заключать лишь то, что непостижимая премудрость вложила въ сѣмя силу сперва прозябать въ

[1] Учебникъ химіи доктора Штекгардта, стр. 105.

сырой землѣ, затѣмъ развиваться въ растеніе, которое, произведши цвѣты и сѣмена, потомъ увядаетъ. Для возможно яснѣйшаго понятія о процессѣ растительности, возьмемъ въ примѣръ хоть зерно пшеницы. Брошенное въ землю, оно подвергается дѣйствію теплоты и влажности. Вслѣдствіе сего, при свободномъ доступѣ воздуха, оболочка зерна размягчается, сѣмя разбухаетъ, химическій составъ всѣхъ частей зародыша измѣняется, бѣлокъ превращается въ сладковатое сахарное вещество, имѣющее видъ эмульсіи, или миндальнаго молока. Эта сахарная жидкость, разводимая всасываемою изъ земли водою, какбы поглощается всѣми частями зародыша и служитъ ему пищею, пока не увеличится и не приметъ видъ настоящаго растеньица, котораго корень своими мочками погрузится въ землѣ. Затѣмъ въ подземномъ проращеніи перышко растенія возрастаетъ, поднимается, пробуравливаетъ поверхность земли, становится стеблемъ и образуетъ вѣтви и листья. Но стебель выходитъ на свѣтъ не прежде, какъ когда корень получитъ совершенное образованіе и станетъ заимствовать изъ земли не только влагу, но и кремноземъ, или пылинки кремня, для укрѣпленія стебля. На воздухѣ же растеніе отъ дѣйствія свѣта становится зеленымъ.

Таковъ процессъ растительности во всѣхъ растеніяхъ. Въ зернѣ, или сѣмени растенія, заключается уже предначертаніе цѣлаго организма и все, имѣющее произойти изъ него, какъ-то, стебель, листья, вѣтви и плодъ, если растеніе будетъ питаемо химическимъ растворомъ земныхъ и воздушныхъ кислотъ. Дознано, что кислоты растеній образуются преимущественно изъ такъ называемой угольной кислоты и воды, составляющихъ главную ихъ пищу. Но совершенно неизвѣстно, какою силою и какимъ способомъ эти два тѣла, находясь въ виноградной лозѣ, превращаются въ винную кислоту, а въ лимонахъ, напр. въ лимонную, въ яблоняхъ въ яблочную и т. д. Отъ чего вишни и слива, находясь на одной и той же почвѣ, производятъ различныя, свойственные имъ плоды; отъ чего дубъ и кленъ покрываются безчисленными, но разнообразными ли-

стьями, и всегда по чертежу—указанному имъ въ ихъ созданіи всеобъемлющею премудростію. О, поистинѣ, взирая внимательно на растительное царство, кажется слышишь зиждительное слово Божіе: *да произраститъ земля траву, сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея, и древа плодовитыя, приносящія по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ* (Быт. 1, 11)!

Не заслуживаетъ ли еще особеннаго вниманія и то, что плоды растеній, назначенные для питанія живыхъ существъ, чтобы могли сохраниться на долгое время, получаютъ съ возрастаніемъ твердую скорлупу, защищающую ихъ отъ нападенія птицъ или насѣкомыхъ, а другія, особенно хлѣбныя зерна, съ самою отеческою попечительностію окутываются разными покровами, какъ пеленами!

Какимъ изумленіемъ также поражается мысль наша, опытно убѣждаясь во взаимномъ, хотя безсознательномъ содѣйствіи разнородныхъ тварей къ поддержанію своего бытія! Отъ углерода, напримѣръ, или углекислаго газа, который выдыхается милліонами людей и животныхъ, и сверхъ того образуется отъ горѣнія, броженія, тлѣнія и разложенія земныхъ веществъ, воздухъ былъ бы вреднымъ и даже убійственнымъ для дыханія, если бы растенія въ свою очередь не поглощали и не усвояли себѣ этого газа, какъ сильно способствующаго ихъ растительности, а въ обмѣнъ не испаряли кислорода, который вдыхаютъ въ себя животныя, какъ стихію для органической жизни необходимую. Такимъ образомъ воздухъ, слагаясь, какъ увѣряютъ естествоиспытатели, почти изъ 72 частей газа, именуемаго азотомъ и также вреднаго для животныхъ, и изъ 31 части кислорода съ примѣсью угольной кислоты, постоянно уравновѣшивается и почти всегда находится въ одномъ состояніи. Но такая взаимная услуга растеній и животныхъ, совершающаяся разными способами, не явно ли указываетъ на промышляющую о всѣхъ тваряхъ зиждительную, всеблагую волю, всемогуществомъ которой сохраняются бытіе и силы всего сущаго въ мірѣ? Равнымъ образомъ безумно было бы приписывать слѣпому случаю то, что, откуда бы мы ни получили чи-

стую воду—изъ родника или изъ моря, въ видѣ льда или пара, она всегда состоитъ изъ $12^1/_2$ частей водорода и изъ ста частей кислорода; что небольшое количество поваренной соли находится въ каждомъ источникѣ, въ каждой почвѣ, въ каждомъ растеніи. Поэтому не естественно ли каждому добросовѣстному изслѣдователю природы повторить исповѣдь знаменитаго электромагнитиста Остерда, что «Творецъ всего есть Духъ; что тѣлесное перестало бы существовать, если бы зиждительная дѣятельность Духа на одно мгновеніе перестала дѣйствовать; что начала бытія не должно искать въ видимомъ веществѣ; что вещество, само по себѣ, мертво, безжизненно. Природа не есть что либо тѣлесное. Духъ проникаетъ природу и господствуетъ надъ нею. Существенное единство силъ бытія происходитъ отъ всеобщей законности и гармоніи природы, отъ единства творческаго плана, въ равновѣсіи планетъ, равно какъ въ постепенномъ развитіи организмовъ, начиная отъ растенія до человѣка. Для понятія каждаго естественаго закона требуется дѣйствіе ума. Проникнутое умомъ созерцаніе природы во всемъ существующемъ указываетъ намъ вѣчное дѣло живаго Ума, который мы, по отношенію къ Его самознанію, называемъ Богомъ. Силы природы суть силы Божества, законы природы суть мысли Божіи. Человѣкъ раждается съ природными предрасположеніями, по которымъ онъ становится существомъ разумнымъ, сотвореннымъ для правды и богопознанія»[1].

Въ отеческомъ попеченіи и промышленіи Божіемъ о всѣхъ тваряхъ особенно убѣждаетъ насъ примѣчаемое устройство въ цѣломъ и въ членахъ каждаго организма, также наблюденіе,—какою пищею поддерживается бытіе ихъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительный предметъ — даже куриное яйцо. Всѣ части его очевидно предназначены для первоначальнаго пропитанія заключающагося въ немъ, будущаго птенца. Подобно этому, всякой, самой крошечной, твари опредѣлена своего рода пища, приготовлены удовольствія, время и продолженіе бытія. Малѣйшее насѣкомое имѣетъ способность чув-

[1] L'esprit dans la nature, p. 178. 188.

ствовать, что для него полезно или вредно. Всѣ твари, по выраженію Пророка, ожидаютъ своевременныхъ средствъ жизни отъ всеобщаго промысла Божія, который даетъ пищу и птенцамъ ворона, взывающимъ къ Нему (Псал. 103, 27. 146, 9). Но жизненность каждаго животнаго, силою коей изъ зародыша происходятъ и развиваются всѣ члены его организма, указываетъ уже на цѣль, для достиженія которой оно предназначено. Въ этомъ легко убѣдиться, наблюдая устройство, какъ въ частности каждаго органа въ животномъ организмѣ, такъ и цѣлаго ея состава. Глазъ, напримѣръ, совершенно соотвѣтствуетъ цѣли его устроенія: онъ—какбы живая камеръ-обскура, съ математическою точностію примѣненная къ законамъ преломленія лучей, отъ которыхъ зрачекъ то расширяется, то съуживается, соразмѣрно разстоянію разсматриваемыхъ предметовъ и пропорціонально количеству свѣта, необходимаго для ихъ созерцанія. Многосложное устройство уха изумляетъ естествоиспытателей, какъ образецъ акустическаго искусства, и вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Сердце въ связи съ легкими и съ цѣлою, внутреннею, системою кровоносныхъ сосудовъ, снабжено насосомъ и клапанами, и точнѣйшимъ образомъ приспособлено къ обращенію крови въ тѣлесномъ составѣ. Наша рука такъ устроена, что человѣкъ легко можетъ осязать ею предметы, поднимать тяжести, производить ремесла, играть на музыкальныхъ орудіяхъ, рисовать и проч.; и органически отличается отъ ноги способностію удобно вращаться во всѣ стороны, чему способствуетъ то, что верхній конецъ плечевой ея кости шарообразенъ и вложенъ въ чашкообразную впадину плечеваго сустава; а чтобы плечевая кость не выходила изъ него, два конца ея загнуты, и въ плечевомъ суставѣ обвиты со всѣхъ сторонъ сухими жилами и мускулами, какбы ремнями. Вообще, рука отъ плечеваго сустава до локтя и самой кисти, съ ея гибкими перстами, такъ премудро устроена и расположена, что превосходитъ всѣ самыя многосложныя машины, придуманныя умомъ человѣческимъ.

Обращая же вниманіе на цѣлость организмовъ, повсемѣстно

обозначающую ихъ недѣлимость, мы, при неисчислимыхъ разницахъ недѣлимости каждаго изъ нихъ, ясно усматриваемъ между ними общность и сродство, взаимную связь и одинъ и тотъ же законъ, на многоразличныхъ степеняхъ послѣдовательнаго ихъ развитія, показывающій единство воли, создавшей вселенную. Всеобщность этого закона вездѣ выражается послѣдовательнымъ явленіемъ зарожденія, возрастанія и оплодотворенія каждаго органическаго существа. Корешки растенія своими зубчатыми оконечностями или мочками соотвѣтствуютъ желудку и кишечному каналу животныхъ; листья, трещины и щели древесной коры то же, что поры нашей кожи и наполняющіяся воздухомъ клѣточки легкихъ, устроенныхъ для нашего дыханія; клѣтчатая же и частію волокнистая ткань древеснаго ствола имѣетъ сходство съ сосудистою системою животнаго тѣла, посредствомъ которой совершается питаніе, и т. д. Такая всеобщность одного и того же закона лежитъ въ основныхъ функціяхъ органической жизни; но потомъ, чѣмъ болѣе развивается жизнь организмовъ, тѣмъ осязательнѣе выступаютъ наружу особенности недѣлимыхъ, подобно тому, какъ идея ученаго, развиваемая размышленіемъ, постепено является въ отдѣлахъ и разнообразится въ частяхъ. Напр., клѣточки растительныхъ организмовъ, на первыхъ порахъ своего роста, не представляютъ замѣчательныхъ отличій въ различныхъ породахъ, но дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ какое неизчислимое производятъ онѣ между ними разнообразіе!

Такимъ образомъ одинъ планъ, одна, такъ сказать, основная творческая мысль осуществляется на всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ подраздѣленіяхъ міроваго организма; но вчастности каждое, органическое недѣлимое, разсматриваемое независимо отъ отношеній, соединяющихъ его со всѣми, существующими во вселенной, организмами, совершенно приспособлено къ тому роду жизни, къ которому оно предназначено, какъ частица цѣлаго. Такъ напримѣръ устройство рыбы совершеннѣйшимъ образомъ приспособлено къ плаванію въ водѣ, глазъ ея устроенъ примѣнительно къ закону преломленія лучей свѣта въ жидко-

стяхъ, ноги земныхъ животныхъ у рыбъ замѣнены плавательными перьями, шерсть чешуею, а легкія жабрами. Зубы, органы пищеваренія, кишечный каналъ, въ каждомъ животномъ указываютъ на свойственный его организму родъ пищи. Только, размышляя объ этомъ, не надобно забывать, что нашъ земной шаръ подвергался многимъ потрясеніямъ и переворотамъ, что настоящее его состояніе далеко не то, въ какомъ находился онъ, когда созданы были на немъ растенія и животныя, что впослѣдствіи (послѣ грѣхопаденія первозданныхъ человѣковъ) нѣкоторые органы и свойства животныхъ измѣнились, волки напримѣръ, тигры, шакалы и т. п. стали кровожадными... Допустить эту истину заставляетъ и одно то простое наблюденіе, что природа животныхъ и растеній во многомъ измѣняется даже и отъ климатическихъ условій. Напр., европейская курица въ средней Америкѣ почти совсѣмъ теряетъ перья. Вообще всѣ роды живыхъ существъ по устройству ихъ приноровлены къ извѣстному климату, или къ извѣстной стихіи. Способы жизни, дарованные пернатымъ, примѣнены къ упругости воздуха, чтобы пернатое могло летать. Олень снабженъ длинными ногами, чтобы могъ быстро бѣгать; кроту съ короткими лапами, на подобіе лопатокъ назначено рыться въ землѣ и т. д. Тѣло четвероногихъ животныхъ, съ приближеніемъ зимы, покрывается шерстію гуще и длиннѣе лѣтней; птицы къ зимѣ снабжаются большимъ количествомъ пуха. Всѣ такія и тысячи подобныхъ наблюденій не ведутъ ли къ познанію отеческаго промышленія всеблагой, творческой воли, создавшей твари для предначертанныхъ цѣлей, и одарившей каждое созданіе вѣрными средствами и способностями достигать своего назначенія?

Итакъ, внимательно разсматривая животные организмы и вдумываясь въ каждую особенность, отличающую ихъ одинъ отъ другаго, не возможно не замѣчать здѣсь какбы предначертаннаго плана зиждительной мысли, по которому и растенія и всѣ въ совокупности животныя составляютъ какбы общій организмъ, въ которомъ всѣ степени бытія будто по необходимости

взаимно поддерживаются и существуютъ для взаимной пользы. Въ человѣкѣ же эта зиждительная мысль Творца какбы окончательно осуществляется, и выражается воспроизведеніемъ въ его организмѣ всѣхъ родовъ организаціи, возведенныхъ къ высшему и полнѣйшему развитію.

Кромѣ того, какую бездну творческой премудрости усмотрѣлъ бы тотъ, кто сталъ бы разсматривать прирожденныя разнымъ твореніямъ естественныя побужденія, коими онѣ направляются къ своей дѣятельности, и которыя служатъ имъ къ самосохраненію своего рода! Каждое животное особеннаго рода недѣлимое до едва примѣтнаго взору насѣкомаго, одарено удивительнымъ, такъ называемымъ, инстинктомъ. Инстинкты животныхъ часто приводятъ насъ въ изумленіе, и представляются намъ какбы мудрою ихъ находчивостію, хотя на самомъ дѣлѣ возбуждаемыя ими дѣйствія происходятъ не отъ разумной мысли, и не отъ сознательной воли, а отъ внутренняго врожденнаго настроенія, побуждающаго дѣйствовать въ особенныхъ случаяхъ такъ, а не иначе, и совершаются подъ вліяніемъ всеобщаго міроваго организма, коего каждое живое существо составляетъ крошечную частичку. Теплота и свѣтъ суть общіе агенты и двигатели организма нашей планетной системы и организмовъ, въ ней заключающихся. Какъ человѣческая рука, производя движенія, необходимыя для совершенія какого нибудь дѣла, не сознаетъ своей зависимости отъ нашего ума: такъ дѣйствуютъ по инстинкту и животныя, не сознавая всеобъемлющаго, создавшаго ихъ ума, который управляетъ всемірнымъ организмомъ, и заставляетъ каждое живое существо дѣйствовать по премудрому предначертанію для достиженія предназначенной ему цѣли. Поэтому, вслѣдствіе вліянія всемірнаго организма, или силъ природы, аисты напримѣръ и журавли, задолго до наступленія зимнихъ морозовъ, улетаютъ въ теплыя страны; многія животныя запасаются на зиму достаточною пищею: напримѣръ полевыя мыши собираютъ въ свои норы лучшія зерна ржи и пшеницы; съ такою же предусмотрительностію бѣлки сносятъ въ древесное дупло орѣхи и жо-

луди. Особенно же замѣчателенъ инстинктъ животныхъ, ведущихъ жизнь такъ сказать общественную, какъ напримѣръ инстинктъ пчелъ и муравьевъ, именуемыхъ термитами, которые сохраняютъ столь тѣсную между собою связь, что всѣ въ совокупности образуютъ какбы одинъ организмъ, отъ благосостоянія коего зависитъ бытіе и продолженіе жизни каждаго недѣлимаго; равнымъ образомъ, изъ рабочихъ пчелъ ни одна не приготовляетъ меду исключительно для себя, но всѣ вмѣстѣ прилежно занимаются приготовленіемъ его для цѣлаго своего общества, обитающаго въ ульѣ, и тоже вмѣстѣ принимаютъ живое участіе въ воспитаніи новорожденныхъ дѣтей. Не менѣе изумительно раздѣленіе труда и въ муравьиныхъ обществахъ. Яички, изъ которыхъ имѣютъ выклеваться муравьиныя самки, у рабочихъ муравьевъ термитовъ берегутся въ особыхъ клѣтяхъ подземнаго ихъ жилища, предназначенныхъ ими для этого употребленія, и въ теплую пору выносятся на солнце, въ случаѣ же дождливой, или вообще ненастной погоды, съ особенною заботливостію снова относятся въ клѣти. Потомъ, когда изъ муравьиныхъ яичекъ выклюются червячки, превращающіеся впослѣдствіи въ муравьевъ: старые муравьи кормятъ ихъ, влагая имъ пищу въ ротики, и такимъ образомъ питаютъ ихъ цѣлымъ обществомъ. Не менѣе достойны удивленія самыя жилища какъ пчелъ, такъ и муравьевъ, которыя хотя строятся у нихъ вполнѣ приспособительно къ ихъ организму и потребностямъ, но всегда однообразно: потому что животныя не одарены умомъ, который бы своими соображеніями могъ измѣнить форму своихъ произведеній и совершенствовать ихъ. Ни одинъ напримѣръ медвѣдь, не смотря на кажущуюся его смышленность и подобныя человѣческимъ ноги, въ теченіи цѣлыхъ тысящелѣтій не сплелъ еще для своей выгоды лаптя. Ни одна обезьяна, какъ ни близко нѣкоторыя породы ихъ подходятъ къ подобію человѣка, не произвела и самой грубой ткани и не сшила для своего употребленія какой нибудь одежды.

Но слѣды премудрости Божіей, усматриваемые повсемѣстно въ тваряхъ и произведеніяхъ природы, неисчислимы, и въ на-

блюдателѣ ихъ не могутъ не возбуждать такихъ мыслей и заключеній о природѣ, какія въ одномъ изъ своихъ твореній изложилъ знаменитый естествоиспытатель Линней; «я», говоритъ онъ, «наблюдалъ, что животныя относительно своего пропитанія зависятъ отъ царства растительнаго, что растенія погружаютъ свои корни въ землю, что земля обращается по своей орбитѣ вокругъ солнца, условливающаго жизнь ея, что наконецъ и самое солнце, обращаясь около своей оси, съ прочими солнечными системами, коихъ пространству и числу нѣтъ предѣловъ, содержится и ведется въ неизмѣримомъ пространствѣ первою, непостижимою, причиною, Существомъ существъ, производителемъ всѣхъ движеній, зиждителемъ, хранителемъ и строителемъ вселенной. Назовите это Существо Правителемъ міра, вы не ошибетесь, ибо все отъ Него зивиситъ; назовите Его Творцемъ, вы не ошибетесь, ибо все отъ Него произошло; назовите Его Провидѣніемъ, вы опять будете правы: потому что всѣ дѣйствующія въ природѣ силы повинуются Его волѣ. Онъ все знаетъ, все видитъ, все слышитъ, все оживотворяетъ и одушевляетъ. Это Существо, безъ котораго ничто не имѣло бы бытія, вѣчное, неизмѣримое, безначальное, несозданное. Только духъ можетъ созерцать Его величіе. Это Богъ единый, вѣчный, безконечный, всевѣдущій. Изслѣдуя Его творенія, я видѣлъ Его проходящимъ предо мною, и былъ пораженъ изумленіемъ; я позналъ нѣкоторые слѣды Его шествія въ мірѣ, и вездѣ, даже въ крошечныхъ вещахъ, даже въ самыхъ мелкихъ, неподлежащихъ чувствамъ, дробяхъ, какая полнота силы, премудрости, какое неизслѣдимое совершенство!» [1]

Такія размышленія свидѣтельствуютъ, что люди основательно ученые, посвятившіе цѣлую свою жизнь изслѣдованію природы, повсюду, на каждомъ шагу, находили побужденія возносить умъ и сердце свое къ всемогущему, премудрому и всеблагому Создателю вселенной. И достойно замѣчанія, что такіе мыслители всегда отличались добротою сердца, участіемъ въ скорби и нуждахъ ближняго, готовностію дѣлать добро всякому, по мѣрѣ силъ своихъ. Этого нельзя сказать о тѣхъ, кото-

[1] Systema naturae, edit. 12. 1866. a pag. 10.

рые, имѣя очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, отрицаютъ въ природѣ повсемѣстные слѣды всеблагаго и премудраго всемогущества Божія, и не внимаютъ ея проповѣди, побуждающей всякаго мыслящаго прославлять Творца, Вседержителя. Обращеніе и даже встрѣча съ пораженными такою умственною слѣпотою и глухотою, опаснѣе, чѣмъ встрѣча съ разбойникомъ и прокаженнымъ: такъ какъ безчисленные примѣры убѣждаютъ, что человѣку въ теченіе жизни никого не должно столько опасаться, сколько того, кто не имѣетъ въ сердцѣ страха Божія. Боясь Бога, говорятъ умудренные опытами жизни, бойся и того, кто Бога не боится!

Вообще, естественныя науки, чѣмъ основательнѣе изучаются, тѣмъ къ большему приходятъ согласію съ божественнымъ откровеніемъ, или словомъ Божіимъ. Своею основательностію, конечно, менѣе всѣхъ другихъ естественныхъ наукъ можетъ похвалиться *геологія*, ибо опирается на предположеніе въ природѣ какихъ-то невѣдомыхъ ей самой благопріятныхъ условій для образованія всего, что на землѣ существуетъ, и что такъ премудро устроено. Ей представляется дѣломъ не раціональнымъ принять, и своими изслѣдованіями оправдать богооткровенныя сказанія Моисея, хотя при всемъ своемъ невѣріи, она поставляется въ необходимость допустить ту самую послѣдовательность въ явленіи вещей на землѣ, какую начерталъ Моисей; ибо и по ея наблюденіямъ выходитъ, что явленіе свѣта должно было предшествовать образованію солнца, что царству растительному надлежало произойти прежде животнаго, и что человѣку слѣдовало быть вѣнцомъ твореній. Геологи не берутъ на себя труда удовлетворительно для ума объяснить, что это за благопріятныя условія, при которыхъ сами собою образовались животные и растительные организмы, и образовались такъ, что не только въ цѣломъ и частяхъ отпечатлѣлись явными признаками высочайшей премудрости, но и обнаружили необходимыя условія своего размноженія по родамъ, то есть выразили въ себѣ разницы половыя. Какимъ образомъ изъ вещества немыслящаго, безсмысленнаго, неимѣю-

щаго самосознанія, произошли люди, существа, сознающія себя, одаренныя мыслію и свободою? Желая все измѣрять своимъ безсиліемъ и близорукостію, адепты геологіи Моисеевы дни творенія превращаютъ въ періоды, состоявшіе будтобы изъ чрезвычайно многихъ милліоновъ лѣтъ [1]. Фантазія ихъ легко умножаетъ, или уменьшаетъ милліоны лѣтъ, требовавшихся для образованія земли, когда не хочетъ понять, что по изреченію Духа Св., у Бога и одинъ день какъ тысяча лѣтъ (2 Петр. 3, 2); что всемогущая премудрость Божія не только въ одинъ день, но и въ одно мгновеніе сильна была создать планетную нашу систему, со всѣми примѣчаемыми въ землѣ признаками многовѣковыхъ переворотовъ и превращеній [2]. Гипотезу свою

[1] Еслибы тогда, какъ геологи раскапываютъ землю, кто нибудь скрытно подбросилъ имъ пузырекъ гофманскихъ капель; то они, кажется, съ жаромъ стали бы доказывать, что тѣ капли образовались дѣйствіемъ силъ природы въ продолженіе многихъ милліоновъ лѣтъ, пока не убѣдились бы, что эти капли были приготовлены аптекаремъ въ теченіе однихъ сутокъ.

[2] Новѣйшая гипотеза геологовъ относительно образованія земнаго шара и нашей планетной системы состоитъ, кажется, въ слѣдующемъ. Было время, когда вся наша планетная система носилась въ пространствѣ эфира, въ огневидномъ состояніи, безъ всякой формы, темная. Эта масса начала исподоволь образоваться вслѣдствіе взаимнаго притяженія, тяготѣнія и сцѣпленія однородныхъ частицъ вещества, приняла сферическую форму висящей въ воздухѣ капли воды, и стала сгущаться такъ, что сгустившіяся частицы увлекались къ образовавшемуся центру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта огнежидкая масса закружилась, а въ силу закона тяготѣнія вѣсомыя, самыя тяжелыя частицы вещества ниспадая къ центру земли, обложили чрезвычайный, первобытный огонь, содержавшій всю массу вещества въ огнежидкомъ состояніи, такъ что вокругъ его изъ сгустившагося вещества образовалось какбы гранитное и металлическое кольцо, на поверхности коего стали потомъ осѣдать менѣе тяжелыя частицы вещества, и образовали землю и воду. Но вся масса земли долго еще состояла въ раскаленномъ состояніи. Отъ этого вода, испаряясь, уносилась въ пространство эфира, гдѣ, охлаждаясь, ниспадала на землю, и способствовала постепенному ея охлажденію, и просачиваясь во внутренность земли и превращаясь въ паръ, выдвинула силою его на поверхность земли гранитныя массы, изъ коихъ составились горы. Впрочемъ, большая часть земнаго диска все еще оставалась въ огнежидкомъ, газообразномъ состояніи, и въ своемъ круговращеніи имѣла видъ колецъ, какія теперь окружаютъ планету сатурнъ. Впослѣдствіи эти кольца расторглись на разныя части; массы ихъ въ свою очередь закружились и образовали луну, марса, венеру и другія тѣла нашей планетной системы.

Спрашивается: откуда произошла въ пространствѣ всегда холоднаго эфира, чрезвычайная огнежидкая масса, изъ коей, по мнѣнію геологовъ, образовался земной шаръ съ другими планетами? Кто даровалъ матеріи свойства и силы для

они основываютъ на расположеніи и наслоеніи различныхъ формацій и пластовъ. Но на землѣ и вездѣ отъискивается троичное число земныхъ формацій, и эти формаціи могли образоваться или тогда, когда, по свидѣтельству св. писанія, земля была еще необразована и пуста (Быт. 1, 2), или составиться во время частныхъ, особенно же всеобщаго потопа, отъ наносовъ, такъ какъ потопныя воды имѣли разнообразное теченіе, и потомъ, изъ однихъ странъ уносили одного рода землю, изъ другихъ другаго; а для окамененія животныхъ скелетовъ и пластовъ каменнаго угля, достаточно и одного или двухъ тысящелѣтій.

Не трудно убѣдиться, что естественныя науки, если бы онѣ изучаемы были съ искреннимъ желаніемъ открыть истину и сопровождались самымъ подробнымъ анализомъ, не возбудили бы ни въ комъ безвѣрія и безбожія, а напротивъ вели ученыхъ къ достиженію главной цѣли труда ихъ—къ познанію всеблагаго и всеобъемлющаго своимъ промысломъ, Бога. Такимъ образомъ онѣ служили бы первыми и притомъ твердыми ступенями истиннаго богопознанія, раскрываемаго въ удовлетворительномъ свѣтѣ для ума, самаго притязательнаго, христіанскимъ богословіемъ.

Святые отцы Церкви, особенно четвертаго вѣка, охотно и съ любовію занимались изученіемъ естественныхъ наукъ и усвояли познанія сего рода въ такой степени, что никто изъ современныхъ и предшествовавшихъ имъ по времени языческихъ философовъ не превосходилъ ихъ въ этомъ отношеніи. Къ чему же направляли они свои свѣдѣнія? Желаніе ихъ было

ихъ образованія? Почему чрезвычайный огонь, содержавшійся въ центрѣ, не превратилъ ее снова въ огнежидкое состояніе? Въ предполагаемой огнежидкой массѣ находился и воздухъ нашей атмосферы; а частицы воздуха постоянно стремятся отдѣлиться одна отъ другой, и улетать въ высшую сферу; какимъ же образомъ онѣ при самомъ началѣ образованія земли, не мѣшали соединенію частей вещества, тѣмъ болѣе, что тогда еще не было земной массы, слѣдовательно не было и притягательной силы къ центру. Но на такіе и многіе другіе подобные вопросы геологи не даютъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, и все объясняютъ благопріятными условіями.

приблизить пасомыхъ естественными способами къ созерцанію таинъ христіанскаго вѣроученія. Такъ напр. единство Божества уподобляли они солнцу, отъ котораго раждается видимый во всей подсолнечной свѣтъ, а вмѣстѣ чувствуется разливающаяся по землѣ теплота, и находя, что свѣтъ и теплота—одного естества съ солнцемъ, что подобно этому, непостижимымъ образомъ, отъ Бога Отца раждается единосущный Ему Сынъ, и происходитъ единосущный Ему Духъ Святый. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, святые отцы внушали, что Богъ есть существо высочайшее, съ которымъ не можетъ быть сравниваемо ни одно изъ сотворенныхъ существъ, что о Богѣ невозможно пріобрѣсть такого познанія, какое пріобрѣтается о свойствахъ и силахъ неизвѣстнаго существа, по свойствамъ и силамъ другаго совершенно извѣстнаго, какъ утверждалъ и пророкъ Исаія, говоря израильтянамъ: «кому уподобите Бога, и какое подобіе приложите къ Нему (Ис. 40, 18)?»

Тѣмъ удобнѣе въ естествознаніи можно почерпать доказательства, для подтвержденія и уясненія евангельскихъ истинъ, о настоящемъ и будущемъ состояніи человѣка. Такъ напр., естествоиспытатели положительно утверждаютъ, что частицы нашего тѣла, безпрестанно отдѣляясь и улетая, уступаютъ свое мѣсто новымъ, организующимся изъ принимаемой нами пищи, что посему каждый человѣкъ, въ буквальномъ смыслѣ, можетъ сказать о себѣ, подобно Апостолу Павлу: «я умираю всякій день» (1 Кор. 15, 31); что такая смѣна частицъ нашего тѣла простирается до того, что чрезъ двадцать лѣтъ, по удостовѣренію естествоиспытателей, въ организмѣ не остается ни одной части бывшаго въ немъ прежде вещества. Если же не смотря на то, что тѣло наше ежечасно однѣ частицы теряетъ, а другія усвояетъ, человѣкъ отъ младенчества до самыхъ преклонныхъ лѣтъ несомнѣнно сознаетъ единство своей личности, и къ ней относитъ всѣ свои мысли, дѣйствія, всѣ случавшіяся съ нимъ въ жизни происшествія: отсюда прямо слѣдуетъ, что человѣкъ, согласно съ ученіемъ евангельскимъ, одаренъ душею, неподлежащею, подобно тѣлу, безпрестанной убыли и приращенію, но всегда одною и тою

же, слѣдовательно безсмертною. Если жизненность нашего тѣла, оживотворяемаго душею, одарена способностію однѣ частицы его отдѣлять, а вмѣсто ихъ усвоять новыя; то земная пыль, въ которую, по нашей кончинѣ, обращается это тѣло, не способна ли будетъ, по обѣтованію и всесильному слову Іисуса Христа, въ день всеобщаго воскресенія снова соединиться съ душею и воскреснуть, явиться тѣломъ духовнымъ, новымъ, подобно тому, какъ зерно, посѣянное на нивѣ, чрезъ свое разрѣшеніе, даетъ жизнь новому растенію, въ которое переходитъ, такъ сказать, одна сущность посѣяннаго (1 Кор. 15, 36—44)? А что тѣла наши послѣ всеобщаго воскресенія мертвыхъ будутъ не только духовныя, но даже во многихъ отношеніяхъ обновленныя,—видно изъ того, что многіе члены его въ безконечной жизни будутъ намъ не нужны, какъ удостовѣряетъ и слово Божіе, говоря, что «пища для чрева, а чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ и то и другое;» что «плоть и кровь, подлежащія тлѣнію, царствія Божія не наслѣдятъ», что мертвые воскреснутъ нетлѣнными (1 Кор. 6, 13. 15, 50. 52).» На несомнѣнную достовѣрность воскресенія нашихъ тѣлъ не указываетъ ли и происхожденіе бабочки изъ яичка, изъ котораго выклевывавшійся червячокъ сперва превращается въ гусеницу, потомъ въ неподвижную куколку, и наконецъ снова превращается и становится бабочкою?

Для убѣжденія въ душеспасительной пользѣ, пріобрѣтаемой исполненіемъ нравственныхъ правилъ, какія предписываются свящ. писаніемъ, природа почти на всякомъ шагу представляетъ намъ назидательные примѣры. Такъ Соломонъ отсылаетъ лѣнивца къ муравью учиться отъ него трудолюбію (Притч. 6, 6). Спаситель, для одушевленія насъ упованіемъ на промыслъ Божій во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, указываетъ на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; но Отецъ небесный питаетъ ихъ (Матѳ. 6, 26); уподобляетъ благодатное свое царство то хлѣбной закваскѣ, отъ коей вскисаютъ три мѣры муки, то горчичному зерну, которое прозябнувъ и выросши, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, то со-

кровищу, скрытому на полѣ, то драгоцѣнной жемчужинѣ, то неводу, закинутому въ море (Матѳ. 13, 31. 33. 44—48).

Обратимся теперь къ *медицинѣ*, и посмотримъ, сколько можетъ она доставить выводовъ и заключеній, подтверждающихъ истины христіанскаго вѣроученія. Разлагая человѣческое тѣло, анатомъ находитъ въ немъ устройство какбы рычаговъ, цѣдилокъ, молотковъ, клапановъ, жернововъ (зубовъ), сухихъ жилъ, соединяющихъ члены, какъ ремнями, химическихъ ретортъ и проч. Онъ видитъ притомъ, что всѣ эти снаряды подчинены общему, премудро начертанному плану, что хотя каждый снарядъ, или органъ, въ человѣческомъ организмѣ имѣетъ особенное назначеніе, однакожъ общая цѣль ихъ есть поддержать цѣлый организмъ; что для достиженія этой цѣли, при содѣйствіи всѣхъ снарядовъ, неостановочно обращается кровь, непрерывно дышатъ легкія, сжимается и расширяется сердце. Видя всѣ эти явленія, изслѣдователь человѣчекаго тѣла былъ бы безуменъ, если бы вздумалъ приписывать ихъ слѣпому случаю. Надобно не имѣть ни капли смысла, чтобы не убѣдиться, какъ великъ и безконечно премудръ зодчій, съ такою отеческою попечительностію устроившій наше тѣло и другіе безчисленные организмы, наполняющіе вселенную. А такого убѣжденія въ искателѣ истины неибѣжно требуютъ врожденные намъ законы мышленія; потому что духъ нашъ стремится получить цѣлостное познаніе изучаемаго предмета, и, анализируя животный организмъ, не можетъ успокоиться, пока не сознаетъ первую, вседѣйствующую причину всего сущаго!

Но медицинская практика, сверхъ того, можетъ и должна доводить размышляющаго до убѣжденія въ нѣкоторыхъ догматическихъ, и особенно въ нравственныхъ истинахъ христіанскаго вѣроученія. Такъ, всякій опытный врачъ можетъ засвидѣтельствовать, что отъ родителей чахоточныхъ, либо зараженныхъ сифилистическими болѣзнями, наслѣдственно раждаются и дѣти, подверженныя тому же злу, и это зло иногда переходитъ на цѣлыя поколѣнія. Подобнымъ образомъ распространяются и нравственные характеры родителей. А такой неоспоримый

опытъ не доказываетъ ли истины божественнаго откровенія, что главный корень всѣхъ болѣзней и самой смерти есть ядъ перваго грѣха, перваго преступленія заповѣди Божіей родоначальникомъ всѣхъ людей, что этотъ ядъ переливается въ утробѣ матерней, и въ богословіи именуется прирожденнымъ грѣхомъ (Рим. 5, 12. 6, 23)? Для убѣжденія въ этой истинѣ стоитъ только сознаться, что врожденная намъ наклонность къ злу или перевѣсъ дурныхъ склонностей надъ добрыми, замѣчается еще въ младенцахъ и, увлекая каждаго человѣка къ угожденію страстямъ, порабощаетъ его грѣху, и тѣмъ самымъ становится источникомъ болѣзней, бѣдствій и страданій. Но первый человѣкъ не могъ выйти изъ рукъ всеблагаго Творца съ такими злыми склонностями; стало быть, самъ онъ исказилъ свою природу, самъ зародилъ въ себѣ сѣмя грѣха и передалъ его цѣлому своему потомству.

Итакъ какими благодѣтелями человѣчества оказались бы врачи, еслибы пользуемымъ ими больнымъ, хотя косвенно давали понять, что близкою, или отдаленною причиною всѣхъ ихъ болѣзней бываетъ произвольное преступленіе Божіихъ заповѣдей! Имѣя въ виду эту истину, они, при пользованіи юношей, зараженныхъ позорными язвами, не извиняли бы ихъ молодостію или неопытностію, но прямо внушали бы имъ, что всякая такого рода болѣзнь есть естественная кара за преступленіе седмой заповѣди Божіей. [1]

---

[1] Старики, проживавшіе около 70 лѣтъ, и наблюдавшіе совершившіяся предъ ихъ глазами происшествія, свидѣтельствуютъ, что Богъ караетъ всякое беззаконіе человѣка еще въ настоящей его жизни. Нажившіе, напримѣръ, неправдами милліоны—большею частію умираютъ внезапно, а дѣти ихъ, вскорѣ расточивъ наслѣдственное богатство, скитаются въ нищетѣ. Сколько богатѣйшихъ имѣній, коихъ владѣльцы утопали въ роскоши и развратѣ, съ кончиною ихъ, безъ всякой пользы для наслѣдниковъ, будто дымъ испарились и исчезли! Лица, бывшія въ силѣ и власти, и притѣснявшія слабыхъ, часто внезапно подвергаются суду, теряютъ свои мѣста и становятся предметомъ всеобщаго презрѣнія. Безбожники—или заживо гніютъ въ гнусныхъ болѣзняхъ, или теряютъ жизнь то отъ самоубійства, то на дуэляхъ, то въ домѣ сумасшедшихъ. Прибавьте къ этому внезапные пожары, наводненія и другія бѣдствія. При всемъ томъ, временныя наказанія Божіи суть наказанія отеческія, вразумляющія. Богъ для рѣшительнаго наказанія нераскаянныхъ и ожесточенныхъ беззаконниковъ имѣетъ впереди вѣчность.

Что̀ значатъ предписываемыя врачами, такъ называемыя, діэты, иногда очень строгія, какъ не подражаніе учрежденнымъ св. Церковію, постамъ,—съ тою только разницею, что послѣдніе имѣютъ въ виду цѣль выше той, къ которой направлена медицинская діэта. Святая Церковь учредила посты съ тѣмъ, чтобы вѣрующіе посредствомъ ихъ старались очищать отъ страстей и возносить въ горняя свои мысли, помрачаемыя тучными яствами; церковные посты служатъ также къ приведенію въ равновѣсіе жизненныхъ отправленій въ нашемъ тѣлѣ, къ устраненію, и даже ослабленію болѣзней, проистекающихъ отъ постояннаго употребленія мясной пищи. Чему, наприм., приписать цвѣтущее здоровье нашихъ поселянъ, какъ не соблюденію постовъ, по точному предписанію св. Церкви? Еслибы въ Россіи поселяне не соблюдали постовъ: то въ селахъ усилились бы повсемѣстно безчисленныя болѣзни, большая часть коихъ еще неизвѣстна поселянамъ; а для пользованія ихъ врачебными средствами, потребовалось бы по крайней мѣрѣ до сорока тысячъ врачей, да столько же фершаловъ. Въ истинѣ сего сознаются сами умные и опытные врачи. Поэтому насмѣшки и кощунства нѣкоторыхъ свистуновъ надъ учрежденными св. Церковію постами столь же основательны, какъ жалобы больныхъ на безполезность предписываемой врачами діэты, которая оказывается безполезною единственно оттого, что не исполняется вполнѣ сообразно съ предписаніемъ врачей.

Люди, отвергающіе уставы Церкви и вообще божественное откровеніе, преимущественно вооружаются противу таинъ христіанской вѣры. Но занимающіеся изученіемъ естественныхъ наукъ не имѣютъ никакого основанія возставать противъ откровеннаго ученія о таинствахъ,—какъ потому, что тѣ тайны просто непостижимы, превосходятъ наше понятіе; а умъ тогда бы только имѣлъ право отвергать ихъ, когда бы понималъ и усматривалъ въ нихъ противорѣчіе, такъ и потому, что въ самой области естественныхъ наукъ усматривается много непостижимыхъ явленій природы, которыхъ однакожъ естествоиспытатели не отвергаютъ. Что такое, наприм., тяжесть, теплота, свѣтъ въ ихъ

сущности, или что такое наша мысль? Какимъ образомъ предметы, существующіе внѣ насъ, становят ся въ нашемъ умѣ мыслію, образомъ, даже тогда, когда тѣ предметы перестали дѣйствовать на наше зрѣніе? Кто изъ людей постигаетъ: какою силою, по распоряженію нашей мысли, и въ самое мгновеніе ея пробужденія, движутся наши ноги, руки, персты, все тѣло? Правда, отъ головнаго и спиннаго нашего мозга исходитъ безчисленное множество нервовъ, въ видѣ тончайшихъ нитей, и предполагаютъ, будто мысль наша посредствомъ тѣхъ нитей, какбы посредствомъ телеграфическихъ проволокъ, заставляетъ мускулы приводить въ движеніе наше тѣло; но это только предположеніе; а какимъ образомъ происходитъ, что, по распоряженію нашей мысли, дѣйствуютъ члены нашего тѣла — этого все таки никто не знаетъ. Вообще, кто, наблюдая нашу природу, отрицаетъ божественное откровеніе, и не возносится мыслію къ Творцу вселенной, тому жизнь наша представляется неразрѣшимою тайною. Стало быть, если невѣдомыя тайны, усматриваемыя въ насъ и въ окружающей насъ природѣ, не мѣшаютъ естественнымъ наукамъ изучать природу; то неосновательно требовать, чтобы не было таинъ въ божественномъ откровеніи, и думать, будто онѣ мѣшаютъ познавать Бога.

Не смотря однакожъ на то, что естественныя науки, глубоко изучаемыя, не отвлекаютъ отъ богопознанія, а напротивъ могутъ содѣйствовать утвержденію вѣры въ истины божественнаго откровенія, одинъ изъ свѣтскихъ нашихъ ученыхъ, Н. И. Пироговъ, въ замѣчаніяхъ на проектъ устава россійскихъ университетовъ, утверждаетъ, что «отъ поверхностнаго изученія студентами университета богословія, обязанными посѣщать богословскія лекціи, нельзя ожидать ничего, кромѣ худыхъ послѣдствій: потому что другія науки развиваютъ въ студентахъ критическое направленіе, которое они вносятъ въ занятіе богословіемъ. Прямое же слѣдствіе анализа, внесенное въ поверхностное занятіе богословіемъ,—есть безвѣріе». Въ подтвержденіе этого г. Пироговъ присовокупляетъ, что онъ «зналъ мно-

гихъ молодыхъ людей, которыми овладѣвало безвѣріе, когда они принимались за обязательное изученіе богословія» [1].

Но справедливо ли, будто анализъ и критическое направленіе, заимствованное изъ другихъ наукъ, при изученіи богословія ведетъ студентовъ къ безвѣрію, или, что все равно, къ безбожію? Не напасть ли это на естественныя науки, или не грубое ли незнаніе первыхъ начатковъ христіанскаго ученія, которое одно можетъ служить прочною основою для изученія наукъ естественныхъ? Всѣ возраженія, отнюдь не лишенныя анализа, особенно критики, какія только умъ человѣческій могъ придумать въ теченіи почти двухъ тысящелѣтій противъ христіанскаго вѣроученія, даже при свѣтѣ наукъ естественныхъ, доказывающихъ несомнѣнными опытами, а не одними гипотезами и теоріями, искомыя въ природѣ истины, оказались ничтожными, одуряющими только пустыя головы, а не основательно-ученыя. Спрашивалъ ли г. Пироговъ тѣхъ студентовъ университета, которые, по его словамъ, изучая богословіе, дошли до безвѣрія: предлагали ли они свои недоумѣнія и сомнѣнія преподавателю богословія въ университетѣ? Едвали! Впрочемъ жаль, что г. Пироговъ не выставилъ хотя одного возраженія основаннаго, по его словамъ, на анализѣ и критикѣ, противъ истинъ православнаго богословія. Любопытно было бы узнать, что это за возраженія, на чемъ они утверждаются?

Для каждаго христіанина, по обѣтамъ, даннымъ имъ во св. крещеніи, усвоеніе всѣмъ сердцемъ и умомъ спасительныхъ

[1] Нѣкоторые вкладчики своихъ мнѣній на означенный проектъ устава университетовъ едвали не превзошли даже г. Пирогова, заявивъ, что не надо требовать отъ университета христіански нравственнаго воспитанія юношества, а предоставить университету только преподаваніе наукъ въ современномъ ихъ объемѣ и духѣ, безъ всякаго контроля надъ преподающими и слушающими; чтобы нашихъ православныхъ богослововъ, прежде допущенія къ профессорской каѳедрѣ въ университетѣ, отсылать заграницу для усовершенствованія въ богословіи въ католическихъ и протестантскихъ университетахъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, что за надобность родителямъ, публикѣ, отечеству, чтобы юноши были православными? въ такомъ случаѣ они не будутъ прогрессистами, нигилистами! Пусть профессоры университета сѣютъ, что имъ угодно въ умахъ и сердцахъ юношей, а общества пусть пожинаютъ плоды ихъ посѣва, хотя бы то были колючее терніе, или жгучая крапива...

истинъ христіанскаго вѣроученія, не можетъ не быть обязательнымъ. Уроки православнаго богословія никого не доводятъ до матеріализма и безвѣрія; напротивъ, усвоенные умомъ и сердцемъ—располагаютъ отвергать нелѣпости матеріалистическія, и имѣютъ довольно силы оградить юношей отъ пагубныхъ искушеній, и наставить ихъ на путь жизни, полезной какъ для нихъ самихъ, такъ и для человѣчества. Доказательствомъ этой истины можетъ служить не одинъ поселянинъ, внимательно слушавшій въ храмѣ Божіемъ излагаемыя священникомъ истины христіанскаго катихизиса. Проникнутый всегда благоговѣніемъ къ имени Божію, онъ начинаетъ всякое дѣло, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ; испросивъ благословеніе Божіе на труды свои, и памятуя катихизическія наставленія, онъ становится попечительнымъ отцомъ семейства, объемлетъ искреннею любовію всякаго ближняго, оказывается послушнымъ всякой законной власти, усердно исполняетъ постановленія и распоряженія высшаго начальства, и всегда готовъ на всякое доброе дѣло. Вообще поселяне, проникнутые истинами катихизическаго христіанскаго вѣроученія, бываютъ вѣрными и усердными служителями, а поступивъ въ военное званіе — образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ воинами, съ полнымъ самоотверженіемъ жертвующими своею жизнію для защиты отечества отъ внѣшнихъ непріятелей. Но христіанскія истины, излагаемыя кратко по христіанскому катихизису, православное богословіе излагаетъ пространнѣе и въ большемъ свѣтѣ; какимъ же образомъ доводитъ оно университетскихъ студентовъ до матеріализма и безвѣрія?

Нѣтъ, не богословіе, даже не анализъ и критика, внесенные будто бы университетскими студентами въ изученіе богословія, довели извѣстныхъ г. Пирогову университетскихъ студентовъ до безвѣрія, а прежде всего то, что гг. профессоры, изъ подражанія нѣмецкимъ профессорамъ, преподавая естественныя науки, какбы опасались даже указывать на очевидные слѣды творчества всеобъемлющей премудрости Божіей, усматриваемые въ природѣ, и съ напряженнымъ усиліемъ стара-

лись въ преподаваемыхъ ими урокахъ—естественныя явленія объяснять единственно бездушными и безсознательными законами и силами одной природы, а иногда слѣпою необходимостію, или кое какими гипотезами. Особенно излагая геологію, гг. професоры усиливались увѣрить своихъ слушателей въ правдоподобности старинной гипотезы Левкиппа, Демокрита и Эпикура, которые бредили, будто вещество отъ вѣчности состояло изъ отдѣльныхъ, самобытныхъ, неподлежащихъ чувствамъ атомовъ, или частичекъ, изъ коихъ составившееся вещество производитъ все собственными силами. Внушая юношамъ подобныя мысли, они вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто мимоходомъ, не оставляли случая задѣвать своими остротами и софизмами вѣру въ истины божественнаго откровенія.

Но атомическая теорія противорѣчитъ самой себѣ и саму себя отрицаетъ. Кто размышляетъ о бытіи міра и наполняющихъ его тварей, съ искреннимъ желаніемъ убѣдиться въ истинѣ; тотъ скорѣе съ ума сойдетъ, нежели допуститъ самобытность атомовъ и образованіе изъ нихъ вещества. Иное дѣло вѣра въ самобытное, всемогущее существо, назнаменовавшее печатію своей премудрости всѣ созданія: такая вѣра вполнѣ успокоиваетъ нашъ разумъ. По теоріи атомистовъ выходитъ, что атомы суть какбы божества, которыя, сцѣпившись внутренними своими силами, составили видимую вселенную, съ безчисленными ея организмами. Но надлежало бы прежде разрѣшить вопросъ: явилась ли матерія изъ начала съ примѣчаемыми въ ней силами? или, такъ какъ вещество, само по себѣ, мертво, бездушно, безсознательно, бездѣйственно; то не надѣлено ли оно тѣми силами, или свойствами, впослѣдствіи? Вѣдь опыты доказываютъ, что и теперь нѣкоторыя вещества, отъ вліянія на нихъ посторонней силы, получаютъ свойства, какихъ не имѣли. Если, напр., на стальную пластинку навесть сквозь призму фіолетовый, солнечный лучъ, или, обернувъ ту пластинку ленточкой фіолетоваго цвѣту, выставить на солнце: то пластинка получитъ магнитное свойство, или силу, которой до того не имѣла. Другаго, такъ сказать, разряда уни-

верситетскіе боги—это силы и законы природы, слѣпые, глухіе, несознающіе сами себя, не имѣющіе никакого понятія объ окружающей ихъ природѣ. Кто же управляетъ міровыми силами и законами такъ, что вселенная продолжаетъ свое существованіе въ изумительномъ порядкѣ и устройствѣ? Или тѣ силы и законы дѣйствуютъ сами собою? Въ такомъ случаѣ азотъ, напр., либо углекислый газъ усилился бы тѣмъ болѣе, что причины, производящія его, какъ-то: горѣніе, земныя испаренія, вдыханіе безчисленными животными организмами постоянно существуютъ, тогда какъ кислородъ, зимою, царствомъ растительнымъ не испаряется. Вслѣдствіе сего отъ усиленія азота, или углекислаго газа, послѣдовала бы всеобщая смертность животныхъ организмовъ. Между тѣмъ тотъ и другой газъ въ воздухѣ всегда пребываютъ въ опредѣленномъ количествѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ сила какой либо машины ничего полезнаго не произведетъ, не бывъ управляема умомъ машиниста: такъ и силы природы, безъ правителя, либо оставались бы мертвыми, либо, бывъ приведены въ движеніе, произвели бы въ природѣ всеобщее смятеніе и разрушеніе. Но *еда прославится сѣкира безъ сѣкущаго ею? или вознесется пила безъ влекущаго ю* (Ис. 10, 15)? вопрошаетъ Пророкъ отъ лица Божія. Такъ наука передала въ руки человѣка силу электрическую, посредствомъ которой люди, удаленные другъ отъ друга чрезмѣрнымъ пространствомъ, ведутъ между собою переговоры. Но электричество само собою не устроитъ электрическихъ батарей и другихъ снарядовъ, не проведетъ электрической цѣпи, по которой пробѣгаетъ его сила. Изъ этого очевидно, что силы и законы природы, примѣняемые къ частной нашей пользѣ и употребленію, требуютъ умственнаго управленія. Истину этого подтверждаютъ ежедневные опыты. Вода, напр., пущенная мельникомъ въ мѣру на мельничное колесо, заставляетъ обращаться другія колеса и жерновы внутри мельницы, коими стираются хлѣбныя зерна въ муку, и тѣмъ способствуетъ нашему пропитанію. Но во время внезапнаго наводненія, вода разры-

ваетъ гати, сноситъ плотины, ломаетъ мосты, уноситъ своею силою хижины и плоды земледѣльцевъ. Огонь зимою согрѣваетъ наши жилища, приготовляетъ, подъ наблюденіемъ повара, пищу, умягчаетъ желѣзо, изъ котораго кузнецъ выдѣлываетъ разныя орудія и т. д. Но одна искра, заронившаяся въ скоро воспламеняющіяся, ветхія, деревяныя зданія, обращаетъ въ пепелъ цѣлыя села и города, лишаетъ людей достоянія, нажитаго многолѣтними трудами, и повергаетъ ихъ въ нищету. Чего надлежало бы ожидать, еслибы законы и силы природы дѣйствовали сами собою, не управляясь божественною премудростію, которая, если и посылаетъ по временамъ на людей бѣдствія, то посылаетъ для достиженія премудрыхъ и спасительныхъ цѣлей, для пробужденія въ обществахъ человѣческихъ нравственнаго чувства?[1]

Впрочемъ внимательное, неомраченное мнимо учеными предразсудками, наблюденіе природы не только убѣждаетъ что законы и силы ея управляются промысломъ Божіимъ; но даже ясно усматриваетъ въ мірѣ, кромѣ физическихъ, нравственныя и духовныя силы. Такъ, напр., отъ матеріи ли происходятъ обмороки, стѣсненіе сердца, мгновенный упадокъ силъ и даже внезапная смерть любвеобильной матери, по случаю извѣтія о кончинѣ любимаго единственнаго сына ея? Къ веществу ли относить, способствующія, лучше всякихъ лѣкарствъ, возстановленію здоровья больныхъ утѣшенія, пріятныя надежды, отрадныя

---

[1] Матеріалисты, отрицая стройный порядокъ въ мірѣ, сохраняемый Божественнымъ промысломъ, указываютъ на землетрясеніе, на изверженія огнедышущихъ горъ, на пожары, наводненія, бури, засухи, на кровожадныхъ звѣрей, которые терзаютъ агнцевъ и прочее. Но такія катострофы, съ одной стороны, составляютъ исключеніе въ природѣ, съ другой благодѣтельны въ томъ отношеніи, что заставляютъ людей обращаться къ Богу съ покаяніемъ во грѣхахъ своихъ, какъ свидѣтельствуетъ народная пословица: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится". Да и въ природѣ подобныя потрясенія ея производятъ общую, большею частію, пользу; бури, напримѣръ, очищаютъ воздухъ, пропитанный вредными испареніями, и т. д.; а слово Божіе всѣ возраженія матеріалистовъ рѣшаетъ откровеніемъ, что вся тварь (видимая природа) подверглась суетѣ, не сама собою, но тѣмъ (первымъ человѣкомъ), кто подвергъ ее суетѣ (своимъ грѣхопаденіемъ), съ надеждою, что и сама тварь освободится изъ рабства тлѣнія въ свободу славы дѣтей Божіихъ (Рим. 8, 20. 21)".

извѣстія или свиданія? Отъ матеріи ли зависитъ, что во время кровопролитнаго сраженія многочисленныхъ армій, когда одна сторона сражающихся, поражаемая врагами, готова уже положить оружіе или предаться бѣгству, вдругъ одно появленіе любимаго вождя, одно слово его—одушевляетъ новыми силами воиновъ, устремляетъ ихъ на враговъ, и исторгаетъ изъ рукъ ихъ побѣду, которую, казалось по всѣмъ соображеніямъ, они должны были выиграть? Тѣмъ болѣе въ потрясеніяхъ, производящихъ почти всегда физическія улучшенія, или нравственныя исправленія въ родѣ человѣческомъ,—только помраченные смысломъ не усматриваютъ десницы Всевышняго, управляющаго міровыми событіями. А дѣйствуетъ ли Богъ въ управленіи ихъ посредствохъ силъ природы, или непосредственно своимъ всемогуществомъ, то и другое для Него все равно, все естественно. Такъ предъ переходомъ израильтянъ чрезъ Чермное море, отъ одного удара жезломъ Моисея, море по повелѣнію Божію раздѣлилось, образовавъ по одной и другой сторонѣ какбы двѣ стѣны, а для прохода по дну морскому Богъ повелѣваетъ осушить оное восточному вѣтру (Исх. 14, 16. 21).

Но, обращаясь къ вышеуказанной выходкѣ г. Пирогова, непонятно, когда въ былое время университетскіе студенты успѣвали до такой степени усвоять себѣ анализъ и критику, что даже вносили ихъ въ уроки богословія? Вѣдь тѣмъ студентамъ, какъ увѣряли во время оно жители университетскихъ городовъ, нужно было давать публичные концерты, чтобы выказать предъ публикою артистическую свою ловкость, необходимо было ежедневно заходить въ трактиры, проводить цѣлые часы въ билліардныхъ, бывать въ театрахъ, чтобы апплодировать актрисамъ, глазѣть на канканы, внимать гуманнымъ бесѣдамъ неизвѣстныхъ имъ коммунистовъ, читать тайкомъ соціалистскія брошюры утопистовъ и бредни матеріалистовъ, и и вмѣсто того, чтобы образованіемъ себя на служеніе общественному благу, пріучиться управлять собою, необходимо было заводить политическіе кружки [1], мечтать о преобразованіи го-

[1] Ничего нѣтъ легче, какъ вступающимъ въ юношескій возрастъ и вообще

сударствъ, а въ классы жаловать только тогда, кагда имъ заблагоразсудится. Въ аудиторіяхъ же, если какой либо профессоръ излагалъ свой предметъ, хотя со всею основательностію, но несогласно съ нравившимися студентамъ политическими мнѣніями: то онъ освистывался ими, и вынужденъ бывалъ выслушивать самыя дерзкія остроты. Такимъ образомъ, проводя драгоцѣнное время въ произвольныхъ шалостяхъ, многіе изъ университетскихъ студентовъ достигали до такого совершенства, что даже забывали русское правописаніе [1]. Правда, что съ приближеніемъ университетскихъ экзаменовъ студенты бросались во всѣ стороны за записками, которыя кто нибудь изъ нихъ велъ по тѣмъ учебнымъ предметамъ, слушателями которыхъ они считались, проводили цѣлыя ночи безъ сна, зазубривая наизустъ тѣ записки, и такимъ прилежаніемъ доставляли полное удовольствіе своимъ профессорамъ, которые утѣшались, что русскіе студенты поступали точь въ точь, какъ студенты германскихъ университетовъ. Правда, нѣкоторые профессоры нашихъ университетовъ успѣвали своими лекціями до того заинтересовать студентовъ, что послѣдніе довольно прилежно посѣщали ихъ классы. Такого рода лекціи касались наприм. индѣйскихъ басенъ и ихъ измѣненій на Руси, въ

юношамъ, воспріимчивымъ, довѣрчивымъ, неопытнымъ, внушить самыя уродливыя понятія, увлечь ихъ на путь, неодобряемый здравымъ смысломъ. Первые іезуиты проявили въ Европѣ примѣръ такого увлеченія юношей къ своимъ видамъ. Когда въ Петербургѣ существовала іезуитская коллегія, обучавшіеся въ ней юноши, выходя изъ классовъ, въ одно время съ учениками Петропавловскаго протестанскаго училища, и поравнявшись съ послѣдними, открыто называли ихъ еретиками и бросали въ нихъ комками снѣгу. А сколько юношей совратилось тогда въ іезуитскій католицизмъ! Такимъ же образомъ іезуиты успѣвали вдохнуть въ юношей фанатизмъ и возбудить въ нихъ ненависть противъ всякаго исповѣданія вѣры, особенно православнаго,—вездѣ, куда только проникали. Подъ конецъ восемнадцатаго столѣтія нѣмецкій иллюминатъ Вейсгауптъ, подражая іезуитамъ, и слѣдуя ихъ методу, отравилъ и германскихъ студентовъ такимъ безбожіемъ, развратомъ и революціонными мнѣніями. А въ наше время либералы принялись развращать своими внушеніями юношей, воспитывающихся и въ русскихъ университетахъ, возбудили въ нихъ вкусъ заводить политическіе кружки, въ надеждѣ образовать изъ нихъ орудіе для потрясенія Россіи; но да сохранитъ насъ Господь отъ наплыва такимъ вольнодумцевъ и развратителей!

[1] Русскій вѣстникъ за 1862 г. іюль, стр. 673.

Сербіи, Германіи и т. д., также лекціи о древнемъ бытѣ и нравахъ славянъ, до озаренія ихъ христіанскимъ ученіемъ, о состояніи и уваженіи у нихъ женщинъ,—лекціи, сопровождавшіяся часто изображеніемъ нескромныхъ картинъ [1]. Но легко вообразить, какіе плоды принесли онѣ...

Впрочемъ справедливо сознаніе г. Пирогова, что въ русскихъ университетахъ удержано преподаваніе богословія только какъ decorum, изъ одного приличія, до поры до времени. Съ наплывомъ въ Россію иностранцевъ, и со времени возвращенія молодыхъ дворянъ, которыхъ Петръ I отправлялъ въ Европу, для пріобрѣтенія научныхъ свѣдѣній, началось и постепенно стало усиливаться въ высшихъ сословіяхъ отчужденіе отъ православнаго ученія вѣры и открытое пренебреженіе уставовъ св. Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ, уничиженіе и презрѣніе отечественнаго духовенства, и приняты какбы систематическія мѣры для доведенія духовныхъ до крайней нищеты и униженія. Впрочемъ во времена Петра I, Анны Іоанновны, даже Екатерины II, духовные, какъ граждане государства, еще приглашаемы были правительствомъ для совѣщанія съ выбор-

[1] Въ 1841 году даже на публичномъ актѣ кіевскаго университета, на коемъ присутствовалъ и блаженной памяти митрополитъ Филаретъ, одинъ изъ университетскихъ профессоровъ, читая разсужденія о славянскихъ нравахъ, сталъ выхвалять славянъ за то, что они до того уважали женщинъ, что когда у нихъ вели на смертную казнь какого-либо злодѣя, а онъ, вырвавшись, прибѣгалъ къ какой-нибудь, стоявшей въ толпѣ народа, женщинѣ: то, какъ скоро та женщина прикрывала его своимъ подоломъ,—злодѣй получалъ прощеніе. Вслушавшись въ такую мораль, б. п. кіевскій митрополитъ Филаретъ всталъ съ негодованіемъ и сказалъ: „не ужели вы, м. г., не нашли ничего лучшаго провозглашать въ университетѣ св. Владиміра на публичномъ актѣ, кромѣ такой гадости, и предъ кѣмъ?—предъ такою публикою, и предо мною, вашимъ архипастыремъ?“ Сказавъ это, митрополитъ со скорбію вышелъ изъ собранія. Какъ же поступило въ этомъ случаѣ начальство университета? Опасаясь, чтобы митрополитъ не донесъ о происшествіи святѣйшему Суноду, оно само донесло министерству просвѣщенія. Заключеніе министерства по этому дѣлу неизвѣстно. А профессоры университета распустили въ Кіевѣ слухъ, будто изъ министерства получено предписаніе, чтобы впредь назначаемы были для чтенія на публичныхъ актахъ разсужденія самыя популярныя, понятныя и для простыхъ слушателей. Изъ этого выходитъ, что прикрытіе злодѣя подоломъ славянки есть самая высокая университетская мудрость!..

ными другихъ государственныхъ сословій [1]. Съ того времени духовенство наше, будто прокаженное, отчуждено отъ всякаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, не смотря на то, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ духовные занимаютъ почетныя мѣста не только въ народныхъ собраніяхъ, но даже въ парламентахъ и сенатахъ. Кто основательнѣе знаетъ и въ состояніи вѣрнѣе высказать нужды народа, чѣмъ священники, которые всегда сочувствовали его бѣдствіямъ, болѣли одними съ нимъ страданіями, и терпѣливо переносили притѣсненія сильныхъ земли? Наконецъ дошло до того, что русскіе журналисты и писатели, извѣстно гдѣ образовавшіеся, съ какимъ-то бѣшеннымъ озлобленіемъ стали кощунствовать, клеветать, поносить и злословить православное духовенство, придумывая для этой цѣли самыя язвительныя фразы, а въ противуположность православнымъ вѣроисповѣданію и духовенству — превозносить похвалами расколъ и всякое другое вѣроисповѣданіе, кромѣ православнаго. Отъ чего все это происходитъ? Не оттого ли, что православное вѣроисповѣданіе строго осуждаетъ мятежи, мѣшаетъ прогрессистамъ — овладѣть и управлять массами народа на гибель Россіи? Теперь русская журналистика и безобразный энциклопедическій лексиконъ принялись сѣять въ русскомъ народѣ развратъ и безбожіе! Что же выдетъ изъ этого? Впрочемъ не только въ университетахъ, но и въ гимназіяхъ преподаваніе православнаго ученія вѣры было терпимо только какбы изъ приличія, и принимаемы были мѣры, чтобы христіанскія истины и правила не вкоренялись въ сердцахъ юношей [2]. Такъ въ западныхъ губерніяхъ, ученики учебныхъ за-

[1] Русскій вѣстникъ за 1862 годъ.

[2] Не съ цѣлію ли подавить окончательно православіе составляются проекты объ образованіи на счетъ народа цѣлаго корпуса сельскихъ учителей? По меньшей мѣрѣ, почему проекты не имѣютъ въ виду никого, кромѣ православныхъ поселянъ, почему не распространяютъ столь отеческаго попеченія на лютеранъ, раскольниковъ и т. д.; можно бы спросить еще: отчего на Руси начальниками университетовъ, гимназій, уѣздныхъ и другихъ свѣтскихъ училищъ постоянно только свѣтскія лица, а никогда не духовныя? Въ Европѣ, не говоря уже объ Австріи и Испаніи, начальниками гимназій, особенно низшихъ училищъ, бываютъ латинскіе и протестанскіе пасторы. Въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, пока ми-

веденій латинскаго вѣроисповѣданія освобождались отъ учебныхъ занятій и хожденія въ классы въ праздничные дни латинской Церкви, какъ-то: зачатія св. Анны, св. Казиміра, Станислава, Божіяго тѣла, и т. п., а для празднованія, соотвѣтственно сему, дней, посвященныхъ св. Церковію воспоминанію отечественныхъ святыхъ, напр. князей мучениковъ Бориса и Глѣба, преподобнаго Сергія радонежскаго и т. п., не сдѣлано ни малѣйшей уступки. Ученикамъ православнаго вѣроисповѣданія даже для говѣнія и пріуготовленія къ причастію св. таинъ, давалось едва нѣсколько дней — и когда? Предъ самымъ роспускомъ учениковъ въ домы родителей на свѣтлый праздникъ, когда ученики, утомленные учебными занятіями и хожденіемъ въ классы, думали только о скорѣйшемъ свиданіи съ родными.

Такія и подобныя причины и обстоятельства, постоянно охлаждая въ юношахъ религіозное чувство, постепенно доводили ихъ до равнодушія и безчувственности относительно предметовъ вѣры и душевнаго своего состоянія. Такъ безбожіе и матеріализмъ, коимъ ослѣплялись нѣкоторые университетскія студенты, происходили вовсе не оттого, будто въ ученіе христіанскаго богословія вносимы были анализъ и критика, о которыхъ ни ученики гимназій, ни студенты университеса и понятія не имѣли, а проистекали отъ крайней распущенности: такъ какъ развратъ всегда велъ и теперь ведетъ молодыхъ людей къ матеріализму и безбожію. Находить же источникъ безвѣрія въ православномъ богословіи—явная нелѣпость; потому что не только православная, и всякая христіанская, но даже магометанская религія напоминаютъ о Богѣ, Судіи праведномъ, карающемъ всякое беззаконіе и нечестіе. Но такія, излагаемыя православнымъ богословіемъ истины, были не по сердцу университет-

---

нистерство просвѣщенія не подчинили совершенно своему управленію мѣстныхъ учебныхъ заведеній, они существовали и въ монастыряхъ, а по требованію и ходатайству дворянства, директорами гимназій всегда опредѣляемы были латинскіе патеры. Тоже требуетъ и русскій народный духъ, какъ явно изъ того, что московское купечество заявило предположеніе открыть и содержать гимназію на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы начальникомъ ея было духовное лицо. Зачѣмъ же свѣтское просвѣщеніе дѣйствуетъ вопреки такимъ примѣрамъ и народному духу?

скихъ студентовъ, тревожили, пробуждали ихъ совѣсть; а потому, чтобы заглушить ея вопли, они стали отрицать Бога, и, чтобы окончательно утвердиться въ матеріализмѣ и безбожіи, съ жаромъ переводили безбожныя иностранныя книжонки, или списывали и съ жадностію читали выдержки и пустые софизмы изъ Бюхнера и Фейербаха съ братіею [1]: такъ какъ эти софизмы льстили страстямъ и юношеской распущенности.

Такими путями несчастные юноши доводимы были и доходили до безвѣрія и безбожія—и погибали отъ распутства какъ сами для себя, такъ и для родителей и родныхъ своихъ, погибали для отечества, гибли, какъ роса, исчезающая съ восхожденіемъ солнца, какъ плева, уносимая вѣтромъ, а нѣкоторые

---

[1] О софизмахъ Бюхнера съ братіею можно судить по слѣдующимъ: онъ отрицаетъ бытіе Божіе на томъ ничтожномъ основаніи, что каждый народъ, каждый человѣкъ имѣетъ свое, особенное, понятіе о Богѣ. Извѣстно, что этотъ софизмъ русскіе нигилисты сочли столь рѣшительнымъ и неопровержимымъ, что, вмѣстѣ съ другими нелѣпостями, вздумали своими прокламаціями провозглашать его во всей Россіи. Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ побуждается врожденнымъ, религіознымъ чувствомъ къ познанію Бога, которое и пріобрѣтаетъ по мѣрѣ своего образованія и усилій, ясное или темное. Изъ такого наблюденія язычники выводили аксіому: consensus omnium populorum probat deos esse (т. е. согласіе всѣхъ народовъ подверждаетъ бытіе боговъ). Аргументъ Бюхнера похожъ на то, какъ еслибъ кто сталъ утверждать, что воздуха нѣтъ на томъ основаніи, что поселянинъ знаетъ объ немъ только то, что воздухъ что-то такое, чѣмъ онъ дышетъ; а химикъ знаетъ еще, изъ какихъ газовъ состоитъ воздухъ. Или: еслибъ кто отвергалъ бытіе солнца, потому, что мужикъ знаетъ о немъ неболѣе того, что оно свѣтитъ и распространяетъ теплоту въ природѣ; а астрономъ опредѣляетъ еще толщу солнца, его круговращеніе около своей оси и проч. Бюхнеръ съ своею братіею отвергаетъ также и бытіе въ насъ души, увѣряя своимъ авторитетомъ, что мысли наши суть только произведеніе мозговыхъ органовъ, приводимыхъ въ движеніе фосфоромъ. По такой логикѣ смѣло кто нибудь можетъ утверждать, что кирпичъ и цементъ, употребленные на постройку кіевской церкви во имя св. апостола Андрея, произвели архитектора Растрелли. Но нелѣпостямъ Бюхнера съ братіею университетскіе студенты вѣрили безъ размышленія, хотя, по словамъ г. Пирогова, они учились анализу и критикѣ. Такимъ образомъ, отвергая вѣру въ евангельскія истины, нигилисты согласились лучше вѣровать въ пустые софизмы, въ очевидную ложь и безчисленныя нелѣпости: потому что человѣкъ не можетъ быть безъ вѣры. Если бы юноши, совращаемые матеріалистами въ безбожіе, услышавъ отъ нихъ какой либо софизмъ, поразмыслили о немъ, или обращались съ своими сомнѣніями и недоумѣніемъ къ мужамъ основательно образованнымъ, солиднымъ: то, вразумленные ими, они увидѣли бы нелѣпость матеріалистическихъ теорій и софизмовъ, а сами устыдились бы, что вѣрили имъ.

изъ нихъ погибали, карая себя самоубійствомъ, съ демонскимъ желаніемъ трагическаго героя, восклицавшаго нѣкогда на русскихъ театрахъ:

«Спѣши душа во адъ и буди вѣчно плѣнна!
«О еслибы съ тобой погибла вся вселенна!» [1]

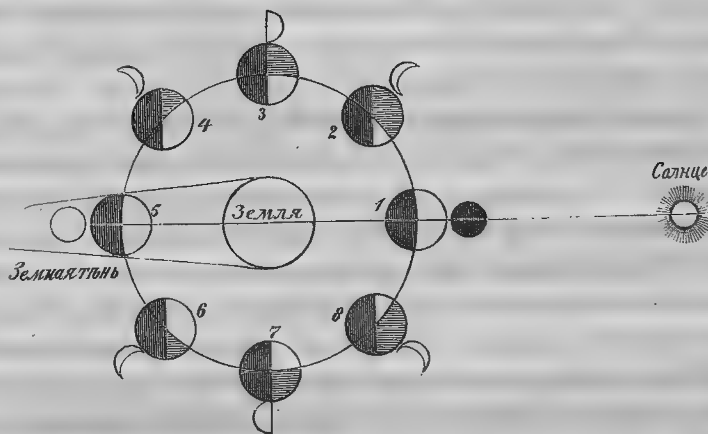
Горе и тѣмъ, которые сѣютъ нечестіе и соблазны, худое называютъ добрымъ, а доброе худымъ; тьму «дѣлаютъ свѣтомъ, а свѣтъ тьмою (Ис. 5, 20. 24)!»

Но, благодареніе Богу, есть надежда, что съ преобразованіемъ университетовъ, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, православное богословіе будетъ въ нихъ излагаемо въ должной полнотѣ, христіанскія правила проникнутъ въ жизнь учащихся и осуществятся практикою; гг. профессоры и учители, проникнутые истинами Евангелія, не будутъ имъ враждебны, и естественныя науки станутъ преподавать не по сколкамъ съ нѣмецкой мудрости и съ раболѣпнымъ поклоненіемъ авторитетамъ запада, но постараются напередъ самостоятельно провѣрять опыты и результаты тѣхъ наукъ, будутъ обдумывать ихъ русскимъ умомъ, и сдѣлаютъ достояніемъ народнымъ; а юноши, руководствуясь страхомъ Божіимъ, будутъ беречься злыхъ содружествъ, гнушаться своеволіемъ и развратомъ, не станутъ увлекаться пагубными политическими утопіями; но, дорожа временемъ, какъ безцѣннымъ сокровищемъ, прилежно займутся преподаваемыми имъ науками, пріуготовляя изъ себя истинно просвѣщенныхъ дѣлателей для пользы отечества.

[1] Явный признакъ гибельнаго состоянія души—потеря вѣры въ спасительныя истины Евангелія. И не легко, а даже весьма трудно, потерявъ эту вѣру, снова оживотворяться ея истинами. Для этого требуются чрезвычайныя усилія, особенно постоянная, пламенная молитва къ Богу объ одушевленіи вѣрою. Эту истину съ особенною силою старался св. Апостолъ утвердить въ сердцахъ первенствующихъ христіанъ, внушая имъ: „благодатію вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ—даръ Божій" (Ефес. 2, 8),—поучая, что „безъ вѣры не возможно угодить Богу" (Евр. 11, 6), что даже, „никто не можетъ назвать Іисуса (Христа) Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ" (1 Кор. 12, 3). Поэтому крайне легкомысленно и пагубно увлекаться какими нибудь пустыми софизмами и гипотезами, а не стараться утвердиться въ вѣрѣ въ животворныя истины Евангелія.

Писавшій эти строки, обитая въ совершенномъ уединеніи, недавно узналъ о вышеуказанной выходкѣ г. Пирогова, и огорченный до глубины души, для облегченія скорби, несмотря на свои немощи, рѣшился изложить въ этомъ размышленіи свои мысли о томъ же предметѣ. Статься можетъ, что писавшій это, по старости лѣтъ и слабости памяти, гдѣ либо обмолвился, чего нибудь не дописалъ, или написалъ лишнее; во всемъ этомъ онъ проситъ у читателей прощенія, а молодымъ писателямъ, одушевленнымъ любовію къ истинѣ, обладающимъ еще свѣжими силами, предоставляетъ изложить свое сужденіе о вышеизложенномъ предметѣ съ большею энергіею.

1863 г.

АСТРОНОМІЯ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Самое напряженное воображеніе не въ состояніи само собою представить уму столь необъятное величіе премудрости, всемогущества и благости Божіей, какое проявляетъ добросовѣстное естествоиспытаніе, особенно астрономія. И простое созерцаніе небесъ, усѣянныхъ безчисленными свѣтилами, убѣждаетъ насъ въ необъятности вселенной, и проповѣдуетъ безпредѣльное величіе, всемогущество и премудрость ея Создателя; но разумъ человѣческій, изобрѣтши дальнозрительныя стекла, тысячекратно увеличивающія каждый предметъ, на который посредствомъ ихъ взираетъ наше око, долженъ еще болѣе убѣдиться въ этомъ.

Прежде всего особенное вниманіе астрономовъ привлекли къ себѣ планеты, свѣтящіяся въ небесномъ пространствѣ и состоящія въ зависимости отъ вліянія на нихъ притягательной силы видимаго нами солнца; такъ какъ въ этой силѣ состоитъ какбы власть солнца надъ окружающими его тѣлами. Съ открытіемъ притягательной силы, астрономы проникли въ тайну механизма вселенной, и убѣдившись, что этою силою солнце заставляетъ обращаться вокругъ себя состоящія подъ его вліяніемъ планеты, назвали ихъ тѣлами солнечной системы. Затѣмъ они опредѣлили разстоянія планетъ одной отъ другой и отъ солнца, открыли законы свойственнаго имъ движенія, измѣрили массы и тяжести ихъ съ такою точностію, что за сотни лѣтъ предсказываютъ напр. затмѣніе солнца и луны, указываютъ на мѣста, въ которыхъ они будутъ видимы, означаютъ часы и минуты ихъ затмѣнія, вычисляютъ преемствен-

ное наступленіе различныхъ временъ года, продолженіе или сокращеніе дней и ночей, прохожденіе планетъ въ предуказанномъ небесномъ пространствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ астрономы усмотрѣли, что наше солнце, съ зависящими отъ его вліянія планетами, занимаетъ только уголокъ, составляетъ, такъ сказать, малый отрывокъ, или малое звено вселенной, какъ необъятнаго пространства, усѣяннаго миріадами міровъ; что многія звѣзды, кажущіяся простому взору одинокими, разсматриваемыя посредствомъ лучшихъ телескоповъ, оказываются двойными и тройными звѣздами, и суть также центральные солнцы обширныхъ планетныхъ міровъ, или солнечныхъ системъ, подобныхъ нашей, которыя совершаютъ свое теченіе въ неизмѣримыхъ одно отъ другаго разстояніяхъ. Замѣтивъ притомъ, что нѣкоторыя звѣзды всегда усматриваются въ одинакомъ между собою разстояніи, астрономы назвали ихъ неподвижными, и сознаются, что онѣ находятся въ безмѣрномъ отъ земли разстояніи, что разсматриваемыя въ самые лучшіе телескопы, онѣ представляются точками, неимѣющими видимыхъ діаметровъ своего пространства, что посему о величинѣ ихъ нельзя сдѣлать такого заключенія, какое сдѣлано относительно величины планетъ нашей солнечной системы, но что при всемъ томъ онѣ, безъ сомнѣнія, суть самосвѣтящія тѣла, подобныя нашему солнцу.

Сверхъ такихъ наблюденій и заключеній астрономы замѣтили, что многія звѣзды свѣтятъ разнообразными группами, изъ которыхъ иныя звѣздочки едва постигаются зрѣніемъ, и всѣ онѣ въ этихъ группахъ восхищаютъ взоръ необыкновеннымъ блескомъ и переливами радужныхъ цвѣтовъ. Но изъ тесѣхъ астрономическихъ открытій, при пособіи большихъ телескоповъ, изумительнѣе всего то, что представляющійся намъ, такъ называемый, млечный путь и многія какбы свѣтлыя пятна, разсѣянныя въ пространствѣ небесъ, состоятъ тоже изъ безчисленнаго множества здѣздъ, удаленныхъ отъ насъ на безмѣрное разстояніе. Такъ одинъ астрономъ (Гершель) въ частичкѣ млечнаго пути, на нашъ взглядъ равняющейся своею

величиною лунѣ, насчиталъ болѣе 2,500 звѣздъ. И при всемъ томъ, что множество міровъ нельзя не только обнять числомъ, но и вообразить мыслію, круговращеніе ихъ убѣдило астрономовъ, что въ цѣлой вселенной господствуетъ одна всеобъемлющая мысль, поддерживающая и хранящая бытіе всѣхъ безчисленныхъ этихъ громадъ. О, неизреченно великъ Богъ, облекшійся невыразимымъ благолѣпіемъ видимой вселенной (Пс. 103, 1), вознесшій великолѣпіе свое превыше небесъ (Пс. 8, 1)! И можно ли сомнѣваться, что присносущная сила Создателя и божество Его, чрезъ разсматриваніе видимыхъ небесъ, несравненно ощутительнѣе должны быть усматриваемы людьми, умудренными наукою, нежели простыми зрителями (Рим. 1, 20)? Ибо эти ученые наблюдатели не могутъ не убѣждаться, что только творческая рука, отъ начала созданія вселенной невидимо управляя висящими въ небесномъ пространствѣ мірами, въ силахъ хранить ту дивную между ними гармонію, по которой всѣ міры и свѣтила ея, не смотря на неизмѣримость вселенной, взаимно связуемые въ своихъ частяхъ и соединяемые единствомъ своего закона, составляютъ одно цѣлое, и проповѣдуютъ одного Вседержителя.

Но, тогда какъ микроскопъ помогаетъ простому глазу энтомолога открывать въ каплѣ воды крошечныхъ животныхъ, называемыхъ инфузоріями, никакое самое лучшее дальнозрительное орудіе не даетъ возможности астроному созерцать предметы міра духовнаго. Ни одинъ астрономъ не прояснилъ еще своего зрѣнія до того, чтобы въ небесномъ пространствѣ могъ созерцать небесныхъ духовъ, какъ созерцали ихъ избранники Божіи, патріархи и пророки, которые въ свое время явно видѣли Ангеловъ Божіихъ (Быт. 32, 1. 24. 30. Іис. 2, 13. 3 Цар. 22, 19), даже неисчислимые сонмы ихъ (Быт. 32, 1. Дан. 7, 10), серафимовъ (Ис. 6, 2) и херувимовъ (Іез. 1, 5. 6). Между тѣмъ за истину ихъ видѣній современникамъ ручались совершаемыя ими чудеса и точныя предсказанія о ближайшихъ къ тому времени происшествіяхъ, а позднѣйшимъ потомкамъ—самыя обстоятельныя до малѣйшихъ подробностей про-

рочества о падeніи наприм. царствъ вавилонскаго (Ис. 13. Iep. 51), моавитскаго (Ис. 12. Iep. 45, 46), египетскаго (Ис. 19), тирскаго (Ис. 23. Iезек. 28), сидонскаго (Iезек. 28, 20)! Никто ни изъ астрономовъ, ни изъ мудрецовъ міра сего не предсказалъ будущей судьбы какой либо религіи, какъ предрекли это Господь Спаситель нашъ Iисусъ Христосъ и св. Его Апостолы относительно будущаго распространенія евангельскаго ученія во всей вселенной и во всѣхъ классахъ общества (Матѳ. 24, 14. Рим. 10, 11), относительно гоненій и преслѣдованій сего ученія и проповѣдниковъ его всѣми родами мученій, не смотря на благотворность его для всего человѣчества (Матѳ. 10, 18. 21. 22. Марк. 13, 9. Лук. 21. Iоан. 16, 2); относительно отпаденія отъ вѣры христіанской именовавшихся христіанами (2 Сол. 2, 3. 9—11), равно какъ безвѣрія и всеобщаго растлѣнія нравовъ при концѣ міра (1 Тим. 2, 1. 2 Тим. 1—5).

За то астрономы пускаются въ догадки, строятъ разныя на счетъ планетныхъ системъ и устройства вселенной предположенія, и провозглашаютъ свои гипотезы и мнѣнія, чтобы потомъ имѣть удовольствіе опровергать ихъ [1]. Если же при изложеніи своей гипотезы не могутъ они придумать какой либо причины извѣстныхъ явленій въ природѣ, какимъ образомъ напр. произошла организація животныхъ: то обыкновенно объясняютъ это случаемъ, т. е. словомъ своего невѣжества. Поэтому многія гипотезы и мнѣнія такихъ астрономовъ и философовъ впослѣдствіи бросаются, какъ нелѣпыя, и даже признаются нестоющими опроверженія. Такъ напр., въ концѣ восемнадцатаго столѣтія англійскіе астрономы и философы, усматривая, что на солнцѣ темныя пятна увеличиваются, стали

[1] Такъ напр. физики до нашихъ почти временъ молніи и громы приписывали одному электричеству. Теперь усмотрѣвъ, что водородный газъ, сблизившись съ кислородомъ, отъ малѣйшаго прикосновенія къ нему чего либо воспламеняемаго, съ трескомъ вспыхиваетъ, и производитъ обыкновенную воду, химики утверждаютъ, что въ атмосферѣ молніи, громы и дожди происходятъ отъ столкновенія тѣхъ газовъ, воспламеняемаго электрическою искрою. См. Les merveilles des quatre saisons. L'hiver. pag. 97.

утверждать, что если бы солнце существовало большее число лѣтъ, чѣмъ сколько оно существуетъ по свидѣтельству библейскому, то давно бы пришлось ему сгорѣть и потухнуть, ибо и теперь оно близко къ совершенному помраченію. Это мнѣніе такимъ ужасомъ поразило тогда голландцевъ, что пасторы ихъ съ церковныхъ каѳедръ побуждали народъ молиться, чтобы солнце не потухло. Придворный докторъ Гіонгіосси (Gyongyossi), сообщая объ этомъ митрополиту Платону, бывшему еще архіепископомъ московскимъ, иронически присовокупилъ: «что касается до меня, мой возлюбленнѣйшій Платонъ, то это извѣстіе не мало страха причинило и мнѣ. Всеблагій Боже! Да что стали бы мы дѣлать безъ солнца? Будь здоровъ и молись вмѣстѣ со мною, чтобы солнце не погасло [1].» А новѣйшій французскій астрономъ Бабине утверждаетъ, будто наше солнце и милліоны другихъ солнцевъ суть нечто иное, какъ вѣчно горящія плавильныя печи, которыхъ огонь поддерживается окружающимъ ихъ какимъ-то косметическимъ веществомъ. Еще недавно геологи съ астрономами утверждали, что наша земля и другія планеты солнечной системы образовались изъ огнежидкой вещественной массы; что усматриваемыя въ небесномъ пространствѣ, то свѣтлыя, то темныя, пятна, суть нечто иное, какъ массы чрезвычайно мелкихъ звѣздъ, или самыя отдаленные млечные пути. Теперь адепты астрономіи увѣряютъ, что это какая-то космическая матерія въ газовомъ состояніи, изъ которой образовались и вновь образуются планеты и солнцы; что этой одной матеріи присущи свойства, именуемыя свѣтомъ, эфиромъ, электричествомъ, магнетизмомъ, что изъ этой газообразной космической матеріи составились сами собою металлы, камни и вообще планеты съ ихъ спутниками [2]. А отсюда отчаянный борзописецъ заключаетъ, что напр. наша земля съ льдистыми своими полюсами и гранитными горами есть

[1] Quod ad me attinet, mi amantissime Platon, mihi quoque non levem metum esse incussum. Quid enim, Bone Deus! faciemus sine sole? Vale et ora Deum mecum, ne extingvatur sol! 1768, 29 octob. См. Fascisulus Litterarum... ad... Platonem archiepiscopum mosquensem. Petropoli. 1776. pag. 69.

[2] См. №№ 49 и 50 Иллюстраціонной газеты.

не что иное, какъ газъ, потому что посредствомъ снарядовъ, изобрѣтенныхъ химиками, и металлы и граниты—все можно превратить въ газъ. При этомъ, кажется, стоило бы только перевернуть монету на другую сторону, и спросить: какъ это химики, умѣя добывать газы, напр. изъ дерева, не въ состояніи произвесть изъ нихъ ни одной древесной щепки, ни малѣйшей былинки? Отвѣтъ былъ, очевидно, такой, что какъ въ растеніяхъ, такъ и въ животныхъ присуща свойственная имъ сущность или жизненное начало, котораго химія не въ состояніи уловить никакими снарядами. Въ подтвержденіе своей гипотезы адепты новѣйшей астрономіи конечно проводятъ разные физическіе фокусы, но они ничего не доказываютъ: потому что отъ частнаго къ общему, отъ какихъ-нибудь крошечныхъ физическихъ опытовъ, имѣющихъ совсѣмъ иное значеніе, къ явленіямъ, совершающимся въ безмѣрномъ пространствѣ небесъ, здравая логика не позволяетъ дѣлать рѣшительныя заключенія. А почему бы не полагать, что примѣчаемыя въ небесныхъ пространствахъ то свѣтлыя, то туманныя пятна, большею частію, не что иное, какъ водяныя тучи, озаряемыя по временамъ лучами какихъ либо отдаленныхъ солнцевъ, или, по выраженію св. Писанія, *вода яже превыше небесъ* (Псал. 148, 4), которой катаклизмы, вмѣстѣ съ разверзшимися источниками великой бездны, излились нѣкогда и покрыли всю землю потопомъ (Быт. 7, 11). Страннѣе всего то, что поставщики статеекъ такого содержанія въ немыслящіе русскіе журналы излагаютъ свои гипотезы tanquam ex tripede, съ такою заносчивостію, такъ аподиктически, какъ если бы усматриваемыя на небесахъ пятна они нетолько осязали, но и обоняли и подвергали химическому анализу. Къ подобнымъ мудрецамъ не относятся ли слова отечественнаго нашего поэта:

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ!
. . . .
Скажите жь, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ выше звѣздъ?

земли, и есть самое рыхлое изъ веществъ на всѣхъ планетахъ. Матерія планеты уранъ вчетверо рѣже земли, а мракъ и холодъ на уранѣ такъ велики, что люди тамъ мгновенно уничтожились бы. Никакое земное существо не могло бы существовать и на солнцѣ, по причинѣ своей тяжести, а если на солнцѣ и есть жители, то они, по тѣлесному своему составу, должны быть вчетверо легче обитателей земли. Наша луна, по наблюденіямъ астрономовъ, вовсе не имѣетъ атмосферы; поэтому нѣтъ на ней ни тумановъ, ни дождей, ни снѣговъ. Слѣдовательно на лунѣ люди не имѣли бы условій, необходимыхъ для своего существованія; а если и есть тамъ живыя существа, то они должны быть совершенно другаго устройства и вида, чѣмъ земныя. Вообще, бытіе органическихъ существъ на планетахъ, если они тамъ дѣйствительно есть, предполагаетъ совсѣмъ иныя условія, чѣмъ какими ограничиваются земнородные.

Но нельзя ли взлетѣть хотя на ближайшую планету солнечной нашей системы, напр. на луну, чтобы удостовѣриться, возможно ли земнороднымъ жителямъ завесть на ней колонію? Это желаніе, къ сожалѣнію, навсегда останется несбыточнымъ: потому что поднятіе къ предѣламъ земной атмосферы, въ область самаго разрушительнаго холода, было бы для людей гибельно. Въ истинѣ этого удостовѣряютъ отважные воздухоплаватели: взлетая на своихъ аэростатахъ въ верхніе слои атмосферы, они испытывали въ себѣ постепенное уменьшеніе теплоты и влажности и чрезвычайное разрѣженіе воздуха, отчего ощущали необыкновенное напряженіе кровяныхъ жилъ, ускоренное біеніе пульса, теченіе крови изъ ушей и носа, слабое, почти невнятное выраженіе, даже прекращеніе голоса. Кромѣ того, въ самыхъ верхнихъ слояхъ атмосферы, вмѣсто глубокаго представляющагося намъ небосклона открывается густой непроницаемый мракъ эфира, въ которомъ нѣтъ никакой возможности даже управлять аэростатомъ. Изъ всего этого очевидно, что если людямъ нельзя опытно удостовѣриться въ правдоподобныхъ предположеніяхъ астрономовъ относительно населенія планетъ разумными существами, то на попытки удовлетворить этому же-

ланію надобно смотрѣть просто, какъ на ребяческія игрушки, неприносящія никакой пользы.

Между тѣмъ, по указанію астрономовъ, убѣждаясь въ безчисленномъ количествѣ и чрезвычайной величинѣ свѣтилъ и міровъ, разсѣянныхъ въ небесныхъ пространствахъ, необъятныхъ не только для нашего взора, но и для самаго смѣлаго воображенія, мы цѣпенѣемъ своимъ умомъ и утверждаемся въ мысли, что какъ капля воды ничтожна въ сравненіи съ океаномъ, такъ—или еще болѣе—ничтожна наша земля въ сравненіи съ громадными, наполняющими вселенную, мірами. Что же послѣ сего человѣкъ, житель земли? Ничто, отвѣчаетъ отечественный нашъ пѣвецъ, и присовокупляетъ:

Ничто!—Но Ты (о Боже) во мнѣ сіяешь,
Величествомъ Твоихъ щедротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.

Да, человѣкъ—ничто! Но онъ, это ничтожное существо, владѣетъ силою молній и громовъ, заставляетъ пары переносить его чрезъ огромныя пространства земли и моря, велитъ солнечному лучу снимать съ себя и съ окружающихъ предметовъ точныя изображенія, устрояетъ дальнозрительныя орудія, и посредствомъ ихъ въ небесныхъ безднахъ открываетъ новые міры, опредѣляетъ ихъ величину, измѣряетъ ихъ разстояніе и скорость круговращенія, взвѣшиваетъ ихъ тяжесть, и обозначаетъ пути,—вообще, пылаетъ неутолимою жаждою знанія и ненасытнымъ желаніемъ какого-то недовѣдомаго, ничѣмъ на землѣ неудовлетворяемаго блаженства; требуетъ, чтобы на землѣ господствовала правда, которой нигдѣ почти на ней не усматриваетъ, и глубоко вѣруетъ въ безсмертіе своей души, въ безпредѣльность разумнаго своего бытія!

Но, при всѣхъ такихъ способностяхъ, при всемъ пріобрѣтенномъ имъ могуществѣ и внутреннемъ сознаніи своего предназначенія для вѣчнаго бытія, человѣкъ въ тоже время есть добыча скорбей, болѣзней, смерти. Мысли его постоянно двоят-

ся; наблюдая за внутренними своими движеніями, онъ убѣждается, что все бытіе его состоитъ изъ противорѣчій, что въ немъ — двѣ силы, или два закона, постоянно одинъ другому противоборствующіе, что онъ почти всегда дѣлаетъ не то, чего хочетъ, а то, что ненавидитъ, отъ чего впослѣдствіи со страхомъ или омерзѣніемъ отвращается. Человѣкъ съ горестію удостовѣряется, что онъ почти никогда не слѣдуетъ внушеніямъ своего ума; но какбы невольно порабощается своимъ страстямъ, которыя пересиливаютъ его разсудокъ и дѣлаются его мучителями. Между тѣмъ онъ внутренно убѣжденъ, что обладаетъ самостоятельною свободою, что отъ него зависитъ удерживаться отъ дурныхъ поступковъ.

Отчего въ личности одного и тогоже существа—въ личности человѣка произошла столь враждебная противоположность? Какъ это всѣ естественныя науки, въ томъ числѣ и астрономія, съ чрезвычайными своими открытіями на землѣ и въ пространствѣ небесъ, не даютъ отвѣта на этотъ вопіющій вопросъ? Почему никакія умствованія людей, размышлявшихъ и размышляющихъ о немъ внѣ христіанскаго вѣроученія, не рѣшаютъ его успокоительно для ума и сердца? Эти мудрецы съ напряженіемъ всѣхъ силъ и способностей трудятся и потѣютъ, стараясь удалить отъ себя и отъ человѣчества благотворный свѣтъ божественнаго откровенія, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ никакъ не могутъ помрачить этого спасительнаго свѣта, а только высказываютъ свое безсиліе и сознаніе рѣзкаго болѣзненнаго чувства, производимаго имъ въ умственномъ ихъ взорѣ. Такая несостоятельность человѣческаго ума въ разрѣшеніи выше предложеннаго вопроса наконецъ довела нѣкоторыхъ умниковъ до того, что они стали безстыдно утверждать, будто современная наука разрушаетъ основы христіанскаго вѣроученія, и, стараясь заглушить голосъ своей совѣсти, провозглашаютъ, будто дурные поступки, осуждаемые здравымъ, безпристрастнымъ умомъ и всѣми человѣческими законами, невольны, не подлежатъ осужденію, потому что свойственны самой природѣ человѣка, проистекаютъ изъ ея сущности.

Да, проистекаютъ изъ природы въ настоящемъ ея состояніи. Но такова ли была наша природа изначала? Не извращена ли она? не внѣдрилось ли въ ней впослѣдствіи превозмогающее направленіе воли ко злу? не срослось ли съ нею какбы насильственное влеченіе къ такимъ поступкамъ, которые не одобряются и даже положительно осуждаются нашимъ разсудкомъ? Вѣдь каждый опытно знаетъ, что между самымъ сильнымъ желаніемъ и приведеніемъ желанія въ исполненіе есть еще промежутокъ, между искушеніемъ и проступкомъ посредствуетъ еще воля, силою коей человѣкъ можетъ удержаться и подъ часъ удерживается отъ преступленія, или отказывается отъ чего либо, требуемаго природою; человѣкъ чувствуетъ напр. сильный позывъ къ пищѣ, но по предписанію св. Церкви, или даже врача, воздерживается отъ принятія ея чрезъ цѣлыя сутки, и болѣе. Если дурные поступки невинны: то отчего за грѣховнымъ наслажденіемъ слѣдуетъ отвращеніе? отчего въ слѣдъ за предосудительными поступками возникаетъ досада на самого себя? Отчего человѣкъ не доволенъ, терзается внутреннимъ осужденіемъ своего поведенія, чувствуетъ тягость жизни, хотя бы его поступки совершены были тайно, безъ свидѣтелей? Отчего онъ, не имѣя силъ искоренить насажденное во глубинѣ своей души убѣжденіе въ ея безсмертіи, при мысли о вѣчности, поражается страхомъ, и трепещетъ отъ представленія будущей своей участи?

Ни астрономія, ни другія естественныя науки не могутъ доставить человѣку средствъ къ обузданію страстныхъ порывовъ его чувственности, и къ умиротворенію борьбы постоянно противоборствующихъ въ немъ силъ,—не могутъ не только успокоить мучительной тревоги человѣка, размышляющаго о вѣчной своей участи, но и указать причину, отъ коей произошло извращеніе и разстройство его природы, тѣмъ болѣе, что всѣ добытыя естественными науками познанія сопровождаютъ человѣка только до крайняго предѣла земной его жизни, а не сопутствуютъ ему въ вѣчность.

Съ другой стороны естественный здравый смыслъ не можетъ допустить, что мучительная раздвоенность человѣческой при-

роды, въ самомъ началѣ, при созданіи человѣка, вышла изъ рукъ всемогущаго, премудраго и всеблагаго Создателя. Да и преданія всѣхъ первобытныхъ народовъ свидѣтельствуютъ, что человѣкъ ниспалъ съ высоты первобытнаго, невиннаго своего состоянія, которое называлось золотымъ вѣкомъ, или періодомъ боговъ. Усилія народныхъ мудрецовъ—объяснить, отчего произошло поврежденіе человѣческой природы, или превращеніе первобытнаго счастливаго ея состоянія, баснословными предположеніями,—только помрачали преданіе о первобытномъ состояніи человѣка, а не успокоили ни ума, ни сердца. Одно божественное откровеніе, основными своими истинами, указало, что человѣческая природа искажена, и потому требуетъ, чтобы человѣкъ непрестанно бодрствовалъ надъ собою и, при содѣйствіи благодати Божіей, обуздывалъ страстные порывы своей чувственности,—что въ горнихъ селеніяхъ духъ, созданный съ высшимъ, возможнымъ для твари совершенствомъ, возмутившись противъ своего Создателя, возмечталъ сдѣлаться самостоятельнымъ и уподобиться Богу, что, такимъ образомъ, въ немъ зародилось начало нравственнаго зла и увлекло въ слѣдъ за нимъ многіе полчища ангеловъ,—что этотъ духъ успѣлъ потомъ лживыми внушеніями привить свою гордыню и прародителямъ человѣческаго рода, и, побудивъ ихъ преступить заповѣдь Божію,—низринуть ихъ съ высоты блаженства, которымъ наслаждались они въ благодатной области любви Божіей, въ невинномъ состояніи. Такъ, произвольнымъ злоупотребленіемъ безцѣннаго дара Божія, свободы—въ человѣческій родъ вошло нравственное зло и съ неудержимою быстротою разлилось по всѣмъ племенамъ его, со всѣми скорбями, болѣзнями, страданіями, бѣдствіями и смертію, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилось и прочимъ тварямъ временнаго его жилища, воздыхающимъ, по обѣтованію Божію, объ освобожденіи отъ золъ, коимъ покорилъ ихъ человѣкъ вмѣстѣ съ собою (Рим. 8, 19. 20). Всеблагій Творецъ допустилъ нравственному злу свирѣпствовать въ человѣческомъ родѣ, чтобы человѣкъ вполнѣ убѣдился, что онъ не въ состояніи собственными силами выдти изъ бѣдственнаго

своего положенія, и войти въ ближайшее общеніе съ Богомъ, отъискать и проложить себѣ путь къ блаженному своему предназначенію. Но всеобъемлющей любви и премудрости всеблагаго Создателя противно было оставить человѣка и съ нимъ окружающую его природу въ гибельномъ разстройствѣ. Посему, еще прежде созданія міра, предвидя бѣдственное грѣхопаденіе прародителей человѣческаго рода, Богъ въ предвѣчномъ своемъ совѣтѣ, предопредѣлилъ для спасенія человѣка такое средство, которое, не отъемля у него драгоцѣннаго дара—свободы, сильно было возстановить его и даровать ему возможность, при содѣйствіи благодати Божіей, достигнуть вѣчнаго блаженства.

Дѣло спасенія нашего принялъ на Себя и совершилъ Іисусъ Христосъ, Ѵпостасное Слово, единосущный Сынъ Отца небеснаго. Сверхъестественнымъ вочеловѣченіемъ во утробѣ пречистыя Дѣвы усвоивъ себѣ тѣло и душу человѣческую, Господь нашъ Іисусъ Христосъ своимъ ученіемъ открылъ людямъ истинное боговѣдѣніе, представилъ въ Лицѣ своемъ, какбы предъ самыя наши чувства, въ чемъ состоитъ воля Божія благая и совершенная, которую мы должны исполнять, и Самъ, исполняя волю Отца небеснаго, предалъ Себя буйству людей нечестивыхъ, принялъ отъ рукъ ихъ наказаніе за грѣхи рода человѣческаго и, тѣмъ удовлетворивъ за насъ вѣчному правосудію Божію, представилъ Себя намъ порукою милосердія Божія, милующаго кающихся грѣшниковъ. Разрушивъ же своею смертію господствовавшее въ мірѣ царство отца лжи и нравственнаго зла, Господь тѣмъ самымъ возвысилъ свободу человѣка, такъ что усвоившіе себѣ живою вѣрою ученіе и цѣль крестныхъ Его страданій могутъ теперь содѣлаться наслѣдниками вѣчнаго блаженства. Поэтому чрезъ возбужденіе въ сердцѣ своемъ всецѣлой, благодарной любви къ Іисусу Христу, послѣдователь Его ничего столько не страшится, какъ оскорбить Бога преступленіемъ Его закона.

Но предпринятое Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ дѣло спасенія рода человѣческаго, по предначертанному касательно его божественному плану, еще не совсѣмъ исполнилось.

Небо какбы скрыло отъ насъ Іисуса Христа только до времени совершенія всего (Дѣян. 3, 21). Какія же событія имѣютъ совершиться, прежде чѣмъ Спаситель снова пріидетъ въ божественной славѣ своей? Проповѣдію Евангелія огласятся всѣ народы міра (Матѳ. 24, 14); большая часть израильтянъ обратится ко Іисусу Христу съ раскаяніемъ и плачемъ (Рим. 11, 24. Зах. 12, 10); послѣдуютъ чрезвычайныя знаменія на небѣ и на землѣ (Марк. 13, 24. 25); по допущенію Божію, возгорится самая лютая брань съ Церковію Христовою, подъ управленіемъ антихриста, который провозгласитъ себя главою нечестивыхъ, превознесется почестями, приличными истинному Богу и выдастъ самого себя за Бога (2 Сол. 2, 3—9. 1 Іоан. 4, 3). Но Спаситель торжественнымъ своимъ явленіемъ погубитъ антихриста и, какбы однимъ дуновеніемъ, разрушитъ его царство (2 Сол. 2, 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по гласу Архангела и трубы Божіей, воскреснутъ всѣ мертвые, и вмѣстѣ съ оставшимися до пришествія Христова въ живыхъ—поставлены будутъ на судъ Іисуса Христа, по приговору котораго достойные помилованія наслѣдуютъ вѣчное блаженство, а нечестивые, нераскаянные грѣшники низвержены будутъ въ геенну огненную (1 Сол. 4, 16. Апок. 20, 13—15); видимыя небеса съ шумомъ прейдутъ, разрушатся раскалившіяся стихіи, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ, и затѣмъ явится новое небо и новая земля, на которой на вѣки уже воцарится правда (2 Петр. 3, 10—13).

Тогда удостоившійся наслѣдовать безконечно блаженную вѣчность, и безъ дальнозрительныхъ орудій, будетъ созерцать во свѣтѣ Божіемъ недовѣдомыя теперь тайны созданія и устройства вселенной, будетъ восхищаться чудесами премудрости и всемогущества Божія, вызвавшаго изъ небытія въ бытіе разсѣянные въ небесномъ пространствѣ міры и, ликовать съ Ангелами и праведниками, но что всего вожделѣннѣе—тогда человѣкъ въ продолженіе цѣлой вѣчности будетъ наслаждаться сладостнымъ лицезрѣніемъ Бога Создателя своего и прославлять безпредѣльныя Его совершенства.

1866 г.

О ВОСПИТАНІИ ЮНОШЕСТВА.

Въ наше время много пишутъ, печатаютъ, толкуютъ о воспитаніи юношества, столько придумываютъ для этой цѣли новыхъ путей и безпрестанно измѣняютъ только что проложенные, что изъ всей такой заботливости нельзя не заключать о всеобщемъ сознаніи, что современное юношество не получаетъ такого воспитанія, по которому бы юноши, окончивъ свое образованіе, приносили отраду своимъ родителямъ и воспитателямъ, были бы своею дѣятельностію полезны въ общежитіи и довольствовались своимъ положеніемъ въ мірѣ. Но изъ этого же стремленія къ улучшенію воспитанія необходимо также заключать, что, несмотря на множество плановъ, составляемыхъ и практикуемыхъ въ воспитаніи юношества, заботящіеся о немъ не открыли еще вѣрнаго пути для достиженія соотвѣтственнаго всеобщему желанію юношескаго воспитанія. Поэтому, можетъ быть, не будетъ лишнимъ предлагаемое здѣсь искреннее слово о воспитаніи юношества.

Размышляющему о воспитаніи юношества самъ собою долженъ представляться вопросъ: что требуется для такого воспитанія, по которому бы юноша благовременно утвердился въ мысли, что надобно быть впослѣдствіи довольнымъ своимъ положеніемъ въ мірѣ, полезнымъ въ общежитіи и слѣдовать неуклоннымъ путемъ къ цѣли бытія своего на землѣ? На такой вопросъ, кажется, безошибочно можно отвѣчать, что для предполагаемаго имъ воспитанія требуется: 1) такое образованіе

ума, по которому бы юноша, будучи своими свѣдѣніями полезенъ въ общежитіи и пріобрѣтая насущный хлѣбъ своими трудами, твердо управлялъ произвольными своими поступками; 2) такое образованіе воли, по которому бы воля его вполнѣ подчинялась внушеніямъ ума; 3) такое образованіе сердца, или направленіе желаній, по которому бы человѣкъ съ юношескихъ лѣтъ старался имѣть неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и людьми, и услаждался такими только удовольствіями, которыя не отравляются жгучимъ ядомъ порока.

I.

Безполезно и даже пагубно такое образованіе ума, которое не даетъ силы къ управленію волею человѣка, отъ которой проистекаетъ его дѣятельность, полезная или вредная, для него и для другихъ. Поэтому воспитаніе юношества должно бы состоять не только въ совмѣстномъ образованіи ума и воли, но даже въ предварительномъ направленіи послѣдней къ добру. Много бы содѣйствовало такому воспитанію не только возрастающаго юношества съ отроческихъ лѣтъ, но и цѣлыхъ поколѣній, если бы народные обычаи проникнуты были духомъ евангельскаго ученія, потому что обычаи прочнѣе наилучшихъ законовъ. И вліяніе хорошихъ обычаевъ на нравы тѣмъ благотворнѣе и сильнѣе, что человѣкъ, привыкая исполнять первые, — почти не чувствуя принужденія своей воли, дѣлаетъ добро [1]. Но въ высшихъ сословіяхъ русскаго народа дворяне, перенимая, по настойчивости Петра великаго, европейскіе обычаи, по безотчетной, юношеской, воспріимчивости, заимствовали у иностранцевъ большею частію только растлѣнный образъ мыслей съ дурными нравами, и старались привить ихъ семействамъ, въ которые возвращались [2]. Отъ этого древніе, благо-

---

[1] Какое, напримѣръ, благодѣтельное вліяніе на сердце юношей имѣло бы одно всеобщее въ народѣ строгое соблюденіе, по ученію православной Церкви, какъ неизмѣннаго обычая, четвертой заповѣди Божіей о праздновании дней, учрежденныхъ ею для воспоминанія великихъ событій христіанства!

[2] Такимъ же образомъ поступаютъ и современные свѣтскіе наши журналы. Извѣстно, что въ Англіи, въ Американскихъ штатахъ, въ Швеціи, Даніи, въ на-

честивые, русскіе обычаи почти повсемѣстно истребились, достойные подражанія иностранные не усвоились, а дурные развились до того, что изъ-за нихъ изчезли, какъ дымъ, уносимый силою вѣтра, богатѣйшія имѣнія и перевелись знаменитые роды. Кое-что и теперь можно примѣтить въ высшихъ нашихъ сословіяхъ—что-то наподобіе обычаевъ, вводимыхъ единственно на томъ основаніи, что такъ принято, такъ водится! Но такіе обычаи часто измѣняются и бываютъ до того нелѣпы, что нельзя не удивляться, какъ люди, одаренные, повидимому, здравымъ смысломъ, порабощаются единственно тому, что такъ принято.

Но, если нѣтъ хорошихъ обычаевъ или не утвердились они повсемѣстно, то есть и могутъ быть умныя, благочестивыя, попечительныя матери, которыя могутъ положить въ сердцѣ дѣтей своихъ прочныя основанія для будущаго ихъ, полезнаго во всѣхъ отношеніяхъ, образованія, тѣмъ болѣе, что воспитаніе человѣка начинается съ его младенчества. Извѣстно, что никакое искусство не въ состояніи изобрѣсть столь питательной, соотвѣтственной младенческому тѣлосложенію, пищи, какую приуготовила младенцу природа въ груди его матери. Эта пища тѣмъ драгоцѣннѣе, что изъ груди, согрѣтой любо-

---

шихъ остзейскихъ губерніяхъ изстари соблюдается обычай не заниматься обыкновенными дѣлами въ воскресные и нѣкоторые праздничные дни. Этотъ обычай многими, особенно въ купечествѣ, соблюдается и у насъ. Что же? наши журналисты ударили въ набатъ, провозгласили такой обычай суевѣріемъ, а подражавшихъ ему подвергли насмѣшкамъ. Но когда въ петровскомъ воксалѣ, возлѣ Петербурга, какой-то содержатель того воксала, для увлеченія юношей въ развратъ, завелъ какой-то до отвратительности, какъ говорятъ, безстыдный, цинически гнусный, перенятый у нѣкоего африканскаго дикаго племени, или лучше сказать, заимствованный изъ самаго ада, танецъ: то журналисты поспѣшили провозгласить эту новость во всеобщее извѣстіе; а если нѣкоторые изъ нихъ будто осуждали эту пляску, то такъ рельефно, что всякій юноша, прочитавъ мнимо прискорбное объ ней сужденіе журналиста, едвали удержался отъ того, чтобы хоть поглядѣть на эту пляску. Бѣдные юноши! Участь ихъ достойнѣе плача, чѣмъ участь дѣтей, которыя въ древности сожигаемы были въ жертву предъ идоломъ, именуемымъ Молохомъ. Между тѣмъ одинъ изъ русскихъ прогрессистовъ, корреспондентъ газеты le Nord, извѣщая редактора ея, что упомянутый танецъ получилъ въ Россіи гражданство, утверждалъ, что этотъ танецъ введенъ въ Россію съ тою цѣлію, чтобы удержать юношей отъ скрытнаго разврата (Le Nord 1861, № 252). Вотъ какъ мудро! Чтобы юноши не предавались скрытному разврату, такъ надо, чтобы предавались ему открыто! Цивилизація!

вію благочестивой матери, младенецъ можетъ сосать не только постепенное укрѣпленіе своего тѣлосложенія, но и зародышъ добродѣтелей, которыя, созрѣвъ, усладятъ впослѣдствіи горести скитальческой жизни человѣка посреди міра. Указаніе матери младенцу: какъ стоять во время молитвы, держать ручонки и слагать персты для крестнаго знаменія, внушеніе, чтобы дитя въ заключеніе молитвы просило Бога о благоденствіи Государя Императора и царственнаго дома, о здоровьи родителей и родныхъ; воздержаніе дитяти, по временамъ, отъ лакомой пищи, наставленіе оказывать людямъ почтеніе, не приказывать, а просить домашнюю прислугу о какой либо услугѣ, обновки и подарки дѣтямъ по случаю великихъ праздниковъ, простой разсказъ о побужденіи къ ихъ учрежденію,—это такіе уроки, которыхъ благотворнѣе никакой мудрецъ не въ состояніи преподать своимъ воспитанникамъ. Вообще назидательныя внушенія и нравственныя правила, привитыя сердцу дитяти попечительностію, любовію, ласкою, самоотверженіемъ матери, продолжительнымъ ея вліяніемъ на дитя и примѣромъ, насаждаютъ въ немъ самыя плодотворныя сѣмена добродѣтелей, потому что мать, подчиняясь влеченіямъ своего сердца, не уклоняется на ложный путь умственными софизмами, яснѣе видитъ цѣль человѣческой жизни, которую безпрестанно ищутъ и не находятъ мудрецы міра сего. Добрая мать безъ всякихъ умствованій направляетъ первые шаги своего дитяти на ту безопасную стезю, которая довела бы его къ мирному и счастливому положенію въ мірѣ и до цѣли земнаго бытія, если бы дитя въ юношескомъ и мужескомъ возрастѣ не уклонилось со стези, указанной доброю, благочестивою матерію. Посему-то человѣкъ, воспоминая въ зрѣломъ возрастѣ свое отрочество, сознаетъ, что онъ до тѣхъ только поръ былъ счастливъ, доколѣ состоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ постоянно надзирающей за нимъ матери. И чей взоръ, оглядываясь на младенческія и отроческія свои лѣта, не сожалѣетъ о томъ времени, въ которомъ пѣстуномъ нашимъ была любовь, а наставникомъ благочестивая вѣра матери?

Но дитя, почти въ тоже время, какъ въ послѣдній разъ сползнетъ съ колѣнъ матери, поступаетъ въ училище міра, не божественнаго, устроеннаго по предначертанію христіанскаго ученія, а переплавленнаго и вылитаго по формамъ мудрованій и стремленій, враждебныхъ истинному счастію и вѣчному назначенію человѣка.

Счастливъ отрокъ, поступившій въ кругъ наставниковъ, сознающихъ въ духѣ Евангелія святость своихъ обязанностей! Подъ руководствомъ такихъ наставниковъ воспитаніе пойдетъ успѣшно, потому что истина доступна и понятію дѣтей. Ихъ любопытство, вопросы о значеніи поражающихъ ихъ вниманіе предметовъ, возбуждаемые естественною жаждою познанія, доказываютъ, что отроки не только могли бы удобно пріобрѣсть полезныхъ свѣдѣній, если бы ихъ вопросы удовлетворяемы были отвѣтами простыми безъ вычурныхъ, ученыхъ затѣй, а даже высокія истины и тайны христіанскаго ученія легко усвоялись бы дѣтскимъ сердцемъ молодыхъ питомцевъ. Истину сего засвидѣтельствовалъ Спаситель, взывая ко Отцу небесному: *Исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія* (истины евангельскаго ученія) *отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою* (Матѳ. 11, 25. 26)!

Но, къ прискорбію, современный духъ міра, обоготворивъ умъ человѣческій, сожигаетъ предъ нимъ жертвы своего подобострастія, взираетъ на него, какъ на нѣчто самосущее, божественное. А умъ, отуманенный дымомъ курящихся предъ нимъ жертвъ, уловивъ нѣкоторыя тайны природы и, вслѣдствіе сего возмечтавъ о мнимомъ своемъ совершенствѣ, презираетъ, оставляетъ пути, начертанные верховною премудростію, ежедневно пишетъ, постоянно измѣняя, собственные свои законы, и при всемъ томъ съ надменностію провозглашаетъ, что онъ вновь придуманными имъ законами осчастливитъ родъ человѣческій. Что же человѣчество? Люди по прежнему, если не болѣе, бѣдствуютъ; новыя предначертанія ума къ водворенію на землѣ всеобщаго благоденствія раждаютъ чаще всего новыя бѣдствія!

Отчего же это происходитъ? Не отъ современнаго ли воспитанія юношей, поступающихъ на служеніе обществамъ? Въ голову образуемаго отрока, куда онъ ни обратится, окружающіе его и наставники съ самаго дѣтства его влагаютъ разныя свѣдѣнія и плоды своихъ или заимствованныхъ мудрованій, увѣряя его, что въ тѣхъ мудрованіяхъ состоитъ мудрость самая высокая. И послушный, кроткій отрокъ, если не охотно, то, по меньшей мѣрѣ, безъ размышленія, съ вѣрою и почтительностію внимаетъ словамъ своихъ наставниковъ; хотя по большей части вовсе не понимая ихъ, затверживаетъ на память задаваемые ему уроки, потому что его поощряютъ къ тому всѣми мѣрами; а память его, незагруженная еще никакими почти понятіями, удобно усвояетъ себѣ не только каждую высказанную окружающими его мысль, каждое впечатлѣніе, но и такіе уроки, которые для него «темна вода во облацѣхъ воздушныхъ!»

Съ возрастомъ отрока,—подобно тому, какъ по мѣрѣ развитія тѣлесныхъ силъ дитяти, перемѣняютъ его пищу,—отставляютъ прежнихъ и приставляютъ къ нему новыхъ наставниковъ, потому что, при переходѣ отрока въ юношескій возрастъ, голова его дѣйствительно требуетъ пищи сочнѣе, питательнѣе. И вотъ, въ голову юноши влагаютъ новый грузъ свѣдѣній и понятій. Въ нѣкоторыхъ домахъ для этой цѣли даже выписываютъ какую нибудь заморскую, олицетворенную мудрость. При этомъ чаще всего полагаютъ, что чѣмъ большимъ количествомъ наукъ загружена будетъ память воспитанника, тѣмъ превосходнѣе выйдетъ его образованіе. Но оно похоже на то, какъ если бы кого либо заставить глотать хлѣбъ цѣлыми кусками, не жевавши: глотающій ихъ или бы подавился, или, разстроивъ пищевареніе, впалъ бы въ неисцѣльный недугъ. По большему количеству предметовъ, преподаваемыхъ юношѣ, онъ не въ состояніи основательно изучить и усвоить себѣ ни одной науки, а въ головѣ его такое происходитъ броженіе, какъ въ сосудѣ, наполненномъ разнородными жидкостями, напримѣръ: молокомъ, виномъ, пивомъ и т. п.

Воспитанный такимъ образомъ юноша утрачиваетъ здра-

вый, природный смыслъ, полагаетъ, что онъ получилъ самое отличное образованіе, — не думая уже объ усовершенствованіи себя хотя въ одной какой либо наукѣ, питаетъ въ себѣ неодолимое отвращеніе отъ умственныхъ занятій, отъ всякихъ опытовъ и разысканій въ области природы. Если онъ богатыхъ родителей, или получилъ значительное наслѣдство, то провождаетъ жизнь въ праздности и развратѣ. Если же онъ бѣдныхъ родителей, то избираетъ для себя такой родъ занятій, которыя можетъ исполнять машинально, безъ умственныхъ соображеній. Изъ такихъ юношей большею частію составляется тотъ классъ чиновниковъ-писцовъ, которые высшимъ наслажденіемъ считаютъ помрачать по временамъ всякое сознаніе употребленіемъ хмѣльныхъ напитковъ.

Но въ головѣ юноши, одареннаго отличными, природными, способностями, обладающаго еще свѣжестію силъ, рано или поздо, пробуждается, отуманенная чужими умами, способность разсуждать, соображать собственнымъ умомъ. По выходѣ изъ ученія, съ пробужденіемъ такой способности, даровитый юноша рѣшается обозрѣть пріобрѣтенныя своимъ образованіемъ умственныя свои сокровища. Сначала и умъ такого юноши, по большей части, не въ состояніи опредѣлить истинной цѣны пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній; но, взирая на огромное ихъ количество, онъ съ удовольствіемъ считаетъ себя умственнымъ Крезомъ. Отъ этого происходитъ надменная заносчивость, столь свойственная нѣкоторымъ, современнымъ, юношамъ, по которой они бываютъ несносными въ общежитіи, то оказывая пренебреженіе въ обращеніи съ людьми, которыхъ прежде уважали, но которые, по ихъ мнѣнію, не получили подобнаго имъ высокаго, какъ они думаютъ, образованія, то смѣло выставляя на показъ, кстати и некстати, заимствованныя отъ нихъ иногда и ложныя понятія о предметахъ, съ коими ознакомились въ школѣ. Но юноша, пламенно желающій усовершенствоваться въ какомъ либо родѣ познаній, недолго остается въ такомъ самообольщеніи. Обозрѣвая пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія и вникая въ нихъ глубже, повѣряя съ источниками свидѣтельства

писателей, на авторитетъ которыхъ ссылались его наставники, наблюдая и производя свои опыты и разысканія въ области природы, онъ какбы призываетъ на судъ своего ума глашателей преподанныхъ ему наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усматривая мелочность и противорѣчія въ научныхъ системахъ, которыя доселѣ считалъ непогрѣшительными, убѣждается, что ему большею частію выдавали за положительную истину шаткія предположенія, вѣроятности и софистическія умствованія; что въ затверженныхъ его памятію научныхъ построеніяхъ почти ничего нѣтъ твердаго, основательнаго.

Вслѣдствіе такого убѣжденія, даровитый юноша, томимый жаждою истины, требуя и не находя твердой опоры пріобрѣтеннымъ умственнымъ положеніямъ, не можетъ не ощущать презрѣнія къ системамъ, которыя онъ уважалъ, и предается сомнѣнію насчетъ истины всего того, что доселѣ было сущностію его вѣры и убѣжденія въ богатствѣ своихъ свѣдѣній. Вотъ источникъ скептицизма и индиферентизма, которыя слишкомъ рельефно выказываются во многихъ современныхъ юношахъ, повидимому, образованныхъ!

Всего прискорбнѣе, что такой юноша, усомнившись, и иногда очень справедливо, въ основательности преподанныхъ ему въ свѣтскихъ училищахъ наукъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заражается сомнѣніемъ насчетъ спасительныхъ истинъ божественнаго откровенія, которыя, вслѣдствіе заведеннаго въ тѣхъ училищахъ порядка, будто излишнія, нужныя только для формы, преподаются юношамъ бѣгло до того, что, не проникая въ юношескія сердца, не согрѣваютъ ихъ благодатною своею теплотою, и только нѣкоторое время остаются на поверхности ихъ памяти. Вслѣдствіе сего, въ юношескомъ воображеніи сначала происходитъ такое мрачное броженіе религіозныхъ понятій, что юноша, не будучи въ состояніи представить ихъ съ опредѣленною ясностію въ умѣ своемъ, просто отвергаетъ ихъ; затѣмъ, увлекаемый кипящими въ сердцѣ его страстными вожделѣніями, не только предается скептицизму относительно догматическихъ истинъ христіанскаго вѣроученія, но даже бѣснуется какимъ-то озлобле-

ніемъ противу всего священнаго. Вотъ причины, по которымъ многіе юноши, и съ отличными дарованіями, выходятъ изъ современныхъ учебныхъ заведеній безполезными въ общежитіи и въ тягость для самихъ себя!

Не слѣдуетъ ли изъ всего доселѣ изложеннаго, что если бы память юноши не была вдругъ за однимъ разомъ обременяема множествомъ учебныхъ, разнородныхъ, предметовъ; если бы юноша основательно изучилъ въ училищѣ одну или двѣ науки, а главное, если бы наставники умѣли возбудить въ юношѣ жажду познаній: то онъ и по окончаніи своего образованія въ училищѣ, ощутивъ желаніе или потребность пріобрѣсть и такую науку, которой не обучался, легко могъ бы изучить ее собственнымъ усиліемъ, безъ котораго наилучшій наставникъ не въ состояніи научить никого чему бы то ни было. Извѣстно же, что основательное изученіе хотя одной науки, по сродству ея съ другими науками, много содѣйствуетъ изученію и такой науки, которой мы не учились въ училищахъ, но желаемъ изучить ее. Истину сего подтверждаютъ многіе примѣры.

Вообще образованіе должно развить въ воспитанникѣ преимущественно его способности. Но не только нѣтъ надобности, а даже вредно обременять память учениковъ, заставляя ихъ, кромѣ основныхъ наукъ, изучать отрасли этихъ наукъ и частнѣйшія ихъ мелочи. Ибо почему, напримѣръ, юноша, воспитавшійся въ семинаріи для служенія Церкви въ духовномъ званіи, изучивъ основательно догматическое и дѣятельное богословіе, и желая ревностно проходить свое служеніе, не могъ бы удобно, собственнымъ усиліемъ, усвоить себѣ патристику и библейскую археологію, упражняясь въ чтеніи хорошихъ сочиненій по тѣмъ предметамъ? И въ числѣ естественныхъ наукъ есть такія, которыя легко, безъ учителя, изучить простымъ чтеніемъ хорошихъ объ нихъ сочиненій, напримѣръ: зоологію. Въ свѣтскихъ училищахъ преимущественно требуется постоянное усовершенствованіе въ математическихъ наукахъ, въ механикѣ, физикѣ, химіи, медицинѣ и вообще въ такихъ естественныхъ

наукахъ, которыхъ невозможно пріобрѣсть безъ опытнаго наставника. По отношенію къ такимъ наукамъ, какъ отъ наставниковъ, такъ и отъ воспитанниковъ требуется постоянно стремиться впередъ, не довольствоваться открытіями по тѣмъ наукамъ европейскихъ дѣятелей, но неутомимо усовершаться въ нихъ собственными опытами, изслѣдованіями, соображеніями. Для преспѣянія въ такихъ наукахъ не предосудительно допускать къ ихъ преподаванію и иностранныхъ ученыхъ мужей, но съ ограниченіемъ, самымъ строгимъ, и наблюденіемъ, чтобы они преподавали только науку, спеціально имъ извѣстную, напримѣръ механику; а при изложеніи ея уроковъ отнюдь не уклонялись въ постороннія сужденія, и особенно не провозглашали своихъ религіозныхъ мнѣній. Притомъ въ Россіи нѣкоторыя науки въ такомъ уже состояніи, что для преспѣянія въ нихъ нѣтъ надобности выписывать какую либо заморскую премудрость, напримѣръ, для преподаванія исторіи.

А какъ развитія способностей воспитатанниковъ нельзя ожидать безъ ихъ собственныхъ усилій въ изученіи наукъ, потому что въ голову юноши невозможно влагать научныхъ свѣдѣній, будто въ ящикъ какія нибудь вещества: то самымъ лучшимъ методомъ въ преподаваніи наукъ должно считать тотъ, по которому наставникъ только открываетъ пути къ изученію какой либо науки, заставляя воспитанниковъ болѣе или менѣе собственными силами усвоить себѣ изучаемый предметъ, такъ что, руководствуя ихъ своею опытностію, направляетъ труды ихъ къ предположенной цѣли. Не дѣйствуя по такому методу, наставникъ, напримѣръ словесности, сколько бы ни былъ краснорѣчивъ, не въ состояніи научить воспитанника, — излагать правильно, убѣдительно и привлекательно свои мысли на бумагѣ, если воспитанникъ самъ не станетъ упражняться въ сочиненіяхъ различнаго рода; преподаватель древнихъ языковъ не научитъ своего питомца изучаемому имъ языку, если питомецъ самъ съ грамматикою и словаремъ того языка не занимается переводомъ твореній древнихъ писателей на отечественный языкъ, а изъ этого на изучаемый имъ древній языкъ.

Но, къ прискорбію любящихъ человѣчество и къ пагубѣ юношей, наставники наукъ, особенно естественныхъ, иногда позволяютъ себѣ сѣять въ сердцахъ юношей плевы сомнѣній насчетъ спасительныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія. Нѣкоторые наставники, преподавая, напримѣръ, геологію, съ напряженнымъ усиліемъ стараются поколебать вѣру въ истину повѣствуемаго пророкомъ Моисеемъ созданія міра, несмотря на то, что мудрецы, возстающіе противъ божественнаго откровенія, придумали уже съ такою цѣлію до восьмидесяти системъ о первоначальномъ устроеніи міра, а другіе такіе же мудрецы доказали неосновательность тѣхъ системъ; что и въ наше время еще не прекратились по сему предмету споры между такъ называемыми нептунистами и плутонистами. Къ чему же терять умственныя силы на построеніе шаткихъ гипотезъ, когда, по выраженію св. Апостола, только *вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3. 6)? [1] Не лучше ли

---

[1] Умозаключеніе геологовъ преимущественно основывается на различныхъ пластахъ земли и окаменѣвшихъ ископаемыхъ животныхъ, кое-гдѣ открываемыхъ, коихъ родъ давно прекратился. Выводы геологовъ отъ настоящаго къ давнопрошедшему, отъ частнаго къ общему едвали согласны съ здравой логикой. Изъ опытовъ же другихъ испытателей природы можно заимствовать сильныя возраженія противъ гипотезъ геологовъ. Такъ, естествоиспытатели, соединяя различныя вещества, въ нѣсколько мгновеній производятъ изъ нихъ особыя, такія тѣла, которыя, по обыкновенному порядку природы, не составились бы изъ тѣхъ веществъ безъ взаимнаго ихъ столкновенія и въ теченіе тысячи лѣтъ. Химикъ, напримѣръ, беретъ двѣ жидкости желтоватаго цвѣта, сливаетъ ихъ вмѣстѣ, и вдругъ ихъ цвѣтъ измѣняется въ синій, а жидкости тѣ кристаллизуются и твердѣютъ; беретъ два порошка или соли, соединяетъ ихъ, направляетъ на нихъ сильный пламень, и чрезъ нѣсколько минутъ показываетъ образовавшееся изъ нихъ стеклышко аметистоваго или изумруднаго цвѣта. Десять лѣтъ прошло, какъ всѣ газеты извѣщали, что какой-то химикъ въ Парижѣ бралъ сѣмена разныхъ цвѣтовъ, смачивалъ ихъ какою-то жидкостію, садилъ мокрыя сѣмена въ горшки, наполненные землею, покрывалъ ихъ стеклянными колпаками, и тѣ сѣмена въ одинъ часъ прозябали, росли, развивались и являлись въ полномъ цвѣтѣ. Если химики могутъ почти мгновенно производить такія явленія, то отъ вліянія всемогущей силы Божіей въ нѣсколько мгновеній могло совершиться все то, для чего, повидимому, требовались милліоны лѣтъ. Вообще геологи судятъ объ устроеніи земли, какъ судилъ бы искуснѣйшій живописецъ, невидѣвшій и неслышавшій о произведеніяхъ фотографическихъ. Если бы спросить его, сколько нужно времени,

преподавателямъ геологіи вмѣсто мечтательныхъ гипотезъ ограничиться, если можно, приложеніемъ своихъ разысканій о различныхъ слояхъ земли, напримѣръ, къ металлургіи или агрономіи?

Иной наставникъ, излагая естественную исторію о животныхъ, или зоологію, не преминетъ замѣтить, что зміи имѣютъ раздвоенный языкъ, которымъ могутъ производить только свистъ или шипѣніе, и что слѣдовательно змій-искуситель праматери Евы не могъ говорить [1],—какъ будто бы христіанское ученіе утверждаетъ, что этотъ змій самъ по себѣ бесѣдовалъ въ Евою! Такими и подобными мудрованіями наставники сами подрываютъ основаніе своихъ системъ, потому что одно священное Писаніе есть незыблемая почва, на которой прочно и безопасно могутъ быть устрояемы зданія естественныхъ наукъ,—есть истина, сообщающая твердость всѣмъ истинамъ, пріобрѣтаемымъ наблюденіемъ природы,—есть основное знаніе, ведущее къ пріобрѣтенію всѣхъ истинно полезныхъ познаній. Ибо только умъ, озаренный свѣтомъ божественнаго откровенія, съ надлежащей точки взираетъ на предметы каждой науки, а главное—узнаетъ истинную цѣль земнаго бытія своего, удостовѣряясь, что Іисусъ Христосъ есть высочайшая, несомнѣнная истина, составляющая первую потребность земнородныхъ, одаренныхъ разумомъ и свободою; что Онъ одинъ источникъ жизни истинно блаженной, временной и вѣчной, и единственный путь, отъ котораго уклонившись, человѣкъ никогда не постигнетъ глубокаго смысла настоящей жизни, но, омраченный тьмою предразсудковъ и беззаконій, поминутно блуждая по распутіямъ ничтожныхъ догадокъ о цѣли бытія своего, неизбѣжно сдѣлается жертвою вѣчной гибели!

Казалось бы, впрочемъ, что каждый наставникъ, убѣждаясь

чтобы нарисовать фотографическую копію, снятую съ искусной картины, то онъ бы отвѣчалъ, что для этого нужно нѣсколько мѣсяцевъ, а она произведена въ нѣсколько секундъ.

[1] Возраженіе одного студента университетскаго, слышанное имъ отъ его профессора.

въ святочти своего званія, не можетъ не сознавать, что онъ долженъ быть крайне осмотрительнымъ не только въ обращеніи съ своими слушателями, но даже въ словахъ и выраженіяхъ, которыми излагаетъ преподаваемый имъ учебный предметъ. Но, къ прискорбію, многіе наставники не только не сознаютъ сего долга, но даже нарочно съ пренебреженіемъ отзываются о спасительныхъ истинахъ христіанскаго ученія. Особенно пагубно дѣйствуетъ на неопытные юношескіе умы преподаваніе сколковъ съ новѣйшихъ нѣмецкихъ и другихъ философій, открыто направляемое противъ божественныхъ истинъ священнаго Писанія. Почему естественно, что юноши, слушавшіе уроки такой философіи, выходятъ не индиферентисты, сомнѣвающіеся только въ достовѣрности научныхъ результатовъ и положительныхъ истинъ христіанскаго катихизиса, слышанныхъ ими въ школѣ, а систематическіе уже пантеисты и атеисты, открыто проповѣдующіе безбожіе. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, что преподаваніе философіи само по себѣ вредно; напротивъ, уроки философіи едва ли не болѣе другихъ наукъ развертываютъ умственныя способности, изощряя силу мышленія. Доказательствомъ этой истины служатъ великіе отцы Церкви, которые слушали уроки философіи въ языческихъ училищахъ, но не только не измѣнили вѣрѣ въ евангельскія истины, а даже были ревностнѣйшими защитниками евангельскаго ученія, опровергая умственными доказательствами нелѣпость языческихъ религій и заблужденія философовъ. Но языческіе философы, какъ напримѣръ, Сократъ, Аристотель, Платонъ, искренно желали открыть основныя истины человѣческихъ познаній, съ напряженнѣйшимъ условіемъ старались разрѣшить вопросы о происхожденіи міра и человѣка, о цѣли бытія ихъ, о началѣ нравственнаго зла, приближались къ рѣшенію такихъ вопросовъ, сознавали поврежденіе человѣческой природы, всемѣрно усиливались улучшить своими наставленіями нравственность своихъ соотечественниковъ и чувствовали нужду въ сверхъестественномъ просвѣтителѣ и Искупителѣ рода человѣческаго. Посему, съ появленіемъ евангель-

скаго ученія, обращались въ христіанство и языческіе философы, какъ напримѣръ, Іустинъ мученикъ, Аѳинагоръ, а убѣжденіе въ истинахъ и божественности Евангелія запечатлѣвали мученическою своею кончиною. И къ чему мыслителямъ, если они искренно желаютъ блага роду человѣческому, построеніемъ философскихъ теорій подрывать вѣру въ евангельскія истины, когда онѣ такъ просто, положительно и съ такою ясностію рѣшаютъ вопросы, касающіеся духовной нашей жизни, что вмѣстѣ съ симъ вполнѣ успокоиваютъ умственную нашу пытливость, удовлетворяя въ этомъ отношеніи всѣмъ потребностямъ нашего ума!

Вопреки сему, многіе новѣйшіе, особенно германскіе, мыслители постоянно строятъ новыя системы философіи, даже какъ будто съ намѣреніемъ поколебать вѣру въ благотворныя священныя истины Евангелія, и свои теоріи облекаютъ туманными умствованіями, почти всегда вновь выкованными слововыраженіями: такъ какъ каждый мыслитель, вновь выступающій на поприще философіи, не довольствуясь умственными выводами своихъ предшественниковъ, строитъ новую систему философіи, придумываетъ для ней новую терминологію, или даетъ новое значеніе прежнимъ философскимъ терминамъ. Отъ этого какъ въ языческомъ мірѣ ни одна философія не устоялась, но каждая была смѣняема новою, такъ и въ наше время, съ появленіемъ новой философіи, теряетъ свой авторитетъ предшествовавшая ей, несмотря на то, что въ свое время современники, особенно юноши, до небесъ превозносили каждую философію, какъ окончательное проявленіе человѣческой мудрости. Большей чести и не можетъ требовать никакая философская система, такъ какъ человѣческому уму, сколько бы онъ ни былъ могучъ и возвышенъ, свойственно не только невольно заблуждаться, но даже, по самолюбію, упорно защищать заблужденія, открываемыя въ философскихъ системахъ другими умами. Посему тщетно требовалось и ожидать *такой* философіи, которая бы всегда признавалась *безошибочною* и была пригодна для *каждаго* человѣка, *всѣхъ* народовъ, для *всего*

человѣческаго рода. Только вѣчныя, спасительныя, истины богопознанія, открытыя Господомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и правила нравственнаго закона, изложеннаго имъ въ чистѣйшемъ вѣчномъ смыслѣ, могутъ быть усвоены посредствомъ вѣры *каждымъ* человѣкомъ, *каждымъ* народомъ и облагодѣтельствовать *весь* родъ человѣческій, водворить на землѣ *всеобщее* благоденствіе. Посему только Іисусъ Христосъ имѣлъ полное право и могъ заповѣдать ученикамъ своимъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари, всему міру* (Марк. 16, 15. Матѳ. 28, 19), — такъ какъ только божественному уму свойственна непогрѣшительность.

Отчего же юношескіе умы, увлекшись діалектическими выводами новѣйшихъ философскихъ, особенно гегелевской, системъ, пристращаются къ нимъ? [1] Едва ли не больше всего

---

[1] Въ началѣ текущаго столѣтія преподаваема была, не только въ семинаріяхъ, но и въ московскомъ университетѣ, философія Вольфа, по Бавмейстеру; ее смѣнила философія Канта, а затѣмъ появились системы Фихте и Гегеля; теперь является философія Фейербаха, который, повидимому, обращается къ положенію, или принципу Вольфа, утверждавшаго, что нѣтъ врожденныхъ идей, но что онѣ составляются изъ разныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ опытомъ. Съ появленіемъ каждой изъ тѣхъ философскихъ системъ, слушавшіе уроки вновь появившейся системы считали жалкими невѣждами учившихся философіи по прежней системѣ, а сіи называли послѣдователей новой системы еретиками, вольнодумцами, либералами. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались споры идеалистовъ и эмпириковъ, номиналистовъ и реалистовъ. Слушая съ напряженнѣйшимъ усиліемъ, но хладнокровно, діалектическіе выводы указанныхъ философій, особенно Фихте и Гегеля, окутанныя туманными терминами, нельзя не убѣждаться, что ихъ ученіе—обскуратизмъ, а лучше сказать, мракобѣсіе въ полномъ смыслѣ слова, и исповѣдать съ царемъ-Пророкомъ: *повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой, Господи* (Псал. 118, ст. 85)! Изъ мнимыхъ мудрованій сказанныхъ мыслителей почти только то понятно, что цѣлый міръ со всѣмъ, что въ немъ заключается, есть Богъ, который преимущественно проявляется и сознаетъ Себя въ человѣкѣ, или, что то же, что нѣтъ Бога. Но практическіе безбожники были во всѣ времена. Еще тотъ же пророкъ Давидъ сказалъ: *рече безумень въ сердцѣ моемъ: нѣсть Богъ* (Псал. 13, 1)! Кого же хотятъ удивить русскіе прогрессисты своими выходками (à la Heguel)? Въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, съ появленіемъ каждой новой философской системы, профессоры философіи почти тотчасъ сообщаютъ слушателямъ сколь возможно точное объ ней понятіе, подвергая высказанные въ ней діалектическіе выводы критическому разбору. Поэтому никто изъ слушателей философіи не пристращается къ вновь появившейся. А кому неизвѣстно, что именно воспитанники нашихъ академій преподавали и теперь преподаютъ философію въ университетахъ?

оттого, что новѣйшіе, особенно германскіе, мыслители подрываютъ вѣру не только въ евангельскія истины, а даже въ бытіе Бога: такія мудрованія по сердцу юношей, которыхъ избытокъ силъ, по испорченности нашей природы, и безъ превратныхъ философскихъ системъ увлекаютъ на стропотные пути порока и своеволія. Но, если бы преподаватель философіи ясно доказалъ, что о сю пору всѣ усилія человѣческаго ума разрѣшить основные вопросы человѣческихъ знаній, большею частію, похожи на бредъ страждущаго горячкою, какъ свидѣтельствуетъ исторія философскихъ системъ; если бы онъ, взвѣсивъ на вѣсахъ безпристрастнаго, здраваго ума и новѣйшія философскія системы, показалъ неосновательность многихъ умственныхъ выводовъ и новѣйшихъ мыслителей: то юноши, не пристращаясь къ нимъ, старались бы искренно усвоить себѣ христіанское православное ученіе, которое одно въ состояніи сообщить истинно благотворное, вполнѣ соотвѣтствующее назначенію и достоинству человѣка, направленіе жизни!

Чего ожидать въ жизни отъ юноши, напитаннаго нечестивыми софизмами? Найдетъ ли онъ въ цѣломъ мірѣ такіе законы и учрежденія, которые бы вполнѣ дѣйствительно уважалъ и повиновался имъ? Для человѣка, неимѣющаго въ сердцѣ страха Божія, ничего нѣтъ завѣтнаго; для него не святы ни семейное счастіе ближнихъ, ни правительство, какое бы оно ни было. Что наконецъ ожидаетъ самого юношу съ запасомъ коекакихъ естественныхъ свѣдѣній, собранныхъ во святилищѣ наукъ, неусвоившаго себѣ коренныхъ истинъ божественнаго откровенія, озаряющихъ предъ умственнымъ взоромъ истинный смыслъ и цѣль человѣческаго бытія на землѣ? Жажда познанія сихъ истинъ, особенно въ зрѣломъ возрастѣ, повсюду будетъ сопровождать довѣрявшаго въ молодости однимъ софизмамъ — неисцѣльнымъ томленіемъ его духа, а умъ его, терзаемый неразрѣшимыми сомнѣніями, не престанетъ блуждать во мракѣ неизвѣстности, будетъ все приписывать случаю и неизбѣжности судьбы, пустымъ словамъ, неимѣющимъ никакого смысла. Несчастный! вслѣдствіе такого душевнаго состоянія, гоняясь за

чувственными удовольствіями, онъ сдѣлается неизбѣжною ихъ жертвою и, умерши голодною смертію своего духа, еще въ настоящей жизни будетъ добычею вѣчной пагубы!

Отъ такой участи юноша могъ бы спасти себя обращеніемъ къ слову Божію, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, и, слѣдуя за его свѣтомъ, по выраженію Апостола, примѣтилъ бы въ умѣ своемъ разсвѣтъ истины и утреннюю звѣзду спасенія, озаряющую путь искренняго покаянія, ведущій, при руководствѣ св. Церкви, къ вѣчной жизни (2 Петр. 1, 19).

II.

Если одно христіанское ученіе открываетъ истины, которыя могутъ служить твердою почвою для созиданія на нихъ храминъ естественныхъ познаній, доступныхъ человѣку, то оно же должно быть и краеугольнымъ камнемъ его дѣятельности. Юноша, убѣжденный, что онъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ состоитъ въ зависимости отъ высочайшаго, всемогущаго, всеблагаго и премудраго Существа, въ постоянномъ чувствѣ благодарности провидѣнію Божію, не престанетъ возносить къ Богу внутреннихъ моленій объ озареніи его и свѣтомъ естественныхъ наукъ, а при благодатной помощи пріобрѣтать въ нихъ желаемые успѣхи. Но какъ съ окончаніемъ образованія въ учебномъ заведеніи юноша вступаетъ въ общежитіе большею частію безъ руководителя и попечителя о немъ, то воспитаніе его въ училищѣ должно также пріуготовить юношу ко вступленію въ міръ, — должно, такъ сказать, предварить его, что, пользуясь готовымъ устройствомъ общежитія, связанный съ нимъ узами своей жизни, онъ будетъ состоять въ неизбѣжной зависимости и отъ того общества, въ которое поступитъ, и что вслѣдствіе сего отъ него потребуются не только нѣкоторыя ограниченія и уступки отъ своего произвола, но даже и услуги тому обществу, котораго онъ будетъ членомъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что только то воспитаніе можно почесть истинно полезнымъ, которое въ самомъ учебномъ заведеніи образуетъ нравственность и сообщаетъ юношѣ на-

правленіе его дѣятельности, соотвѣтственное законнымъ требованіямъ общежитія для истиннаго блага онаго. Какимъ же путемъ достигнуть сего? Имѣя въ виду, что въ каждомъ человѣкѣ воля не только предваряетъ проявленіе ума, а даже развитіе нашихъ тѣлесныхъ силъ, что тогда какъ умъ, такъ сказать, спитъ еще гдѣ-то во глубинѣ души дитяти (какъ усыплено зерно пшеницы въ нѣдрахъ земли, пока ростокъ его не пробуравитъ лежащей на немъ земной глыбы и не выйдетъ на свѣтъ), младенецъ проявляетъ уже волю свою протягиваніемъ своихъ ручонокъ, плачемъ, упорнымъ чего либо желаніемъ,— слѣдуетъ, что главною задачею воспитанія должно быть образованіе силы или твердости воли, покорной внушеніямъ ума, озареннаго свѣтомъ божественныхъ истинъ. Для достиженія такой цѣли, не только въ отрочествѣ, но и въ юношескомъ возрастѣ, пока умъ не станетъ созрѣвать и пріобрѣтать силъ къ укрѣпленію своей воли въ добрѣ, необходимо юношѣ руководство, которое должно лежать на его воспитателяхъ. Какъ матерь сообщаетъ своему младенцу, для поддержанія его жизни, готовую изъ груди своей пищу, взявъ за ручонки, переводитъ его съ мѣста на мѣсто и, поддерживая, заставляетъ стоять на своихъ ножкахъ: такъ впослѣдствіи воспитатели юноши должны своимъ разумомъ часто заступать его разумъ, управлять его дѣятельностію и не только пріучать его строго исполнять нравственныя правила, но даже требовать, чтобы онъ былъ какбы рабомъ своихъ намѣреній и усилій, одобряемыхъ умомъ, всемѣрно старался поступать по нимъ; чтобы онъ былъ рабомъ слова или обѣщанія, даннаго кому либо вслѣдствіе здраваго размышленія, рабомъ порядка, учрежденнаго въ обществѣ, въ которомъ будетъ нѣкогда поставленъ. Съ этою цѣлію волю отрока слѣдуетъ какбы закалить упражненіемъ его въ такихъ поступкахъ, которыхъ пользы онъ оцѣнить еще не въ состояніи, напримѣръ: запрещеніемъ ѣсть конфекты, пить горячіе напитки и т. п. Тѣмъ болѣе отъ юношей неослабно должно требовать исполненія заведеннаго въ училищахъ порядка, повиновенія дѣлаемымъ распоряженіямъ и, выставляя

пользу такой покорности, дабы, навыкнувъ повиновенію въ учебномъ заведеніи, не противились впослѣдствіи общественнымъ учрежденіямъ въ мірѣ, когда сами будутъ гражданами, а статься можетъ, и какими либо начальниками въ общежитіи. Подобныя вразумленія необходимы для искорененія строптивости, свойственной многимъ юношамъ и для предотвращенія ихъ отъ горестей, которыя они могутъ навлечь на себя своимъ обращеніемъ въ общежитіи. Ибо если бы каждый гражданинъ, каждый членъ человѣческихъ обществъ, подвергая своему сужденію общественные законы, сталъ отвергать или исполнять ихъ по своему произволу, если бы каждый подчиненный разбиралъ и исполнялъ по своему образу мыслей распоряженія своего начальства, то въ цѣлыхъ царствахъ произошли бы враждебныя между собою раздѣленія, невозможно было бы составить ни одного общества, и люди низпали бы въ дикое состояніе. Но человѣческія общества составлялись и устроялись вѣками, гражданскіе законы составляютъ какбы сущность умовъ правительствъ, если не цѣлыхъ народовъ. А въ состояніи ли человѣкъ, не взвѣсивъ глубокимъ размышленіемъ на вѣсахъ безпристрастнаго ума предшествовавшихъ соображеній, событій и побужденій къ учрежденію общественныхъ постановленій и начертанію народныхъ законовъ, правильно объ нихъ судить и возставать противъ ихъ? Принимая въ соображеніе, что начальники учебныхъ заведеній, воспитатели и наставники заступаютъ для юношей ихъ родителей и кровныхъ попечителей, что вмѣсто сихъ на нихъ лежитъ долгъ руководствовать и воспитать юношей, ввѣренныхъ ихъ попеченію, очевидно, что на начальникахъ, воспитателяхъ и наставникахъ лежитъ такъ же священный долгъ любить ввѣренныхъ ихъ руководству питомцевъ родительскою любовію, любить столь искренно, чтобы воспитанники, удостовѣрившись въ ихъ любви, были совершенно предъ ними откровенны. Только такая любовь можетъ внушить воспитателямъ: какія употреблять мѣры для вразумленія и исправленія юношей, въ случаѣ уклоненія ихъ на стропотные пути своеволія и порока, какъ въ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ и академіяхъ, такъ и въ гимназіяхъ и семинаріяхъ.

Въ Россіи, благодареніе Богу, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ какбы преемственныхъ пороковъ и буйства, коимъ предается нѣмецкое юношество въ университетахъ—по преданію и какбы наслѣдственно. Въ русскихъ университетахъ иногда проявляются сумасбродства, но и то привитыя сторонними, неблагонамѣренными, людьми; юноши иногда съ увлеченіемъ слѣдуютъ пагубнымъ ихъ внушеніямъ, основаннымъ, по видимому, на истинѣ. А какъ такіе люди обыкновенно живымъ, краснорѣчивымъ языкомъ выставляютъ съ примѣсью лжи свои несбыточныя утопіи, подстрекаютъ юношей увѣреніемъ, что они, по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ, могутъ быть преобразователями цѣлыхъ государствъ, что ихъ ожидаетъ слава и благодарность будущихъ поколѣній, то неудивительно, что юноши, по своей воспріимчивости, неумудренные еще опытами жизни, надѣясь на свои силы, съ полною вѣрою слѣдуютъ пагубнымъ внушеніямъ. Но отъ такого увлеченія легко можно бы спасать юношей: если бы они до того были убѣждены въ любви своихъ начальниковъ и наставниковъ, что не скрывали бы предъ ними не только своихъ поступковъ, но даже мыслей и намѣреній.

Впрочемъ, вообще воспитанники университетовъ и академій, за исключеніемъ необычайныхъ случаевъ, ведутъ себя осмотрительнѣе, нежели питомцы низшихъ учебныхъ заведеній, опасаясь навлечь дурное о себѣ мнѣніе и потерять право на ученыя степени.

Такою осмотрительностію не руководствуются еще воспитанники гимназій и семинарій: посему ихъ начальникамъ затруднительнѣе управлять ими и руководствовать ихъ къ добру, чѣмъ студентовъ университетскихъ и академическихъ. Изъ этого раждается вопросъ: употреблять ли тѣлесныя наказанія, именно розги, за нарушеніе въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ учрежденнаго порядка, за дерзость, противленіе приказаніямъ, лѣность въ ученіи и вообще за проступки и пороки? Въ Анг-

ліи воспитатели и наставники употребляютъ тѣлесныя наказанія, и даже строгія, при образованіи своихъ питомцевъ; а Англію выдаютъ за образецъ другимъ народамъ. Но можно рѣшительно утверждать, что нѣтъ надобности тѣлесно наказывать отроковъ, а тѣмъ болѣе юношей, образующихся въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Тѣлесныя наказанія употреблялись и кое-гдѣ употребляются еще для скорѣйшей расправы съ учениками за ихъ проступки, для исправленія ихъ и побужденія лѣнивыхъ къ прилежанію въ наукахъ. Но для исправленія строптивыхъ, замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи, и лѣнивыхъ учениковъ можно придумать многія благонадежныя мѣры и безъ тѣлеснаго ихъ наказанія. Необходимо имѣть самый бдительный надзоръ за воспитанниками во всѣхъ ихъ отношеніяхъ; но отнюдь не заводить между ними шпіонства, а слѣдовать наставленію св. Апостола Павла, который, преподавая своему ученику Апостолу Тимоѳею правила для управленія св. Церковію, говоритъ, что *добрыя дѣла предъявлена* (явны) *суть, и сущая инако утаитися не могутъ* (1 Тимоѳ. 5, 25). Вообще же, какъ въ приложеніи штрафа за проступки учениковъ, такъ въ одобреніи ихъ за хорошее поведеніе, за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, также при переводѣ воспитанниковъ изъ низшихъ въ высшіе классы, должно соблюдать въ высшей степени нелицепріятіе, безпристрастіе и справедливость. Шпіонство и несправедливость въ приложеніи штрафовъ за дурные поступки, также при переводѣ учениковъ въ высшій классъ, наилучшее учебное заведеніе могутъ привесть въ совершенное разстройство и упадокъ; потому что шпіонство и неправда никого изъ состоящихъ въ общежитіи, внѣ училищъ, не раздражаютъ столь сильно, какъ раздражаютъ юношей, неосвоившихся еще съ неправдами, господствующими въ мірѣ.

Чѣмъ же замѣнить тѣлесныя наказанія воспитанниковъ, особенно въ многолюдныхъ учебныхъ заведеніяхъ? Есть сотни другихъ средствъ чувствительнѣе и благонадежнѣе къ вразумленію строптивыхъ, къ исправленію замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи и для побужденія лѣнивыхъ учениковъ къ прилежа-

нію въ ученіи, нежели розги. Заставить, напримѣръ, отрока стоять въ углу комнаты на одномъ мѣстѣ, когда сверстникамъ его дозволяются обыкновенныя въ училищахъ игры, свойственныя ихъ лѣтамъ, часто несравненно чувствительнѣе для отрока, нежели наказаніе его розгою. Лишеніе обѣда, преданіе виновнаго суду его товарищей и тому подобныя мѣры довольно успѣшно дѣйствуютъ къ исправленію воспитанника, замѣченнаго въ какомъ нибудь проступкѣ. Но при употребленіи такихъ мѣръ требуется поступать неспѣшно, хладнокровно, безъ раздражительности; прежде всего нужно вызвать виновнаго на сознаніе своего проступка, предваривъ его, что, въ случаѣ запирательства, если онъ будетъ уличенъ въ своей винѣ свидѣтелями, то подвергнется сугубой отвѣтственности за ложь и проступокъ. Если ученикъ сознается въ своемъ проступкѣ, — предоставить ему самому обсудить: какого заслуживаетъ онъ штрафа, чтобы перенесеніемъ онаго снялъ, такъ сказать, безчестіе, причиненное его проступкомъ доброй славѣ товарищей и училища. Если проступившійся упорно отказывается отъ сознанія своей виновности въ несомнѣнно доказанномъ проступкѣ, то предать его суду товарищей, которымъ предварительно всегда внушать, что Апостолъ Павелъ повелѣваетъ христіанамъ: *измите злаго отъ васъ самѣхъ:* потому что *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 13. 6), одинъ порочный ученикъ безчеститъ цѣлое училище, всѣхъ своихъ товарищей. Бываетъ, что соученики виновнаго или отказываются отъ сужденія о поведеніи своего товарища, или приговариваютъ его къ строжайшему наказанію, нежели то, которому подвергли бы его начальники учебнаго заведенія. Въ первомъ изъ такихъ случаевъ начальники сами по себѣ имѣютъ право подвергать виновнаго наказанію, съ соблюденіемъ полной справедливости и безпристрастія, имѣя притомъ въ виду степень чувствительности, характера и здоровья штрафуемаго; во второмъ случаѣ долгъ начальниковъ смягчать приговоръ товарищей проступившагося. Бываютъ и такіе ученики, которыхъ въ дурномъ поведеніи невозможно исправить никакими училищными мѣрами: такихъ учениковъ

отсылать для исправленія ихъ родителямъ и родственникамъ, и только тогда принимать снова въ училище, когда ихъ родные ручаются въ совершенномъ ихъ исправленіи. Но если, по принятіи ихъ въ число воспитанниковъ, замѣчены будутъ тѣ ученики снова въ дурномъ поведеніи, то должно исключать ихъ окончательно изъ училища. Полезно было бы еще, чтобы всѣ наставники, вмѣстѣ съ начальникомъ заведенія, а не онъ одинъ, рѣшали, кого и какъ награждать или наказывать.

Замѣчательно еще, что иногда ученики преслѣдуются въ училищахъ начальниками своими и наставниками единственно за то, что объ нихъ между ними и внѣ училища дурно отзываются. Притѣсненіе учениковъ за пустыя ихъ сужденія о своихъ начальникахъ и учителяхъ есть мстительность предосудительная въ послѣднихъ. Ихъ долгъ вовсе не любопытствовать и не обращать вниманія на то, что объ нихъ говорятъ ихъ воспитанники, а тѣмъ болѣе не оскорбляться мнѣніями учениковъ. Лучше всего въ такомъ случаѣ слѣдовать правилу философа Сенеки, который каждому совѣтуетъ: si vis esse tranquillus, ne sis nimium curiosus (если хочешь быть спокойнымъ, небудь слишкомъ любопытенъ). И почему ученикамъ не имѣть своего образа мыслей о своихъ воспитателяхъ, когда и они могутъ подмѣтить слабости послѣднихъ? Надлежало бы даже пользоваться такими сужденіями, если они справедливы, начальникамъ и учителямъ, чтобы быть осмотрительнѣе въ обращеніи съ своими питомцами.

Что касается до поощренія учениковъ къ прилежанію въ ученіи, то для достиженія этой цѣли въ наше время средствъ весьма достаточно. Въ этомъ отношеніи полезно въ продолженіе ученія внушать ученикамъ, что по ихъ успѣхамъ въ наукахъ начальники ихъ заключаютъ и о хорошемъ ихъ поведеніи, такъ какъ успѣхи въ наукахъ ручаются въ томъ, что ученики не предаются своеволію. Въ старину весьма успѣшно поощрялись ученики къ прилежанію въ наукахъ такимъ учрежденіемъ, что должны были сидѣть въ классѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ прописаны были въ училищномъ разрядномъ спискѣ.

Занять ученику втораго разряда, по повелѣнію наставника, мѣсто между его товарищами перваго разряда считалось особенною наградою, какъ равно большимъ наказаніемъ низведеніе его съ перваго во второй или третій разрядъ. Это учрежденіе такое производило въ ученикахъ соревнованіе, что ученики втораго, напримѣръ, разряда, сознававшіе, что они прилежнѣе учатся и лучшіе пріобрѣли въ наукѣ успѣхи, нежели какіе нибудь сверстники ихъ перваго разряда, между прочимъ, писали школьныя задачи, изъявляя въ концѣ ихъ желаніе занять мѣсто такого-то ученика, ежели окажется, что его задача хуже. Такое желаніе выражалось прописаніемъ: de loco domini N. N.

Впрочемъ, обращая вниманіе на успѣхи учениковъ въ наукахъ, пагубно исключать ихъ за мнимую лѣность, о которой наставники заключаютъ изъ того, что питомцы, имѣющіе слабую память, не въ состояніи давать отчетовъ въ преподанныхъ имъ урокахъ съ такою отчетливостію, съ какою произносятъ ихъ ученики, обладающіе хорошею памятію. Если ученикъ здраво судитъ хотя о нѣкоторыхъ учебныхъ предметахъ, если на предложенные ему вопросы отвѣчаетъ, хотя небойко, но такъ, что изъ его отвѣтовъ можно убѣдиться, что онъ понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ, то онъ не только не заслуживаетъ исключенія изъ училища, а даже стоитъ въ положенное время перевода въ высшій классъ, особенно, если онъ постоянно занимается чтеніемъ хорошихъ книгъ, преимущественно о какомъ либо предметѣ, преподаваемомъ въ училищѣ, и, такъ сказать, вдумывается въ тотъ предметъ. Такихъ учениковъ даже можно считать лучшими по той наукѣ, въ которую они углубляются размышленіемъ, хотя бы они не могли пролепетать на память ни одного урока, подобно обыкновеннымъ школьникамъ. Доказательствомъ сего могутъ служить, напримѣръ, польскій поэтъ Мицкѣвичь и многіе другіе, которые въ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ воспитывались, считались послѣдними лѣнивцами, а впослѣдствіи оказались геніями по тому предмету, которому посвятили себя.

Пріучая юношей поступать по правиламъ учрежденнаго въ учебномъ заведеніи порядка и поощряя ихъ къ прилежанію въ ученіи, преимущественно слѣдуетъ со всевозможною зоркостію наблюдать за ихъ поведеніемъ, постоянно внушать и требовать исполненія нравственнаго закона. Этотъ законъ какбы истекаетъ изъ глубины нашей душевной природы, потому что при самомъ созданіи человѣка насажденъ во глубинѣ души его, или какбы начертанъ въ его сердцѣ, и такъ какъ примѣненіе того закона къ нашей дѣятельности образуетъ наши нравы, то и называется нравственнымъ закономъ. Хотя же, по причинѣ поврежденія ядомъ грѣха нашей природы, нравственный законъ былъ помрачаемъ и помрачается суевѣріемъ, предразсудками, страстями до той степени, что, какъ извѣстно, и въ древности, и въ наше время язычники нѣкоторыя беззаконія считали и считаютъ добродѣтелями, а добродѣтели пороками; но Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ изложилъ въ своемъ ученіи чистѣйшій, вѣчный смыслъ нравственнаго закона, а въ земной жизни своей представилъ тотъ законъ для нашего подражанія какбы олицетвореннымъ. Старающихся всеусильно исполнять предписанія нравственнаго закона слово Божіе именуетъ праведниками, утверждая, что праведникъ выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, потому что всемѣрно усиливающійся исполнять нравственный законъ со всею точностію нимало и ничѣмъ не нарушаетъ утверждающихся на его основаніи человѣческихъ, напримѣръ гражданскихъ законовъ. Въ этомъ смыслѣ св. Апостолъ говоритъ, что для праведника законъ не положенъ, но для беззаконныхъ, непокорныхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ (1 Тим. 1, 9).

III.

Нравственный законъ, изложенный въ книгахъ новаго Завѣта, превосходитъ всѣ гражданскіе законы. Человѣческіе законы опредѣляютъ кару за нарушеніе ихъ и беззаконія, совершившіяся уже какбы предъ очевидными свидѣтелями,—наказываютъ, такъ сказать, концы преступленій; а Евангеліе, не полагая внѣшней казни, осуждаетъ беззаконіе въ самомъ заро-

дышѣ ихъ, претитъ самымъ намѣреніямъ и желаніямъ порочнымъ, порицаетъ даже грѣховныя движенія мыслей и сердца нашего, потому что они предъ взоромъ всевидящаго Бога суть уже дѣйствія нашей души, и отъ нихъ проистекаютъ преступленія божественнаго закона. Всякому размышляющему легко убѣдиться, отъ скольких безумныхъ поступковъ люди уклонялись бы, какихъ не совершили бы подвиговъ добродѣтели, если бы, питая въ сердцѣ своемъ евангельское ученіе, всегда взирали умственными очами на примѣръ жизни Господа нашего Іисуса Христа. Съ этою цѣлію, между прочимъ, верховный Апостолъ внушалъ христіанамъ: *не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 2, 3). Изъ этого слѣдуетъ, что, для утвержденія юношескаго сердца въ доброй нравственности, для образованія и приготовленія юноши къ исполненію всякаго добраго дѣла въ предстоящей ему жизни, никакія знанія не могутъ ему столько содѣйствовать, какъ глубоко насажденные въ умѣ и сердцѣ юноши съ самаго отрочества его нравственные уроки Евангелія и примѣръ жизни Спасителя. Для достиженія этой цѣли необходимо всемѣрно стараться провесть христіанское ученіе въ жизнь юношей. Поэтому необходимо съ самаго вступленія отрока въ училище прежде всего разузнать, есть ли у него какой либо молитвенникъ, умѣетъ ли онъ читать, или произносить на память какія молитвы [1]; объяснить ему силу и значеніе каждой изъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ; за тѣмъ строго наблюдать, чтобы ученики ежедневно поутру и ввечеру читали положенныя молитвы, а въ опредѣленныя Церковію времена принимали живое участіе въ общественномъ богослуженіи. Не только обученіе юношей практическому упражненію въ частной молитвѣ и участію въ общественномъ богослуженіи, но и наблюденіе въ

[1] Необходимость такого разузнанія и испытанія явствуетъ изъ того, что, какъ пишущему доводилось узнавать, въ гимназіи поступали и такіе отроки, которые не знали ни одной молитвы на церковномъ языкѣ, развѣ какую либо французскую, оттого, что тѣхъ отроковъ, отъ пеленъ уча французскому языку, опасались учить молитвамъ на языкѣ, присвоенномъ Церковію, чтобы не испортили французскаго прононса.

этомъ отношеніи за воспитанниками естественнѣе всего надлежало бы возложить на священника, состоящаго при учебномъ заведеніи. Но очевидно, что напрасно было бы возлагать все это на одного человѣка. Посему весьма полезно было бы, чтобы при свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, напримѣръ при университетахъ и гимназіяхъ, состояли два, три священника, изъ коихъ одинъ или два могли бы преподавать, кромѣ христіанскаго ученія и какой либо другой, преподаваемый въ тѣхъ заведеніяхъ, учебный предметъ, напримѣръ философію. И что могло бы препятствовать такому учрежденію? Бывали и есть наставники при университетахъ и гимназіяхъ изъ воспитанниковъ духовныхъ академій. Почему же такіе воспитанники не могли бы быть наставниками какого либо другаго предмета, кромѣ христіанскаго ученія, будучи священниками? [1] Такое учрежденіе имѣло бы благотворное вліяніе на нравственность воспитанниковъ, внушая имъ большее, чѣмъ теперь, уваженіе духовнаго сана, убѣждая ихъ, что священники такъ же образованы, какъ свѣтскіе наставники. Вслѣдствіе такого убѣжденія учениковъ, и преподаваніе христіанскаго ученія имѣло бы въ глазахъ ихъ больше авторитета, между тѣмъ, какъ въ настоящее время ученики даже въ гимназіяхъ предполагаютъ, что ихъ законоучитель, кромѣ своего предмета, другихъ наукъ не знаетъ, и преподаетъ свой предметъ только потому, что такъ заведено. Наконецъ весьма было бы полезно относительно нравственнаго образованія юношества хотя нѣкоторое сближеніе свѣтскихъ училищъ съ епархіальными архіереями, какъ пастырями народа, среди котораго состоятъ гражданскія учебныя заведенія, чтобы преосвященные, по выраженію св. Писанія, могли глашать ихъ по имени, какъ агнцевъ духовнаго

---

[1] Однако, необходимо, чтобы такіе наставники и послѣ рукоположенія во священники оставались безприходными и только были приписаны къ какой либо приходской церкви, отнюдь не занимаясь ни череднымъ въ той церкви служеніемъ, ни исправленіемъ требъ христіанскихъ. Въ противномъ случаѣ они не могли бы быть исправными наставниками, такъ какъ приходскіе священники часто внезапно призываемы бываютъ для исправленія христіанскихъ требъ.

своего стада, а ученики хотя повременамъ внимали гласу своихъ архипастырей, между тѣмъ какъ о сю пору воспитанники не только университетовъ, но и гимназій, взираютъ на епархіальныхъ архіереевъ не болѣе, какъ на почетныхъ посѣтителей, бывающихъ у нихъ во время такъ называемыхъ актовъ!

Но, дѣйствуя какбы со всѣхъ сторонъ и употребляя всевозможныя мѣры, какія только могли бы удержать юношей отъ порока и утвердить ихъ въ доброй нравственности, преимущественно должно стараться, чтобы сердца ихъ всецѣло были проникнуты высокими истинами христіанскаго вѣроученія. Не одушевивъ же юношей тѣми истинами, требовать отъ нихъ строгаго исполненія нравственнаго закона—было бы то же, что строить зданіе на пескѣ, или говорить всецѣло разслабленному: «востани и ходи!» потому что только спасительныя истины нашей вѣры могутъ внушить человѣку столь сильныя побужденія къ любви Бога и ближняго, какихъ съ начала міра въ теченіе тысячелѣтій не изобрѣли ни законодатели, ни вся мудрость человѣческая, взятая въ совокупности. Такъ, одно Евангеліе изображаетъ Бога, объемлющимъ безпредѣльною любовію всѣ твари, и въ особенности родъ человѣческій; поучаетъ, что всѣ люди — братія, произшедшіе отъ одного родоначальника; что единородный Сынъ Отца небеснаго, изъ любви къ роду человѣческому, претерпѣлъ крестную смерть для облаженствованія человѣчества, основалъ для руководства нашего къ вѣчному спасенію св. Церковь и учредилъ въ ней благодатныя таинства, врачующія душевныя язвы и болѣзни вѣрующихъ и оживотворяющія насъ для жизни, сообразной съ волею Божіею, желаніемъ стремиться къ вѣчной, безконечно блаженной, жизни. Такими и другими спасительными истинами, возбуждая въ насъ чувство живѣйшей благодарности Богу за безпредѣльную Его къ намъ любовь, Евангеліе возжигаетъ въ насъ пламень чистѣйшей любви къ Богу, требуя любить Его всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею мыслію, а изъ любви къ Богу не только поступать съ ближними нашими съ такою любовію, съ какою желали бы мы, чтобы они поступали съ нами,

но даже, въ случаѣ нужды, жертвовать за нихъ всѣмъ нашимъ достояніемъ и самою жизнію. Кромѣ сего, такъ какъ мы по нашей природѣ, для побужденія къ благотворной дѣятельности, къ совершенію какого либо добраго дѣла, желаемъ имѣть въ виду какую либо отъ того пользу и награду, а для удержанія отъ нарушенія законовъ—угрозы наказанія, то христіанское ученіе, указывая съ одной стороны своимъ послѣдователямъ на вѣчныя неизреченныя награды, уготованныя благоугодившимъ Богу своею жизнію, угрожаетъ съ противной стороны преступникамъ закона Божія безконечно бѣдственнымъ ихъ состояніемъ въ вѣчности!

Но хотя христіанское ученіе открываетъ намъ даже непостижимыя тайны богопознанія, съ тою цѣлію, чтобы, принявъ ихъ сердечною вѣрою, могли мы усвоивать себѣ великія благодѣянія, изліянныя милосердіемъ Божіимъ въ лицѣ Іисуса Христа на родъ человѣческій, и возводитъ насъ въ такое состояніе, въ которомъ мы, пользуясь благодатными силами и средствами, могли бы пріобрѣсть вѣчное блаженство, для котораго предназначены и призываемся Евангеліемъ,—при всемъ томъ, его ученіе не уничтожаетъ въ насъ грѣховной закваски, или, лучше сказать, отравы, съ коею раждаемся и которая по сему именуется грѣхомъ прирожденнымъ. Вслѣдствіе сего, по сознанію и здраваго смысла, въ каждомъ изъ насъ постоянно сталкиваются двѣ враждебныя силы, связанныя узами нашей жизни, душевной и тѣлесной, духовной и вещественной, и каждый человѣкъ ощущаетъ въ себѣ такой перевѣсъ дурныхъ склонностей предъ добрыми, что духъ нашъ, состоя подъ бременемъ плоти, не находитъ въ самомъ себѣ достаточныхъ силъ для отраженія и побѣды надъ искушеніями, соблазнами и страстными увлеченіями. Вслѣдствіе сего, отъ знойнаго дыханія страстей и искушеній, въ умѣ нашемъ помрачаются спасительныя истины христіанскаго ученія, а душевныя силы разслабляются до того, что человѣкъ, опьянѣвъ какимъ либо страстнымъ вожделѣніемъ, дѣлается безумцемъ. И дѣйствительно, по выраженію старыхъ моралистовъ, грѣшникъ есть произвольный безумецъ: peccator

est stultus, потому что умъ нашъ, омраченный страстію, превращается какбы въ демона и, какъ самый опасный льстецъ, становится защитникомъ обладающей нами страсти, изыскивая мнимыя причины къ извиненію и даже оправданію пагубныхъ нашихъ желаній. Вмѣстѣ съ симъ грѣшникъ, обезсиленный тлетворною силою яда одурѣвающихъ и раздражающихъ нашу чувственность (представленіемъ въ воображеніи) мнимыхъ удовольствій грѣховныхъ, доходитъ до того бѣдственнаго состоянія, о которомъ еще язычники со скорбію говорили: o miseri, quorum gaudia crimen habent! [1]

По такимъ причинамъ крайне опасно скрывать отъ юношей опасности и какбы камни преткновенія нравственнаго, которые могутъ имъ встрѣтиться и встрѣчаются на пути жизни. Но необходимо, подражая Апостолу Павлу, Тертулліану, блаженному Августину и вообще святымъ отцамъ Церкви благовременно, безъ обиняковъ, указать молодымъ людямъ на искушенія и соблазны, могущіе увлечь ихъ въ грѣхопаденія. И для чего скрывать это отъ юношей, когда съ одной стороны учебныя заведенія, почти безъ исключенія, учреждены въ большихъ городахъ, въ которыхъ на всякомъ шагу юноши видятъ олицетворенные пороки, а журналисты открыто проповѣдуютъ развратъ и во всеуслышаніе приглашаютъ весь міръ къ мнимымъ удовольствіямъ грѣховнымъ? Съ другой стороны христіанское ученіе, и притомъ оно одно, не только доставляетъ оружіе къ отраженію искушеній и соблазновъ, а даже подаетъ средства къ освобожденію отъ рабства грѣховнаго. Посему для успѣха въ борьбѣ со страстями главнымъ образомъ должно стараться впечатлѣніемъ въ юношескомъ сердцѣ евангельскихъ правилъ образовать въ юношѣ умъ, хотя не блестящій, но настолько здравый, чтобы юноша былъ совершенно убѣжденъ, что нарушеніе нравственнаго закона, кромѣ поздняго раскаянія, угрызенія совѣсти, притупленія ума, истощанія жизненныхъ силъ, влечетъ за собою и другія самыя пагубныя послѣдствія; что по-

---

[1] Corn. Gallus. Eclog., 1.

работившійся страстямъ, рано или поздно, еще въ настоящей жизни поражается видимымъ наказаніемъ Божіимъ, какъ это доказываютъ отвратительныя, часто неисцѣльныя, болѣзни, а сверхъ того грѣшника ожидаетъ впереди безпредѣльная вѣчность, въ которой каждый человѣкъ, что посѣетъ въ настоящей жизни, то и пожнетъ. Вмѣстѣ съ симъ необходимо внушить юношѣ, чтобы онъ всячески избѣгалъ дурныхъ содружествъ; научите его бодрствовать надъ своими мыслями, чувствами и желаніями, такъ, чтобы онъ, какъ только возникнетъ въ его воображеніи дурной помыслъ, тотчасъ, нимало не медля, замѣнялъ его какимъ либо размышленіемъ полезнымъ, напримѣръ: объ изучаемомъ предметѣ, о судѣ Божіемъ, о замогильной своей участи и т. п., а при видѣ соблазновъ и столкновеній съ искушеніями, въ то же мгновеніе возносилъ умъ и сердце свое къ Богу, съ душевнымъ воплемъ о ниспосланіи благодатной силы для удержанія себя отъ беззаконія. Поступая такимъ образомъ, юноша и въ продолженіе предстоящей ему жизни всегда будетъ одушевляться рѣшимостію жертвовать всѣмъ для побѣды надъ дурными влеченіями своего сердца, если благовременно навыкнетъ слѣдовать материнскому руководству св. Церкви, подчиняться душеполезнымъ ея учрежденіямъ, обращаться къ спасительнымъ ея таинствамъ, въ ея нѣдрахъ искать врачевства къ заживленію душевныхъ язвъ своихъ и подкрѣпленія въ своихъ немощахъ, въ ея ученіи и примѣрахъ прославляемыхъ ею мужей почерпать мужество и одобреніе въ борьбѣ съ лукавымъ міромъ, исполненнымъ неправды, искушеній и соблазновъ, увлекающихъ къ нарушенію обязанностей, требуемыхъ въ общежитіи каждымъ состояніемъ.

Такое только образованіе можетъ воспитать и доставить лучшихъ членовъ для всякаго народнаго сословія, лучшихъ гражданъ для всякаго государства, усердныхъ исполнителей общественныхъ постановленій и законовъ во всякомъ родѣ правительства, непоколебимыхъ любителей правды, безкорыстныхъ ея служителей, мужественныхъ, неустрашимыхъ до самоотверженія, воиновъ, и вообще людей, жертвующихъ и достояніемъ, и

всѣми силами своими, и даже, въ случаѣ нужды, самою жизнію для блага общественнаго, потому что только вѣра въ божественныя истины священнаго Писанія, проповѣдуемыя св. Церковію, сообщаетъ человѣческимъ немощамъ то непоколебимое мужество, силою котораго христіанинъ возвышается надъ страстями, ни во вочто вмѣняетъ самыя трудныя жертвы и съ полнымъ самоотверженіемъ исполняетъ обязанности, возлагаемыя на него его положеніемъ въ общежитіи.

А спеціальное, спроситъ кто либо, образованіе юношей для военнаго, судейскаго и другихъ общественныхъ званій развѣ не нужно или безполезно?—Пусть оно нужно и полезно, равно какъ и всѣ науки естественныхъ знаній; но всего необходимѣе воспитаніе человѣка по Богу въ праведности и святости истины (Ефес. 4, 24), потому что съ однимъ христіанскимъ благочестіемъ соединено обѣтованіе Божіе возможнаго для человѣка благополучія въ настоящей жизни и вѣчнаго блаженства въ будущей (1 Тим. 5, 8).

Но могутъ еще возразить, что предполагаемое въ этомъ размышленіи воспитаніе лишитъ юношу всякаго рода удовольствій, сдѣлаетъ его безжизненнымъ, мертвымъ. Пустое опасеніе! Христіанское ученіе угрожаетъ гнѣвомъ Божіимъ только за грѣховныя удовольствія, за которыми слѣдуютъ томительное раскаяніе, досада, самоомерзѣніе, мучительная скука, лютыя терзанія совѣсти, необлегчаемыя никакими софизмами; порицаетъ удовольствія, которыя сокрушаютъ самое крѣпкое здоровье, доводятъ человѣка до скотскаго состоянія, помрачаютъ имя его позоромъ; осуждаютъ удовольствія, которыхъ слѣдствіемъ бываютъ дуэли и самоубійства,—которыя причиняютъ родителямъ утопающаго въ мірскихъ удовольствіяхъ неутѣшную скорбь и убійственное сокрушеніе духа, а роднымъ стыдъ и безчестіе, вносятъ въ семейства раздоръ и растлѣніе нравовъ, доводятъ своевольника до расточенія наслѣдственнаго имѣнія и уничижительной нищеты, и подвергаютъ его всеобщему презрѣнію. А что христіанское ученіе не воспрещаетъ всѣхъ земныхъ удовольствій, очевидно изъ того, что оно же указываетъ на бракъ въ Канѣ галилей-

ской, на которомъ, по приглашенію, не только не отказался присутствовать Іисусъ Христосъ, начальникъ и совершитель нашей вѣры, но еще, по просьбѣ пречистой своей Матери, въ первый разъ открыто совершилъ чудо, претворивъ воду въ вино, для возвышенія радости и веселія присутствовавшихъ на томъ бракѣ. Не на самыя ли пріятныя удовольствія указываетъ христіанское ученіе, удостовѣряя, что на благочестивыхъ семействахъ почиваетъ благословеніе Божіе, источникъ истиннаго земнаго счастія и отрады? А какое удовольствіе доставляетъ нашему сердцу благотвореніе удрученнымъ нищетою, облегченіе участи страждущихъ и вообще добрыя дѣла! Совокупно съ ревностнымъ исполненіемъ обязанностей христіанина, требуемыхъ его званіемъ для блага общественнаго, и свѣдѣнія, пріобрѣтенныя образованіемъ, доставляютъ человѣку истинное удовольствіе отраднымъ сознаніемъ, что его юношескія лѣта не потеряны въ суетѣ и праздности. Но самое безцѣнное наслажденіе сердца, какого не въ состояніи доставить человѣку всѣ мірскія удовольствія, воспитанный въ правилахъ христіанскаго благочестія будетъ почерпать въ томъ невыразимо сладостномъ чувствѣ, которое въ божественномъ откровеніи именуется страхомъ Божіимъ,—которымъ руководствуясь, истинный христіанинъ опасается оскорбить благость Божію преступленіемъ Его заповѣдей, сознаетъ, что онъ дѣйствуетъ въ чувствѣ вездѣприсутствія Божія и шествуетъ путемъ божественныхъ оправданій. Такое сознаніе столь сладостно для нашего сердца, что усиливавшіеся благоугодить Богу своею жизнію, пламенно молились, чтобы благодать Божія всегда сохраняла ихъ въ чувствѣ страха Божія. *Возвесели насъ,* взывали они къ Богу, *во еже боятися имене Твоего* (Псал. 85, 11) [1]. Такое чувство было столь вожделѣнно для святыхъ потому, что оно низводитъ въ сердце тотъ пренебесный, сладостный миръ, которымъ наслаждаясь, человѣкъ вполнѣ довольствуется всякимъ положеніемъ своимъ въ мірѣ, чувствуетъ себя счастливымъ во всякомъ состояніи, въ высокомъ и низкомъ, въ богатствѣ и нищетѣ, и сверхъ того предощущаетъ наслаж-

[1] Свѣтильничныя молитвы на вечерни, 1.

деніе вѣчнымъ блаженствомъ; а въ сравненіи съ такимъ предчувствіемъ ничего не стоятъ всѣ временныя бѣдствія и страданія, которыя иногда постигаютъ и праведниковъ, для испытанія ихъ въ любви Божіей.

Итакъ, необходимо основательное образованіе науками для надлежащаго исполненія обязанностей всякаго званія въ общежитіи; но только умъ, озаренный свѣтомъ христіанскаго ученія, можетъ одушевить человѣка дѣятельностію истинно полезною для человѣчества, вполнѣ соотвѣтственною призванію самого дѣятеля. Истина сего очевидна изъ того, что только умъ, усвоившій себѣ всѣмъ сердцемъ спасительныя истины христіанскаго вѣроученія имѣетъ всегда въ виду самыя сильныя побужденія вѣры и могучую крѣпость управлять своею волею по указаніямъ божественнаго закона, изложеннаго въ Евангеліи, заставляетъ трудиться для блага общественнаго, довольствоваться всякимъ положеніемъ въ мірѣ, искать благодатнаго утѣшенія въ скорби, а въ случаѣ грѣховнаго преткновенія — вѣрнаго врачевства душевныхъ недуговъ въ нѣдрахъ Церкви Христовой, возставать и снова подвизаться на твореніе добрыхъ дѣлъ. Открывая же своимъ послѣдователямъ тайну довольства всякимъ на землѣ ихъ положеніемъ, христіанское ученіе вмѣстѣ съ тѣмъ водворяетъ въ сердцѣ ихъ такой миръ и усладу, какихъ не въ состояніи доставить человѣку всѣ мірскія радости и удовольствія! Чего же больше требовать, если юноша можетъ достигнуть такого душевнаго состоянія истинно христіанскимъ воспитаніемъ?

СОВѢСТЬ.

Совѣсть есть такое чувство души, которое опредѣляетъ качество нравственныхъ нашихъ дѣйствій, хороши ли они или худы, и заслуживаютъ ли одобреніе или осужденіе, награду или наказаніе. Она врождена каждому изъ насъ,—и для каждаго изъ насъ есть внутренній неотступный свидѣтель, убѣждающій насъ въ бытіи верховнаго, всевѣдущаго Законодателя, который, вселивъ ее въ грудь нашу, назираетъ съ высоты не только человѣческія дѣла, но даже движенія ума нашего, и потребуетъ отъ насъ отчета во всемъ томъ, что мы дѣлали, о чемъ помышляли и чего желали.

Къ сожалѣнію, по причинѣ поврежденія грѣхомъ нашей природы, совѣсть сама по себѣ не имѣетъ крѣпкой, неослабной силы управлять нашею волею, желаніями и склонностями; она прежде нашихъ проступковъ весьма рѣдко указываетъ на ихъ гнусность, а обличаетъ и порицаетъ насъ въ нихъ уже послѣ совершенія ихъ. Кромѣ того, небрежное или превратное воспитаніе, увлеченіе страстями, жажда плотоугодія, раздраженная похотію чувственность, также лживыя мнѣнія, суевѣріе, невѣріе, кощунство окружающихъ насъ, превратные общественные обычаи, предразсудки, пороки и соблазны, помрачая нашъ разумъ и подавляя душевныя силы, ослабляютъ это врожденное намъ чувство, данное намъ для познанія Бога всеблагаго и правосуднаго, и доводятъ иногда до того, что человѣкъ часто колеблется недоумѣніемъ, какъ поступить ему въ своихъ об-

стоятельствахъ, или, не помышляя о посмертномъ вѣчномъ бытіи своемъ, увлекшись распутствомъ, неудержимо предается порокамъ до того, что, истощивъ душевныя и тѣлесныя свои силы, теряетъ невозвратно свое здоровье и доходитъ до безнадежнаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія.

А бываетъ и такое превратное направленіе совѣсти, что человѣкъ самыя злодѣянія считаетъ угодными Богу, какъ напр. служители римской, особенно испанской инквизиціи – были увѣрены, что, терзая самыми мучительными пытками и торжественно сожигая свои жертвы, они тѣмъ самымъ благоугождали Богу. Природные дикіе американцы, умерщвляя и пожирая престарѣлыхъ своихъ родителей, также убѣждены, что тѣмъ совершаютъ доброе дѣло; потому что избавляютъ ихъ отъ мучительныхъ старческихъ немощей.

Впрочемъ, несмотря на упомянутыя искаженія и слѣпоту совѣсти, она никогда совершенно не теряетъ своей силы. Поэтому даже язычники, хотя не имѣли положительнаго, Богомъ откровеннаго, закона,—по внушенію внутренней своей природы или совѣсти, многія дѣла совершали сообразно съ закономъ, и тѣмъ проявляли, что дѣла закона написаны въ сердцахъ ихъ, какъ свидѣтельствовала ихъ совѣсть и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую (Рим. 2, 14. 15). Даже не извинительны они и безотвѣтны были въ томъ, что не познавали истиннаго Бога чрезъ разсматриваніе окружавшей ихъ природы, но, осуетившись помышленіями своими, славу нетлѣннаго Бога измѣнили во образъ, подобный тлѣнному человѣку, птицамъ, четвероногимъ и пресмыкающимся, воздавая имъ божеское поклоненіе (Рим. 1, 21—28).

Вообще заглушить совершенно голосъ совѣсти не сильны ни забавы, ни наслажденія и удовольствія мірскія, ни роскошь, ни угожденіе страстямъ. Такъ Иродъ царь, услышавъ о чудесахъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ, полагалъ, что ихъ совершаетъ Іоаннъ креститель, котораго онъ (Иродъ) обезглавилъ (Матѳ. 6, 16), потому, конечно, что совѣсть нерѣдко представляла взору Ирода истекающую кровію главу Іоанна крестителя, укоряя его

за то, что онъ неправедно умертвилъ великаго праведника. Фарисеи привели на судъ Спасителя женщину, взятую въ прелюбодѣяніи; но когда Онъ изрекъ имъ: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый брось на нее камень», они, обличаемые озаренною божественнымъ взоромъ Господа совѣстію, тотчасъ ушли, оставивъ женщину (Іоан. 8, 3. 7. 9). А гибельные опыты доказываютъ, что круженія, наслажденія и удовольствія мірскія, особенно развратъ, производятъ въ сердцѣ нераскаяннаго грѣшника невыразимое томленіе, скуку, досаду и такое омерзѣніе къ самому себѣ, что онъ—или отъ истощенія своихъ жизненныхъ силъ внезапно умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ, или доходитъ до того, что, изнеможенный, усталый, опротивѣвъ самому себѣ, считаетъ себя недостойнымъ жизни, и, терзаемый отчаяніемъ, прекращаетъ земную жизнь свою самоубійствомъ.

Отъ столь бѣдственной участи спасаетъ прилежное упражненіе въ чтеніи божественнаго Евангелія и вообще св. Писанія. Размышленіе о вѣчныхъ, содержащихся въ немъ, истинахъ, при содѣйствіи благодати Божіей, можетъ сообщить совѣсти почти такое вѣдѣніе своихъ обязанностей и направленіе своихъ поступковъ, какими обладалъ человѣкъ въ состояніи невинности, до потери оной грѣхопаденіемъ. Только, озаряемая свѣтомъ евангельскаго ученія, обновленная благодатію Божіею, совѣсть непогрѣшительно указываетъ на наши обязанности, вѣрно разрѣшаетъ въ предстоящихъ намъ поступкахъ представляющіяся недоумѣнія, и ведетъ насъ прямою стезею къ вѣчному нашему предназначенію. Поэтому только внимательный послѣдователь Евангелія прилагаетъ всѣ усилія къ пріобрѣтенію познанія того, въ чемъ состоитъ воля Божія, благая и совершенная, и, по мѣрѣ силъ своихъ, вспомоществуемый благодатію Духа Святаго, исполняетъ волю Божію, побуждаемый пламенною любовію къ Богу и искреннею любовію къ ближнему. А «если сердце наше не осуждаетъ насъ: то мы, по выраженію возлюбленнаго ученика Христова, имѣемъ дерзновеніе къ Богу, и чего ни попросимъ, получаемъ отъ Него: потому что соблюдаемъ заповѣди Его, и дѣлаемъ благоугодное предъ Нимъ» (1 Іоан. 3, 21. 22).

Но вся жизнь нераскаяннаго грѣшника, даже тогда, когда повидимому всѣ желанія его осуществляются, отравлена невыразимою горестію. Наслажденія и утѣхи его, которымъ онъ предается, распутство, въ коемъ, какъ въ грязи, онъ валяется, проникнуты жгучимъ ядомъ омерзѣнія, терзаютъ его тѣмъ несноснѣйшею досадою, чѣмъ болѣе пресыщается онъ мгновенною усладою своихъ беззаконій, чѣмъ болѣе возрастаетъ, усиливается пламень его желаній, страстей, прихоти: потому что онѣ безмѣрны, необузданны. Душа погрязшаго въ порокахъ грѣшника тѣмъ болѣе томится омерзительностію своего существованія, чѣмъ яснѣе усматриваетъ онъ свое безсиліе избавиться собственными силами отъ омерзительныхъ своихъ навыковъ. Мысль о протекшей, грѣховной, пустой его жизни представляется ему бредомъ сумасшествія, однимъ исчезнувшимъ мгновеніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко укоряетъ его въ напрасной, безумной растратѣ даннаго ему времени и силъ. Тогда предъ взоромъ его сознанія является ничтожнымъ все очарованіе обольщавшаго его міра; а лишеніе здоровья, ощущеніе истощенія всѣхъ силъ своихъ, гнусность отвратительныхъ грѣховъ давитъ нестерпимымъ бременемъ. Онъ терзается мыслію, что сдѣлался мученикомъ суеты и беззаконія. Онъ желалъ бы безслѣднаго уничтоженія существа своего, но невольно, вопреки своему невѣрію, коимъ прежде успокоивался, вопреки всѣмъ софизмамъ безбожія, предчувствуетъ вѣчное свое горе и безконечныя страданія: потому что взору его неотразимо представляются всѣ грѣхи и беззаконія протекшей его жизни,—представляются и опрометчивость его отрочества, и безпутное своеволіе юности, и соблазны и грѣхопаденія мужества, а иногда и постыдное растлѣніе грѣховной его старости.

Такъ, хотя міръ и образъ его ежеминутно измѣняется, преходитъ, хотя сокрушаются царства, исчезаютъ цѣлые народы, обращаются въ пыль пирамиды, памятники гордости человѣческой, и возвышающіеся чуть не до небесъ города, а вопли совѣсти нераскаяннаго грѣшника не умолкаютъ въ чувствѣ сознанія его, память не предаетъ забвенію грѣховъ и беззако-

ній его: они будто змѣи клубятся въ груди его, язвятъ, терзаютъ его сердце; какъ страшные драконы, лишаютъ его сна, не даютъ ему спокойствія ни на одно мгновеніе. О, страшно пробужденіе неумолимой совѣсти, когда она какъ будто желѣзными оковами охватитъ душу беззаконника, чтобъ неусыпно сторожить его, какъ узника! Бѣдный! Онъ тогда страшится всего, что его окружаетъ, и трепещетъ, будто въ рукахъ жаждущихъ крови разбойниковъ. Терзаемый совѣстію, онъ не смѣетъ вознесть взоръ свой на небо,—блескъ молніи грозитъ ему ударами громовъ правды Божіей; наводненіе, проливные дожди устрашаютъ его потопомъ, готовымъ поглотить его; завываніе вѣтра отзывается въ душѣ его воплями обиженныхъ имъ, въ уныломъ голосѣ ночной птицы ему слышится злословіе и проклятіе соблазненныхъ имъ; малѣйшій шорохъ ужасаетъ его; страшныя видѣнія и призраки тревожатъ его; ему кажется, что земля не можетъ уже носить его, что она внезапно разверзется и поглотитъ его въ своихъ нѣдрахъ; нигдѣ, ни въ чемъ не находитъ онъ ни довольства, ни мирнаго отдохновенія; внутренній судія отравляетъ всѣ минуты его жизни, отравляетъ желчію пищу и питіе его, отравляетъ самое дыханіе, до того, что ему мнится, что даже воздухъ зараженъ тлетворными испареніями его грѣховъ и беззаконій!

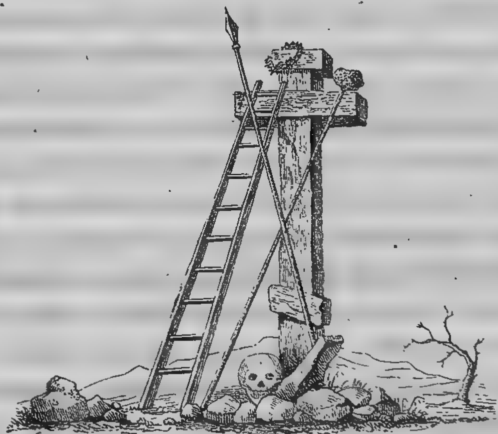
Вотъ почему вѣнценосный пророкъ не угрожаетъ грѣшнику ни вѣчными муками, ни геенною огненною, а только грозитъ ему отъ лица Божія: *обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Псал. 49, 21). Значитъ, предъ взоромъ грѣшника какбы олицетворятся въ свое время всѣ виды грѣховъ его въ мысляхъ, словахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ, все гнусное, омерзительное сцѣпленіе его беззаконныхъ поступковъ. Не явно ли изъ сего, что при видѣ всей совокупности грѣховъ и лютыхъ беззаконій своихъ, нераскаянный грѣшникъ увидитъ въ лицѣ своемъ самое отвратительное чудовище, самое ужасное страшилище, которое само себя будетъ терзать самыми тяжкими, непрестанными муками. А если олицетворенное въ немъ отображеніе грѣховъ его, сообразно съ безсмертною его природою,

продолжится вѣчно, вѣчно будетъ представляться предъ очами его: то состояніе грѣшника въ вѣчности будетъ самое безотрадное, мучительное, до того, что хотя бы онъ и не былъ низверженъ въ геенну огненную, все таки былъ бы самымъ несчастнымъ: совѣсть его, какъ неусыпный червь, постоянно грызла бы, терзала бы его; жгучій ядъ грѣховъ его не пересталъ бы опалять его во все продолженіе безконечной вѣчности!

Но доколѣ благость Божія еще терпитъ на землѣ грѣшника, доколѣ смерть не пресѣкла еще дней его жизни,—дотолѣ угрызенія и муки, причиняемыя ему совѣстію, могутъ быть еще облегчены; горечь сердца его можетъ еще усладиться, если онъ, одушевившись твердымъ упованіемъ на безпредѣльное милосердіе Божіе, при содѣйствіи испрошенной пламенными молитвами и воздыханіями благодати Духа Святаго, усвоитъ крѣпкою вѣрою крестныя страданія и смерть Іисуса Христа, которыя Онъ претерпѣлъ для оправданія кающагося грѣшника, предъ вѣчною правдою Божіею, и съ сокрушеннымъ сердцемъ повергнется къ стопамъ Спасителя, умоляя о прощеніи грѣховъ своихъ и помилованіи. А надежду на милосердіе Божіе можетъ возбудить и укрѣпить въ немъ примѣръ упомянутой въ Евангеліи грѣшницы, омывшей съ раскаяніемъ во грѣхахъ ноги Спасителя,—примѣръ любвеобильнаго отца, съ любовію принявшаго къ себѣ раскаявшагося блуднаго сына,—примѣръ апостола Петра, принятаго опять въ свѣтлый ликъ Апостоловъ, послѣ троекратнаго отреченія отъ Христа Спасителя,—примѣръ благоразумнаго разбойника, котораго вѣра и раскаяніе въ прежней грѣховной жизни,—со креста вознесли на небо.

И блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнилъ грѣха, коего беззаконія прощены, чьи грѣхи покрыты заслугами Спасителя (Псал. 31, 1. 2),—кому, по вѣрѣ его, Отецъ небесный вмѣняетъ праведность Господа нашего Іисуса Христа! Такой человѣкъ ощущаетъ въ сердцѣ своемъ сладостное успокоеніе совѣсти, примиренной ходатайствомъ Спасителя съ вѣчнымъ правосудіемъ Божіимъ, и—въ какомъ бы ни былъ состояніи, пріемля отъ руки Божіей всѣ, случающіяся съ нимъ въ жизни,

приключенія, самыя горестныя, переноситъ ихъ благодушно, какъ дѣйствія отеческой любви къ нему Господа. Стократъ блаженнѣе тотъ, кто, постоянно стараясь благоугождать Богу своею жизнію, можетъ говорить, подобно апостолу Павлу: «похвала моя—свидѣтельство совѣсти моей (2 Кор. 1, 12)»; а при концѣ жизни своей сказать: «подвигомъ добрымъ подвизался я, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ. Теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь въ день пришествія своего судить живыхъ и мертвыхъ (2 Тим. 4. 6—8).»

ГЛАСНОСТЬ.

Современныя толки о занимающихъ общество нуждахъ не могутъ не обращать на себя вниманія и духовенства отечественной Церкви, потому что духовныя лица, какъ земные жители, считаются также членами обществъ и гражданами государства. Правда, что они, по своему званію, должны быть только провозвѣстниками Евангелія и служителями царства Христова, которое не отъ міра сего; но Евангеліе, воспрещая имъ вмѣшиваться въ дѣла мірскія, требуетъ отъ нихъ, какъ отъ своихъ служителей, постоянно во время и не во время провозглашать высокія христіанскія истины, которыя, проникая въ народный духъ и озаряя человѣческія общества истиннымъ богопознаніемъ, устремляютъ умъ и сердце своихъ послѣдователей къ вѣчному ихъ назначенію, достойному существа разумно-свободнаго, внушаютъ народнымъ правителямъ человѣколюбіе, смягчаютъ и облагороживаютъ дикіе нравы, соединяютъ разноплеменные народы союзомъ любви божественной. Поэтому и духовныя лица, не вмѣшиваясь въ дѣла мірскія, но взвѣшивая общественные толки и желанія, обязаны сообщать имъ направленіе, сообразное съ духомъ Евангелія ревностнымъ проповѣданіемъ животныхъ его истинъ.

Въ настоящее время русская журнальная литература принялась ревностно провозглашать необходимость гласности, или открытаго общественнаго мнѣнія о дѣйствіяхъ служителей гражданскаго порядка, удостовѣряя, что только гласность заставитъ

людей быть безкорыстными исполнителями закона, и въ судахъ водворитъ безпристрастное, нелицепріятное правосудіе. Но осуществятся ли такія надежды, если служители общественнаго порядка и правосудія не будутъ проникнуты спасительными истинами христіанскаго ученія?

I.

Гг. журналисты, провозглашающіе необходимость гласнаго мнѣнія о дѣйствіяхъ блюстителей общественнаго порядка, вѣроятно, судятъ объ этомъ только по теоріи, закупорившись въ своихъ кабинетахъ; потому что, живя въ любомъ, не только губернскомъ, но даже уѣздномъ, городѣ, они легко удостовѣрились бы, что на Руси повсемѣстно въ собраніяхъ и семейныхъ кругахъ открыто говорятъ и судятъ о всѣхъ злоупотребленіяхъ служителей закона и блюстителей общественнаго спокойствія. Въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ почти каждый мѣстный обитатель по пальцамъ перечтетъ всѣхъ мѣстныхъ взяточниковъ, разскажетъ, по какому случаю и на какой счетъ такой-то господинъ завелъ вѣнскую коляску, выстроилъ новый домъ, украсилъ его роскошною мебелью; изъ какого источника такая-то чиновница заняла денегъ для покупки богатой шали, или устроила въ своемъ домѣ великолѣпный балъ; каждый житель въ состояніи сообщить любопытному, будто бы по секрету, сколько такой-то господинъ получилъ преждевременной благодарности за то, что предоставилъ казенную оброчную статью за такимъ-то подрядчикомъ; почему подрядъ на постройку такого-то казеннаго зданія успѣлъ взять на себя такой-то, хотя являлись на торги того подряда люди благонадежнѣйшіе; почему такому-то жителю переулка, коего всѣ зданія запрещено починять, какъ предназначенныя къ сломкѣ, дозволено обновить ветхій его домишко, а другимъ не дозволяется. Въ западныхъ губерніяхъ стоитъ только проѣзжему выдумать какое нибудь тяжебное или подрядное дѣло и, прикинувшись предъ какимъ нибудь жидомъ-факторомъ, попросить его совѣта въ этомъ отношеніи: жидъ тотчасъ, за

ничтожную награду, укажетъ всѣ пути къ успѣшнѣйшему устроенію того дѣла,—наставитъ, кого чѣмъ, и какимъ образомъ надобно задобрить, чтобы предпріятіе уладить и довершить по желанію. Вообще стоитъ только вслушаться въ подобные толки, и всякій убѣдится, что о мѣстныхъ происшествіяхъ вездѣ судятъ довольно гласно: да что въ этомъ толку-то?

Правда, сужденія о дѣйствіяхъ служителей общественной безопасности частію не что иное, какъ сплетни, проистекающія отъ праздности мѣстныхъ жителей; но тѣ сплетни почти всегда имѣютъ основаніе въ дѣйствительности, потому что злоупотребленія совершаются по заведенному обычаю, какъ будто наслѣдственно. Даже представляется, что такое положеніе общества въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ самое нормальное и не можетъ измѣниться къ лучшему; ибо общественное мнѣніе и пересуды никому не вредятъ, никого не удерживаютъ отъ взяточничества, лихоимства и казнокрадства. Напротивъ умѣвшіе нажить хотя бы и беззаконно прекрасное состояніе пользуются почетомъ и наружнымъ уваженіемъ. Познакомьтесь коротко съ жителями какого угодно города, зайдите въ любой домъ, въ каждомъ почти нѣтъ другихъ бесѣдъ, какъ о какой нибудь противузаконной сдѣлкѣ, за которую такой-то получилъ столько-то, или о какомъ либо выгодномъ предпріятіи, за утвержденіе коего тотъ-то пріобрѣлъ уже немалую выгоду. Но вотъ, нечаянно, въ тотъ домъ или общество входитъ дѣлецъ, бывшій предметомъ разговора. Что же? Его встрѣчаютъ, повидимому, съ искреннимъ радушіемъ, пожимаютъ ему руку, просятъ садиться на почетное мѣсто, заботливо спрашиваютъ его о здоровьѣ. Случается даже, что въ присутствіи такого дѣльца искусно ведутъ бесѣду о противузаконныхъ его дѣлишкахъ; но онъ, будто не понимая, о чемъ и о комъ говорятъ, спокойно улыбается или указываетъ на кого нибудь другаго, по выраженію баснописца:

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

И зачѣмъ такимъ людямъ совѣститься? чего бояться имъ?

Если соблюдены всѣ формы закона, запрятаны всѣ концы слѣлки, то взяточникъ считаетъ себя совершенно правымъ, по извѣстной пословицѣ: «не пойманъ—не воръ!» Такое искусство наживать деньги, не разсчитывая средствъ, почитается даже добродѣтелію, которую зовутъ гражданскою честностію и съ которою лихоимство, взятки, казнокрадство, не уличенныя судебнымъ порядкомъ, уживаются какъ нельзя лучше. Въ столицахъ безсовѣстнымъ дѣльцамъ еще легче богатѣть на счетъ смиренныхъ жителей, которые потовыми трудами пріобрѣтаютъ хлѣбъ насущный, потому что въ столицахъ ежедневныя зрѣлища, цирки, оперы, концерты, балы и тысяча новостей постоянно развлекаютъ общественное вниманіе и заглушаютъ возникшее о комъ нибудь дурное мнѣніе. А если гдѣ нибудь въ углу и заговорили бы о низостяхъ инаго служителя законовъ, то сужденіе о немъ честныхъ людей похоже было бы на пискъ комара во время раскатовъ молніи и грома.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что общественное мнѣніе не сильно пресѣчь злоупотребленія, совершаемыя безсовѣстными служителями законовъ, что человѣческій умъ, и самый возвышенный, не въ состояніи придумать вѣрное средство, которымъ можно было бы заставить ихъ быть вѣрными своему долгу.

Но провозглашеніе въ газетахъ и журналахъ о разныхъ злоупотребленіяхъ развѣ не будетъ имѣтъ силы подавить ихъ?— Оно принесетъ столько же пользы, если не менѣе, какъ и изустное общее мнѣніе, особенно если въ газетахъ станутъ говорить объ одномъ и томъ же pro и contra. Что могутъ произвесть газетныя объявленія и даже обдуманныя сочиненія благомыслящихъ, если самое общество безнравственно, если источникъ зла таится въ его превратныхъ мнѣніяхъ и дурныхъ нравахъ? Римскую имперію удержали ли отъ совершеннаго распаденія сатиры Ювенала и историческія картины тогдашней безнравственности, начертанныя Саллюстіемъ, Светоніемъ, Тацитомъ? Сочиненія этихъ писателей остались только памятниками современнаго имъ отчаяннаго состоянія Рима. Въ Россіи люди умные еще во времена Екатерины II начали

язвительными сатирами преслѣдовать злоупотребленія законниковъ, напримѣръ: въ журналѣ «Живописецъ», въ «Перепискѣ бѣсовъ хромаго и криваго», и т. д. Подобнаго рода статьи являлись и въ царствованіе Александра I и въ началѣ царствованія Николая I. Да одинъ покойный Булгаринъ написалъ едвали не болѣе остроумныхъ, сатирическихъ статей о взяткахъ и злоупотребленіяхъ законами, чѣмъ г. Щедринъ съ братіею. Что же? всѣ эти статьи и сочиненія обратили ли кого нибудь на путь правды и добросовѣстности? Никого. Онѣ послужили только урокомъ для тѣхъ взяточниковъ, которые по этой части не пріобрѣли еще опытности; а въ обществахъ читали ихъ для забавы.

И можно ли имѣть надежду, что общественное мнѣніе будетъ когда нибудь бичемъ злоупотребленій, взяточничества, казнокрадства, — пока всякій внутренно сознается, что онъ въ обстоятельствахъ взяточника и лихоимца дѣйствовалъ бы подобно имъ? Пожалуй, иной станетъ шумѣть, возставать противъ неправды и злоупотребленія власти, но только изъ зависти, почему не онъ наживается противозаконными способами. А чего еще ожидать отъ повсемѣстнаго распространенія новѣйшихъ, гегеліанскихъ мнѣній, по которымъ каждый прогрессистъ, чрезъ отрицаніе отрицанія, достигаетъ самообожанія, или тождественности съ Богомъ, отвергаетъ всякое различіе между добромъ и зломъ, утверждаетъ, что добро въ себѣ и зло въ себѣ совершенно необходимые способы жизни каждаго человѣка; что противоположные поступки, хорошіе и дурные, совершенно тождественны, и т. д.? Между тѣмъ такія мнѣнія почти вездѣ провозглашаются дружно, ревностно, какбы по нѣкоему обдуманному плану, заражаютъ общества людей болѣе образованныхъ, проводятся въ самыя села, съ нескрываемымъ намѣреніемъ расторгнуть всѣ общественныя связи, потрясти основы общежитія, уничтожить силу божественныхъ и гражданскихъ законовъ, внесть раздоръ и ядъ разврата въ семейства, разнуздать своеволіе, воцарить повсюду безнравственность, довесть общества до звѣрской дикости!

Отъ столь гибельнаго прогресса могло бы еще спастись общество истиннымъ христіанскимъ, православнымъ ученіемъ, если бы всѣ состоянія всецѣло проникнуты были высокими его истинами и всемѣрно старались идти путемъ христіанскаго оправданія предъ Богомъ. За несомнѣнность такой надежды ручается первенствующая Христова Церковь. Въ началѣ христіанства, когда языческія общества совершенно растлились, гражданскіе законы утратили свою силу, когда повсюду свирѣпствовали беззаконія и человѣчество стремилось къ окончательной гибели, одно христіанское ученіе могло одушевить своихъ послѣдователей самоотверженіемъ для блага ближнихъ, олицетворить въ христіанахъ столь высокія добродѣтели и подвиги, о какихъ языческая мудрость и не грезила,—насадило между христіанами такіе чистые, святые нравы, что исповѣдники Іисуса Христа святостію своей жизни сіяли подобно свѣтиламъ; соединило непоколебимою вѣрностію супружескіе ихъ союзы, возвысило и облагородило званіе отцовъ и матерей, внушило дѣтямъ искреннюю сыновнюю любовь и почтеніе къ родителямъ; научило юношество цѣломудрію, скромности и уваженію сѣдинъ; заставило запечатлѣнныхъ именемъ Христовымъ быть точными исполнителями и гражданскихъ законовъ, однимъ словомъ—образовало и связало общества столь крѣпкимъ союзомъ любви, что они сдѣлались ядромъ новыхъ, доселѣ цвѣтущихъ, царствъ и народовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что если бы и въ наше время общества усвоили себѣ высокія истины христіанскаго вѣроученія, олицетворили въ своихъ нравахъ заповѣди Божіи, то общественное мнѣніе было бы грознѣе для служителей общественнаго порядка, чѣмъ самые строгіе законы; что оно, заклеймивъ позоромъ криводушныхъ исполнителей закона и лихоимцевъ, не терпѣло бы ихъ въ обществѣ гражданъ и извергло бы ихъ изъ нѣдръ своихъ, по завѣщанію св. Апостола, который говорилъ коринѳянамъ: *измите злаго отъ васъ самѣхъ* (1 Кор. 5, 13). И правило это тѣмъ удобнѣе могло бы быть приведено въ исполненіе, что и отечественные наши законы уполномочиваютъ поступать подобнымъ образомъ.

II.

Собщитъ ли гласность непреодолимую силу законамъ и правосудію?

Въ самой глубокой древности судопроизводство совершалось открыто, при вратахъ города, которыя строились, по мѣстнымъ способамъ, сколько можно было, величественныя и, для защиты города отъ непріятельскихъ нападеній, сильно укрѣплялись. На такой обычай рѣшенія дѣлъ указываетъ праведный Іовъ, говоря о себѣ: «Бывало когда я выходилъ ко вратамъ города и на площади ставилъ себѣ стулъ, юноши, увидѣвъ меня, (изъ уваженія), прятались, а старики вставали и стояли, князи прекращали рѣчь, и руку полагали себѣ на уста; голосъ знатныхъ умолкалъ, и языкъ ихъ прилипалъ ко устамъ; ухо, слушая, превозносило меня: потому что я зналъ вопіющаго страдальца и сироту безпомощнаго» (29, 7—12). А указывая на свое обращеніе съ подсудимыми, Іовъ спрашиваетъ: «Грозилъ ли я сиротѣ рукою, потому что видѣлъ уваженіе къ себѣ у воротъ» (31, 2—1)? Въ книгѣ Руѳь находимъ, что Воозъ, предокъ царя Давида, изъявилъ согласіе купить поле, принадлежащее умершему его родственнику, и, по праву ужичества, жениться на вдовѣ его Руѳи (такъ какъ другой родственникъ, по ближайшему родству, имѣлъ на это болѣе права), вышелъ къ городскимъ вратамъ, пригласилъ того родственника и при десяти свидѣтеляхъ спросилъ его: согласенъ ли онъ взять поле умершаго и жениться на вдовѣ его? Когда же тотъ отказался, Воозъ женился на Руѳи и присвоилъ поле, принадлежавшее его родственнику (Руѳь 4, 1. 10).

Вообще въ древности, не только въ Азіи, но и въ южной Европѣ, напримѣръ въ Греціи, судопроизводства совершались открыто и гласно, потому что жители теплыхъ странъ входили въ свои дома только для подкрѣпленія себя пищею и сномъ, а остальное время проводили на открытомъ воздухѣ. Что же? господствовало ли у нихъ безкорыстное, нелицепріятное правосудіе? То же происходило, что и теперь бываетъ въ нѣкото-

рыхъ судебныхъ палатахъ: иному оказываема была полная справедливость, а другой невинно страдалъ отъ неправды. Изъ исторіи, напримѣръ, извѣстно, что когда въ Аѳинахъ архонты ареопага предложили народу подавать голоса о томъ, нести ли Аристиду и впредь возложенную на него общественную должность, или не только лишить его должности, но и изгнать изъ отечества,—одинъ простолюдинъ, встрѣтившись съ Аристидомъ, котораго онъ никогда не видывалъ, просилъ его, чтобы онъ написалъ на подаваемомъ ему черепкѣ: изгнать Аристида. Когда же послѣдній спросилъ простолюдина: чѣмъ оскорбилъ его Аристидъ?—этотъ отвѣчалъ: изгнать его, потому что мнѣ надоѣло слушать, какъ это всѣ называютъ его справедливымъ. Въ другой разъ, исправляя одну изъ главныхъ общественныхъ должностей, Аристидъ какбы не обращалъ вниманія на своекорыстныя и противозаконныя дѣйствія архонтовъ; однакожъ, когда кончился срокъ его службы, снова былъ избранъ и въ прежнюю должность. Но, узнавъ объ этомъ, онъ отказался и сказалъ: «не хочу долѣе исправлять возложенное на меня дѣло, потому что въ первый срокъ моей службы, бывъ строгимъ блюстителемъ законовъ и никого не допуская пользоваться общественною казною, я едва не былъ осужденъ вами на изгнаніе, а во второй—, смотря сквозь пальцы, какъ архонты расхищали общественную казну, я заслужилъ ваше одобреніе. Это противно моей совѣсти». Столь же несправедливо было общественное мнѣніе аѳинянъ не только по отношенію къ другимъ сановникамъ, оказавшимъ услуги отечеству, но и по отношенію къ мудрецамъ, распространявшимъ въ народѣ, по мѣрѣ своихъ силъ, свѣтъ истины и старавшимся улучшить народные нравы. Не открыто ли Сократъ осужденъ былъ ареопагомъ на смерть, по злобѣ софистовъ, за то, что всенародно обличалъ нелѣпость мнимой ихъ мудрости?

Много подобныхъ примѣровъ представляетъ гласное судопроизводство и у нынѣшнихъ западныхъ народовъ. Давно ли на западѣ всенародно судили, терзали и сожигали мнимыхъ колдуновъ и чародѣевъ? Не извѣщаютъ ли газеты и теперь о

несправедливыхъ иногда приговорахъ судей въ Англіи и Франціи, гдѣ судопроизводство совершается открыто? [1] А, между тѣмъ, какъ высоко у этихъ народовъ цѣнится правосудіе! Каждый, такъ сказать, шагъ судебныхъ формальностей обложенъ у нихъ пенями и пошлинами, такъ что имѣющій обстоятельное понятіе о тамошнемъ судопроизводствѣ едва ли станетъ завидовать ему. Но зачѣмъ далеко искать образцовъ гласнаго судопроизводства? Въ Польшѣ, во время ея самостоятельности, судебное краснорѣчіе, можно сказать, процвѣтало. Исторія польской юрисдикціи сохранила нѣкоторыя рѣчи такъ называемыхъ адвокатовъ, или ходатаевъ по дѣламъ, произнесенныя ими въ трибуналахъ, иногда даже въ присутствіи королей, и отличающіяся такимъ сильнымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что ихъ можно ставить ничуть не ниже рѣчей Димосѳеновыхъ и Цицероновыхъ. Во время судопроизводства въ тѣхъ трибуналахъ могъ присутствовать всякій дворянинъ. Но соблюдалось ли тамъ строгое, нелицепріятное, неподкупное правосудіе? Чрезвычайно рѣдко. Почти всегда вѣсы правды склонялись на сторону магнатовъ, хотя въ сущности неправыхъ; а бѣдные, обиженные ихъ насиліемъ, страдали. Тяжебныя дѣла часто продолжались десятки лѣтъ, а иногда, по наслѣдству, отъ поколѣнія переходили къ поколѣнію, едва не цѣлыя столѣтія. Извѣстенъ историческій анекдотъ о Петрѣ великомъ, который, во время присутствія въ виленскомъ трибуналѣ, выслушавъ по нѣкоему запутанному дѣлу рѣчь одного адвоката, сказалъ, что защищаемое имъ дѣло совершенно право и что нѣтъ надобности продолжать его. Когда же судьи возразили Петру, что надо выслушать еще адвоката противной стороны, а этотъ своею рѣчью совершенно опровергъ доводы перваго адвоката, и затѣмъ судьи предложили Петру объявить свое мнѣніе по тому дѣлу, то онъ обѣщалъ рѣшить его на другой

[1] Для примѣра можно представить слѣдующее извѣстіе, напечатанное въ 269 № „С. Петербургскихъ вѣдомостей“ за 1861 г.: „лондонскій судъ для разбора дѣлъ о несостоятельныхъ освободилъ недавно изъ долговой тюрьмы—одного несчастнаго, который въ теченіе сорока восьми лѣтъ содержался въ ней безъ всякаго основанія“.

день. Послѣ сего, приказавъ представить себѣ тѣхъ адвокатовъ ночью, онъ погрозилъ имъ и заставилъ ихъ сознаться, что дѣло аристократа, защищаемое однимъ изъ нихъ, было неправо, что документы, на которыхъ оно утверждается, подложны; но такъ какъ аристократъ обоихъ адвокатовъ содержитъ на своемъ жалованьи, то они такъ вели процессъ, чтобъ онъ никогда не кончился.

Не тоже ли со введеніемъ гласныхъ судовъ послѣдуетъ и въ Россіи? Производство дѣлъ въ гласныхъ судахъ будетъ тѣмъ отличаться отъ настоящаго судопроизводства, что теперь, для склоненія судей на свою сторону, надобно, если справедливы слухи, задобрить секретаря суда и того судью, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ рѣшеніе дѣла; а когда будутъ учреждены гласные суды, тяжущимся нужно будетъ содержать адвокатовъ и платить имъ нескудное жалованье, потому что адвокаты по частнымъ дѣламъ, кромѣ адвокатовъ со стороны правительства, нигдѣ не получаютъ жалованья отъ казны. И, при всемъ томъ, истецъ не избѣгнетъ необходимости задобрить правителя судебныхъ дѣлъ и кого нибудь изъ судей, для преклоненія ихъ на свою сторону, а дѣла все-таки будутъ производиться, какъ и теперь производятся, т. е. тяжебное дѣло иногда будетъ рѣшено въ пользу праваго, а иногда нѣтъ. Въ настоящее время рѣшеніе дѣла зависитъ отъ искусной выписки изъ него, отъ подведенія подлежащихъ законовъ и отъ заключенія судей; а съ учрежденіемъ гласныхъ судовъ произойдетъ та новость, что адвокаты, готовые за деньги защищать явную неправду и опровергать очевидную справедливость, будутъ имѣть часто случаи становиться въ судахъ въ ораторскую позу и отличаться своимъ краснорѣчіемъ, остротами и ловкими изворотами. Если вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ учреждены, какъ въ Англіи и Франціи, адвокаты со стороны правительства, то рѣшеніе дѣла будетъ нѣкоторымъ образомъ зависѣть и отъ ихъ согласія. Такіе адвокаты почти то же, что теперь наши прокуроры и казенные стряпчіе. При всемъ томъ, люди богатые и покровительствуемые сильными земли всегда найдутъ возможность имѣть

на своей сторонѣ адвокатовъ искуснѣйшихъ и мощныя средства къ преклоненію вѣсовъ правосудія на свою сторону, несмотря на самую вопіющую свою несправедливость; а бѣдные, притѣсняемые насиліемъ богачей, будутъ страдать, какъ страдали, хотя добрые, но подобно имъ бѣдные, люди станутъ принимать въ судьбѣ ихъ искреннее участіе.

И чѣмъ несчастный, угнетаемый насиліемъ безсовѣстнаго богача, станетъ защищать себя? Гласностію ли своего дѣла? Но клевреты врага его распространятъ о немъ въ народѣ тысячу клеветъ, коими выставятъ обстоятельства совершенно въ превратномъ видѣ. Пропечатаніемъ ли о немъ въ газетахъ? Но кто станетъ обращать на это вниманіе? Если бы и напечатали о несправедливомъ угнетеніи несчастнаго, то сторонники богача, въ опроверженіе праваго дѣла, составятъ въ отвѣтъ и напечатаютъ во всѣхъ газетахъ самый лживый памфлетъ и приведутъ публику въ сомнѣніе на счетъ справедливости дѣла. Они провозгласятъ, что преслѣдуемый богачемъ — ябедникъ, человѣкъ весьма опасный, нетерпимый въ обществѣ, или затѣютъ нанесть ему новыя обиды, чтобы вывесть его изъ терпѣнія, и за какое нибудь неосторожно произнесенное имъ слово заведутъ съ нимъ особое тяжебное дѣло, которое будетъ отвлекать его отъ наблюденія за ходомъ главнаго процесса, и доведутъ несчастнаго до отчаянія. Если же судъ и признаетъ справедливость его дѣла, то рѣшеніе суда кѣмъ приведено будетъ въ исполненіе? Развѣ не бываетъ, что служители общественной безопасности и исполнители сенатскихъ указовъ цѣлые десятки лѣтъ не исполняютъ ихъ?

Спрашивается еще: кто съ учрежденіемъ гласныхъ судовъ будетъ рѣшать дѣла и писать приговоры? Не присяжные ли судьи, какъ называютъ ихъ въ Англіи и Франціи, избираемые изъ толпы народной? Но можно ли ручаться, что выборъ такихъ судей будетъ удаченъ, безпристрастенъ, что судьи будутъ достаточно приготовлены своимъ образованіемъ къ исправленію священной должности и понимать святость своего служенія? Можно ли надѣяться, что присяжные судьи окажутся справед-

ливѣе, чѣмъ государственные сановники, приготовившіе себя образованіемъ къ рѣшенію дѣлъ, въ потѣ лица послужившіе правосудію цѣлые десятки лѣтъ и пріобрѣтшіе въ этомъ опытность?

Что много говорить? — осужденіе Господа нашего Іисуса Христа на крестную смерть разительнѣе всего доказываетъ, можно ли правдѣ безопасно полагаться на общественное мнѣніе и гласность судовъ.

Во время земной своей жизни, Спаситель многократно въ различныхъ направленіяхъ проходилъ Палестину, благодѣтельствуя іудеямъ на каждомъ шагу. Онъ возвращалъ глухимъ слухъ, слѣпымъ зрѣніе, нѣмымъ даръ слова; Онъ однимъ мановеніемъ исцѣлялъ неисцѣльныя болѣзни, воскрешалъ мертвыхъ, насыщалъ многія тысячи народа. И этотъ народъ чувствовалъ любовь къ себѣ Іисуса Христа, повсюду слѣдовалъ за Нимъ, чтобы насладиться Его бесѣдою, съ благоговѣніемъ внималъ Его ученію, сознавалъ, что никогда ничья рѣчь не имѣла такой силы, проникающей до раздѣленія души и духа, потрясающей чувствованія и мысли сердечныя, повергался предъ Нимъ въ прахъ, называлъ Его великимъ пророкомъ и даже Мессіею, ожиданнымъ цѣлыя тысячелѣтія, а во время торжественнаго вшествія Іисуса Христа въ Іерусалимъ встрѣтилъ Его съ восторженными восклицаніями, какъ своего Царя избавителя, и устилалъ путь Его — одеждами. Такое благоговѣніе, оказываемое народомъ Спасителю, удерживало первосвященниковъ и фарисеевъ отъ насильственнаго возложенія на Него рукъ открыто, днемъ, въ виду народа. Но наконецъ низкое предательство одного изъ учениковъ Господа доставило врагамъ случай схватить Его, и тѣмъ удобнѣе, что Онъ самъ Себя предалъ въ ихъ руки.

Послѣ двукратнаго за тѣмъ засѣданія, члены іудейскаго синедріона, придумавъ предлогъ для народныхъ толковъ къ осужденію Іисуса Христа, повлекли Его по улицамъ Іерусалима на языческое судилище. Съ каждымъ шагомъ этого шествія умножалось стеченіе народа, котораго шумныя толпы

громкимъ говоромъ обнаруживали свое удивленіе и любопытство, а достигши преторіи, волненіемъ и шумомъ своимъ вызвали Пилата, правителя Іудеи, на мѣсто, гдѣ обыкновенно открыто совершалъ онъ судъ свой. Это была, какъ изъ Евангелія извѣстно, устроенная возлѣ самаго дома Пилатова, лицомъ къ площади, возвышенность изъ тесанаго камня, именовавшаяся лиѳостротонъ. Началось судопроизводство надъ Іисусомъ. Враги Его, называя Спасителя злодѣемъ, но не указывая ни на одинъ, хотя бы вымышленный, Его проступокъ, просто требовали Его смерти. Пилатъ возразилъ имъ, чтобы они сами, если находятъ Іисуса въ чемъ либо виновнымъ, судили Его. Но первосвященники, фарисеи и книжники стали клеветать, будто Спаситель выдавалъ Себя за царя и воспрещалъ платить дань кесарю. Пилатъ, которому, какъ правителю Іудеи, извѣстны были всѣ въ ней произшествія, явно видѣлъ въ обвиненіи Господа низкую клевету, однакожь, соблюдая судебный порядокъ, подвергъ Іисуса Христа допросу и, убѣдившись въ Его невинности, объявилъ о томъ столпившемуся народу. Несмотря на то первосвященники, книжники, фарисеи, народъ единогласно и громко требовали смерти Господа и голословно обвиняли Его во многихъ, ложно взводимыхъ на Него, преступленіяхъ.

Смущаемый народными воплями и сознавая невинность Спасителя, Пилатъ изъ фарисейскихъ возгласовъ узнаетъ, что Іисусъ Христосъ распространялъ свое ученіе преимущественно въ Галилеѣ, состоявшей подъ управленіемъ Ирода. А какъ на ту пору, по случаю праздника пасхи, Иродъ былъ въ Іерусалимѣ, то Пилатъ, уклоняясь отъ рѣшенія участи Іисуса, приказалъ отвесть Его къ Ироду. За Спасителемъ послѣдовало и скопище враговъ Его съ толпами народа; но взводимыя ими предъ Иродомъ лживыя обвиненія на Іисуса Христа показались нестоющими вниманія. Иродъ, подобно Пилату, совершенно убѣдился въ невинности Спасителя, но, наслышавшись о чудесахъ Его и напрасно ожидая, что Господь совершитъ предъ очами его какое либо чудо, въ досадѣ неудовлетвореннаго любопытства, вмѣстѣ съ своими придворными осыпавъ Его язви-

тельными остротами и приказавъ одѣть Его, для большаго посмѣянія, въ бѣлую одежду, какъ мнимаго претендента на царство, отправилъ Его обратно. Итакъ, снова предсталъ Господь на судъ Пилата. Пилатъ, объявивъ торжественно, что ни онъ, ни Иродъ не признаетъ Іисуса виновнымъ ни въ чемъ томъ, въ чемъ Его обвиняютъ, предложилъ народу, по случаю наступившаго праздника пасхи, сообразно съ мѣстнымъ обычаемъ, отпустить на свободу либо Іисуса, либо Варавву, содержавшагося въ узахъ за произведенное имъ въ городѣ возмущеніе. Но первосвященники, книжники и фарисеи внушили своими навѣтами народу предпочесть Іисусу Варавву и просить ему свободы. Что же мнѣ дѣлать со Іисусомъ? спросилъ Пилатъ. Я ничего достойнаго смерти не усмотрѣлъ въ Немъ. При всемъ томъ, въ угоду вамъ, накажу Іисуса, и отпущу Его. Но народъ, волнуемый врагами Спасителя, сталъ настойчиво кричать: распни, распни Его! Уступая кровожадному требованію народа, Пилатъ, умывъ предъ нимъ руки, сказалъ: неповиненъ я въ крови праведника сего: смотрите вы сами! Затѣмъ, освободивъ Варавву, онъ предалъ Іисуса Христа бичеванію. Распоряженіе самое несправедливое и беззаконное: ибо если Спаситель былъ виновенъ, то надлежало поступить съ Нимъ по волѣ народа; а если не было на Немъ никакой вины, то не за что было предавать Его и бичеванію. Вслѣдъ за такимъ распоряженіемъ Пилата, римскіе воины, въ угодность ли фарисеямъ, или по своей дикой грубости, самымъ жестокимъ образомъ избили Іисуса, и наконецъ (для осмѣянія царскаго титула, въ присвоеніи коего фарисеи обвиняли Спасителя), облекли Его въ багряницу и, надѣвъ на голову Его терновый вѣнецъ, а въ руку вложивъ, вмѣсто скипетра, трость, привели Его къ Пилату. Содрогнулся Пилатъ, взглянувъ на Іисуса, но, обольщаясь надеждою, что въ сердцѣ враговъ Спасителя, при взглядѣ на столь болѣзненное уничиженіе Его, проникнетъ жалость и заставитъ ихъ удовольствоваться крайнимъ поруганіемъ Іисуса, указалъ на Него народу и сказалъ: вотъ человѣкъ! Знайте же, что я не нахожу въ Немъ никакой вины! Но первосвященники

съ книжниками и фарисеями, увидѣвъ Господа, обагреннаго кровію, снова возопили съ остервенѣніемъ: распни, распни Его! Столь настойчивыя требованія совершенно поколебали сдержанность Пилата. Ни голосъ совѣсти, ни предостереженіе жены, которая, въ ужасѣ отъ соннаго видѣнія, просила Пилата пощадить Іисуса, ни спокойное Его терпѣніе и величественный видъ въ самомъ страданіи, ни мудрые Его отвѣты на предлагаемые Ему вопросы, ни даже удостовѣреніе, что Іисусъ творилъ неслыханныя чудеса и называлъ Себя Сыномъ Божіимъ,— не могли одушевить Пилата непоколебимымъ правосудіемъ. Волнуемый противоположными ожиданіями, угрожаемый отъ первосвященниковъ и фарисеевъ немилостію кесаря и потерею мѣста, Пилатъ, при всемъ желаніи своемъ освободить Спасителя отъ крестной смерти, наконецъ изрекъ рѣшительный, беззаконный приговоръ, которымъ обрекъ Іисуса Христа на крестную смерть.

Такъ совершилась величайшая, единственная въ своемъ родѣ неправда, и совершилась гласно, открыто, почти всенародно, потому что, по случаю праздника пасхи, Іерусалимъ былъ переполненъ народомъ, который собрался тогда отвсюду. Если бы Іисусъ Христосъ былъ не болѣе, какъ простымъ человѣкомъ, то и въ томъ случаѣ, надлежало бы, повидимому, явиться тысячамъ защитниковъ Его невинности. Но облагодѣтельствованные Имъ, даже ученики Его и ближніе, объятые ужасомъ, безмолвствовали и скрывались среди толпы народной Предвидя столь ужасную неправду, Пророкъ, озаренный Духомъ Святымъ, за нѣсколько сотъ лѣтъ воскликнулъ: *Видите, како праведный погибе, и никтоже не пріемлетъ сердцемъ!... никтоже разумѣетъ* (Ис. 57, 1. 4)!

Такъ что же? скажутъ. Развѣ обыкновенныя, закрытыя отъ народнаго любопытства, судопроизводства лучше гласныхъ? Не то; а ожидать на землѣ совершенной правды — нѣтъ основанія, какимъ бы образомъ суды ни были устроены, потому что *міръ весь во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19). Только въ блаженной вѣчности непоколебимо будетъ царствовать полная правда,

какъ удостовѣряетъ Духъ Святый устами Апостола: *нова небесе и новы земли по обѣтованію Его* (Іисуса Христа) *чаемъ, въ нихже правда живетъ* (2 Петр. 3, 13).

Да неужели нѣтъ надежнаго средства къ водворенію и на землѣ по крайней мѣрѣ такого судопроизводства, по которому бы чрезвычайно рѣдко, и развѣ по невѣдѣнію всѣхъ обстоятельствъ обсуждаемаго дѣла, допускалась неправда?

Есть, самое вѣрное. Оно состоитъ въ томъ, чтобы приуготовившіе себя къ судейскому званію образованіемъ были истинными христіанами, т. е. всецѣло проникались высокими истинами вѣроученія православной Церкви.

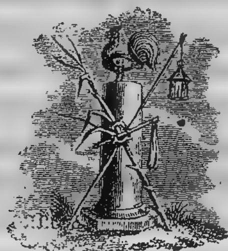
Но развѣ неправедные судьи — не православные или даже не христіане? Да, стоитъ только обстоятельно развѣдать, въ какомъ отношеніи находится какой нибудь судья къ православной Церкви, какова домашняя его жизнь и обращеніе съ близкими къ нему и съ дальними, о какихъ предметахъ преимущественно любитъ онъ бесѣдовать, какъ воспитываетъ своихъ дѣтей,—и всегда можно удостовѣриться, что всякій неправедный судія—христіанинъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ онъ нечестивый безбожникъ, небоящійся Бога и нестыдящійся людей, говоритъ во всякое время, ради корысти или изъ угожденія сильнымъ земли, дать превратный смыслъ законамъ и попрать правду.

Почему же только проникнутый божественными истинами православнаго вѣроученія можетъ быть судіею праведнымъ? Потому, что только оно одно сильно потрясти мысли и сердце судіи напоминаніемъ, что есть вѣчный и нелицепріятный Судія, который будетъ строго судить человѣческія судопроизводства, что Онъ вручаетъ земнымъ судьямъ судъ надъ равными имъ людьми только до опредѣленнаго судьбами Его времени; что посему вручаемый судьямъ судъ есть судъ Божій, что неправедно осудить невиннаго есть величайшее, непростительное предъ взоромъ Божіимъ беззаконіе, что неправда, прикрытая хитросплетеніями и однимъ видомъ законности, тѣмъ не менѣе, остается неправдою.

Только судія, всецѣло проникнутый такими истинами, воз-

любилъ правду, по внушенію слова Божія, болѣе отца и матери, болѣе жены и дѣтей, братьевъ и сестеръ, т. е. возлюбитъ правду такою любовію, что не въ состояніи будутъ совратить его съ пути правды ни сокровища міра, ни убѣжденія отца, ни просьбы матери, ни ласки жены, ни любовь дѣтей, ни угожденія братій и сестеръ, ни мольбы друга, хотя бы онъ дорогъ ему былъ, какъ правая его рука, ни страхъ гнѣва и гоненія сильныхъ земли. Только судія, возлюбившій правду изъ любви къ всевидящему Судіи, выше своей жизни будетъ дорожить правдою, внимательно вникать въ тяжбу соперниковъ, не дозволитъ мощному богатствомъ насилію угнетать бѣдность, не поколеблется заклеймить позоромъ всякую неправду, съ терпѣніемъ будетъ выводить на свѣтъ скрываемую во тьмѣ истину, распутывать хитросплетенія коварства, снисходительно выслушивать малаго и великаго, безпристрастно рѣшать дѣла богатаго и убогаго, защищаемаго или покровительствуемаго сильными и беззащитнаго, сироты и вдовицы, друга и недруга своего, природнаго жителя земли и пришельца, исторгать изъ когтей насилія похищенное его жадностію, покровительствовать угнетенныхъ, разбирать дѣла по прямому указанію законовъ, защищать слабыхъ отъ преслѣдованія сильныхъ, осушать слезы обиженныхъ, спасать страдальца изъ руки обидчика, быть отцомъ и покровителемъ сиротѣ безпомощному и утѣшать скорбное сердце вдовицы!

1862 г.

МЫСЛИ ПО СЛУЧАЮ СОВРЕМЕННЫХЪ ТОЛКОВЪ
О ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ
И ДУХОВЕНСТВѢ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ.

Въ настоящее время такъ много толкуютъ, и словесно и печатно, о необходимости преобразовать духовныя семинаріи, а вмѣтѣ съ тѣмъ провозглашаютъ столь различныя сужденія о духовенствѣ отечественной Церкви, особенно бѣломъ, что возникли уже объ этихъ предметахъ мнѣнія, одни другимъ противоположныя. Слѣдовательно, можно ожидать, что по французской пословицѣ: choc des opinions jallit la vérité,—отъ столкновенія тѣхъ мнѣній проявится наконецъ истина, потому что, какъ говорили послѣдователи Вольфовой философіи, opposita penes se posita magis elucescunt. Съ этою цѣлію предлагаются и нижеизложенныя мысли, основанныя на многолѣтнихъ наблюденіяхъ.

О духовныхъ *семинаріяхъ* толкуютъ, что такъ какъ образованіе сельскихъ преимущественно священниковъ не удовлетворяетъ требованіямъ русскаго народа, потому что священники, обучавшіеся въ семинаріяхъ, проникнуты славянизмомъ и тономъ сухихъ учебниковъ, то необходимо такъ образовать будущихъ народныхъ пастырей, чтобы они обучали своихъ прихожанъ христіанскому вѣроученію, простымъ народнымъ языкомъ [1]. Предлагающіе такой совѣтъ легко могутъ удо-

[1] Сынъ отечества за 1861 г. № 30, стр. 895.

стовѣриться на опытѣ, что воспитанники семинарій и рукополагаемые изъ нихъ священники несравненно лучше знаютъ свой провинціальный языкъ, нежели многіе изъ пишущихъ подобныя вещи. Да и какъ семинаристамъ не знать русскаго народнаго языка, когда они возрастаютъ въ селахъ съ младенчества до юношескихъ лѣтъ, а потомъ изъ училищъ и семинарій ежегодно отправляются въ домы родителей и родныхъ на праздники Рождества, свѣтлаго Воскресенія Христова, также на такъ называемыя вакаціи, и, такимъ образомъ, проводятъ въ селахъ ежегодно слишкомъ два мѣсяца, обращаются въ это время съ крестьянами и часто вмѣстѣ съ ними занимаются полевыми работами? Но нельзя не замѣтить, что не всегда удобно и полезно изложеніе христіанскаго вѣроученія рѣшительно на простомъ народномъ языкѣ: оно иногда можетъ показаться народу униженіемъ святыни и страшною ересію, потому что народъ привыкъ внимать богослуженію на славянскомъ языкѣ и благоговѣть къ нему. Знаютъ объ этомъ раскольническіе начетники, которые, остановившись въ какомъ либо селѣ, у зажиточнаго хозяина, и представившись святошами, сперва произносятъ наизустъ по вечерамъ въ кругу семейства нѣсколько отрывковъ изъ твореній преподобнаго Ефрема Сирина, переведенныхъ въ старину на славянскій языкъ, затѣмъ провозглашаютъ на томъ же языкѣ свои превратныя мнѣнія, и въ два-три вечера совращаютъ въ расколъ цѣлыя семейства. Отъ этого раскольники вовсе не посылаютъ, да и православные поселяне не слишкомъ охотно посылаютъ дѣтей своихъ въ сельскія, въ великой Россіи, училища, зная, что въ нихъ учатъ читать книги, издаваемыя на гражданскомъ языкѣ. Кромѣ того, христіанское вѣроученіе, какъ всякая наука, имѣетъ свои техническіе термины, придуманные вселенскими соборами, святыми отцами и богословами, для изложенія высочайшихъ таинъ богопознанія. Значеніе такихъ терминовъ можно объяснять и простымъ языкомъ, но замѣнять ихъ рѣшительно всегда другими словами, особенно простонародными, было бы очень неблагоразумно и неосновательно. Впрочемъ, всякому из-

вѣстно, что какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ ревностные пастыри Церкви стараются произносить съ церковной каѳедры проповѣди и бесѣды о предметахъ христіанскаго ученія на языкѣ сколько возможно понятномъ для своихъ слушателей.

Порицаютъ семинарское образованіе, утверждая, будто въ семинаріяхъ постоянно заставляютъ учениковъ сочинять такъ называемыя хріи. Это, какъ извѣстно, форма сочиненія, по которой, въ иныхъ семинаріяхъ, заставляютъ учителя словесности, начинающихъ излагать свои мысли на бумагѣ, сочинять изъ даннаго предложенія такъ называемыя задачи. Хрію употребляютъ какъ средство къ первоначальному развитію мысли отроковъ, подобно тому, какъ заставляютъ юношей перелагать въ прозу какія нибудь стихотворенія. Но воспитанники семинарій только первоначально въ классѣ словесности, да и то теперь въ немногихъ семинаріяхъ, составляютъ хріи, потому что имъ вскорѣ предлагаются для подражанія другія формы сочиненій, такъ что они вовсе уже не думаютъ о хріяхъ въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ семинарій. А пастырямъ Церкви, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, и некогда заниматься сочиненіемъ хрій. Доказательствомъ этой истины могутъ служить проповѣди и бесѣды, изданныя хоть съ 1830 по настоящій годъ: во всѣхъ ихъ порицатели семинарскаго образованія не найдутъ и трехъ хрій, да и тѣ, безъ сомнѣнія, вытекли изъ пера проповѣдниковъ за недосугомъ.

Требуютъ, чтобы семинаріи состояли подъ управленіемъ свѣтской власти [1]. Требованіе это похоже на то, какъ еслибъ кто въ военномъ министерствѣ предложилъ опредѣлять въ полки офицерами священниковъ. Но что за надобность въ свѣтскихъ начальникахъ надъ духовными училищами? Развѣ надъ ними нѣтъ властей? Чѣмъ же теперь существующіе начальники семинаріи дурны? Они монахи. Такъ что жь, развѣ это порокъ? Они не могутъ говорить съ воспитанниками о такихъ, напримѣръ, предметахъ, какъ взаимныя отношенія супруговъ? Апо-

---

[1] Сынъ отечества, 1861 г., № 30, стр. 894.

столы, св. отцы Церкви говорили объ этомъ на церковныхъ каѳедрахъ, и болѣе того, что они говорили, не должно говорить. Почему же не могли бы говорить ученые монахи? А если свѣтскій начальникъ семинаріи не будетъ имѣть основательныхъ свѣдѣній о тѣмъ предметахъ, которые преподаются въ семинаріяхъ, то онъ будетъ безполезнымъ.

Многіе, всячески охуждая семинарское образованіе, выставляютъ въ примѣръ семинаріямъ образованіе юношей въ гимназіяхъ. Никто и не отрицаетъ, что въ семинаріяхъ многое требуетъ преобразованія. Но въ настоящее время выходятъ изъ семинарій воспитанники, честно и съ пользою для человѣчества исправляющіе различныя должности во всѣхъ состояніяхъ общежитія. Будучи ректоромъ въ Бѣлгородѣ, курской губерніи, я былъ знакомъ съ извѣстнымъ издателемъ латинскаго лексикона, Кронебергомъ, который 1831 года былъ профессоромъ Харьковскаго университета и, бывая въ Бѣлгородѣ, посѣщалъ тамошнюю семинарію, заходилъ въ классы, слушалъ преподаваніе лекцій семинарскими наставниками и изустные въ нихъ отчеты семинаристовъ. Онъ мнѣ, между прочимъ, сказывалъ: «чудное дѣло! когда ваши воспитанники поступаютъ въ университеты, то, въ сравненіи съ гимназистами, какъ будто ничего не знаютъ—до той степени, что мы принимаемъ ихъ въ число студентовъ почти изъ милости; а посмотришь, по истеченіи одной, двухъ третей года, ваши семинаристы оказываются впереди прочихъ нашихъ студентовъ. Разрѣшить ли какой либо трудный вопросъ науки, изложить рѣшеніе его, или какой либо научный предметъ на бумагѣ — они первые.» То же впослѣдствіи говорили мнѣ профессоры Горыгорецкаго земледѣльческаго института. А еще, какбы подъ рукою, извѣстно, что и въ университетахъ и въ институтахъ семинаристы, коимъ посчастливилось въ нихъ поступить, сочиняли, не только отъ своего имени, но и отъ имени своихъ свѣтскихъ товарищей, диссертаціи для полученія ученой степени. Изъ № 120 Московскихъ вѣдомостей 1861 г. легко усмотрѣть, что редакторомъ тѣхъ вѣдомостей и семинаристы приглашаются писать

статьи для помѣщенія ихъ въ газетахъ,—только запрещается имъ начальствомъ заниматься такими сочиненіями. Значитъ, по сознанію г. редактора Московскихъ вѣдомостей, хріи не помѣшали бы писать семинаристамъ статьи и для свѣтскихъ журналовъ.

«Да зачѣмъ низшія духовныя училища и семинаріи?» многіе спрашиваютъ. «Уничтожить бы, говорятъ, низшія духовныя училища и семинаріи, предоставивъ священническимъ дѣтямъ воспитываться съ дѣтьми другихъ общественныхъ сословій въ низшихъ свѣтскихъ училищахъ и гимназіяхъ.» Но если признано полезнымъ спеціальное образованіе юношества для многихъ отраслей общественнаго служенія, почему считать излишнимъ спеціальное образованіе юношей для служенія человѣчеству въ духовномъ званіи? И къ чему столько заботиться о воспитаніи юношества духовнаго званія въ свѣтскихъ училищахъ и гимназіяхъ, когда духовенство вообще не испрашиваетъ такой милости у другихъ общественныхъ сословій, а отечественная Церковь, хотя не безъ затрудненія, воспитываетъ духовное юношество своими скудными средствами, не обременяя тѣмъ другихъ сословій? Впрочемъ, кто изъ священниковъ желаетъ воспитывать своихъ дѣтей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, тому никто въ этомъ не препятствуетъ. Доказательствомъ этой истины могутъ служить многіе примѣры въ столицахъ и западныхъ губерніяхъ, въ коихъ многіе священники воспитываютъ своихъ дѣтей въ свѣтскихъ училищахъ и гимназіяхъ.

Но развѣ не слышно жалобъ и на гимназіи? Родители дѣтей, состоявшихъ подъ надзоромъ одного директора, часто просили моего совѣта, какъ имъ быть съ сыновьями. «Отдаемъ», говорили отцы, «въ гимназію дѣтей, кроткихъ, скромныхъ, послушныхъ; а изъ гимназіи возращаются они къ намъ дерзкіе, строптные, буяны!» Знакомъ мнѣ былъ одинъ инспекторъ гимназіи, который въ теченіе года и трехъ разъ не былъ въ церкви на богослуженіи, — и это не рѣдкость. Что̀ же? Не для того ли отдавать священникамъ своихъ сыновей въ гимназіи, чтобы они научились пренебреженію уставовъ Церкви, внести въ семейства своихъ родныхъ нечестіе?

Правда, что въ гимназіяхъ бываютъ наставники, спеціально, отлично знающіе преподаваемый ими предметъ; но и въ семинаріяхъ есть тоже очень хорошіе, ревностные учители, хотя они гораздо меньшее получаютъ жалованье гимназическихъ. Между тѣмъ, и въ гимназіяхъ можно усматривать весьма неспособныхъ учителей. Справедливо и то, что изъ гимназій выходятъ ученики, весьма хорошо приготовленные къ слушанію уроковъ въ университетахъ; но это такіе ученики, которыхъ въ домѣ родителей обучали хорошіе гувернеры, а въ гимназіи имѣли они усердныхъ коррепетиторовъ, или часто слушали вторичное изъясненіе классическихъ уроковъ на квартирахъ самыхъ учителей. Въ семинаріяхъ этого не бываетъ, потому что священники, а тѣмъ пуще причетники, не имѣютъ средствъ содержать при своихъ дѣтяхъ коррепетиторовъ. Но изъ гимназистовъ бѣдныхъ родителей, слушающихъ только классическіе уроки, чрезвычайно рѣдко выходятъ ученики съ хорошими успѣхами въ наукахъ. Вотъ опыты, убѣдившіе меня въ этомъ.

Имѣвъ обыкновеніе приглашать къ себѣ на вечеръ учителей гимназіи для собесѣдованія съ ними, я однажды спросилъ учителя русской словесности: хорошо ли гимназисты учатся по его предмету? — Онъ отвѣчалъ: отлично. «Представьте же мнѣ, пожалуста», сказалъ я, «какія нибудь сочиненія лучшаго изъ вашихъ учениковъ.» Учитель принесъ мнѣ двѣ тетради разныхъ стихотвореній, подъ заглавіями: утро, вечеръ, весна, лѣто и т. п. Это были стишки, легенькіе, гладенькіе — и только; въ нихъ сочинитель безпрестанно говорилъ о ручейкахъ, струйкахъ, вѣтеркахъ, мотылькахъ, о соловьѣ, солнечныхъ лучахъ, ихъ отраженіи въ водѣ, о зноѣ, прохладѣ и проч. Но во всѣхъ тѣхъ стишонкахъ не было ни малѣйшей мысли. Ихъ удобно можно было читать сверху внизъ и снизу вверхъ. При всемъ томъ, я попросилъ учителя представить мнѣ сочинителя тѣхъ стихотвореній. Это былъ юноша семнадцати лѣтъ, очень бѣдныхъ родителей. Я предложилъ ему приходить ко мнѣ повременамъ, исподоволь сталъ испытывать его въ знаніи предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи. Но на вопросъ: «учились

ли вы математикѣ?» онъ отвѣчалъ: «нѣтъ: это такая мозголомная наука, которую я терпѣть не могу».— «Такъ чему же вы прилежно учились? исторіи, что ли?» — «Слушалъ я лекціи общей исторіи, но не старался затвердить ихъ. Къ чему? историческія повѣствованія не что иное, какъ басни, въ которыхъ объ одномъ и томъ же предметѣ одинъ говорилъ такъ, другой иначе. Стоитъ ли все это затверживать въ памяти!» — «А латинскому языку вы учились?» — «Ходилъ въ классъ латинскаго языка, но не учился ему: потому вѣдь, что мнѣ не быть латинскимъ ксендзомъ.» — «Какой же языкъ вы знаете кромѣ русскаго? нѣмецкій или французскій?» — «Какъ мнѣ знать тѣ языки, когда меня издѣтства не учили имъ гувернеры?» — Словомъ: оказалось, что этотъ ученикъ, хотя считался перворазряднымъ, не лучшія имѣлъ свѣдѣнія и по географіи, чѣмъ хорошій ученикъ уѣзднаго духовнаго училища. При всемъ томъ, въ 1849 году онъ поступилъ въ военную службу и теперь уже офицеромъ. Кромѣ этого ученика, въ разныя времена я испытывалъ многихъ гимназистовъ, по просьбѣ ихъ родителей, но не имѣлъ счастія встрѣтить ни одного ученика, по свѣдѣніямъ котораго можно было заключать о превосходномъ преподаваніи наукъ въ гимназіяхъ [1].

Случилось, однажды, что нѣкто бывшій учителемъ русской грамматики въ одной изъ сѣверныхъ губерній, пришедши ко мнѣ, щегольски одѣтый, въ бѣлыхъ перчаткахъ, просилъ моего ходатайства предъ гражданскимъ губернаторомъ объ опредѣленіи его въ могилевской губерніи, въ которой имѣлъ родныхъ, на службу по земской полиціи. «Потрудитесь же», сказалъ я, «ради старческой моей памяти, вотъ на этомъ листкѣ бумаги написать ваше имя, фамилію,—какую исправляли вы и какую хотите исправлять должность.» Онъ написалъ это; но

[1] Въ 1848—1849 годахъ нѣсколько гимназистовъ пятаго и шестаго класса просили моего ходатайства предъ б. п. корпуснымъ генераломъ, квартировавшимъ въ губернскомъ Могилевѣ, Гуркою, объ опредѣленіи ихъ юнкерами въ военную службу, и едва испросилъ я эту милость. „Повѣрьте мнѣ“, — сказалъ онъ,—„что это такіе олухи, которые даже не знаютъ простыхъ четырехъ правилъ ариѳметики.“

въ четырехъ строкахъ его замѣтки оказались три ошибки правописанія. Къ чему же превозносить гимназическое образованіе, выставлять его въ образецъ семинаріямъ и требовать, чтобы священническія дѣти обучались въ гимназіяхъ? Нѣкоторые совѣтуютъ не только не воспрещать, но заставлять воспитанниковъ семинаріи читать свѣтскія книги и журналы. Знающимъ хорошо бытъ семинарскій извѣстно, что тамъ хорошіе начальники и наставники постоянно заохочиваютъ воспитанниковъ къ чтенію хорошихъ книгъ. Извѣстно также, что теперь нѣтъ возможности привести въ исполненіе рѣшительное запрещеніе читать свѣтскія книги, если бы даже кто желалъ это сдѣлать, потому что свѣтскихъ книгъ и журналовъ очень много и они очень распространены. Такъ бываетъ на дѣлѣ. Но что касается самаго вопроса о чтеніи всѣхъ свѣтскихъ книгъ и журналовъ, то неужели въ самомъ дѣлѣ можно проповѣдывать это правило рѣшительно? Неужели можно рекомендовать воспитанникамъ чтеніе всѣхъ этихъ книгъ? Извѣстно вѣдь, что̀ въ иныхъ изъ такихъ книгъ пишется и какъ онѣ воспитываютъ молодую душу. Для блага общества, надлежало бы желать, чтобы не только духовные воспитанники, но и ни одинъ юноша, какого бы званія и сословія онъ ни былъ, и въ руки не бралъ тѣхъ книгъ и журналовъ, въ которыхъ такъ называемые романы, повѣсти и фельетоны, или листки, пропитаны смраднымъ духомъ сладострастія, нерѣдко представляютъ картины грязныя до безстыднаго цинизма, а вмѣстѣ съ этимъ глумленіе надъ самыми святыми убѣжденіями и дѣйствіями! Да, если бы совѣтующіе семинаристамъ читать современныя свѣтскіе книги и журналы искренно желали добра вообще юношеству и обществамъ, то они бы совѣтовали и свѣтскимъ юношамъ читать духовныя книги и журналы, въ которыхъ излагается много такихъ истинъ, которыя, бывъ усвоены юношескимъ сердцемъ, спасли бы ихъ отъ многихъ горестей въ жизни и были бы утѣшеніемъ ихъ въ старости.

Наконецъ нѣкоторые писатели усиливаются обезславить духовныя семинаріи, клеймя ихъ какою-то чрезвычайною без-

нравственностію. Никто не отрицаетъ, что въ семинаріяхъ иногда проявляются ученики дурнаго поведенія. Такихъ учениковъ, если они, при употребленіи всевозможныхъ мѣръ къ ихъ вразумленію, не исправляются, семинарское начальство исключаетъ изъ своего вѣдомства. Впрочемъ, пороки семинаристовъ виднѣе, чѣмъ пороки гимназистовъ, только въ великороссійскихъ губерніяхъ, по возросшей въ нихъ многочисленности воспитанниковъ семинарій. Проступки же гимназистовъ въ тѣхъ губерніяхъ не такъ примѣтны оттого, что въ нихъ гимназіи малочисленны учениками; а малочисленны потому, что дворянскія дѣти большею частію воспитываются въ кадетскихъ и другихъ учебныхъ корпусахъ и лицеяхъ, также въ разныхъ институтахъ, напримѣръ въ Горыгорецкомъ земледѣльческомъ; многіе молодые дворяне поступаютъ еще въ юнкерскія при полкахъ школы. Отъ этого въ великороссійскихъ гимназіяхъ до той степени мало бываетъ воспитанниковъ, что въ Новгородской гимназіи, въ 1834—1835 годахъ, шесть наставниковъ преподавали свои уроки одному ученику седьмаго класса, потому что не было больше учениковъ въ томъ классѣ. Но въ тѣхъ городахъ западныхъ губерній, въ которыхъ есть семинаріи и гимназіи многочисленнѣе великороссійскихъ гимназій и мѣстныхъ семинарій, шалости и проступки гимназистовъ гораздо виднѣе, чѣмъ воспитанниковъ семинаріи, до той степени, что многіе отцы, въ бытность мою въ тѣхъ губерніяхъ, жалуясь предо мною на дурное поведеніе своихъ сыновей, воспитавшихся въ гимназіяхъ, и относя это къ плохому смотрѣнію за ними ихъ начальниковъ, отдавали въ этомъ отношеніи предпочтеніе семинарскому воспитанію и говорили, что если бы было возможно, а въ семинаріяхъ болѣе преподаваемо было свѣтскихъ наукъ, то они отдавали бы своихъ дѣтей на воспитаніе въ семинаріи.

Толкуя вообще о *духовенствѣ* отечественной Церкви, преимущественно о приходскихъ священникахъ, многія лица, чуждыя ея іерархіи, называютъ духовенство отечественной Церкви *кастою*, потому что священническіе сыновья, окончивъ курсъ

семинарскаго образованія, также избираютъ званіе своихъ отцовъ. Но можно ли считать предосудительнымъ, когда сыновья какого нибудь, напримѣръ, полковника, котораго предки съ незапамятныхъ временъ состояли въ военной службѣ и славились своими въ этомъ званіи подвигами, слушая издѣтства простыя повѣствованія о военныхъ доблестяхъ прадѣда, дѣда и отца своего, распаляются желаніемъ поступить и вступаютъ въ военную службу? Напротивъ того, разсказы родныхъ о военномъ поприщѣ ихъ предковъ служатъ для сыновей такого полковника такимъ приготовленіемъ къ военному званію, какого не пріобрѣли бы они и въ наилучшемъ кадетскомъ корпусѣ, потому что заслуги и подвиги ихъ предковъ побудятъ ихъ проходить военную службу вполнѣ соотвѣтственно своему долгу, а въ примѣрахъ своихъ праотцевъ они будутъ почерпать поощреніе и одушевленіе къ мужеству и самоотверженію для блага отечества. Равнымъ образомъ, что въ этомъ дурнаго, что священническій сынъ также поступаетъ въ званіе отца своего? Напротивъ того, въ семействѣ примѣрнаго священника, дѣти его съ отрочества непримѣтно приготовляются къ достойному прохожденію священническаго званія, издѣтства узнаютъ нужды и горести его, свыкаются съ ними, а въ поведеніи своего родителя съ его прихожанами почерпаютъ такіе уроки обращенія съ ними, какихъ въ этомъ отношеніи не въ состояніи преподать никакое образованіе. Но несправедливо, будто всѣ священническія дѣти поступаютъ исключительно только въ духовное званіе. Такъ, едва ли въ Россіи можно найдти одно присутственное мѣсто, въ которомъ не было бы чиновниковъ изъ духовнаго званія, даже исключенныхъ изъ семинарій за безуспѣшность въ наукахъ и дурное поведеніе. Многія сыновья священниковъ поступали прежде въ университеты Харьковскій и Московскій; воспитанники медицинскихъ академій и Педагогическаго института первоначально состояли почти исключительно изъ однихъ семинаристовъ; въ училищѣ правовѣдѣнія, въ русскихъ университетахъ и гимназіяхъ по сю пору немало профессоровъ и наставниковъ изъ духовнаго званія. Имѣя это

въ виду, неосновательно духовенство отечественной Церкви называть кастою [1].

Впрочемъ, если наше духовенство похоже иа касту, то виновно ли оно, что, по обстоятельствамъ, оно сложилось такъ, что другимъ народнымъ сословіямъ представляется какбы кастою? Было время, когда іерархи отечественной Церкви допускали, подъ извѣстными условіями, къ священству людей всякаго званія, даже крестьянскаго. А изъявляли ли тогда дворяне желаніе поступать въ духовное званіе? Послѣ управленія Россіи Бирономъ, почти тысячи такъ называемыхъ церковныхъ приходовъ оказались праздными, безъ священниковъ. Что́ же? многіе ли дворяне рѣшились просить рукоположенія ихъ въ священники? Тогда и въ военную службу немного дворянъ охотно поступало, несмотря на то, что правительствомъ дозволено было записывать дѣтей въ службу еще въ колыбели, такъ что они, не служа, выходили въ чины и на восемнадцатомъ году появлялись въ свѣтѣ офицерами. А какое тогда было образованіе большей части дворянъ? Ихъ обучали грамотѣ пономари, дьячки, много-много священники. Впослѣдствіи бродяги, бѣглые французы, барабанщики, сапожники и т. п. обучали дворянскихъ дѣтей, и то въ нѣкоторыхъ только домахъ, французскому языку, котораго знаніе считалось верховною премудростію. Такъ было въ великой Россіи. На югѣ, въ Малороссіи и западныхъ губерніяхъ, священники большею частію происходятъ отъ старыхъ, несомнѣнныхъ дворянъ; оттого, что духовенство въ тѣхъ странахъ было уважаемо народомъ, который доставлялъ ему безбѣдное содержаніе, а мѣстное дворянство и духовенство изстари всеусильно стремились къ просвѣщенію науками. Въ Кіевѣ многіе дворяне

---

[1] Отвергая названіе духовнаго сословія кастою, не можемъ, однако, не замѣтить, что настоящимъ устройствомъ своимъ наше духовенство, можно сказать, ко благу Церкви и отечества, уподобляется ветхозавѣтной, учрежденной самимъ Богомъ іерархіи, которая въ израильскомъ народѣ составляла особое колѣно, а члены ея, жрецы и левиты, обитали въ отдѣльныхъ городахъ, такъ что отнюдь не смѣшивались съ народомъ.

наравнѣ съ купеческими, священническими и мѣщанскими сыновьями обучались въ тамошней академіи; богатѣйшіе же дворяне, для успѣшнѣйшаго образованія своихъ дѣтей, приглашали на свои квартиры такъ называемыхъ кандидатовъ, т. е. студентовъ, отправленныхъ въ Кіевскую академію губернскими семинаріями для пріугоутовленія ихъ къ училищной службѣ. Тѣ изъ малороссійскихъ и западныхъ губерній православнаго вѣроисповѣданія дворянъ, которые за отдаленностію и по скудости средствъ не могли посылать сыновей своихъ въ Кіевскую академію, воспитывали ихъ въ Харьковской семинаріи, именовавшейся коллегіумомъ, и въ семинаріяхъ югозападныхъ губерній, въ которыхъ возникли они тотчасъ по возвращеніи и соединеніи того края съ Россіей. Образовавшіеся въ Кіевской академіи и въ тѣхъ семинаріяхъ дворянскіе, священническіе и другихъ состояній сыновья, послѣ произвольнаго увольненія изъ какого имъ угодно было класса, свободно поступали, по своимъ склонностямъ, въ различныя, по своему избранію, званія: дѣти, напримѣръ, священническія въ гражданское, а дворянскія въ духовное. Такъ было до 1817 года, когда, по случаю преобразованія Кіевской академіи и югозападныхъ семинарій, предписано было бывшею коммиссіею духовныхъ училищъ не считать въ числѣ дѣйствительныхъ учениковъ низшихъ духовныхъ училищъ и семинарій дѣтей дворянскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ, а еслибъ, несмотря на это, такихъ званій ученики оставались въ училищахъ и семинаріяхъ, то не вносить ихъ въ классическіе разрядные, списки, а завесть для нихъ особенные списки подъ названіемъ разночинцевъ. При увольненіи же такихъ учениковъ изъ духовныхъ училищъ или изъ семинарій, не снабжать ихъ аттестатами, а выдавать имъ простыя свидѣтельства объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ. Впрочемъ, впослѣдствіи, чрезъ десять или болѣе лѣтъ, часто забывалось это предписаніе, и въ западныя семинаріи (напримѣръ, Могилевскую) поступали иногда дѣти дворянскаго и мѣщанскаго сословія, а по окончаніи семинарскаго образованія были рукополагаемы въ священники. Такъ мною

самимъ, пишущимъ сіи замѣчанія, между 1845 и 1860 годами рукоположены во священники, по окончаніи семинарскаго образованія, одинъ дворянинъ, одинъ ученикъ изъ мѣщанъ, и одинъ еврей, который, бывъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ еще въ дѣтствѣ просвѣщенъ св. крещеніемъ, обучался въ низшихъ духовныхъ училищахъ, а затѣмъ въ Могилевской семинаріи. Замѣчательно еще, что въ Могилевской семинаріи, по выбору и назначенію одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, постоянно могутъ учиться двое дворянъ на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго для этой цѣли однимъ помѣщикомъ, изъ уваженія къ тому, что начальство духовныхъ училищъ и семинарій имѣетъ бдительное смотрѣніе за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ!

Со времени такъ называемаго преобразованія семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ бывшею ихъ коммиссіею, гимназіи и низшія свѣтскія училища усвоили исключительно самимъ себѣ монополію образованія дѣтей всѣхъ сословій. Между тѣмъ, такъ какъ, по поводу усиленія бюрократіи, правительство, желая имѣть въ гражданской службѣ образованныхъ чиновниковъ, для привлеченія юношей всякаго званія къ образованію, предоставило имъ пріобрѣтать чины не только въ гражданской службѣ, но и съ окончаніемъ образованія въ университетахъ, лицеяхъ, институтахъ и гимназіяхъ; то вслѣдствіе столь милостиваго постановленія не только дворянскіе, но и купеческіе и мѣщанскіе сыновья устремились въ тѣ учебныя заведенія, не столько для образованія, сколько для полученія чиновъ, съ которыми поступали въ гражданскую службу. Такимъ образомъ, умножались чиновники до того, что немалое ихъ количество стало теперь переходить въ состояніе пролетаріатства, и начали вопіять, что русское духовенство образовало изъ себя касту,—вѣроятно, по предчувствію, что если бы они захотѣли поступить въ духовное званіе и просить рукоположенія во священники, то имъ было бы въ этомъ отказано. Но едва ли можно предполагать, чтобы какой либо епархіальный архіерей отказался рукоположить во священника дворянина, окончив-

шаго курсъ семинарскаго образованія и поступившаго въ духовное званіе, или даже такого, который бы, изучивъ хотя домашнимъ образомъ предметы, преподаваемые въ семинаріи, сдалъ въ нихъ экзаменъ, а епархіальное начальство удостовѣрилось строгимъ дознаніемъ, что онъ свято соблюдалъ уставы Церкви и велъ себя благочестно.

И желательно, чтобы дворяне поступали такимъ путемъ въ духовное званіе. Пусть отвѣдаютъ, что за сахарный бытъ русскаго духовенства; пусть испытаютъ презрѣніе и уничиженіе, коимъ бѣдные священники подвергаются не только отъ многихъ помѣщиковъ, но даже отъ нѣкоторыхъ предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ, отъ окружныхъ и ихъ помощниковъ, отъ всякаго рода чиновниковъ, отъ старшинъ сельскихъ обществъ и ихъ развратныхъ, пьяныхъ писарей! О, если бы господа, завидующіе духовному званію, поступивъ въ сословіе сельскихъ священниковъ, опытно удостовѣрились, сколь горестно ихъ положеніе, и провозгласили во услышаніе міру, что священники утѣшаются въ своихъ скорбяхъ единственно тѣмъ, что могутъ говорить о себѣ, подобно святымъ апостоламъ: *позоръ быхомъ міру и человѣкомъ, якоже отреби... всѣмъ попраніе доселѣ* (1 Кор. 4, 9. 13)!

Нѣкоторые господа совѣтуютъ, чтобы приходскіе священники были безженны, потому что духовное сословіе будто бы непомѣрно размножилось, а, между тѣмъ, не только священники, но и причетники и просфирни съ семействами лежатъ на попеченіи прихожанъ. Но вѣдь нѣтъ прямаго закона, обязывающаго священниковъ непремѣнно быть женатыми [1], и благо было бы, если бы священники, обитающіе посреди міра, оставаясь безъ женъ, проходили свое служеніе достойно своего званія, хотя, само собою разумѣется, этого желанія никакъ

[1] Въ правилахъ церковныхъ сказано только то, что „аще *кто изъ поступающихъ въ клиръ* восхощетъ сочетатися съ женою по закону брака, таковый да творитъ сіе прежде рукоположенія во иподіакона, или въ діакона, или во пресвитера. Но ни иподіаконъ, ни діаконъ, ни пресвитеръ не имѣетъ позволенія, по совершеніи надъ нимъ рукоположенія, вступати въ брачное сожительство“. 6 Всел. Соб. правило 6-е.

нельзя возводить въ непремѣнное правило, обязательное для всѣхъ.

Странно, однакоже, что во Франціи и въ католическихъ германскихъ княжествахъ благонамѣренные ученые, искренно желающіе преуспѣянія христіанству и улучшенія народныхъ нравовъ, изустно и печатно совѣтовали и совѣтуютъ, чтобы латинскіе ксендзы были женаты; а на Руси вздумали требовать противнаго. Упрекающіе наше духовное сословіе въ чрезвычайномъ размноженіи, если бы взяли на себя трудъ сравнить русское духовенство съ народонаселеніемъ, среди котораго оно обитаетъ, то удостовѣрились бы, что оно несравненно малочисленнѣе духовенства, коимъ переполнены западныя государства. Полагающіе же, будто на прихожанахъ лежитъ содержаніе церковныхъ причетниковъ и просфирней съ семействами, если бы ближе ознакомились съ ихъ бытомъ, то убѣдились бы, что причетники и просфирни питаются тяжкими трудами рукъ своихъ съ малаго участка удѣляемой имъ подцерковной земли и чрезвычайно рѣдко получаютъ отъ прихожанъ въ родѣ милостыни какую нибудь лепту.

Наконецъ, въ наше время преимущественно стали многіе утверждать, что духовенство отечественной нашей Церкви *замкнуто* само въ себѣ. Это иносказаніе въ собственномъ смыслѣ означаетъ, что для русскаго духовенства, преимущественно для приходскихъ священниковъ, домы людей высшаго круга, особенно помѣщиковъ, всегда замкнуты, даже по праздникамъ, когда священники, по долгу своему, посѣщаютъ ихъ со святынею и благословеніемъ Божіимъ. Присовокупляютъ еще къ мнѣнію о мнимой замкнутости духовенства, что наши священники не знаютъ свѣтскаго обращенія. Чья же въ этомъ вина? Если бы священники, хотя по временамъ, приглашаемы были въ городскіе домы или, покрайней мѣрѣ, имѣли свободный доступъ къ помѣщикамъ и людямъ высшихъ сословій, то научились бы ихъ обращенію. А сколько бы отъ этого проистекло пользы для тѣхъ же господъ, которые теперь чуждаются сближенія со священниками! Такъ относительно хозяй-

ственнаго устройства, воспитанія дѣтей, опредѣленія сыновей на службу, пристроенія дочерей, въ скорби и несчастныхъ случаяхъ, никто искреннѣе и полезнѣе не подалъ бы имъ совѣта, какъ священникъ, который, хотя его чуждаются, часто болѣе вѣрныя имѣетъ свѣдѣнія о характерѣ и склонностяхъ лицъ, изъ коихъ состоятъ домы людей высшаго круга, чѣмъ кто либо иной. Но, къ прискорбію, въ наше время духъ пристрастія ко всему западному, можно сказать, ослѣпилъ душевныя очи многихъ семействъ и лицъ высшихъ сословій, до того, что они не видятъ, въ какое нелѣпое положеніе поставило ихъ это пристрастіе. Въ доказательство сего приведу хотя одинъ изъ безчисленныхъ анекдотовъ. Въ одной изъ западныхъ губерній я знавалъ одного русскаго помѣщика, который, послѣ долговременной разгульной жизни, наконецъ женился въ Москвѣ на штабъ-офицерской дочери, воспитанной въ пансіонѣ какой-то француженки, которая успѣла глубоко внушить своимъ воспитанницамъ отвращеніе отъ всего русскаго и пристрастіе ко всему французскому, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудить пламенное желаніе побывать въ Парижѣ. Жена этого владѣльца постоянно объ этомъ бредила. На приходъ того села, въ которомъ тотъ владѣлецъ, послѣ разныхъ похожденій, поселился, поступилъ окончившій курсъ семинарскаго образованія молодой священникъ, женившійся на дочери возсоединеннаго священника, который, какъ тесть молодаго священника, заботясь объ устройствѣ новаго его хозяйства, часто посѣщалъ его и, видя въ новомъ хозяйствѣ разные недостатки, обращался къ упомянутому помѣщику съ просьбами о пособіи своему зятю. А какъ это происходило въ началѣ возсоединенія уніатовъ съ православною Церковію, то онъ, какъ недавно возсоединившійся, носилъ еще уніятскій костюмъ, похожій, какъ извѣстно, на костюмъ латинскихъ ксендзовъ. Вслѣдствіе сего, потому единственно, что тотъ священникъ носилъ такой костюмъ, упомянутый помѣщикъ и жена его всегда встрѣчали его, повидимому, съ полнымъ радушіемъ, часто приглашали къ столу, заставляли садиться на почетнѣйшемъ мѣстѣ и не отказывали ему въ его

просьбахъ. Но когда тотъ же священникъ, износивъ уніятскій костюмъ, надѣлъ рясу и отростилъ бороду, то, обращаясь къ тому же помѣщику съ подобными прежнимъ просьбами, принимаемъ уже былъ имъ съ явнымъ пренебреженіемъ, принужденъ былъ стоять у порога и никогда не получалъ просимаго.

Впрочемъ, можно ли ожидать въ Россіи большаго уваженія къ священному сану, когда русскіе журналисты не могутъ придумать достаточно унизительнаго названія для отечественной Церкви и ея ученія, именуя русскую Церковь то византійскою, то оффиціальною, а ученіе ея византизмомъ? Какъ будто бы Евангеліе и посланія апостольскія, составляющія главный источникъ ученія отечественной Церкви, написаны въ Византіи, или это ученіе измѣнилось отъ того, что въ Россію перешло изъ Константинополя, какъ будто всѣ вселенскіе и частные Соборы, коихъ правила хранитъ наша Церковь, учреждались въ одной Византіи, или только въ ней обитали святые отцы, коихъ творенія усвоены отечественною Церковію и высоко цѣнятся всѣми христіанскими Церквами и обществами! И въ какое время вздумали русскіе журналисты такими названіями честить русскую Церковь и ея ученіе? Когда во Франціи, въ Англіи, Германіи, Голландіи, Пруссіи, Баваріи ученѣйшіе мужи открыто сознаютъ, что только восточныя православныя Церкви и совокупно съ ними русская Церковь сохранили первобытное, неискаженное произвольными мудрованіями христіанское ученіе, вмѣстѣ съ преданіемъ первенствующей Церкви!

Всего прискорбнѣе, что въ Россіи ни протестантское, ни латинское, ни армянское, ни татарское духовенство не подвергается такому пререканію отъ своихъ послѣдователей, какъ русское отъ русскихъ. Никто никогда не слыхалъ, чтобы послѣдователи состоящихъ въ Россіи иновѣрческихъ исповѣданій столь унизительно отзывались о своихъ духовныхъ пастыряхъ, какъ русскіе цивилизаторы о духовенствѣ отечественной Церкви, которые наконецъ достигли до такого прогресса, что злословятъ и такихъ святителей и благодѣтелей Россіи, какъ

святые московскіе митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексій, превращая историческія о нихъ свидѣтельства и провозглашая легкомысленныя о нихъ сужденія.

Итакъ, соображая современные толки о семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной Церкви съ дѣйствительностію и существенными ихъ потребностями, явно, что провозглашающіе свои о нихъ мнѣнія не имѣютъ основательныхъ свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, о которыхъ толкуютъ; что для основательнаго о нихъ сужденія надлежало бы непрошеннымъ судьямъ глубже вникнуть въ дѣло и старательнѣе изучить состояніе семинарій и духовенства русской Церкви, а главное—не глумиться надъ нею и спасительными истинами православнаго вѣроученія.

МЫСЛИ

ПО СЛУЧАЮ УЧРЕЖДЕНІЯ ГУБЕРНСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ ДЛЯ ИЗЫСКАНІЯ СРЕДСТВЪ КЪ УЛУЧШЕНІЮ БЫТА ПРИХОДСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА.

Люди здравомыслящіе издавна уже съ грустнымъ прискорбіемъ обращали вниманіе на бѣдственное положеніе приходскихъ, особенно сельскихъ, священниковъ. Ибо внимательные не могли не видѣть, что приходскій священникъ, проводя жизнь больше среди бѣдныхъ жителей, и внося утѣшеніе вѣры въ хижины, — самъ тоже нерѣдко живетъ въ приземистой, обветшавшей хижинѣ, подъ гнетомъ ужаснѣйшей нищеты и лишеній къ поддержанію себя съ семействомъ. Но благодареніе Богу, по слову всемилостивѣйшаго Государя Императора, учреждены наконецъ присутствія для изысканія средствъ къ улучшенію быта православнаго приходскаго духовенства, и составлены изъ первыхъ лицъ мѣстнаго управленія. Мало того,— сей предметъ былъ предоставленъ обсужденію даже самыхъ духовныхъ; такъ что къ рѣшенію этого вопроса приглашена почти вся Россія. Теперь можно утѣшаться надеждой, что состояніе приходскихъ, православныхъ священниковъ будетъ улучшено. Но кто и какими средствами подниметъ ихъ на степень уваженія, соотвѣтствующаго служенію Евангелія и строителямъ Божіимъ? Писатель апостольскихъ постановленій именемъ святыхъ Апостоловъ, убѣждаетъ мірскихъ христіанъ словомъ Божіимъ, «чтобы они чтили и любили священниковъ, какъ благодѣтелей и предстателей предъ Богомъ, которые возродили ихъ

Духомъ Святымъ, млекопитали ихъ словомъ, воскормили ученіемъ, утвердили вразумленіями, сподобили спасительнаго тѣла и крови (Христовой), разрѣшили отъ грѣховъ, сдѣлали причастниками святой и освященной евхаристіи, общниками и сонаслѣдниками Божія обѣщанія. Благоговѣйте предъ ними и чтите ихъ всякою честію; ибо они получили отъ Бога власть осуждать согрѣшающихъ на смерть огня вѣчнаго, разрѣшать и оживотворять обращающихся отъ грѣховъ» [1]. Современной цивилизаціи такія внушенія можетъ быть покажутся странными. Но люди благомыслящіе не могутъ не признавать, что священники, какъ пастыри, дѣйствительно заслуживаютъ уваженія. Какого уваженія? Конечно не такого, къ какому всѣми силами стремится латинское духовенство, старающееся подчинять своему произволу государственныя правительства, превозносящее выше небесъ достоинство латинскаго священника, и въ самой Франціи, странѣ либеральной, проповѣдующее съ церковной каѳедры, будто ксендзъ выше царей, будто онъ другой — или тотъ же Христосъ [2]. Русское православное духовенство всегда и на всѣхъ степеняхъ церковной іерархіи поступало въ духѣ евангельскаго ученія, украшалось кротостію и смиреніемъ, постоянно держалось въ предѣлахъ своего званія, указаннаго ему словомъ Божіимъ и правилами соборовъ, и не вмѣшивалось въ дѣла гражданскаго правительства. Какого же уваженія вправѣ ожидать русскіе священники отъ руководствуемыхъ ими къ вѣчному спасенію? Ни больше, ни меньше, какъ такого, какое въ Россіи оказываютъ своему духовенству всѣ иновѣрцы, кромѣ латинянъ, — лютеране на пр. своимъ пасторамъ, армяне своимъ священникамъ, евреи своимъ раввинамъ, татары своимъ мулламъ, буряты улемамъ, а другіе язычники своимъ шаманамъ. До какой степени иновѣрцы почтительны къ служителямъ религіи, легко убѣдиться изъ того, что никому изъ русскихъ не доводилось слышать невыгодный отзывъ о его ду-

---

[1] Постановл. апост., въ русск. перев. Казань, 1864 г. кн. 1, § 33, стр. 62.
[2] Труды Кіевской духовной академіи, 1864 г. декабрь, стр. 770—775.

ховенствѣ. Посмотрите, съ какою почтительностію относятся они къ своимъ духовнымъ! Какое уваженіе даже раскольники оказываютъ мнимымъ своимъ епископамъ и священникамъ лживаго австрійскаго рукоположенія! А русскіе, именующіеся православными, хвалясь современною цивилизаціею, находятъ удовольствіе въ лживыхъ анекдотахъ на счетъ православныхъ священниковъ, говорятъ объ нихъ съ презрѣніемъ и кощунственно коверкаютъ славянскія выраженія языка церковнаго и библейскаго.

Отчего же проявилось на Руси такое презрѣніе къ православнымъ священникамъ?—Въ старыя времена боярское и дворянское сословіе можетъ быть не оказывали имъ должнаго уваженія потому, что въ духовное званіе поступали лица большею частію изъ поселянъ безъ всякаго образованія, едва умѣвшіе коекакъ читать церковныя книги, такъ что священникъ, по своимъ свѣдѣніямъ, не отличался отъ мужика. Просвѣщеніе тогда на Руси было какбы въ зародышѣ; да и повсемѣстнымъ обиліемъ книгъ духовнаго содержанія России не могла еще хвалиться; потому что такія книги почти исключительно хранились въ монастыряхъ. При всемъ томъ, по освобожденіи Россіи отъ татарскаго порабощенія, іерархи русской Церкви стали ревностно разсѣвать въ народѣ мракъ невѣжества, рукополагали во священники умѣющихъ хотя свободно читать церковныя книги; въ Москвѣ и въ Новгородѣ учреждали училища, заводили ихъ при своихъ архіерейскихъ домахъ. Такая ревность іерарховъ къ водворенію въ Россіи духовнаго просвѣщенія со временъ Петра І-го усилилась до того, что подъ конецъ восемнадцатаго столѣтія во всѣхъ тѣхъ городахъ, въ которыхъ были архіерейскія каѳедры, существовали уже семинаріи для образованія юношей духовнаго званія, и русское духовенство, по своему просвѣщенію, стало впереди другихъ сословій. Но тутъ было добро не безъ зла. Со временъ Петра І-го въ домы русской аристократіи сталъ проникать духъ лютеранства и кальвинизма; дворяне, посылаемые правительствомъ, и сами по доброй волѣ, отправлявшіеся въ европейскія госу-

дарства для образованія науками, перенимали европейскіе обычаи, заимствовали оттуда большею частію растлѣнный образъ мыслей съ дурными нравами, и все это прививали тѣмъ семействамъ, въ которыя возвращались. Между тѣмъ лютеранское вліяніе въ Россіи было, можно сказать, господствующимъ; во времена терзавшаго ее Бирона нѣмцы управляли цѣлымъ государствомъ. Затѣмъ, съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, началъ приходить въ употребленіе у насъ французскій языкъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ намъ понравились французскія понятія и французская легкомысленность. Въ царствованіе же Екатерины II, наводнили наше отечество нечестіе Вольтера и безбожіе французскихъ энциклопедистовъ, — особенно, когда, во время французской революціи, оказано было у насъ гостепріимство французскимъ эмигрантамъ.

Но человѣкъ въ продолженіе цѣлой жизни не можетъ оставаться безъ религіи. Врожденное стремленіе къ ней не убивается никакими земными наслажденіями и удовольствіями, но, подавляя человѣка сознаніемъ пустоты и безмѣрной грѣховности, заставляетъ его искать исхода изъ столь пагубнаго состоянія. Въ слѣдствіе сего, многія фамиліи высшихъ русскихъ сословій, отчуждившіяся отъ праотеческаго вѣроисповѣданія и воспитанныя на почвѣ французской литературы, стали приглашать къ себѣ бѣжавшихъ изъ Франціи аббатовъ, и склонивъ слухъ свой къ софизмамъ іезуитскаго католицизма, усвояли его до такой степени, что многія открыто сдѣлались фамиліями ультрамонтанистическими. По примѣру ихъ мода увлекала къ отступничеству отъ православной Церкви и другіе домы, считавшіеся русскими только по имени. Съ того времени о сю пору многія изъ русскихъ семействъ, только для того, чтобы не испортить французскаго прононса, боятся учить своихъ дѣтей даже молиться Богу по русски, и считая Францію своимъ эдемомъ, отправляются туда, и ввѣряютъ своихъ дѣтей іезуитамъ. Замѣчательно однако, что изъ всѣхъ мнимо русскихъ, совратившихся въ іезуитскій католицизмъ, никто не получилъ не только основательнаго, но даже и поверхностнаго понятія о высокихъ

истинахъ православнаго вѣроученія; никто, наслышавшись іезуитскихъ софизмовъ, не обратился съ ними предварительно къ какому либо свѣдущему, православному, священнику, который бы легко убѣдилъ колеблющагося въ ничтожности тѣхъ софизмовъ. Извѣстно также, что всякій воспитанникъ іезуитовъ становится непримиримымъ врагомъ православной Церкви и вѣчнымъ хулителемъ Россіи: такъ какъ всѣ усилія заграничныхъ его учителей направлены къ тому, чтобы Россію подчинить авторитету фантастическаго призрака, именуемаго папою, и, пробравшись въ нее, обратить русскихъ вельможъ въ своихъ послушниковъ, высосать всѣ источники русскаго богатства, преслѣдовать и мучить русскихъ за исповѣданіе православной вѣры, и для этой цѣли учредить въ Россіи инквизицію. Что къ такой именно цѣли ультрамонтанизмъ стремится у всѣхъ народовъ, въ наше время,—кромѣ многихъ другихъ примѣтъ, явно видно изъ послѣдней буллы Пія IX. Поэтому въ сердцахъ людей по происхожденію русскихъ, и случайная встрѣча съ православнымъ священникомъ не можетъ не возбуждать воплей совѣсти, которую совратившіеся русскіе принуждены заглушать презрѣніемъ къ нему, и искать успокоенія въ казуистическихъ софизмахъ іезуитовъ, отверзающихъ небо всякому, какого бы кто ни былъ поведенія, лишь бы онъ признавалъ папу непогрѣшительнымъ своимъ судіею.

Впрочемъ русскіе ищутъ образованія не въ одной Франціи. Наше юношество, жаждущее будто бы усвоить себѣ естественныя науки, скитается преимущественно по сѣверной Германіи, гдѣ, не получивъ предварительно яснаго понятія о догматахъ православнаго вѣроисповѣданія, постоянно колеблется тлетворнымъ вѣтромъ западныхъ религіозныхъ сектъ и философскихъ системъ, пантеизма, матеріализма, атеизма, коими пропитанное, возвращается въ Россію, и принимается дружно, посредствомъ журнальныхъ панфлетовъ и циническаго разврата, проводить въ народныя массы безбожіе, циническіе нравы и презрѣніе къ православному вѣроисповѣданію, которое провозглашаетъ въ своемъ неистовствѣ то византійзмомъ, то обску-

рантизмомъ, то мракобѣсіемъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ выказываетъ свое злорадство къ православному священству. Изъ всего этого ясно, по какимъ причинамъ высшія русскія сословія въ большей части своихъ членовъ отчуждились отъ праотеческой, православной Церкви; а отъ такого отчужденія выродилось болѣе чѣмъ ненормальное обращеніе съ приходскими священниками, не только нѣкоторыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ всѣхъ степеней, но даже и мѣщанъ зажиточныхъ и поселянъ, изъ которыхъ почти каждый, какъ только сдѣланъ старшиною, тотчасъ становится въ положеніе къ православному духовенству враждебное, и выказываетъ свое значеніе грубостію и униженіемъ священниковъ. Трудно выразить, какое презорство и надменность въ отношеніи къ священникамъ высказываютъ иногда предсѣдатели какихъ нибудь палатъ, окружные съ ихъ помощниками, мировые, исправники, становые пристава и всякая челядь различныхъ канцеляристовъ, особенно помазавшихся нѣсколько духомъ прежней университетской мудрости, даже и сельскіе писаря, большею частію пьяницы. Не возможно изчислить укоризнъ, насмѣшекъ, язвительныхъ остротъ и прижимокъ, терпѣливо переносимыхъ отъ нихъ приходскими священниками. Лучшей доли, по видимому, нельзя и ожидать православнымъ священникамъ, если принять въ соображеніе, что нѣкоторыя напр. палаты государственныхъ имуществъ, какъ извѣщали газеты, оффиціально возбраняли сельскимъ общинамъ обращать базарный день вмѣсто воскреснаго, въ какой либо123 буднишній, т. е. оффиціально запрещали соблюдать четвертую заповѣдь Божію. Въ либеральной Англіи такого духа чиновники какихъ нибудь палатъ тотчасъ были бы лишены государственныхъ должностей просто на томъ основаніи, что пренебрегающій Божественные законы плохой уже слуга государству и служитъ только въ видахъ личной своей корысти. А въ православной Россіи какіе нибудь чиновники въ палатахъ государственныхъ имуществъ, также мировые съ братіею, если воскресный день не базарный, вмѣсто предоставленія въ этотъ день поселянамъ приходить къ общественному богослуженію, заставляли ихъ, въ нѣкоторыхъ

областяхъ съ самаго ранняго утра спѣшить въ лѣса на охоту, подъ предлогомъ истребленія волковъ и медвѣдей, вмѣсто которыхъ являлись на ихъ кухняхъ серны и зайцы. А чтобы приходскіе священники отнюдь, ни въ какомъ случаѣ, не пользовались усердіемъ своихъ прихожанъ, по распоряженію нѣкоторыхъ палатъ государственныхъ имуществъ, прибиваемы были на столбахъ въ казенныхъ селахъ указы, коими строго воспрещалось, чтобы поселяне ничѣмъ не награждали своихъ священниковъ за исправленіе христіанскихъ требъ; старшины же и сельскіе писаря часто сопровождали еще тотъ указъ различными произвольными комментаріями къ униженію и вреду духовенства.

Для униженія и отчужденія священниковъ отъ ихъ сельской паствы чиновники, завѣдывавшіе свѣтскою мудростію, принялись еще позорить священниковъ лживыми доносами. Многіе священники возревновали основать большею частію въ собственныхъ домахъ—поселянскія училища; но эти училища были у нихъ потомъ отторгаемы, и ввѣрялись педагогамъ отличавшимся только куреніемъ сигаръ и папиросъ. По какимъ причинамъ совершаемы были такіе несправедливые поступки? Увѣряли начальство, будто священники не имѣютъ познаній, необходимыхъ для распространенія въ народѣ просвѣщенія, и будто даже противятся этому, хотя напротивъ они душевно были бы рады, для озаренія народа свѣтомъ истины, имѣть благонамѣренныхъ, а не развратныхъ и ни во что святое не вѣрующихъ, сотрудниковъ. Удивительно, что чиновники высокой свѣтской мудрости, всемѣрно стараясь удалить православныхъ священниковъ отъ обученія поселянскихъ дѣтей православнаго народа, не распространяли своей опеки на поселянскія училища лютеранъ въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ если не наставники, то начальники всегда лютеранскіе пасторы. Почему также эти господа чиновники не принимаютъ подъ сердобольное попеченіе раскольническихъ общинъ? Уже не потому ли, что и безъ опеки ихъ, по одному лозунгу Герцена, раскольниковъ легко возбудить къ бунту противъ правительства?

Усилія такихъ попечителей, конечно, и не останутся безплодными, тѣмъ болѣе, что нигилисты всѣми способами провозглашаютъ безбожіе и растлѣніе нравовъ, которое въ связи съ распространяющимся повсюду пьянствомъ — чего не сдѣлаетъ? Для такого прогресса даже въ московскомъ театрѣ, въ этомъ, какъ въ старину провозглашали, училищѣ нравовъ, попечители его заставляли пятнадцатилѣтнихъ дѣвицъ и семнадцатилѣтнихъ юношей открыто предъ публикой плясать африканскій танецъ канканъ, со всѣми любодѣйными движеніями; а сколько для этого танца открыто домовъ въ Петербургѣ, какъ извѣщали газеты и циническіе журналы!

Изъ всего этого ясно, что тайна беззаконія, зародившаяся еще во времена св. Апостоловъ, теперь дѣйствуетъ уже открыто, съ полнымъ безстыдствомъ (2 Сол. 3, 7). Въ такое время бѣднымъ православнымъ священникамъ, подобно Лоту, который томился, видя и слыша въ Содомѣ безстудныя дѣла (2 Петр. 2, 8), нельзя не мучиться въ душѣ своей. Но съ другой стороны, помня, что, по предсказанію Начальника и совершителя нашей вѣры, Іисуса Христа, послѣдователей Его въ мірѣ ожидаютъ скорби, ненависть и гоненія (Іоан. 15, 19. 20), священники должны одушевляться крѣпкою вѣрою въ Бога, полнымъ на Него упованіемъ, и со всею ревностію совершать свое служеніе, въ той мысли, что можетъ быть, по предреченію Спасителя, приближается время избавленія ихъ отъ поношенія и униженія (Лук. 21, 28). По крайней мѣрѣ объ этомъ дѣятельно заботится отечественное наше правительство. Притомъ въ Россіи не семь только тысячъ человѣкъ, какъ было въ Израильскомъ царствѣ, во дни Иліи пророка, непреклонившихъ колѣна предъ современнымъ Вааломъ (3 Цар. 19, 14. Рим. 11, 3). Конечно, одинъ Богъ знаетъ сущихъ своихъ (2 Тим. 2, 19); но и священникамъ, хотя отчасти, могутъ быть извѣстны искренніе послѣдователи православнаго вѣроисповѣданія, напр. почтенные старцы, могущіе, по наставленію священниковъ, предостерегать и удерживать своихъ единоземцевъ отъ потопленія въ омутѣ безбожія и разврата, и не только имѣть силу

вразумленія погибающихъ, но и пріобрѣсть соотвѣтственное высокому своему званію уваженіе.

Впрочемъ, достигнуть этой цѣли какими либо административными мѣрами невозможно, если сами священники не направятъ всѣхъ своихъ усилій къ тому, чтобы поднять свое званіе на степень, ему соотвѣтственную. Что же требуется для этого со стороны священниковъ? Благопримѣрное поведеніе, ревностное исполненіе своихъ обязанностей, любознательность, питаемая прилежнымъ упражненіемъ въ чтеніи св. Писанія, твореній святыхъ отцевъ и вообще книгъ духовнаго содержанія. Такое упражненіе крайне необходимо священнику для того, чтобы онъ былъ въ состояніи свободно, съ искреннимъ одушевленіемъ импровизировать высокія истины православнаго вѣроисповѣданія, не только въ храмѣ Божіемъ, но и при всякой встрѣчѣ съ людьми, ввѣренными ему промысломъ Божіимъ. Такимъ только образомъ священникъ будетъ въ состояніи, по ученію св. Апостола, во всякое время плодотворно наставлять пасомыхъ словесныхъ овецъ, обличать, запрещать, увѣщавать ихъ со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ (2 Тим. 4, 2). Проповѣдь объ Іисусѣ Христѣ, распятомъ на древѣ крестномъ, покорившая вѣрѣ въ Евангеліе многихъ, гордившихся мірскою мудростію, и теперь сохраняетъ ту самую божественную силу, которая заставила цѣлые народы и царства исповѣдать Іисуса Христа Богочеловѣкомъ, и теперь проникаетъ въ души и потрясаетъ сердца, не растлѣнныя еще окончательно. Нужды нѣтъ, что въ наше время нечестіе дѣйствуетъ открыто: тѣмъ удобнѣе отсѣкать гнилость отъ тѣла здороваго, и если вкралась губительная зараза безбожія, прилагать къ членамъ зараженнымъ евангельскія врачевства.

Но памятуя, что мы примирились съ Богомъ смертію Іи́суса Христа, когда, по растлѣнной грѣхомъ природѣ, были еще врагами Божіими (Рим. 5, 10), что Господь и Спаситель нашъ до конца возлюбилъ своихъ послѣдователей (Іоан. 13, 1), и для спасенія рода человѣческаго предалъ Себя на страданія и смерть, священникъ долженъ со всею искренностію возлю-

бить ввѣренныхъ руководству его духовныхъ дѣтей, быть привѣтливымъ ко всѣмъ, даже къ тѣмъ, которые оскорбляютъ его грубостію и дерзостями, — къ самымъ закоренѣлымъ грѣшникамъ, долженъ быть готовымъ всякому, по возможности, благодѣтельствовать, оказывать снисхожденіе, великодушно переносить обиды и оскорбленія, всѣмъ сердцемъ скорбѣть объ умственной слѣпотѣ пасомыхъ имъ овецъ, ревностно стараться объ искорененіи въ нихъ предразсудковъ и пороковъ, словомъ, быть какбы въ мукахъ рожденія, доколѣ въ руководствуемыхъ имъ не изобразится Христосъ (Гал. 4, 19). А для этого онъ обязанъ подавать посильную помощь недужнымъ, принимать искреннее участіе въ горести бѣдствующихъ, сострадать всякому въ злоключеніяхъ, утѣшать скорбящихъ, благотворить даже открытымъ врагамъ и, по ученію Спасителя, молиться за ненавидящихъ его. Быть не можетъ, чтобы, поступая такимъ образомъ, священникъ, при всей наглости нечестивцевъ, не привлекъ къ себѣ любви своихъ прихожанъ, не снискалъ ихъ довѣрія и не заслужилъ искренняго уваженія, по меньшей мѣрѣ, въ кругу своей дѣятельности.

Но крайне жалкая обстановка многихъ приходскихъ священниковъ, многоразличныя лишенія и нужды мертвятъ ихъ способности, и охлаждаютъ самую пламенную ихъ ревность къ исполненію своихъ обязанностей. Поэтому и ревностный священникъ прежде всего вынужденъ помышлять о собственномъ содержаніи, какое прилично его званію, и о воспитаніи дѣтей своихъ. Отчего же это происходитъ? Не оттого ли, что православные русскіе священники вообще слишкомъ скромны и смиренны до такой степени, что не рѣшаются вразумить руководствуемыхъ ими духовныхъ дѣтей, какого усердія, какихъ наградъ заслуживаетъ званіе священника, ревностно исполняющаго свои обязанности? Правда, нѣкоторые священники, угнетаемые крайнею нуждою, иногда настойчиво требуютъ мзды за труды свои: но такое требованіе представляется паствѣ ихъ незаконнымъ вымогательствомъ, тѣмъ болѣе, что міряне не имѣютъ никакого понятія о важности и достоинствѣ священническаго

ихъ званія и совершаемыхъ ими священнодѣйствій, — но считаютъ ихъ не болѣе, какъ ремесленниками, которыхъ все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы какъ нибудь прочитывать по книгѣ, что въ ней напечатано, и что для этого не требуется ни благовременнаго приготовленія, ни благоговѣйнаго расположенія духа. Духовенство другихъ вѣроисповѣданій вовсе не стѣсняется такою скромностію. Во Франціи напримѣръ, не смотря на то, что революціею почти истреблена была христіанская религія, духовенство латинское нетолько успѣло возстановить ее, но и получаетъ достаточное жалованье; обитаетъ въ устроенныхъ на счетъ земства, домахъ, совершаетъ богослуженіе въ построенныхъ и ремонтируемыхъ правительствомъ церквахъ, и заставляетъ прихожанъ каждой церкви платить мзду за исправленіе всѣхъ христіанскихъ требъ. О священной, непремѣнной обязанности всякаго мірянина давать положенную плату латинскому духовенству проповѣдывали съ церковныхъ каѳедръ нетолько ксендзы, но и епископы ихъ. Кромѣ того, латинское духовенство нѣсколько уже лѣтъ собираетъ съ послѣдователей своихъ подать для поддержанія папскаго двора и кардиналовъ; также успѣло собрать и внесть въ кредитныя учрежденія многіе милліоны на содержаніе миссіонеровъ пропаганды, направленной особенно на Болгарію.

Имѣя въ виду эти примѣры, невольно приходишь къ вопросу, почему не таковы практическія отношенія мірянъ къ духовенству въ Россіи? У насъ нѣкоторые церковные приходы упорно отказываются даже построить для причта приличныя помѣщенія и надѣлить его достаточнымъ количествомъ пахатной и сѣнокосной земли къ безбѣдному его содержанію. Желательно, чтобы кто либо издалъ хотя брошюру, въ которой было бы изложено, какого усердія и заботливости объ улучшеніи быта церковныхъ причтовъ заслуживаетъ служеніе ихъ обществу. Почему не вразумить народъ, что содержаніе священниковъ съ причетниками естественно лежитъ на обязанности мірянъ; что со стороны ихъ необходимо самое усердное награжденіе церковнослужителей, не за то, что они совершаютъ

таинства и христіанскія требы, какъ многіе превратно говорятъ, а за труды, посвящаемые ими при совершеніи богослуженій и предписанныхъ св. Церковію священнодѣйствій,— за то, что этимъ отнимается у нихъ время, которое они могли бы употребить на поддержаніе своего быта и пропитаніе своихъ семействъ. Матеріальное обезпеченіе лицъ, служащихъ олтарю съ древнѣйшихъ временъ у всѣхъ народовъ, еще до положительнаго закона Божія, даннаго чрезъ пророка Моисея, по одному естественному чувству, принималъ на себя всякій, кто пользовался религіозными услугами священнослужителей. Такъ отецъ вѣрующихъ Авраамъ, на возвратномъ пути послѣ пораженія четырехъ царей, плѣнившихъ сродника его Лота со всѣмъ его имуществомъ и семействомъ, встрѣченный и благословляемый Мелхиседекомъ, далъ ему десятину изъ лучшихъ своихъ добычъ (Быт. 14, 18—20. Евр. 7, 4). Положительнымъ закономъ Божіимъ, даннымъ израильскому народу чрезъ Моисея на Синайской горѣ, предписано было опредѣлить для жительства левитовъ, исправлявшихъ богослуженіе при скиніи свидѣнія, отдаленные города въ Палестинѣ съ пастьбищами, вносить каждому израильтянину на содержаніе ихъ десятину отъ всѣхъ плодовъ земныхъ, хлѣба, вина и елея, удѣлять имъ опредѣленныя части отъ народныхъ жертвоприношеній, какъ-то: плечо, челюсти, требухи—воловъ, тельцовъ, овецъ и остатки хлѣбныхъ приношеній (Лев. 2, Втор. 18, 3), коими, какъ замѣчаетъ писатель апостольскихъ постановленій, безпрепятственно пользовались ихъ жены, сыновья и дочери [1]. Кромѣ сего Моисей завѣщалъ каждому израильтянину: «пріидетъ къ тебѣ левитъ... пришлецъ и сирота, и вдова, пусть ѣдятъ у тебя и насыщаются: дабы благословилъ тебя Господь Богъ твой во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ». Іисусъ Христосъ, Богъ Спаситель нашъ, посылая святыхъ Апостоловъ на проповѣдь Евангелія, изрекъ: «Трудящійся достоинъ пропитанія... Принимающій васъ, принимаетъ Меня... Принимающій пророка

---

[1] Постановл. апостольскихъ книг. 2 § 36 стр. 35.

во имя пророка, получитъ награду пророка; и принимающій праведника во имя праведника, получитъ награду праведника. И кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды во имя ученика, не потеряетъ награды своей (Матѳ. 10, 10, 40. 41)». По ученію св. апостола Павла, «Господь проповѣдующимъ Евангеліе предоставилъ жить отъ благовѣствованія,—какъ священнодѣйствующіе питаются отъ святилища, и служащіе олтарю берутъ долю отъ жертвенника. Ибо какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? Кто пашетъ, долженъ пахать съ надеждою, и кто молотитъ,—съ надеждою получить ожидаемое. Если мы (Апостолы) посѣяли вамъ духовное, велико ли то, что пожнемъ у васъ тѣлесное (1 Кор. 9, 7. 10. 11—14)? «Наставляемый дѣлись (не чѣмъ нибудь, а) всякимъ добромъ съ наставляющимъ (Гал. 6, 7)». По выраженію писателя постановленій апостольскихъ, «всякій начатокъ плодовъ, отъ точила, воловъ и овецъ давай священникамъ: чтобы благословилось отложенное въ кладовыхъ твоихъ и произрастенія земли твоей, чтобы ты утвердился пшеницею, виномъ и елеемъ [1].» «Предъ священникомъ не являйся съ пустыми руками, но непремѣнно приноси добровольные дары свои [2]».

Неужели столь высокія, обѣщанныя Спасителемъ награды, не сильны тронуть сердце православнаго христіанина, согрѣть его любовію и усердіемъ къ священнослужителямъ, такимъ усердіемъ, по движенію котораго православный міpянинъ доставлялъ бы ему достаточныя средства къ приличному содержанію себя и воспитанію своихъ дѣтей? Съ самаго начала христіанства епископы, священники и церковные причетники отъ мірскихъ христіанъ столь усердно были надѣляемы всякимъ добромъ, что не только безбѣдно содержались сами съ семействами, но еще питали вдовицъ, сиротъ и нищихъ цѣлой общины, принадлежащихъ къ мѣстной церкви. Въ Австріи и теперь православные сербы собственными средствами содержатъ

[1] Книг. 7, § 29, стр. 225. [2] Книга 2, § 36, стр. 66.

не только своихъ священниковъ и причетниковъ, но и епископовъ и митрополита, безъ всякаго въ этомъ участія австрійскаго правительства, враждебнаго православію. Но въ этомъ отношеніи нѣтъ надобности искать примѣровъ. Въ самой Россіи, кромѣ латинскаго духовенства, получающаго очень щедрое жалованье изъ казны, лютеранскіе и реформатскіе пасторы весьма достаточное, а кое-гдѣ даже роскошное содержаніе получаютъ отъ общинъ, при кирхѣ которыхъ совершаютъ свое служеніе; въ тѣхъ—русскихъ городахъ, гдѣ нѣтъ значительнаго количества лютеранъ, пасторы ихъ получаютъ богатое жалованье отъ короны. Содержаніе армянскихъ священниковъ обезпечено армянскими общинами, безъ всякаго въ этомъ участія правительства. На счетъ своихъ же обществъ безбѣдно живутъ татарскіе муллы, а бурятскіе ламы даже роскошествуютъ, тѣмъ болѣе, что правительствомъ для каждаго такъ называемаго у нихъ монастыря и кумирни отведено по шести сотъ десятинъ земли. Раскольники нашей Церкви нимало не тяготятся щедро награждать мнимыхъ своихъ епископовъ и такихъ же священниковъ святотатственнаго австрійскаго рукоположенія. Такъ почему православнымъ сынамъ отечественной Церкви не возревновать объ улучшеніи быта своихъ священнослужителей съ ихъ семействами? Въ этомъ отношеніи только одно усердіе православныхъ мірянъ было бы соотвѣтственно дѣйствительнымъ нуждамъ служителей олтаря, и убѣжденіе, внушаемое словомъ Божіимъ и преданіемъ, кажется, сильно возбудить такое усердіе, тѣмъ болѣе, что прежніе способы содержанія священно и церковнослужителей, введенныя устарѣлыми обычаями, и извѣстныя подъ названіемъ петровщины (предъ праздникомъ апостоловъ Петра и Павла), или хожденіе по водамъ со святынею во время праздниковъ Рождества Христова и свѣтлаго Воскресенія, какъ показали многолѣтніе опыты, совершенно не достаточны къ безбѣдному содержанію церковныхъ причтовъ, а по духу времени даже предосудительны и неприличны. Какими же средствами замѣнить этотъ устарѣлый обычай?

Установленіе опредѣленной платы за богослуженіе и христіанскія требы, совершаемыя церковными причтами, имѣло бы видъ государственной подати, показалось бы налогомъ, если бы послѣдовало отъ правительства. Потому-то одно только усердіе прихожанъ каждой церкви по добровольному договору съ церковнымъ причтомъ, могло бы изобрѣсть средства къ улучшенію быта священно и церковнослужителей. Если бы наприм. мѣстные прихожане, обладающіе обиліемъ земныхъ благъ, по мѣрѣ своихъ способовъ, съ полнымъ усердіемъ награждали причтъ своей церкви за служеніе общинѣ; то и приношенія бѣдныхъ между ними уравновѣсили бы доходы причта до того, что онъ съ искреннею охотою совершалъ бы христіанскія требы и для самыхъ бѣдныхъ прихожанъ.

Кромѣ приношеній отъ плодовъ земныхъ и изъ издѣлій своего ремесла, вѣрующіе, съ первыхъ временъ христіанства, жертвовали въ пользу церковной іерархіи участки плодородной земли и вообще недвижимыя имѣнія. Такой способъ въ основу содержанія духовенства узаконенъ и нашимъ правительствомъ, которое сверхъ того возложило на церковныя общины постройку жилыхъ домовъ съ хозяйственными строеніями для церковныхъ причтовъ. Необходимость приведенія въ исполненіе такого постановленія очевидна; если взять во вниманіе, что съ поступленіемъ на приходъ какъ священника, такъ и причетниковъ, прежде всего чувствуется ими необходимость въ помѣщеніи. На церковной же общинѣ должна бы лежать и ремонтировка тѣхъ домовъ съ хозяйственными постройками. Но испытано, что прихожане до того небрежны въ этомъ отношеніи, что, отказываясь отъ своевременной починки поддерковныхъ построекъ, допускаютъ ихъ до совершеннаго разрушенія. Можно бы на ихъ ремонтъ употреблять кошельковый церковный доходъ, съ надлежащею отчетностію. Но есть сельскія церкви, напр. въ могилевской и витебской губерніяхъ, столь бѣдныя, что кошельковаго сбора едва достаетъ на вино для богослуженія и починку церковной ризницы. При такихъ церквахъ необходимо священно-и-церковнослужителямъ заботиться о по-

чинкѣ своихъ помѣщеній на собственный счетъ, и, составивъ актъ при почетныхъ прихожанахъ, употребленныхъ на этотъ предметъ, требовать уплаты ихъ отъ общины. Опытъ показалъ еще, что надѣленіе причтовъ 33 десятинами пахатной и сѣнокосной земли, доставляя причтамъ очень посредственное пропитаніе, не даетъ имъ способовъ для приличнаго воспитанія ихъ дѣтей. Поэтому необходимо надѣленіе церковныхъ причтовъ двойною пропорціею такой земли.

Сверхъ того необходимо, чтобы священно и церковнослужители невозбранно пользовались общею съ прихожанами рубкою лѣса въ опредѣленномъ мѣстѣ, для отопленія своихъ домовъ и починки ихъ съ хозяйственными строеніями, также общимъ выгономъ для своего скота; такъ какъ причту необходимо держать для своего обихода коровъ и лошадей. Надѣленіе земли въ прописанномъ количествѣ было бы такъ сказать прочною основою улучшенія быта священно и церковнослужителей; потому что необходимо имѣть въ виду, что священникъ долженъ дать примѣрное воспитаніе своимъ сыновьямъ и дочерямъ, и за тѣмъ пристроить ихъ къ какому либо состоянію.

Изложенными средствами церковные причты были бы достаточно обезпечены. Необдуманно, непрактически, нѣкоторые священники полагаютъ, что еслибы имъ отпускаемо было достаточное денежное жалованье за служеніе церковной общинѣ, то они были бы вполнѣ обезпечены и не имѣли бы нужды въ землѣ для посѣвовъ хлѣба. Опредѣленіе жалованья для всѣхъ церковныхъ причтовъ Россійской имперіи чрезвычайно, и притомъ безъ надлежащаго удовлетворенія дѣйствительнымъ нуждамъ, обременило бы государственные финансы, потому что цѣны на жизненные продукты постоянно мѣняются, и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается колебанію цѣнность, какъ денежныхъ знаковъ, или кредитныхъ билетовъ, такъ и монеты. Отъ этого въ западныхъ областяхъ Россіи церковные причты съ 1842 года получая жалованье, сперва были этому очень рады; а когда вскорѣ послѣдовали неурожайные годы, и цѣны на жизненные припасы стали годъ отъ году возвышаться, цер-

ковные причты въ тѣхъ областяхъ чрезвычайно пріуныли и дошли до бѣдственнаго состоянія. Между тѣмъ, сохрани Богъ, можетъ еще случиться, что враги отечества займутъ своими войсками нѣсколько областей, какъ это было въ 1812 году, и отечественное правительство долго не будетъ имѣтъ возможности выдавать церковныхъ причтамъ жалованье: чѣмъ тогда питаться имъ? Напротивъ обезпеченное надѣломъ земли духовенство могло бы еще долго содержаться; такъ какъ всякое правительство, даже враждебное другому вѣроисповѣданію, не скоро найдетъ предлоги лишить его земли, которою оно пользовалось, какъ было и въ западныхъ областяхъ, когда тамъ распространилась унія, покровительствуемая польскимъ правительствомъ.

Не должно опускать изъ виду и того, что въ селахъ земледѣліе сближаетъ священника съ поселянами, привлекаетъ къ себѣ любовь ихъ и довѣріе, подаетъ случаи узнавать нравы ихъ, вывѣдывать предразсудки и заблужденія, исправлять поведеніе, приводить въ согласія семейные ихъ раздоры, умиротворять взаимную вражду, утѣшать въ горестяхъ, подавать имъ посильную помощь въ несчастіяхъ и добрые совѣты въ трудныхъ обстоятельствахъ, представлять примѣры домашняго хозяйства и устройства, облегчать скорби въ неурожайные годы. Положимъ, земледѣліе священника состояло бы только въ распоряженіи его и надзорѣ за нимъ: все же оно было бы отрадно для поселянъ въ томъ отношеніи, что онъ не отчуждается отъ нихъ. Вѣдь ничто столько не отчуждаетъ священника отъ прихожанъ, какъ устраненіе его отъ отеческаго съ ними обращенія и барская его обстановка. Даже употребленіе одежды разноцвѣтныхъ и яркихъ цвѣтовъ, можетъ охладить къ нему поселянъ до того, что проповѣдуемыя имъ высокія истины не проникнутъ въ ихъ сердце; потому что поселянинъ какбы по инстинкту сознаетъ, что священнику приличны одежды только цвѣтовъ темныхъ, напр. кофейнаго. Въ селахъ священникъ подвергается даже пересудамъ, если жена его отличается изысканными нарядами, слишкомъ подражаетъ модамъ, а

дѣти кажутся барченками. Притомъ, что въ сельской своей жизни дѣлали-бы священники, если бы вовсе не занимались земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ? Погружаться въ одно чтеніе и молитвы почти не возможно. Даже великіе пустынножители ощущали нужду въ рукодѣліи, въ сажденіи плодовитыхъ деревъ и хожденіи за ними. Поэтому священники, совершенно удаляющіеся отъ земледѣлія, сперва, для развлеченія, посѣщали бы сосѣдей, проводили бы время во взаимныхъ угощеніяхъ, которыя потомъ обратились бы въ бражничанье и довели бы ихъ до нравственнаго униженія. Сколько бывало такихъ примѣровъ!

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что къ обезпеченію быта священниковъ съ причетниками, особенно въ хлѣбородныхъ областяхъ, самымъ благонадежнымъ средствомъ было бы надѣленіе ихъ пахатною и сѣнокосною землею въ достаточномъ количествѣ.

Но нынѣ многіе возражаютъ противъ этого, и говорятъ, что землепашество рабски привязываетъ священника къ землѣ, ставитъ его въ уровень съ прихожанами, погруженными въ невѣжество, отвлекаетъ отъ упражненія въ чтеніи св. Писанія и вообще книгъ духовнаго содержанія, ослабляетъ умственныя и нравственныя его силы и лишаетъ уваженія своихъ прихожанъ. Дѣйствительно, таково было положеніе многихъ сельскихъ священниковъ въ мѣстахъ нехлѣбородныхъ и на приходахъ до того бѣдныхъ, что служители алтаря сами пахали, рубили дрова и даже носили воду для домашняго своего обихода. Но, если разсмотрѣть дѣло точнѣе, священникъ и въ этихъ обстоятельствахъ лишался уваженія своихъ прихожанъ только тогда, когда предавался пьянству до страсти, до запоя. Напротивъ, чѣмъ ревностнѣе онъ проходитъ свою должность, тѣмъ болѣе чувствуетъ нужду въ освѣженіи своихъ мыслей физическою дѣятельностію, каково земледѣліе; для упражненія же въ чтеніи душеспасительныхъ книгъ достаточны длинныя осеннія и зимнія ночи, а по временамъ можно заниматься чтеніемъ и между дѣломъ. Изшедши на проповѣдь Евангелія,

Спаситель призвалъ въ достоинство апостольское не праздныхъ людей, а трудолюбивыхъ, снискивавшихъ для себя пропитаніе рыболовствомъ. Св. апостолъ Павелъ, какъ извѣстно, славился искусствомъ строенія палатокъ: а прощаясь съ ефесскими пресвитерами, онъ свидѣтельствовался ими самими, что нуждамъ его и нуждамъ бывшихъ съ нимъ служили собственныя его руки, что надобно поддерживать слабыхъ собственнымъ трудомъ; что болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, чѣмъ въ томъ, чтобы принимать (Дѣян. 20, 34. 35). Почему же было бы предосудительно священнику, для укрѣпленія физическихъ своихъ силъ, хотя по временамъ, заниматься земледѣліемъ, напр. косить, убирать сѣно, боронить засѣвы, возить снопы и т. д.? Вѣдь покойный московскій митрополитъ Платонъ не стыдился же иногда сгребать и укладывать въ копны сѣно; а другіе іерархи нашей Церкви, чтобы возстановить движеніе своей крови, рубили или пилили въ сараяхъ дрова. Антагонистамъ земледѣльческаго хозяйства сельскихъ священниковъ можно еще замѣтить, что въ священническомъ быту домашнимъ хозяйствомъ, нарядами по земледѣлію и наблюденіемъ часто занимаются священническія жены, а сами священники всецѣло посвящаютъ себя богослуженію, чтенію книгъ, а также исправленію своихъ обязанностей по приходу. Конечно, если бы, подобно тому, какъ во многихъ мѣстахъ остзейскихъ губерній поселяне, изъ уваженія къ своимъ пасторамъ, съ полнымъ усердіемъ безплатно обработываютъ пахатныя поля, отдѣленныя на содержаніе пасторатовъ,—если бы такимъ же образомъ поступали и православные поселяне относительно церковныхъ земель,—засѣвали ихъ и собирали жатву для своихъ причтовъ: то землепашество нисколько не было бы для нихъ тягостно, и не отвлекало бы ихъ отъ свойственныхъ имъ занятій. Но земледѣліе многихъ приходскихъ священниковъ и безъ того было бы важнѣйшимъ источникомъ умѣреннаго ихъ содержанія съ семействами, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли бы довесть свое землепашество до такого совершенства, что отъ плодовъ его могли бы на свой счетъ со-

держать въ семинаріи сыновей и выгодно пристроить своихъ дочерей. Правда, во время крѣпостнаго состоянія поселянъ, священнику въ помѣщичьихъ имѣніяхъ чрезвычайно тягостно было питаться плодами своего землепашества: потому что священникъ не могъ пріискать работниковъ, и вынужденъ былъ иногда самъ ходить за сохою, или за плугомъ, боронить, рубить дрова и т. п. Но если настоящее положеніе крестьянъ повсемѣстно войдетъ въ силу и утвердится; то священнику легко будетъ имѣть наемниковъ и служителей, такъ что земледѣльческія его занятія будутъ состоять только въ распоряженіи и надзорѣ за сельскими его работами.

Многіе священники въ настоящее время желаютъ, чтобы со стороны правительства послѣдовало такое постановленіе, по которому бы церковные участки пахатной и сѣнокосной земли, кромѣ усадебной и огородной, переданы были оффиціально прихожанамъ сельскихъ церквей, съ тѣмъ, чтобы поселяне за пользованіе ими уплачивали причтамъ опредѣленное количество денегъ, или вносили ихъ въ общую кассу, которая хранилась бы въ консисторіи, или въ уѣздномъ казначействѣ, и чтобы изъ ней уже священники съ причетниками получали ежегодно опредѣленное, одинаковое количество денегъ въ родѣ жалованья. Осуществленіе такого предположенія имѣло бы такія же послѣдствія, какъ если бы священники съ причетниками получали жалованье изъ казны. Это лишило бы ихъ энергіи, произвело бы въ нихъ вялость, бездѣйствіе, а иныхъ довело бы до бражничанья; прихожанамъ же казалось бы, что священно и церковно-служители просто тунеядцы, дармоѣды.

Авторъ брошюры *«объ улучшеніи быта православнаго духовенства собственными средствами, С. П. Б. 1861 г.»* предполагаетъ установить сборъ со всѣхъ земледѣльцевъ каждаго прихода зерноваго хлѣба, который бы былъ ссыпаемъ въ сельскіе магазины, а оттуда, по мѣрѣ надобности, выдаваемъ былъ бы на каждаго священника и каждаго діакона количествомъ не менѣе 25 пудовъ. Но такое постановленіе, съ одной стороны, вовсе не относится къ собственнымъ средствамъ духо-

венства для улучшенія его быта; съ другой, не было бы приложимо ко всѣмъ мѣстностямъ. Авторъ говоритъ, что въ Россіи земледѣліе, кромѣ плодородныхъ мѣстностей, вовсе не производительно; что при обработываніи земли, какъ у крестьянъ, такъ и у священниковъ, оно приноситъ доходы весьма ограниченные, плохо награждающіе земледѣльческій трудъ. Но, если земледѣліе вообще тягостно въ мѣстностяхъ неплодородныхъ: то надѣленіе священниковъ и діаконовъ зерновымъ хлѣбомъ было бы тамъ для поселянъ тягостно, тогда какъ въ хлѣбородныхъ областяхъ оно крестьянамъ ничего бы не значило. Зачѣмъ же первыхъ обременять такою тягостію, которой не несли бы послѣдніе? Кромѣ того, сборъ хлѣба поровну съ каждаго земледѣльца имѣлъ бы видъ подати, которая отталкивала бы прихожанъ отъ ихъ пастыря, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ въ продолженіе цѣлаго года не встрѣчаютъ нужды обращаться къ священнику съ религіозными требованіями. Наконецъ, чего будетъ стоить священнику и діакону каждый разъ, имѣя нужду въ хлѣбѣ, кланяться сельскимъ головамъ, старшинамъ, писарямъ, чтобы испросить выдачу хлѣба, между тѣмъ какъ сельскія власти, по своимъ видамъ, станутъ отстрочивать удовлетвореніе ихъ прошенію, подъ разными предлогами? Затѣмъ, если сельскія власти и выдадутъ хлѣбъ, но не въ опредѣленной мѣрѣ, или гнилой,—неужели священнику съ діакономъ заводить тяжбу, или жаловаться кому либо на причиненную имъ обиду? Сколько все это отниметъ у нихъ времени! сколько вмѣстѣ съ тѣмъ перенесутъ они огорченій! Между тѣмъ, хотя въ нехлѣбородныхъ областяхъ земледѣліе не производительно, за то во многихъ такихъ мѣстностяхъ поселяне, занимаясь доходными промыслами, извозомъ, ремеслами, работами на фабрикахъ, ѣдятъ сытнѣе, чѣмъ въ областяхъ хлѣбородныхъ, и содержатся съ большими удобствами. Поэтому несправедливѣе ли на поселянъ нехлѣбородныхъ мѣстностей, и при всемъ томъ зажиточныхъ, вмѣсто сбора хлѣба, наложить, съ общаго согласія, такой денежный вкладъ въ пользу священниковъ и діаконовъ, какой въ

сложности совершенно обезпечивалъ бы ихъ содержаніе и давалъ бы имъ достаточныя средства къ воспитанію и пристроенію своихъ дѣтей? Кромѣ того въ нехлѣбородныхъ мѣстностяхъ можно открыть другіе источники къ улучшенію быта православнаго духовенства, напр. надѣленіе его участками лѣса, рыбными ловлями въ рѣкахъ и озерахъ, а на дальнемъ сѣверѣ заведеніемъ для него оленьихъ стадъ и т. под.

Вообще, по разнообразію климатовъ и пахатной почвы, то лѣсной, то степной, то безводной, то орошаемой большими рѣками,—въ Россіи, съ одной стороны, не возможно опредѣлить нормальныя, одинаковыя средства къ содержанію духовенства; съ другой, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ легко открыть для этой цѣли такіе способы, которые почти нимало не были бы обременительны для народа. Въ западныхъ напр. и южныхъ областяхъ Россіи кладбища почти повсемѣстно не имѣютъ ограды, попираются скотомъ и остаются въ совершенномъ пренебреженіи. Но еслибы оградить или окопать ихъ и засадить фруктовыми деревьями: то значительный доходъ отъ арендованія ихъ поступалъ бы въ пользу церковныхъ причтовъ. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра склоны горъ на десять верстъ большею частію никому не принадлежатъ и не приносятъ никакой пользы, только кое-гдѣ на нихъ есть виноградники частныхъ лицъ; на такомъ пространствѣ разведеніе виноградниковъ доставляло бы духовенству нескудную прибыль, равно какъ и заведеніе пчельниковъ, которые не требуютъ такихъ трудовъ, какъ земледѣліе. Затруднительнѣе, чѣмъ въ селахъ, отыскать источники къ улучшенію быта приходскаго духовенства въ городахъ. Для этой цѣли необходимо требовалось бы, чтобы градскія общины согласились жертвовать причтамъ опредѣленнымъ процентомъ съ своихъ доходовъ; такъ же приняли бы на себя устройство домовъ и лавокъ въ пользу причтовъ. Такими доходами безотчетно пользуется въ Россіи духовенство инославныхъ вѣроисповѣданій, напр. въ Петербургѣ духовенство латинское и протестанское, въ Кишиневѣ—армянское. Подобныя средства къ содержанію могло бы пріобрѣсть въ городахъ и православное духовенство

если бы пожертвованіе домовъ и лавокъ въ пользу православныхъ церквей не было сковано многими бюрократическими формальностями.

Многіе изъ свѣтскихъ лицъ говорятъ, что въ Россіи православное духовенство очень многочисленное. Если бы принять въ соображеніе, что лишь въ градскихъ церквахъ, и то при каѳедральныхъ соборахъ, съ перваго устройства церковной іерархіи, считалось необходимостію служеніе діаконовъ, что опредѣленіе ихъ къ сельскимъ церквамъ есть уже роскошь, которую можно допустить только тамъ, гдѣ прихожане принимали бы сами на себя приличное содержаніе діакона; то количество лицъ этой іерархической степени значительно уменьшилось бы. Еще болѣе сократилось бы число духовенства, если бы исключены были изъ этого сословія причетники; потому что эти люди большею частію обременены многочисленнымъ потомствомъ, такъ какъ всякій почти причетникъ, по смерти одной жены, женится на другой, потомъ на третьей. Между тѣмъ, вопреки апостольскому постановленію [1], требующему, чтобы дѣти причетниковъ отъ втораго брака не считались въ духовномъ вѣдомствѣ, нашею церковною іерархіею узаконено, чтобы каждый причетникъ непремѣнно представлялъ всѣхъ своихъ сыновей для образованія въ духовныя училища и семинаріи. Отсюда происходитъ то, что дѣти причетническіе, какъ особенно бѣдные, принимаются на казенное содержаніе предпочтительно предъ священническими, коихъ отцы, по предположенію, имѣютъ болѣе средствъ къ содержанію своихъ сыновей на собственномъ коштѣ.

Съ уменьшеніемъ числа лицъ, считающихся въ духовномъ вѣдомствѣ, удобнѣе было бы содержать въ духовныхъ училищахъ такихъ воспитанниковъ, въ которыхъ съ дѣтства проявлялось призваніе къ духовному состоянію, и казенныя средства прямо способствовали бы къ улучшенію быта духовенства. Но чтобы узнать, есть ли въ мальчикѣ призваніе къ духовному состоянію, полезнѣе было бы, какъ священническимъ, такъ и

---

[1] Постановл. апост., кн. 6, § 18, стр. 189.

причетническимъ сыновьямъ получать образованіе сперва общее, въ училищахъ свѣтскихъ. Вѣдь великіе отцы Церкви: Григорій Богословъ, Василій великій, Іоаннъ Златоустъ и другіе—сперва обучались въ языческихъ училищахъ. Въ наше же время свободному проявленію призванія мальчиковъ къ роду жизни воспрепятствовало бы то, что среди христіанства возникаютъ училища нечестивѣе языческихъ. Впрочемъ, вообще нѣтъ настойчивой нужды заставлять всѣхъ сыновей духовнаго вѣдомства обучаться въ духовныхъ училищахъ; необходимо только строго наблюдать, чтобы священники и причетники старались о воспитаніи дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и давали имъ такое образованіе, съ которымъ они могли бы впослѣдствіи имѣть насущный хлѣбъ и быть полезными для общества. Хорошо было бы, если бы какъ священники, такъ и причетники, обучивъ своихъ дѣтей дома чтенію, письму и ариѳметикѣ, за тѣмъ, смотря по способностямъ, доставляли ихъ не исключительно въ семинаріи, а напримѣръ въ школы техническія, рисовальныя, архитекторскія и т. п. Но для облегченія священниковъ и причетниковъ въ такомъ образованіи ихъ сыновей, благодѣтельно было бы, по надлежащемъ удостовѣреніи, что сыновья ихъ въ тѣхъ училищахъ обучаютгя и ведутъ себя хорошо, выдавать имъ изъ бурсачныхъ суммъ или изъ другихъ источниковъ пособіе, подобно тому какъ епархіальными попечительствами выдаются въ опредѣленномъ количествѣ пособія священническимъ вдовамъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ духовнаго званія лицамъ. Затѣмъ сыновья какъ священниковъ, такъ и причетниковъ, имѣющіе сильное влеченіе къ духовному званію, имѣли бы уже право состоять въ семинаріяхъ на полномъ казенномъ содержаніи. Вообще, учениковъ даровитыхъ, прилежныхъ и хорошаго поведенія церковная іерархія не отвергала бы, а на образованіе дѣтей бездарныхъ и нравственно испорченныхъ нѣтъ надобности терять и безъ того скудныя средства отечественной Церкви.

Соображая способы причетниковъ къ содержанію себя съ семействами, прежде всего останавливаешься на томъ, что при-

четникъ способный и дѣятельный можетъ усердно заниматься обученіемъ поселянскихъ дѣтей и получать за свои труды приличную награду. Притомъ есть причетники, изучившіе какое нибудь ремесло, напримѣръ столярное, токарное, портняжеское, печное, и такими способами безбѣдно содержащіеся съ своими семействами. На одной почтовой станціи при шоссе, между Новгородомъ и Петербургомъ, причетникъ выстроилъ себѣ двухэтажный домъ, въ которомъ и самъ помѣщался, и получалъ доходы отъ постоя. Подобные способы къ содержанію, кажется, непротивны званію причетника, и едва ли бы нашлось основаніе воспрещать ихъ.

Заботясь объ улучшеніи быта причетниковъ, авторъ упомянутой брошюры предполагаетъ всю подцерковную пахатную землю, въ замѣнъ получаемаго ими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жалованья предоставить въ пользу причетниковъ; но въ такомъ случаѣ бытъ ихъ былъ бы обезпеченъ несравненно лучше, чѣмъ бытъ священниковъ, по предположенію того автора, питающихся только отсыпнымъ хлѣбомъ изъ сельскихъ магазиновъ. Такое предположеніе придумано авторомъ для того, чтобы священники и діаконы не отвлекались хозяйствомъ отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей: но какъ всякаго рода богослуженіе, такъ и исправленіе христіанскихъ требъ, кромѣ исповѣди, молитвы родильницѣ и нареченія именъ новорожденнымъ младенцамъ, требуютъ присутствія и содѣйствія дьячка, слѣдовательно онъ не много болѣе священника имѣетъ свободнаго времени.

Многочисленность въ нашей Церкви разнаго рода причетниковъ, считающихся въ духовномъ вѣдомствѣ, не мало озабочиваетъ епархіальныя начальства опредѣленіемъ ихъ къ мѣстамъ при церквахъ, и умножаетъ дѣла по консисторіямъ. Этого легко было бы избѣжать положеніемъ, подобнымъ тому, по которому при протестантскихъ кирхахъ—кистеры, канторы, органисты, звонари и сторожа, хотя считаются церковными служителями, однакожь служатъ по найму отъ общинъ; изъ нихъ только кистеры, исправляющіе должность сельскихъ учителей, освобождаются отъ рекрутской повинности, не освобож-

даясь отъ подушнаго оклада [1]. Въ нашей Церкви дьячки необходимѣе, чѣмъ у протестантовъ кистеры; но пономари, звонари, сторожа могли бы состоять при церквахъ по найму отъ общинъ. Тогда бы участками подцерковной земли, отдѣляемой пономарямъ, могли пользоваться дьячки, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно были и учителями въ поселянскихъ училищахъ. О сю пору богослуженіе, совершаемое священникомъ въ сельскихъ церквахъ почти сплошь съ однимъ дьячкомъ, бываетъ похоже на простой ихъ между собою разговоръ, особенно когда дьячекъ, уставъ отъ пѣнія, едва тянетъ голосомъ церковныя пѣсни. Но кто, привыкши къ согласному пѣнію нѣсколькихъ лицъ въ городскихъ церквахъ, не испыталъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ богослуженіе священника съ однимъ дьячкомъ? Посему, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, дьячекъ, обезпеченный въ содержаніи своемъ большимъ количествомъ пахатной земли, чѣмъ теперь, посвятитъ свои труды обученію поселянскихъ дѣтей чтенію и письму, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно наставитъ ихъ въ церковномъ пѣніи, такъ что со временемъ, если не всѣ, то многіе изъ прихожанъ въ каждой сельской церкви, на вечерни, утрени и божественной литургіи, не только будутъ отвѣчать согласнымъ пѣніемъ на возгласы прошеній, произносимыхъ въ ектеніяхъ, но и пѣть всѣ главныя церковныя пѣсни. По распоряженію виленскаго митрополита Іосифа, всѣ воспитанники литовской семинаріи совокупно поютъ, что слѣдуетъ, не только на литургіи, но даже на вечерни и заутрени. Въ той же губерніи нѣкоторые ревностные священники сами выучили своихъ прихожанъ пѣть въ церквахъ въ продолженіе цѣлой литургіи. Въ Могилевѣ губернскомъ также всѣ семинаристы поютъ на литургіи, а большая часть ихъ на вечерни и утрени; и свѣтскія лица свидѣтельствуютъ, что такое пѣніе производитъ на нихъ невыразимо благодатное впечатлѣніе и возбуждаетъ такія чувствованія, ка-

[1] Свода законовъ томъ XI. Устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій раздѣлъ 1, книга 2: объ управленіи протестантскаго исповѣданія, примѣчаніе къ 395 статьѣ.

ких не возбуждаетъ партесное пѣніе лучшихъ пѣвческихъ хоровъ. Какъ же было бы назидательно, когда бы и въ каждой церкви, если не всѣ прихожане, то большая часть ихъ разумѣли церковное пѣніе! Тогда общественное богослуженіе уподоблялось бы богослуженію въ христіанскихъ общинахъ временъ апостольскихъ. По свидѣтельству писателя апостольскихъ постановленій, въ тѣ времена, при чтеніи псалтири, которую пѣвцы читали въ древности на распѣвъ, народъ подпѣвалъ послѣдніе стихи псалмовъ, а отроки на возглашеніе діакона отвѣчали: *Господи помилуй* [1]. Если бы такимъ же образомъ и въ наше время прихожане пріучены были къ этому: дьячекъ былъ бы только руководителемъ ихъ и указателемъ пѣснопѣній при богослуженіи.

Въ малороссійскихъ церквахъ въ старину многіе изъ прихожанъ во время общественнаго богослуженія пѣли на клиросахъ. Усердіе ихъ къ этому возбуждено было дьячками, которые большею частію выходили изъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи. Воспитанники этой академіи въ XVIII вѣкѣ принадлежали большею частію къ сословію бѣдныхъ дворянъ и мѣщанъ, могли оставлять училище всегда, когда кому вздумалось. Оставивъ же академію, они нерѣдко поступали дьячками къ градскимъ и сельскимъ церквамъ, и по пословицѣ: paupertas excitat artes, въ домахъ, построенныхъ прихожанами, заводили нѣчто въ родѣ пансіоновъ, въ которыхъ обучали поселянскихъ мальчиковъ чтенію церковныхъ книгъ, пѣнію по ирмологію, и изъ учащихся устрояли хоръ для пѣнія въ церкви. Такіе воспитанники, сдѣлавшись впослѣдствіи хозяевами, въ часы общественнаго богослуженія, обыкновенно становились на клиросахъ, большею частію на лѣвомъ, и пѣли поперемѣнно съ правымъ — пѣли просто, но съ такимъ настроеніемъ, что во многихъ малороссійскихъ церквахъ, присутствовавшіе на богослуженіи съ умиленіемъ внимали ихъ пѣнію.

Все это вывелось, когда на мѣсто прежнихъ дьячковъ,

[1] Постановл. апост. книга 2, § 27, стр. 88; книга 8, § 6, стр. 258.

стали поступать къ церквамъ дьячки, опредѣляемые указами консисторіи, и въ силу оффиціальнаго опредѣленія, принявшись исправлять свою должность, изъ какой либо личности къ прихожанамъ, не допускали ихъ пѣть на клиросахъ и читать пареміи, либо книгу апостольскихъ посланій, каковое чтеніе грамотные прихожане вмѣняли себѣ въ особенную честь. Вмѣстѣ съ отмѣною такого обычая, въ Малороссіи религіозный духъ охладѣлъ до того, что малороссы теперь равнодушно слушаютъ церковное чтеніе и пѣніе. Какими же средствами содержались тамъ дьячки въ прежнія времена? По добровольному соглашенію съ прихожанами, они получали отъ хозяевъ, такъ называемую роковщину, т. е., или условленную годовую мѣру хлѣба, или условленное количество денегъ во время исповѣди прихожанъ въ теченіе великаго поста; кромѣ того даваема была награда деньгами за труды при исправленіи священникомъ богослуженія и христіанскихъ требъ, и за обученіе поселянскихъ дѣтей грамотѣ. А если дьячекъ успѣвалъ угодить хозяевамъ; то они удѣляли ему еще участки пахатной земли для засѣвовъ. Кромѣ добровольнаго согласія дьячка съ священникомъ и прихожанами исправлять дьяческую должность, дьячекъ ничѣмъ не былъ привязанъ къ ихъ церкви. Поэтому, если въ какомъ либо приходѣ дьячекъ не имѣлъ выгоднаго содержанія, или чѣмъ нибудь былъ недоволенъ; то произвольно отправлялся отыскивать для себя другое дьяческое мѣсто. Такое исканіе мѣста выражалось технически: искать кондиціи. Безмѣстные дьячки послѣ Ѳоминой недѣли отправлялись путешествовать по селамъ и городамъ, особенно такимъ, изъ коихъ, по слуху, выбылъ дьячекъ. Искатель мѣста, пришедши въ село или городъ, являлся къ мѣстному священнику, и объявлялъ желаніе исправлять при мѣстной церкви дьяческую должность; затѣмъ въ первый воскресный или праздничный день становился на клиросъ, читалъ и пѣлъ, что слѣдовало. Если чтеніе и пѣніе его священнику показалось искуснымъ: онъ, по окончаніи литургіи, рекомендовалъ искателя мѣста прихожанамъ, говоря: «вотъ дьячекъ, желающій служить при здѣшнемъ Божіемъ храмѣ. Онъ, какъ вы могли замѣтить, читаетъ и

поетъ хорошо. Посему, если вамъ угодно, договоритесь съ нимъ, на какомъ основанiи ему здѣсь оставаться». Затѣмъ, по выходѣ изъ церкви, дьячекъ вступалъ въ кругъ прихожанъ, рекомендовался и договаривался съ ними,—чѣмъ, или какимъ данiемъ согласны они награждать его за труды при совершенiи по чьему либо заказу литургiи, браковѣнчанiя, молебновъ, акаѳистовъ, водосвятiй, похоронъ и т. п. Заключенный съ прихожанами договоръ всегда былъ словесный, не прописывался на бумагѣ, однакожъ тѣмъ не менѣе соблюдаемъ былъ свято. По заключенiи договора, почетнѣйшiе прихожане, пришедши съ искателемъ къ священнику, объявляли, что они принимаютъ его за дьячка, и онъ оставался при церкви. Проходя свое служенiе, дьячекъ отнюдь не пользовался церковною землею, которая вся удобряема, вспахиваема и засѣваема была приходскимъ священникомъ для своего содержанiя; равнымъ образомъ онъ нисколько не домогался, чтобы священникъ отдѣлялъ ему какую либо долю изъ того, что получалъ отъ прихожанъ за труды при совершенiи богослуженiя и христiанскихъ требъ, только получалъ третью часть изъ доходовъ печенымъ хлѣбомъ и плодами, кои прихожане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносили вмѣстѣ со свѣчами изъ собственнаго воску, и свои приносы ставили предъ крайнею иконою съ лѣвой стороны иконостаса, а свѣчи зажигали предъ мѣстными иконами. Изъ третьей, получаемой отъ священника части приносовъ, дьячекъ удѣлялъ третью также часть пономарю: такiе дьячки всегда оказывали священникамъ полное уваженiе, такъ что священники никогда съ ихъ стороны не испытывали дерзостей, какiя иногда испытываютъ теперь. Вообще, священники и дьячки были тогда довольны своимъ положенiемъ, и взаимныя ихъ отношенiя отличались должнымъ благоприличiемъ. Дьячку тогда нельзя было и думать о доносахъ высшему начальству, о жалобахъ и ябедахъ, которыми теперь загружены консисторiи. Ревностно исполняя свою должность, оказывая важныя услуги прихожанамъ чрезъ обученiе грамотѣ ихъ дѣтей, также въ общинной школѣ или домѣ, въ которомъ помѣщался, читая четьи-минеи и про-

логи для прихожанъ, собиравшихся у него въ промежутокъ времени между заутренею и литургіею, иногда и въ послѣобѣденное время въ праздничные и воскресные дни,—онъ пріобрѣталъ искреннюю ихъ любовь и пользовался отъ нихъ безбѣднымъ содержаніемъ, до того, что нѣкоторые дьячки имѣли своихъ воловъ, лошадей и овецъ, а въ слѣдствіе одобренія, по представленіямъ окружныхъ благочинныхъ, были постригаемы въ стихарь, и считались уже въ духовномъ вѣдомствѣ. Напротивъ дьячки менѣе ревностные въ исполненіи своей должности, часто переходя съ мѣста на мѣсто, похожи были на вольнопрактикующихъ лѣкарей и не считались въ духовномъ вѣдомствѣ. Многіе изъ дьячковъ, отличавшихся ревностію, усердіемъ въ прохожденіи своего служенія, лѣтъ черезъ восемь или десять, отправлялись въ главный епархіальный городъ просить рукоположенія во священники. Въ консисторіи были указываемы тѣмъ дьячкамъ праздные приходы, и они, отправившись туда, испрашивали отъ мѣстныхъ прихожанъ согласіе на поступленіе къ нимъ во священники, получали отъ нихъ, за скрѣпою мѣстнаго благочиннаго, такъ называемое одобреніе, и съ приложеніемъ его входили къ епархіальному преосвященному прошеніемъ о рукоположеніи ихъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ такихъ дьячковъ были довольно начитаны и обладали словомъ назиданія, то, проведши нѣкоторое время въ чтеніи и пѣніи въ церквахъ, состоящихъ при архіерейскомъ домѣ, они были рукополагаемы, и съ ставленными грамотами поступали на приходъ. Вольнопрактикующіе же дьячки, отмѣчаемые въ клировыхъ вѣдомостяхъ только исправляющими дьяческую должность, какъ не состоявшіе въ духовномъ вѣдомствѣ, произвольно, безъ малѣйшаго затрудненія, переходили въ другое званіе, и тѣмъ удобнѣе, что многіе изъ нихъ были или дѣйствительные дворяне, или однодворцы. Вообще при такомъ положеніи этихъ дьячковъ, епархіальное начальство не имѣло нужды заботиться о воспитаніи въ училищахъ ихъ сыновей и пропитанія ихъ вдовицъ.

Въ настоящее время изложенное положеніе дьячковъ въ

Малороссіи по многимъ причинамъ не осуществимо; но если бы дьяческія мѣста надѣлены были значительнѣйшими, нежели по сю пору, участками земли пахатной и сѣнокосной, а со стороны прихожанъ отпускаемо было дьячкамъ опредѣленное жалованье за обученіе поселянскихъ дѣтей, подъ надзоромъ приходскаго священника, такъ чтобы на дьяческія мѣста охотно поступали лица, окончившія курсъ семинарскаго образованія, и дьяческую должность исправляли до тридцатилѣтняго возраста; то служеніе такихъ дьячковъ было бы вполнѣ полезно, и для церковныхъ общинъ благотворно.

Пономарскую и звонарскую должность въ Малороссіи исправляли въ старину люди избранные для этого изъ среды прихожанъ, по вниманію къ ихъ набожности и хорошему поведенію. Такіе пономари и то считали для себя немалою наградою, что общество уплачивало за нихъ требуемыя правительствомъ подати. Но сверхъ того прихожане награждали ихъ за служеніе при церкви и умѣренною платою. Почему бы и теперь не могли быть въ селахъ пономари изъ поселянъ на такомъ же положеніи?

Но изъ всѣхъ предположеній касательно улучшенія быта православнаго духовенства, самое благотворное было бы то, которое представляло бы ему удобные способы воспитанія дѣтей. Между тѣмъ у насъ нетолько низшія духовныя училища, но и семинаріи и академіи едва поддерживаютъ свое существованіе: у насъ не только воспитанники, но и воспитатели юношества страдаютъ подъ самымъ тягостнымъ гнетомъ житейскихъ нуждъ. Кому, напр., не извѣстно, что наставники духовныхъ училищъ, семинарій и академій получаютъ самое ничтожное жалованье, сравнительно съ жалованьемъ чиновниковъ, служащихъ въ вѣдомствѣ свѣтскомъ? Вообще воспитательныя наши заведенія въ этомъ отношеніи до такой степени жалки, что если въ скорости не будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ улучшенію ихъ положенія, они должны пасть совершенно. Откуда же взять средства для поддержанія ихъ?

Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ, равно какъ

въ пермской и тобольской, духовныя училища и семинаріи удобно могли бы содержаться на счетъ доходовъ отъ продажи свѣчъ въ приходскихъ церквахъ каждой мѣстной епархіи; то есть, можно бы изъ тѣхъ доходовъ содержать покрайней мѣрѣ пищею воспитанниковъ училищъ и семинарій, и выдавать достаточное жалованье наставникамъ, даже возводить необходимыя постройки и обновлять училищныя зданія. Но для сего необходимо, чтобы отъ начальниковъ этихъ учебныхъ заведеній бюрократія не требовала многократныхъ представленій, плановъ и смѣтъ на необходимыя починки ветшающихъ зданій и новыя постройки, такъ какъ этими представленіями, путешествующими по разнымъ инстанціямъ, замедляется время, до тѣхъ поръ, пока зданія приходятъ въ большую ветхость и требуютъ большихъ, чѣмъ первоначально, издержекъ на ихъ обновленіе. Нужно также, чтобы постройка новыхъ зданій производилась не по подрядамъ: такъ какъ она въ такомъ случаѣ рѣдко бываетъ прочна и обходится несравненно дороже, чѣмъ производимая экономическимъ образомъ. Надобно, чтобы епархіальное духовенство, избравъ изъ среды своей по меньшей мѣрѣ трехъ депутатовъ, возложило на нихъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, непремѣнную обязанность бдительно слѣдить за процессомъ всѣхъ хозяйственныхъ операцій училищнаго и семинарскаго начальства; и чтобы семинарское начальство по окончаніи года составило обстоятельный отчетъ о полученныхъ въ теченіи года доходахъ и расходахъ по семинаріи и училищамъ, и по скрѣпѣ такого отчета членами семинарскаго правленія и депутатами отъ духовенства, напечатавъ его въ требуемомъ количествѣ экземпляровъ, препроводило эти экземпляры епархіальнымъ благочиннымъ, для разсылки по всѣмъ приходскимъ церквамъ въ епархіи.

Въ западныхъ епархіяхъ отечественной Церкви, волынской и подольской, суммы, выручаемыя отъ продажи свѣчъ въ церквахъ, и назначаемыя на содержаніе училищъ и семинарій съ ихъ наставниками и воспитанниками, также на ремонтъ старыхъ и постройку новыхъ зданій, требовали бы, кажется, до-

полненія изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи св. Сѵнода. Въ епархіяхъ литовской, витебской, минской и могилевской, оклады съ возвышеніемъ ихъ отпускаемые св. Сѵнодомъ, на содержаніе училищъ и семинарій, надолго еще будутъ необходимы; потому что въ тѣхъ епархіяхъ недавно отобраны недвижимыя имѣнія архіерейскихъ домовъ и монастырей, и доходы съ нихъ поступаютъ въ государственную казну. Затѣмъ на содержаніе духовныхъ академій и семинарій, съ зависящими отъ нихъ училищами, оклады изъ капиталовъ св. Сѵнода, по теперешнему положенію, требовались бы въ большемъ противъ нынѣшняго количествѣ—едва ли болѣе, чѣмъ въ десяти епархіяхъ.

Съ улучшеніемъ быта православнаго духовенства, священники, діаконы и причетники легко могли бы жертвовать опредѣленное мѣстнымъ начальствомъ такое количество денегъ, изъ коего епархіальныя попечительства не только въ состояніи были бы оказывать достаточное пособіе къ пропитанію недужныхъ, безпомощныхъ и престарѣлыхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, также вдовъ ихъ и сиротъ, до опредѣленія мальчиковъ и дѣвочекъ въ училища, или до полнаго возраста и избранія ими какого либо рода жизни,—но даже ежегодно отдѣлять какую либо часть пожертвованій для внесенія въ одно изъ кредитныхъ учрежденій, съ тѣмъ, чтобы изъ тѣхъ пожертвованій составился капиталъ, изъ процентовъ коего епархіальныя попечительства удобно достигали бы благотворной своей цѣли. Если бы напр. для этой цѣли ежегодно жертвовали священники по три рубля, діаконы по два, а причетники по рублю: то епархіальныя попечительства могли бы дряхлымъ и увѣчнымъ членамъ духовенства, также вдовицамъ его и сиротамъ, отпускать такое пособіе къ содержанію, что они не были бы тягостнымъ бременемъ для родныхъ, у коихъ имѣли бы пристанище. А если бы хотя половина такихъ пожертвованій препровождаема была въ кредитное учрежденіе, то въ десять или въ двадцать лѣтъ составился бы изъ нихъ такой капиталъ, что проценты его были бы достаточны для обезпеченія священно и

церковнослужителей, по выслугѣ ихъ и достиженіи шестидесяти лѣтъ, или по увольненіи отъ служенія при церквахъ за тяжкими, хроническими, болѣзнями, равно какъ для обезпеченія осиротѣвшихъ ихъ семействъ; ибо въ такомъ случаѣ они могли бы получать постоянную эмериту или значительные пенсіоны, а не бѣдныя пособія, какими теперь пользуются отъ епархіальныхъ попечительствъ.

Престарѣлые священники, діаконы и причетники иногда бываютъ безродные. Для пріюта ихъ можно бы въ той или другой епархіи назначить монастырь, а монаховъ его размѣстить по другимъ монастырямъ, съ тѣмъ, чтобы эти новые насельники содержались средствами своего пристанища, при пособіи епархіальнаго попечительства. А какъ многіе священники, діаконы и причетники, отъ 60 до 70, даже до 80 лѣтъ, бываютъ еще въ силѣ и здоровы: то, изъ среды ихъ, не трудно было бы избрать лицо для управленія всею общиною, а старцы, пользующіеся еще крѣпкимъ здоровьемъ, совершали бы чередное богослуженіе. Въ отдѣльныхъ же келліяхъ и на скотномъ подворьѣ такого монастыря могли бы пріютиться безродныя, пятидесятилѣтнія и престарѣлыя вдовы духовенства, и заниматься въ кухнѣ стряпнею, стиркою и починкою бѣлья этой общины.

Для улучшенія быта приходскаго духовенства, не требуется ли измѣнить, преобразовать нынѣшнее епархіальное управленіе подчиненнымъ ему духовенствомъ? Да; есть люди, которые, отъ нечего дѣлать, составляютъ свои предположенія и о преобразованіи епархіальнаго управленія отечественной Церкви. Такіе прожектеры должны предварительно принять въ соображеніе, что съ первыхъ временъ христіанства, духовенство главнымъ образомъ дѣлилось на четыре степени: епископовъ, священниковъ, діаконовъ и причетниковъ; что въ каждой епархіи епископъ всегда признаваемъ былъ начальникомъ, главнымъ судіею епархіальнаго духовенства и распорядителемъ церковнаго имущества; что, если подчиненное ему духовенство не довольно было его судомъ, управленіемъ и распоряженіями; то пред-

ставляло свои дѣла на судъ собора епископовъ цѣлой области, какъ теперь священники, діаконы и причетники по своимъ дѣламъ входятъ прошеніями въ святѣйшій Сvнодъ отечественной Церкви. Но, благодареніе промыслу пастыреначальника Іисуса Христа, епископы русской Церкви, почти безъ исключенія, украшаютъ ее своимъ просвѣщеніемъ, назиданіемъ, ревностію о славѣ Божіей и поистинѣ — такимъ отеческимъ управленіемъ подчиненнаго имъ духовенства, что ни одна христіанская Церковь ни на востокѣ, ни на западѣ въ настоящее время не можетъ похвалиться столь образцовыми епископами, какими украшена русская Церковь. Но въ настоящее время, къ прискорбію, вошло въ Россіи какбы въ моду хулить и осуждать іерархію, и для этой постыдной цѣли даже выдумывать лживые анекдоты. Такъ, года за два или за три предъ симъ, въ газетѣ «День», въ укоръ обращенія русскихъ епископовъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, былъ напечатанъ анекдотъ, будто какой-то ксендзъ на предложеніе православнаго русскаго священника обратиться въ нѣдра православной Церкви, отвѣчалъ, что онъ никогда на это не согласится потому, что русскіе епископы унизительно обращаются съ священниками, тогда какъ латинскій епископъ, если явится къ нему какой либо ксендзъ, пригласитъ его въ свой кабинетъ, предложитъ ему присѣсть, да еще попотчуетъ его чаемъ. Совершенная, самая безстыдная ложь, измышленная какимъ-то пустословомъ, который никогда не видѣлъ, какъ обращаются латинскіе епископы съ ксендзами. Изложенный анекдотъ похожъ на то, какъ если бо кто увѣрялъ о какомъ либо гражданскомъ губернаторѣ, что онъ, когда прійдутъ къ нему съ докладомъ секретари разныхъ присутственныхъ мѣстъ, вмѣсто того, чтобы разспросить ихъ о дѣлахъ, заключающихся въ представляемыхъ ими журналахъ и докладахъ, сталъ угощать ихъ фриштикомъ. Да будетъ же извѣстно пустомелямъ, что ксендзы, являясь къ своему епископу, обыкновенно ожидаютъ его выхода въ комнатѣ, назначенной для пріема просителей; затѣмъ, когда онъ выйдетъ, ксендзы подходятъ къ нему, и становясь предъ нимъ

на колѣни, берутъ его благословеніе, цѣлуютъ руку; потомъ поднимаются и говорятъ о своемъ дѣлѣ [1]. Отъ обращенія же въ православіе удерживаетъ ксендзовъ особенно то, что православная Церковь не дозволяетъ имъ, женившись, оставаться священниками; столько же страшитъ ихъ и бюрократія, которою обременены православные приходскіе священники, тогда какъ ксендзы, кромѣ метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей, вовсе не занимаются оффиціальными бумагами, доходами же, какъ-то выручкою денегъ отъ продажи свѣчей въ костелѣ и разными пожертвованіями, распоряжаются по своему произволу, безъ всякой отчетности и докладовъ. Между тѣмъ многимъ ксендзамъ извѣстно, что православные приходскіе священники обязаны доставлять благочиннымъ своего округа: 1) рапорты о поступившихъ въ нѣсколько церковныхъ кружекъ деньгахъ; 2) статистическія свѣдѣнія; 3) оспенныя вѣдомости въ двухъ экземплярахъ; 4) вѣдомость о числѣ родившихся и умершихъ; 5) ежегодныя метрическія книги; 6) экстрактъ о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ; 7) исповѣдныя росписи съ экстрактомъ о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди; 8) клировыя вѣдомости въ двухъ экземплярахъ; 9) рапорты съ подписками о лицахъ иновѣрныхъ, вступившихъ въ браки съ православными; 10) рапорты съ подписками иновѣрныхъ, присоединившихся къ православію; 11) рапорты о святотатствѣ или воровствѣ въ церквахъ; 12) записи въ шнуровыхъ книгахъ, выданныхъ изъ консисторіи, о доходахъ и расходахъ по приходской церкви. Вотъ какая огромная переписка лежитъ на православныхъ священникахъ!

Въ управленіи епархіею весьма важно избраніе благочинныхъ, или наблюдателей за исправленіемъ должности и поведеніемъ церковныхъ причтовъ. Избраніе благочинныхъ кажется всего естественнѣе могло бы опредѣляться выборомъ священниковъ благочинническаго округа, и притомъ посредствомъ

---

[1] Объ обращеніи латинскихъ епископовъ съ ксендзами довольно прочитать романъ: Le maudit. Paris. 1864 a.

баллотировки шарами, для отвращенія въ духовенствѣ ссоръ, партій и пролазничества. Но избирать ихъ едва ли не благонадежнѣе самимъ епархіальнымъ преосвященнымъ, если они основательно знакомы со всѣми священниками въ своей епархіи; потому что благочинный есть, такъ сказать, око и слухъ архіерея. За благочинными нерѣдко водится тотъ грѣшокъ, что они, по своимъ видамъ, скрываютъ дурное поведеніе причетниковъ и священниковъ, пока не усилится оно до того, что невозможно уже бываетъ исправить его. Но кѣмъ и какъ благочинные ни были бы избираемы, всегда полезно предоставить имъ болѣе права разбирать взаимные споры и оскорбленія лицъ окружнаго духовенства, словесно подвергать ихъ поведеніе обсужденію въ собраніи священниковъ благочинническаго округа и смирять виновныхъ какими либо штрафами. Общій судъ священниковъ и увѣщаніе могли бы много содѣйствовать къ исправленію поведенія обвиняемыхъ. А когда бы, несмотря на мѣры, употребленныя, по общему суду, къ ихъ исправленію, они оставались нераскаянными, и предавались прежде замѣченнымъ порокамъ: тогда уже доносить о нихъ епархіальному начальству, обстоятельно прописавъ ихъ проступки, и безплодно употребленныя къ ихъ исправленію мѣры. Такимъ образомъ сократилась бы бюрократическая переписка по многимъ не очень важнымъ дѣламъ, иногда продолжающаяся цѣлые годы. Но на благочинныхъ, сверхъ рапортовъ по вышепрописаннымъ донесеніямъ священниковъ, о коихъ они съ своей стороны доносятъ епархіальному начальству, лежитъ еще обязанность: 1) представлять о награжденіи духовенства знаками отличія за усердную службу; 2) давать свѣдѣнія о поселянскихъ училищахъ; 3) писать вѣдомость о состояніи церквей; 4) составлять ежегодно вѣнчиковыя вѣдомости, съ приложеніемъ денегъ; 5) въ нѣкоторыхъ епархіяхъ дѣлать росписаніе жалованья причтамъ; 6) представлять свѣчный отчетъ съ приложеніемъ денегъ; 7) выписывать пробѣльные листы на метрическія книги, и росписи исповѣдныя, съ приложеніемъ денегъ; 8) показывать

въ особомъ отчетѣ кружечныя деньги на возстановленіе православія на Кавказѣ, и поступившія въ другія такого же рода кружки; 9) высылать рапорты съ приложеніемъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи свѣчей въ приходскихъ церквахъ; 10) рапортовать о лицахъ, присоединившихся къ православію; 11) рапортовать о лицахъ иновѣрныхъ, вступившихъ въ браки съ православными; 12) представлять всѣ документы, подлежащіе ревизіи консисторіи, какъ-то: a) метрическія книги въ двухъ экземплярахъ, b) приходорасходныя книги, c) церковныя описи, d) вѣнчиковыя тетради, e) обыски и клировыя вѣдомости въ двухъ экземплярахъ; 13) рапортовать о произшествіяхъ, нарушающихъ благочиніе въ церквахъ, и о неисправимомъ поведеніи кого либо въ составѣ причтовъ.

Такія многотрудныя занятія и письмоводство благочинныхъ указываютъ на вопіющую необходимость, для вознагражденія ихъ за труды, опредѣлить имъ достаточное жалованье. Такую потребность сознаютъ сами священники; а нѣкоторые даже гласно заявляютъ ее, какъ напр. священники ахтырскаго монастыря благочинническаго округа, харьковской епархіи, единодушно согласились ежегодно награждать своего благочиннаго жалованьемъ изъ своихъ доходовъ во 150 руб. Кромѣ денежнаго награжденія за прохожденіе должности, благочинные имѣютъ еще крайнюю нужду въ помощникѣ для совершенія богослуженій и христіанскихъ требъ въ приходской общинѣ, на случай ихъ отсутствія изъ прихода. Для такой помощи благочиннымъ могли бы быть оффиціально опредѣляемы заштатные, безсемейные священники, чувствующіе себя еще въ силахъ. Равнымъ образомъ желательно, чтобы православные благочинные для поѣздокъ въ своемъ округѣ имѣли право, или получить подводу въ каждомъ селеніи отъ приходской общины, какъ лютеранскіе пробсты (благочинные) въ отзейскихъ губерніяхъ, или казенные прогоны, какъ протестантскіе пробсты въ бессарабскихъ колоніяхъ, въ саратовской губерніи и на Кавказѣ [1].

---

[1] Свода законовъ томъ IX, книга 2: о управленіи духовн. дѣлъ протестант. исповѣданія, примѣч. къ статьѣ 4, 13.

Необходимо еще принять въ соображеніе, что многія, даже важныя, дѣла, по консисторіямъ, безъ необходимой нужды, тянутся по нѣскольку лѣтъ, единственно отъ того, что для изслѣдованія ихъ епархіальныя начальства назначаютъ духовныхъ лицъ исключительно по своему усмотрѣнію, безъ малѣйшаго вознагражденія слѣдователей за труды ихъ. Отъ этого назначаемые по большей части отказываются отъ произведенія слѣдствій подъ разными, иногда очень уважительными, предлогами; а между тѣмъ, лица, о поведеніи которыхъ требуется излѣдованіе, иногда остаются подъ запрещеніемъ и часто невинно страдаютъ очень долго. Поэтому было бы весьма полезно, даже необходимо, чтобы въ каждомъ округѣ благочинія, по выбору ли духовенства, или по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, были назначаемы, въ числѣ хоть двухъ лицъ, преимущественно изъ священниковъ, состоящихъ на малочисленныхъ приходахъ,— постоянные слѣдователи, снабженные подробною инструкціею объ образѣ произведенія слѣдствій, а въ награду за отлучку отъ своего дома, семейства и хозяйства, получали бы за труды свои опредѣленное жалованье; также имѣли бы право—или пользоваться обывательскими подводами въ селахъ, по которымъ будутъ проѣзжать въ указанное имъ предписаніемъ мѣсто, или для той же цѣли получать законные прогоны.

Для стройнаго управленія православными епархіями и улучшенія положенія приходскихъ православныхъ священниковъ едва ли нужны мѣры. Но авторъ брошюры «объ улучшеніи быта православнаго духовенства» предполагаетъ, чтобы члены консисторій, избранные епархіальными преосвященными, и утвержденные въ званіи святѣйшимъ Сѵнодомъ, состояли только изъ трехъ лицъ, съ такимъ авторитетомъ, чтобы, когда тѣ члены единогласно подпишутъ какое либо свое рѣшеніе, епархіальный преосвященный не иначе могъ отмѣнить его, какъ съ разрѣшенія святѣйшаго Сѵнода. Безъ сомнѣнія авторъ предполагалъ, что воображаемые имъ тріумвираты вполнѣ облагодетельствовали бы духовенство отечественной Церкви, и при изложеніи такого своего предположенія вѣроятно имѣлъ въ виду,

что если французская революція, послѣ многихъ кровавыхъ переворотовъ, для благоденствія Франціи придумала только одинъ тріумвиратъ консуловъ: то для улучшенія быта русскаго духовенства будто бы необходимы пятьдесятъ епархіальныхъ тріумвиратовъ, до того самостоятельныхъ, неприкосновенныхъ, что о неправильности ихъ рѣшеній по епархіальнымъ дѣламъ епархіальные преосвященные должны будутъ представлять всякій разъ святѣйшему Сѵноду; но для такихъ случаевъ преосвященные вынуждены были бы содержать при себѣ канцеляріи почти равныя канцеляріямъ тріумвиратовъ. Не лучше ли уже, чтобы они не представляли своихъ рѣшеній на усмотрѣніе епархіальныхъ преосвященныхъ, а рѣшали бы дѣла окончательно безъ всякой переверстки? Можно вполнѣ удостовѣрить автора указаннаго предположенія, что епархіальные преосвященные отечественной Церкви не отмѣняютъ законныхъ рѣшеній консисторіи. У насъ дѣлается это вовсе не такъ, какъ въ Церкви западной. Латинскимъ епископамъ, чтобы консисторіи были всегда согласны съ рѣшеніями ихъ и безпрекословно повиновались имъ, предоставлено (вѣроятно въ силу конкордата, заключеннаго съ папою) закономъ право—каждый разъ, послѣ кончины прежняго епископа, вновь составлять консисторію изъ членовъ по усмотрѣнію его преемника [1]. Тамъ духовный судъ и управленіе церковными дѣлами въ каждой латинской епархіи принадлежитъ исключительно ихъ епископамъ [2]. Голосъ же консисторіи во всѣхъ судныхъ дѣлахъ есть только совѣщательный. Епископъ не обязанъ даже указывать на основанія своихъ рѣшеній и тогда, когда бы мнѣніе его было несогласно съ мнѣніемъ консисторіи [3]. Sic volo, sic jubeo. Даже выборъ ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ латинскихъ семинарій и программы наукъ предоставляются произволу одниxъ епископовъ [4]. Съ другой стороны, что за надобность представлять рѣшенія предполагаемыхъ тріумвиратовъ святѣйшему Сѵноду, въ

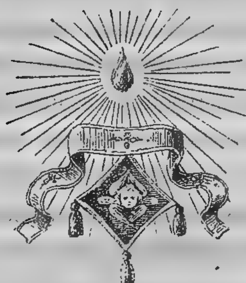
[1] Свода законовъ томъ XI, часть I. Устав. духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій гл. 3, § 29. [2] Гл. 4, отд. 2, § 44. [3] § 61. [4] §§ 105 и 111.

случаѣ необходимости отмѣнить ихъ рѣшеніе, когда и безъ того не только священники, даже и дьячки, пономари и просфирни, недовольные рѣшеніемъ епархіальнаго начальства, невозбранно входять прошеніями въ святѣйшій Сѵнодъ, къ г. оберъ-прокурору, и даже иногда повергаютъ свои прошенія къ стопамъ Государя Императора, да еще съ присовокупленіемъ ябеды и наглыхъ клеветъ на епархіальныхъ архіереевъ и консисторіи? Въ слѣдствіе такихъ прошеній, святѣйшій Сѵнодъ всегда требуетъ обстоятельныхъ свѣдѣній по дѣламъ просителей съ заключеніемъ преосвященныхъ, которые и представляютъ св. Сѵноду требуемыя свѣдѣнія съ своимъ мнѣніемъ, по справкамъ, скрѣпленнымъ секретарями консисторій. Но изъ доставленныхъ по дѣламъ просителей свѣдѣній, хотя и оказывается, что содержаніе ихъ прошеній во всѣхъ отношеніяхъ лживо, однакожь за свое злословіе и дерзость они не подвергаются никакимъ взысканіямъ. Кромѣ такихъ дѣлъ, въ консисторіяхъ производятся еще дѣла о рукоположеніи священниковъ и діаконовъ, объ опредѣленіи на мѣста причетниковъ, также тяжебныя о наслѣдствѣ, о невозвращеніи кѣмъ либо изъ духовенства денегъ заимодавцу, и уголовныя; но послѣдняго рода дѣла препровождаются на рѣшеніе въ подлежащія судебныя мѣста. Бракоразводные процессы, благодареніе Богу, въ провинціальныхъ консисторіяхъ чрезвычайно рѣдки, и почти всегда представляются на благоусмотрѣніе святѣйшаго Сѵнода. Наконецъ бываютъ еще дѣла по подрядамъ относительно постройки церквей, семинарскихъ зданій и т. п.; но эти дѣла облечены бываютъ такою формальностію, что хотя бы подрядчику посчастливилось произвесть принятую имъ постройку за половину отпущенной на этотъ предметъ суммы, и изъ самыхъ дурныхъ матеріаловъ, такъ что чрезъ годъ по окончаніи постройки она оказалась бы негодною во всѣхъ отношеніяхъ, — подрядчикъ правъ, потому что въ продолженіе его операціи на счетъ подрядной суммы, по меньшей мѣрѣ три раза, а по окончаніи постройки въ четвертый разъ, были отряжаемы изъ консисторіи и губернской строительной коммиссіи члены для освидѣтельствованія добро-

качественности доставленныхъ матеріаловъ и благонадежности постройки. Наряженные для этой цѣли члены составили и подписали акты освидѣтельствованія, и на основаніи этихъ актовъ, подрядчикъ сполна получаетъ сумму, за какую условился произвесть постройку. Очевидно, что если бы постройка производилась частными лицами экономически, то вычтенныя изъ подрядной суммы деньги на прогоны членамъ, свидѣтельствовавшимъ постройку и барышъ подрядчика за произведенную имъ постройку, оказались бы въ остаткѣ. Но преосвященные, скрѣпя сердце, утверждаютъ протоколы консисторіи, или семинаріи, по такимъ подрядамъ; потому что еще схоластики говорили: forma dat rei esse. Чего же больше требовать?

Изъ всего этого слѣдуетъ, что едва ли въ какой либо консисторіи встрѣтилось бы такое дѣло, которымъ бы епархіальный преосвященный вынужденъ былъ излагать свои побужденія къ отмѣнѣ рѣшенія, сдѣланнаго предполагаемыми авторомъ брошюры тріумвирами, для представленія объ этомъ святѣйшему Сѵноду. Упомянутая брошюра, какъ и статьи, помѣщаемыя въ журналахъ и газетахъ объ улучшеніи быта приходскихъ православныхъ священниковъ, доказываетъ только то, что въ Россіи этотъ предметъ расположилъ многіе умы размыслить о немъ.

1865 г.

МЫСЛИ

ПО СЛУЧАЮ ВНОВЬ УЧРЕЖДЕННАГО ВЪ 1865 ГОДУ МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

Съ того времени, какъ Россія озарена свѣтомъ евангельскаго ученія, іерархія отечественной Христовой Церкви постоянно ревновала и ревнуетъ о привлеченіи въ свою ограду обитающихъ въ предѣлахъ русскаго государства язычниковъ и отпавшихъ отъ ней раскольниковъ и сектантовъ. Но, къ болѣзненному прискорбію, и о сю пору есть еще въ Россіи племена, непознавшія истиннаго Бога, и остающіяся во тмѣ идолопоклонства, либо на путяхъ ересей и расколовъ; и это надобно приписать главнымъ образомъ тому, что проповѣдники православнаго ученія св. Церкви не имѣли матеріальныхъ средствъ для своего содержанія и упроченія быта людей обращающихся къ свѣту истины. Для сѣтующихъ объ этомъ чрезвычайно отрадно извѣстіе, что Благочестивѣйшій Самодержецъ Россіи высочайше соизволилъ утвердить уставъ новаго миссіонерскаго общества, возревновавшаго усильно содѣйствовать своими средствами озаренію язычниковъ свѣтомъ истиннаго богопознанія. Благословенъ Богъ, воздвигшій такую ревность въ душахъ благочестивыхъ! Благословенны Господомъ стремящіеся споспѣшествовать столь великому, спасительному дѣлу,—тѣмъ болѣе, что жатвы для него много, а число дѣлателей, сколько намъ извѣстно, пока еще не велико. И теперь долгъ каждаго православнаго христіанина умолять Господа жатвы, Спасителя Бога нашего, чтобы Онъ выслалъ дѣлателей на жатву свою (Матѳ. 9, 37. 38).

И сладостно утѣшаться надеждою, что благодать Божія въ сердцахъ людей, любящихъ Бога, умножитъ и расширитъ ревность къ благовѣствованію Евангелія племенамъ невѣдающимъ истиннаго Бога и—устраняющимся отъ истинно православнаго вѣроисповѣданія. Но кто въ глубинѣ своей души чувствуетъ пламенное призваніе къ столь святому, многотрудному подвигу, и изрекъ въ сердцѣ своемъ обѣтъ слѣдовать такому призванію, тотъ долженъ глубоко сознать, что онъ рѣшается идти по слѣдамъ богодухновенныхъ Апостоловъ, слѣдовательно подражать имъ во всѣхъ отношеніяхъ, изъ ихъ примѣра учиться, какія для того требуются свѣдѣнія, какіе пріемы въ обращеніи съ пребывающими во тмѣ невѣдѣнія истиннаго Бога.

Святые Апостолы слишкомъ три года были въ училищѣ Господа Бога нашего Іисуса Христа, неотлучно находились при Немъ и слѣдовали за Нимъ, когда Онъ, въ различныхъ направленіяхъ проходя земное свое отечество, благодѣтельствовалъ на всякомъ шагу стекавшемуся къ Нему во множествѣ народу,—предлагалъ всѣмъ божественное свое ученіе, врачевалъ то словомъ, то прикосновеніемъ, то одною своею мыслію всякаго рода болѣзни, очищалъ пораженныхъ проказою, даровалъ зрѣніе даже слѣпорожденнымъ, способность ходить хромымъ, возстановлялъ увѣчныхъ и разслабленныхъ, освобождалъ отъ мучительства демоновъ бѣснуемыхъ и воскрешалъ мертвыхъ. Внимая ученію, которое Господь вообще предлагалъ народу, Апостолы сверхъ того были наставляемы Имъ и особо, наединѣ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что ревнующему озарить свѣтомъ христіанской вѣры людей невѣрныхъ, или блуждающихъ во мракѣ ересей и расколовъ, необходимо прежде всего основательное и живое знаніе вѣроученія святой православной Церкви. Безъ такого знанія онъ никогда не достигъ бы цѣли своей дѣятельности, и былъ бы похожъ на слѣпца, который берется руководить другихъ слѣпцовъ. Достигать этой цѣли въ настоящее время, благодареніе Богу, тѣмъ легче, что святѣйшимъ Сѵнодомъ постоянно издается пространный христіанскій катихизисъ; а достоуважаемые нами богословы-архипастыри

распространили въ нашемъ обществѣ прекрасные догматическіе свои труды; и потому жаждущій духовнаго просвѣщенія, хотя бы онъ и не получилъ школьнаго образованія въ академіи или въ семинаріи, можетъ пріобрѣсть достаточное знаніе вѣроученія православной Церкви, и приготовить себя на дѣло распространенія православнаго вѣроисповѣданія между невѣрными. Но, по примѣру апостола Павла, который, не смотря на свою богодухновенность и непосредственно отъ самого Спасителя полученное посольство проповѣдывать имя Его, нарочно ходилъ въ Іерусалимъ предложить на судъ знаменитѣйшихъ Апостоловъ проповѣдуемое имъ благовѣствованіе,—ревнующій открыто пронести православное вѣроученіе къ язычникамъ и сектантамъ, сколько бы ни былъ онъ начитанъ, чтобы въ проповѣдь его не вкралось какое либо мнѣніе, противное ученію православной Церкви, долженъ предварительно подвергнуть свои свѣдѣнія строгому испытанію опытныхъ преподавателей православнаго богословія, и тогда уже рѣшаться, язычниковъ и людей омраченныхъ еретическими и раскольническими толками, проводить къ свѣту истины.

Призваннымъ къ апостольству ученикамъ Спасителя, по свидѣтельству Евангелія, было извѣстно, что Іисусъ Христосъ, прежде изшествія своего на проповѣдь, провелъ сорокъ дней и ночей въ постѣ и, конечно, въ молитвѣ (Матѳ. 4, 1. Лук. 4, 2); впослѣдствіи же молился Онъ цѣлую ночь и предъ избраніемъ Апостоловъ (Лук. 6, 12), молился и всегда, какъ только не былъ занятъ проповѣдію и благодѣтельными чудотвореніями (Лук. 5, 16. 9, 18. 11, 1); молился и по вечерамъ (Матѳ. 14, 23. Марк. 6, 46), и съ самаго ранняго утра (Марк. 1. 25. 14, 31). Поэтому святые Апостолы, не смотря на то, что во время сошествія на нихъ Св. Духа получили въ чрезвычайномъ обиліи дары благодати, которою озаряясь, были непогрѣшительны, такъ, что проповѣдуемое ими ученіе было столь же божественно, какъ если бы проповѣдуемо было самимъ Іисусомъ Христомъ,—не смотря на это, святые Апостолы, по примѣру Спасителя, постоянно молились — и въ собраніи

вѣрующихъ, и наединѣ, и предъ совершеніемъ чудотворныхъ исцѣленій, и въ темницахъ (Лук. 24, 53. Дѣян. 1, 14. 2, 42. 46. 10, 9. 13, 3. 14, 23. 16, 25. 20, 7. 4. 21, 5. 28, 8). А св. апостолъ Павелъ въ посланіяхъ къ разнымъ Церквамъ просилъ еще вѣрующихъ молиться, чтобы Богъ благоспоспѣшествовалъ ему благовѣствовать Іисуса Христа въ народахъ (Рим. 15, 20. 2 Кор. 1, 11. Ефес. 6, 18. 19. Колос. 4, 3. 1 Сол. 3, 1. Евр. 13, 18). Такіе примѣры сильны побудить желающаго просвѣщать истиннымъ богопознаніемъ язычниковъ, или разсѣявать мракъ раскольническихъ предубѣжденій,—постоянно, по слову Спасителя и апостола Павла, пребывать въ молитвенномъ настроеніи (Лук. 18, 1. 1 Сол. 5, 18), ежечасно молиться объ оплодотвореніи своей проповѣди благодатію Духа Св., памятуя, что по изреченію Начальника и Совершителя нашей вѣры, никто не можетъ прійти въ познаніе Отца небеснаго иначе, какъ только чрезъ Іисуса Христа (Іоан. 14, 6). Руководствуясь такими убѣжденіями, св. Церковь возревновавшихъ распространять свѣтъ ученія Христова между невѣрными встарину напутствовала молебномъ и совершеніемъ божественной литургіи, съ присовокупленіемъ прошеній о низпосланіи дара Св. Духа на отправляющихся на проповѣдь, какъ это усматривается изъ православнаго служебника, изданнаго въ Кіево-печерской лаврѣ, при архимандритѣ Іосифѣ Тризнѣ, подъ особымъ въ концѣ его надписаніемъ: *о призываніи Св. Духа, внегда посылати братію на проповѣдь Евангелія* [1].

Замѣчательно, что и миссіонерамъ латинской пропаганды

---

[1] Въ указанномъ служебникѣ между прочими есть также эктеніи о истребленіи ересей и расколовъ. Такимъ-то оружіемъ встарину св. Церковь ратоборствовала съ своими противниками. И, кажется, нельзя сомнѣваться, что если бы такія эктеніи были введены въ употребленіе и теперь, и произносились внятно, съ умиленіемъ, на божественной литургіи, заутрени и вечерни, въ приходахъ населенныхъ православными вмѣстѣ съ раскольниками: то православные утверждались бы въ преданности св. Церкви и отвращались бы отъ пройдохъ, увлекающихъ въ расколъ. А какъ православные Божіи храмы иногда посѣщаются раскольниками: то такія эктеніи потрясали бы ихъ совѣсть и содѣйствовали бы обращенію ихъ въ нѣдра св. Церкви.

вмѣняется въ обязанность не только пламенно молиться о принятіи кѣмъ либо латинскаго вѣроисповѣданія, но даже совершать для этой цѣли особыя литургіи (миссы).

Святые Апостолы во время сошествія на нихъ Духа Св., въ числѣ прочихъ даровъ, получили и даръ говорить на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. Вначалѣ основанія Церкви Христовой, такъ какъ Спаситель повелѣлъ Апостоламъ проповѣдывать ученіе Евангелія всѣмъ народамъ (Матѳ. 28, 19. Марк. 16, 15),—былъ имъ крайне необходимъ даръ говорить на всѣхъ иностранныхъ языкахъ; потому что безъ этого дара не могли бы они исполнить заповѣдь Іисуса Христа, а по кратковременности своей жизни не имѣли досуга изучить иностранные языки обыкновеннымъ, естественнымъ образомъ. Но и по насажденіи и утвержденіи св. Церкви, съ прекращеніемъ сверхъестественнаго дара языковъ, ревнующимъ благовѣствовать ученіе Христово извѣстнымъ племенамъ—одному или двумъ, крайне необходимо знаніе языка или нарѣчія по крайней мѣрѣ тѣхъ племенъ. Эта необходимость для миссіонера ничѣмъ незамѣнима; ибо въ дѣлѣ своего служенія миссіонеръ не можетъ и не долженъ полагаться на толмача, который излагалъ бы его бесѣду съ язычниками на природномъ ихъ нарѣчіи, такъ какъ толмачъ иногда, не выразумѣвъ словъ миссіонера, передавалъ бы ихъ въ превратномъ смыслѣ, и притомъ переведенная имъ бесѣда не имѣла бы естественной живости и теплоты. Посему рѣшившійся озарить невѣрныхъ истиннымъ богопознаніемъ необходимо долженъ предварительно изучить тотъ языкъ, на которомъ говорятъ напр. буряты или татары, которыхъ онъ предпринимаетъ обратить въ христіанство,—изучить ихъ языкъ въ такой степени, чтобы свободно могъ бесѣдовать съ ними, и, сколько можно понятнѣе, излагать предъ ними христіанское вѣроученіе. Если же тѣ язычники имѣютъ свою религіозную литературу и свои богослужебные обряды: то проповѣднику Евангелія необходимо также основательно ознакомиться съ этою литературою, съ одной стороны для того, чтобы узнать, какъ въ ней произносится имя Бога всевышняго и наименованія духовъ, какими названіями озна-

чаются религiозные обряды и мнимые священные предметы, чтобы сообразить, какiя изъ тѣхъ именъ и названiй можно употреблять въ своей проповѣди; съ другой стороны для того, чтобы не порицать правильныхъ понятiй естественнаго ихъ богопознанiя. Правда, чрезвычайно трудно изученiе восточныхъ языковъ, но, при содѣйствiи благодати Божiей, оно возможно; ревность препобѣдитъ всякое затрудненiе въ этомъ отношенiи. Примѣръ такой ревности показалъ блаженный Iеронимъ, въ старости уже основательно выучившiйся еврейскому языку [1]. Тщательно приготовляющемуся для собесѣдованiя напр. съ татарами было бы весьма нужно, пользуясь всякимъ свободнымъ временемъ, хотя при посредствѣ основательно знающихъ татарскiй языкъ, изложить на бумагѣ тѣ самые предметы христiанскаго вѣроученiя, которые намѣренъ онъ предлагать невѣрнымъ, и свое изложенiе хорошо затвердить на память. Приведенiю невѣрныхъ къ свѣту истины всего болѣе способствовало бы переложенiе на ихъ языкъ поучительныхъ книгъ св. Писанiя и покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ и молитвъ. Достиженiю такой цѣли не мало могли бы способствовать биб-

---

[1] Подобныхъ примѣровъ много. Такъ баснописецъ Крыловъ, будучи уже 50 лѣтъ, самъ собою, при пособiи грамматики и лексиконовъ, изучилъ греческiй языкъ до того, что свободно могъ переводить Гомера и другихъ греческихъ писателей.

[2] Сколько извѣстно, англiйскiе и другихъ странъ протестантскiе миссiонеры поступаютъ отчасти сообразно съ цѣлiю евангельской проповѣди, издавая переводы св. Писанiя на разныхъ азiатскихъ языкахъ. Но успѣху ихъ проповѣди препятствуетъ съ одной стороны комфортъ, съ которымъ они нигдѣ не разстаются, съ другой то, что распространенiе св. Писанiя не сопровождается у нихъ устною проповѣдiю; не мало вредитъ имъ въ этомъ дѣлѣ и преобладающiй духъ корыстолюбiя, въ угоду которому они на своихъ корабляхъ вмѣстѣ съ библiями развозятъ также идоловъ и надѣляютъ ими племена, обращаемыя въ христiанство. Вопреки такой дѣятельности протестантовъ, латинскiе миссiонеры проповѣдуютъ свое вѣроученiе живымъ словомъ, и для обращенiя невѣрныхъ въ латинство переносятъ нищету, голодъ, воздушныя перемѣны, трудятся, подвизаются до поту, даже до крови. Но въ основанiе своей проповѣди не полагая св. Писанiя, оглашенныхъ не допуская къ чтенiю его, и окрещеннымъ не вручая слова Божiя, не упрочиваютъ они плодовъ своей проповѣди. Съ перемѣною обстоятельствъ, при оскудѣнiи миссiонеровъ, проповѣданное ими ученiе вѣры исчезаетъ безслѣдно. Тогда какъ оно было бы непоколебимо, если бы изустная проповѣдь сопровождалась обученiемъ невѣрныхъ чтенiю и врученiемъ имъ св. Писанiя.

ліи, издаваемыя библейскимъ обществомъ въ Лондонѣ и въ Америкѣ и переведенныя на языки азіатскихъ народовъ; только переводы эти требовали бы тщательной повѣрки.

Для возстановленія здоровья страдающихъ какою либо тѣлесною болѣзнію, опытные врачи своими пособіями стараются удалить изъ тѣла причины, производящія и усиливающія болѣзнь. Подобно этому, нельзя насадить истинное богопознаніе въ умѣ и сердцѣ тѣхъ, которые будутъ водиться лживыми понятіями относительно богопознанія, суетными повѣрьями и предразсудками. Поэтому на проповѣдникѣ истины лежитъ долгъ предварительно вывѣдать понятія и суевѣрія язычниковъ, сектантовъ и раскольниковъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Необходимость такихъ свѣдѣній для проповѣдника Евангелія усматривается и изъ примѣра святыхъ Апостоловъ. Бывъ по происхожденію іудеями, они имѣли достаточное понятіе объ ученіи фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ; но Спаситель часто съ кротостію обличалъ ихъ въ предзанятыхъ понятіяхъ о царствѣ Его, и опровергалъ неосновательныя мнѣнія современныхъ Ему іудеевъ. Святые Апостолы имѣли также довольно ясное понятіе о суетности идолопоклонства и растлѣніи языческихъ нравовъ. Посему обратившимся ко Христу указывали на гнусную жизнь идолопоклонниковъ, и внушали жить не по человѣческимъ похотямъ, но быть благоразумными, и бодрствовать въ молитвахъ (1 Петр. 4, 2. 3. 7). Апостолъ Павелъ убѣдительно доказывалъ помраченіе ума языческихъ мудрецовъ, которые, будучи въ состояніи познать Бога изъ разсматриванія природы, обезумѣли до того, что истинное богопознаніе замѣнивъ ложью, покланялись твари вмѣсто Творца. Кромѣ сего, Апостолъ зналъ всѣ гнусныя мерзости язычниковъ (Рим. 1, 20—32). Ему даже знакома была литература эллинскихъ мудрецовъ, и для успѣха своей проповѣди онъ пользовался иногда ея изреченіями. Такъ напримѣръ въ Аѳинахъ употребилъ изреченіе языческаго поэта Арета, что люди родъ Божій (Дѣян. 17, 26); въ 1 посланіи къ коринѳянамъ приводитъ стихъ поэта Менандра, что худыя сообщества развращаютъ добрые нравы (15, 31), а въ посланіи

къ Титу цитуетъ мнѣніе поэта Эпименида, что критяне всегда лжецы, лѣнивыя утробы (1, 12). Такимъ образомъ божественные Апостолы, основательно опровергая іудейскія и языческія суевѣрія и предубѣжденія, и пользуясь мнѣніями общественнаго смысла, усматриваемыми въ сочиненіяхъ языческихъ писателей, удобно насаждали въ сердцахъ своихъ слушателей высокія истины Евангелія. Этотъ примѣръ доказываетъ, что рѣшившемуся идти по слѣдамъ святыхъ Апостоловъ необходимо также вывѣдать опоры, на которыхъ утверждаются повѣрья язычниковъ, или сектантовъ и раскольниковъ, и узнать, какія мнѣнія общаго человѣческаго смысла признаютъ они истинными, чтобы можно было, доказавъ лживость первыхъ, и пользуясь послѣдними, исторгнуть изъ ума и сердца обращаемыхъ ко Христу пагубные ихъ предразсудки. Дѣйствуя иначе, служитель Евангелія сѣялъ бы истины его на вѣтеръ.

Для распространенія христіанскаго вѣроученія между язычниками и обращенія въ нѣдра истинной Церкви Христовой чуждающихся ея сектантовъ и раскольниковъ — не нужны ли принудительныя, полицейскія мѣры? Сохрани Богъ! Со стороны правительства самое благодѣтельное покровительство проповѣди православнаго христіанскаго вѣроученія должно состоять въ энергической защитѣ его проповѣдниковъ и лицъ, обращающихся отъ тмы невѣдѣнія Бога истиннаго, когда нападаютъ на нихъ люди, коснѣющіе во мракѣ заблужденій и суевѣрій. На правительствѣ также лежитъ обязанность—просвѣтившихся св. крещеніемъ язычниковъ и возвратившихся во ограду Церкви Христовой еретиковъ и раскольниковъ предпочтительно дѣлать старшинами общинъ—напр. татарскихъ или бурятскихъ. Равнымъ образомъ правительство должно надѣлять миссіонеровъ, для приличнаго ихъ содержанія, достаточнымъ количествомъ усадебной и пахатной земли, отпускать имъ деньги на прогоны и давать другія средства для облегченія ихъ путешествій по морямъ и многоводнымъ, болотистымъ и гористымъ мѣстамъ, доставлять матеріалы для постройки миссіонерскихъ помѣщеній, церквей и часовень въ такихъ мѣстахъ, гдѣ изъ вошед-

шихъ во ограду св. Церкви, можно образовать такъ называемый церковный приходъ, или гдѣ, по видамъ миссіонеровъ, могутъ приходить язычники и созерцаніемъ православнаго богослуженія побуждаться къ принятію христіанской вѣры, твердо отражать пропаганду невѣрныхъ, сектантовъ и раскольниковъ, не допуская ихъ въ православныхъ общинахъ производить волненіе, распространять лживые толки и мнѣнія. Кромѣ такихъ мѣръ, истина христіанскаго вѣроученія не имѣетъ нужды въ физической и полицейской силѣ для просвѣщенія невѣрныхъ и уклоняющихся отъ св. Церкви. Опыты показали, что полицейскія мѣры только раздражаютъ и ожесточаютъ—какъ невѣрныхъ, такъ и сектантовъ, и тѣмъ ослабляютъ силу вѣроученія, дѣйствующую невидимо на сердце. Проповѣднику истиннаго богопознанія надобно вообще помнить, что хотя святые Апостолы дарованною имъ силою чудотвореній могли на отвергателей ихъ проповѣди низводить громы, однако Господь Спаситель нашъ еще во время земной своей жизни строго воспретилъ имъ такую ревность (Лук. 9, 53 — 56). Посему, напечатлѣвъ въ своемъ сердцѣ такое запрещеніе, они довольствовались только тѣмъ, что, по слову Іисуса Христа, оттрясали прахъ ногъ своихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители оставались упорны въ своемъ заблужденіи, и отказывались усвоить себѣ благовѣствуемое имъ христіанское ученіе вѣры (Матѳ. 10, 14). Однажды только апостолъ Павелъ на время поразилъ слѣпотою волхва Елима, усиливавшагося, на островѣ Пафѣ, отвратить проконсула Сергія отъ принятія проповѣдуемаго ученія (Дѣян. 13, 8—12). Вообще же Апостолы не только не употребляли принудительныхъ мѣръ для успѣха своей проповѣди и распространенія ея вѣроученія, а напротивъ, во свидѣтельство истины благовѣствуемаго ими богопознанія, сами переносили гоненія, побои и муки отъ іудеевъ и язычниковъ, терпѣли голодъ, жажду, наготу, ежечасно считали себя какбы приговоренными къ смерти, были какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый (1 Кор. 4, 2. 13), и, запечатлѣвъ истину проповѣдуемаго ими ученія мученическою своею кончиною, представили въ лицѣ

своемъ истинный образецъ проповѣднической дѣятельности для ревнующихъ слѣдовать по стопамъ ихъ.

Изъ этого явно, что нѣкоторые приходскіе священники дѣйствовали прямо вопреки духу Евангелія, когда хотѣли, чтобы вмѣсто ихъ апостольствовали исправники и становые пристава, заставляли невѣрныхъ или неправомыслящихъ христіанъ, вѣрить, подъ вліяніемъ полицейскихъ мѣръ, таким истинамъ, о коихъ и сами едва ли имѣли точныя свѣдѣнія. Какіе же плоды принесло такое миссіонерство? Нѣкоторые миссіонеры, напримѣръ, не зная вовсе татарскаго языка, и предварительно не сообщивъ татарамъ никакого понятія объ истинахъ христіанскаго вѣроученія, принуждали ихъ посредствомъ земской полиціи принимать крещеніе [1]. Отъ такого апостольства не могли не произойти послѣдствія самыя предосудительныя для Церкви, и пагубныя для человѣчества: многіе крещеные татары остались въ магометанствѣ, а иные были разорены и сдѣлались равнодушными ко всякой религіи; раскольники же, вынужденные земскою полиціею присоединиться къ Церкви на правилахъ единовѣрія, оказались самыми закоренѣлыми раскольниками. Даже болѣе мягкія административныя и бюрократическія мѣры, для вразумленія неправомыслящихъ, совратившихся напр. въ латинство, или расколъ, чаще возбуждали злословіе и клевету на Церковь и православіе, чѣмъ истинную пользу.

Но если не употреблять полицейскихъ мѣръ; то какъ дѣйствовать ревнующему о приведеніи въ нѣдра православной Церкви язычниковъ, или неправомыслящихъ христіанъ? Святые Апостолы для дѣйственности своей проповѣди не имѣли нужды въ полицейскихъ мѣрахъ потому, что одарены были силою чудотвореній, на которыя взирая, слушатели убѣждались въ божественномъ ихъ посольствѣ и обращались ко Христу. Въ настоящее же время проповѣдникъ Евангелія не обладаетъ

---

[1] См. въ „Православномъ обозрѣніи“ за августъ 1865 г. статью: *приходы крещеныхъ татаръ въ казанской губерніи.*

столь могучимъ средствомъ, — силы творить чудеса ему не дано. Но твердое упованіе на содѣйствіе всесильной благодати Божіей, внѣдрительность истинъ евангельскихъ, проникающая до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, судящая чувствованія и мысли сердечныя (Евр. 4, 12), пламенная любовь къ Богу и ближнему, почти столько же могущественны, какъ и даръ чудотвореній, тѣмъ болѣе, что чудеса Спасителя, Апостоловъ и другихъ святыхъ Божіихъ, по своей благотворности, очевидно были выраженіемъ любви къ бѣдствующему человѣчеству. Впрочемъ благодать Іисуса Христа, который вчера, и сегодня, и во вѣки тотъ же (Евр. 13, 8), для успѣха евангельской проповѣди, сильна совершить чудо и въ настоящее время, если, по предвѣдѣнію Божію, никакія увѣщанія, кромѣ чуда, не въ состояніи убѣдить слушателей въ божественности Его вѣроученія, а между тѣмъ обращеніе ихъ благотворно подѣйствовало бы на другихъ невѣрныхъ. Проповѣднику Евангелія самое званіе его внушаетъ—всецѣло предать себя и свое дѣло промыслу Пастыреначальника св. Церкви, который, и безъ сверхъестественнаго засвидѣтельствованія божественности Его ученія, силенъ одними чудесами своего міроправленія расположить естественныя обстоятельства и сердца невѣрныхъ къ принятію всѣмъ сердцемъ истинъ христіанскаго вѣроученія. Но долгъ проповѣдника требуетъ, чтобы онъ, проникнутый любовію къ Богу и ближнему, не иначе дѣйствовалъ, какъ облекшись кротостію и терпѣніемъ (Колос. 3, 12. 14), примѣнялся къ обстоятельствамъ, и вывѣдывалъ предварительно характеръ, религіозныя повѣрья и мнѣнія тѣхъ, кого желаетъ озарить свѣтомъ православнаго вѣроученія. Такъ, въ приходѣ, населенномъ православными и вмѣстѣ раскольниками, отуманенными мракомъ мнимаго старовѣрія, приходскій священникъ поступилъ бы неблагоразумно, еслибы тотчасъ, по вступленіи своемъ на приходъ, сталъ требовать, чтобы раскольники присоединились къ св. Церкви. Сперва необходимо примѣрнымъ поведеніемъ, частымъ благоговѣйнымъ богослуженіемъ, и дѣятельною любовію, пріобрѣсть въ народѣ доброе

о себѣ мнѣніе. Затѣмъ священникъ обязанъ исподоволь знакомиться съ раскольниками, и кроткимъ, привѣтливымъ, даже почтительнымъ, особенно въ отношеніи къ ихъ старикамъ, обращеніемъ довесть по крайней мѣрѣ почетнѣйшихъ между ними до того, чтобы они не чуждались собесѣдованія съ нимъ. Въ бесѣдахъ съ раскольниками нѣтъ надобности, даже опасно, тотчасъ приступать къ опроверженію мнимаго ихъ старовѣрія; можно заводить религіозныя собесѣдованія развѣ объ общихъ евангельскихъ истинахъ: но, пріобрѣтши благорасположенность раскольниковъ, надобно постепенно, будто изъ одного любознанія, вывѣдывать искренній образъ ихъ мыслей, и узнавать опоры, на которыхъ они утверждаютъ мнимое свое старовѣріе; затѣмъ, будто требуя разрѣшенія своихъ недоумѣній, предлагать раскольникамъ искусно придуманные вопросы, посредствомъ которыхъ заронилось бы въ ихъ сердцахъ сомнѣніе на счетъ основательности мнимыхъ догматовъ ихъ вѣры, и колебалось бы ихъ убѣжденіе въ тѣхъ мнѣніяхъ [1]; а, наконецъ, теплою молитвою призвавъ въ помощь благодать Божію, и основательно приготовившись къ опроверженію раскольническихъ заблужденій, неопровержимо доказать непра-

---

[1] Въ собесѣдованіи съ раскольниками можетъ представиться много случаевъ для такихъ вопросовъ. Напр., если перстосложеніе, употребляемое раскольниками для крестнаго знаменія, исключительно правильно и совершается по ученію древней православной Церкви; то почему только въ книгахъ изданныхъ мірянами при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ напечатано ученіе о немъ, а въ книгахъ, изданныхъ до него, при прежнихъ патріархахъ, не говорится о немъ ни слова? Міряне, справщики, печатавшіе для церковнаго употребленія книги при патріархѣ Іосифѣ,—были святые, или нѣтъ? Если святые; то почему раскольники не почитаютъ ихъ въ числѣ святыхъ, и не молятся имъ? Если же тѣ справщики были люди обыкновенные; то откуда извѣстно, что напечатанныя ими книги во всѣхъ отношеніяхъ правильны и непогрѣшительны? Притомъ нельзя не замѣтить, что если въ какомъ либо православномъ приходѣ вновь появляется расколъ; то въ распространеніи его всегда можно винить приходскаго священника; потому что онъ своимъ поведеніемъ долженъ привлечь къ себѣ любовь и довѣріе своихъ прихожанъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ сблизиться такъ, чтобы посредствомъ ихъ могъ знать о всѣхъ происшествіяхъ въ своемъ приходѣ, а узнавъ, что какой нибудь бродяга посѣялъ въ немъ плевелы раскола, тотчасъ принималъ мѣры къ вразумленію колеблющихся въ православной вѣрѣ, при содѣйствіи приближенныхъ къ нему почетнѣйшихъ прихожанъ.

вомысліе ихъ свидѣтельствами тѣхъ самыхъ книгъ, которыя признаются у раскольниковъ содержащими истинное православное вѣроученіе. Самымъ обильнымъ источникомъ такихъ доказательствъ можетъ служить твореніе блаженной памяти митрополита Григорія, подъ названіемъ: *Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь.*

Для просвѣщенія язычниковъ христіанскимъ вѣроученіемъ очевидно требуется другой образъ дѣятельности. Здѣсь успѣхъ подвиговъ проповѣдника божественныхъ истинъ главнымъ образомъ зависитъ отъ святости его жизни. Въ собесѣдованіи же съ язычниками, для раскрытія душевнаго ихъ взора, предварительно можетъ служить пробужденіе въ нихъ сознанія истинъ, признаваемыхъ общимъ человѣческимъ смысломъ, и указаніе на то, что ихъ повѣрья вовсе не имѣютъ твердой основы; что устныя, напр., легенды бурятъ объ ихъ идолахъ просто выдумка, и что онѣ не подтверждаются никакими историческими свидѣтельствами. Подражая апостолу Павлу, который началъ свою проповѣдь въ Аѳинахъ съ надписи на жертвенникѣ: *невѣдомому Богу,* и увѣрялъ аѳинянъ, что эта надпись проповѣдуетъ того Бога, коему аѳиняне воздвигли жертвенникъ (Дѣян. 17, 23—31),—миссіонеръ можетъ указать язычникамъ на сохранившіеся у нихъ отрывки искаженнаго нелѣпыми вымыслами истиннаго преданія, напр. о томъ, что прародители рода человѣческаго вначалѣ были невинны и блаженны, и что грѣхопаденіе только подвергло ихъ съ потомствомъ различнымъ бѣдствіямъ. Въ собесѣдованіи съ мусульманами, суевѣрное ихъ исповѣданіе можетъ быть поколеблено, съ одной стороны, историческимъ разсказомъ о Магометѣ, о соблазнительной его жизни, о кровожадности и самомъ гнусномъ любострастіи; съ другой—невольными, самыми почтительными его отзывами объ Іисусѣ Христѣ и преблагословенной Его Матери. Для этой цѣли полезно было бы изданіе жизнеописанія Магомета, извлеченное изъ историческихъ мусульманскихъ памятниковъ, съ присовокупленіемъ взятыхъ изъ корана изреченій объ Іисусѣ Христѣ и пресвятой Бого-

родицѣ. Брошюра такого содержанія и на русскомъ языкѣ, а еще лучше на татарскомъ принесла бы важную пользу въ собесѣдованіи съ татарами для привлеченія ихъ къ христіанству. Предметомъ первоначальныхъ бесѣдъ съ язычниками и магометанами могутъ служить, съ одной стороны, гнусные ихъ нравы, напр. рабское униженіе женщины, какъ хозяйки, супруги и матери дѣтей, съ другой—указаніе на святость нравовъ, предписываемыхъ вѣроученіемъ христіанскимъ; близкое же знакомство съ язычниками можетъ указать обильную матерію для назидательныхъ бесѣдъ въ религіозныхъ языческихъ повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и надеждахъ относительно участи въ будущей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возбудить желаніе слушать наставленія христіанскаго вѣроученія.

Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сверхъ двѣнадцати Апостоловъ, избралъ еще семьдесятъ учениковъ, послалъ ихъ по два во всякій городъ и мѣсто, для проповѣди о томъ, что приблизилось царство Божіе (Лук. 10, 1). Изъ книги же Дѣяній апостольскихъ и посланій усматривается, что апостолъ Павелъ, рѣшившись проповѣдывать Евангеліе язычникамъ, вездѣ былъ сопровождаемъ избранными имъ сотрудниками, которые дѣйствовали въ его духѣ, по его распоряженію и направленію (2 Кор. 8, 16. 12, 18). Участіе ихъ простиралось до того, что нѣкоторыя посланія свои къ частнымъ христіанскимъ Церквамъ онъ отправилъ не отъ одного своего имени, но вмѣстѣ и отъ имени своихъ сотрудниковъ, напр. 1-е и 2-е коринѳянамъ, къ филиписеямъ, къ колоссянамъ, къ ѳессалонникійцамъ. Такой примѣръ Апостола можетъ служить урокомъ, что ревнующіе о распространеніи христіанскаго вѣроученія между невѣрными, при помощи Божіей, могутъ успѣшнѣе достигать своей цѣли чрезъ содѣйствіе другъ другу нѣсколькихъ миссіонеровъ, тѣмъ болѣе, что тяжкіе подвиги апостольства часто требуютъ дружескаго подкрѣпленія въ немощи и малодушіи, утѣшенія въ скорби, совѣта въ недоумѣніи, поддержанія при колебаніи, а въ случаѣ болѣзни, усерднаго призрѣнія и услуги. Посему въ отношеніи къ подобнымъ слу-

чаямъ и слово Божіе говоритъ: *блази два паче единаго: яко аще падется единъ отъ нихъ, воздвигнетъ другій причастника своего. Но горе тому единому, егда падетъ, и не будетъ втораго воздвигнути его... И вервь трецлетена не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 9. 10. 12). Но, съ другой стороны, чтобы въ соединеніи нѣсколькихъ лицъ, которое-либо изъ нихъ не полагало претыканія другому, и чтобы дѣятельность ихъ происходила въ опредѣленномъ порядкѣ, стройно, — миссіонерамъ, составившимъ гдѣ либо особое общество, необходимо избрать изъ среды своей, или испросить у высшаго начальства такого мужа, который, ревнуя о распространеніи христіанскаго вѣроученія, былъ бы благоразуменъ, дѣятеленъ, направлялъ бы усилія прочихъ, совокупно съ ними дѣлалъ совѣщаніе относительно преспѣянія общихъ подвиговъ въ дѣлѣ просвѣщенія язычниковъ христіанскимъ богопознаніемъ, который заводилъ бы училища дѣтей, гдѣ первоначально, на языкѣ инородцевъ, преподаваемо было бы христіанское ученіе вѣры въ такомъ духѣ, чтобы воспитанники тѣхъ училищъ могли впослѣдствіи сами привлекать одноземцевъ къ принятію христіанской вѣры. Но для побужденія православныхъ споспѣшествовать миссіонерамъ пожертвованіями на дѣло христіанской проповѣди между язычниками, необходимо, чтобы миссіонерскія дружины ежегодно, посредствомъ духовныхъ журналовъ православной Церкви, обнародывали отчетъ о приходѣ, издержкахъ и плодахъ своей дѣятельности.

Какимъ же методомъ, при содѣйствіи благодати Божіей, можетъ успѣшнѣе распространяться проповѣдь христіанскаго вѣроученія?—Прежде всего необходимо изложить язычникамъ краткую священную исторію отъ созданія міра до основанія и утвержденія Христовой Церкви. На такой образъ проповѣди указываетъ примѣръ святыхъ Апостоловъ. Такъ апостолъ Петръ, для привлеченія своихъ соотечественниковъ къ вѣрѣ во Іисуса Христа, сперва приводитъ іудеямъ извѣстныя имъ изъ исторіи изреченія пророковъ Моисея, царя Давида и пророка Іоиля (Дѣян. 2, 17. 27. 31. 3, 22); а святый первому-

мученикъ Стефанъ, проповѣдуя предъ членами іудейскаго синедріона, не смотря на то, что они не могли не знать исторіи своего народа, излагалъ ее предъ ними отъ Авраама до смерти Іисуса Христа (Дѣян. 13, 15—41). Такой образъ проповѣди даже крайне необходимъ; потому что, безъ предварительнаго начертанія язычникамъ священной исторіи, проповѣданіе однихъ христіанскихъ догматовъ было бы для нихъ непонятно, безжизненно, не возбудило бы въ нихъ желанія усвоить себѣ христіанское вѣроученіе, не произвело бы въ ихъ сердцѣ побужденія всеусильно стараться свидѣтельствовать душевную благодарность Отцу небесному, за ниспосланіе единосущнаго Сына, — Господу нашему Іисусу Христу, за претерпѣнныя Имъ страданія и крестную смерть, и Духу Святому, за освященіе вѣрующихъ и довершеніе спасенія ихъ. Вообще изученіе однихъ догматовъ вѣры осталось бы безплоднымъ, мертвымъ, не оживотворило бы сердца язычниковъ душеспасительною вѣрою въ истины христіанскаго ученія. Напротивъ язычники, при содѣйствіи благодати Божіей, удобно могли бы усвоить себѣ христіанское вѣроученіе, если бы предварительно изложено было предъ ними повѣствованіе о событіяхъ священной исторіи; если бы даже священная исторія была предлагаема имъ неоднократно съ тою цѣлію, чтобы, по убѣжденію миссіонера, они усвоили и затвердили ее въ своей памяти. Для преподанія язычникамъ такой исторіи, надобно излагать ее на природномъ ихъ языкѣ, и, вопервыхъ, представить ученіе о тріединомъ Богѣ, какъ Творцѣ всего видимаго и невидимаго, потомъ говорить о путешествіи израильтянъ по пустынѣ, о десятословіи, о наслѣдіи обѣтованной земли, о правленіи судей, объ избраніи царя и о раздѣленіи еврейскаго народа на два царства. Эта часть исторіи можетъ быть раскрыта кратко, но здѣсь необходимо указать на обѣтованія и самыя ясныя пророчества объ Іисусѣ Христѣ. Затѣмъ слѣдуетъ изложить новозавѣтную исторію и говорить о чудесахъ Спасителя, объ изреченіяхъ Его, доказывающихъ, что Онъ есть Богъ, единосущный небесному Отцу, что равно

и Духъ Святый есть единосущный имъ Богъ; что Іисусъ Христосъ основалъ Церковь, въ которой учредилъ таинства для возрожденія, укрѣпленія, духовнаго питанія и освященія вѣрующихъ въ Него. Въ изложенной такимъ образомъ исторіи язычники будутъ видѣть основаніе христіанскихъ догматовъ, содержащихся въ символѣ вѣры. Когда же пріобрѣтутъ они удовлетворительное для требуемой цѣли понятіе о событіяхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ; тогда проповѣднику удобнѣе будетъ научить, а язычникамъ усвоить себѣ самые догматы христіанской вѣры, такъ какъ первый и послѣдніе будутъ имѣть предъ глазами историческія основы христіанскихъ догматовъ. Сверхъ устной проповѣди, можно бы ожидать вожделѣннѣйшихъ плодовъ, еслибы священная исторія въ указанномъ объемѣ напечатана и роздана была тѣмъ изъ язычниковъ, которые могутъ разбирать письмена и книги на природномъ своемъ языкѣ; а для дѣтей ихъ, обучающихся въ училищахъ, таже исторія могла бы быть напечатана и порусски.

Вмѣстѣ съ проповѣдію христіанскихъ истинъ, въ оглашаемыхъ необходимо возбуждать сердечную любовь къ Богу и ближнему, внушать имъ братолюбіе, упованіе на милость Божію въ несчастіяхъ, терпѣливое перенесеніе ихъ, для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства, ради заслугъ Іисуса Христа, располагать ихъ къ участію въ бѣдствіяхъ ближняго, къ утѣшенію его въ скорби, къ призрѣнію страждущихъ болѣзнями, къ частому присутствію на церковныхъ богослуженіяхъ, къ правильному перстосложенію для крестнаго знаменія, къ домашней молитвѣ поутру, вечеромъ, прежде и послѣ принятія пищи, и въ началѣ всякаго дѣла; наконецъ вводить между ними христіанскіе обычаи, образовать благочестивые нравы, внушать язычникамъ омерзѣніе отъ употребленія нечистой пищи, и пріучать ихъ исподоволь соблюдать, учрежденные Церковію, святые посты. Для достиженія такихъ цѣлей, ревностный послѣдователь святыхъ Апостоловъ, горящій желаніемъ озарить свѣтомъ истиннаго богопознанія погруженныхъ во тьму невѣдѣ-

нія Бога истиннаго, безъ сомнѣнія, напряжетъ всѣ свои силы, чтобы въ лицѣ своемъ представить примѣръ христіанскихъ добродѣтелей, оказывая по своей силѣ и способамъ помощь бѣдствующимъ, участіе въ горести скорбящимъ, состраданіе въ злоключеніи ближнимъ, доставленіи врачебныхъ пособій къ возстановленію здоровья страдающихъ болѣзнями. Для этой цѣли миссіонеру полезно пріобрѣсть хотя главныя патологическія и діагностическія свѣдѣнія, а для усвоенія указаній терапевтики и терапіи запастись врачебными зельями и лѣчебникомъ съ указаніемъ врачеванія болѣзней простыми средствами [1]. Опытъ доказалъ, что и пріемы гомеопатическихъ крупинокъ содѣйствуютъ исцѣленію больныхъ, а между тѣмъ, какъ немного стоитъ пріобрѣсть полную аптеку гомеопатическихъ врачебныхъ пособій!

Изъ примѣра святыхъ Апостоловъ усматривается также, что они не столько дорожили обращеніемъ къ Іисусу Христу большаго количества невѣрныхъ, сколько заботились объ углубленіи и утвержденіи вѣры въ умѣ и сердцѣ обратившихся. Такъ знаменитѣйшіе изъ Апостоловъ, основавъ въ Іерусалимѣ Церковь, для утвержденія вѣры оставались въ ней почти до нашествія римскихъ легіоновъ. Объ этомъ можно заключать изъ того, что апостолъ Павелъ, по обращеніи ко Христу, сперва отправлялся въ Іерусалимъ чрезъ три года, а потомъ, для свиданія съ предшествовавшими ему апостолами Іаковомъ, Іоанномъ и Петромъ, ходилъ туда чрезъ четырнадцать лѣтъ (Гал. 1, 18. 2. 1). Апостолъ Петръ, вышедши изъ Іерусалима, по преданію пребывалъ въ Антіохіи семь лѣтъ, безъ сомнѣнія, для утвержденія тамъ христіанскаго вѣроученія, хотя Антіохійская Церковь была уже столько тверда въ своей вѣрѣ, что ея жители первые сочли особеннымъ своимъ достоинствомъ именоваться

---

[1] Въ началѣ царствованія благословеннаго Александра I, разослана была святѣйшимъ Сѵнодомъ по приходскимъ церквамъ книжечка о лѣченіи простыми средствами. Соч. доктора Каменецкаго. Образованные и ревностные священники, совѣтуясь съ той книжечкой, оказывали больнымъ поселянамъ чрезвычайно успѣшныя пособія.

христіанами (Дѣян. 11, 26). Апостолъ Павелъ, прощаясь съ ефесскими епископами и пресвитерами, свидѣтельствовался ими самими, что онъ три года день и ночь со слезами училъ каждаго изъ нихъ, и притомъ ни отъ кого не принималъ ни сребра, ни золота, ни одежды; но собственными руками удовлетворялъ своимъ нуждамъ (Дѣян. 20, 32. 34). Такіе примѣры внушаютъ, что проповѣднику Евангелія слѣдуетъ заботиться не столько о привлеченіи въ ограду св. Церкви большаго количества язычниковъ, или сектантовъ, сколько о томъ, чтобы тѣ и другіе основательно были наставлены и всѣмъ сердцемъ усвоили себѣ догматы православнаго вѣроученія. Если вѣра во Іисуса Христа будетъ вкоренена въ нихъ глубоко и выразится въ самой ихъ жизни; то примѣрнымъ своимъ поведеніемъ и словомъ они сами станутъ привлекать ко Христу своихъ братій единоземцевъ. Но и послѣ того, какъ бывшіе во тьмѣ язычества и превратныхъ толковъ относительно христіанскаго вѣроученія, установятся въ православно-христіанскихъ убѣжденіяхъ, миссіонеръ не долженъ оставлять ихъ безъ зоркаго наблюденія; или, по крайней мѣрѣ, образовавъ изъ нихъ церковный приходъ, долженъ и передать ихъ попеченію священника, который, обладая природнымъ ихъ языкомъ, и имѣя необходимыя для своей должности свѣдѣнія, наставлялъ бы ихъ на путь спасенія.

Отъ какихъ же лицъ изъ общественныхъ сословій можно и должно ожидать пламеннѣйшей ревности и неослабныхъ подвиговъ къ просвѣщенію язычниковъ и приведенію во ограду св. Церкви тѣхъ, которые блуждаютъ по распутіямъ ересей и расколовъ? Кажется и говорить нечего, что отъ монаховъ: потому что монахъ, несвязанный семейными узами, можетъ всецѣло, со всею ревностію, посвятить себя проповѣди православнаго вѣроученія язычникамъ, сектантамъ и раскольникамъ. Но какъ во всѣхъ общественныхъ сословіяхъ есть благочестивые міряне, всѣмъ сердцемъ скорбящіе, что въ самыхъ предѣлахъ Россіи столько тысячъ язычнивовъ прозябаютъ въ невѣдѣніи истиннаго Бога, столько тысячъ расточено по дебрямъ суемыслія, и блуждаютъ какъ овцы, неимущія пастыря; то нѣтъ со-

мнѣнія, что и нѣкоторые изъ приходскихъ священниковъ, особенно бездѣтные, могли бы обречь себя на апостольскіе подвиги проповѣданія христіанскаго вѣроученія язычникамъ, и привлеченія въ нѣдра св. Церкви людей, чуждающихся ея, особенно, если бы въ подвигахъ священника приняла живое участіе образованная его супруга, кротко и съ любовію указывая женамъ язычниковъ на тьму невѣдѣнія Бога истиннаго, а раскольницамъ на мракъ заблужденій въ отчужденіи отъ ученія св. Церкви.

На успѣшное содѣйствіе христіанокъ апостольскимъ подвигамъ указываетъ примѣръ первенствующей Церкви, въ которой невѣрные, непокорявшіеся слову Апостоловъ, пріобрѣтаемы были для Церкви безъ слова, назидательнымъ поведеніемъ благочестивыхъ женъ (1 Петр. 3, 1). Изъ исторіи извѣстно также, что нѣкоторымъ св. Апостоламъ сопутствовали ихъ жены, а другихъ сопровождали ревностныя христіанки (1 Кор. 9, 1. 2). Кромѣ того, съ самаго основанія Церкви поставляемы были такъ называемыя діакониссы. Тѣ и другія проникали въ женскія отдѣленія (гиникеи) языческихъ домовъ, сообщали язычницамъ понятіе о душеспасительныхъ истинахъ христіанскаго вѣроученія, и такимъ образомъ пролагали къ нимъ путь Апостоламъ. Въ новѣйшія времена іезуиты и монахи прочихъ латинскихъ орденовъ предпосылаютъ себѣ въ Турцію и другія страны Азіи такъ называемыхъ сестеръ милосердія и монахинь сердца Іисусова, которыя заводятъ на востокѣ врачебницы и училища, и — какъ при хожденіи за больными, такъ и при обученіи дѣтей грамотѣ и рукодѣльямъ, совращаютъ многихъ изъ православія въ латинство. Съ подобною же цѣлію учреждаютъ общины женщинъ даже протестанты и, давъ имъ званіе діакониссъ, возлагаютъ на нихъ также обязанности воспитывать дѣтей и ходить за больными. Такими примѣрами невозможно не убѣдиться, что, для успѣшнаго распространенія христіанскаго вѣроученія, преимущественно между язычниками, крайне необходимо учрежденіе въ средѣ ихъ женскихъ монастырей, или хоть просто общинъ изъ благочестивыхъ христіанокъ, ко-

торыя были бы не стары, и понимали языкъ инородцевъ, равно какъ и изъ просвѣтившихся св. крещеніемъ язычницъ, покрайней мѣрѣ устно обученныхъ краткой священной исторіи, символу вѣры, десятословію, молитвѣ Господней съ объясненіемъ, и другимъ краткимъ молитвамъ. Такія женщины и дѣвицы, приготовляя язычницъ ко св. крещенію, весьма много содѣйствовали бы проповѣдникамъ православнаго вѣроученія между невѣрными. Живя въ общинѣ, онѣ могли бы потомъ обучать новокрещенныхъ опрятности въ домашнемъ быту, стряпнѣ и необходимымъ въ семействѣ женскимъ рукодѣльямъ. Общины, обрекшіяся на такіе подвиги, могли бы даже состоять просто изъ бѣлицъ, связавшихъ себя обѣтомъ на нѣсколько лѣтъ, изъ любви къ Богу и ближнему, ради душевнаго спасенія, споспѣшествовать проповѣди христіанскаго вѣроученія, привлекать слѣпотствующихъ ко Христу, наставлять и обучать язычницъ, изъявившихъ желаніе просвѣтиться св. крещеніемъ.

Но для проповѣдниковъ, возревновавшихъ озарить невѣрныхъ свѣтомъ Евангелія, равно какъ и для учрежденія женскихъ общинъ, рѣшившихся содѣйствовать миссіонерамъ въ ихъ подвигахъ, необходимы будутъ хотя малыя обители для помѣщенія,—содержаніе для существованія и средства для путешествія между язычниками. Не менѣе того потребуются матеріалы и способы для постройки церквей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по числу инородцевъ, просвѣтившихся св. крещеніемъ, можно образовать церковный приходъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ потребуются и необходимыя постройки для жительства и обезпеченія священниковъ и причетниковъ. Но какъ принявшіе вѣру во Іисуса Христа инородцы обыкновенно бываютъ преслѣдуемы своими, упорно пребывающими въ язычествѣ, соплеменниками, и обращаясь между ними, могутъ снова совращаться въ идолопоклонство: то необходима еще постройка для нихъ домовъ съ хозяйственными обзаведеніями, и нарѣзка имъ земли для хлѣбопашества и скотоводства. Изъ какихъ же источниковъ почерпать средства для удовлетворенія столь вопіющимъ нуждамъ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока язычники,

просвѣщенные христіанскимъ вѣроученіемъ, не предпочтутъ новаго образа жизни прежнему, и не станутъ содержаться трудами рукъ своихъ? Между тѣмъ ревностное миссіонерство непремѣнно должно имѣть въ виду эту цѣль, т. е., озаривъ инородцевъ свѣтомъ христіанскаго вѣроученія, собрать и соединить бродящія ихъ толпы въ общины, расположить къ новому образу жизни, научить строить неподвижныя жилища, указать имъ способы хлѣбопашества, пріучить ихъ хотя къ самымъ простымъ ремесламъ, напр. плотничеству и т. д.

Къ прискорбію, нынѣ послѣдователи святыхъ Апостоловъ въ проповѣди христіанскаго вѣроученія не могутъ полагаться на такой способъ пропитанія, какимъ были обезпечены Апостолы, когда Господь и Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ, посылалъ ихъ на проповѣдь и сказалъ, что такъ какъ «трудящійся достоинъ награды» (Матѳ. 10, 10): «то въ домѣ, который во время проповѣди изберете для своего пребыванія, ѣшьте и пейте все, что вамъ предложатъ» (Лук. 10, 7. 8). И апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что другіе Апостолы повсемѣстно пользовались такимъ же правомъ, когда проповѣдывали Евангеліе іудеямъ и язычникамъ, и такой способъ ихъ содержанія оправдываетъ изреченіями свящ. Писанія (1 Кор. 9, 7—11). Хотя при распространеніи Евангельскаго ученія самъ онъ не хотѣлъ предъявлять на это власти, но содержался собственными трудами (1 Кор. 9, 12), однако же, получая отъ которой либо, основанной имъ, частной Церкви подаяніе на свое содержаніе, принималъ приношеніе и радовался этому, какъ плоду христіанской любви, какъ жертвѣ пріятной и благоугодной Господу (Фил. 4, 17. 18). Въ древности гостепріимство почти у всѣхъ народовъ считалось высокою добродѣтелію, чѣмъ святые Апостолы большею частію и пользовались; но во времена новѣйшія люди почти повсемѣстно сдѣлались недружелюбны и корыстолюбивы; кромѣ того, народы, омраченные нынѣ тьмою идолопоклонства, раздражены европейцами, стремящимися порабощать ихъ, и потому, подстрекаемые жрецами языческихъ религій, питаютъ къ христіанамъ ненависть, неохотно

внимаютъ проповѣдникамъ христіанскаго вѣроученія. Да хотя бы и готовы были они оказывать миссіонерамъ гостепріимство, тѣснота помѣщенія въ ихъ юртахъ и шалашахъ, гдѣ обитаютъ они часто вмѣстѣ съ животными, отвратительная ихъ неопрятность, омерзительная ихъ пища,—все это для привыкшихъ къ другому образу жизни, невыносимо и до крайности вредно. Посему проповѣдникамъ христіанскаго вѣроученія въ настоящее время не возможно полагаться на гостепріимство языческихъ племенъ и народовъ. Вслѣдствіе сего рѣшающіеся проповѣдывать язычникамъ Евангельское богопознаніе имѣютъ крайнюю нужду въ содѣйствіи имъ единовѣрныхъ христіанъ. Такія обстоятельства заставили латинскихъ и протестантскихъ миссіонеровъ обратиться къ покровительству свѣтскихъ своихъ правительствъ и къ усердію своихъ соотечественниковъ. Удовлетворяя требованіямъ ихъ, посланники и консулы европейскихъ государствъ оказываютъ имъ всевозможное покровительство, и въ случаѣ нужды подаютъ не бюрократическую, а самую быструю и дѣятельную помощь; единовѣрные же имъ народы, для обезпеченія ихъ содержанія и путешествія, жертвуютъ милліонами. Кромѣ того, въ Англіи, въ американскихъ Соединенныхъ штатахъ, и въ Женевѣ, на счетъ собираемыхъ въ этихъ государствахъ капиталовъ въ пособіе миссіонерамъ издаются переводы священнаго Писанія почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, равно какъ соотвѣтственныя видамъ ихъ пропаганды сочиненія, и развозятся по всѣмъ странамъ свѣта.

Такой примѣръ не заслуживаетъ ли подражанія, тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ Россіи о сю пору скитаются многія тысячи язычниковъ, непросвѣщенныхъ еще истинымъ богопознаніемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что русское правительство надѣлитъ проповѣдниковъ христіанскаго вѣроученія между инородцами довольнымъ количествомъ земли и лѣса для хозяйственныхъ потребностей и для постройки церквей, часовенъ и жилищъ, и оградитъ дѣятельною защитою какъ своихъ миссіонеровъ, такъ и просвѣщенныхъ св. крещеніемъ отъ ярости людей, невѣдающихъ истиннаго Бога, и подстрекаемыхъ къ противленію хри-

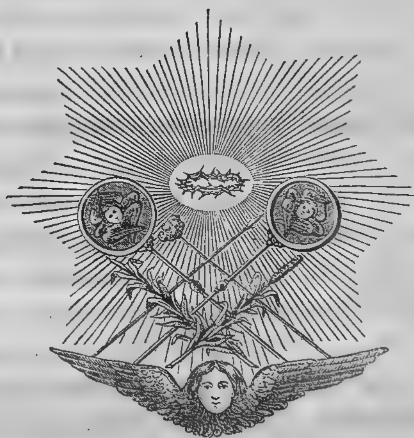
стіанской проповѣди жрецами, муллами и шаманами. Но для удовлетворенія другихъ житейскихъ нуждъ, требуемыхъ обстоятельствами миссіонеровъ между невѣрными, можетъ доставить необходимыя средства только пламенное, живое усердіе православныхъ сословій и обществъ; а безъ того всѣ усилія миссіонерскихъ дружинъ не принесутъ обильныхъ плодовъ истиннаго богопознанія. И неужели послѣдователи православнаго ученія отечественной Церкви не возревнуютъ споспѣшествовать своими приношеніями подвигамъ тружениковъ, посвящающихъ себя проповѣди Евангелія между язычниками, раскольниками и сектантами? Не потребуетъ ли Всевышній строгаго отчета отъ православныхъ сыновъ нашего отечества въ томъ, что язычники въ предѣлахъ Россіи столько вѣковъ остаются во тьмѣ невѣдѣнія Бога, и что расколъ и ереси со всѣмъ неистовствомъ до нынѣ свирѣпствуютъ въ ней? Небесное требованіе отчета будетъ безъ сомнѣнія тѣмъ строже, что исторія представитъ у насъ самые соблазнительные примѣры противодѣйствія усиліямъ церковной іерархіи просвѣтить невѣрныхъ истиннымъ богопознаніемъ, и вразумить блуждающихъ по дебрямъ раскола и лжемудрія [1]. Не подвергнется ли самому неумолимому осужденію, съ одной стороны, наше равнодушіе къ вѣчной участи погибающихъ во тьмѣ невѣдѣнія Бога, съ другой — поведеніе людей, именующихся православными христіанами? Вѣдь если бы поведеніе ихъ было дѣйствительно христіанское, давно бы подвигло оно язычниковъ къ усвоенію себѣ истиннаго вѣроученія, а раскольниковъ и сектантовъ къ обращенію въ нѣдра истинной Христовой Церкви. Но у насъ чаще всего возстановляются языческіе обычаи, и забвеніе Бога вмѣстѣ съ развратомъ разливается потоками. Между тѣмъ содѣйствіе наше подвигамъ послѣдователей святыхъ Апостоловъ послужило бы намъ къ очищенію безчисленныхъ нашихъ беззаконій, преклонило бы на милость Бога и отверзло бы намъ двери блаженства вѣчнаго:

---

[1] См. „Православнаго обозрѣнія" за мѣсяцъ декабрь, статью: Братья Семенъ и Андрей Денисовы.

такъ какъ не къ Апостоламъ только, но и къ послѣдователямъ ихъ относятся изреченія Господа и Бога нашего Іисуса Христа: *принимающій васъ, принимаетъ Меня..; принимающій пророка во имя пророка, получитъ награду пророка; принимающій праведника во имя праведника, получитъ награду праведника; и кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды* (во время зноя) *во имя ученика* (Христова), *не потеряетъ награды своей* (Матѳ. 10, 40—42).

О, великая, неизреченная награда уготована въ будущей жизни какъ соревнователямъ святыхъ Апостоловъ, такъ и приносителямъ посильныхъ жертвъ къ распространенію свѣта христіанскаго вѣроученія между невѣрными и къ приведенію во ограду Церкви Христовой блуждающихъ внѣ ея!

РЕЛИГІОЗНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЕВЪ,

ОБИТАЮЩИХЪ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ОБЛАСТЯХЪ РОССІИ.

Ни одно законодательство, никакая философія не въ состояніи придумать и внушить людямъ столь сильныя побужденія любить евреевъ, какъ всегда руководствующееся духомъ Евангелія православное вѣроученіе христіанское. Оно указываетъ на ветхозавѣтныхъ патріарховъ—Авраама, Исаака, Іакова, какъ на отцевъ по вѣрѣ всѣхъ народовъ, которые запечатлѣны именемъ Іисуса Христа и вѣруютъ въ Него; потому что первоначально Аврааму, Исааку и Іакову даны тѣ Божіи обѣтованія, съ исполненіемъ коихъ излились благодатные дары и благословеніе на всѣхъ вѣрующихъ, усвоившихъ себѣ истинное богопознаніе, открытое Спасителемъ нашимъ всему роду человѣческому. Еврейскій народъ прежде всѣхъ исключительно избранъ Богомъ и усыновленъ Имъ. Родоначальникамъ этого народа Богъ открывалъ Себя въ видѣніяхъ, потомъ всѣмъ евреямъ, во время путешествія ихъ изъ Египта въ Палестину, являлся то въ видѣ огненнаго столпа, то въ видѣ облака, осѣнявшаго сперва скинію, а впослѣдствіи, въ Іерусалимѣ, внутренность Соломонова храма. Съ родоначальниками евреевъ, а потомъ съ цѣлымъ ихъ народомъ Богъ заключалъ завѣтъ, или договоръ союза, по которому обѣщалъ быть Богомъ преимущественно израильтянъ, т. е., столько благодѣтельствовать евреямъ, какъ еслибы Онъ промышлялъ объ одномъ еврейскомъ народѣ, а о прочихъ не имѣлъ никакого попеченія. Еврейскому народу Богъ даровалъ чрезъ Моисея законоположеніе, превос-

ходившее всѣ законодательства древнихъ, учредилъ особенное богослуженіе и ввѣрилъ ему книги ветхаго Завѣта, и писанія пророковъ (Рим. 3, 2. 9, 4), которые, бывъ озаряемы Духомъ Святымъ, предвозвѣстили благодатныя времена пришествія и царства Христова на землѣ, и предсказали, что евреи не достигнутъ предопредѣленнаго Богомъ совершенства, безъ того, чтобы въ излíянныхъ на еврейскій народъ благодѣяніяхъ не участвовали и другіе народы, которые имѣли быть озарены истиннымъ богопознаніемъ посредствомъ Евангелія (Евр. 11, 40).

Питать искреннюю любовь къ еврейскому народу побуждаютъ православнаго христіанина и тѣ открытыя Духомъ Святымъ истины и предостереженія, что Богъ не окончательно отвергъ этотъ народъ, что евреи, не смотря на отчужденіе свое отъ вѣры во Іисуса Христа, все таки возлюбленные Богу, потому что дары Божіи и обѣтованія, возвѣщенныя родоначальникамъ ихъ, непреложны (Рим. 11, 1. 2. 28. 29). Говоря объ этомъ, Апостолъ Павелъ уподобляетъ еврейскій народъ плодовитой маслинѣ, а тѣхъ въ средѣ его, которые отвергли вѣру во Іисуса Христа,—вѣтвямъ, отломившимся отъ нея невѣріемъ; язычниковъ же, озаренныхъ спасительною вѣрою, сравниваетъ съ вѣтвями дикой маслины, привитыми къ корню избранной Богомъ маслины, вмѣсто евреевъ, отторгнутыхъ невѣріемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Апостолъ открываетъ, что предсказанное пророками ослѣпленіе еврейскаго народа Богъ допустилъ только на время, одному Богу извѣстное, и призвалъ въ Церковь свою язычниковъ, чтобы тѣмъ возбудить въ евреяхъ ревность ко спасенію посредствомъ вѣры (Рим. 11, 25); что ослѣпленіе еврейскаго народа будетъ продолжаться дотолѣ, пока не войдетъ въ ограду Церкви Христовой полное число язычниковъ, которые захотятъ оживотвориться вѣрою во Іисуса Христа; и что за тѣмъ весь Израиль спасется; потому что, если невѣрующіе теперь евреи не останутся въ невѣріи, то привьются къ древней, избранной Богомъ маслинѣ, какъ природныя ея вѣтви; ибо Богъ можетъ снова привить ихъ (Рим. 11, 23—26). Такимъ образомъ, если отверженіе невѣровавшихъ евреевъ есть

примиреніе міра, выразившееся тѣмъ, что язычники обратились ко Христу; то что будетъ принятіе еврейскаго народа въ нѣдра Церкви Христовой, какъ не оживленіе его изъ мертвыхъ (Рим. 11, 15)? Итакъ, естественно утѣшаться надеждою, что обращеніе евреевъ цѣлыми массами, по ихъ разсѣянности въ мірѣ, произведетъ чрезвычайное, какбы электрическое потрясеніе во всѣхъ странахъ, нагалванизируетъ даже раціоналистовъ, матеріалистовъ, атеистовъ, силою вѣры, внесетъ новую, живую стихію въ жизнь христіанскихъ обществъ, пробудитъ народы отъ нравственнаго усыпленія и побудитъ ихъ обратиться ко Іисусу всѣмъ сердцемъ, чтобы провождать жизнь богоугодную.

Имѣя въ виду приведенное предсказаніе апостола Павла о будущемъ обращеніи еврейскаго народа ко Іисусу Христу, мы хотя и не беремся положительно опредѣлить время, въ которое это пророчество исполнится; однакожъ, находясь въ сношеніяхъ и иногда по необходимости обращаясь съ евреями, обитающими въ западныхъ областяхъ Россіи, хотѣли бы по меньшей мѣрѣ приблизительно знать: приготовлены ли ихъ умы и сердца къ принятію вѣры во Іисуса Христа, и освободились ли они отъ препятствующихъ тому предразсудковъ и глубокаго упорства въ невѣріи?

Чтобы отвѣчать на это, необходимо прежде разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Евреи, обитающіе въ западныхъ русскихъ областяхъ, признаютъ ли пророчества ветхаго Завѣта о Мессіи, или о Христѣ, какъ относящіяся дѣйствительно къ Мессіи? 2) если признаютъ, то почему не принимаютъ ихъ, какъ пророчества, исполнившіяся въ лицѣ Іисуса Христа? и 3) религіозныя ихъ повѣрья, также правила ихъ дѣятельности и застарѣлый образъ поведенія не препятствуютъ ли не только обращенію ихъ ко Христу, но даже и искреннему сближенію ихъ съ христіанами?

1.

Прежніе евреи — Апостольскаго вѣка и ближайшихъ къ нему,—кажется способнѣе и какъ будто расположеннѣе были

къ познанію истины во Христѣ, чѣмъ новѣйшіе; такъ какъ генераціи тѣхъ евреевъ послѣдовали за поколѣніями, пламенно ожидавшими пришествія Мессіи. Изъ исторіи извѣстно, что чѣмъ ближе подходило время пришествія Христова, тѣмъ нетерпѣливѣе было ожиданіе Мессіи въ еврейскомъ народѣ; хотя одни изъ евреевъ вѣровали, что Мессія будетъ Искупителемъ ихъ отъ клятвы законной и грѣховнаго рабства, а другіе, большею частію, полагали встрѣтить въ Немъ всесвѣтнаго завоевателя, который покоритъ подъ ихъ власть всѣхъ язычниковъ. О томъ, что евреи столь пламенно ожидали Мессіи, свидѣтельствуютъ апокрифическія книги ветхаго Завѣта, написанныя іудеями эллинистами и внесенныя ими въ кодексъ св. Писанія В. З., принятый отъ нихъ и вселенскою, христіанскою Церковію. Изъ этихъ книгъ усматривается, что, съ прекращеніемъ явленія пророковъ, евреи ожидали Мессію сперва подъ именемъ пророка, и соглашались на продолженіе тогдашняго политическаго ихъ устройства — только *дондеже востанетъ пророкъ вѣренъ* (1 Мак. 14, 41); иные же, повидимому, возвышались даже до понятія о всезиждительномъ Словѣ Божіемъ, какъ оно впослѣдствіи раскрыто Евангелистомъ Іоанномъ (1, 3). Такъ писатель книги Премудрости взываетъ въ молитвѣ: *Боже отцевъ, сотворивый все словомъ Твоимъ* (Прем. 9, 1).

Такое ожиданіе Мессіи у іудеевъ сообщалось и другимъ, ближайшимъ народамъ, напр. самарянамъ (Іоан. 4, 25), и было столь гласно, что стало извѣстно даже историкамъ Римской имперіи, Тациту [1] и Светонію [2]. Одушевляемые такимъ ожиданіемъ, евреи постоянно обращались къ пророческимъ писаніямъ, углублялись въ смыслъ ихъ и почерпали въ нихъ ободреніе своей надежды на улучшеніе горестнаго своего положенія между другими племенами. Столь пламенное ожиданіе Мессіи не погасло въ еврейскомъ народѣ и по вознесеніи Іисуса Христа на небо: преданіе объ истинномъ смыслѣ вет-

---

[1] Annal. L. 2. C. 85. L. 4. C. 44. Hist. L. I. c. 1—14.
[2] In. vita Claudii c. 25, Vespasian. c. 4.

хозавѣтныхъ пророчествъ въ этомъ отношеніи непрерывно переходило у евреевъ изъ устъ въ уста. Поэтому, хотя сүнедріонъ съ книжниками и фарисеями отвергъ Спасителя,—раввины, занимавшіеся толкованіемъ книгъ ветхаго Завѣта, не дерзали однакожъ вдругъ, вопреки живому еще преданію отцевъ, превращать смыслъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ или Мессіи. Отъ этого въ сочиненіяхъ раввиновъ, особенно ближайшихъ ко временамъ Апостольскимъ, почти всѣ ветхозавѣтныя пророчества, святыми Апостолами, отцами Церкви и вообще христіанскими богословами относимыя къ лицу Іисуса Христа, примѣняются именно ко времени пришествія Мессіи. Въ этой истинѣ легко могли бы убѣдиться и современные намъ евреи, сравнивъ съ евангельскими указаніями по крайней мѣрѣ главнѣйшія пророческія мѣста ветхаго Завѣта и толкованіе тѣхъ пророчествъ въ уважаемыхъ евреями раввинскихъ твореніяхъ. Пересмотримъ ихъ [1].

Въ изреченіи Божіемъ (Быт. 3, 15): *вражду положу между тобою* (зміемъ искусителемъ), *и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между сѣменемъ ея; оно сокрушитъ твою голову, а ты будешь жалить его въ пяту*,—подъ выраженіемъ *сѣмя жены* іерусалимскій Таргумъ и Іонаѳанъ разумѣютъ Мессію; а раввинъ Іойхинонъ въ толкованіи 1, 25 Бытія прибавляетъ: «хотя и явится Спаситель человѣковъ, который побѣдитъ діавола; но діаволъ не перестанетъ искушать людей; почему и сказано о немъ, что онъ будетъ жалить человѣка въ пяту» [2].

Въ обѣтованіи Божіемъ, данномъ патріарху Аврааму (Быт.

---

[1] Указанія на талмудическія и вообще на раввинскія сочиненія, въ которыхъ приводимыя здѣсь пророчества относятся къ Мессіи, отысканы христіанскими писателями, которые нарочно съ этою цѣлію изучали варварскій языкъ Талмуда. Таковыми писателями были Лигфутъ (Ligfoot), Буксторфій, Шеттгенъ (Schoettgen) Гроцій и другіе. Здѣсь, для краткости, тѣ указанія приводятся преимущественно по догматическому богословію Гольдвицера. Comp. Dogm. Christiano Catholicorum. T. W. Goldwitzer, Solsbaei, 1842 a.

[2] Quis ille alius, nisi Messias in hoc versu praesignatur? Sic et intelligunt Targum Hieros. et Jonathan.

22, 18): *благословятся въ сѣмени твоемъ всѣ народы земные*, кромѣ апостола Павла, еврея изъ евреевъ (Гал. 3. 16), подъ *обѣтованнымъ сѣменемъ* признавалъ Мессію и талмудистъ въ Бамидбаръ рабба [1].

Въ пророчествѣ патріарха Іакова (Быт. 49, 40): *Не отнимется скипетръ отъ Іуды, и законоположникъ отъ чреслъ его, пока не придетъ Примиритель* (Шилогъ), *и Ему покорность народовъ*, слово *Шилогъ*, и изреченіе—*Ему покорность народовъ*,—относили къ Мессіи толкователи халдейскіе—Онкелосъ, Іонаѳанъ и іерусалимскій Таргумъ; а писатель книги Зогаръ сверхъ того утверждалъ, что имя *Шилогъ* усвояется Мессіи и пишется съ буквами *іодъ* и *ге* для означенія верховнаго его имени *Шехина*. Притомъ въ Талмудѣ Медрашъ слово *Шилогъ* переводится *Примиритель;* а въ Талмудѣ вавилонскомъ повѣствуется такъ: «Рабби Іохинъ спросилъ о Мессіи, какъ имя Ему? Ученики Рабби и Иллилъ—отвѣчали: *Шилогъ* имя Ему; потому что въ книгѣ Бытія 49, 10., сказано: *пока не придетъ Шилогъ*» [2].

Божественное изреченіе къ пророку Моисею (Втор. 18, 18): *Я воздвигну имъ* (евреямъ) *пророка, изъ среды братьевъ ихъ, какъ тебя, и вложу слова Мои во уста его*, по сознанію авторовъ Массахетъ Сангедринъ, и вавилонскаго Таргумъ Сангедринъ, указываетъ также на Мессію; при чемъ они говорятъ: «о Мессіи написано, что Онъ будетъ ходатаемъ и судіею, т. е., что Онъ будетъ всевѣдущъ» [3].

Въ псалмѣ 2, стихи: 6—8, гдѣ вѣщаетъ Всевышній: «*Я помазалъ Царя Моего на Сіонѣ, святой горѣ Моей. Возвѣщу опредѣленіе Господа»; Онъ сказалъ: «Ты Сынъ Мой; Я нынѣ родилъ Тебя. Проси отъ Меня, и дамъ народы въ наслѣдіе*

[1] Bamidbar rabba, sect. 2. fol. 184. 4.

[2] Sic interpretantur Sohar fol. 237. edit. Amstel. ad. senes. 49. 10. Nomen Schiloh (quod Messiae vindicatur) hic scribitur cum *iod* et *he*, ut significet nomen supremum Schechinae; Syr. Saad interpretantur: «is, cujus est»; Onkelos: Messias, cujus est regnum.

[3] Messachet Sanhedrin c. 4. fatetur. Jesus Nazarenus propinquus regno fuit; et Babil. Targum Sanhedrin fol. 93. 2. «De Messia scriptum est, quod adorabit et judicabit», i. e. omniscius est.

Тебѣ, и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ», разумѣлъ о Мессіи раввинъ Іохананъ въ Мидрашъ тигилимъ, въ трактатѣ Талмуда Сюккасъ, равно какъ Маймонидъ въ 10 гл. предисловія къ трактату Сангедринъ, Берешитъ рабба и иные [1].

Въ псалмѣ 15, стихъ 10: *Ты не оставишь души моей во адѣ, не дашь Святому Твоему увидѣть тлѣнія,* древніе раввины вообще разумѣли о Мессіи [2].

Почти весь 21 псаломъ, а особенно слѣдующіе стихи: *Боже мой, Боже мой! внемли мнѣ; почто Ты меня оставилъ? Всѣ видящіе меня ругаются мнѣ, расширяютъ уста, киваютъ головою и говорятъ: онъ положился на Господа; пусть избавитъ его, пусть спасетъ его, если благоволитъ ему! Раздѣлили ризы мои по себѣ, и объ одеждѣ моей метали жребій. Проповѣдаю имя Твое братіямъ моимъ,*—признаются молитвою Мессіи въ Мидрашъ тигилимъ, въ іерусалимскомъ Таргумъ, въ Берахотъ и Ялкутѣ Шимони, въ толк. Ширъ гаширимъ, въ Песикатъ раббати и въ другихъ мѣстахъ [3].

Въ псалмѣ 44, стихи 7 и 8: *престолъ Твой, Боже, вѣченъ и непоколебимъ; скиптръ царства Твоего—скиптръ правоты. Ты любишь правду, ненавидишь беззаконіе: посему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости преимущественно предъ причастниками Твоими*—излагали о Мессіи Абенъ Езра, раввинъ Іосифъ бенъ Моше, Зогаръ Хадошъ, Берешитъ Рабба, Песикатъ, Ялкутъ Шимони и другіе [4].

Въ псалмѣ 109, стихи: *Іегова сказалъ Господу моему: сѣди*

---

[1] In Messiam hunc Ps. exponut R. Jochannan in Midrasch Tehilim, et Rabbini in tractatu Succah fol. 52. Maimonid. in praef. ad cap. 10. tract. Sanhedrin, et Berreschith Rabba et alii quam plurimi.

[2] Veteres Judaei in Messiam interpretantur, v. g. autor libris Jalkut Simeoni.

[3] Ad Messiam provocant vers. 2. Midrasch Tehilim; Targum Hieros. Berachot in Jalkut Simeoni, et Schir haschirim rabba fol. 28. 3. Sohar Exod. fol. 49. col. 295. vers. 8. et. 9. Pesiktat rabbati in Jalkut Simeoni 2. fol. 56, 4; Midrasch Tehilim fol. 17. 4. Sohar Num. fol. 100, col. 398.

[4] De Messia hunc locum intelligunt Aben Esra; R. Joseph ben Mosche in qetar hatora fol. 63. Sohar Chadasch. fol. 41 et 42. Bereschit Rabba Sect. 99. fol. 98. Pesikat in Jalkut Simeoni 2. fol. 48. 3.

одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ; Іегова клялся, и не раскается: Ты священникъ по чину Мелхиседека,—о Мессіи излагали раввины въ Зогаръ на Бытіе, равви Симеонъ, въ Таргумъ, Зогаръ Хадашъ [1].

Въ псалмѣ 117, стихи 22. 23: *Камень, который отвергли зиждущіе, содѣлался главою угла. Отъ Господа сіе содѣлалось, чудно сіе въ очахъ нашихъ; Благословенъ грядущій во имя Господне,* — по свидѣтельству бл. Іеронима, почти у всѣхъ древнихъ іудеевъ относимы были къ Мессіи, чему большею частію не противурѣчатъ и новѣйшіе. Слова пророка Исаіи (7, ст. 14. 15): *Самъ Господь дастъ вамъ знаменіе: се дѣва зачнетъ, и родитъ Сына и наречетъ имя Ему Еммануилъ* (съ нами Богъ), *молокомъ и медомъ Онъ будетъ питаться,*— по Талмуду относятся къ Мессіи. А въ Бамидбаръ рабба говорится такъ: «изреченіе, что масломъ и медомъ будетъ питаться, надобно относить къ Аврааму, Іову, Іезекіи и Мессіи; потому что сіи четыре познали Бога сами собою, чрезъ непосредственное откровеніе» [2].

Пророчество Исаіи (9, 6): *У насъ родилось дитя, данъ намъ Сынъ, на раменахъ коего держава, и наречено имя ему: Чудный, — многосовѣтный, Богъ крѣпкій, вѣчный Отецъ, князь мира,* — толкуется о Мессіи въ Таргумъ, Деббаримъ рабба, Зогаръ на книгу Левитъ [3].

Слова Исаіи (11, 1—3): *И возникнетъ вѣтвь отъ стебля Іессеева, и отрасль отъ корней его, и почіетъ на Немъ Духъ Іеговы; Духъ премудрости и разумѣнія, Духъ совѣта и мужества, Духъ вѣдѣнія и страха Іеговы* (ст. 10). *И будутъ, въ*

---

[1] Messiam in hoc psalmo hodiedum agnoscunt Sohar Gen. fol. 36. col. 139. Midrasch Tehilim fol. 14. 3. Rabbi Simeon ad Gen. 14. 18. Targum, Sohar Chadasch. fol. 53. 3.

[2] Talmud hunc locum ad Messiam refert. Bamidbar rabba sect. I. fol. 223. 1. ad versum 15. «Butyrum et mel comedet, ut sciet reprobare malum et eligere bonum» ad Abrahamum, Jobum, Hiskiam et Messiam refertur, quia hi quatvor Deum a semet ipsis, nempe immediate et per solam revelatrionem cognoverunt.

[3] Ad Messiam interpretantur Targum, Debbarim rabba Sect. I. fol. 294. Sohar Levit. fol. 13. col. 49. Tikkune Sohar c. 5. Bamidbar rabba sect. II. fol. 213.

тотъ день жезлъ отъ корня Іессева будетъ стоять, какъ знамя народовъ, Его взыщутъ язычники, и мѣсто покоя Его прославится—разумѣютъ о Мессіи іерусалимскій Таргумъ, Берешитъ Рабба, Сангедринъ, Кимхи, Абернабель, Зогаръ на Быт. и Исходъ, Танхума Бехе на законъ, Мидрашъ тегилимъ, Мидрашъ Руѳъ [1].

Слова Исаіи (42, 1—5): *Се рабъ Мой, котораго Я поддерживаю, избранный Мой, котораго любитъ душа моя. Я возложилъ на Него Духъ Мой, Онъ возвѣститъ народамъ законъ; не воспрекословитъ и не возопіетъ, и не дастъ слышать на распутіяхъ голоса своего. Разбитой трости не преломитъ и льна дымящагося не угаситъ, съ кротостію возвѣститъ законъ*—относятъ къ Мессіи Таргумъ, Кимхи и другіе [2].

Слова Исаіи (53, ст. 1): *Кто вѣрилъ слышанному нами, и мышца Іеговы кому была явственна* (ст. 2)? *Возникъ Онъ какъ отрасль... какъ корень изъ земли сухой, ни статности у Него, ни красоты, чтобъ посмотрѣть на Него, ни виду, чтобъ полюбить Его* (ст. 3). *Презрѣнъ Онъ и оставленъ, отягченъ болѣзнями и извѣстенъ по немощамъ, отъ котораго отвращаютъ лице; мы презирали, ни во что ставили Его* (ст. 4). *Онъ наши немощи понесъ и наши болѣзни подъялъ* (ст. 7) *Мучимъ былъ страдалецъ сей, но не отверзалъ устъ своихъ; какъ агнецъ веденъ былъ на закланіе, какъ овца предъ стригущимъ ее безгласенъ...* (ст. 9). *Хотя Онъ не сдѣлалъ беззаконія, и во устахъ Его не было лжи* (ст. 12),—*къ беззаконнымъ причтенъ Онъ, и понесъ грѣхи многихъ и ходатайствовалъ за преступниковъ...* и вообще всѣ черты пророчества, изложеннаго въ 53 главѣ Исаіи усвояютъ Мессіи Таргумъ, Зогаръ, Танхума, Ялкутъ Симеони, Абенъ Езра, Абернабель, Незахъ,

---

[1] Intelligunt de Messia Targum Hieros., Bereschit rabba ad Gen. 38, 18. Sanhedrin fol. 93. Kimchi, Abernabel, Sohar Gen. fol. 68. col. 269. Sohar chedasch fol. 48. 1. Tanchuma, Bechai in legem; Sanhedrin fol. 93. 2. Midrasch Ruth rabba fol. 41, 1. Midrasch Tehilim ad ps. 21. fol. 16, 1. etc. etc.

[2] Targum et Kimchi hunc locum ad Messiam applicant. Vide Schoettgen.

Израель, Леви бенъ Герсонъ, Тиккуне, Зогаръ, Мидражъ Руѳъ рабба [1].

Слова Исаіи (61, 1): *Духъ Господа Іеговы на мнѣ; помазалъ меня Іегова, чтобы благовѣстить страждущимъ, послалъ меня исцѣлить сокрушеннымъ сердцемъ* (ст. 2), *проповѣдать плѣннымъ свободу и заключеннымъ изшествіе на свѣтъ, провозгласить благодатный годъ Іеговы* — раввины, напр. Кимхи въ книгѣ корней [2], относятъ къ Мессіи.

Слова Іереміи (23, 5): *вотъ приходятъ дни, говоритъ Іегова, и произведу отъ Давида отрасль праведную, и воцарится Царь и будетъ благоуспѣшенъ, и будетъ производить судъ и правду на землѣ* (ст. 6). *И вотъ имя, которымъ нарекутъ Его: Іегова оправданіе наше* — разумѣютъ о Мессіи Таргумъ, Кимхи, Эшагъ Рабботи, Мидрашъ тегилимъ, Мидрашъ Мишле, Бава Батра, Іозефъ Албоинъ, Сеферъ иккаримъ [3].

Слова Даніила (7, 13. 14): *вотъ на облакахъ подобный Сыну человѣческому, и пришелъ предъ Вѣчнаго, и представили Его къ Нему. И дана Ему власть, и честь, и слава и царство, и всѣ народы, и племена, и поколѣнія стали служить Ему. Владычество Его, владычество вѣчное, которое не прейдетъ, царство Его не исчезнетъ*—раввины понимаютъ о Мессіи, въ Зогаръ на Быт. Раввинъ Раше, Р. Абенъ Езра, Саадія Гаонъ, Бехани на законъ, Сангедринъ, Назиръ, Мегилотъ, Моше бенъ Нахманъ [4].

---

[1] De Messia interpretantur haec loca Targum C. 52. 15. Sohar Num. fol. 64. col. 253. Tanchuma in Jalkut Simeoni 2 fol. 53. 3. et fol. II. 1. ad Zach. 4, 7. Aben Esra; Abernabel, Nezach Jsrael; R. Levi ben Gerson; Sanhedrin. c. 53, 4. fol. 98, 2. Sohar Exod. fol. 85. col. 346. Num. fol. 88. col. 351. et. fol. 93. col. 372. Tikkune Sohar c. 20. tol. 47. 1. Midrasch Schmuel fol. 77, 1. Midrasch Ruth rabba fol. 41, 1. ad Ruth. 2, 14. Sohar Exod. fol. 48. col. 189. Sohar Num. fol. 52. col. 200.

[2] Judaei declarant de Messia, v. g. Kimchi in libro radicum. col. 278.

[3] De Messia intelligunt Targum, Kimchi, Echag rabboti fol. 59. 2. ad Iren. I. 36. Midrasch. Tehilim ad Ps. 21, 1. Midrasch Mischle. fol. 57, 1. Bava Bathra fol. 75, 2. R. Joseph Alboin Ikkarim.

[4] Judaei intelligunt de Messia Sohar Gen. fol. 85. col. 338. R. Rasche; R. Aben Esra, R. Saadias Gaon, Bechai in legem fol. 179. 3, et s. 9. 24 Sanhedrin fol. 97, 1. Nasir fol. 32, 2. Megillot. fol. 3, 1. Moyses den Nachman et alii.

Слова Амоса (9, 11. 12): *въ тотъ день возставлю падшую скинію* (шатеръ) *Давидову, и задѣлаю у ней щели, и обрушившееся въ ней исправлю и устрою ее, какъ въ древніе дни, чтобы владѣли остаткомъ Идумеи и всѣми народами, у коихъ именуется имя Мое, говоритъ Іегова, творящій сіе,*—относятся къ Мессіи, въ Зогаръ на кн. Бытія и Исходъ, въ Сангедринъ и Зогаръ Хадашъ [1].

Слова Михея (5, 2): *Виѳлеемъ Ефраѳа! хотя ты малъ, чтобъ быть въ числѣ тысячъ Іудиныхъ; но изъ тебя произойдетъ Мнѣ Тотъ, который будетъ Владыкою во Израилѣ, котораго происхожденіе искони, отъ дней вѣчныхъ,*—признаются пророчествомъ о Мессіи въ Таргумъ, Пирке Еліазара, Кимхи, Абернабель въ Іомѣ, въ Сангедринъ [2].

У пророка Аггея (2, 8. 9) говорится: *И воздвигну всѣ народы, и пріидетъ желаемый* (желаніе) *всѣми народами, говоритъ Іегова воинствъ... И наполню послѣдній домъ этотъ славою выше прежней, говоритъ Іегова воинствъ.* Что это пророчество относится также ко временамъ Мессіи, евреи соглашаются; только утверждаютъ, будто оно указываетъ на храмъ, который имѣетъ еще быть построенъ.

Пророчество Захаріи (9, 9): *радуйся много, дочь Сіона! Торжествуй, дочь Іерусалима! Вотъ Царь твой идетъ къ тебѣ праведный, Спаситель; Онъ кротокъ, и возсѣдитъ на ослѣ и на жребяти ослицыномъ,*—относятъ къ Мессіи Зогаръ на Левит. и числ., Сангедринъ Абенъ Езра, Мидрашъ Шмуель, Берешитъ рабба, Мидрашъ Когелетъ, Танхума Ялкутъ и Ялкутъ Рубени, Берашотъ [3].

Слова Малахіи (3, 1): *вотъ пошлю вѣстника Моего, чтобы*

---

[1] Rabbini applicant ad Messiam v. g. Sohar Genes, folio 53. col. 210. Exod. fol. 4. col. 14. fol. 96. col. 390. Sanhedrin fol. 96, 2. Sohar chadasch. fol. 41, 4.

[2] Ad Messiam hunc locum applicant—Targum, Pirke Eliezer c. 5, Kimchi; Abernabel; Joma fol. 10, 1. Sanhebrin fol. 98, 1.

[3] Rabbini de Messia intelligunt Sohar Lev. fol. 28. col. 112. fol. 35 col. 151. Sanhedrin fol. 98, 1. fol. 99, 1. Aben Esra; Sohar Num. fol. 85. col. 332. Deut. fol. 117. col. 471. Midrasch Schmuel fol. 66, 1. Bereschith. rabba sect. 75. fol. 74, 2. Midrasch Koheleth. Tanchuma et Jalkut Rubeni, Berachot fol. 56, 2.

Онъ уравнялъ предо Мною путь; и тотчасъ придетъ во храмъ свой Господь, котораго вы ищете, и Ангелъ Завѣта, котораго вы ждете, — толкуются о Мессіи въ Тенхума, Шемотъ Рабба, въ Деббаримъ. А Кимхи говоритъ: это Царь, Мессія, Онъ же и Ангелъ Завѣта [1].

Мало того, что изложенныя пророчества у еврейскихъ раввиновъ относились къ Мессіи, — эти законоучители съ древнѣйшихъ временъ высказывали еще такія высокія о Немъ понятія, какія весьма близко подходятъ къ лицу Іисуса Христа. Такъ, напримѣръ, раввины учили, что Мессія существовалъ до созданія міра. Въ книгѣ Незахъ Израель гл. 23, стр. 48, и въ Миддрашъ мишле изображено, что «Мессія былъ уже прежде *тогу* и *богу*», т. е. прежде созданнаго Богомъ вещества, изъ котораго Слово Божіе образовало вселенную. Въ древнѣйшихъ еврейскихъ книгахъ Мессію называютъ они Сыномъ Божіимъ, Іеговою, Святымъ, благословеннымъ, Словомъ Господнимъ, Шехиною, истекшимъ, по ученію Каббалы, изъ самой сущности Божества, Тріединымъ. Кромѣ того раввины въ своихъ твореніяхъ сознаются, что для видимаго явленія въ мірѣ, Мессія пріиметъ на Себя плоть человѣческую, родится отъ непорочной Дѣвы и будетъ Богочеловѣкомъ; а имѣя въ виду земное Его служеніе, именуютъ Его сыномъ Давидовымъ, Сыномъ человѣческимъ, Примирителемъ—Шилогъ, пастыремъ, свѣтомъ, искупителемъ, Ангеломъ лица Божія, Ангеломъ Завѣта [2]. Вообще раввины учатъ, что Мессія невидимо извелъ народъ израильскій изъ Египта, путешествовалъ съ нимъ, воспитывалъ и кормилъ его, оказывалъ ему всякую помощь, провелъ его по каменистой пустынѣ въ Палестину [3]; что Шехина [4], или Мессія,

---

[1] Messiam reperiunt Tenchuma fol. 66. 1. Schemot rabba sect. 32. fol. 131. 4. Debbarim rabba sect. 4. fol. 256. 2. Kimchi, qui ait: Ille est Rex Messias, et idem quoque Angelus Foederis.

[2] Зогаръ на книгу Бытія, въ молитвѣ, кдушъ сидеръ, стр. 81 и 85.

[3] Таргумъ, Онкелосъ на кн. Исходъ и Втор.

[4] Въ кабалистическомъ ученіи раввиновъ о десяти Сефиротахъ, какбы личныхъ духахъ, или творческихъ умныхъ силахъ, истекшихъ изъ сущности боже-

почивалъ на камнѣ, изъ коего истекли водныя струи въ безводной пустынѣ [1], что противъ Мессіи тамъ евреи мятежно возставали и отвергали его водительство.

Раввины утверждали также, что вообще все, что сдѣлалъ Богъ ко благу израильскаго народа, относится къ Мессіи, какъ орудной причинѣ; что Мессія есть Царь—Хранитель израильтянъ, и приписывали Ему всемогущество, всевѣдѣніе и вообще всѣ божественныя свойства [2].

2.

Если бы евреи, положительно признавая подлинный смыслъ указанныхъ пророчествъ, по толкованію знаменитѣйшихъ раввиновъ, какъ ученіе о Мессіи, приняли еще въ соображеніе прообразованія, или пророчества въ лицахъ и дѣйствіяхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, и въ нѣкоторыхъ, предписанныхъ Богомъ обрядахъ; то сердца современныхъ намъ потомковъ этого, нѣкогда избраннаго Богомъ народа, безъ сомнѣнія, смягчились бы: тогда они убѣдились бы, что жертвоприношеніе, напримѣръ Исаака, продажа въ рабство Іосифа, кромѣ историческаго, имѣютъ еще высшій, таинственный смыслъ; что выставка въ пустынѣ мѣднаго змія, взирая на котораго уязвленные зміями получали совершенное исцѣленіе, и заповѣдь Божія не сокрушать ни одной кости пасхальнаго агнца, прямо указывали на Іисуса Христа, такъ какъ безъ прообразовательнаго значенія, въ подобныхъ дѣйствіяхъ и обрядахъ не было бы вовсе смысла. Если бы затѣмъ евреи, оставивъ предзанятыя понятія, рѣшились сообразить пророчества и прообразованія о Мессіи съ Евангельскою исторіею объ Іисусѣ Христѣ; то благодать Божія отверзла бы имъ умъ для уразумѣнія книгъ ветхаго Завѣта и убѣдила бы ихъ въ томъ, что Іисусъ есть истин-

---

ства, считаются верховными и единосущными съ Богомъ Шехина и Метранъ, которые часто какбы сливаются въ одно лицо, и даже отожествляются въ самомъ Божествѣ.

[1] Въ книгѣ Тикуне Зогаръ, Іонаѳанъ и Онкелосъ.

[2] Въ Таргумѣ іерусалимскомъ, въ Таргумѣ Онкелосъ, въ книгахъ Зогаръ и другихъ.

ный, предсказанный и ожиданный ветхозавѣтными праведниками Мессія. Тогда въ сердцахъ ихъ возсіялъ бы разсвѣтъ признанія Евангельской истины, взошло бы для нихъ солнце спасенія, и они, обратившись всѣмъ сердцемъ къ Востоку свыше, стали бы ходить во свѣтѣ Евангельскаго ученія!

Почему же бы, въ самомъ дѣлѣ, не сознать евреямъ, что всѣ ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи исполнились въ лицѣ Іисуса Христа? Они не сознаютъ этого по тѣмъ же препятствіямъ, по которымъ выродившіеся изъ христіанскихъ обществъ пантеисты, раціоналисты, матеріалисты, атеисты отвергаютъ Спасителя, хотя Онъ пролилъ свою кровь и для ихъ спасенія, если бы эти сыны погибели увѣровали въ Него (2 Петр. 2, 1). Такъ какъ Отецъ небесный предопредѣлилъ даровать жизнь вѣчную только тѣмъ, которые живою вѣрою во Іисуса Христа распятаго, и усильнымъ подражаніемъ Ему, примѣнительно къ обстоятельствамъ земной своей жизни, усвоятъ себѣ оправданіе предъ лицемъ вѣчной правды; и такъ какъ ученіе Іисуса Христа требуетъ отъ своихъ послѣдователей полнаго изъ любви къ Богу самоотверженія и постоянной борьбы съ похотію и страстями: то для людей, которые поработились грѣху и страстямъ, ученіе Евангелія Христова кажется самымъ тяжкимъ и несноснымъ игомъ. Поэтому еврейскіе раввины теперь ничѣмъ не отличаются отъ христіанскихъ боотступниковъ: тѣ и другіе идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ отрицанія и говорятъ въ сердцѣ своемъ: *расторгнемъ узы ихъ,* узы Отца небеснаго и Христа Господа, *свергнемъ иго ихъ* и станемъ поступать по своей волѣ (Псал. 2, 3). Именно, вслѣдствіе такого противленія благодати Божіей и опасенія потерять свой авторитетъ, свою власть, свое вліяніе на народъ и свои земныя выгоды, стали они съ одной стороны упомянутыя выше пророчества о Мессіи весьма неудачно относить къ другимъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ, наприм. Втор. 18, 18. къ Іисусу Навину; съ другой—принялись увѣрять своихъ послѣдователей, будто Мессія еще не пришелъ, будто надо еще ожидать Его пришествія, будто Онъ придетъ въ такое-то, или въ такое время; въ

особенности же старались затемнять книги ветхаго Завѣта самыми уродливыми толкованіями и нелѣпыми легендами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, связывать мысли, чувствованія и занятія евреевъ множествомъ вновь измышленныхъ, странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ. Отъ этого самый, повидимому, умный, въ другихъ отношеніяхъ, еврей—кажется безтолковымъ, когда начинаешь бѣсѣдовать съ нимъ о религіозныхъ предметахъ. Можетъ ли онъ безпристрастно внимать божественной истинѣ и обратиться къ свѣту ея, когда за несомнѣнную истину признаетъ, наприм., слѣдующія нелѣпости?

Въ книгѣ Ялкутъ Шимони (Jalkut Schimoni) въ трактатѣ о сотвореніи міра повѣствуется такъ: «и пришли къ Богу буквы алфавита, и каждая изъ нихъ просила, чтобы посредствомъ ея Богъ создалъ міръ». Къ этому Отіотъ рабби Акива (Othiot Rabbi Akiwa) присовокупляетъ, что «Богъ разговаривалъ тогда съ буквами, бралъ на руки большое и малое *мемъ*, любовался ими, лобызалъ ихъ; а онѣ обѣ прекрасно пѣли предъ Богомъ [1]. А раввинъ Симеонъ сынъ Паццаи (Rabbi Symeon ben Pazzai) спрашивалъ: отчего луна меньше солнца, когда написано: *создалъ Богъ два свѣтила великія*, хотя послѣ и сказано: *свѣтило большее и свѣтило меньшее* (Быт. 1, 16)? И на этотъ вопросъ отвѣчалъ: луна первоначально также была велика, какъ солнце; но она сказала Богу: Господи всего міра! Развѣ могутъ два царя быть подъ одною короною и вмѣстѣ господствовать? А Богъ ей на это: отойди и будь меньше. Луна взмолилась: Господи міра! такъ какъ я истину и правду говорила Тебѣ, то за что мнѣ уменьшаться? Ступай, сказалъ Богъ, и молись день и ночь! Луна спросила: что же это за почесть, что за достоинство? какую пользу зажженная свѣчка приноситъ въ полдень?—Отойди!

---

[1] Можно бы еще, въ доказательство нелѣпости талмудическаго ученія привесть изображеніе въ Талмудѣ лица Божія, занятій и дѣйствія божества: но вообще ученіе Талмуда о Богѣ столь уродливо, что похоже на богохульство, и потому здѣсь и не приводится. Таково напр. удостовѣреніе, что Богъ три часа въ сутки занимается чтеніемъ Талмуда, что упражненіе въ такомъ чтеніи доставляетъ Богу высочайшее удовольствіе.

прибавилъ Богъ. Народъ израильскій по твоему теченію будетъ считать свои дни и годы. Но луна возразила, и это невозможно; ибо евреямъ должно будетъ считать солнечное стояніе и равноденствіе непремѣнно по теченію солнца, какъ написано, что солнце и звѣзды *будутъ для означенія временъ, дней и годовъ* (Быт. 1, 14). Богъ присовокупилъ: ступай! и праведники (примѣнительно къ тебѣ) будутъ считать себя малыми: Іаковъ малый, Самуилъ малый, Давидъ малый! Но видя, что не возможно утѣшить и успокоить луну, Богъ обратился къ Ангеламъ, и говоритъ: «совершите умилостивительное обо Мнѣ приношеніе, что Я умалилъ луну». Къ сему сказанію раввинъ Симеонъ сынъ Лаксиса (Rabbi Symeon ben Laxis) прибавляетъ другія нечестивыя рѣчи, коихъ мы передавать не смѣемъ! Такъ безумно толковали раввины слова Левит. 16, 5 и слѣд.

Вотъ еще неменѣе любопытное толкованіе:

Слова Адама къ Богу, Бытія 3, 12: *жена, которую Ты мнѣ далъ; она подала мнѣ плодовъ съ дерева, и я ѣлъ,*—въ книгѣ Орахъ Хаимъ (Orach Chaim) толкуются такъ: «жена, сломивъ пребольшую вѣтвь съ дерева, ударила меня». Но какъ такимъ поступкомъ погасила она свѣтъ міра, т. е. Адама; то жены поэтому и должны въ субботу зажигать свѣчи.

Между столь нелѣпыми толкованіями иныя до того уродливы, что ихъ неприлично было бы и передать по-русски [1]. Кромѣ того талмудическія книги содержатъ въ себѣ еще много повѣстей въ формѣ легендъ о предметахъ естественной исторіи, и особенно зоологіи. Напримѣръ въ трактатѣ Талмуда Бехаротъ (стр. 5) спрашивается: «что такое Баръюхне?—отвѣтъ: Баръюхне—такая птица, что когда однажды изъ ея гнѣзда вывалилось яйцо и, упавъ на землю, разбилось; то желткомъ и бѣлкомъ его потоплено шестьдесятъ селъ и сокрушено триста кедровыхъ деревъ».

---

[1] Напр. Левит. 20, 25. 26. *Не оскверняйте душъ своихъ. Будьте предо Мною святы!...* Rabbini de iis exposuerunt, qui, natura dejectione requirente, alvi excrementa, vel urinam continent. Также Левит. 26, 10., говорится, что соблю-

Размышляя о такихъ нелѣпостяхъ, кто не признаетъ истины апостольскаго изреченія, что умы евреевъ въ религіозномъ отношеніи были ослѣплены, что при чтеніи книгъ ветхаго Завѣта на сердцѣ ихъ лежало покрывало невѣрія (2 Кор. 3, 14)? Посему тѣмъ удивительнѣе, что, составляя уродливыя толкованія книгъ ветхаго Завѣта, писатели Талмуда, и не смотря на это, все-таки сознавали подлинный смыслъ пророчествъ о Мессіи. Всего же изумительнѣе то, что въ раввинскихъ твореніяхъ, напр. въ Талмудѣ іерусалимскомъ, котораго составленіе началось во второй половинѣ втораго, а окончено — въ концѣ третьяго вѣка, въ трактатѣ Зараимъ усматривается ясное подтвержденіе Евангельскаго повѣствованія о рождествѣ Іисуса Христа; въ трактатѣ Низекинъ говорится о происхожденіи Его отъ царскаго рода; въ статьѣ Сангедринъ трактуется о путешествіи пречистой Матери съ Богомладенцемъ въ Египетъ, также о земной жизни и распятіи Спасителя за день до Пасхи. Само собою разумѣется, что эти повѣствованія искажены злобою ожесточеннаго невѣрія; но и среди самыхъ искаженій исторической истины, нельзя не усматривать невольнаго ея признанія и указаній на то, что не только Іисусъ Христосъ творилъ чудеса, но и ученики Его и другія лица совершали ихъ именемъ Спасителя. Такъ писатели іерусалимскаго Талмуда въ трактатѣ Авода говорятъ: «Равви Іоаннанъ сказывалъ, что сынъ раввина Іегосуса, сына Леви, съѣлъ что-то смертоносное и, бывъ заговоренъ сыномъ Пантеры, исцѣлился. Послѣ исцѣленія, отецъ отрока спросилъ у врача: что ты говорилъ надъ моимъ сыномъ? Врачъ отвѣчалъ ему: я призвалъ имя Іисуса Назарянина. Тогда отецъ сказалъ исцѣленному сыну: лучше бы тебѣ умереть, а не слышать этого имени. И сынъ умеръ!» Вотъ и другое подобное свидѣтельство, изложенное въ Талмудѣ вавилонскомъ: «сказывалъ равви Іозесъ, что однажды змѣй уязвилъ Еліазара, сына Думы. Къ больному пришелъ Іаковъ,

---

дающимъ законъ Богъ пошлетъ такое плодородіе, что они станутъ выбрасывать изъ амбаровъ старый хлѣбъ, чтобы въ нихъ сложить новый. Interpretantur: vetera e stomacho prius expetenda, quam uova admittenda.

одинъ изъ учениковъ сына Пантеры, чтобы исцѣлить его, и сказалъ ему: я повелю именемъ Іисуса Назарянина, и ты исцѣлишься. Равви Самуилъ на это сказалъ больному: сынъ Думы! для тебя это не позволительно! А вотъ я приведу изъ закона доказательство, отвѣчалъ больной, что мнѣ позволительно лѣчиться такимъ образомъ. Но равви не позволилъ ему доказывать, и больной умеръ». Такія свидѣтельства о чудесахъ, совершавшихся именемъ Іисуса Христа, тѣмъ драгоцѣннѣе, что истина ихъ засвидѣтельствована врагами христіанства.

Впрочемъ раввины отчасти допускали, что сверхъестественныя дѣйствія Іисуса Христа происходили отъ божественной силы; хотя эту истину усиливались затмить многими баснями относительно способа, коимъ Господь пріобрѣлъ могущество чудотворца. Вотъ одна изъ такихъ басней [1]: «Въ святѣйшемъ мѣстѣ храма, называемомъ святая святыхъ, былъ камень, на которомъ вырѣзано было неизреченное имя Божіе. Старѣйшины народа, опасаясь, чтобы молодые люди не узнали этого имени, и не употребили его для соблазна вселенной, сдѣлали помощію магіи двухъ мѣдныхъ львовъ и поставили ихъ при входѣ во святая святыхъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону. Кто входилъ во святая святыхъ и узнавалъ это неизреченное имя Бога, на того рыкали львы и своимъ рыканіемъ приводили его въ такой страхъ, что онъ забывалъ узнанное имъ неизреченное имя Божіе. Рожденіе Іисуса отъ Дѣвы, сдѣлавшись извѣстнымъ въ верхней Галилеѣ, было причиною того, что изъ Галилеи Онъ тайно удалился въ Іерусалимъ и, вошедши въ храмъ, узналъ здѣсь имя Божіе. Написавъ это имя на пергаминѣ, Іисусъ разрѣзалъ себѣ тѣло, а чтобы не чувствовать боли отъ разрѣза, произнесъ то имя, и потомъ въ сдѣланный разрѣзъ вложилъ пергаминъ. Затѣмъ произнесъ онъ имя Бога въ другой разъ, — и рана въ тѣлѣ закрылась. А чтобы войти во святая святыхъ, Іисусъ по необходимости долженъ былъ употребить магическое искусство; ибо безъ этого

[1] Эта басня читается въ латинскомъ переводѣ въ сочиненіи Вагенселлія: Tela ignea Satanae. Христіанск. чт. 1835, часть 1, стр. 294.

священники никакъ не допустили бы Его войти въ столь священное мѣсто. Вышедши изъ храма, Онъ снова раскрылъ рану и, вынувъ изъ нея пергаминъ, совершенно изучилъ имя Божіе, и послѣ того пошелъ въ Виѳлеемъ, мѣсто своего рожденія. Пришедши сюда, сказалъ Онъ жителямъ города: гдѣ тѣ, которые говорили, что Я рожденъ отъ простаго человѣка? Мать Моя родила Меня, не переставъ быть Дѣвою: Я Сынъ Божій, о которомъ нѣкогда сказалъ Исаія: *Се Дѣва во чревѣ зачнетъ* и проч. Жители Виѳлеема, въ доказательство Его словъ, потребовали отъ Него чудесъ,—и Іисусъ, произнося непроизносимое имя Іеговы, оживилъ трупъ умершаго и исцѣлилъ прокаженнаго».

Омрачивъ умъ своихъ послѣдователей нелѣпыми баснями относительно чистаго богопознанія и разумѣнія священнаго Писанія, талмудисты постарались еще возложить самыя тяжкія цѣпи на умственныя и сердечныя силы евреевъ, опутать вновь измышленными обрядами всѣ движенія души ихъ и тѣла. Новые обряды евреевъ повергли ихъ въ рабство суевѣрію до такого ослѣпленія, что они не въ состояніи уже видѣть, что для нихъ тѣ обряды вовсе необязательны, и не могутъ понять: что даже данныя Богомъ чрезъ Моисея израильскому народу предписанія гражданскаго и обрядоваго законовъ были обязательны для него только на время пребыванія его въ Палестинѣ, какъ объявилъ это самъ Богъ: *Я изреку тебѣ всѣ заповѣди и постановленія и законы, которымъ ты долженъ научить ихъ, чтобы они такъ поступали на той землѣ, которую Я даю имъ въ наслѣдіе* (Втор. 5, 31). Евреи не обращаютъ вниманія и на то, что еще во время пребыванія ихъ въ Палестинѣ пророки ревностно внушали имъ, что всѣ предписанные Богомъ обряды, омовенія, жертвоприношенія, посты, новомѣсячія и праздники, не только не имѣютъ никакой цѣны предъ Богомъ, но даже отвратительны въ очахъ Божіихъ, если соблюдающій ихъ и приносящій жертвы не приноситъ искренняго покаянія и не усиливается всемѣрно соблюдать нравственный законъ Божій (Псал. 49, 7—14. Исаі. 1, 11—18. 58, 3—10).

Уклонившись отъ ученія божественныхъ пророковъ, евреи до того поработились водительству раввиновъ старыхъ и новыхъ, что слѣпо повинуются ихъ постановленіямъ и усильно стараются исполнять придуманные ими новые обряды. Между тѣмъ раввины ихъ ни чудесами, ни пророчествами не засвидѣтельствовали своего посланничества отъ Бога, а слѣдовательно и того, что ихъ постановленія для кого либо обязательны; хотя количество новыхъ обрядовъ почти необъятно, а нелѣпость ихъ для всякаго здравомыслящаго очевидна. Такъ, касательно одного только употребленія пищи, число раввинскихъ постановленій восходитъ до трехъ тысячъ; не менѣе сотни считается ихъ также и относительно умовеній.

И вотъ какого достоинства еврейскіе обряды. Въ новомѣсячіе, читая молитвы на открытомъ воздухѣ, предъ вновь явившеюся луною, евреи, между прочимъ, подпрыгиваютъ, и—чѣмъ выше, тѣмъ лучше, а подпрыгивая, каждый изъ нихъ приговариваетъ: «какъ я не могу схватить тебя, луна, такъ, чтобы никто изъ враговъ моихъ не могъ коснуться меня и вредить мнѣ».—На другой день новаго своего года евреи совершаютъ очищеніе своихъ грѣховъ и, которые зажиточнѣе, приносятъ между прочимъ въ жертву Богу пѣтуха, при чемъ приговариваютъ: «да будетъ этотъ пѣтухъ взамѣнъ вмѣсто меня, да будетъ онъ во умилостивленіе за меня; да подвергнется онъ смерти, а мнѣ и цѣлому Израилю да будетъ счастливая жизнь. Аминь». Потомъ этого пѣтуха закалаютъ, и если онъ кошерный,—если, то есть, нѣтъ на немъ знаковъ поврежденія, или какой нибудь внутренней язвы, приготовляютъ его къ столу и съѣдаютъ.—Поутру еврей, какъ только встанетъ съ постели, тотчасъ долженъ слить немного воды на свои руки. Зачѣмъ? Для умовенія рукъ, для соблюденія чистоты? Совсѣмъ нѣтъ; а для того, чтобы прогнать бѣсовъ, которые, по ихъ повѣрью, во время сна садятся на ногти. Исполняя ревностно безчисленное множество подобныхъ обрядовъ, евреи вѣруютъ, что строгимъ ихъ соблюденіемъ пріобрѣтаютъ полное прощеніе своихъ грѣховъ и оправданіе предъ правдою Божіей.

Постановленіе вновь придуманныхъ раввинами обрядовъ, виды и образъ ихъ исполненія, изложены въ Мишнѣ, Гемарѣ, и вообще въ талмудическихъ книгахъ. Чтобы побудить евреевъ къ ревностному исполненію ихъ, раввины увѣряютъ, что Талмудъ несравненно выше священнаго Писанія. Такъ въ трактатѣ Бара Меція (Bara Mezia) на стр. 33 сказано: «кто изучаетъ Библію, тотъ дѣлаетъ нѣчто, какъ будто доброе; кто читаетъ Мишну, тотъ дѣйствительно дѣлаетъ добро; а кто читаетъ Гемару, тотъ совершаетъ высочайшую добродѣтель, и заслуживаетъ похвалу и награду». Въ трактатѣ Массеретдерехъ ерецсота и Массегетъ соферимъ (Masserethderech Erezsota et Massehet Sopherim) въ гл. 15 говорится: «Библія есть только вода, Мишна—вино, а Гемара—вино, настоянное пряными кореньями». Въ трактатѣ же Шагига (Chagiga) стр. 1, утверждается, что: «кто хотя однажды принялся читать Талмудъ, тотъ не долженъ уже обращаться къ чтенію Библіи: а кто станетъ поступать напротивъ, тотъ не найдетъ на землѣ ни мира, ни счастія». Раввины стараются внушить евреямъ вообще самое глубокое уваженіе къ своей личности и власти. Такъ въ толкованіи Талмуда Ерувія Гиттинъ (Eruvie Fittin) говорится: «Сынъ мой, уважай слова раввиновъ, болѣе нежели глаголы закона Моисеева,—уважай до того, что еслибы тебѣ раввинъ сказалъ, что правая твоя рука лѣвая, а лѣвая—правая, ты долженъ слѣпо вѣрить этому».

Въ настоящее время евреи, обитающіе въ западныхъ губерніяхъ и въ царствѣ Польскомъ, раздѣляются на двѣ большія секты: *мишнагимъ* (отъ Мишны) и *хассидимъ* (мелкообрядцевъ). Обѣ эти секты слѣдуютъ ученію Талмудовъ іерусалимскаго и и вавилонскаго, изъ которыхъ въ началѣ тринадцатаго вѣка ученый еврей, Моисей Маймонидъ, сдѣлалъ извлеченіе обрядовыхъ постановленій и совокупилъ ихъ въ книгѣ Юдшазакахъ (Judschazakach). Секта хассидимъ самая изувѣрная и злая. Основалъ ее и образовалъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія въ м. Межибожѣ, подольской губерніи, раввинъ Баэль Ахемъ (Bael Achem). Евреи этой секты преимущественно углубляются

въ каббалу, погружаясь всѣми помыслами своими въ книги Зогаръ, и съ напряженнѣйшимъ усиліемъ занимаясь каббалистическими вычисленіями, какими занимались ихъ предки и до появленія секты хассидимъ. Вотъ образцы каббалистическихъ толкованій св. Писанія. Такъ какъ буквы еврейскаго алфавита, подобно греческимъ и славянскимъ, имѣютъ еще численное значеніе; то евреи, упражняющіеся въ каббалистическихъ вычисленіяхъ, полагая, что въ каждой буквѣ Библіи, Мишны и Гемары заключается необъятная, высшая мудрость,—для открытія этой премудрости толкуютъ каждое слово по тѣмъ буквамъ, изъ которыхъ оно составилось, и свое толкованіе производятъ то по методѣ богословско-аллегорической—Медрашотъ (Medraschot), то мистически—Дедрахотъ (Dedrachot). Къ наведеніямъ и заключеніямъ каббалистическимъ относится напримѣръ слѣдующее соображеніе: вслѣдствіе раздѣленія священныхъ книгъ, составленнаго еще мазоретами, пророчество Исаіи состоитъ изъ 26 отдѣленій: это не просто, а потому, что число 26 имѣетъ особенное, таинственное значеніе, именно то, которое означено въ 14 гл., 9 ст. Захаріи, гдѣ сказано: *будетъ Іегова Царемъ надъ всею землею*, что и составляетъ сущность пророчества Исаіина.—Каббалисты секты хассидимъ утверждаютъ также, что каждая буква еврейскаго алфавита имѣетъ внутреннее, симпатическое свойство, привлекательное или отталкивающее. Напримѣръ: почему Ревекка, супруга патріарха Исаака, болѣе любила сына своего Іакова, нежели Исава? Конечно потому, сказалъ бы кто нибудь, что Іаковъ былъ кроткаго, тихаго нрава. Вовсе не то, возразитъ хассидитъ: по замѣчанію каббалистовъ, въ имени Ревекки были двѣ такія же буквы, какія были въ имени Іакова; вотъ и причина любви!—Недавно въ западныхъ областяхъ Россіи появились еще евреи, образовавшіеся въ университетахъ кенигсбергскомъ, берлинскомъ и даже тюбингенскомъ. Это ученики нѣмецкихъ раціоналистовъ и сами раціоналисты, чуть чуть придерживающіеся еще деизма, тѣмъ болѣе, что познакомились съ философіею Гегеля и другихъ, такихъ же германскихъ философовъ. Евреи раціоналисты, хотя

для виду, исполняютъ обряды, предписываемые Мишною, Гемарою и вообще Талмудомъ; но внутренно гнушаются ими, и въ обществѣ христіанъ пренебрегаютъ ихъ, утверждая, будто слѣдуютъ одной Библіи и вѣруютъ только тому, чему учатъ книги ветхаго Завѣта, за исключеніемъ мѣстъ, содержащихъ въ себѣ ученіе о Мессіи. Съ этою цѣлію, то обращаясь къ различнымъ варіантамъ Библіи, то доискиваясь будтобы точнаго значенія еврейскихъ словъ по корнямъ ихъ въ языкахъ арабскомъ и арамейскомъ или сирскомъ, еврейскіе раціоналисты, посредствомъ филологической пытки и вѣроятностей, навязывая пророчествамъ о Мессіи свой произвольный смыслъ, извращаютъ подлинное разумѣніе ихъ [1], и утверждаютъ, что они не только

---

[1] Еврейскіе раціоналисты, слѣдуя своему образу мыслей, перевели уже на французскій и англійскій языкъ и книги ветхаго Завѣта, и въ этомъ случаѣ держались грамматики еврейскаго языка и словаря извѣстнаго раціоналиста Гезеніуса. Нѣкоторыя пророчества объ Іисусѣ Христѣ они безъ всякихъ околичностей отбрасываютъ и въ переводѣ замѣняютъ ихъ, по собственному усмотрѣнію произвольно вставленными выраженіями. Такъ, напримѣръ, псаломъ 44 называютъ они свѣтскою пѣснію, сложенною изъ лести какому нибудь царю, а отнюдь не пророчествомъ о Мессіи. Какъ будто ветхозавѣтная Церковь, внесшая тотъ псаломъ въ число пламенныхъ молитвъ, славословій и благодареній Богу, не имѣла къ тому никакихъ основаній; или писатели талмудическихъ твореній, враждебные уже христіанству, не въ состояніи были придумать ничего подобнаго на счетъ того псалма. Еврейскіе раціоналисты, подобно германскимъ, именующимся еще христіанами, усиливаются увѣрить всѣхъ, что они лучше знаютъ еврейскій языкъ, чѣмъ всѣ евреи прошедшихъ вѣковъ. Иныя пророчества о Мессіи, при переводѣ ихъ на еврейскіе языки, еврейскими раціоналистами искажаются самымъ нелѣпымъ образомъ. Такъ напримѣръ пророческое изреченіе Бытія 49, 9—12: *пока не придетъ Примиритель*, какъ переводили слово Шилогъ и знаменитые раввины, нынѣшніе раціоналисты переводятъ: *пока* (колѣно Іудино) *не придетъ въ городъ Шило.* Но въ городъ Шило или Силомъ (Нав. 18, 1) пришло не одно колѣно Іудино, а весь сонмъ сыновъ израилевыхъ, между тѣмъ какъ въ указанномъ мѣстѣ книги Бытія Іаковъ предсказываетъ судьбу одного Іуды. Слѣдовательно вставка „колѣно Іудино“ сдѣлана совершенно произвольно, чтобы только не додопустить значенія словъ Шилогъ—Примиритель: впрочемъ, хотя бы мы и не отстаивали этого слова, а взяли его въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно выражено LXX толкователями и другими еврейскими и христіанскими переводчиками, то есть, *не отнимется скипетръ* (князь) *и законоположникъ* (вождь) *отъ чреслъ его*,— все же эти выраженія будутъ означать чье-то начальство изъ колѣна Іудина, надъ цѣлымъ еврейскимъ народомъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же стихѣ предсказывается относительно къ этому вождю покорность и повиновеніе всѣхъ народовъ. Кто же этотъ вождь? Извѣстно, что во время путешествія евреевъ по пустынѣ

не представляютъ себѣ Мессіи въ видѣ завоевателя, который возвратитъ евреевъ въ Палестину и покоритъ ихъ власти всѣ народы, но даже не ждутъ, не желаютъ никакого Мессіи и не молятся о земномъ Его царствѣ, а напротивъ, при случаѣ, внушаютъ евреямъ, что для нихъ настало время бросить старые предразсудки и искренно сблизиться, слиться съ христіанами во едино, усвоить себѣ европейское образованіе и быть полезными гражданами тѣхъ государствъ, въ коихъ они обитаютъ. Но противъ такихъ нововводителей возникла уже въ западныхъ губерніяхъ сильная реакція со стороны евреевъ секты мишнагимъ и хассидимъ, которые всѣми мѣрами преслѣдуютъ своихъ раціоналистовъ; а для утвержденія возрастающаго и вновь раждающагося поколѣнія въ старыхъ предразсудкахъ и въ строгомъ храненіи ученія талмудистовъ, въ Житомирѣ, Вильно и Варшавѣ издали всѣ талмудическія сочиненія въ такомъ множествѣ экземпляровъ (около 60,000), что чтеніе ихъ, если не отвратитъ этого Божій промыслъ, можетъ помрачить не только умственный свѣтъ евреевъ, но и солнечный въ очахъ ихъ. Столь ревностное желаніе обезпечить и укрѣпить

велъ ихъ Моисей, происходившій отъ колѣна Левіина (Исх. 9, 10), а послѣ него вождемъ евреевъ былъ Іисусъ Навинъ изъ колѣна Ефремова (Числ. 13, 9. 14, 6), при которомъ и скинія завѣта поставлена въ г. Силомѣ. Слѣдовательно, евреи раціоналисты своимъ переводомъ Быт. 49, 9—12., превращаютъ пророчество въ пустословіе безъ всякаго значенія. При этомъ надобно замѣтить, что еврейскіе раціоналисты, подобно германскимъ, съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ отзываются о переводѣ LXX толковниковъ, укоряя ихъ незнаніемъ еврейскаго языка и даже неправильностію чтенія на томъ языкѣ, какъ будто это доказывается произношеніемъ собственныхъ именъ. Но что ни утверждали бы раціоналисты въ этомъ отношеніи, переводъ LXX всегда заслуживаетъ предпочтеніе въ сравненіи съ переводами новѣйшими, какъ составленный за двѣсти слишкомъ лѣтъ до пришествія Христова, когда еврейскій языкъ былъ еще живымъ и раввины не имѣли еще побужденій искажать подлинный смыслъ пророчествъ о Мессіи. Что же касается до современнаго намъ чтенія ветхозавѣтныхъ книгъ, то его никакъ нельзя считать чистымъ отъ всякаго искаженія; и это искаженіе произведено безъ сомнѣнія частію переписчиками, частію враждебными христіанству раввинами. Тамъ въ 13 ст. 144 псалма на еврейскомъ языкѣ очевидно пропущено полустишіе: *вѣренъ Господь во всѣхъ словахъ своихъ, и святъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ*; потому что стихи того псалма сопровождаются буквами еврейскаго алфавита, и указанное полустишіе, судя по порядку буквъ, долженствовало быть означено чрезъ *нунъ*,

господство талмудическихъ твореній надъ умами, держаться неизмѣнно предписанныхъ тѣми твореніями суевѣрій и предразсудковъ, доказываетъ, что искреннее сближеніе евреевъ съ христіанами въ западныхъ областяхъ Россіи долго еще будетъ пустою, несбыточною мечтою!

Не смотря однакожь на помраченіе еврейскихъ умовъ раввинскими сочиненіями, семейства евреевъ отличаются патріархальнымъ согласіемъ; матеріальныя средства бѣдныхъ, или обнищавшихъ между ними всемѣрно поддерживаются богатыми и зажиточными ихъ родственниками. Тяжбы и споры между евреями рѣшаются духовнымъ судомъ раввиновъ. Еврей, дерзнувшій, по своимъ обстоятельствамъ, жаловаться на другаго еврея государственнымъ сановникамъ и заводить искъ въ судахъ, учрежденныхъ правительствомъ, подвергается общему ихъ презрѣнію и даже гоненію. Жены еврейскія, заботливыя, нѣжныя матери дѣтей своихъ, занимаясь мелочною торговлею и барышничествомъ, усердно помогаютъ мужьямъ поддерживать семейный ихъ бытъ. Семейные нравы евреевъ чисты, хотя отъ растлѣнія спасаетъ ихъ не столько страхъ Божій, сколько во-

котораго однакожь въ теперешнемъ чтеніи того псалма на еврейскомъ языкѣ недостаетъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ и то, что христіанскіе писатели первыхъ вѣковъ и вообще отцы Церкви, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ отлично знали еврейскій языкъ, предпочтительно еврейскому тексту и разнымъ переводамъ съ него священныхъ книгъ, постоянно употребляли въ своихъ твореніяхъ текстъ перевода LXX, а иные даже открыто обличали евреевъ въ намѣренномъ поврежденіи еврейскаго текста и, для обличенія, ссылались на чтеніе въ неповрежденныхъ тогда еще экземплярахъ книгъ ветхаго Завѣта. Такъ св. Епифаній кипрскій, по происхожденію іудей и воспитанникъ ученаго іудея, указывая на поврежденное чтеніе псалма 109, ст. 3., коего второе полустишіе по нынѣшнему еврейскому чтенію таково: *какъ изъ чрева зари, такъ у Тебя юношество Твое*, приводитъ подлинное чтеніе того самого полустишія и доказываетъ, что оно должно быть переведено такъ, какъ переводили его LXX: *Изъ чрева прежде денницы родихъ Тя.* (S. Epiphanii Oper. Edit. Dionis. Petavii. Coloniae. 1786 ad Haeres. Lib. 2, tom. 11, pag. 610). Что же касается до правильности произношенія еврейскихъ словъ, то имѣя въ виду, что еврейскій языкъ мертвый, нѣтъ никакого основанія судить, правильно ли, или неправильно LXX толковниковъ произносили еврейскія имена и прозванія, тѣмъ болѣе, что и нынѣ евреи обитающіе въ подольской, волынской и кіевской губерніяхъ, читая извѣстныя слова, произносятъ ихъ вовсе не такъ, какъ тѣ же самыя слова произносятся бѣлорусскими и литовскими евреями.

шедшее у евреевъ въ обычай строгое наблюденіе однихъ надъ другими и неуклонное соблюденіе обрядовъ, предписываемыхъ талмудами. И такое наблюденіе, при настоящемъ ихъ образѣ жизни, весьма удобно; потому что въ полуразвалившемся домикѣ, въ которомъ и бѣлорусскій мужикъ едва помѣстился бы съ своимъ семействомъ, помѣщаются иногда двѣ и три еврейскихъ семьи.

Въ настоящее время, откровенно бесѣдуя съ учеными евреями, замѣчаемъ, что они хвалятся живучестію своей народности, стойкостію въ своей религіи, и превозносятъ похвалами мужество своихъ предковъ въ непоколебимомъ перенесеніи вѣковыхъ преслѣдованій отъ христіанъ и мученій въ Испаніи, Франціи, Англіи и Германіи, гдѣ ихъ въ средніе вѣка грабили, терзали и сожигали. Вмѣстѣ съ этимъ они утверждаютъ, что въ тѣхъ областяхъ, гдѣ позволено имъ жить, водворилось бы всеобщее благоденствіе, если бы сравнили ихъ съ коренными жителями во всѣхъ отношеніяхъ и правахъ, какъ это принято въ другихъ европейскихъ государствахъ. Почему, говорятъ, не могли бы евреи быть губернаторами, даже министрами? а вмѣстѣ съ тѣмъ жалуются, что христіане чуждаются ихъ, ненавидятъ и даже питаютъ къ нимъ вражду. Жалобы евреевъ на гоненіе ихъ въ средніе вѣка въ европейскихъ государствахъ, конечно, справедливы. Латинская пропаганда до новѣйшихъ временъ не умѣла иначе проповѣдывать своего вѣроученія, какъ съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ, не только между невѣрными, но даже и между христіанами, принадлежащими къ новѣйшей латинской Церкви. Такъ, едва проникла она въ восточную Индію, какъ узнавъ, что въ Индіи есть христіане, происходившіе отъ предковъ, обращенныхъ къ Іисусу Христу св. апостоломъ Ѳомою, — тотчасъ завела инквизицію и стала терзать мѣстныхъ христіанъ за то, что ихъ вѣроученіе не согласно съ ученіемъ римской Церкви. Справедливо, что евреи въ Римской имперіи бывали преслѣдуемы даже тогда, когда въ ней господствовала уже религія христіанская: но кто тутъ виноватъ? Жалуясь на вражду другихъ народовъ, евреямъ надлежало бы

обратить взоръ на самихъ себя, на свое обращеніе съ жителями государствъ, въ которыхъ они обитаютъ, на догматы и правила талмудическаго ученія, коими они руководствуются, и разрѣшить безпристрастно вопросъ: кто прежде началъ кого преслѣдовать: христіане ли евреевъ, или евреи христіанъ? догматы ли и правила христіанскаго вѣроученія заставляютъ христіанъ ненавидѣть евреевъ, или догматы и правила талмудическаго ученія побуждали евреевъ причинить христіанамъ вредъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что когда основалась христіанская Церковь, въ Іудеѣ господствовали уже секты іессеевъ, фарисеевъ и саддукеевъ, за которыми въ скорости возникла еще секта зилотовъ. Всѣ тѣ секты терпимы были синедріономъ и старѣйшинами еврейскаго народа. Почему же подвергались тогда гоненіямъ христіане? Вѣдь они не только не враждовали противъ своихъ соотечественниковъ, но, бывъ сами евреями и не отдѣляясь отъ нихъ, совмѣстно съ ними собирались на общественную молитву въ іерусалимскомъ храмѣ, первоначально же соблюдали даже іудейскіе обряды; они, говоря вообще, до такой степени входили въ одно политическое тѣло съ евреями, что римскіе правители, не отличая христіанъ отъ евреевъ, и почитая своимъ долгомъ подавлять мятежный духъ послѣднихъ, преслѣдовали вмѣстѣ съ ними и христіанъ, хотя послѣдніе были покорны властямъ, кротки и незлобивы. Исторія ясно показываетъ, что гоненіе на христіанъ со стороны евреевъ началось не за вражду противъ нихъ, а единственно за исповѣданіе имени Христова. Первое чудо, которое сотворили Апостолы силою Іисуса Христа, вызвало первый ударъ іудейской противъ нихъ злобы.

Послѣ того, какъ апостолъ Петръ исцѣлилъ сидѣвшаго при іерусалимскомъ храмѣ хромаго отъ рожденія, и произнесъ къ народу проповѣдь, евреи, схвативъ Апостоловъ, сперва съ угрозою запретили имъ проповѣдывать Евангеліе, а потомъ заключили ихъ въ темницу. Когда же Апостолы, бывъ освобождены изъ темницы Ангеломъ, снова стали проповѣдывать

о имени Христовомъ; тогда синедріонъ, приказавъ привесть ихъ въ свое засѣданіе, и строжайше запретивъ имъ проповѣдывать Евангеліе, подвергъ ихъ наказанію. Вскорѣ за тѣмъ евреи воздвигли общее, жестокое гоненіе на христіанъ, грабили и расхищали имѣніе людей, запечатлѣнныхъ именемъ Христовымъ, и, требуя отреченія отъ вѣры во Іисуса Христа, повергали ихъ въ темницы и мучили (Евр. 10, 34. 1 Сол. 2, 15). Въ первое гоненіе христіанъ евреи побили камнями архидіакона Стефана, который, умирая, молился за своихъ убійцъ. Во второе гоненіе Иродъ Агриппа, въ угоду іудеямъ, умертвилъ Іакова Зеведеева (Дѣян. 6, 7, 12, 1. 2). Въ гоненіе первосвященника Анана умерщвленъ апостолъ Іаковъ, именуемый братомъ Господнимъ.

А чего не перенесъ отъ евреевъ апостолъ Павелъ послѣ своего обращенія ко Христу? Въ Дамаскѣ царь Арета, по наущенію ихъ, вознамѣрившись схватить Павла, приказалъ стеречь городъ; но Апостолъ спасся тогда отъ истязаній единственно тѣмъ, что былъ спущенъ съ городской стѣны въ корзинѣ и убѣжалъ (2 Кор. 11, 32). Во время путешествія апостола Павла съ проповѣдію Евангелія, іудеи въ Листрѣ успѣли до того возмутить противъ него народъ, что били его камнями и замертво вынесли за городъ (Дѣян. 14). Въ Солуни за оказанное апостолу Павлу гостепріимство, евреи напали на нѣкоего Іасона, а Павла преслѣдовали до Беріи и причинили ему не мало огорченія въ Коринѳѣ. Въ третье путешествіе апостолъ Павелъ, прибывъ въ Іерусалимъ, едва спасъ свою жизнь отъ злобы евреевъ тѣмъ, что упросилъ римскаго трибуна отправить его, какъ римскаго гражданина, въ Кесарію, на судъ областнаго правителя, а затѣмъ потребовалъ, чтобы его дѣло перенесено было на судъ кесаря (Дѣян. 16—26). Кромѣ этихъ гоненій, описанныхъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, апостолъ Павелъ хвалился еще, что его три раза побивали камнями, и пять разъ дано было ему іудеями по сороку ударовъ безъ одного (2 Кор. 11, 24. 25).

Со временъ Апостольскихъ, по разрушеніи Іерусалима, евреи не могли уже дѣйствовать по прежнему; однакожь во всѣ вре-

мена дышали противъ христіанъ неукротимою ненавистію, питали къ нимъ непримиримую вражду; считали ихъ за одно съ язычниками, и при всякомъ случаѣ старались вредить имъ своими кознями и коварствомъ, а гдѣ сознавали себя своею числительностію сильнѣе христіанъ, тамъ открыто нападали на нихъ, причиняли имъ всевозможныя насилія, терзали ихъ пытками, мучили и предавали смерти, за исповѣданіе имени Іисуса Христа. Доказательствомъ этой истины служатъ многія жизнеописанія св. мучениковъ [1].

Послѣ вѣковыхъ, жестокихъ гоненій отъ язычниковъ, Церковь Христова открыто явилась міру во славѣ побѣды и торжества надъ язычествомъ. Но вскорѣ за тѣмъ, нашествіе со всѣхъ сторонъ варваровъ на Римскую имперію опрокинуло и ниспровергло въ ней всякій общественный порядокъ, смѣшало народности въ неустроенныя массы, а вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ мѣстахъ оскудѣла и проповѣдь чистаго, евангельскаго ученія. Поэтому не удивительно, что народы, даже возрожденные св. крещеніемъ, по сознанію враждебнаго во всѣ времена отношенія къ нимъ евреевъ, смотрѣли на нихъ непріязненно. Да и тутъ надобно взглянуть на другую сторону медали. Если бы евреи получше вникнули, каковы были въ средніе вѣка поступки ихъ предковъ съ христіанами, то невольно сознались бы, что большею частію сами ихъ предки подавали поводъ къ тѣмъ гоненіямъ, какимъ они тогда подвергались. Не будемъ говорить, какъ поступали евреи съ христіанами въ другихъ странахъ: но въ народной памяти Россіи невольно возбуждаются тѣ истязанія и угнетенія, какія она терпѣла въ западныхъ областяхъ, когда эти области подпали подъ владычество Польши, а мѣстные владѣльцы земли, поляки и русскіе, отрекшіеся отъ вѣры своихъ отцевъ для обращенія православныхъ въ унію, отдавали въ арендное содержаніе евреямъ цѣлыя русскія волости, съ полномочіемъ грабить жителей, морить ихъ голодомъ,

---

[1] Напр. св. мучен. Ареѳы окт. 24; преподоб. Стефана новаго нояб. 28; преп. Евстратія печерск. марта 28; св. мучен. Піонія марта 14; св. Кирилла архіеп. александр. іюня 9.

бичевать жесточайшими ударами, даже вѣшать и казнить по произволу всѣми родами смерти. Если евреи открыто глумились надъ обрядами, таинствами и святынею православной вѣры и, овладѣвъ православными церквами, только за тягостную плату дозволяли иногда собираться православнымъ въ храмы Божіи на молитвословіе и требовали подати за употребленіе просфоръ на богослуженіи, за пасхальные хлѣбы и яства, за дозволеніе крестить младенцевъ и прочая [1]; если вмѣстѣ съ тѣмъ враждебное православію правительство, съ цѣлію лишить русскій народъ всякаго религіознаго утѣшенія и руководителей въ дѣлахъ вѣры, въ продолженіи сорока лѣтъ не дозволяло ни строить, ни починять православныя церкви [2], и приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы въ теченіи стольких лѣтъ не были вновь рукополагаемы къ православнымъ церквамъ православные священники [3]: то удивительно ли, что среди столь горестныхъ обстоятельствъ русскій народъ, потерявъ всякое терпѣніе, единодушно возсталъ для защиты своей вѣры, своей святыни, своихъ правъ, своихъ кровныхъ, и устремился съ неистовствомъ на своихъ притѣснителей и на состоявшихъ въ союзѣ съ ними евреевъ?

Но предметомъ настоящаго нашего разсужденія должна быть не столько прежняя, сколько настоящая, современная, религіозная и общественная жизнь евреевъ, обитающихъ въ западныхъ областяхъ Россіи. Поэтому для составленія яснаго понятія о религіозной и общественой ихъ жизни, кромѣ изложенныхъ понятій необходимо имѣть въ виду особенности ихъ характера, своеобразность ихъ жизни, правила общественнаго ихъ поведенія, преимущественно же образъ ихъ дѣятельности въ обращеніи съ христіанами.

Евреи вообще темперамента сангвинистическаго, горячи, раздражительны, мстительны, одарены необыкновенною смыш-

[1] Historia belli Cosacco-Polonici. Samuel. Grondski.
[2] Żywoty Świętych Skargi. Żywot S. Kazimierza.
[3] Исторія объ уніи.

леностію въ дѣлахъ житейскихъ, весьма способны къ усвоенію себѣ наукъ естественныхъ, особенно математическихъ, и къ изученію ремеслъ и рукодѣлій, которыя впрочемъ производятъ чрезвычайно нерадиво и небрежно. Отъ тѣснаго ли помѣщенія въ домахъ, изъ коихъ въ каждомъ обитаетъ по нѣскольку семействъ, или отъ чего другаго, почти каждый еврей страдаетъ чесоткою, нерѣдко паршами, и не смотря на то, что они безпрестанно совершаютъ омовенія, едва не всякій изъ нихъ окруженъ отвратительною, одуряющею, подобно угару, атмосферою, по которой непріятно бесѣдовать съ евреемъ въ близкомъ отъ него разстояніи.

Въ частной семейной жизни, евреи весьма умѣренны, воздержны; пьяный до безобразія еврей — необыкновенная рѣдкость, составляющая исключеніе изъ обыкновеннаго ихъ поведенія, всегда трезваго, разсчитаннаго. Пріучаемые изъ дѣтства довольствоваться самою скудною пищею, позволяя себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую роскошь только по субботамъ и праздникамъ, евреи пріобрѣтаютъ такой навыкъ къ самоограниченію, что, по наблюденіямъ, содержаніе еврея, занимающагося какимъ нибудь ремесломъ, стоитъ въ половину меньше чѣмъ содержаніе занимающагося тѣмъ же ремесломъ христіанина изъ мѣщанъ. Такой навыкъ, между прочимъ, подерживается повѣрьемъ, по которому еврей почитаетъ себя незаслуживающимъ перекусить что нибудь, а тѣмъ болѣе отобѣдать, пока не промыслитъ въ свою пользу и не получитъ отъ христіанъ какой либо прибыли посредствомъ барышничества, торговыхъ изворотовъ, или хотя такъ называемаго факторства. Проведши въ этомъ утро, онъ произноситъ нѣсколько молитвъ, стоя на ногахъ, потомъ садится, качается, мотаетъ головою, бормоча молитвы часъ, даже два часа, и наконецъ рѣшается подкрѣпить себя пищею, которая у незажиточныхъ евреевъ ежедневно, кромѣ субботы и ихъ праздниковъ, осенью и зимою состоитъ изъ луку съ небольшимъ ломтемъ хлѣба, а весною и лѣтомъ прибавляется къ тому еще рѣдька. Зажиточные евреи и въ будни употребляютъ въ пищу говядину, или птичье мясо, но съ такою

неподражаемою разсчитанностію, что изъ извѣстнаго количества говядины, изъ коего у порядочнаго ремесленника христіанина состоялъ бы одинъ обѣдъ, еврейка состряпаетъ три обѣда на трое сутокъ, и каждый день обдѣлитъ мяснымъ бульономъ цѣлое семейство. Принимая въ соображеніе такую умѣренность и воздержную жизнь евреевъ, легко убѣдиться, что купечество никакого другаго народа не въ состояніи соперничать въ торговлѣ съ купцами еврейскими, тѣмъ болѣе, что евреи западныхъ областей Россіи ведутъ постоянныя сношенія и переписку съ евреями, обитающими въ другихъ странахъ міра, и еще до изобрѣтенія электрическихъ телеграфовъ едва не съ такою же быстротою узнавали, какъ и теперь узнаютъ, гдѣ какіе товары требуются и могутъ быть сбыты съ прибылью; гдѣ что можно купить сходно, по дешевымъ цѣнамъ. Съ неимовѣрною скоростію и прежде мѣстныхъ жителей, узнаютъ они и о всѣхъ замѣчательныхъ, могущихъ имѣть вліяніе на торговые обороты, міровыхъ произшествіяхъ; также о новыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, постановленіяхъ, предположеніяхъ, даже тайныхъ и, примѣняясь къ этимъ свѣдѣніямъ, соображаютъ свои дѣйствія, особенно торговыя. Купеческимъ оборотамъ евреевъ много содѣйствуетъ также право—каждому изъ нихъ, занимающемуся торговлею, содержать множество агентовъ, вывѣдывающихъ всѣ мѣстныя обстоятельства тѣхъ лицъ, съ коими они имѣютъ дѣла, и особенно тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ протекція торговыхъ операцій. Евреи, занимающіеся большими торговыми спекуляціями, имѣютъ огромные капиталы; да и торгующіе въ меньшихъ размѣрахъ—не безъ денегъ: но въ западныхъ губерніяхъ Россіи такихъ наберется едва ли пятая часть; прочіе же обыкновенно безденежны, упорно отказываются отъ всякаго труда, особенно отъ земледѣлія, и только постоянно снуютъ по мѣстечкамъ и селамъ—съ цѣлію что либо для своего существованія добыть легкими способами, которые доведены у нихъ до удивительной утонченности. Въ слѣдствіе такой взаимной связи, такого состоянія и направленія евреевъ, во всякой странѣ, куда успѣетъ проникнуть хоть одинъ изъ

нихъ, вслѣдъ за однимъ, тотчасъ являются сотни его единоплеменниковъ, подъ предлогомъ близкаго своего съ нимъ родства, или необходимыхъ торговыхъ къ нему отношеній [1].

Казалось бы, имѣя возможность успѣшно производить торговлю, евреи станутъ заниматься ею честно, чуждаясь плутовства и низкихъ средствъ къ обогащенію. Но общее ихъ ненасытимое корыстолюбіе, особенно же правила и уроки Талмуда, внушаемые имъ изъ дѣтства шарлатанами и фанатиками, безпрестанно побуждаютъ ихъ употреблять самые подлые способы, уловки, хитрости и подкопы, ко вреду христіанъ.

Еврей, ревностно слѣдующій ученію Талмудовъ, дѣйствительно не можетъ весть свои дѣла честно и соблюдать справедливость въ отношеніяхъ съ людьми другихъ вѣроисповѣданій; потому что Талмуды внушаютъ ему вотъ какіе догматы и правила [2]:

---

[1] Малороссіяне сравниваютъ евреевъ въ этомъ отношеніи съ клопами и говорятъ: „жиды, якъ клопы, — де одинъ появится, тамъ черезъ день буде ихъ тысяча".

[2] Послѣ того уже, какъ написана авторомъ эта статья, выпущенъ въ свѣтъ 25 № газеты День, 31 марта 1862 г., гдѣ напечатана статья г. А. Александрова. „Нѣсколько словъ о Талмудѣ". Для соображенія и сличенія дѣлаемъ слѣдующую выписку изъ статьи г. Александрова: „Вотъ чему учитъ нынѣшній Талмудъ и Библія, протолкованная раввинами:

„Человѣкомъ не признается никто другой, кромѣ іудея; ибо одни іудеи произошли отъ перваго человѣка, а всѣ прочіе народы—отъ нечистаго духа, и должны собственно называться скотами (Valkout Reoubeni. Parasha. fol. 10, col. 2). Они одни происходятъ отъ Адама, Авеля, Авраама и Моисея, а всѣ прочіе народы, и въ особенности христіане, отъ діавола, Каина, Исава и Іисуса Христа (cf. Valcout Chadash, in voc. Adam; Buxt. Lex. Chald. Thalm. ib.).

Они—единый народъ пріятный Богу, который избралъ его своимъ народомъ и поставилъ его владыкой надъ всѣми прочими (Chullin 91, 2; Beracoth. 71).

Богъ, поразившій Египетъ однимъ пальцемъ своимъ истребитъ сыновъ Исавовыхъ (христіанъ) и сыновъ Измаиловыхъ (мусульманъ), всею дланью своей; ибо первые—враги народа Его, а вторые—Его собственные враги. R. Eliezer. Cap. 48 et al. Откуда ненависть іудеевъ ко всѣмъ прочимъ народамъ? Она низошла съ горы Синая, отвѣчаетъ Талмудъ, придерживаясь одного изъ значеній коренного слова *сина*.

Одни іудеи воскреснутъ и наслѣдуютъ блаженство жизни вѣчной (Sanh. 90—1); всѣ прочіе народы останутся на вѣки во гробахъ или въ аду; душа ихъ неспособна воскреснуть, ибо сказано: возвратятся въ адъ нечестивые, всѣ народы забывающіе Бога (Пс. 9, 18); а кто забывающіе Бога?—всѣ кутимы, отвѣчалъ Талмудъ, т. е. не іудеи (Sanhedrin 105, 1).

«Только вы, израильтяне, люди; прочіе же народы міра не люди, потому что происходятъ отъ нечистотъ Евы». (Emelchamelich (стр. 67).

«Только іудеи имѣютъ душу, прочіе народы не имѣютъ ея: смерть обращаетъ ихъ въ ничтожество; потому что со скотскою жизнію все оканчивается» (Resches Chochma том. 1, стр. 123). «Заповѣдь о любви ближняго обязательна только для евреевъ, и въ обращеніи съ евреями, но не относится къ людямъ другихъ вѣроисповѣданій. Вообще только евреи обязаны прово-

---

Въ молитвахъ своихъ іудеи говорятъ: Благословенъ Господь Богъ нашъ Царь міра всего, не сотворившій меня акумомъ или гоемъ, и не сотворившій меня рабомъ (слугой) (Buxt. Syn. Iud. C. v. p. 149, 151).

Если кто въ защиту скажетъ, что тутъ и въ слѣдующихъ за симъ изреченіяхъ Талмуда, слова гой и акумъ относятся только до язычниковъ, а не до христіанъ, то легко будетъ доказать, что запретительныя правила, высказанныя въ древности относительно язычниковъ (гой), повторяются и нынѣ съ той же строгостію относительно всѣхъ не-іудействующихъ. Впрочемъ, Маймонидесъ довольно ясно говоритъ: акумы и ноцеримы (христіане назареяне) подходятъ подъ одно общее названіе акумовъ (Maimon. Yad. Chasaka P. IV. 6, 10. № 9, fol. 296, col. 1); а Талмудъ прибавляетъ: Едомиты (христіане) тоже что акумы (Mishna Avoda Zara 11, 2). Факты же дѣйствительной жизни свидѣтельствуютъ сильнѣе всякаго ученія и письменныхъ доказательствъ. Бывавшіе въ Польшѣ и Западныхъ губерніяхъ очень хорошо знаютъ, что евреи никогда не называютъ насъ иначе, какъ гоями, Кромѣ того они почитаютъ насъ язычниками—за то, что мы будто покланяемся тремъ Богамъ, и покланяемся Христу, простому человѣку, который намъ ничѣмъ помочь не можетъ (R. Sos. Albo in libr. Sepher. Ikkarim, a D. 1425, Buxt. Syn. Iud. p. 15). Случается, что тѣ изъ евреевъ, которые похитрѣе, увѣряютъ, что уважаютъ въ христіанахъ народъ, который покланяется одному съ ними Богу; такія слова даже напечатаны на первыхъ страницахъ новаго изданія Талмуда вавилонскаго и въ молитвенныхъ книгахъ; но изъ послѣдующаго окажется, какъ евреи смотрятъ на обманъ и хитрости, относительно не-одноплеменниковъ своихъ.

Всякое зло, запрещаемое закономъ іудейскимъ противъ брата, противъ ближняго своего и товарища, запрещенно только относительно самихъ іудеевъ; ибо не-іудей не есть для нихъ ни братъ, ни ближній, ни товарищъ (Bava Metzia 3, 2); онъ недостоинъ никакого снисхожденія и никакого милосердія (Yevamot 23, 1).

Всякій подкупъ, неправедная мзда и лицемѣріе дозволяются іудеямъ относительно христіанъ; ибо сказано: дары бо ослѣпляютъ очи видящимъ и погубляютъ словеса праведна, Исх. 23, 8; также сказано: ниже да помилуеши ихъ, Второз. 7, 2; что значитъ: не давай не-іудеямъ что либо даромъ (примѣч. Р. Бехай въ Пятикнижію).

Далѣе Талмудъ учитъ: запрещается давать не іудеямъ что либо безъ лихвы, но съ лихвой дозволяется, ибо сказано: чуждему да даси въ лихву, брату же

ждать жизнь по заповѣдямъ Божіимъ, и всѣ ихъ нужды должны быть удовлетворяемы людьми другихъ вѣроисповѣданій» (Schem Mischiel стр. 18 и 22). «Позволительно евреямъ обманывать гоимовъ (не евреевъ); ибо сказано: «съ чистымъ будь чистъ, а съ развратными развратенъ», (Megilla стр. 13).

«Внѣшнихъ (т. е. христіанъ) не только позволительно, но и должно обманывать». Rabbi Levi ben Gerson въ толкованіи на Второзаконіе).

«Вы (евреи) должны всѣхъ необрѣзанныхъ... нетолько об-

твоему да не даси (Avoda Zara, Pisk. Thoseph. 77, 1. № 1. Yad. Chazaka, p. IV. fol. 172, Col. 1. Cap. V. № 1).

Человѣку праведному (іудею) дозволяется обманывать: съ невиннымъ будь невиненъ, съ нечестивымъ (христіаниномъ) будь нечестивъ (Thalm. Btva Bathra 1). Обманъ всякаго не-еврея дозволенъ (R. Samuel).

Не только іудею дозволяется обмануть не-іудея, но дозволяется ему удержать законно и всякую вещь, потерянную не-іудеемъ и попавшую въ руки перваго; ибо говоритъ Талмудъ: какъ знать, что потерянная гоемъ вещь дозволена? (Thal. Bava Kamma. 113, 2. edit. Venetiis). — А возвратившій такую вещь, да не ждетъ отъ Бога помилованія; ибо, объясняетъ Раши, онъ тѣмъ содѣлываетъ не-іудея соучастникомъ преимуществъ, закона, который данъ однимъ іудеямъ (cf Yoma 88, 1. in Pisk. Thoseph).

Іудей можетъ красть у христіанина; ибо сказано; не обидиши ближняго и не отнимеши, Лев. 19, 13. Сказано: ближняго, а не *гой*, ибо гой, т. е. всѣ другіе народы, не ближній для него (Thal. Bava Metzia. 111, 2). Вотъ еще подтвержденіе, что гой относится не собственно къ язычникамъ, но и ко всѣмъ прочимъ народамъ.

Свидѣтельство не-іудея да отвергнется безъ исключенія (Schulch. Aruc. Choshum Hammisch. fol. 40, 2. c. N. 34. § 19).

Законъ іудейскій запрещаетъ іудеямъ освободить не-іудея изъ какой бы то ни было опасности, которой подвергается жизнь его; ибо сказано въ Талмудѣ: запрещается спасать отъ смерти акума или не-іудея, ибо спасти его — значитъ увеличить число ихъ:—къ тому же сказано, да не помилуеши ихъ (Avoda Zara 26, 1; 20 I. in Thoseph).

Законъ дозволяетъ іудеямъ убивать всѣхъ не-іудействующихъ; ибо сказано: не возстанеши на кровь ближняго твоего (Лев. 19, 16); а мы знаемъ уже, какъ понимаютъ они ближняго своего (Sad. Chazak, p. IV. c. 4. § 11), и потому, говоритъ Маймонидесъ, всякій неубивающій, когда можетъ, нарушаетъ отрицательную заповѣдь (Sepher. Mitz. fol. 85. c. 2, 3). Убивайте праведнѣйшаго изъ язычниковъ или не-іудеевъ; онъ повиненъ смерти уже тѣмъ однимъ, что не іудей, и потому самому уже не можетъ быть чѣмъ либо годнымъ (Valkout Reoubeni 93, 1).

Отрицающій ученіе іудейское долженъ быть названъ еретикомъ, и законъ повелѣваетъ его ненавидѣть и губить (Maimonides, in animad. Mischnae, Sanhedrin).

манывать, но и умерщвлять. Если мы въ силахъ, станемъ истреблять ихъ открыто; если нѣтъ, то коварствомъ и навѣтами должны ускорять ихъ гибель и кончину». (Rabbi Moche-bar Maimon., въ комментаріѣ на трактатъ Талмуда Sandchedvn стр. 121).

«Если еврей найдетъ какую либо вещь, потерянную гоимомъ (не евреемъ); то не долженъ возвращать ее; потому что это ему запрещено» (Babbaim Bechaie Schem Mischiel, стр. 10).

«Непозволительно еврею открыто грабить гоима (не еврея), чтобы не навлечь на себя порицанія; но окрадывать скрытно позволительно». (Memoras hamur гл. II, стр. 13, и въ Талмудѣ Buwskimo).

Въ одной изъ молитвъ евреи взываютъ: «Излей ярость Твою, Боже, на языки, кои не знаютъ имени Твоего»,—разумѣя подъ язычниками всѣхъ не-евреевъ (Sider ahago).

Правда, въ издаваемыхъ въ наше время, подъ цензурою правительства, раввинскихъ твореній подобныя правила пропускаются: но многіе, особенно богатые евреи имѣютъ и хранятъ, какъ святыню, Талмуды старинныхъ изданій; иногда же евреи заводятъ типографіи тайныя, въ коихъ печатаютъ книги самыя враждебныя христіанамъ и правительству) [1]. Кромѣ того раввины и пропущенныя цензурою, какъ будто нравственныя правила—произвольно толкуютъ ко вреду другихъ вѣроисповѣданій. Обращая же вниманіе на общественную дѣятельность евреевъ, нельзя не заключать съ полнымъ убѣжденіемъ, что евреи руководствуются именно тѣми враждебными намъ правилами, что тѣ правила внушаютъ они молодымъ поколѣніямъ въ частныхъ училищахъ чрезъ меламедовъ или учителей, и такимъ образомъ проводятъ ихъ въ жизнь и осуществляютъ на

Вотъ вкратцѣ развитіе тѣхъ 10 заповѣдей, которыя одинаково лежатъ въ основаніи ученія христіанъ и іудеевъ, и которыя, какъ говорятъ иные, одинаково ими понимаются! Будутъ ли послѣ этого повторять: да въ чемъ же враждебенъ іудаизмъ христіанству? да въ чемъ же противоположенъ?

[1] 1848 года чиновники генералъ-губернатора князя А. Н. Голицына, открыли и захватили въ г. Копысѣ могилевской губерніи, печатавшіяся тайно книги самыя враждебныя христіанству и правительству.

практикѣ тѣмъ удобнѣе, что выборъ меламедовъ, или частныхъ наставниковъ, и даже мѣстныхъ раввиновъ предоставленъ произволу самихъ еврейскихъ общинъ.

Но духъ выше указанныхъ правилъ, надменное о себѣ мнѣніе, вражду противъ всѣхъ народовъ, увѣренность, что не только Палестина, а вся земля есть достояніе евреевъ, что имъ подобаетъ владычествовать въ мірѣ, что имъ должны быть порабощены и для ихъ выгодъ трудиться люди,—все это внушаютъ евреямъ не тѣ раввины, которые занимаютъ свой постъ въ городахъ и мѣстечкахъ, которыхъ поставляло и теперь утверждаетъ въ раввинскомъ званіи правительство, которыхъ поэтому евреи называютъ московскими, а раввины, пріобрѣтшіе славу необыкновенныхъ святошъ, дышущихъ чрезвычайнымъ фанатизмомъ, хотя и мѣстные тоже стараются угождать еврейскимъ общинамъ, питаютъ ихъ предразсудки, одобряютъ суевѣрныя ихъ идеи, содѣйствуютъ ихъ затѣямъ, внушаютъ имъ льстящія ихъ самолюбію, но враждебныя людямъ другимъ вѣроисповѣданій, мнѣнія. Высоко уважаемые и любимые евреями раввины, большею частію, нигдѣ не обучались еврейскому языку, методически, и не знаютъ его основательно. Поэтому евреи, обучавшіеся въ прусскихъ и германскихъ университетахъ, сравниваютъ ихъ съ тѣми изъ нашихъ дьячковъ, которые, читая церковныя книги, почти ничего въ нихъ не понимаютъ. На степень раввина общее мнѣніе евреевъ возводитъ какого либо еврея, преимущественно изъ секты хассидовъ, большею частію мистика, погруженнаго въ каббалу, который, какъ говорятъ евреи, будто бы постоянно молится и постится. Такими раввинами, почти безъ исключенія, бываютъ хитрые лицемѣры, обратившіе на себя вниманіе какими нибудь эксцентрическими поступками, и изувѣрными странностями привлекшіе къ себѣ многихъ послѣдователей, которые повсемѣстно превозносятъ ихъ святость и аскетическіе подвиги, увѣряя, что эти святоши будто не вкушаютъ почти пищи, въ молитвенные часы, отъ напряженнаго моленія, едва не на аршинъ погружаются въ землю, обладаютъ даромъ прозорливости и получаютъ отъ Бога

все, о чемъ просятъ, такъ, что могутъ творить чудеса. Распространеніемъ такихъ басенъ о прославляемомъ евреѣ постепенно образуется въ еврейскихъ общинахъ благопріятное для него мнѣніе, что тотъ еврей свѣтильникъ и столпъ дома Израилева, посланникъ небесъ, великій раввинъ, пророкъ. Въ слѣдствіе такой увѣренности, куда онъ ни обратится, его торжественно встрѣчаютъ и провожаютъ цѣлыя общины съ горящими свѣчами въ рукахъ, цѣлуютъ руки и полы его одежды, каждое слово его считаютъ вдохновеннымъ свыше откровеніемъ, каждое мнѣніе—догматомъ, каждое повелѣніе—закономъ, особенно же со стороны такихъ раввиновъ страшатся и трепещутъ проклятія, которое у евреевъ бываетъ трехъ видовъ: ниддуи, херемъ и шамата (Niddui, Cherem и Schamata).

Подобнаго сорта раввины славились въ свое время—межибожскій въ подольской губерніи, бердичевскій въ кіевской, слонимскій въ минской; въ могилевской же въ м. Любовичахъ и теперь есть раввинъ, весьма уважаемый евреями. Они собираются иногда въ какомъ нибудь мѣстечкѣ для совѣщаній объ общихъ интересахъ евреевъ и, всегда окруженные множествомъ своихъ клевретовъ, постоянно разсылаютъ ихъ въ разныя мѣста съ письмами къ другимъ раввинамъ и почетнѣйшимъ евреямъ, ревнителямъ Талмуда. Вслѣдствіе такихъ личныхъ и письменныхъ совѣщаній, тѣми раввинами нерѣдко возлагается на евреевъ всеобщій постъ, продолжающійся нѣсколько дней. Во время этого поста не запрещается еврею употреблять обыкновенную пищу; но каждый еврей, опредѣливъ по совѣсти, чего стоитъ дневное его содержаніе съ семействомъ, долженъ цѣну такой стоимости внесть, по числу дней наложеннаго поста, монетою, довѣренному для такого сбора лицу [1]. Собираемыя этимъ спо-

[1] Вотъ четвертый годъ проходитъ, какъ въ Одессѣ одинъ еврей, фанатикъ, вошедши въ великую пятницу въ костелъ, сталъ бить палкой рѣзное распятіе Іисуса Христа, лежавшее на коврѣ. Его передали полицейскому приставу и, подъ видомъ сумасшедшаго, помѣстили въ общественной больницѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ первый день свѣтлаго воскресенія Христова, когда христіане послѣ вечерни выходили изъ собора, молодые евреи, собравшись на улицахъ кучками, стали швы-

собомъ суммы доставляются избраннымъ ими главнымъ фанатикамъ, и употребляются, какъ они увѣряютъ, для общаго блага евреевъ, напр. для отклоненія отъ ихъ общинъ рекрутской повинности, для исходатайствованія евреямъ свободы продавать повсемѣстно водку, для устраненія надзора за провозомъ контрабанды и т. д. Тѣ, которымъ для подобныхъ цѣлей доставляются собранныя суммы, въ употребленіи никому не даютъ отчета; такъ какъ распоряженіе ими вполнѣ довѣряется ихъ совѣсти.

Что подобные сборы дѣйствительно возлагаются на еврейскія общины пріобрѣтшими у нихъ всеобщее уваженіе раввинами, въ томъ многіе евреи наединѣ сознаются. Но правительству при всѣхъ усиліяхъ не посчастливилось еще схватить нить, по которой можно было бы добраться до юридической достовѣрности такого сбора; потому что тѣже евреи, которые сознаются въ его дѣйствительности, утверждаютъ, что еслибы отъ нихъ потребовали показанія формальнаго, подъ присягою, то они торжественно отреклись бы отъ своихъ словъ. Въ такомъ случаѣ присяга хотя бы она произнесена была по всей, предписанной Талмудомъ формѣ, не связывала бы ихъ совѣсти; такъ какъ нарушеніе ея служило бы къ общей пользѣ евреевъ; а въ такомъ случаѣ клятвопреступленіе раввинами разрѣшается.

И нимало нельзя сомнѣваться, что дѣятельность евреевъ, обитающихъ въ западныхъ областяхъ Россіи, управляется именно такими правилами и пружинами. Русскіе журналисты, принявшіе на себя, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, обязанность превозносить евреевъ непомѣрными, безотчетными и даже лживыми похвалами, вовсе не имѣютъ вѣрнаго о нихъ понятія. Еслибы нашимъ журнальнымъ памфлетистамъ довелось прожить по крайней мѣрѣ два—три года въ какомъ нибудь городѣ, или мѣстечкѣ западныхъ губерній; то, обративъ вниманіе на дѣй-

рять въ христіанъ камешками; когда же христіане, большею частію греческіе матросы, устремились на этихъ негодяевъ,—они разбѣжались. Такъ описано было это произшествіе въ l'Indépendance Belge и le Nord, такъ разсказываютъ о немъ и мѣстные жители Одессы. А русскіе журналисты провозгласили евреевъ совершенно невинными въ этомъ дѣлѣ, чуть не святыми, и съ какимъ-то злорадствомъ во всемъ обвиняли христіанъ!

ствіе и обращеніе евреевъ съ христіанами, они устыдились бы своихъ памфлетовъ и повели бы рѣчь о нихъ совершенно въ другомъ тонѣ. Они удостовѣрились бы, съ какою ревностію евреи слѣдуютъ въ обращеніи съ христіанами злонамѣреннымъ правиламъ своихъ Талмудовъ, и съ какою изумительною покорностію держатся того направленія, какое сообщаютъ ихъ дѣятельности пріобрѣтшіе ихъ довѣріе раввины и фанатики, пламенно ревнующіе о томъ, чтобы евреи ни на волосъ не отступали отъ своихъ обрядовъ и правилъ въ сношеніяхъ съ христіанами, но со всею точностію слѣдовали правиламъ и внушеніямъ Талмудовъ.

Въ подтвержденіе всего изложеннаго можно бы представить безчисленное множество доказательствъ. Но довольно указать по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя дѣйствія евреевъ, отнюдь ни для кого въ западныхъ областяхъ не составляющія тайны. Итакъ:

Всѣмъ извѣстна пламенная страсть евреевъ торговать контрабандными товарами. Для безопаснаго же провоза и защиты ихъ отъ пограничной стражи, на предѣлахъ Австріи и Пруссіи, евреи содержатъ большія, вооруженныя шайки, которыя, въ случаѣ, если бы на обозъ съ контрабандными товарами напали объѣздчики, отражаютъ ихъ оружіемъ, при чемъ почти всегда совершаются смертоубійства. На одно изъ такихъ происшествій указываетъ «Сѣверная пчела» за 1862 годъ № 68, стр. 272. Провезенные такимъ или другимъ образомъ контрабандные товары словно чудомъ помѣчаются таможенными клеймами и пломбируются будто дѣйствительно провезенные чрезъ таможню; послѣ чего они уже открыто продаются въ лавкахъ. Если же привезены такіе товары, которыхъ ввозъ изъ-за границы рѣшительно запрещенъ правительствомъ, и слѣдовательно открыто продавать ихъ нельзя; то они хранятся до нѣкотораго времени, частію въ притонахъ, устроенныхъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ лѣсахъ, а частію въ огромныхъ, по городамъ, старинныхъ погребахъ, непроницаемыхъ для самаго зоркаго посторонняго глаза. Одинъ изъ указанныхъ притоновъ, наполненный

контрабандными товарами, въ 1859 году открытъ былъ земскою полиціею возлѣ м. Лядовъ могилевской губерніи, оршанскаго уѣзда. По этому случаю производилось тамъ изслѣдованіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Кто же осмѣлится утверждать, что еврейская торговля производится не въ подрывъ государственныхъ доходовъ и не ко вреду честныхъ купцовъ, которые провозятъ иностранные товары чрезъ таможню, уплачивая за нихъ положенныя тарифомъ пошлины, и потому не могутъ продавать ихъ такъ дешево, какъ евреи?

Всѣмъ извѣстно также, что самый полновѣсный червонецъ побывавъ въ еврейскихъ рукахъ не болѣе часа, теряетъ вѣсъ и нормальную свою цѣну. А многіе евреи принялись еще поддѣлывать кредитные билеты и чеканить фальшивую монету. Такъ въ 1859 году возлѣ губернскаго г. Могилева схвачено нѣсколько евреевъ, занимавшихся печатаніемъ поддѣльныхъ кредитныхъ билетовъ, а одинъ, отливавшій по устроенной имъ формѣ, фальшивые рубли, наподобіе серебряныхъ, изъ составленной имъ металлической смѣси. Въ началѣ же сего 1862 г. пойманы пять евреевъ въ Англіи, въ то самое время, когда готовились они провезти въ Россію милліоны поддѣльныхъ кредитныхъ билетовъ, не только пятидесяти, но и десяти и пяти рублевыхъ (Сѣверная пчела 1862, № 46, стр. 183. № 93, стр. 209). Очевидно, что эта затѣя имѣла цѣлію съ одной стороны подорвать государственный кредитъ, съ другой—ограбить бѣдныхъ крестьянъ, скупивъ у нихъ хлѣбъ и рабочій скотъ за ничто, за подложные кредитные билеты, которые, оказавшись повсемѣстно фальшивыми, не имѣли бы никакой цѣны.

Къ подрыву также государственныхъ доходовъ, евреи подобно раскольникамъ, всемѣрно стараются скрывать свою числительность, чтобы меньше платить податей. Да и по той своей числительности, которую объявляютъ правительству, не вносятъ они въ казну сполна всей суммы, какую внести обязаны. На еврейскихъ общинахъ повсемѣстно числятся значительныя недоимки, отъ взноса коихъ евреи упорно отказываются, выставляя

на видъ свою бѣдность и мнимую несостоятельность, хотя обладаютъ огромными капиталами.

Ни для кого не тайна и то, что взападныхъ областяхъ всѣ промыслы, вся торговля, всѣ казенные подряды — въ рукахъ еврейскихъ; что если они допускаютъ кого либо изъ христіанъ къ подрядамъ, то неиначе, какъ въ слѣдствіе предварительныхъ, тайныхъ съ евреями условій: въ противномъ случаѣ своими кознями доведутъ они смѣльчика не только до убытка, но и до разоренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ евреи овладѣли и всѣми ремеслами, за исключеніемъ весьма не многихъ: портные, сапожники, золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастера, кровельщики, столяры, переплетчики, маляры, типографы, въ западныхъ губерніяхъ—все евреи; хотя заказываемыя имъ работы производятъ чрезвычайно небрежно, и почти всегда съ убыткомъ для заказчика. Имѣя же въ своихъ рукахъ всю торговлю, и взыскивая за свои издѣлія какія угодно цѣны съ мѣстныхъ жителей, они угнетаютъ цѣлый край. Всего же изумительнѣе быстрая стачка евреевъ, вслѣдствіе которой извѣстный товаръ, продававшійся наканунѣ по какой нибудь опредѣленной цѣнѣ, на другой день, поутру, на всемъ пространствѣ, гдѣ только торгуютъ евреи, продается вдвое дороже. Деньги, еще поутру имѣвшія такую-то цѣнность, подъ вечеръ, въ одно, такъ сказать, мгновеніе, либо падаютъ у нихъ въ своей цѣнѣ, либо неимовѣрно возвышаются.

Еврейскіе проценты, которые взимаютъ они съ своихъ должниковъ, вошли въ пословицу. Но для предосторожности, полезно знать и то, какъ искусно умѣютъ они деньги у христіанъ занимать на вѣки. Вотъ образецъ такого искусства. Вывѣдавъ, что у кого нибудь есть наличный, значительный капиталъ, еврей обыкновенно лестію, и какими нибудь пустыми услугами, вымолитъ у капиталиста заимообразно небольшую сумму, съ обѣщаніемъ платить за пользованіе ею весьма хорошіе проценты. Затѣмъ станетъ своевременно, даже до срока, исправно вносить ихъ, и всякій разъ представлять взятое заимообразно количество денегъ, предлагая заимодавцу взять эту сумму обратно. Заимодавецъ, увѣрившись, что еврей уплачиваетъ проценты

исправно, всегда въ срокъ, и что во всякое время готовъ возвратить взятую заимообразно сумму,—предлагаетъ еврею держать ее еще на прежнихъ условіяхъ. Такъ будетъ поступать еврей нѣсколько лѣтъ. Наконецъ замѣтивъ, что пріобрѣтено уже совершенное довѣріе заимодавца, и вывѣдавъ обстоятельно, какой можно выманить у него капиталъ въ самомъ большомъ количествѣ, онъ выбираетъ благопріятное время, и является къ заимодавцу съ придуманною сказкою: будто ему представляется чрезмѣрно выгодная торговая операція, для произведенія коей нуженъ такой-то капиталъ, именно вся та сумма, какая у заимодавца есть въ наличности; вмѣстѣ съ тѣмъ еврей станетъ еще увѣрять, что онъ не имѣетъ надобности пользоваться требуемою суммою въ теченіе цѣлаго года, но возвратитъ ее сполна чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Выманивъ такимъ образомъ у своего заимодавца весь его капиталъ, еврей спокойно раздѣляетъ его между своими сыновьями и зятьями, которые по виду торгуютъ самостоятельно, такъ какъ живутъ отдѣльно, а самъ торжественно объявляетъ себя банкротомъ. Такимъ образомъ капиталъ заимодавца пропадаетъ навсегда, невозвратно; а сыновья и зятья еврея станутъ утверждать, будто они не имѣютъ никакого понятія объ операціяхъ отца.

Бываютъ еще вотъ какіе случаи. Христіане, не имѣя наличныхъ денегъ, иногда принуждены брать товары, для своего обихода, въ еврейскихъ лавкахъ, подъ росписки, съ обязательствомъ уплатить по нимъ въ положенный срокъ. При уплатѣ еврею долга, необходимо весть счетъ забранному товару по имѣющимся у него роспискамъ, а не по долговой его книгѣ, или, по меньшей мѣрѣ, за взятые въ долгъ товары уплачивать при свидѣтеляхъ, какъ бы еврей ни льстилъ, сколько бы ни клялся, увѣряя, будто росписки затерялись. Въ противномъ случаѣ еврей, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ разсчета и уплаты ему долга, отыщетъ тѣ росписки, и съ циническимъ безстыдствомъ снова станетъ требовать по нимъ денегъ съ бывшаго должника. А какъ уплатившій естественно отказывается отъ такой напасти; то еврей, съ приложеніемъ тѣхъ записокъ, обыкновенно

заведетъ въ уѣздномъ судѣ искъ,—и случается, что за одни и тѣже товары получаетъ плату въ другой разъ; потому что евреи знаютъ искусство преклонять суды на свою сторону.

Заключитъ ли еврей съ какимъ либо владѣльцемъ контрактъ на право—вырубить въ его лѣсу для своего употребленія, положимъ, двѣсти строевыхъ деревъ: онъ непремѣнно вырубитъ ихъ четыреста и болѣе, и вывезетъ разными путями въ опредѣленное для склада мѣсто. Для этой цѣли задобритъ онъ впередъ занимающихся рубкою лѣса мужиковъ, станетъ ежедневно поить ихъ водкою; а дабы скрыть свои плутни, будетъ по временамъ требовать отъ владѣльца освидѣтельствованія на мѣстѣ нѣсколькихъ десятковъ срубленныхъ деревъ. Такое требованіе освидѣтельствованія тѣхъ деревъ еврей разсчитаетъ такъ, что по освидѣтельствованіямъ окажется, будто онъ не вырубилъ условленнаго контрактомъ количества, и это — съ тою цѣлію, чтобы представлено было ему право рубить лѣсъ и въ теченіе другой зимы. Если же владѣлецъ, убѣжденный въ плутовствѣ еврея, по окончаніи срока контракту, заключитъ договоръ на туже операцію съ другимъ контрагентомъ; то первый заведетъ съ владѣльцемъ самый ябеднической искъ, утверждая, будто тотъ владѣлецъ разорилъ его, не допустивъ срубить условленнаго количества деревъ; будто онъ, обязавшись доставить это количество лѣсу въ такой-то городъ, не въ состояніи выполнить договора, будто посему теряетъ столько-то вѣрной прибыли, и подвергается еще взысканію по законамъ, за невыполненіе условій контракта, заключеннаго съ такимъ-то лицомъ или присутственнымъ мѣстомъ.

Путешествующій по западнымъ губерніямъ Россіи не можетъ не удивляться, что въ нихъ центры городовъ и мѣстечекъ заселены евреями, а предмѣстія и окрестности — христіанами. Восемьдесятъ и даже шестьдесятъ лѣтъ до настоящаго времени было совсѣмъ напротивъ. Тогда въ этихъ городахъ и мѣстечкахъ евреи хотя тоже имѣли свои дома и лавки, однакожь лучшія улицы заняты были христіанами, которые торговали тамъ въ собственныхъ лавкахъ. Но евреи успѣли своими сред-

ствами отнять у христіанъ ихъ усадьбы, и вытѣснить ихъ изъ городовъ и мѣстечекъ въ предмѣстья, либо заставить переселиться въ другую сторону. Какими средствами? Имѣя возможность пріобрѣтать товары по самымъ дешевымъ цѣнамъ, къ подрыву христіанъ, занимавшихся торговлею, но предметы торговли пріобрѣтавшихъ законными путями, евреи тѣже вещи продавали покупателямъ несравненно дешевле, чѣмъ христіане, которыхъ товары поэтому тлѣли въ лавкахъ безъ сбыту. Отъ этого послѣдніе потеряли свои капиталы и разорились. Одни изъ нихъ хотѣли заглушить свое горе неумѣреннымъ употребленіемъ хмѣльныхъ напитковъ и, пристрастившись къ этому, окончательно обнищали; другіе рѣшились поправить свои дѣла, сдѣлавъ заемъ денегъ у тѣхъ же евреевъ на разорительные проценты, подъ залогъ своихъ домовъ и лавокъ; но, такъ какъ не въ состояніи были своевременно уплатить долговъ, то впали также въ ужасную нищету и, оставивъ свои домы и лавки заимодавцамъ, выселились изъ городовъ и мѣстечекъ.

Теперь въ западныхъ губерніяхъ всѣ сословія, а особенно земледѣльческое, состоятъ почти въ совершенной зависимости отъ евреевъ: потому что въ еврейскихъ рукахъ, какъ выше сказано, вся торговля жизненными продуктами и всякаго рода. Чтобы видѣть всю тягость зависимости нашихъ земледѣльцевъ отъ еврейской разорительной торговли, стоитъ только обратить вниманіе на то, какимъ образомъ евреи закупаютъ у крестьянъ добытыя тяжкими трудами стяжанія, какъ-то: хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, сѣно, домашнихъ животныхъ, коровъ, воловъ, лошадей, птицъ, яйца, ленъ, коноплю, холстъ и проч. Для закупки этихъ продуктовъ, по своимъ цѣнамъ, евреи ведутъ приблизительно вѣрную статистику хлѣбныхъ произрастеній въ мѣстахъ своего жительства, и по своимъ соображеніямъ, еще тогда, какъ хлѣбные плоды—на корнѣ, не сжаты и не собраны; и, оцѣнивъ ихъ мысленно, подъ конецъ іюля, или въ началѣ августа, объявляютъ уже цѣны на всѣ жизненные продукты. Для удобнѣйшей же операціи хлѣбною торговлею и устраненія между собою всякаго соперничества и споровъ, у евреевъ, разумѣется,

также мысленно, раздѣлены цѣлыя губерніи на малые округи, состоящіе изъ селъ, ближайшихъ къ тому городу, или мѣстечку, изъ коихъ евреи отправляются для закупки жизненныхъ припасовъ [1]. Если еврей какого либо такого округа осмѣлится съ торговою цѣлію зайти въ села, лежащія не вблизи его города или мѣстечка: то подвергается жестокому преслѣдованію, что впрочемъ случается весьма рѣдко. Но, для закупокъ этого рода, евреи отправляются въ села неиначе, какъ съ нѣсколькими въ карманахъ штофами самаго крѣпкаго, одуряющаго хлѣбнаго вина, и по селамъ, ходя изъ хаты въ хату, сперва льстиво здороваются съ хозяевами и увѣряютъ ихъ, что они такъ долго не видѣлись, что уже соскучили; и вотъ теперь нарочно зашли повидаться; затѣмъ, вынимаютъ изъ кармана водку и начинаютъ потчивать хозяевъ. Предчувствуютъ, даже знаютъ бѣдные крестьяне, къ чему клонится это потчиваніе: но, такъ какъ евреи съ одной стороны цѣлые уже вѣка всемѣрно старались пріучить ихъ къ пьянству, съ другой, при торговыхъ съ ними сдѣлкахъ, до того умѣютъ польстить имъ, пробудить въ нихъ самолюбіе, увѣрить ихъ, будто они весьма важные хозяева, будто ихъ нельзя не любить и не уважать; то и эти прошлецы мало по малу достигаютъ своей цѣли. —Крестьяне рѣшаются погулять на славу и выказать себя предъ другими, принимаютъ подносимую водку и пьютъ ее до опьянѣнія. Тогда еврей начинаетъ договариваться съ крестьяниномъ на счетъ цѣны и количества покупаемыхъ у него продуктовъ, предлагая за нихъ самую ничтожную плату. Сознаетъ это бѣдный хозяинъ: но онъ уже пьянъ, и притомъ знаетъ, что когда крайне понадобятся ему деньги, напр. на какую нибудь подать, не у кого будетъ занять ихъ, кромѣ какъ у еврея, хотя бы то за самые тягостные проценты, соглашается наконецъ уступить покупаемый продуктъ за предлагаемую евреемъ плату, и требуетъ у него денегъ. Но еврей возражаетъ, что покупка еще не доставлена, что когда она будетъ доставлена, онъ раз-

[1] Въ истинѣ сего удостовѣряли пишущаго управители большихъ имѣній и владѣльцы.

считается съ крестьяниномъ честно, и сполна уплатитъ ему, что будетъ слѣдовать. По доставкѣ приторгованныхъ продуктовъ, крестьянинъ требуетъ за нихъ отъ еврея платы; но еврей дотолѣ не станетъ разсчитываться съ крестьяниномъ, пока снова не напоитъ его до пьяна. Тогда, взявъ мелокъ, начинаетъ съ нимъ разсчитываться, приводя ему на память: сколько въ разныя времена выпилъ онъ водки у него въ шинкѣ, или сколько взялъ на домъ. Въ числѣ же еврейскихъ припоминаній бываютъ и такія, напр.: «тогда-то ты, любезный, присылалъ ко мнѣ дочку, чтобы я далъ тебѣ въ долгъ штофъ водки.» Да, присылалъ, повторяетъ мужикъ. «А я не далъ.» То-то, подверждаетъ крестьянинъ, не далъ. «Такъ значитъ одинъ штофъ». Да, одинъ, отвѣчаетъ мужикъ. «Смотри же, любезный, я напишу одинъ», говоритъ еврей, и проводитъ на столѣ одну черту. Затѣмъ слагаетъ написанныя мѣломъ черты, и объявляетъ мужику: сколько отъ него слѣдуетъ денегъ за взятую у него или выпитую въ долгъ водку, вычитываетъ этотъ долгъ изъ итога денегъ, по безсовѣстному разсчету на половину уменьшеннаго, по которому слѣдуетъ уплатить крестьянину деньги, за купленный у него продуктъ, и уплачиваетъ за него по большой части солью или вяленою рыбою, по цѣнѣ выше нормальной, рѣдко деньгами; крестьянинъ же, отуманенный виномъ, на все соглашается.

Впрочемъ евреи обращаются съ крестьянами льстиво только тогда, когда отправляются въ села для задуманныхъ покупокъ и торгуютъ у себя водкою. Цѣль ихъ лести вопервыхъ та, чтобы удобнѣе достигнуть своихъ желаній, вовторыхъ та, чтобы не подвергнуться въ селахъ нападенію отъ крестьянъ за обидное и дерзкое съ ними обращеніе. Но когда усматриваютъ они, что мужика гдѣ нибудь можно прижать, открыто обидѣть и даже прибить: тогда дѣйствуютъ со всею наглостію. Случается напр., что крестьянинъ, вынужденый продать что нибудь изъ своего хозяйства, для покупки на вырученныя деньги соли, или другаго чего, крайне необходимаго, вывозитъ на базаръ вишень или яицъ, но не въ базарный день, а въ будни, когда тамъ христіанъ не бываетъ. Въ такомъ случаѣ, какъ скоро крестьянинъ явился на ба-

зарѣ, вдругъ обступитъ его толпа евреевъ, спрашивая, что онъ продаетъ, и подъ предлогомъ предварительнаго дознанія, свѣжи ли продукты, каждый хватаетъ нѣсколько изъ того, что привезено, и исчезаетъ. А какъ крестьянинъ въ такой суматохѣ не можетъ хорошо замѣтить ни одного изъ хищниковъ, притомъ не видитъ и христіанъ для засвидѣтельствованія о нанесенномъ ему убыткѣ, то, разсудивъ, что если бы кому и сталъ онъ жаловаться, то не получилъ бы удовлетворенія, отправляется съ горестію обратно въ свое село. Не безопасны бѣдные крестьяне отъ еврейскихъ плутней, когда вывозятъ на базаръ свои продукты и въ торговые дни. Впрочемъ, евреи такъ изобрѣтательны въ способахъ обманыванія и притѣсненія бѣдныхъ крестьянъ, что слѣдить за всѣми видами ихъ лукавства и пересказать ихъ невозможно.

Прискорбнѣе всего то, что живущіе между евреями крестьяне, въ средствахъ своего существованія завися отъ безсовѣстной торговли этихъ пришлецовъ, незамѣтно теряютъ даже уваженіе къ требованіямъ христіанской вѣры и Церкви, такъ что наконецъ становятся христіанами только по имени. Отправляясь съ своими продуктами на торгъ, въ праздничные и воскресные христіанскіе дни, они никакъ не могутъ быть на богослуженіи ни въ своей приходской церкви, ни въ какой другой того города или мѣстечка; потому что, опасаясь оставить свой товаръ и лошадей безъ надзора, стоятъ при своихъ возахъ до продажи всего, что ими привезено, и отъ этого прозябаютъ будто безсловесныя животныя, не утѣшаясь благотворными истинами вѣры и не руководствуясь правилами христіанской жизни. Такъ какъ торги обыкновенно бываютъ по воскресенымъ и праздничнымъ днямъ, то крестьяне вовсе не празднуютъ ихъ; а евреи находятъ величайшее удовольствіе въ томъ, что доводятъ христіанъ до пренебреженія къ этимъ священнымъ временамъ, хотя бы то были дни Рождества и свѣтлаго Христова воскресенія. Чтобы доставить себѣ это удовольствіе, евреи нарочно отыскиваютъ отъявленныхъ между крестьянами пьяницъ, и въ эти дни заставляютъ ихъ рубить дрова, переносить или перевозить съ мѣста на мѣсто какія либо тяжести и т. д.; съ

самаго утра открываютъ кабаки и зазываютъ въ нихъ прохожихъ; а еврейки, отперши лавки и стоя возлѣ нихъ, занимаются какимъ нибудь рукодѣльемъ, какъ-то: шитьемъ, вязаніемъ чулковъ, хотя въ будни рѣдко случается замѣтить у нихъ такую досужесть. Между тѣмъ, пользуясь плодами земли, принадлежащей христіанамъ, находя защиту своего имѣнія и личности въ государственныхъ законахъ, проникнутыхъ духомъ Евангелія, даже состоя, можно сказать, подъ нѣкоторымъ покровительствомъ христіанской Церкви, такъ какъ она не вооружаетъ своихъ послѣдователей противъ евреевъ,—они, казалось бы, должны были скромнѣе вести себя въ воскресные и праздничные дни, тѣмъ болѣе, что это было бы сообразнѣе и съ духомъ Моисеева закона, который говоритъ: *боговъ не злословь и начальника не проклинай* (Исх. 22, 28).

Еврей о потерянныхъ кѣмъ либо изъ христіанъ и найденныхъ имъ вещахъ никогда не объявитъ. Равнымъ образомъ и краденныхъ, попавшихся въ руки еврею вещей, никакая полиція не отыщетъ. Притомъ евреи, убѣдившись, что какой нибудь мужикъ, или другаго сословія христіанинъ спился, какъ говорится, съ кругу, и что у него ничего уже нельзя выманить, стараются извлекать свою пользу и изъ этихъ сыновъ погибельныхъ, именно наущаютъ ихъ воровать,—указывая, гдѣ, что и какимъ образомъ украсть, съ тѣмъ, чтобы только краденныя вещи за извѣстную награду доставлены были имъ.

Но болѣе всего преслѣдуютъ евреи тѣхъ своихъ единоплеменниковъ, которые просвѣтились св. крещеніемъ, и всеусильно стараются довесть ихъ до гибели. Съ этою цѣлію они крещеннымъ мужчинамъ подбрасываютъ краденныя вещи и, затѣмъ взявъ поличнаго, схватываютъ ихъ, предаютъ въ руки полиціи, провозлашаютъ ворами; а крещенныхъ евреекъ всевозможными искушеніями и соблазнами доводятъ до открытаго самаго отвратительнаго разврата.

Изъ корыстныхъ видовъ, особенно сгарая желаніемъ отнять у христіанъ всѣ промыслы, евреи вмѣняютъ ни во что и законы Божіи. Такъ хотя раввины ихъ и учатъ, что кто соблю-

даетъ субботу, тотъ соблюдаетъ весь законъ, а въ законѣ относительно празднованія субботы сказано: *Седмый день суббота Господу Богу твоему! не дѣлай въ этотъ* (день) *никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни раба твоя, ни волъ твой, ни оселъ твой, ни всякій скотъ твой:* однако, евреи подряжаются напримѣръ содержать казенную почту, исправляютъ ее наемными служителями, хотя, правду сказать, исправляютъ эти принятыя на себя обязанности чрезвычайно дурно. Извѣстно также, что законъ запрещаетъ евреямъ употреблятъ свиное мясо и всякій жиръ; а талмудисты внушаютъ даже не прикасаться къ такому мясу: но евреи открыто торгуютъ свинымъ мясомъ и саломъ.

Достойно замѣчанія и то, что евреи, узнавъ объ эпидемическомъ падежѣ скота, тотчасъ отправляются скупать зачумленный скотъ, и говядину такихъ быковъ и коровъ продаютъ христіанамъ. Правда, узнавъ объ этомъ, полиція строго запрещаетъ продажу подобной говядины, и за продажу ея подвергаетъ евреевъ отвѣтственности; но пока полиція узнаетъ объ этомъ, евреи успѣваютъ продать христіанамъ весь свой товаръ. А вотъ въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ за 1861 г. и въ русской «Иллюстраціи» за 1862 годъ № 205, напечатано извѣстіе: «что въ Радомыслѣ, кіевской губерніи, полиція получила свѣдѣніе, что мѣстные мясники евреи, вмѣсто баранины продаютъ битыхъ собакъ. Поэтому 16 числа ноября 1861 года, осмотрѣны были мясныя лавки евреевъ, и въ одной изъ нихъ найдены три убитыя собаки, съ которымъ евреи снимали кожи. Лавка была немедленно запечатана и къ ней приставленъ караулъ; но когда въ слѣдующее утро полиція прибыла съ понятыми и медикомъ для составленія акта, — въ лавкѣ, вмѣсто собакъ, найдена свѣжая говядина, самаго лучшаго сорта, между тѣмъ печати, приложенныя къ дверямъ лавки не были повреждены. Оказалось, что евреи, ночью, пользуясь оплошностію приставленнаго караула, разобрали заднюю стѣнку лавки и положили говядину вмѣсто собакъ, которыя потомъ найдены подброшенными въ саду одного сосѣдняго дома».

Сколь ни обидно для христіанъ такое поведеніе евреевъ,

при всемъ томъ они дѣйствуютъ постоянно и даже съ нѣкоторымъ прогресивво возрастающимъ противъ христіанъ озлобленіемъ,—дѣйствуютъ тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, что успѣваютъ пріобрѣтать себѣ сильныхъ покровителей, которые почти всегда оправдываютъ ихъ дѣйствія, самыя беззаконныя. Для пріобрѣтенія же такихъ покровителей евреи не только не щадятъ никакихъ суммъ, никакихъ жертвъ, но даже рады, когда узнаютъ, что заискиваемое лицо, могущее покровительствовать имъ въ беззаконныхъ предпріятіяхъ, не отказывается отъ ихъ приношеній. Поэтому, узнавъ характеръ, склонности и страсти того лица, евреи поспѣшаютъ ублажать его своими жертвами, въ полной увѣренности, что подъ его защитою, сугубо взыщутъ свои жертвы съ мѣстныхъ христіанъ торговыми оборотами. А чтобы долѣе пользоваться такимъ положеніемъ, постараются обезопасить своего покровителя, станутъ до небесъ превозносить мнимое его безкорыстіе и правосудіе. Напротивъ, кто отвергаетъ ихъ жертвы, тотъ подвергается самой сильной ихъ злобѣ. Его провозгласятъ они отъявленнымъ взяточникомъ, мучителемъ, тираномъ, станутъ изыскивать всевозможныя средства къ его низложенію, и съ этою цѣлію высшія правительственныя изстанціи забросаютъ ябедническими на него жалобами, а злословіемъ и клеветами уронятъ въ обществѣ доброе его имя.

Не находя покровительства мошенническимъ своимъ дѣйствіямъ въ высшихъ сословіяхъ общества, евреи находятъ покровъ и защиту на степеняхъ низшихъ, и тѣмъ легче, что это менѣе имъ стоитъ. А какіе они мастера склонять на свою сторону, кого бы то ни было и поколебать, повидимому, самое безкорыстное правосудіе! Если бы нельзя было имъ снискать чье нибудь покровительство денежными приношеніями: то они снискиваютъ его другими способами. Вывѣдавъ напр. чрезъ задобренную напередъ прислугу того лица, которое желаютъ преклонить на свою сторону, какія у него склонности и страсти, что нравится его супругѣ и дѣтямъ, они тотчасъ удовлетворяютъ ихъ расположеніямъ и увлекаютъ сердца ихъ въ пользу своего дѣла. Если заискиваемое лицо имѣетъ наприм.

пристрастіе къ хорошимъ лошадямъ: то евреи не замедлятъ достать и для виду будто продадутъ ему, почти за ничто, такихъ лошадей, какими обладать любитель ихъ и не мечталъ. Если супруга заискиваемаго лица имѣетъ пристрастіе къ нарядамъ, то евреи несутъ ей самыя рѣдкія, отличныя матеріи, дорогія склаважи, и т. п., и все это однакожь подъ видомъ продажи. Словомъ, — для своихъ корыстныхъ видовъ, для безсовѣстной наживы отъ христіанъ, еврей не пощадитъ никакихъ жертвъ, не пожалѣетъ даже кровныхъ своихъ союзовъ, и, дѣйствуя въ своихъ видахъ постоянно, упорно, настойчиво, всегда, если не однимъ, то другимъ способомъ, рано или поздно, достигаетъ своихъ цѣлей.

Имѣя въ виду такое обращеніе евреевъ съ христіанами и такія дѣйствія ихъ, въ западныхъ областяхъ Россіи, нѣтъ еще повода утѣшаться надеждою, что они въ непродолжительномъ времени сольются во единo съ христіанскимъ обществомъ и перестанутъ дѣйствовать къ его вреду.

Что же? Убѣждаясь въ обидномъ до низости обращеніи евреевъ съ христіанами, станемъ ли мы питать въ своемъ сердцѣ ненависть къ нимъ и преслѣдовать ихъ? Сохрани насъ Богъ! Напротивъ, по заповѣди Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, мы должны обращаться съ ними братолюбно, поступать праведно, особенно же пламенно молиться, — да приведетъ ихъ благость Божія неисповѣдимыми своими судьбами къ познанію божественныхъ истинъ Евангелія Христова. Но, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, мы обязаны однакожь соблюдать чрезвычайную осторожность въ обращеніи и въ сношеніяхъ съ евреями, поступать осмотрительно въ высшей степени, предостерегать отъ еврейскихъ козней и меньшихъ братій нашихъ, кретьянъ; — словомъ дѣйствовать такъ, чтобы всѣ еврейскія ухищренія не причиняли намъ никакого вреда. Тогда евреи, убѣдившись, что христіанъ трудно по прежнему обманывать, станутъ волею—неволею, производить торговлю честно и войдутъ въ болѣе искреннюю связь съ христіанскимъ обществомъ.

1862 г.

СТАРЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И ЧИТАННАГО О ПРОИЗШЕСТВІЯХЪ, СОВЕРШИВШИХСЯ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ОБЛАСТЯХЪ РОССИИ И ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ, СЪ 1793 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

По случаю послѣдняго мятежнаго возстанія въ царствѣ Польскомъ, такъ много было говорено въ разныхъ русскихъ журналахъ о состояніи бывшей Польши, во время ея самостоятельности, объ образованіи ея самозваннаго народнаго польскаго управленія (rżądu), объ его распоряженіяхъ, вліяніи на помѣщиковъ, особенно на мелкую шляхту, на мѣщанъ, челядь, мастеровыхъ и разную сволочь, что всѣ, кажется, симптомы и фазисы продолжающагося бунта поляковъ вѣрно подмѣчены и достаточно описаны. Но никто не возметъ на себя труда ясно указать, съ какого времени, какія побужденія были употреблены главными польскими агитаторами къ произведенію прежнихъ и настоящаго бунтовъ, какими средствами и путями проведены были въ сердца мятежниковъ тѣ экзальтаціи, которыя распалили ихъ до иступленія?—Особенно никто, кажется, изъ русскихъ журналистовъ не раскрылъ, отчего конституціонная хартія, дарованная Александромъ I царству Польскому, не успѣла достигнуть полнаго своего развитія? Настоящая статья имѣетъ въ виду отвѣчать на эти вопросы.

Бывшую Польшу довели до окончательнаго разложенія, какъ цѣлому міру извѣстно, анархія и іезуитскій фанатизмъ, котораго пропаганда пользовалась всѣми родами гоненій, мукъ, по-

смѣяніемъ и уничиженіемъ восточныхъ обрядовъ и православнаго духовенства—для того, чтобъ окатоличить и ополячить русскія области, которыя князь литовскій Ягайло, по случаю женитьбы на Ядвигѣ, послѣдней отрасли династіи Пястовъ, сдѣлавшись королемъ польскимъ, будто бы присоединилъ къ Польшѣ de facto. Но какъ западная Русь, искони составлявшая одно тѣло съ великою Россіею, за тѣмъ федеративныя съ нею удѣльныя княжества, послѣ разгрома Россіи нашествіемъ татаръ, большею частію добровольно примкнули къ Литвѣ, чтобъ имѣть опору въ борьбѣ съ татарами; то онѣ всегда чуждались соединенія съ Польшею. Доказательствомъ этой истины служитъ самая, такъ называемая, люблинская унія, или мнимое соединеніе западной Руси съ Польшею, на которое согласились только одни русскіе ея владѣльцы, воспитанные латинскими патерами, совратившіеся изъ православія въ латинство и увлеченные обаяніемъ своеволія польской аристократіи. Но владѣльцы, оставшіеся вѣрными православію, эту унію отвергли при самомъ ея началѣ, о согласіи же на нее массы русскаго народа, т. е., земледѣльцевъ, мѣщанъ и духовенства, даже и не спрашивали, и она всегда была противна духу русскаго народа и духовенства и произвела въ западной Руси безконечныя смуты и кровопролитія. Въ истинѣ этого сознаются сами добросовѣстные польскіе писатели исторіи Польши.

Со времени Сигизмунда III, Польша, словно по скользкой и крутой покатости, стремилась въ ископанную ею для себя бездну. Партіи богатой польской аристократіи не признавали ни власти, ни закона; буйный произволъ былъ закономъ ихъ. Шляхта перечила, сколько могла, формулированію и исполненію постановленій, имѣвшихъ въ виду уврачеваніе язвъ своего отечества. Такъ, напр.,—Чарторыжскіе, въ продолженіи тридцатилѣтняго царствованія Августа III, не допустили ни одного сейма до установленія какого либо полезнаго закона, но всѣ сеймы разрывали потому только, что не любили Августа [1]. Можно доказать, что ни

[1] Obraz Polski XVIII wieku.

одинъ изъ польскихъ магнатовъ не причинилъ и не причиняетъ столько зла Польшѣ, сколько его нанесли ей Чарторыжскіе, стремившіеся и стремящіеся къ властвованію въ мечтательной Польшѣ. Невольно способствовавъ воцаренію короля Станислава Августа, они, по родству съ нимъ, окружали его своими интригами и наушничествомъ и управляли имъ, какъ хотѣли: не допустили его управлять Польшей по образцу другихъ государствъ и требованію современныхъ обстоятельствъ.

Въ новѣйшее время польскіе публицисты паденіе Польши преимущественно приписываютъ этому королю. Напрасно. Станиславъ Августъ былъ мудрый король,—пламенно любилъ свое отечество; но рѣшительно не имѣлъ возможности уврачевать и укрѣпить политическое тѣло разлагавшагося въ теченіи вѣковъ, подточеннаго безурядицами, изъѣденнаго фанатизмомъ королевства: потому что не находилъ ни почвы, ни людей для своихъ дѣйствій ко благу отечества. Въ Польшѣ почти не было національнаго войска. Станиславъ предъявлялъ каждому сейму объ этомъ недостаткѣ, доказывалъ вопіющую и неотложную необходимость организаціи національныхъ военныхъ силъ по образцу сосѣднихъ государствъ, соотвѣтственно нуждамъ и случайностямъ отечества. Всѣ депутаты сеймовъ сознавали справедливость настаиванія короля; но когда доходила рѣчь до умноженія доходовъ государства, возвышенія податей и налоговъ на содержаніе арміи, всѣ депутаты отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ безпрестанныя почти конфедераціи, даже покушеніе на жизнь короля, отравляли его спокойствіе и ослабляли его силы. При всемъ томъ настойчивость Станислава Августа, патріотизмъ отчасти и тщеславіе нѣкоторыхъ аристократовъ образовали, наконецъ, польское войско, на содержаніе коего въ маломъ объемѣ, обращены были таможенные доходы и съ нѣкоторыхъ коронныхъ имѣній. Кромѣ того, въ составъ польскаго войска входили полки, образованные, обмундированные, снабженные оружіемъ и содержаніемъ на счетъ нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ, каковы Огинскій, Потоцкій и другіе. Такіе полки состояли изъ разной челяди и шляхты боль-

шею частію навербованной въ огромныхъ имѣніяхъ самихъ магнатовъ, которые считались главными начальниками этихъ отрядовъ и назначали въ это войско офицерами, кого хотѣли. Кромѣ того польское войско дополнялось такъ называемымъ товариществомъ (towarzystwo), въ которое поступали молодые шляхтичи подъ названіемъ товарищей (towarzysz), отъ коихъ требовалось, чтобы они, вооруженные, на своихъ лошадяхъ, съ вербованнымъ изъ бѣдной шляхты оруженосцемъ и запасными лошадьми, состояли въ войскѣ на собственномъ содержаніи. Оттого въ польской тогдашней арміи почти столько же было офицеровъ, сколько рядовыхъ, и хотя поляки тщеславились, что войско ихъ состояло изъ ста тысячъ человѣкъ, но послѣдствія показали, что ихъ было далеко менѣе. Вообще же на польское войско не могъ опереться король въ своихъ дѣйствіяхъ—тѣмъ болѣе, что оно пропитано было духомъ партій, волновавшихъ тогда Польшу. Оттого сами Чарторыжскіе неоднократно просили Екатерину II, чтобы она прислала въ Польшу русскія войска для поддержанія короля на престолѣ и обузданія шляхетскаго буйства.

Такое ослабленіе королевской власти происходило отъ того, что въ Польшѣ, среди старинной демократіи, образовалась настоящая безпримѣрная шляхетская іерархія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подлость, нищенское вымаливаніе низшею шляхтою у богатой подачи (żebractwo), начинаясь отъ владѣвшаго одною десятиною земли (zagón), восходило до ступеней престола. Польша имѣла аристократовъ, потрясавшихъ (wichrzących) цѣлыми областями, имѣвшихъ въ воеводствахъ и уѣздахъ своихъ коноводовъ анархіи, а въ общинахъ (parafiach) зажиточнѣйшую шляхту, господствовавшую надъ мелкою шляхтою и владѣвшею одною десятиною земли. Этой шляхтѣ предоставлена была честь поднимать голову выше экономовъ, писарей, счетчиковъ и всѣхъ состоявшихъ на службѣ въ домахъ крупнаго панства. По мнѣнію шляхты, безчестно было пріобрѣтать насущный хлѣбъ вѣсами и аршиномъ; а не считалось безчестіемъ нищенствовать въ прихожихъ аристократовъ. Вслѣдствіе сего каждый вель-

можа (możny władca) награждалъ низость и услуги мелкой шляхты самою дешевою монетою, т. е. словами: «панъ братъ, какъ вы поживаете (panie bracie, jak się waść masz)? Услаждаясь этимъ ѳиміамомъ лести, шляхтичъ надменно смотрѣлъ на купцовъ, ремесленниковъ, даже на ученыхъ, непринадлежавшихъ къ рангѣ шляхетства, и, погруженный во тьму невѣжества, не умѣя цѣнить ни наукъ, ни честнаго труда, надмевался воображаемымъ своимъ братствомъ съ аристократами, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ былъ только ихъ прислужникомъ, унижаемымъ до того, что аристократы, по одному капризу, пороли ихъ нагайками и только лишь изъ уваженія къ ихъ шляхетству—били ихъ на коврѣ [1]. Но шляхта все таки мечтала о своемъ значеніи и была по своему свободною, услаждалась вольностію ничего не дѣлать, тогда какъ, по статуту 1496 г., крестьяне были лишены права имѣть свою землю и переходить съ мѣста на мѣсто, безъ дозволенія своего помѣщика. Жизнь крестьянина до того зависѣла отъ его владѣльца, что умерщвленіе поселянъ допускалось даже безъ всякой причины. Каждый рабовладѣлецъ, по мнѣнію польской олигархіи, могъ умертвить чужаго раба за десять монетъ штрафа, а господинъ могъ умертвить его даромъ. На рынкѣ продавали рабовъ дешевле, чѣмъ теперь продаютъ негра въ Америкѣ. Польскіе дворяне безнаказанно насиловали поселянскихъ дѣвицъ, которыя имъ нравились, и осыпали побоями того, кто бы дерзалъ за нихъ вступиться.

При такомъ абсолютномъ произволѣ польской аристократіи и уничиженіи человѣчества въ крестьянахъ, Станиславъ Августъ въ скорби о своемъ безсиліи, въ утѣшеніе себѣ, обратилъ все вниманіе свое на образованіе юношества, на возрожденіе и одушевленіе польской литературы. Съ этою цѣлію, по уничтоженіи въ Польшѣ іезуитскаго ордена, доходы съ огромныхъ его имѣній были предоставлены на заведеніе и содержаніе академій и народныхъ училищъ, въ родѣ гимназій, и на изданіе до того де-

---

[1] Pamiętniki Kajetana Koźmjana. Oddz. 1, str. 157 и въ другихъ мѣстахъ.

шевыхъ учебниковъ, что они продавались по нѣсколько копѣекъ Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена для образованія юношества учебная коммиссія (kommissia edukacyjna), составленная изъ самыхъ просвѣщенныхъ аристократовъ, которые прежде всего занялись изданіемъ лучшихъ учебниковъ по предметамъ, которые положено было преподавать въ училищахъ. Для этой цѣли предварительно составлены были коммиссіею зрѣло обдуманныя программы, указаны и переведены на новый языкъ лучшія иностранныя руководства. Къ чести этой коммиссіи нужно присовокупить, что учебники неиначе были издаваемы ею, какъ послѣ внимательной редакціи представленныхъ рукописей и одобреніи ихъ всѣми членами ея. Все это было причиною того, что въ Польшѣ явились и прославились писатели, каковыми напр. были— Нарушевичъ, Красицкій, Карпинскій, Трембецкій и другіе.

Но, какъ будто къ ускоренію погибели Польши, духъ вольтеровской мнимой философіи и французскихъ энциклопедистовъ обуялъ многіе умы польской аристократіи, заразилъ юношество и, какъ обыкновенно бываетъ при паденіи всякаго царства, явилось много атеистовъ, матеріалистовъ, индиферентистовъ, равнодушныхъ ко всякой религіи и къ судьбамъ своего отечества. А роскошь, крайняя распущенность нравовъ, даже явный развратъ, выходя изъ Варшавы отъ аристократическихъ фамилій, потоками разливались по домамъ мелкой даже шляхты. Не отставали тогда отъ кутежа и разврата самаго открытаго и латинскіе ксендзы, даже высшіе ихъ прелаты. Поэтому, относительно многихъ аристократическихъ польскихъ фамилій, писатель Козьманъ, необинуясь, утверждаетъ, что онѣ происходятъ собственно отъ лакеевъ и совершенно напрасно носятъ на себѣ прозванія мнимыхъ своихъ отцевъ.

При всемъ томъ, въ Польшѣ, до самаго паденія ея, пресса была сдержана до того, что нигдѣ не проявлялись въ печати на польскомъ языкѣ панфлеты и статьи, провозглашающіе матеріализмъ и безбожіе. Даже были между аристократами мудрые, истинно просвѣщенные патріоты, которые, по мѣрѣ силъ своихъ, не допускали распространенія въ народѣ вольтеровскаго

кощунства и безбожія. Такъ, когда литовскому маршалу Игнатію Потоцкому, бывшему попечителемъ люблинскихъ училищъ, профессоръ краковской академіи Яцекъ Прибыльскій поднесъ изданнаго имъ въ переводѣ на польскій языкъ вольтеровскаго Кандиба, то Потоцкій наградилъ Прибыльскаго богатымъ перстнемъ съ условіемъ, что онъ доставитъ ему всѣ экземпляры того изданія. Прибыльскій исполнилъ волю мецената, а Потоцкій сжегъ всѣ экземляры того перевода Кандибы [1]. Только съ паденіемъ Польши стали появляться въ ней печатныя сочиненія, пропитанныя вольтеріанизмомъ, какъ напр.: Poezie Węgerskiego, переводъ съ французскаго, сочиненія Вольнея *Развалины Пальмиры*, также множество стихотвореній и брошюръ, сѣявшихъ развратъ и кощунство и подобныхъ современнымъ русскимъ журналамъ «Якорь, Искра, Заноза» и подоб. имъ, несравненно остроумнѣе ихъ.

Не смотря однакожь на крайнюю распущенность нравовъ, при издыханіи Польши, жестокое преслѣдованіе православнаго вѣроисповѣданія въ русскомъ народѣ не только не ослабѣвало, но, раздуваемое секуляризовавшимися іезуитами и монахами разныхъ латинскихъ орденовъ и уніатами, даже усиливалось до той степени, что произвело въ русскомъ народѣ непреодолимое никакими муками отвращеніе отъ латинскаго вѣроисповѣданія. Такъ, наприм., козакъ Гонта, рѣшившись избавить русскій народъ отъ насильственной латинской пропаганды, открылъ противъ польскихъ аристократовъ и жидовъ грозное возстаніе и собственною рукою зарѣзалъ двухъ своихъ дочерей за то, что онѣ совратились въ латинство.

Съ послѣднимъ порывомъ Польши сохранить свою самостоятельность, кончилось ея политическое существованіе. Конституція польская, извѣстная подъ фирмою *3 мая*, хотя обѣщала личную свободу всѣмъ и каждому жителю Польши; но не предоставила крестьянамъ, хоть бы въ оброчное пользованіе усадебною и пахатною землею, и поставила ихъ въ такое по-

[1] Pamiętniki K. Koźmiana, oddział 1, stron. 1858. Poznań.

ложеніе, что въ Польшѣ доселѣ помѣщикъ ко вреду крестьянъ могъ дѣлать въ своемъ имѣніи произвольныя распоряженія, переносить крестьянскія жилища съ одного мѣста на другое, по одной прихоти, отнимать у нихъ удобренную ими землю, и надѣлять другими участками земли въ болотистыхъ и неплодородныхъ мѣстахъ, и среди зимы, по одному капризу, изгонять крестьянина съ его семействомъ изъ хижины, которою онъ временно пользовался, и довесть его до состоянія самаго бѣдственнаго скитальчества. Тогдашняя польская революція была подражаніемъ французской. Въ Варшавѣ были учреждены революціонные клубы и дѣйствовали (какъ и теперь) преимущественно терроромъ. Весьма немного было истинныхъ патріотовъ, изъ коихъ особенно прославился знаменитый герой литвинъ Костюшко своими военными талантами и дѣятельностію.

Плѣнъ его и взятіе штурмомъ варшавской Праги довершили судьбу Польши, указанную предначертаніемъ великаго Фридриха. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращены и снова соединены съ великою Россіей древнія ея западныя области, составлявшія колыбель первобытнаго ея устройства, въ числѣ коихъ особенно Волынь доселѣ красуется первобытными памятниками русской національности и православія, какіе можно находить во Владимірѣ волынскомъ, въ Дубнѣ, Острогѣ, Овручѣ и другихъ мѣстахъ. Съ присоединеніемъ сихъ областей къ великой Россіи, Екатерина II тотчасъ повелѣла ввесть въ нихъ русскіе законы и устройство. Но, предоставивъ полную свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, она объявила, что если кому изъ владѣльцевъ не угодно подчиниться новому устройству и административному порядку, тотъ свободно можетъ продавать свое помѣстье и переселиться, куда захочетъ. Тогда же Екатерина II бывшія въ тѣхъ областяхъ коронныя, конфискованныя и выморочныя имѣнія раздала заслуженнымъ своимъ вельможамъ и генераламъ, а въ кругу своихъ приближенныхъ не разъ говаривала, что *нужно всѣми мѣрами стараться, чтобы всѣ имѣнія въ тѣхъ областяхъ состояли во владѣніи русскихъ помѣщиковъ*, такъ какъ предосудительно, что помѣщики латинскаго вѣроисповѣданія владѣютъ

крестьянами православнаго вѣроисповѣданія [1]. Скорбь о подчиненіи православныхъ крестьянъ помѣщикамъ латинскаго вѣроисповѣданія открыто изъявилъ московскій митрополитъ Платонъ, во время путешествія своего въ Кіевъ, въ началѣ настоящаго столѣтія. Но къ прискорбію, русскіе владѣльцы имѣній, коими наградила ихъ за ихъ заслуги въ тѣхъ областяхъ Екатерина II, — одни, занятые служебными обязанностями и потому не жившіе въ новыхъ своихъ помѣстьяхъ, предоставили ихъ управленію поляковъ экономовъ, которые довели тѣ имѣнія до крайняго разоренія, такъ что владѣльцы принуждены были продать ихъ (и продали) помѣщикамъ полякамъ за самую дешевую цѣну. Другіе изъ русскихъ владѣльцевъ тѣхъ имѣній, зараженные софизмами Вольтера и французскихъ энциклопедистовъ, уловленные приманками и опутанные сѣтями латино-польской пропаганды, предались роскоши и разврату, пристрастились къ картежной игрѣ или къ охотѣ, выказывали свою удаль въ попойкахъ и развратѣ, пока наконецъ богатства и имѣнія ихъ не переходили въ руки жидовъ или пановъ польскихъ.

Но самое тлетворное наслѣдіе отъ Польши осталось въ этихъ несчастныхъ областяхъ въ лицѣ общества іезуитовъ. По уничтоженіи ихъ ордена Климентомъ XIV, іезуиты нашли убѣжище подъ покровомъ порфиры Екатерины II и первоначально сосредоточились въ Бѣлоруссіи. Здѣсь, пользуясь безмятежнымъ спокойствіемъ, охраняемымъ русскою земскою полиціею, подъ благонадежнымъ правительствомъ, іезуиты, въ благодарность за оказанное имъ гостепріимство, ревностно принялись совращать въ латинство природныхъ православныхъ русскихъ жителей, начавъ, разумѣется, свою пропаганду сперва съ уніатовъ, какъ съ добычи болѣе легкой. Такимъ образомъ совращены іезуитами въ могилевской и витебской губерніяхъ, также въ Литвѣ многія тысячи крестьянъ и даже такія семейства русскихъ помѣщиковъ, которыя, во время польскаго владѣнія, не смотря на гоненія, остались непоколебимо вѣрными православію, но не устояли

[1] Изъ журнала въ рукописи статсъ-секретаря Храповицкаго.

предъ лестію, разными интригами и софизмами іезуитовъ, особенно женатые на католичкахъ. А мѣстное начальство, какъ свѣтское, такъ и духовное, не предпринимало противъ этого зла никакихъ мѣръ и оставалось совершенно равнодушнымъ.

Послѣ покоренія Варшавы и рѣшенія участи польскаго королевства, разсѣянныя польскія войска цѣлыми эскадронами и толпами большею частію бѣжали въ Австрію, правительство которой конфисковало ихъ оружіе и лошадей, принуждало поляковъ вступать въ австрійскую военную службу, а офицеровъ ихъ, лишивъ офицерскихъ чиновъ, переодѣвало на рынкѣ во Львовѣ въ солдатскіе мундиры, съ тѣмъ, чтобы выставить ихъ на позоръ и посмѣяніе мѣстныхъ жителей; бѣжавшихъ же изъ Подоліи въ Буковину, подъ командою нѣкоего Дениски, австрійцы хватали и вѣшали, а знаменитаго въ свое время владѣльца Рациборовскаго тѣлесными побоями заставили сдѣлать показаніе, будто онъ велъ корреспонденцію съ Денискомъ [1]. При всемъ томъ большая часть поляковъ, бывшихъ въ военной службѣ, различными путями пробралась во Францію, гдѣ, составивъ отдѣльный польскій легіонъ, сражалась въ рядахъ французовъ для революціонныхъ видовъ тогдашняго французскаго правительства.

По этому поводу поляки, полагая, что французская революція охватитъ цѣлую Европу, а при содѣйствіи ея будетъ возстановлено Польское королевство, повсемѣстно употребляли пѣсенку: Marsz, marsz Dąbrowski z ziemi Włoskiej, do Polskiej. А богатѣйшіе изъ нихъ, будто отуманенные гибелью Польскаго королевства, предавались полному разгулу страстей, роскоши и разврату.

Павелъ I, вступивъ на русскій престолъ, немедленно оказалъ рѣдкое великодушіе полякамъ: однихъ изъ нихъ освободилъ изъ заключенія, другихъ возвратилъ изъ ссылки, отмѣнилъ въ западныхъ русскихъ областяхъ и въ Литвѣ введенные Екатериною II порядки и предоставилъ въ уѣздныхъ судахъ и граж-

---

[1] Pamiętniki K. Koźmjana Oddział 1. stron. 242.

данскихъ палатахъ руководствоваться литовскимъ статутомъ и польскими законами, а судебныя дѣла дозволилъ производить на польскомъ языкѣ. При всемъ томъ, зная, что Павелъ I въ западныхъ русскихъ областяхъ раздавалъ казенныя и конфискованныя имѣнія въ вѣчное владѣніе заслуженнымъ русскимъ генераламъ и вельможамъ, какъ-то: Долгорукову, Тутольмину, Ягужинскому и другимъ, мы не можемъ утверждать (какъ въ свое время говорили поляки), будто Павелъ I помышлялъ о возстановленіи Польскаго королевства.

Александръ I, со вступленіемъ на престолъ, возсіялъ для поляковъ, по сознанію ихъ самихъ, «какъ свѣтлая денница», или, лучше сказать, какъ животворное солнце—на мрачномъ горизонтѣ Польшѣ. Онъ тотчасъ вызвалъ одного молодаго поляка (Адама Чарторыйскаго) изъ неаполитанскаго посольства и опредѣлилъ его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, а другому поляку съ полнымъ довѣріемъ поручилъ дипломатическія дѣла Россіи съ иностранными державами, опредѣлялъ однихъ поляковъ въ сенатъ, а другихъ поставлялъ гражданскими губернаторами, такъ что всѣ судебныя и полицейскія должности замѣщены были въ западныхъ областяхъ поляками [1]. Поступившіе тогда въ кадетскій шляхетскій корпусъ молодые поляки развязными манерами, шляхетскими ухватками, вертлявымъ, а гдѣ нужно и слишкомъ подобострастнымъ обращеніемъ понравились Императору Александру I, особенно Константину Павловичу. Съ другой стороны, Александръ I, посѣщая Литву вообще и Вильно вчастности, своею доступностію, привѣтливымъ обращеніемъ, щедрыми дарами и милостями, стройною осанкою и юношескою своею красотою приводилъ въ восхищеніе литовскихъ обывателей и привлекъ къ себѣ сердца многихъ изъ нихъ. Эти чувства еще усилились, когда онъ повелѣлъ основать въ Вильнѣ университетъ, въ который приглашены были отличнѣйшіе профессора по всѣмъ учебнымъ предметамъ, и учредить кременецкій лицей для образованія юношества.

[1] Pamiętniki K. Koźmiana Oddz. 1, str. 243 и 224.

Около тогоже времени, съ разрѣшенія гуманнаго прусскаго короля Вильгельма-Фридриха, основалось въ Варшавѣ общество ученыхъ поляковъ, подъ названіемъ Towarzystwo uczonych, а въ имѣніи Чарторыйскаго, мѣстечко Пулавы обстроилось рѣдкою пышностію, и въ саду, возлѣ дворца Чарторыйскаго, воздвигнутъ былъ загадочный храмъ Сивиллы, въ который собираемы были историческія древности, оставшіяся послѣ прославившихся нѣкогда поляковъ и другихъ славянъ, какъ-то: различное оружіе, статуи, рукописи и т. п. предметы. Варшавское общество ученыхъ, по видимому, имѣло цѣлію обработываніе и усовершенствованіе польскаго языка, и сначала издавало повѣсти и романы. Но въ самомъ началѣ учрежденія этого общества, проглядывала уже затаенная его цѣль, которую можно было угадывать по картинѣ, выставленной въ залѣ собранія членовъ общества на первомъ мѣстѣ, на которой было изображено покореніе королевичемъ Владиславомъ Смоленска. Владиславъ изображенъ былъ на гордомъ конѣ, попирающемъ русскія знамена, а русскіе разныхъ званій раболѣпно повергшимися на землѣ и подносящими Владиславу ключи города Смоленска.

По случаю обозрѣнія корпусовъ русскихъ армій, расположенныхъ въ западныхъ русскихъ областяхъ, особенно предъ первою компаніею противъ Наполеона въ союзѣ съ Австріею, Великій князь Константинъ Павловичъ, посѣщая домы богатыхъ польскихъ владѣльцевъ, особенно на Волыни, фамиліарнымъ съ ними обращеніемъ и рыцарскою своею обстановкою также весьма понравился полякамъ. Вообще же въ это время подольская губернія и Волынь считались какбы посмертнымъ эдемомъ Польши, подъ отеческимъ скипетромъ сѣвернаго, какъ выражались поляки, Траяна. А Галиція, въ сравненіи съ Волынью и другими западными областями Россіи, казалась трупомъ издыхающаго въ агоніи страдальца, въ гнилыхъ ранахъ коего безчисленные рои червей производятъ зудъ мучительнѣе смертельныхъ болѣзней. При всемъ томъ, когда вскорѣ послѣдовало пораженіе русскихъ войскъ подъ Аустерлицомъ, помѣщики и шляхта русскихъ областей открыто въ домахъ своихъ

рукоплескали побѣдѣ Наполеона, не скрывая злобной радости о пораженіи русской гвардіи. Между тѣмъ, русскимъ правительствомъ предоставлена была такая свобода помѣщикамъ и шляхтѣ, какъ будто они вовсе не были подъ русскимъ скипетромъ.

Подъ наружнымъ покровомъ полицейской тишины и спокойствія, какимъ никогда не пользовалась Польша, помѣщики, подавивъ непомѣрною барщиною крестьянъ, до крайности истощали ихъ силы, и посредствомъ насильственнаго угнетенія ихъ извлекали изъ своихъ имѣній такіе огромные доходы, о какихъ и мечтать не могли прежде ни отцы ихъ, ни они сами. Вообще барщина крестьянъ въ западныхъ русскихъ областяхъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно была тягостнѣе барщины крестьянъ русскихъ губерній, въ которыхъ крестьяне, почти повсемѣстно, отбывали барщину въ первые три дня седмицы, а остальные три дня свободно, по своему произволу, употребляли на удобреніе, вспаханіе въ пору своего поля, на собраніе сѣна, жатву своего хлѣба и другія свои нужды. Въ западныхъ областяхъ крестьянинъ не зналъ, когда ему можно будетъ приняться за свое хозяйство. Онъ работалъ сплошь, ежедневно, на барщинѣ, до крова̀ваго поту, доколѣ не воздѣланы имъ были непомѣрно большія запашки, не оканчивались сѣнокосы и жатва огромныхъ луговъ засѣвовъ его помѣщика. Тогда только крестьянину дозволялось заняться своими дѣлами, когда уже половина колосьевъ сваливалась на землю. Еще въ кіевской, подольской и въ большей части волынской губерніи, богатыхъ плодородными пахатными полями, мѣстныя экономіи предоставляли крестьянамъ нѣсколько времени для обработки удѣленныхъ имъ участковъ пахатныхъ полей, чтобы не выдавать имъ хлѣба въ голодные годы для прокормленія изъ помѣщичьихъ амбаровъ. Но въ Бѣлоруссіи, особенно въ могилевской и витебской губерніи, крестьяне, обремененные въ лучшую пору года сплошною барщиною, едва успѣвали въ глубокую осень, или по ночамъ, что нибудь посѣять для своего пропитанія съ семействомъ. Съ половины зимы до собранія съ полей хлѣба, для поддержанія

жизни крестьянъ, выдаваемо было изъ помѣщичьихъ закромовъ, въ началѣ каждой седмицы, по гарнцу едва провѣянной ржи, на семейство, которою крестьяне питались съ примѣсью мякины. Кромѣ того, крестьяне были обременены безчисленными поборами—до того, что рѣдкіе изъ нихъ видѣли въ рукахъ своихъ деньги. Экономіи просто отнимали отъ крестьянъ засѣянныя ими конопель и ленъ, оставляя имъ только что нибудь изъ нихъ на рубашки, брали десятый улей съ ихъ пчельника, грабили домашнюю птицу; сверхъ того набрасывали крестьянкамъ конопляную и льняную паклю, для заготовленія изъ нея и доставленія въ урочное время пряжи, заставляли крестьянъ собирать и доставлять въ экономіи грибы, грузди, ягоды и лѣсные орѣхи въ опредѣленномъ количествѣ; а до учрежденія откуповъ и акциза съ водочной продажи, особенно въ плодородные годы, когда водка становилась слишкомъ дешева, экономіи раздавали индѣ на домы крестьянъ по гарнцу и по два водки, по цѣнѣ выше той, по которой она продавалась въ кабакахъ, и крестьяне вынуждены бывали продавать послѣднюю корову, чтобы уплатить за наброшенную имъ водку. Въ великой Россіи многіе крестьяне вмѣсто барщины уплачивали владѣльцу оброкъ, зарабатывали деньги извозомъ, ремесломъ и мелочною торговлею; въ западныхъ областяхъ ни за что не освобождались поселяне отъ рабской барщины. Въ великой Россіи каждый крестьянинъ имѣлъ свободный доступъ къ своему барину по своимъ нуждамъ, получалъ отъ него пособіе и деньгами, и рабочимъ скотомъ; въ западныхъ областяхъ каждый владѣлецъ особенно большихъ имѣній былъ совершенно недоступенъ, или являлся поселянамъ, какъ гроза небесная. Въ великой Россіи многіе крестьяне трудами и промышленными своими оборотами наживали большіе капиталы и выходили въ купеческое званіе; въ западныхъ областяхъ примѣра не было, чтобы крестьянинъ имѣлъ лишнюю копѣйку про черный день и выбивался изъ неволи. Въ великой Россіи,—особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя по старинѣ управлялись сельскими старостами, которыхъ помѣщики во всякое время могли смѣнить и

наказать за злоупотребленія,—крестьяне жили привольно и благоденствовали; только въ имѣніяхъ, которыя были управляемы какимъ нибудь нѣмцомъ или полякомъ, крестьяне были обременены тягостною барщиною; въ западныхъ областяхъ помѣщики, ихъ экономы, ксендзы и жиды почти въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ употребляли всѣ средства и усилія, чтобы довести крестьянъ до скотскаго состоянія. Въ великой Россіи крестьянинъ, хотя и бѣдствовалъ, имѣлъ то утѣшеніе, что его владѣлецъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ и томъ же храмѣ молился одному и тому же Богу; въ западныхъ областяхъ крестьяне, конечно, не знали такого утѣшенія. Въ великой Россіи нѣкоторые помѣщики, какъ напр.: графъ Воронцовъ, особенно князья Шихматовы-Ширинскіе и Шереметевы, по одному чувству христіанскаго человѣколюбія совершенно освобождали крестьянъ отъ барщины; какіе примѣры для крестьянъ другихъ владѣльцевъ были какбы зарею всеобщаго освобожденія крестьянъ отъ рабства; въ западныхъ областяхъ никогда, нигдѣ примѣра не было подобнаго человѣколюбія,—только изрѣдка нѣкоторые помѣщики *либертовали* какого нибудь крестьянина, т. е. давали ему личную свободу за ближайшія домашнія услуги, но и то, сперва совративъ его въ латинство и ополячивъ въ полной увѣренности, что такіе крестьяне будутъ на сторонѣ помѣщиковъ во время давно затѣяннаго ими возстанія противъ русскаго правительства.

Для постояннаго содержанія крестьянъ въ тягостной неволѣ, экономическое управленіе ими въ западныхъ областяхъ было доведено до высочайшаго искусства, особенно въ обширныхъ имѣніяхъ, напр., Браницкаго, Потоцкаго, Чарторыйскаго, Радзивила, Сапѣги, Сангушки. Были учреждены главноуправляющіе имѣніями, управляющіе, безчисленное множество экономовъ, счетниковъ (rachmistrz), писарей винокуренныхъ заводовъ (gorżelnianych), писарей общихъ доходовъ (prowentowych), и проч. [1]. Главноуправляющіе были обезпечены жалованьемъ

[1] Обыкновенно поляки презрительно отзываются о русскихъ чиновникахъ называя ихъ взяточниками, грабителями, тогда какъ исторія не представляетъ

несравненно въ большей мѣрѣ, нежели гражданскіе губернаторы, равномѣрно получали весьма хорошее жалованье управляющіе имѣніями, экономы и прочая челядь, и кромѣ того весь этотъ безчисленный сбродъ оффиціалистовъ безплатно пользовался мѣстными экономическими продуктами, разною прислугою и лошадьми для своихъ поѣздовъ. Такимъ образомъ, не только главноуправляющіе и управляющіе, но даже экономы наживали большіе капиталы, покупали значительныя имѣнія и становились сами помѣщиками. Все же ихъ занятіе и служба, въ званіи главноуправляющихъ, управляющихъ, экономовъ и проч. состояли въ томъ, чтобы не дать крестьянамъ ни малѣйшаго отдыха, ни малѣйшаго облегченія ихъ рабства. Съ этою цѣлію постоянно, по воскреснымъ днямъ, собирались экономы у каждаго управляющаго (rządcy) на такъ называемыя сессіи, на которыхъ они обдумывали и рѣшали, какими работами занять крестьянъ въ продолженіе каждой слѣдующей седмицы. А мелкопомѣстные помѣщики ревностно подражали такимъ распоряженіямъ въ своихъ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что выходили большею частію изъ экономовъ.

намъ взяточниковъ болѣе жадныхъ, корыстолюбивыхъ и неумолимыхъ, какъ чиновники изъ поляковъ. Взяточничество ихъ, какъ средство къ разоренію русскихъ, есть догматъ ихъ катихизиса. Хотя они въ насмѣшку и презрѣніе обращаютъ слово *чиновникъ*; но нѣтъ въ мірѣ народа, который бы столько дорожилъ чиновничествомъ и титуляціей, какъ поляки. У нихъ не въ обычаѣ называть другъ друга по имени и отчеству, а титулуютъ себя какими нибудь мнимыми чинами, весьма нерѣдко тѣми, какіе имѣли ихъ предки. Своихъ предводителей дворянства поляки называютъ генералами и маршалами, сыновей ихъ генераловичами и маршалковичами, даже не состоящихъ въ гражданской службѣ, а въ чьей либо частной, титулуютъ, по ихъ службѣ, управляющими, экономами, счетниками, писарями и проч. Даже польскіе эмигранты прибавляютъ къ своимъ именамъ и прозваніямъ, будто удѣльные князья и графы, наименованія тѣхъ имѣній, которыхъ лишились по своей винѣ. Такъ наприм.: въ Almanach de Gotha одни Чарторыйскіе именуются Duc de Klewań (мѣстечко въ волынской губерніи) et Zukow, другіе титулуются Comte de Wisnicz et de Jaroslau. Чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ титулуютъ всегда чиномъ выше: прапорщика—поручикомъ, поручика—маіоромъ, маіора и подполковника—полковникомъ, имѣющаго одинъ изъ первыхъ чиновъ гражданскихъ—совѣтникомъ, титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассессора—маіоромъ, надворнаго и коллежскаго совѣтника—полковникомъ.

Между тѣмъ, когда столь самовластно и своевольно помѣщики западныхъ областей господствовали надъ крестьянами въ своихъ имѣніяхъ, православное духовенство также подвергалось различнымъ ихъ притѣсненіямъ и гоненію, и открыто было пренебрегаемо польскою шляхтою. Церковные фундуши и земли были насильно захватываемы и отнимаемы, а православныя церкви ветшали и разрушались безъ всякой поддержки. Латинская пропаганда, съ своей стороны, глухо, но ревностно дѣйствовала, совращая крестьянъ, особенно дворовыхъ помѣщичьихъ слугъ, не какими нибудь убѣжденіями въ истинѣ латинскихъ догматовъ, а употребляя орудіемъ къ совращенію православныхъ ихъ помѣщиковъ, экономовъ, особенно ихъ женъ. Обыкновенно совращеніе православныхъ начиналось тѣмъ, что заставляли ихъ почти насильно нарушать посты, учрежденные св. Церковію, посѣщать костелы, особенно же вліяли на православныхъ насмѣшками надъ церковными обрядами, презрѣніемъ и угнетеніемъ православныхъ священниковъ и чествованіемъ латинскаго духовенства. За тѣмъ совращаемыхъ учили молиться по польски, и обѣщали имъ, что, по обращеніи ихъ въ латинство, они получатъ свободу и будутъ шляхтичами. И дѣйствительно, многимъ изъ такихъ дворовыхъ людей помѣщики давали личную свободу, а впослѣдствіи, посредствомъ подложныхъ метрическихъ свидѣтельствъ и другихъ документовъ, эти ренегаты, перешедши въ другія губерніи, превращались въ шляхту. Подобнымъ же образомъ совращаемы были какъ лица православнаго вѣроисповѣданія отъ смѣшанныхъ браковъ, такъ и цѣлыя семейства. На нихъ дѣйствовали цѣлые домы помѣщиковъ всѣми угрозами, соблазнами и прельщеніемъ. Замѣчательно еще, что іезуиты, до удаленія ихъ изъ Россіи, пріобрѣвъ славу воспитателей юношества знаменитѣйшихъ русскихъ вельможей и успѣвъ совратить такихъ юношей и дамъ, даже придворныхъ въ латинство, бывая по временамъ въ западныхъ губерніяхъ, особенно въ Волыни, говорили какбы конфиденціально, подъ секретомъ, что вскорѣ первѣйшія фамиліи русскихъ аристократовъ обратятся въ латинство, а за

тѣмъ вся русская Церковь подчинится папѣ, признавъ его главою вселенской Церкви.

Такимъ образомъ латинская пропаганда успѣвала совращать русскихъ въ латинство и ополячивать ихъ. А помѣщики поляки, дѣйствуя въ своихъ имѣніяхъ по своему произволу, будто самодержавные государи, наслаждались всѣми земными благами. Только то одно раздражало, бѣсило помѣщиковъ, что, когда въ ихъ помѣстьяхъ отыскивался трупъ убитаго человѣка, или становилось гласнымъ, что какой нибудь экономъ засѣкъ крестьянина до смерти, земская полиція производила о такихъ происшествіяхъ изслѣдованіе; хотя, впрочемъ, такія слѣдствія почти всегда оканчивались ничѣмъ, потому что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ людей искуснѣе помѣщиковъ поляковъ къ сокрытію слѣдовъ преступленія, а когда нельзя этого сдѣлать,—къ совращенію съ пути правды самыхъ добросовѣстныхъ, правдолюбивыхъ чиновниковъ. Проиграть для этой цѣли чиновнику въ карты большую сумму денегъ для поляка ничего не значитъ. Вывѣдавъ какую нибудь страстишку слѣдователя, полякъ готовъ въ угожденіе ей, чтобы на своемъ поставить, пожертвовать всѣмъ— лучшими лошадьми, подарками самыми драгоцѣнными, даже собственною женою, которая никому ни въ чемъ не откажетъ, лишь бы мужъ ея выигралъ дѣло. Такъ дѣйствуютъ поляки помѣщики по своимъ дѣламъ и въ судахъ. Съ другой стороны, во время означенныхъ изслѣдованій, мѣстный экономъ, созвавъ изъ села крестьянъ, строго приказываетъ имъ, чтобъ они, когда будутъ спрашиваемы слѣдователями объ уголовномъ происшествіи, показывали такъ и такъ, въ противномъ случаѣ онъ запоретъ ихъ нагайками. И бѣдные крестьяне по неволѣ становились клятвопреступниками, такъ что въ помѣстьяхъ поляковъ присяга совершенно потеряла всякое значеніе. При всемъ томъ, поляки помѣщики западныхъ областей Россіи, испытывая повсемѣстно снисходительность къ нимъ Императора Александра I, сознавали, что имъ, для своихъ видовъ, лучше всего подчиниться вполнѣ русскому скипетру и тѣснѣе сблизиться съ великою Россіею. Но, съ другой стороны, изумительно быстрыя побѣды.

Наполеона I надъ австрійскими войсками и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшій разгромъ прусскихъ армій побудили вообще поляковъ болѣе сочувствовать планамъ Наполеона, нежели Александра I, тѣмъ болѣе, что въ рядахъ наполеоновскихъ армій былъ легіонъ поляковъ. Такъ, во время несчастной прусской кампаніи, по занятіи французами Варшавы, поляки, какъ предъ идоломъ, преклонялись предъ портретомъ Наполеона на театральныхъ транспарантахъ, необинуясь величали его въ кантатахъ божествомъ своимъ (bóstwo polaków) и вполнѣ были увѣрены, что онъ возстановитъ Польшу въ древнихъ ея предѣлахъ. Въ этой увѣренности съ полнымъ усердіемъ доставляли французскимъ арміямъ обильное продовольствіе и другія потребности, не смотря на то, что въ отзывахъ Наполеона, какъ на словахъ, такъ и въ прокламаціяхъ, которыя отъ имени его составлялъ польскій литераторъ *Выбицкій*, не находили поляки ничего опредѣленнаго на счетъ судьбы своего отечества, а прокламаціями требовались только новыя ихъ усилія и жертвы. По заключеніи же тильзитскаго мира, Наполеонъ изъ польскихъ провинцій, отошедшихъ къ Пруссіи и отчасти къ Австріи, образовалъ варшавское княжество (герцогство), которое соединилъ съ саксонскимъ, подъ скипетромъ саксонскаго короля, затѣмъ коронныя польскія имѣнія роздалъ французскимъ генераламъ, а въ варшавское княжество ввелъ свой кодексъ законовъ.

События показали, что образованіе варшавскаго княжества было временнымъ, военнымъ депо задуманной уже Наполеономъ войны къ потрясенію и гибели Россіи. Между тѣмъ князь Понятовскій [1] тотчасъ принялся образовывать польскую армію. Поляки западныхъ областей Россіи рѣкою потекли въ княжество варшавское, для поступленія въ ряды польскаго войска. Порывъ ихъ одушевлялъ и распалялъ съ церковной каѳедры, бывшій впослѣдствіи примасомъ Польскаго царства, Янъ-Павелъ Вороничъ [2], который въ своихъ проповѣдяхъ сравни-

---

[1] Племянникъ короля Станислава-Августа.

[2] Янъ-Павелъ Вороничъ сынъ уніатскаго священника волынской губерніи.

валъ Наполеона съ Киромъ, такъ какъ онъ, подобно Киру, освободившему изъ плѣна іудеевъ для возстановленія храма въ Іерусалимѣ, будто бы возстановляетъ Польшу, а европейскихъ государей Вороничъ называлъ царьками, которыхъ Наполеонъ низлагаетъ по своему произволу съ престоловъ и возводитъ на ихъ мѣсто, кого хочетъ. Правительство русское равнодушно смотрѣло на этотъ приливъ поляковъ изъ западныхъ русскихъ областей въ княжество варшавское. А князь Понятовскій, образовавъ польское войско, тотчасъ устремился на завоеваніе Галиціи, которая оставалась почти беззащитною; потому что главныя силы Австріи были сосредоточены и выдвинуты на западныя границы австрійской имперіи и боролись съ арміями Наполеона. Не дремали тогда и польскіе писатели. Появилось множество брошюрокъ въ разныхъ видахъ, питавшихъ мечты поляковъ о скоромъ и несомнѣнномъ возстановленіи польскаго королевства въ границахъ 1752 года. Въ числѣ такихъ сочиненій замѣчательнѣйшимъ считалось извѣстное подъ названіемъ: Uwagi nad xięstwem warszawskim (размышленіе о княжествѣ варшавскомъ). Авторъ этого сочиненія увѣрялъ читателей, что, какъ временная цизальпинская республика была зародышемъ покоренія французами Венеціи и образованія италіянскаго королевства, такъ варшавское княжество есть зародышъ сарматской имперіи, которую Наполеонъ намѣренъ образовать изъ бывшаго польскаго королевства и областей Россіи, которыя имѣютъ быть отторгнутыми. Въ тоже время, для образованія польскаго юношества, изданы были безчисленныя элементарныя книги, въ которыхъ каждая страница внушала польскимъ юношамъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и храбрости поляковъ, подтрунивала надъ трусостью и безсиліемъ русскихъ и пророчила несомнѣнный разгромъ Россіи. Такъ, грамматика французскаго языка Ломонда, изданная въ переводѣ на польскій языкъ, вся наполнена была подобными экзальтаціями. Въ ней

По смерти его, въ 1842 году, возсоединенные уніаты забирали въ волынской консисторіи свидѣтельства и документы, чтобы воспользоваться его наслѣдствомъ. Онъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ польскихъ.

спряженіе, напр., глагола battre, чрезъ всѣ наклоненія и времена, проведено было съ такимъ переводомъ: «ja biję moskala, ty bijesz moskala, każdy polak bije moskala» и проч.

Насталъ вѣчнопамятный 1812 годъ. Наполеонъ, не смотря на то, что, въ противность статьямъ тильзитскаго трактата, наполнилъ отнятыя у Пруссіи крѣпости, особенно Данцигъ, многочисленными гарнизонами, совокупивъ арміи почти всѣхъ европейскихъ государствъ, въ негодованіи, между прочимъ, за то, что Александръ I отказался удовлетворить не одному его предложенію, подъ предлогомъ, что русское правительство слабо поддерживаетъ придуманную имъ къ ослабленію Англіи континентальную систему, — устремилъ свои арміи въ самое сердце Россіи. Въ составѣ ихъ считалась и польская армія, которая съ обычною польской шляхтѣ экзальтаціей вступила въ западныя русскія области. Князь Понятовскій даннымъ польскимъ легіонамъ приказомъ объявилъ, что они идутъ для возстановленія польскаго королевства въ древнихъ его предѣлахъ. Мелкіе помѣщики и экономы ихъ принялись выманивать подъ векселя деньги у русскихъ чиновниковъ и священниковъ въ полной увѣренности, что, съ разгромомъ Россіи, деньги останутся ихъ собственностію; вмѣстѣ съ тѣмъ усилили преслѣдованіе священниковъ, грабили ихъ скотъ, отнимали церковныя земли и проч. А богатѣйшіе владѣльцы открыто торжествовали на частныхъ, по поводу нападенія на Россію Наполеона, пирушкахъ, провозглашая тосты: periit Moscovia, и доставляли французскимъ арміямъ продовольствіе, хотя въ требованіи необходимаго французы отнюдь не церемонились. Но Наполеонъ, который по своему произволу помыкалъ польскимъ легіономъ, — наприм., посылалъ его для усмиренія бунта въ Сандоминго, былъ обязанъ ему признательностію за покореніе въ Испаніи Саррагосы, — ничего опредѣленнаго не сказалъ на счетъ возстановленія Польскаго королевства, а только дурилъ поляковъ лаконическими загадочными изреченіями, которыя они, будто изреченія какого нибудь оракула, толковали, какъ хотѣли, и, разумѣется, въ свою пользу.

По овладѣніи Наполеономъ безлюдною, опустѣвшею Москвою, поляки вполнѣ были увѣрены, что кампанія его кончилась, и что вслѣдъ за тѣмъ будетъ возстановлена Польша въ самыхъ мечтательныхъ размѣрахъ. Въ такомъ духѣ стали сочинять оды, пѣсни и другія стихотворенія. Извѣстный, напр., польскій литераторъ Сташицъ сочинилъ въ такомъ же родѣ стихотвореніе, которое начиналось словами: «Итакъ палъ этотъ грозный, сѣверный исполинъ». Это стихотвореніе Сташицъ далъ прочитать своему пріятелю, требуя объ немъ его мнѣнія. Пріятель, прочитавъ и похваливъ стихотвореніе, присовокупилъ: «не печатайте еще, пане, этой оды; потому что исполинъ стоитъ еще на ногахъ и борется!» Вскорѣ оправдалось это замѣчаніе и соображенія другихъ благоразумныхъ поляковъ. Арміи, устремленныя Наполеономъ на Россію, погибли. Наполеонъ бѣжалъ въ Парижъ, чтобы составить и образовать новыя арміи. Русскія войска, преслѣдуя остатки старой наполеоновской арміи, вступили въ Пруссію, которая, одушевившись совершившимися событіями, первая рѣшилась свергнуть съ себя иго французскаго порабощенія и указала собою примѣръ національной свободы цѣлой Германіи. Послѣ гигантской лейпцигской битвы, и цѣлая Германія, при содѣйствіи русскихъ армій, освободилась отъ французскаго преобладанія. А какъ французскія войска погостили въ Москвѣ, то и русскія отплатили имъ визитъ въ Парижѣ. Такъ кончились ополченія цѣлой Европы противу Наполеона. Людовикъ XVIII, взошедши на французскій престолъ, даровалъ Франціи конституціонную хартію, а государи цѣлой Европы, одни лично, другіе въ лицѣ своихъ представителей, собрались въ Вѣнѣ, чтобы учредить въ Европѣ порядокъ, нарушенный французскою революціею и завоеваніями Наполеона.

Между тѣмъ, какъ совершались упомянутыя происшествія, науки, преподававшіяся въ виленскомъ университетѣ и въ кременецкомъ лицеѣ, достигли, повидимому, цвѣтущаго состоянія, но принесли плодъ содомскій. Преподаваніе въ нихъ польской исторіи и словесности явно было направлено къ возбуж-

денію въ юношахъ злостной ненависти къ Россіи. Извѣстный Лелевель сталъ утверждать, будто западныя русскія области, населенныя русскимъ народомъ, искони входили въ составъ Польши, усиливался доказывать, будто кіевская и подольская области населены были встарь поляками, что лѣтописецъ преподобный Несторъ называетъ жителей тѣхъ областей *полянами.* Этотъ аргументъ Лелевеля похожъ на то, какъ если бы кто вздумалъ доказывать, что и всѣ дикіе звѣри составляли достояніе Польши, потому что о подчиненіи человѣку звѣрей, въ славянскомъ переводѣ псалма 8, восьмой стихъ выраженъ такъ: *покорилъ еси ему* (человѣку) *скоты польскія.* Всякому извѣстно, что Несторъ тѣмъ славянамъ, которые не имѣли особеннаго прозванія, далъ свои; такъ, нѣкоторыхъ славянъ называлъ полянами, потому что они, занимаясь хлѣбопашествомъ, обладали обширными хлѣбородными полями, какъ другихъ славянъ называлъ древлянами, потому что они обитали въ лѣсахъ, между деревьями. Но подобными парадоксами Лелевеля восхищались студенты виленскаго университета, отуманенные мятежными утопіями, волновавшими тогда Европу, и образовали изъ себя политическіе кружки, въ которыхъ взаимно электризовались для осуществленія своихъ мечтаній. Вообще виленскій университетъ и кременецкій лицей были какбы очагами, на которыхъ постоянно горѣлъ огонь, распалявшій воображеніе юношей мятежными затѣями. Искры этого огня заронены были въ гимназіи и училища базиліанскихъ, доминиканскихъ и уніатскихъ монаховъ и тлѣли въ нихъ тѣмъ безпрепятственнѣе, что въ нихъ всѣ учебные предметы преподавались на польскомъ языкѣ, безъ всякаго почти контроля со стороны русскаго правительства.

На вѣнскомъ конгрессѣ Императоръ Александръ I между прочимъ объявилъ, что онъ намѣренъ возвратить полякамъ, подъ скипетромъ русскихъ государей, національныя учрежденія въ варшавскомъ княжествѣ, завоеванномъ русскимъ оружіемъ. Если бы, вмѣсто этого, Александръ I предложилъ на семъ конгресѣ, чтобы, за огромныя жертвы, принесенныя имъ въ

борьбѣ за всеобщую независимость Европы, присоединена была къ Россіи восточная половина Галиціи со Львовомъ, населенная русскимъ народомъ; то европейскіе государи, согласившіеся на разширеніе Австріи присоединеніемъ къ ней Венеціи съ Ломбардіей и допущеніе преобладавшаго вліянія Австріи на цѣлую Италію, едва ли бы воспротивились такому требованію Александра I. Если бы за тѣмъ, какъ въ западныхъ областяхъ Россіи, такъ и въ присоединенной половинѣ восточной Галиціи, тогда же были введены русскіе законы, облегчена была участь крестьянъ освобожденіемъ ихъ отъ барщины, надѣлены были имъ въ собственность участки пахатной земли, оживотворенъ былъ духъ крестьянъ отеческимъ покровительствомъ; если бы вмѣстѣ съ тѣмъ православные храмы приведены были въ должное благолѣпіе, а православное духовенство освобождено было отъ преслѣдованія поляками-помѣщиками и допущено было къ участію въ земскихъ совѣщаніяхъ городскихъ общинъ и сельскихъ управъ; если бы за тѣмъ повсемѣстно въ тѣхъ областяхъ и въ Галиціи были поставляемы русскіе, безкорыстные административные чиновники; если бы поставлено было правиломъ, чтобы имѣнія, продаваемыя почему либо помѣщиками поляками, покупаемы были только русскими, а мысль Екатерины II, чтобы крестьянами православнаго вѣроисповѣданія не владѣли помѣщики другаго исповѣданія, исподоволь была осуществляема благоразумными мѣрами, — то руссское правительство не было бы вынуждено усмирять безпрестанные польскіе мятежи и бунты; Россія наслаждалась бы мирнымъ спокойствіемъ; а европейскіе государи не имѣли бы никакого повода и не вздумали бы, какъ теперь, вмѣшиваться въ распоряженія русскаго правительства, предпринимаемыя къ прекращенію бунта въ царствѣ Польскомъ, и принимать на себя адвокатство за Польшу по мыслямъ мятежныхъ поляковъ.

Какая же участь постигла бы за тѣмъ бывшее княжество варшавское? Естественно, что оно снова было бы раздѣлено между Австріею и Пруссіею, и заселенное нѣмецкими колоніями, до сихъ поръ онѣмечилось бы до того, что поляки вовсе

перестали бы мечтать о Польшѣ. Но Александръ I судилъ о нихъ по своему любвеобильному сердцу. По свидѣтельству польскаго писателя Козьмяна, Александръ, въ бытность свою въ Парижѣ, узнавъ, что нѣкто Александръ Батовскій, бывшій коммиссаромъ Наполеона въ княжествѣ варшавскомъ, и въ близкомъ знакомствѣ съ Талейраномъ, задумалъ, по своимъ обстоятельствамъ, навсегда остаться во Франціи, призвавъ Батовскаго къ себѣ, сказалъ ему: «Г. Батовскій, я васъ приглашаю возвратиться въ Польшу. Вы будете имѣть тамъ мѣсто, соотвѣтственное вашимъ лѣтамъ и заслугамъ. Повѣрьте мнѣ, что надобно навсегда забыть старые предразсудки, жалобы и ненависть. Вы будете имѣть либеральную конституцію и національныя учрежденія. . . . .

. . . .

Противу васъ судьба изрекла приговоръ. Польша независимая, въ настоящемъ состояніи Европы, была бы большою несообразностію въ политикѣ. Но Польша, опираясь на мою имперію, будетъ сильною, непреоборимою, счастливою» [1].

Такъ думалъ Александръ I, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ помышлялъ о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года. Напротивъ, изъ того, что онъ въ скорости, по обнародованіи въ Варшавѣ своей конституціонной хартіи, образовалъ отдѣльный литовскій корпусъ въ западныхъ областяхъ Россіи, раздавалъ имѣнія, именуемыя староствами, однимъ русскимъ генераламъ и заслуженнымъ сановникамъ, а ни одного изъ тѣхъ староствъ не пожаловалъ какому либо поляку,—слѣдуетъ заключать, что Александръ I вовсе не имѣлъ намѣренія воз-

---

[1] «Monsicur Batowski, je vons invite de revenir en Pologne; vous y trouverez une place convenable à votre âge et à votre mérite. Croyez moi, il faut oublier pour toujours toutes les anciens préjuges, toutes les gries, toutes les haines. Vous aurez la Pologne entière avec votre nationalité telle, qu'elle a été anciennement. Vous aurez une constitution nationale . . . .

. . . .

Mais la destinée s'est prononcé contre vous. La Pologne independante dans l'état actuel de l'Europe serait un grand inconvenient en politique, mais la Pologne, appuyée sur mon empire, serra forte, inattacable et heureuse». Pamiętnik[1] K. Koźmjana. Cddz. II, str. 430.

становлять Польшу въ древнихъ ея предѣлахъ. Впрочемъ, можетъ быть, иногда и такія мысли возникали въ сердцѣ его, даже, можетъ быть, Александръ предъ кѣмъ либо, напр., предъ исторіографомъ Карамзинымъ, выразилъ частно, конфиденціально, хотя отнюдь не оффиціально, подобныя мысли. Но могутъ ли имѣть всякаго рода мысли государей оффиціальное, обязательное предъ кѣмъ либо значеніе, особенно если опыты убѣждаютъ, что осуществленіе ихъ во многихъ отношеніяхъ будетъ пагубно? Вѣдь Наполеонъ III, принимая званіе французскаго императора, торжественно объявилъ, что «имперія есть миръ» и почти вслѣдъ за тѣмъ открылъ крымскую кампанію, потомъ отправилъ корпусъ войскъ въ анамскую имперію, другой послалъ въ Китай, принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ италіянцевъ съ Австріею и послалъ корпусъ войскъ въ Мексику, для преобразованія ея по своимъ видамъ.

На вѣнскомъ конгрессѣ, когда Александръ I объявилъ, что онъ хочетъ даровать полякамъ національныя учрежденія, — опытные европейскіе дипломаты пророчески предсказали, что такая мѣра будетъ зародышемъ вѣчныхъ, народныхъ смятеній. Лордъ Кастельри сказалъ, что единственное средство къ предупрежденію новыхъ смутъ есть продолженіе системы раздѣла Польши. Пруссія и Австрія воспротивлялись даже возстановленію имени ея, а австрійскій министръ Меттернихъ выразилъ, что предположеніе Александра заключаетъ въ себѣ сѣмена раздора и совершенно противорѣчитъ существующимъ трактатамъ. Убѣжденные въ этой истинѣ, европейскіе дипломаты всемѣрно старались отклонить Александра отъ осуществленія задуманнаго имъ намѣренія; составлены были съ этою цѣлію искусныя политическія сѣти, даже употреблены были женскія интриги и лести, развлекали Александра постоянными забавами. Но онъ сильно возсталъ противъ предположенія относительно новаго раздѣленія Польши между Австріею и Пруссіею, положивъ въ сердцѣ своемъ на столько облагодѣтельствовать Польшу, на сколько это, какъ выражается польскій писатель Козьмянъ, не было бы противно интересамъ и безопасности его государства.

А какъ умиротворитель Европы не могъ ослабить себя отреченіемъ отъ областей, покоренныхъ или возвращенныхъ Россіи; то предположилъ возстановить имя и народность Польши дарованіемъ полякамъ либеральныхъ учрежденій [1]; потому Александръ объявилъ, что онъ не отступитъ отъ своей рѣшимости даже предъ войною. Вдругъ, во время состязанія его съ дипломатами, Наполеонъ I, какъ замѣчаетъ тотъ же писатель [2], сверхъ всякаго чаянія, бѣжавъ съ острова Эльбы, прибылъ во Францію, которой войска тотчасъ окружили его. Вслѣдствіе сего европейскіе государи уступили наконецъ настойчивому желанію Александра и согласились допустить образованіе Польскаго царства, сообразно видамъ его воскресителя.

При всемъ томъ, умудренные опытами сами поляки, какъ напр., нареченный статсъ-секретаремъ Польскаго царства Соболевскій, полагали, что обнародованныя вдругъ либеральныя учрежденія не поведутъ поляковъ къ добру; а, въ случаѣ бунта, болѣе надлежало ожидать опасности для Польши, нежели для Россіи. Почему Соболевскій предлагалъ отстрочить на время приведеніе въ исполненіе дарованной Александромъ I Польшѣ конституціонной хартіи [3].

Но послѣ ватерлооскаго пораженія французской арміи и по удаленіи Наполеона на островъ св. Елены, когда наконецъ Европа отдохнула отъ напряженія, народы осѣнилъ миръ, конституціонная хартія Александра I была провозглашена въ Польшѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ тотчасъ принялся за образованіе польскаго войска. Оно содержалось на счетъ русскаго государственнаго казначейства; а семь милліоновъ флориновъ, которые получалъ саксонскій король, въ качествѣ герцога варшавскаго княжества, Императоръ Александръ I предоставилъ на извлеченіе польскаго края изъ нищеты и приведеніе въ цвѣтущее состояніе. Въ слѣдствіе сего, повсемѣстно въ Польшѣ было устроено шоссе, возникли въ Варшавѣ великолѣпныя зданія, введено благоустройство во всѣхъ администра-

[1] [2] Pamiętniki K. Koźmjana. Oddz. II, str. 434, 437. [3] Pamiętniki K. Koźmiana. Oddział I, str. 177

тивныхъ подраздѣленіяхъ, и польскій край достигъ до такого цвѣтущаго состоянія, какимъ никогда не пользовался во время самостоятельности Польскаго королевства.

Не смотря на то, подкупленные журналисты западныхъ государствъ, особенно французскіе, въ угодность польскимъ выходцамъ, утверждаютъ, будто бунты поляковъ 1830 г. и настоящій 1863 г.—проистекаютъ изъ того, что даровавшая Польшѣ Александромъ I конституціонная хартія не была вполнѣ приведена въ исполненіе, и какбы спрашиваютъ: почему эта хартія не получила развитія во всѣхъ отношеніяхъ?—Потому что сами поляки съ самаго начала не допускали до этого русское правительство, и потомъ постоянно противились этой мѣрѣ, не желая законнаго, хотя бы конституціоннаго, устройства и порядка. Такъ, едва Императоръ Александръ I воскресилъ имя Польши и провозгласилъ дарованную ей конституцію, въ тоже время составился противъ Россіи заговоръ, извѣстный подъ названіемъ своего зачинщика Лукасинскаго, въ которомъ заговорѣ участвовали многіе офицеры польскаго войска и коему сочувствовали многіе польскіе аристократы и граждане Варшавы. А какъ означенная конституція допускала, между прочимъ, свободу печати или прессы, предоставивъ сейму обмыслить средства къ ограниченію ея своеволія, то юноши, едва окончившіе тогда въ училищахъ свое образованіе, не размышляя о томъ, что положеніе Польши было отлично отъ положенія самостоятельныхъ государствъ, только сгарая неутомимою жаждою сдѣлаться извѣстными, особенно подражая современнымъ французскимъ памфлетистамъ, съ обычнымъ обезьянничествомъ стали заправлять польскою журналистикою. Первый молодой писатель, слѣлавшійся извѣстнымъ по переводамъ кое-какихъ латинскихъ классиковъ и по нѣкоторымъ мелкимъ литературнымъ произведеніямъ, Брунонъ Кицинскій, принявъ въ сотрудники себѣ нѣкоего Скоморовскаго, воспитанника кременецкой гимназіи, бывшаго уже по своимъ выходкамъ и язвительнымъ остротамъ на замѣчаніи Константина Павловича и полиціи, стали издавать журналъ, подъ названіемъ: Orzeł biały. Въ этомъ журналѣ на-

чали появляться статьи враждебныя правительству, порицаніе его распоряженій и осмѣиваніе лицъ, состоявшихъ во главѣ польской администраціи, не потому, чтобы тѣ лица заслуживали порицаніе по своимъ дѣйствіямъ, а единственно изъ подражанія французской журналистикѣ, которая нападала на тогдашнихъ французскихъ министровъ, особенно потому что Лудовикъ XVIII былъ окруженъ іезуитами и эмигрантами, которые, не имѣя понятія о новомъ положеніи Франціи, дѣйствовали вопреки желаніямъ французовъ. Но политическія статьи, печатаемыя въ журналѣ *Бѣлый орелъ*, тѣмъ оскорбительнѣе были для польскихъ министровъ и вообще для лицъ, состоявшихъ во главѣ польской администраціи, что открыто были разглашаемы совѣщанія государственнаго ихъ совѣта, которыя молодые товарищи докладчиковъ, присутствовавшіе на засѣданіяхъ того совѣта, не умѣя хранить государственной тайны, разглашали ихъ въ разныхъ домахъ, чтобы выставить важность своей личности. Такими сплетнями объ администраціи, преимущественно между женщинами, особенно отличался сынъ князя воеводы Антоній Яблоновскій, которому недоставало только остроумія (dowcipu), но который имѣлъ нѣкоторое значеніе въ салонахъ аристократическихъ. Этотъ Яблоновскій впослѣдствіи участвовалъ въ заговорѣ Рылѣева, Бестужева и Пестеля противъ Императора Александра I [1]. Для раскрытія того заговора учреждена была слѣдственная коммиссія; но постановленіемъ, по слѣдствію той коммиссіи, польскаго сейма Императоръ Николай I былъ недоволенъ; а поляки съ своей стороны пуще озлобились противу русскихъ, причиняя имъ оскорбленія и придираясь къ нимъ, чтобы вызывать ихъ на дуэль, пока не возникла наконецъ польская революція. Между тѣмъ редакторы журнала Бѣлый орелъ, пользуясь довѣрчивою откровенностію Яблоновскаго, узнавали отъ него тайны польской администраціи, и составляли противъ нея свои оппозиціонныя статьи. Вообще же духъ мятежа въ Польскомъ царствѣ со дня на день тѣмъ болѣе усиливался,

---

[1] Pamiętniki Kajetana Koźmjana. Oddz. II, str. 24—241.

что В. князь Константинъ Павловичъ, принявшись образовывать польское войско, въ основу коего собралъ остатки польскихъ войскъ, искреститвшихъ съ арміями Наполеона цѣлую Европу, бывшихъ большею частію членами различныхъ тайныхъ обществъ, надменныхъ своимъ участіемъ въ битвахъ Наполеона; поэтому солдаты, особенно офицеры такого войска, очень неохотно подчинялись военной дисциплинѣ, требуемой Константиномъ Павловичемъ, даже какъ нарочно дѣйствовали вопреки такому требованію. Такой духъ польскаго войска приводилъ въ безпокойство пылкій характеръ Константина Павловича, побуждалъ его дѣлать строгія замѣчанія и выговоры польскимъ офицерамъ, которые въ свою очередь питали противъ него злостную ненависть, считая выговоры князя оскорбленіемъ польскаго ихъ гонора.

Но когда наконецъ въ журналѣ *Бѣлый орелъ* стали во множествѣ появляться нестерпимо обидныя для правительства статьи; тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, замѣтивъ по этому поводу неудовольствіе Великаго князя и намѣстника царства Польскаго Заіончка, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій, предложилъ основать при своемъ министерствѣ въ конституціонной формѣ журналъ, противоположный духу журнала *Бѣлый орелъ*, и для этой цѣли пригласить къ содѣйствію и сотрудничеству въ такомъ журналѣ извѣстнѣйшихъ польскихъ писателей. Главную редакцію того журнала онъ намѣренъ былъ поручить главному директору коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Сочувствуя такому предположенію, министръ просвѣщенія Станиславъ Потоцкій, Сташицъ, Плятеръ, Липинскій, даже Нѣмцевичъ обѣщали доставлять въ предполагаемый журналъ статьи своего сочиненія для опроверженія лживыхъ и превратныхъ политическихъ мнѣній и убѣжденія въ необходимости умѣренно пользоваться конституціонною свободою, и для внушенія, что въ положеніи Польши, одаренной толиками благодѣяніями Александра I, истинная любовь къ отечеству состоитъ въ уваженіи и умѣніи цѣнить настоящее благо, имѣя особенно въ виду обѣщанія Императора Александра I. Но Константинъ Пав-

ловичъ отвергъ этотъ проектъ министровъ, объявивъ, что не хочетъ литературной полемики съ юношами: потому что такая мѣра пуще раздувала бы зло, которое лучше всего прекратить ограниченіемъ журнальной свободы и запрещеніемъ вредныхъ сочиненій [1].

Но такихъ сочиненій явилось уже множество, съ нескрываемымъ намѣреніемъ произвесть революцію не только въ Польшѣ, но даже въ цѣлой Европѣ, особенно во Франціи: такъ какъ на революціи въ этомъ государствѣ поляки всегда основывали свою надежду къ осуществленію мятежныхъ своихъ мечтаній. По этому побужденію, въ сатирическихъ польскихъ журналахъ помѣщались намеки, что полезно было бы уничтожить династію Бурбоновъ и снова возвесть на престолъ Наполеона. Такого духа каламбурами отличался особенно журналъ Момусъ, коего каламбуры обращались въ пословицы; каковъ напр. слѣдующій: Bór Bony wyciąć—na pole ón lepszy; въ этомъ смыслѣ каламбуръ по видимому означалъ, что лучше вырубить лѣсъ королевы Боны, и обратить его въ пахатное поле. Но написавъ: Bórbony wyciąć, Napoleon lepszy, каламбуръ внушалъ: истребить династію Бурбоновъ, такъ какъ Наполеонъ лучше. Тогда же славился сатирическій журналъ, издававшійся въ Вильнѣ подъ названіемъ: Brukowe wiadomości (Уличныя извѣстія). Этотъ журналъ нападалъ на религію, особенно осмѣивалъ латинское духовенство, тиранію пановъ надъ хлопами, взяточничество чиновниковъ, расточительность и спѣсь тогдашнихъ магнатовъ; но когда сталъ посмѣиваться и подтрунивать надъ дѣйствіями русскаго правительства и министровъ, то подвергся запрещенію въ 1822 году. Вообще же не появлялось тогда ни одного на польскомъ языкѣ сочиненія, которое не заявило бы въ какомъ либо отношеніи злостной ненависти противу Россіи или ея правительства; такими мыслями и чувствами пропитаны были даже солидныя произведенія поляковъ. Такъ напр. въ трагедіи: Barbara Radziwiłówna вложенъ былъ сильный монологъ Глинскаго, коего поляки считали своимъ

[1] Pamiętniki K. Koźmiana, Oddz. II, stron.

измѣнникомъ, а Великій князь московскій Василій (?) ввергъ его въ темницу по одному подозрѣнію въ измѣнѣ. Этому Глинскому авторъ трагедіи вложилъ самыя рѣзкія выраженія противъ деспотизма и тираніи московскаго князя. Въ поэмѣ, названной: Ziemlanstwo (крестьянство), авторъ самыми черными красками изобразилъ русскихъ, осаждавшихъ Данцигъ, въ коемъ скрывался король Станиславъ Лещинскій и проч.

Въ это же почти время начали появляться сочиненія стараго Нѣмцевича, подъ названіемъ: Dzieie panowania Zygmunda III (событія царствованія Сигизмунда III). Это были большею частію записки или дневники польскихъ авантуристовъ, которые подъ знаменемъ имени или, лучше сказать, призрака Димитрія сына Іоанна Грознаго, безъ всякаго почти препятствія вторглись въ Россію, затѣмъ, по умерщвленіи самозванца, подставили новаго, потомъ предложили Россіи въ цари Владислава сына Сигизмунда, а когда наконецъ самъ Сигизмундъ сталъ домогаться короны Мономаховой, такъ какъ польскіе наѣздники куда въ Россіи ни проникли, производили хищенія, грабежи, насилія, кровопролитіе и убійства: то Русь, хотя не имѣла ни правительства, ни войска, изгнала ихъ и смела съ лица своей земли. Въ отмщеніе за это польскіе наѣздники вздумали утѣшиться сочиненіемъ мнимыхъ дневниковъ, въ которыхъ, называя русскихъ москалями[1], изображали какъ ихъ, такъ и нравы и

---

[1] Нѣтъ сомнѣнія, что слова: *москаль и схизматикъ* привили полякамъ іезуиты, въ ярости за то, что, при всѣхъ пронырствахъ и козняхъ своихъ, не успѣли они совратить русскихъ въ латинство, заставить ихъ признать главою Церкви папу, и подчинить русскую Церковь полному своему вліянію и господству: потому что эта Церковь, сохраняя символы вѣры и благочиніе, утвержденные вселенскими соборами, самымъ существованіемъ своимъ обличала латинскую Церковь въ уклоненіи отъ первобытной вѣры и благочинія вселенской Церкви. А что іезуиты насадили въ сердцахъ поляковъ адскую ненависть противъ русскихъ и православной Церкви, въ этой истинѣ сознаются сами добросовѣстные польскіе писатели, напр., Каетанъ Козьмянъ утверждаетъ: „Zakon iezuitski wprowadził nas (поляковъ) w wojnę z Rossią za samozwańców. On przez swoie narzędzia, przesladuiąc i nawracaiąc Ruś, sciągnął bunt kozacki, i następnie na Ukrainie rżezie. On przez nietolerancią pozbawił nasze mjasta fabrikantów, on się przyłożył do okrutnego wyroku za Awgusta III przeciw magistratowi Toruńskiemu“. Pamiętniki Kajetana Koźmiana. Oddział I, str. 254.

обычаи ихъ, самыми черными красками. Очевидно, что такія сочиненія похожи на изреченіе въ басни Крылова лисицы на счетъ винограда, котораго она, не могши достать, сказала:

Ну что жь?
На взглядъ-то онъ хорошъ;
Да зеленъ,—ягодки нѣтъ зрѣлой;
Тотчасъ оскомину набьешь.

Но не смотря на то, что русскіе XIX вѣка не тѣ и не такіе, какими были въ началѣ XVI вѣка, что русскихъ всѣ цивилизованные европейскіе народы называютъ россіянами, или русскими, а не москалями, а россійское государство Россіею, а не Москвою,—записки означенныхъ польскихъ авантуристовъ были читаемы поляками съ увлеченіемъ и питали въ польской молодежи презрѣніе къ русскимъ. Но Нѣмцевичъ дышалъ такою ненавистью ко всему русскому, что и собственными сочиненіями, каковы наприм. Ekloga Kiriłły, Listy Litewskie, вкоренялъ въ польской молодежи злобу и отвращеніе отъ русскихъ. А какъ Нѣмцевичъ исправлялъ въ царствѣ Польскомъ должность государственнаго секретаря (sekretarza stanu), былъ уважаемъ польскою публикою по его просвѣщенію и дружбѣ съ Чарторыжскимъ, то и его пасквильныя противъ русскихъ сочиненія имѣли авторитетный вѣсъ въ публикѣ.

Вообще Нѣмцевичъ въ бесѣдахъ и сочиненіяхъ своихъ не называлъ жителей Россіи россіянами или русскими, но употреблялъ о нихъ бранное у поляковъ прозваніе москалей. Не утаилось это отъ зоркой наблюдательности Новосильцова. Оскорбленный такимъ умышленнымъ, невѣжливымъ униженіемъ русскихъ, онъ жаловался намѣстнику царства Польскаго Заіончку, прося его прекратить все это своимъ вліяніемъ на Нѣмцевича. «Зачѣмъ», говорилъ Новосильцовъ, «въ настоящемъ положеніи двухъ народовъ, возбуждать между ними раздраженіе? Оно тѣмъ болѣе вредно, что проистекаетъ отъ лица, пріобрѣвшаго особенное уваженіе и вліяніе на мнѣніе публики. Вѣдь русскіе подавили въ себѣ ненависть къ полякамъ, и хотя сдѣлались ихъ побѣдителями, однако ничѣмъ не оскорбляютъ на-

роднаго самолюбія поляковъ, не называютъ ихъ ляхами, какъ въ старину называли ихъ въ Россіи; но даже отдаютъ предпочтеніе ихъ цивилизаціи, которой и Карамзинъ не отрицаетъ въ своей исторіи. Русскіе усвоили себѣ виды (weszli w widoki) своего Императора относительно примиренія и соединенія двухъ народовъ подъ однимъ скипетромъ. Просвѣщеннѣйшая сторона русскаго народа сочувствуетъ Государю въ этомъ дѣлѣ: только есть еще немалое число людей въ войскѣ и между русскими аристократами, которыхъ остается склонить къ осуществованію видовъ Императора; такъ какъ они неодобрительно смотрятъ на благодѣянія, изліянныя имъ на Польшу, завоеванную кровію русскихъ. Но неуваженіе и оскорбленіе русскихъ поляками, затрудняя политическое и внутреннее положеніе Государя Императора, можетъ удержать или отмѣнить его виды относительно Польши. Тогда сами поляки будутъ виноваты, если лишатся политическаго своего бытія и тѣхъ вольностей, коими одарило ихъ великодушіе Государя Императора». Дѣйствительно весьма удобно было тогда вовсе уничтожить, такъ называемое, Польское царство и вновь изгладить имя Польши съ географической карты Европы, тѣмъ болѣе, что русская армія еще сіяла блистательнымъ ореоломъ побѣдъ, одержанныхъ надъ арміями Наполеона на цѣломъ протяженіи отъ Москвы до Парижа.

Замѣчанія Новосильцова вполнѣ убѣдили намѣстника Заіончка въ ихъ справедливости. Вслѣдствіе сего Заіончекъ пригласилъ къ себѣ для вразумленія Нѣмцевича, съ которымъ до этой поры былъ въ тѣсной дружбѣ, какъ во время конституціоннаго до раздѣла Польши сейма, такъ и во время революціи Костюшки и по освобожденіи Заіончка изъ омолуцкой крѣпости, также въ продолженіи французской революціи и по возвращеніи Нѣмцевича изъ Америки, почему они могли говорить съ собою откровенно, со всею фамиліарностью. Но, будучи оба живаго характера и упорны въ своемъ мнѣніи, обманулись другъ въ другѣ. Намѣстникъ, разсказавъ Нѣмцевичу жалобы Новосильцова, признавалъ ихъ основательными: такъ какъ глубоко былъ убѣжденъ, что полякамъ нечего ожидать болѣе, какъ только

искренно и откровенно придерживаться Россіи и старался въ этомъ убѣдить Нѣмцевича и склонить его къ умѣренности. Но Нѣмцевичъ, всегда мечтавшій о другой будущности Польши, остался при своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ рушилась дружба Заіончка съ Нѣмцевичемъ, которому первый запретилъ даже бывать у себя [1].

Такъ, не смотря на мятежный духъ поляковъ, особенно польской молодежи, благоразумные поляки, взвѣшивая свое положеніе и принимая въ соображеніе ихъ дѣйствительныя нужды и отношенія къ окрестнымъ народамъ, убѣждались, что благоденствіе Польши возможно только въ искреннемъ союзѣ и тѣсномъ соединеніи ея съ Россіею. Въ такомъ убѣжденіи знаменитый польскій писатель Сташицъ, въ одномъ изъ сочиненій своихъ, коимъ онъ занимался еще съ 1815 года, неопровержимо доказываетъ, что германизмъ настойчиво усиливается подавить славянъ; что настало самое благопріятное время для нихъ соединиться подъ однимъ скипетромъ русскаго Государя Императора; что самая природа ведетъ къ тому событія, что въ такомъ только соединеніи Польша сохранитъ свою народность, обычаи, религію, свободу. «И это непремѣнно послѣдуетъ», восклицаетъ Сташицъ, «иначе погибнетъ тотъ, кто этому станетъ противиться». Послѣ вѣнскаго конгресса, Сташицъ издалъ брошюру, подъ названіемъ: «Послѣднія мои предостереженія для Польши (Ostatnie moje przestrogi dla Polski)». Въ этомъ сочиненіи, подтверждая свою систему, Сташицъ, убѣждая поляковъ къ искреннему соединенію съ Россіей, внушаетъ имъ: «соединяйтесь съ русскими и просвѣщайтесь (łączcie się z Rossianami i oswiecajcie się) [2]!»

Но Нѣмцевичъ, Брунонъ Кицинскій и Скоморовскій не унимались, постоянно волнуя своими сочиненіями поляковъ. Вслѣдствіе сего, Великій князь Константинъ Павловичъ и Новосильцевъ рѣшились положить преграду необузданности польской прессы, а намѣстникъ царства Заіончекъ убѣдилъ министра

[1] Pamiętniki K. Koźmiana, oddział II, str. 242.
[2] Pamiętniki K. Koźmiana. Oddz. II. stron. 223—229.

просвѣщенія изготовить проектъ закона относительно ограниченія свободы печатнаго слова для представленія его на заключеніе сейма, и внесъ этотъ проектъ въ государственный совѣтъ, который его одобрилъ. Но министръ просвѣщенія Игнатій Потоцкій, подъ предлогомъ болѣзни, не прибылъ въ засѣданіе совѣта для контрасигнованія проекта. Поэтому Сташицъ, какъ занимавшій въ совѣтѣ мѣсто министра, счелъ своимъ долгомъ скрѣпить тотъ проектъ своею подписью. Съ открытіемъ сейма, большая часть депутатовъ, особенно калишскаго воеводства, подражая современной французской оппозиціи, признала виновными за тотъ проектъ министра просвѣщенія и Сташица, даже заготовила было прошеніе къ Государю Императору о преданіи суду министра и Сташица. Въ другое засѣданіе того же сейма, когда разсуждали о проектахъ государственнаго совѣта и взвѣшивали мнѣнія о нихъ коммиссій, противъ одного весьма полезнаго для Польши проекта закона, члены коммиссіи, особенно Викентій Гржимайло, чрезвычайно дерзко выражались на счетъ того проекта, Сташицъ воскликнулъ: «Ради Бога, господа, обдумайтесь! Зачѣмъ вы возобновляете споры съ правительствомъ на подобіе старинныхъ польскихъ сеймовъ, погубившихъ Польшу. Вспомните, ради Бога, чѣмъ вы были недавно. Вѣдь мы были завоеваны и какбы не существовали; великодушный Государь даровалъ намъ свободу, какой только мы могли желать. Но едва возродились мы для жизни, какъ, вмѣсто заявленія благодарности и благоразумной подчиненности, волнуемся, возстаемъ: противу кого? Противу силы, которая, какъ могла создать насъ, такъ можетъ сдунуть насъ съ лица земли однимъ дуновеніемъ». Сташицъ хотѣлъ еще продолжать свою рѣчь, но крики членовъ сейма, особенно Гржимайлы, прервали его такими словами: «Подъ судъ, подъ судъ члена правительства, который въ сужденія и споры съ министрами и правительствомъ вмѣшиваетъ не конституціонное имя царствующаго, желая напугать насъ!» Затѣмъ раздраженные депутаты хотѣли выйдти, такъ что предсѣдатель сейма и докладчикъ едва успокоили умы и убѣдили заняться

снова сужденіями о дѣлахъ сеймовыхъ. Огорченный, сконфуженный Сташицъ умолкъ и, нахмуривъ чело, сидѣлъ на сеймѣ будто нѣмой, а по окончаніи сеймоваго засѣданія сказалъ одному изъ благомыслящихъ членовъ: «Видишь, какъ возстали на меня! Не хотятъ слушать правды; еще духъ анархіи бѣснуетъ ихъ. Увидишь, что они еще однажды погубятъ Польшу».

Дѣйствительно духъ анархіи и крамолы постоянно возросталъ въ Польшѣ, принимая исполинскіе размѣры. Сочиненія, возбуждавшія въ полякахъ ненависть противъ всего русскаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, въ формѣ брошюръ, комедій, сатирическихъ памфлетовъ и пѣсней (напр. Spiewy historyczne Niemcewicza), открыто развозились польскими и еврейскими книгопродавцами, и явно продавались въ Кіевѣ въ контрактовомъ домѣ. Смотря на все, легко можно было предвидѣть мятежныя затѣи поляковъ. Но мѣстное правительство не обращало на это никакого вниманія.

Въ 1826 году, открытъ былъ самый обширный заговоръ, имѣвшій цѣлію мятежное возстаніе поляконъ. Наряженная для изслѣдованія этого заговора коммиссія открыла многихъ заговорщиковъ, изъ которыхъ немногіе преданы были суду. Но такъ какъ въ тоже почти время открытъ бунтъ въ Петербургѣ, такъ прозванныхъ, декабристовъ, вполнѣ раскрыта ихъ крамола, пагубныя для Россіи затѣи и учреждено надъ виновными чрезвычайное судилище; такъ какъ на это событіе обращены были взоры всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи: то на упомянутый заговоръ поляковъ едва обращено было въ то время вниманіе русскихъ, такъ что онъ прошелъ почти безслѣдно.

Въ 1828 году, когда незабвенный Императоръ Николай I, исполняя обѣтъ Александра I, рѣшился короноваться въ Польшѣ, въ качествѣ польскаго короля, снова составилась группа заговорщиковъ, покушавшихся на жизнь Государя Императора Николая. Къ счастію, узнали о семъ умудренные опытами жизни поляки и убѣдили, хотя съ чрезвычайнымъ усиліемъ, заговорщиковъ оставить преступный замыселъ, дабы, какъ говорили они,

исторія Польши не была загрязнена повѣствованіемъ о столь гнусномъ цареубійствѣ. Но всего удивительнѣе, что Константинъ Павловичъ и Государь Императоръ благовременно узнали объ этомъ беззаконномъ замыслѣ, и при всемъ томъ Государь Николай Павловичъ совершилъ свое шествіе въ костелъ, въ которомъ возложилъ на себя корону Пястовъ, но шествовалъ блѣдный... Вся предосторожность, предпринятая противъ сатанинскаго замысла заговорщиковъ, состояла въ томъ лишь, что на улицахъ, которыми шествовалъ Императоръ, поставлены были по одну и другую сторону улицъ шпалерами войска [1].

Наконецъ, такъ какъ поляки постоянно увлекаются примѣромъ Франціи, а возникшія въ 1830 году революціи отдѣлили Белгію отъ Голландіи, и французы изгнали династію Бурбоновъ; то и польскіе агитаторы, предполагая, что революція обнимаетъ цѣлую Европу, вздумали разыграть свою революцію. Замѣчательно, что и этой революціи въ западныхъ русскихъ областяхъ предшествовало усиленное угнетеніе православныхъ священниковъ. Грабежи ихъ имѣнія и презрительныя насмѣшки надъ ними, похожи были на партизанскую войну, которая предвѣщала близость возстанія поляковъ. Приготовленіе къ возстанію поляки западныхъ губерній дѣлали открыто съ 1828 года, а бывшій тогда римскій юбилей послужилъ удобнымъ поводомъ для ксендзовъ частію съ каѳедры, частію на тайныхъ исповѣдяхъ, возжигать умы противъ Россіи и ея правительства, равно какъ и возбуждать къ возстанію для освобожденія ойчизны. Правительство знало это до малѣйшихъ подробностей, но, къ удивленію, смотрѣло не все это равнодушно, какъ говорятъ сквозь пальцы, и не предпринимало никакихъ мѣръ къ прекращенію мятежническихъ затѣй поляковъ. Тогда же поляки-помѣщики русскихъ областей открыли новый путь къ пріобрѣтенію денегъ заимообразно, изъ русскаго государственнаго банка, въ твердой надеждѣ, что мятежныя ихъ затѣи осуществятся, а взя-

---

[1] Объ этомъ событіи напечатана была въ Парижѣ брошюра, сочиненная самими поляками.

тыя заимообразно деньги останутся неотъемлемымъ ихъ достояніемъ. Съ этою цѣлію нѣкоторые изъ тѣхъ помѣщиковъ по нѣсколько разъ отдавали банку въ залогъ свои имѣнія. Такою сдѣлкою преимущественно отличались тѣ помѣщики, которые, на случай неудачи возстанія въ Польшѣ, рѣшились переселиться въ западныя европейскія государства. Такія-то имѣнія впослѣдствіи были конфискованы правительствомъ.

Сигналомъ бунта поляковъ въ 1830 году былъ лживый крикъ кадета Высоцкаго, будто русскіе рѣжутъ поляковъ. По этому воплю въ одно мгновеніе взбунтовалось все польское войско, доведенное Константиномъ Павловичемъ до возможной степени совершенства. Бунтовщики, прежде всего, хотѣли принесть его въ жертву непонятному, слѣпому своему мщенію. Но Константинъ Павловичъ, благодаря приближеннымъ, преданнымъ ему полякамъ, благополучно избѣжалъ угрожавшей ему опасности. Между тѣмъ, пока подоспѣли для усмиренія бунта русскія войска, поляки собрались въ большемъ количествѣ на сеймъ, на которомъ ихъ ораторы почти единственнымъ предлогомъ своего возстанія выставили то, что Императоръ Николай, досадуя на умножившіяся въ Польшѣ разводы браковъ, далъ кому слѣдовало именной указъ, чтобы судьи, при рѣшеніи о расторженіи брачныхъ союзовъ, руководствовались древними польскими законами и канонами латинской Церкви и по нимъ рѣшили разводныя дѣла. По мнѣнію же польскихъ на сеймѣ ораторовъ, Государь Императоръ, по силѣ конституціи, предварительно долженъ былъ дать по этому предмету повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ, а по разсмотрѣніи онаго государственнымъ совѣтомъ, должно быть внесено объ этомъ предложеніе на разсужденіе и рѣшеніе сейма; но Государь именнымъ своимъ указомъ, относительно расторженія брачныхъ союзовъ, нарушилъ конституцію. А если онъ не считалъ себя обязаннымъ условіями конституціи: то тѣмъ самымъ освободилъ поляковъ отъ присяги на вѣрность ему [1].

---

[1] Kurier, warszawski и другія современныя польскія газеты

Къ несчастію, усмиренію бунта, съ одной стороны, препятствовала тогда же наступившая распутица и слякоть, чрезвычайно затруднявшія движеніе армій и ихъ соединеніе, съ другой стороны, какъ носился во время польской кампаніи слухъ, мятежъ длился отъ того, что главнокомандующій русскими войсками, Дибичъ, не смотря на отличные свои военные таланты и искусные планы сраженій, не умѣлъ пользоваться пораженіями польскихъ войскъ, именно не давалъ приказаній преслѣдовать ихъ остатки. Почему польскія войска, отступивъ съ поля своего пораженія на какіе нибудь десятки верстъ, снова соединялись, формировались и начинали тревожить русскую армію, которая сверхъ того страдала отъ недостатка продовольствія и мятежнаго духа шляхты и крестьянъ, въ Польшѣ и Литвѣ, возбуждаемаго и словомъ и личнымъ примѣромъ латинскихъ ксендзовъ и монаховъ. При всемъ томъ русскіе крестьяне подольской, волынской, могилевской и витебской губерній, гдѣ только появлялись мятежныя скопища поляковъ—помѣщиковъ и шляхты, тотчасъ доводили о томъ до свѣдѣнія командующихъ русскими войсками, также открывали и указывали на склады оружія, заготовленнаго въ разныхъ мѣстахъ мятежниками. Но, такъ какъ тогда крестьяне страдали подъ гнетомъ ужаснѣйшаго рабства, то, къ сожалѣнію, по усмиреніи бунта поляковъ, крестьяне патріоты частію сданы помѣщиками въ солдаты, а частію сосланы на поселеніе въ Сибирь подъ разными предлогами, а семейства и хозяйства ихъ совершенно разорены. Поздно узналъ объ этомъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ, такъ-что уже не могъ оказать такимъ крестьянамъ существеннаго покровительства и защиты.

Наконецъ, по взятіи штурмомъ укрѣпленной, такъ называемой, Воли и покореніи Варшавы, бунтъ поляковъ былъ усмиренъ; остатки польскихъ войскъ, отрѣзанныя отъ Варшавы, подъ предводительствомъ Дверницкаго и Ромарини, вынуждены были спасаться отъ конечнаго истребленія въ Австрію, въ которой правительство, выдвинувъ на границы Польскаго царства, также волынской и подольской губерній, обсерваціонный корпусъ, не

мѣшаясь въ дѣло, оставалось спокойнымъ зрителемъ происшествій. Другіе остатки польскихъ войскъ, бывшихъ въ Варшавѣ и крѣпостяхъ, прошли другими путями во Францію; но на предѣлахъ каждаго государства, въ которые первоначально вступали, вынуждены были отдавать свое оружіе военнымъ мѣстнымъ властямъ, и сверхъ того платить за пропускные виды для дальнѣйшаго слѣдованія.

По усмиреніи польскаго бунта, виленскій университетъ и кременецкій лицей, главныя гнѣздилища заговоровъ въ западной Россіи, закрыты. Вмѣсто ихъ основанъ кіевскій университетъ во имя св. Владиміра. Въ слѣдъ за симъ уніатскіе іерархи, послѣ долговременныхъ съ своими учеными прелатами совѣщаній [1], и провѣрки съ твореніями св. отцовъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ опираются софизмы латинскихъ богослововъ, убѣдившись въ неосновательности нововведеній латинской Церкви, которыя до того времени считали основательными и уніаты,— рѣшились съ своими паствами возвратиться въ нѣдра отечественной русской Церкви, отъ которой предки ихъ были отторгнуты невѣроятнымъ насиліемъ и льстивыми обѣщаніями. За тѣмъ обратились къ подчиненнымъ имъ священникамъ, требуя отъ каждаго изъ нихъ порознь письменнаго объявленія, согласны ли они или нѣтъ на возсоединеніе съ русскою, отечественною, Церковію? Всѣ съ радостію изъявили на это согласіе, кромѣ весьма не многихъ (всѣхъ около 30) [2] фанатиковъ базиліанскихъ монаховъ и священниковъ, коихъ дочери воспитывались въ дворахъ помѣщиковъ, обѣщавшихъ выгодно пристроить ихъ,

[1] Совѣщанія эти начались еще до мятежа, и въ 1829 году въ м. Жировицахъ составился съ этою цѣлью помѣстный соборъ, подъ предсѣдательствомъ б. оффиціала и администратора брестской епархіи о. Тупальскаго. Результатомъ этихъ совѣщаній было: 1) возстановленіе иконостасовъ въ тѣхъ унитскихъ церквахъ, изъ коихъ, въ подражаніе латинскимъ костеламъ, они были выброшены; 2) уничтоженіе органовъ, музыки, шептанныхъ обѣдней, колокольчиковъ во время служенія, служенія на одномъ престолѣ, въ одинъ и тотъ же день нѣсколькихъ обѣдней, и 3) повсемѣстное введеніе служебниковъ и другихъ богослужебныхъ книгъ московской печати, въ замѣнъ поврежденныхъ разными нововведеніями, сокращеніями и латинскими прибавками изданій—въ типографіяхъ уніатскихъ.

[2] Замѣчательно, что оказавшіе сопротивленіе къ возсоединенію священники всѣ, за исключеніемъ одного, были люди необразованные, полуграмотные, неви-

если отцы ихъ останутся въ уніи. Такіе фанатики были отправлены въ Курскъ, гдѣ содержались въ нанятомъ отъ казны домѣ, и получали приличную пенсію, а впослѣдствіи присоединившіеся къ православію монахи разосланы были въ разные монастыри западныхъ областей. Назначенный имъ пенсіонъ превосходилъ доходы, какіе получали они прежде на прежнихъ мѣстахъ. По принятіи такихъ мѣръ, приступлено было къ обращенію въ нѣдра православія мѣщанъ и крестьянъ, бывшихъ въ уніи. Это обращеніе совершалось въ теченіи одного года мирно, тихо, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма не многихъ селъ, въ которыхъ крестьяне были подстрекаемы помѣщиками и ксендзами противиться обращенію въ православіе, обѣщая имъ за противленіе разныя льготы, и угрожая имъ въ противномъ случаѣ страшною местію за возсоединеніе съ православною Церковію. Достойно еще замѣчанія, что въ нѣкоторыхъ селахъ юго-западныхъ губерній крестьяне, бывшіе въ уніи, помня по преданію отъ отцовъ, что ихъ предки были православными, берегли на чердакахъ въ домахъ своихъ, какъ святыню, старыя иконы, а подъ кровлею ихъ храмовъ царскія, церковныя врата, которыя уніатскими священниками сочтены были лишними, по уничтоженіи иконостасовъ.

Удалившіеся, по усмиреніи въ Польшѣ бунта, польскіе аристократы и войска, поселились, весьма немногіе, въ Англіи, а большинство во Франціи. Еще на пути, въ Бельгіи, они провозгласили польскимъ королемъ князя Адама Чарторыжскаго. Въ это время носился даже слухъ, что поляки короновали его, и что онъ сдѣлалъ распоряженіе вычеканить изъ богатаго своего столоваго серебра милліонъ польскихъ злотыхъ, которые раздалъ польскимъ выходцамъ. За тѣмъ учреждены имъ разныя министерства воображаемой Польши, даже морское, и такимъ образомъ составилось скитальническое, польское правительство. Тогда же поляки, удалившіеся во Францію и занимавшіеся ли-

давшіе даже семинаріи, но и они не долго находились въ Великороссіи: скоро убѣждались въ превосходствѣ православія предъ латинствомъ, присоединялись къ первому и возвращались на приходы особенными ревнителями православія. Всего только четыре изъ нихъ, и то изъ базиліанскихъ монаховъ, умерли на чужбинѣ.

тературою, принялись неутомимо сочинять на Государя Императора Николая пасквили, которые помѣщали въ французскихъ газетахъ и журналахъ, стращая вмѣстѣ съ тѣмъ французовъ, что вскорѣ русскія войска, съ ордами татаръ и киргизовъ, наводнятъ и поработятъ Францію, а въ царство Польское стали пересылать мятежныя пѣсни и другія сочиненія, стараясь распалять въ Польшѣ неукротимый духъ мятежа. За тѣмъ, по случаю возсоединенія уніатовъ съ отечественною Церковію, распространяли многія баснословныя легенды на счетъ насильственнаго будто бы обращенія уніатовъ въ нѣдра православной Церкви, особенно относительно нѣкоторыхъ стоявшихъ большею частію въ развалинахъ пустыхъ костеловъ и тѣхъ латинскихъ монастырей, въ которыхъ было не болѣе двухъ, трехъ монаховъ. Эти монастыри, по требованію правительства, на основаніи каноновъ римской же Церкви (по которымъ монастырь, въ коемъ нѣтъ двѣнадцати монаховъ, упраздняется), упразднены римско-католическою коллегіею. Означенные костелы, какъ извѣстно, въ свое время построены были потомъ и кровію русскаго народа и, не смотря на то, что, для поддержанія ихъ надѣлены были богатыми имѣніями, съ часу на часъ ветшали и превращались въ развалины; такъ какъ не были поддерживаемы и обновляемы починками. Сверхъ множества брошюръ и памфлетовъ на счетъ русскаго правительства, поэтъ Мицкевичъ издалъ польскую Христологію, въ которой, съ богохульною дерзостію, сравнилъ раздѣлъ Польши между тремя державами съ крестными страданіями Господа и Бога нашего Іисуса Христа. За тѣмъ Мицкевичъ сталъ читать въ Парижѣ лекціи будтобы литературы всѣхъ славянъ,— очевидно съ цѣлію превознесть польскихъ писателей, и чернить русскихъ, называя ихъ татарами и киргизами; наконецъ принялся излагать будтобы исторію Польши, въ которой развивалъ, какъ теперь Духинскій, гипотезу Лелевеля, будто бы аборигены кіевской, волынской и подольской области были поляки, на томъ основаніи, что Несторъ нѣкоторыхъ изъ нихъ именуетъ полянами; само собою разумѣется, что Мицкевичъ переплеталъ подобныя

лекціи безчисленными на счетъ русскихъ лживыми анекдотами. Между тѣмъ нѣкоторые изъ польскихъ выходцевъ вступали въ различныя тайныя общества и религіозныя секты сведенборгистовъ и другія [1]. А пробравшійся изъ Литвы въ Парижъ полякъ Товіаньскій образовалъ оригинальную свою секту, имѣвшую въ виду преобразовать латинское и другія христіанскія вѣроисповѣданія на западѣ, съ тѣмъ, чтобы одушевить ихъ фанатизмомъ въ пользу Польши; онъ выдавалъ себя за пророка и даже успѣлъ пріобрѣсти себѣ прозелитовъ.

Но эта секта скоро разсѣялась и исчезла.

Въ параллель съ сказанными сочиненіями, издававшимися во Франціи, въ царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ, польскіе писатели ревностно принялись издавать историческія повѣсти и романы, будто бы въ подражаніе Вальтеръ-Скотту, и живыми красками изображать польскія конфедераціи, превозносить агитаторовъ и зачинщиковъ ихъ, пробуждать въ польской шляхтѣ надменность, заносчивость съ такимъ искусствомъ, что самая строгая цензура не могла, повидимому, замѣтить въ этихъ сочиненіяхъ ничего противнаго общему спокойствію, тогда какъ эти повѣсти и романы сильно электризировали поляковъ и располагали ихъ къ возстанію противъ Россіи. Вмѣстѣ съ симъ даже въ такихъ твореніяхъ, каковы: *отроча Іисусъ* (dzieciątko Jezus), бывшаго митрополита латинскихъ церквей въ Россіи Головинскаго, поляки отъискивали изреченія и мысли, которыя примѣняли къ своему положенію [2]. Къ сочиненіямъ, возбуждавшимъ мятежный въ Польшѣ духъ, относились преимущественно описаніе похожденій разныхъ поляковъ, сосланныхъ въ отдаленнѣйшія восточныя русскія губерніи, за наглыя выходки противъ правительства, и распространеніе въ народѣ революціонныхъ пѣсней и мнѣній. Замѣчательно, что о мятежномъ духѣ и дѣйствіяхъ такихъ агитаторовъ сами же поляки доносили

[1] Одинъ изъ такихъ сектантовъ, возвратившись на родину, былъ привезенъ въ губернскій Могилевъ и порученъ роднымъ для вразумленія его монахамъ бернардинцамъ.

[2] Dzieciątko Jezus. Dolina terebintu str. 135, заключающая въ себѣ перифразъ евангелія Луки, т. I, стр. 68—74.

правительству, которое, послѣ строго изслѣдованнаго юридически дѣла, отправляло ихъ въ ссылку. Не смотря на то, убѣжавъ изъ своего заточенія и пробравшись въ Парижъ, эти авантюристы, въ описаніи своихъ похожденій, утверждали, будто москали совершенно невинно преслѣдовали ихъ и тирански съ ними поступали. Къ сему присовокупляли они лживыя порицанія русскихъ властей, насмѣшки надъ православнымъ богослуженіемъ и вообще надъ русскими, называя ихъ грубыми варварами.

Вообще же затѣи и приготовленіе поляковъ къ послѣднему бунту начались тотчасъ по взятіи Варшавы и усмиреніи мятежа въ 1831 году. Съ тѣхъ поръ поляки помѣщики западныхъ областей особенно усилили притѣсненіе русскихъ крестьянъ, насильственно стали отъ нихъ выжимать деньги и пріобрѣтать продажею хлѣбныхъ продуктовъ капиталы, которые лично доставили въ Парижъ и другія мѣста польскимъ выходцамъ, для составленія какбы сосредоточеннаго капитала, съ цѣлію произвесть и поддерживать затѣянный ими еще тогда послѣдній бунтъ; для этой же цѣли нѣкоторые поляки отвозили въ Парижъ столовое свое серебро. Въ награду за такія пожертвованія, они получали отъ главныхъ своихъ агитаторовъ по кольцу, или перстню, на коемъ съ верхней стороны былъ съ польскимъ гербомъ ящичекъ, изъ коего, посредствомъ пожатія едва примѣтной пружинки, выскакивалъ крошечный автоматъ въ чамаркѣ и конфедераткѣ, и кланялся. Такимъ образомъ, какъ утверждали подъ секретомъ нѣкоторые поляки, собранъ былъ капиталъ будто бы въ 60 милліоновъ талеровъ, а на счетъ процентовъ изъ него были задобряемы французскіе журналисты, чтобы въ издаваемыхъ ими журналахъ прославляли доблести поляковъ, выставляли страдательное ихъ положеніе, возставали на русское правительство, изображая его самыми черными красками и разглашали придуманныя поляками разныя басни. Въ 1848 году, когда адскій духъ революціи обуялъ Францію, Белгію, Германію, поляки, въ красныхъ шарфахъ, также принимали участіе въ французской революціи; за тѣмъ походное ихъ правительство, направилось въ Краковъ чрезъ Германію, гдѣ нѣмцы, въ чаду

революціонныхъ газовъ, даромъ возили въ своихъ вагонахъ мнимыхъ польскихъ министровъ, предполагая, что они пригодятся въ случаѣ революціи въ Германіи. Но поляки проговорились, что они отнимутъ отъ Пруссіи познанское княжество и Данцигъ. Нѣмцы завопили: Позенъ?!! Позенъ—нѣмецкая провинція! За тѣмъ поляки потеряли благоволеніе нѣмцевъ. А походное польское правительство, прибывъ въ Краковъ, тотчасъ произвело революцію, провозгласивъ, что оно раздѣляетъ Польшу съ западными русскими областями какбы на генералъ-губернаторства (wielkorządstwa): велико-польское, литовское, русское и проч. Но австрійскому правительству попался списокъ галиційскихъ революціонныхъ поляковъ, и оно, не долго думая, указало на нихъ крестьянамъ, какъ на главныхъ враговъ ихъ спокойствія и благоденствія, а крестьяне, черезъ половину поляки же, перерѣзали своихъ помѣщиковъ поляковъ. Такъ кончилась краковская революція. Послѣ сего поляки приняли самое горячее участіе въ революціяхъ венгерской и италіянской, по окончаніи коихъ занялись организаціею послѣдней революціи въ царствѣ Польскомъ. Предположивъ употребить всѣ стихіи бывшей Польши для произведенія этого бунта, агитаторы встрѣтились съ мыслію, не будетъ ли препятствіемъ на пути къ осуществленію ихъ затѣи русскій народъ, населяющій западныя русскія области? Рѣшили, что не будетъ. Но вспомнивъ, какъ этотъ народъ возставалъ нѣкогда противъ притѣснявшихъ его польскихъ помѣщиковъ и латинской пропаганды, защищая и отстаивая свою національность и православное вѣроисповѣданіе,—поляки обольстились полною надеждою, что этотъ народъ легко будетъ побудить къ возстанію прельщеніемъ и употребить орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей. Въ этой увѣренности польскіе писатели стали перелагать на польскій языкъ старинныя козацкія думы и пѣсни, помѣщать ихъ въ нѣкоторыхъ своихъ журналахъ, даже издавать отдѣльными брошюрами (таковы: Pieśni Zielińskiego. Poznań. Pieśni, Dumki i Szumki, wyd. Kocipinskiego. Кіевъ). Съ другой стороны поляки стали какъ будто бы сближаться съ

русскими, въ надеждѣ привлечь ихъ къ своимъ затѣямъ. Такъ, въ 40 годахъ начали кое-гдѣ появляться зародыши *хлопоманіи;* помѣщики, особенно ихъ сыновья и дворня, одѣвались въ крестьянскіе костюмы, разъѣзжали въ такихъ нарядахъ по ярмаркамъ, употребляя возы и упряжь на подобіе мужицкихъ. Крестьяне смотрѣли на нихъ какъ на шутовъ, сопровождая свои замѣчанія обычнымъ этому народу юморомъ и сарказмами. Вмѣстѣ съ симъ, полагая, что всего возможнѣе будетъ побудить къ мятежу крестьянъ, бывшихъ въ уніи, поляки принялись пробуждать въ нихъ воспоминаніе о ней разными средствами, особенно распространеніемъ между ними литографированныхъ портретовъ жестоко мучившаго православныхъ для обращенія ихъ въ унію, умерщвленнаго витебскими мѣщанами Іосафата Кунцевича, и произведеннаго папою въ священно-мученики, съ цѣлію утвердить ихъ въ уніи, а потомъ обратить въ ультрамонтанскій католицизмъ. Но тѣ крестьяне помнили, по преданію, какими насильственными средствами предки ихъ были обращаемы въ унію, и извѣдавъ опытомъ, что положеніе ихъ, въ эпоху уніи, отнюдь не легче было положенія православныхъ крестьянъ, въ имѣніяхъ поляковъ, не поддались ихъ обольщенію. Думая, что недовѣрчивость крестьянъ внушаютъ имъ и поддерживаютъ приходскіе священники, поляки помѣщики и ихъ экономы, сколько силъ, старались отчуждить крестьянъ отъ священниковъ ихъ, придумывая на нихъ различныя клеветы, порицанія и насмѣшки, называя священниковъ корыстолюбцами и грабителями. А какъ въ это время Высочайше дарованнымъ положеніемъ объ обезпеченіи православныхъ священниковъ въ западныхъ областяхъ безбѣднымъ содержаніемъ требовалось, чтобы, по обоюдному согласію съ ними, крестьяне или обрабатывали поля священниковъ, или давали на этотъ предметъ опредѣленное количество денегъ священникамъ, или отпускали изъ общественныхъ магазиновъ извѣстное количество зерноваго хлѣба; то экономы помѣщиковъ прозвали это обязательство поповскою панщиною, и для возбужденія въ крестьянахъ ненависти къ священникамъ, вызывая крестьянъ на обработку свя-

щенническаго участка, кричали: «ступайте скорѣе на поповскую панщину! теперь попы стали вашими панами». Независимо отъ такихъ продѣлокъ польскіе агитаторы для произведенія всеобщаго возстанія, какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, заключили тѣсный союзъ съ латинскими ксендзами, завербованными въ ультрамонтанизмъ, іезуитами, которыхъ въ Польшѣ и тѣхъ областяхъ, какъ извѣщали газеты, считается слишкомъ три тысячи, и которые повели бы какъ можно хитрѣе пропаганду къ совращенію православныхъ крестьянъ въ іезуитскій католицизмъ. И хотя казалось бы, что отъ одинакихъ причинъ обыкновенно бываютъ одинакія послѣдствія, а разложенія бывшей Польши была причиною преимущественно іезуитская пропаганда, усиливавшаяся совратить православныхъ въ латинство; при всемъ томъ, князь Чарторыжскій еще во время крымской кампаніи началъ такую пропаганду, вербуя въ Турціи разную сволочь для образованія противъ Россіи полка польскихъ козаковъ; ибо когда узнавалъ, что кто либо изъ завербованныхъ имъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, всѣми мѣрами старался совратить того въ іезуитскій католицизмъ. Изъ этого очевидно, что польскіе агитаторы вступили въ тѣсный союзъ съ іезуитами; потому что какъ іезуиты, такъ и руководимые ими поляки, дышатъ внушенною имъ изстари іезуитами непримиримою ненавистію къ православію и Россіи.

Въ 1856 году царствующій Государь Императоръ, посѣтивъ Польское царство, внушалъ полякамъ: «d'abandonner leurs rêveries d'inpendance, désormais irréalisables: que s'il était obligé de les brider, il n'y manquerait pas, en ayant à la fois la volonté, et la force». По возвращеніи въ Россію, Государь объявилъ въ Москвѣ русскимъ дворянамъ, что современныя обстоятельства непремѣнно требуютъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго положенія и предложилъ дворянамъ самимъ—обдумать, какимъ образомъ и на какихъ условіяхъ совершить это великое дѣло. Съ этою цѣлію повсемѣстно составились въ губерніяхъ комитеты для изложенія по этому предмету своихъ предположеній. А поляки помѣщики западныхъ русскихъ областей отпра-

вили изъ среды своей въ великороссійскія губерніи депутатовъ, съ цѣлію убѣдить русскихъ помѣщиковъ ни за что не соглашаться на свобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго положенія, или по крайней мѣрѣ, даровать крестьянамъ только личную свободу и оставить ихъ въ состояніи пролетаріатства, не надѣляя ихъ ни усадебною, ни пахатною землею. Когда же помѣщики великорусскіе сказали этимъ депутатамъ, что крестьянамъ уже извѣстна воля Государя Императора освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго положенія съ надѣленіемъ ихъ усадебною и пахатною землею, то польскіе депутаты возразили: «mais nous avons pour nous les baïonnets». Но русскіе помѣщики рѣшительно отвергли ихъ предложеніе. Вотъ чего хотѣли мечтающіе о возстановленіи Польши въ древнемъ видѣ, провозглашающіе на словахъ всеобщую свободу!

При всемъ томъ, обольщая себя надеждою, что и русскіе помѣщики не прочь отъ возстанія и желаютъ прежнихъ отношеній къ крестьянамъ, поляки тотчасъ произвели возстаніе. Оно началось разными религіозными манифестаціями, которыя однако не были выраженіемъ всеобщаго желанія поляковъ. Манифестаціи произведены агитаторами образовавшагося въ Варшавѣ тайнаго революціоннаго комитета и нѣкоторыми женщинами, доведенными отъ ксендзовъ до фанатической экзальтаціи и увлекшими своимъ примѣромъ и другихъ полекъ; нѣкоторыя вынуждены были надѣть трауръ, между прочимъ и потому, что шалуны, мальчишки, настроенные тайными революціонерами, опрыскивали купоросною кислотою наряды и платье польскихъ дѣвицъ и женщинъ, которыя являлись въ бѣломъ или въ цвѣтномъ платьѣ. Какъ только обнародовано было положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, главнымъ образомъ, ксендзы озаботились повсемѣстно съ каѳедры внушать крестьянамъ латинскаго вѣроисповѣданія, будто они облегченіемъ своей участи одолжены благодарностію единственно своимъ помѣщикамъ. Въ этомъ смыслѣ и виленскій бискупъ разослалъ циркулярное свое воззваніе по костеламъ. Ксендзы тотчасъ сообразили, что обыкновенный торный ихъ путь къ

совращенію православныхъ въ латинство посредствомъ миссіи поляковъ-помѣщиковъ, помѣщицъ и ихъ экономовъ—пресѣкся; что помѣщики, лишившись возможности наживать капиталы посредствомъ изнуренія крестьянъ до поту и крови, вынуждены будутъ ограничить свои расходы и не приглашать по прежнему ксендзовъ на частные роскошные обѣды, также на вечернія бесѣды, и не будутъ впередъ въ состояніи дарить ксендзамъ на ихъ услуги крестьянъ, будто рабочую скотину. Съ своей стороны поляки помѣщики всячески старались увѣрить крестьянъ, что они сами по себѣ увольняютъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и надѣляютъ ихъ усадебною и пахатною землею. Напрасныя усилія! Крестьяне скоро поняли и открыто говорили, что они одолжены за облеченіе своей участи полною благодарностію одному Государю Императору. Усиливаясь подавить въ крестьянахъ такія мысли, помѣщики жаловались губернскимъ властямъ, будто крестьяне противу ихъ, своихъ помѣщиковъ, бунтуютъ; а губернскія власти, по прежнему обыкновенію, отряжали, для усмиренія небывалаго бунта крестьянъ, военныя команды, которыя изумлялись, что, пришедши въ указанныя имъ села, не находили ни малѣйшаго признака бунта, и что крестьяне мирно занимаются своими дѣлами. Наконецъ и правительство удостовѣрилось, что жалобы помѣщиковъ на мнимые бунты крестьянъ не заслуживаютъ вниманія.

Но поляки помѣщики, не разставаясь съ своими мечтами, осмѣливались съ наглою дерзостію утруждать Государя Императора прошеніемъ присоединить подольскую, волынскую минскую и другія западныя русскія области къ Польскому царству. Въ этомъ прошеніи очевидно скрывались двѣ дурно прикрытыя затаенныя мысли: одна, чтобы присоединеніемъ тѣхъ областей, къ царству Польскому усилить скоро имѣвшій разразиться въ немъ бунтъ и осуществить мечту возстановленія Польши въ старыхъ предѣлахъ; другая, — отдать на ихъ произволъ русскій народъ, населяющій тѣ области и повергнуть этотъ народъ въ прежнее состояніе рабства, по которому крестьянинъ не пользовался бы даже наслѣдственною своею

хижиною и вполнѣ зависѣлъ отъ одного каприза своихъ помѣщиковъ, какъ относительно нищенскаго пріобрѣтенія насущнаго хлѣба, такъ и своего съ семействомъ пріюта въ морозъ, вьюгу и ненастье. Какъ будто бы этотъ народъ не заслуживалъ уже никакого уваженія, какъ будто бы изъ однихъ помѣщиковъ и шляхты состоитъ національность тѣхъ областей, и помѣщики имѣли какое-нибудь право пріурочить русскій народъ куда угодно, загнать его, какъ скотъ, въ тюремную свою ограду! Такое безразсудное прошеніе отвергнуто было съ негодованіемъ.

Однако же поляки помѣщики не унялись, а придумали обольстить русскій народъ ничтожными грамотами, напечатанными сусальнымъ золотомъ, которыми сулили крестьянамъ *золотыя* горы, въ надеждѣ довесть ихъ до мятежа, а потомъ снова поработить, и подчинить ихъ игу неволи. Но крестьяне поняли, куда хотятъ завлечь ихъ крамольники, и не поддались обману: хотя поляки умерщвляли и вѣшали старшинъ крестьянскихъ обществъ [1]. Тогда помѣщики съ своею шляхтою составили разбойническія банды, на подобіе буйствовавшихъ въ Польскомъ царствѣ. Образовавшіяся банды на Волыни, въ кіевской и другихъ западныхъ областяхъ—поражены и разсѣяны русскими войсками большею частію при дружномъ содѣйствіи крестьянъ, а крестьяне кіевской и могилевской губерній сами по себѣ разсѣяли появившіяся банды, за тѣмъ хватали бунтовщиковъ и доставляли ихъ русскому правительству. Не доставило успѣха польскимъ затѣямъ и нападеніе польскихъ бандъ на Радзивиловъ и на другія порубежныя съ Галиціею мѣста: всѣ такія банды поражены и прогнаны съ лица русской земли. При всемъ томъ поляки-помѣщики не вразумились, не пришли въ сознаніе ничтожности своихъ усилій, а измыслили съ своими экономами другаго рода лестію и обманомъ привлечь на свою сторону русскихъ крестьянъ. Имен-

---

[1] Золотыя грамоты распространялись между народомъ рукою вооруженнаго возстанія въ краѣ.

но: стали брататься съ ними, вызывались къ нимъ въ кумовство, воспринимать отъ купѣли св. крещенія крестьянскихъ дѣтей, начали приглашать крестьянъ въ воспріемники при крещеніи своихъ дѣтей, раздавали безплатно крестьянамъ водку, чтобы распоить ихъ [1]. При всемъ томъ, помѣщики никакими ухищреніями не успѣли привлечь къ себѣ любовь крестьянъ, освобожденныхъ отъ порабощенія, и совратить ихъ съ пути, долга и закона,—хотя теперь поляки готовы буквально исполнять въ отношеніи къ крестьянамъ свою поговорку: padam do nóg (припадаю къ ногамъ), лишь бы взбунтовать ихъ противъ русскаго правительства, водить на убой противъ русскихъ войскъ, чтобы впослѣдствіи снова овладѣть крестьянами и поработить ихъ своему деспотическому произволу.

Въ этомъ состоитъ главная цѣль, которой достигнуть усиливаются поляки-помѣщики, во что бы то ни стало: потому что для поляка-помѣщика, для его супруги и ихъ экономовъ, мучительна самая мысль, что они лишились теперь права пороть схизматиковъ—русскихъ поселянъ нагайками, сколько угодно, въ свое удовольствіе; что ихъ экономы не могутъ уже наслаждаться разнообразнымъ мученіемъ крестьянъ, что поляки потеряли власть кусать и терзать своихъ горничныхъ и служанокъ.

Но удивительнѣе всего, что поляки-помѣщики многовѣковымъ угнетеніемъ своихъ крестьянъ до того извѣрились, что хотя еще въ началѣ бунта (22 ч. января 1863 года) въ цѣломъ Польскомъ царствѣ самымъ торжественнымъ образомъ объявили крестьянамъ, что земля, которую они обработывали въ свою пользу за барщину, чиншъ (оброкъ) и на другихъ обязательныхъ условіяхъ, со всѣми постройками, и соединенными съ ней правами и привилегіями обращается въ наслѣдственную ихъ поселянъ собственность, безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ барщиною и какою либо податью, и однако масса польскихъ крестьянъ все остается спокойною, покорною,

---

[1] И это ухаживанье за крестьянами было раньше вооруженнаго возстанія.

даже преданною законному правительству. Не совратили ихъ ни вѣшаніе войтовъ и сельскихъ старшинъ жандармами вѣшателями, ни всѣ адскія мѣры террора, употребляемыя подпольнымъ, революціоннымъ правительствомъ. Если и были весьма немногіе польскіе крестьяне въ бандахъ, то они частію насильно были увлечены революціонерами, а большею частію настойчивыми внушеніями и проклятіями съ церковной каѳедры ксендзовъ, или отчаяннымъ, безпомощнымъ своимъ положеніемъ.

Безъ сомнѣнія, поселяне сообразили, что на обѣщанія помѣщиковъ и подпольное правительство нельзя полагаться; что помѣщики усиливаются взволновать и побудить крестьянъ къ возстанію противъ законнаго правительства съ затаенною мыслію, чтобы, возстановивъ Польшу по своимъ мечтамъ, снова затѣмъ надѣлать хлопотъ и подчинить ихъ своему абсолютному произволу и рабству. Такимъ образомъ здравый смыслъ поселянъ удержалъ ихъ отъ мятежа, не помрачилъ ихъ умовъ обманчивыми обольщеніями.

Но прежде открытаго возстанія, зачинщики бунта измыслили предварительно наэликтризовать народъ ненавистью противъ русскаго правительства и русскихъ войскъ, а за тѣмъ произвесть всеобщее возстаніе народа. Для достиженія этой цѣли ксендзы стали провозглашать съ церковной каѳедры, будто р. католическая религія преслѣдуется русскими, и убѣждали, что для защиты религіи и отечества каждый католикъ долженъ принесть въ жертву все достояніе, всѣ силы и самую жизнь свою. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали производить религіозныя демонстраціи, и воспѣвать молитвенные гимны. Сказанныя демонстраціи были въ родѣ драматическихъ, театральныхъ представленій, на которыхъ носили въ Варшавѣ деревяную, позолоченную, будто бы польскую корону, повитую терніемъ, а впереди такихъ процессій, несли распятіе Спасителя, покрытое чернымъ флеромъ и черную хоругвь, съ вышитымъ на ней бѣлымъ одноглавымъ орломъ—гербомъ Польши. Воспѣваемые гимны составлены были искусно изъ самыхъ воспламенитель-

ныхъ выраженій. Изъ всего этого очевидно, что если затаенная мысль агитаторовъ имѣла цѣлію, возстановивъ Польшу, снова поработить крестьянъ дикому произволу помѣщиковъ: то относительно тѣхъ гимновъ давно изрекла отвѣтъ Божественная истина: *просите и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. 4, 3). Съ другой стороны, люди знающіе положеніе бывшей Польши, какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, считали эти гимны не болѣе, какъ фантастическими; а какъ въ нихъ часто произносилось слово *ойчизна* (отечество), то бѣлорусскіе крестьяне составили изъ этого слова такой каламбуръ: «Вотъ паны молятся Богу, чтобъ Онъ снова возвратилъ имъ *панщизну*», т. е. барщину. Демонстраціи въ многолюдныхъ городахъ, наполненныхъ празднымъ народомъ, какъ на улицахъ, такъ и въ костелахъ, были многочисленны. Воспѣваемые гимны, по содержанію своему, были лживы, богохульны и богопротивны, какъ возбуждавшіе народъ къ бунту противъ законнаго, христіанскаго правительства, тогда какъ истинное, христіанское ученіе отъ своихъ послѣдователей обязательно требуетъ повиноваться *всякой* власти. Почему первенствующіе христіане никогда не возставали и не бунтовали противъ идолопоклонническихъ государей, даже противъ такихъ тирановъ, каковыми были Неронъ, Декій, Діоклитіанъ и другіе,—но безпрекословно имъ повиновались, хотя были терзаемы всѣми родами мукъ и умерщвляемы за исповѣданіе имени Іисуса Христа, въ продолженіи болѣе трехъ столѣтій. А латинское вѣроисповѣданіе, какъ въ Польскомъ царствѣ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, повсемѣстно, съ полною свободою, открыто совершаетъ свои крестные ходы, похороны и проч.; только противъ пропаганды ксендзовъ и совращенія ими въ латинство православныхъ, мѣстное правительство кое-гдѣ придпринимало нѣкоторыя мѣры, впрочемъ палліативныя, которыя, подъ наружнымъ покровомъ полицейской охраны общей тишины и спокойствія, вполнѣ не преграждали ксендзамъ и полякамъ-помѣщикамъ совращать православныхъ разными прельщеніями. Изложенныя

въ упомянутыхъ гимнахъ жалобы на то, что нѣкоторые костелы приходскіе и монастырскіе отняты у р. католиковъ,—лживы въ томъ смыслѣ, что обращены въ православныя церкви только такіе костелы, которые или были построены на мѣстѣ православныхъ церквей, или изъ таковыхъ церквей обращены были въ костелы, или стояли пустыми и въ развалинахъ со временъ самостоятельности Польскаго королевства, также по удаленіи изъ Россіи іезуитовъ и упраздненіи состоящею въ Петербургѣ римско-католическою коллегіею монастырей другихъ латинскихъ орденовъ. Такое впрочемъ распоряженіе относительно тѣхъ монастырей съ одной стороны сдѣлано на основаніи постановленій римской Церкви, по которымъ, если въ монастырѣ нѣтъ двѣнадцати монаховъ, то онъ упраздняется, съ другой стороны потому, что въ тѣхъ монастыряхъ было не болѣе двухъ-трехъ монаховъ, которые большею частію занимались охотою, а въ продолженіи бунта поляковъ 1830 и 1831 года волновали крестьянъ и водили ихъ въ битвы противъ русскихъ войскъ. Въ совершенномъ запустѣніи, со времени самостоятельности бывшей Польши, стояли на примѣръ въ Каменцѣ подольскомъ: обращенный въ архіерейскій домъ монастырь францисканскій, костелы св. Екатерины и поіезуитскій въ Старомъ Константиновѣ, волынской губерніи, доминиканскій, обращенный въ тюремный замокъ, могилевской губерніи, въ Оршѣ—поіезуитскій и тринитарскій, въ Мстиславѣ бернардинскій и поіезуитскій и т. п. Всѣ эти зданія, какъ извѣстно, строились потомъ и кровію русскихъ крестьянъ, и при всемъ томъ усвоеніе ихъ православной Церкви не составляетъ и сотой доли возмездія за уничтоженіе и присвоеніе папистами, со времени учрежденія въ русскихъ областяхъ уніи, безчисленныхъ православныхъ церквей и монастырей, съ ихъ богатыми имѣніями. Кромѣ того, передача нѣкоторыхъ латинскихъ церквей и монастырей въ вѣдомство православной Церкви, а принадлежавшихъ къ нимъ имѣній въ казенное вѣдомство,—и въ сравненіи не можетъ идти съ тѣмъ, какъ поступили правительства католическаго вѣроисповѣданія напр., въ Испаніи, Италіи, въ самомъ даже

Римѣ, съ *своими* многими костелами, монастырями и съ ихъ имѣніями. Почему же русское правительство не имѣло права поступить подобнымъ образомъ, по требованію обстоятельствъ? Вмѣстѣ съ симъ заслуживаетъ вниманія то, что доходы съ имѣній латинскихъ костеловъ и монастырей обращены правительствомъ на жалованье и содержаніе латинскихъ же монастырей и монаховъ, приходскихъ ксендзовъ и ихъ викаріевъ—въ такомъ количествѣ, что многіе ксендзы и не мечтали получать когда нибудь столь щедрое содержаніе, тогда какъ православные священники получаютъ столь скудное жалованье, что едва въ состояніи пропитать себя съ своими семействами. Впрочемъ неудивительно, что многіе поляки, особенно польки, не имѣя обо всемъ вышеизложенномъ никакихъ понятій, доведенные мятежными ксендзами до экзальтаціи, отъ всего сердца пѣли лживые, мятежные гимны, отправляли своихъ сыновей—мальчишекъ на убой въ банды и считали своимъ долгомъ носить трауръ.

Но еще до религіозныхъ демонстрацій, учредилось въ Варшавѣ, съ дозволенія правительства, такъ названное *земледѣльческое общество,* на которое во множествѣ съѣзжались поляки. Это былъ, настоящій, непрерывный сеймъ, коимъ дирижировалъ богатый аристократъ Замойскій и на которомъ, по всей вѣроятности, былъ предначертанъ и окончательно утвержденъ планъ всеобщей революціи въ Польшѣ, Литвѣ и въ западныхъ русскихъ областяхъ; хотя общество, для прикрытія своихъ дѣйствій и закупало въ Англіи разныя земледѣльческія машины.

Предвѣстниками вспыхнувшаго вслѣдъ за религіозными демонстраціями, открытаго бунта и его адскихъ подвиговъ, было покушеніе на убійство намѣстника царства—Лидерса, Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Николаевича, потомъ Велепольскаго и Берга. Между тѣмъ тайные коноводы мятежа успѣли собрать значительный капиталъ, подговорили чиновниковъ польскаго банка похитить его капиталы и денежные знаки отъ разныхъ иностранныхъ банковъ; обратили эти капиталы большею частію на жалованье поступавшимъ въ мятежные банды, на плату исполнителямъ своихъ

распоряженій, въ ряды которыхъ поступила разная сволочь, когда по проекту Велепольскаго административныя должности, исправляемыя русскими, возложены были подпольнымъ правительствомъ на поляковъ, большею частію безнравственныхъ, которые по этому оказались самыми ревностными исполнителями распоряженій революціонныхъ агитаторовъ. Затѣмъ агитаторы успѣли найдти измѣнниковъ въ главныхъ канцеляріяхъ законнаго правительства, которые извѣщали ихъ о всѣхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ этого правительства къ подавленію мятежа; благовременно привлекли на свою сторону чиновниковъ варшавскаго почтамта, также администраторовъ и кондукторовъ желѣзной дороги, изъ коихъ первые давали знать агитаторамъ, какія почты отправлялись съ разными капиталами; назначали своихъ единомысленникоъ воеводами и разными администраторами въ губерніяхъ и учредили свое, тайное, почтовое вѣдомство для сношенія съ разными своими вѣдомствами и лицами. Такимъ образомъ, наконецъ, довершена организація подпольнаго, революціоннаго правительства, члены коего, не объявляя своихъ именъ и прозваній, провозгласили себя, неизвѣстно на какомъ основаніи, представителями польскаго народа, большинство коего желало только тишины и спокойствія.

Бунтъ открылся свойственнымъ людямъ латинскаго вѣроисповѣданія подвигомъ. Поляки перерѣзали въ разныхъ мѣстахъ русскія войска, погруженныя въ глубокій сонъ. Затѣмъ стали появляться въ Польскомъ царствѣ и Литвѣ многочисленныя вооруженныя шайки разной сволочи, преимущественно изъ шляхты, гимназистовъ и ремесленной челяди. Такія шайки, прозванныя впослѣдствіи бандами, нападали не только на русскія войска, но и на мирныхъ гражданъ, которые не желали принимать участія въ мятежномъ возстаніи. Главными двигателями бунта были деньги и терроръ. Шляхта, мѣщане и разная челядь получали такія деньги, какихъ честнымъ трудомъ не могли пріобрѣтать. А терроръ агитаторовъ навелъ на поляковъ такой паническій страхъ, что каждый трепеталъ за свою жизнь; потому что, по указанію двигателей бунта, наемные убійцы и

въ домахъ и на улицахъ поражали изъ-за угла кинжалами обреченныхъ подпольнымъ правительствомъ на смерть, неизвѣстно за что. Мятежныя шайки пополнялись и усиливались революціонерами цѣлой Европы, а предводительствовали ими лица польской аристократіи, потерявшія свое имѣніе игрою въ карты или расточительностію, и такого же рода европейскіе пролетаріи. Храбрость бунтовщиковъ преимущественно выказалась въ поврежденіи путей сообщенія, нападеніи на почты, грабежѣ и вѣшаніи не только русскихъ, когда попадались въ ихъ руки, но и поляковъ, по малѣйшему подозрѣнію въ нерасположенности ихъ къ бунту, и въ бѣгствѣ do lasu. Во главѣ самозваннаго, подпольнаго, правительства были лица большею частію незнатнаго происхожденія и достоинства, даже сапожники, безнравственные ксендзы и т. п. При всемъ томъ, главные агитаторы польскаго бунта, какъ состоявшіе въ Польскомъ царствѣ, такъ и во Франціи, посредствомъ подкупленной ими прессы, разсѣвали безчисленныя клеветы на русское правительство за то, что оно караетъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ мятежниковъ и уличенныхъ явными доказательствами въ преступныхъ дѣйствіяхъ, обнаруженныхъ законнымъ изслѣдованіемъ; тогда, какъ двигатели бунта безъ всякаго изслѣдованія и суда заставляютъ своихъ клевретовъ поражать кинжалами только подозрѣваемыхъ поляковъ въ нерасположенности къ бунту, а мятежные шайки вѣшаютъ русскихъ, даже православныхъ священниковъ, единственно за то, что они остаются вѣрными своему долгу и присягѣ. Но болѣе всего странно то, что западные государи и правительства между прочимъ совѣтовали нашему Государю Императору заключить перемиріе съ подпольнымъ, польскимъ, правительствомъ. Гдѣ же, и когда какое нибудь правительство вступало въ переговоры съ неизвѣстными убійцами, скрывавшимися во мракѣ, дѣйствовавшими изъ-за угла [1]? Оттоманская порта, когда-то вступала въ пе-

[1] Эту истину сознаютъ теперь и здравомыслящіе французы. Такъ въ засѣданіи французскаго сената текущаго 1864 года февраля 12 н. с. нѣкто Stourm 1-er rapporter, между прочимъ утверждалъ: Les Polonais en armes n'ont pas

реговоры съ взбунтовавшимися противъ нея пашами и морскими пиратами; но эти паши и разбойники отнюдь не скрывались, не таили своихъ именъ и прозваній, а дѣйствовали открыто.

Вообще же, обрѣзывая эпизоды и катастрофы послѣдняго польскаго бунта, нельзя не замѣтить, что мятежное возстаніе поляковъ похоже (только въ обширнѣйшихъ размѣрахъ) на бывшія ихъ конфедераціи противъ своихъ королей, во время самостоятельности польскаго королевства и на всѣ другія выходки безпокойной шляхты. Вся исторія Польши доказываетъ, что чѣмъ снисходительнѣе къ польскимъ аристократамъ и уступчивѣе были ихъ короли, тѣмъ буйнѣе и наглѣе были требованія польскихъ магнатовъ, которые наконецъ свою мятежную смѣлость простерли до того, что лишили своихъ королей почти всякой власти, тогда, какъ каждый польскій аристократъ, каждый помѣщикъ—считалъ себя самодержавнымъ, абсолютнымъ государемъ въ своемъ имѣніи, присвоялъ себѣ право жизни и смерти надъ своими крестьянами. Польскіе же короли могли только раздавать тѣмъ же аристократамъ, такъ называемыя, староства, жаловать право на учрежденіе въ какихъ либо мѣстечкахъ ярмарокъ, и авторамъ какихъ нибудь сочиненій—на исключительное ихъ изданіе въ пользу автора. Чѣмъ больше оказываемо было благодѣяній и милостей польскимъ помѣщикамъ; тѣмъ неукротимѣе, требовательнѣе становились они противъ русскаго правительства; оно всегда играло роль «фортуны», а паны польскіе—«нищаго съ сумой», въ баснѣ Крылова. Царствующій нынѣ Государь Императоръ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, возвратилъ изъ ссылки поляковъ, сосланныхъ за разныя мятежныя ихъ выходки и затѣи на Кавказъ, въ оренбургскую, тобольскую и другія восточныя русскія губерніи, дозволилъ возвратиться въ отечество многимъ бѣжавшимъ во

---

de gouvernement, même de gouvernement de fait; car on ne peut appeler ainsi la reunion de quelques hommes, dont le nom est un mystère et dont la residense est ignoré.... Il n'est pas possible non plus de considerer comme une armée les bandes, ou les partis, qui se battent tantôt sur un point, tantot sur un autre.... Смотр.: Jonrnal de S-t Petersbourg. 1864 Jeudi, (6 18) Fevrier pag. 2.

Францію и другія страны послѣ 1861 года, предоставилъ Польшѣ административную автономію, основанную на представительномъ, избирательномъ началѣ, даровалъ полякамъ благотворныя, лиебральныя учрежденія, и назначилъ въ царствѣ Польскомъ роднаго брата своего намѣстникомъ; но всѣ такія благодѣянія послужили какъ будто бы толчкомъ къ мятежному возстанію поляковъ и средствомъ къ распространенію криваваго бунта, въ разгарѣ котораго мятежники вѣшали не только русскихъ, но и польскихъ, мирныхъ гражданъ, вѣрныхъ своему долгу, отказывавшихся бѣжать съ бунтовщиками до лясу. Подобнымъ образомъ во время самобытности Польскаго королевства польскіе аристократы съ мелкою шляхтою не подчинялись никакому закону, управлялись абсолютнымъ своимъ произволомъ, и, не смотря на то, что многіе поляки были люди образованные, обладали замѣтными талантами,—въ Польшѣ вездѣ, всегда царствовали неустройство и неурядица, вездѣ и всегда сильные притѣсняли слабыхъ, а особенно угнетали, давили и терзали крестьянъ.

Какихъ же можно бы ожидать послѣдствій, еслибъ осуществились мечтательныя затѣи поляковъ,—если бы, по ихъ желанію, возстановлена была Польша въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ существовала она до 1772 года? Смотря на то, какъ досслѣ поступали поляки помѣщики и служившая у нихъ шляхта и ксендзы, въ западныхъ русскихъ областяхъ, съ русскими крестьянами; зная, что, безъ малѣйшаго со стороны Россіи повода, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія поляки, выдумавъ самозванца, съ оружіемъ въ рукахъ устремились въ самое сердце Россіи, а по умерщвленіи самозванца подставили другаго, потомъ подъ предлогомъ защиты правъ на русскій престолъ то короля Сигизмунда III, то его сына Владислава, нѣсколько лѣтъ на Руси безчинствовали, производили грабежи, насилія, кровопролитія, пожары, опустошали русскіе города и села, да и по возстановленіи самобытности Россіи, въ мирныя времена, дѣлали частные наѣзды на ея предѣлы, производя грабежи и похищая русскихъ поселянъ, — легко предвидѣть, что еслибы возстано-

влена была Польша въ предѣлахъ 1772 года, то поляки употребили бы всевозможныя прельщенія, угнетенія, муки, чтобы совратить русскій народъ, населяющій западныя русскія области, въ іезуитскій католицизмъ и, при посредствѣ своихъ ксендзовъ и монаховъ, подавили бы въ русскихъ самую способность мышленія и совѣсти, гнетомъ іезуитскаго абсолютизма, ополячили бъ ихъ и внушили бы каждому русскому, что самая высшая заслуга предъ Богомъ, ведущая человѣка прямо въ царство небесное, состоитъ въ томъ, чтобы поражать и умерщвлять русскихъ, населяющихъ великую Россію. Тогда поляки въ союзѣ съ Швеціею и Турціею, а можетъ быть и съ другими государствами не преставали бы причинять Россіи и православной Церкви безчисленныя бѣдствія, да и безъ политическихъ союзовъ съ другими государствами, постоянно выказывали бы свою удаль, наѣздами на смежныя русскія области, грабили бы имущество и похищая ихъ самихъ, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами. Тогда для защиты русскихъ предѣловъ отъ повторенія старины, русское правительство выпуждено было бы постоянно держать на своихъ границахъ громадную армію,—тѣмъ болѣе, что поляки никогда не преставали бы употреблять всѣ усилія къ погибели Россіи.

Вотъ чего хочется полякамъ, и чего не хочется русскимъ!

1864.

ПЕРЕГРИНЪ.

При размышленіи о началѣ бытія нашего на землѣ, оно представляется въ такомъ сумракѣ, что человѣкъ не въ состояніи составить яснаго понятія о своемъ младенчествѣ.

Оно имѣетъ видъ забытаго, сладкаго сновидѣнія, которое пересказать нѣтъ возможности. Только кажется, что въ этомъ сновидѣніи было мгновеніе, въ которое младенца осіялъ нѣкій неизъяснимо радостный свѣтъ, исполнивъ сердце неизреченнымъ блаженствомъ; а человѣкъ - младенецъ облекся нѣкою снѣгосвѣтлою одеждою. Послѣ сего, все вокругъ его слилось въ смѣшенный видъ, до того-что все время младенчества представляется человѣку слабымъ отголоскомъ какой-то восхитительной гармоніи, которой онъ будтобы внималъ въ нѣкоей забытой, неизвѣстной области. А самое младенческое бытіе кажется лучемъ, или вѣрнѣе, только мерцаніемъ небеснаго свѣта, являющимся въ нѣжномъ существѣ, неогрубѣвшемъ еще отъ злоупотребленія нашей свободы.

Впрочемъ, человѣкъ, хотя съ возрастомъ ясно сознаетъ свое бытіе; но, обращая вниманіе на протекшую жизнь свою, не въ состояніи описать, со всею отчетливостію, своихъ занятій,—сцѣпленіе коихъ составляетъ время существованія его на землѣ. Тѣмъ болѣе трудно и почти невозможно изобразить, какимъ образомъ развиваются силы сокровеннаго въ человѣкѣ духа, и—слѣдовать мыслію по пути, которымъ благодать Бо-

жія, не нарушая нашей свободы, ведетъ человѣка къ вѣчному назначенію.

Эту, кажется, мысль хотѣлъ развить какой-то писатель— въ повѣсти, найденной въ карманѣ неизвѣстнаго человѣка, котораго тѣло, неподвергшееся еще тлѣнію, пастухи нашедши на одной изъ Таврическихъ горъ, похоронили у креста, водруженнаго на ней въ незапамятныя времена. Вотъ эта повѣсть.

I.

Въ X., заштатномъ городѣ одной изъ южныхъ областей нашего отечества, однимъ благочестивымъ, достаточнымъ супругамъ Промыслъ даровалъ сына, котораго они назвали Перегриномъ.

Едва родился онъ, какъ родители уже придумывали разные планы о его воспитаніи; но ни одинъ изъ нихъ не былъ приведенъ въ исполненіе: потому, между прочимъ, что отецъ младенца рано окончилъ жизнь свою, и младенецъ остался на попеченіи одной матери.

Она неусыпное имѣла о немъ попеченіе; но, желая, чтобы младенецъ предварительно укрѣпился въ силахъ, не хотѣла занимать его книжнымъ ученіемъ до семилѣтняго возраста; а предоставила ему предаваться подъ ея наблюденіемъ дѣтскимъ забавамъ по произволу.

Младенчество Перегрина, какъ всякаго младенца, протекло скоро. Оно похоже было на невозмущаемый ни малѣйшимъ вѣтеркомъ потокъ, струящійся посреди цвѣтовъ, въ которомъ во всей чистотѣ отражается свѣтлость тверди небесной.

Доколѣ еще мысль младенца не перенеслась за черту окружности, обрамленной въ его взорѣ близкимъ холмикомъ: дотолѣ онъ, созерцая природу, сознавалъ ее въ однихъ цвѣтахъ; до тѣхъ поръ въ душѣ его таился первый вздохъ, который, исторгшись впослѣдствіи, извлекъ за собою тысячи другихъ. Потому-что еще не пробудились его мысли, хотѣнія, желанія, которымъ человѣкъ приноситъ въ жертву свое тѣло, разумъ и сердце.

Еще не постигая безмѣрнаго пространства, которое отдѣ-

ляло малаго Перегрина отъ источиника видимаго свѣта, онъ съ полною довѣренностію возносилъ къ солнцу свои рученки, предполагая, что онъ въ состояніи обнять предметъ желаемый. Повидимому довѣріе къ своимъ силамъ, увѣренность въ неложности явленій окружающихъ Перегрина предметовъ — составляло бытіе его. Но, едва первое убѣжденіе въ заблужденіи доказало ему тщету неограниченной его надежды, немедленно все вокругъ его и въ немъ самомъ измѣнилось.

Доселѣ, переходя въ отрочество, безпечный мальчикъ срывалъ на пути жизни своей прекрасные цвѣты безъ всякой цѣли. Но онъ взбѣжалъ на близкій холмикъ, который въ его понятіи былъ послѣднею гранію міра, и его поразило неизъяснимое изумленіе.

Прежде сего многократно ему казалось, что на этомъ холмикѣ покоится солнце. Бѣгая въ низменной долинѣ, мальчикъ помышлялъ: взбѣгу я на этотъ холмикъ, и, какъ срываю эти цвѣты, схвачу солнышко!

Но, едва взбѣжалъ на холмъ, какъ предъ взоромъ его открылся новый міръ, далеко улетѣло солнце; а за нимъ исторгся первый вздохъ, и пробудилось первое сознаніе неудовлетвореннаго желанія.

Съ этой поры навсегда оставилъ Перегрина блаженный миръ младенчества. Мальчикъ, доселѣ безпечальный, теперь сталъ безпокойнымъ отрокомъ.

II.

Ничто уже не могло успокоить ежечасно возникающихъ въ немъ новыхъ желаній.

Между тѣтъ, какое-то непонятное чувство безпрерывно увлекало душу и сердце его; какіе-то неизъяснимые порывы постоянно устремляли его далѣе и далѣе зеленѣющихъ холмовъ, среди которыхъ съ такою быстротою непримѣтно пролетѣли дни его младенчества.

Теперь Перегринъ неоднажды порывался вскарабкаться на одну изъ высочайшихъ горъ, отдѣляться отъ земли, подняться,

взлетѣть на облака выше, выше, и носиться въ синевѣ небесной!

По закатѣ солнца, созерцаніе небесъ, усѣянныхъ безчисленными свѣтилами, проникало отрока безотчетнымъ, трепетнымъ благоговѣніемъ, возносило духъ его въ горняя, и окрыляло новымъ желаніемъ воспарить къ небесамъ, и разузнать: кто устроилъ дивную красоту небесную, кѣмъ зажигаются, будто лампадки, неисчетныя звѣзды, — добыть, схватить хотя одну изъ нихъ, для своего удовольствія и забавы.

А грозныя явленія природы, завываніе вѣтра, бури, особенно молнія и громы, поражая отрока изумленіемъ и ужасомъ, заставили его вопрошать окружающихъ: кто устроилъ небо и землю? Отъ чего происходятъ изумляющія его явленія природы?

Но въ тоже время занимавшіе отрока полевые цвѣты, пестрый мотылекъ, блиставшая изумрудомъ букашка, пѣніе птичекъ, развлекая вниманіе Перегрина, мѣшали ему разслушать отвѣты на свои вопросы, такъ что они всегда представлялись ему темными.

Только внушенія доброй матери живѣе пробуждали въ отрокѣ чувство богопознанія, хотя онъ понималъ ее болѣе сердцемъ, нежели умомъ своимъ.

Она первая сообщила ему ближайшія къ его понятію истины о всемогущемъ Промыслителѣ вселенной; побуждала возносить мысли и сердце къ Виновнику всяческихъ, и учила Перегрина молиться Богу.

Но, какъ ни кратка была молитва, все казалась она отроку утомительною. И только по временамъ ощущалъ онъ въ себѣ непостижимое влеченіе къ нѣкоему всевышнему, всеблагому Существу. Въ такія минуты казалось отроку, что душа его какбы осязала присутствіе Бога Вседержителя.

Особенно посвященные имени Божію храмы, въ которые мать водила отрока, приводили его въ восхищеніе, до того-что благолѣпіе храмовъ казалось ему какбы сокращеннымъ небомъ; теплившіяся предъ иконами свѣчи—звѣздами; молитвенныя пѣснопѣнія—хвалебными гласами существъ небесныхъ, блаженныхъ.

Вмѣстѣ съ симъ, святолѣпныя иконы лучше словесныхъ наставленій напечатлѣвали въ умѣ и довершали въ сердцѣ отрока назидательныя внушенія матери!

III.

Съ возрастомъ отрока, мать окружила его наставниками. Но, не смотря на свои способности, Перегринъ ничему не могъ научиться основательно, какъ по множеству предметовъ, которымъ учили его, такъ особенно потому, что онъ не понималъ, къ чему и для чего необходимо знать ему все то, чему его учили?

Отъ этого, хотя онъ легко и скоро изучалъ уроки, но еще скорѣе забывалъ ихъ. Менѣе же всего помышлялъ онъ объ усвоеніи уму и сердцу своему истинъ богопознанія. Потому что сухое, неодушевленное чувствомъ, изложеніе предметовъ вѣроученія, какъ будто самой обыкновенной какой-нибудь науки, утомляло отрока, наводило на него скуку, даже приводило въ раздраженіе,—особенно, когда пылкое его воображеніе представляло ему во время уроковъ игры и забавы съ своими сверстниками, отъ коихъ отвлекало его занятіе ученіемъ, не допуская предаваться желаннымъ удовольствіямъ.

Но, съ другой стороны, обновки, которыми дарила его мать къ годичнымъ праздникамъ, приготовленіе къ нимъ домашнихъ, простые разсказы матери о побужденіяхъ къ воспоминанію благотворныхъ событій вѣры, несравненно болѣе способствовали къ образованію въ Перегринѣ духа благочестія и кротости нравовъ, нежели классическіе уроки вѣроученія.

Между тѣмъ, въ отрокѣ совершилась новая перемѣна.

Быстрый, но еще покамѣсть тихій ручей отроческаго возраста превратился въ бурный потокъ юности, который, не бывъ еще удерживаемъ гранитными преградами неудачъ, стремительно мчалъ струи свои по злачнымъ лугамъ безграничной надежды...

И мнилось вступившему въ юношескія лѣта Перегрину, будто весь міръ удѣлъ его, будто все въ мірѣ ему доступно. Одно принужденіе къ ученію стѣсняло его; но мысль его, ши-

ряясь въ предѣлахъ міра далѣе и далѣе, нигдѣ не встрѣчала преградъ непреодолимыхъ. Висящее въ воздушномъ пространствѣ облако представлялось ему не болѣе какой-нибудь горы, на которую легко занести и утвердить стопу свою.

Правда, много уже вздоховъ исторглось изъ груди юноши отъ несбыточности его ожиданій, хотя онѣ, большею частію, удовлетворялись... Но осуществленіе прежнихъ отроческихъ его желаній становилось уже для него скучнымъ, утомительнымъ. Между тѣмъ, едва возникала въ немъ одна мысль, какъ безпокойное его воображеніе обременяло его другою. Недовѣдомые порывы, желанія, мечты, какъ мрачныя тучи, толпились въ его воображеніи. Міръ представлялся ему безграничнымъ океаномъ.

А мать думала: что̀ ожидаетъ въ мірѣ ея Перегрина, что̀ станется съ нимъ, бѣднымъ плавателемъ, на утлой ладьѣ бытія его, безъ кормчаго, безъ руля, безъ магнитной стрѣлки, а главное, безъ цѣли?

IV.

Къ несчастію, мать Перегрина внезапно скончалась, послѣ самой непродолжительной болѣзни.

Въ первый разъ потрясло его чувство неутѣшной скорби. Въ первый разъ мысль о смерти возбудила въ немъ живые вопросы о цѣли бытія человѣческаго на землѣ,—о томъ, что творится съ человѣкомъ по смерти.

Хотя и прежде кончины матери своей, случалось Перегрину видѣть мертвецовъ и бывать на похоронахъ; но развлеченіе, жажда забавъ съ товарищами отклоняли отъ него подобные вопросы.

Теперь, рыдая надъ тѣломъ матери, онъ вопрошалъ себя: отъ чего мать безмолвствуетъ? Что запечатлѣло молчаніемъ уста ея? Отъ чего такъ охладѣло тѣло ея? Почему она не оказываетъ ему ласкъ своихъ? Гдѣ теперь нѣжное чувство любви ея, которое дѣлало его беззаботнымъ и счастливымъ? Неужели это чувство навѣки угасло, и она не помышляетъ болѣе о своемъ Перегринѣ?

Нѣтъ, думалъ онъ, не можетъ быть, чтобы столь высокое, животворное чувство, — чтобы любовь матери навѣки угасла! Мать моя и теперь любитъ меня, думаетъ обо мнѣ; только не можетъ обнаружить! Съ этою мыслію такъ свыкся бѣдный юноша, что она не оставляла его и по погребеніи оплакиваемой имъ матери. Между тѣмъ, съ грустію въ сердцѣ, онъ сталъ прилѣжнѣе учиться.

Однажды, во время утренней прогулки, будто невидимая рука привела Перегрина въ неизвѣстную, цвѣтущую страну. Въ раздумьи, куда направить стопы свои, онъ впалъ въ дремоту, и видитъ, какбы въ слабомъ мерцаніи, величественнаго Мужа, окруженнаго тихимъ свѣтомъ, облеченнаго въ снѣгосвѣтлую одежду, препоясаннаго по персямъ златымъ поясомъ. Длани рукъ, ступни ногъ и одно изъ ребръ Его были украшены алыми звѣздами, изъ коихъ изливался розовый свѣтъ, наполнявшій сердце юноши неизъяснимо сладостнымъ ощущеніемъ.

Юношѣ казалось, что онъ видѣлъ уже нѣкогда, какбы въ видѣніи, или на иконѣ, сего Мужа; между тѣмъ, будто восхитительный звукъ тихострунной арфы, коснулись слуха юноши слова Явившагося:

«Я возлюбилъ тебя, юноша, еще прежде бытія твоего,—и, хотя ты проданъ былъ тогда въ тяжкое рабство, обреченъ на вѣчную пагубу; но изъ любви къ тебѣ, Я далъ Моимъ и твоимъ врагамъ до капли истощить кровь Мою, и цѣною ея выкупилъ тебя изъ тяжкой неволи, въ той надеждѣ, что ты, возлюбивъ Меня всѣмъ сердцемъ, всѣми силами будешь стремиться къ соединенію со Мною.

«Теперь ты не можешь еще видѣть Меня такимъ, каковъ Я есмь; но когда соединишься со Мною въ другой странѣ, тогда увидишь Меня лицемъ къ лицу, и блаженство твое будетъ полное, безконечное!

«Стремись же къ сей цѣли, достойной тебя. Я буду невидимо наблюдать, во всѣхъ путяхъ твоихъ, за всѣми твоими поступками, и ожидать тебя. А кромѣ Меня будетъ ожидать

тебя Отецъ Мой, отъ коего ты имѣешь все, что имѣешь, силою коего ты живешь, движешься и существуешь, чья любовь безконечно превосходитъ естественную привязанность всѣхъ отцевъ и матерей къ своимъ дѣтямъ.

«Но, на пути къ высокой цѣли твоего существованія, ты многимъ подвергнешься испытаніямъ. Прежде всего тебя окружатъ полчища злыхъ духовъ, чтобы совратить съ пути твоего назначенія.

«Въ сей опасности, ты не будешь оставленъ собственнымъ силамъ. Духъ Отца Моего будетъ укрѣплять и наставлять тебя на прямую стезю, ведущую къ цѣли, предназначенной тебѣ отъ вѣчности. Только будь внимателенъ къ благодатнымъ внушеніямъ и голосу Его.

«Но и отъ тебя требуются усилія въ борьбѣ съ духами злобы. Не вѣрь, не вдавайся имъ, не изнемогай въ искушеніяхъ, не ослабѣвай среди затрудненій. Ободряй себя надеждою на вѣчную награду. Въ изнуреніи не унывай, не отчаевайся, хотя бы враги нанесли тебѣ язвы, хотя бы ты на пути претыкался и падалъ. По паденіи немедленно возставай, возносись мыслію, воздыхай изъ глубины души къ Отцу, ожидающему тебя, призывай на помощь Меня, и постоянно стремись къ востоку. Тамъ, въ высотѣ, увидишь крестовидный свѣтъ: онъ будетъ пылать яркою путеводною звѣздою для тебя, если ты постоянно станешь возносить мысли и сердце твое ко Мнѣ и ожидающему тебя всеблагому Отцу. Но свѣтъ тотъ покажется тусклымъ взору твоему, когда ты будешь предаваться врагамъ Моимъ.

«Берегись еще въ пути обращаться на западъ: потому что западъ есть мѣсто появленія тьмы, въ которой обитаютъ Мои и твои враги».

Воспрянулъ юный путникъ, и, какбы одушевленный новою силою, пустился по предстоявшей ему тропинкѣ.

Но не успѣлъ онъ пройти одного поприща, какъ окружили его обольстительные призраки.

V.

Одинъ изъ призраковъ, озаренный радужнымъ сіяніемъ, схватилъ юношу за руку, сталъ говорить ему усладительнымъ, пѣвучимъ голосомъ: «Ко мнѣ, въ мою обитель, юноша! Взгляни: здѣсь скромная лилія свилась съ благовоннымъ нарцисомъ, пламенѣющія розы объемлютъ душистые левкои; высокія дерева сплелись зелеными вѣтвями; тѣнистыя рощи призываютъ къ нѣгѣ и удовольствіямъ; воздухъ растворенъ благоуханіемъ ароматовъ! Слышишь: соловьи нѣжною свирѣлью выводятъ свои восхитительныя трели; то сладостно томно, то обворожительно звучными пѣснями перекликаются и вторятъ имъ голоса всего царства пернатыхъ! А вотъ чаша веселія и наслажденій! Пей изъ нея, сколько хочешь! Въ другой разъ юношей не будешь! Пользуйся же временемъ, веселись и блаженствуй! Жизнь—мгновеніе; за нею смерть, а тамъ ничтожество!»

И грудь юноши горѣла уже жаждою наслажденій. Сердце его трепетало, млѣло отъ разслабляющихъ силы его желаній. Въ опьянѣніи чувствъ, онъ готовъ былъ предаться увлекавшему его обольщенію.

Но, удерживаемый еще какою-то нерѣшительностію, услышалъ таинственный голосъ обѣтованнаго ему Духа: «суета и обманъ внушенія призрака! Въ настоящей жизни твоей всякая сладость отравлена горечью; за всякимъ чувственнымъ наслажденіемъ слѣдуетъ отвращеніе и душевныя мученія; всякая радость смѣняется горестію, слезами, воздыханіями. Размысли: можетъ ли быть, чтобы безграничныя твои желанія, твои мысли, объемлющія міръ весь, насаждены были въ тебѣ для твоего ничтожества? Воспряни, тебя ожидаетъ Отецъ небесный!»

Таинственныя внушенія Духа, будто чашею холодной воды, прохладили пылавшую грудь юноши.

Но, въ нѣсколькихъ шагахъ, схватилъ его за руку мужъ, препоясанный по бедрѣ мечемъ, въ стальныхъ, блестящихъ доспѣхахъ. Оперенный шлемъ покрывалъ главу явившагося, придавая лицу его грозное величіе; а съ раменъ ниспадала багряница, окаймленная золотомъ.

«За мною!» сказалъ призракъ колебавшемуся юношѣ. «Вотъ, предъ тобою всѣ царства міра сего и все величіе его: поклонись, предайся мнѣ, а я дамъ тебѣ все! Вдохну въ грудь твою львиныя силы, одушевлю мужествомъ, научу дивному искусству устроять рати, обогащу умъ твой быстрыми соображеніями и военными хитростями. И предъ тобою падутъ неприступныя твердыни; ты сокрушишь многолюдные города, опустошишь огнемъ и мечемъ села и области, покоришь царства и народы, и все, что дерзнетъ противиться тебѣ, поникнетъ предъ тобою! Тогда ты предпишешь покореннымъ народамъ свои законы, подчинишь ихъ своему произволу, и твое имя съ изумленіемъ станутъ произносить въ чертогахъ и хижинахъ,—повсюду будетъ начертано златыми письменами на бронзѣ и гранитѣ, и, озаренное славою перейдетъ въ роды родовъ, будетъ удивленіемъ человѣческаго рода до скончанія міра!»

И невѣдомая сила взволновала грудь юноши; мышцы и жилы его напряглись отъ кипѣвшей въ немъ крови. Юноша воспылалъ желаніемъ славы. Уже склонялъ онъ колѣно предъ грознымъ призракомъ, какъ нечаянно возвелъ взоръ свой на небо, увидѣлъ слабое мерцаніе крестовидной звѣзды, вспомнилъ любвеобильные совѣты Божественнаго Мужа, явившагося ему въ началѣ путешествія.

И въ умѣ юноши мгновенно возникли спасительные помыслы: «Увлекшись славою, пріобрѣтаемою рѣками крови человѣческой, сопровождаемой народными бѣдствіями, славою честолюбцевъ, завоевателей, или самъ ты преждевременно погибнешь, или уподобишься адскому чудовищу, наводнивъ вселенную несчастіями и бѣдствіями; а память о тебѣ будетъ сопровождаться проклятіемъ народовъ. Только брани по волѣ Властителей, коимъ Провидѣніе вручило судьбу народовъ,—брани изъ любви къ отечеству и въ защиту нападствуемыхъ насиліемъ,—праведны, благословенны свыше. Только въ такихъ браняхъ славно жертвовать своею жизнію для блага ближнихъ. А терять жизнь свою, по побужденіямъ одного честолюбія, безчестнѣе и пагубнѣе самоубійства!»

Между тѣмъ какъ юноша сознавалъ въ умѣ своемъ правоту истинъ, возникшихъ въ его мысляхъ, и, освободившись отъ грознаго явленія, направилъ впередъ шаги свои, ему преградилъ путь новый призракъ, окруженный фосфорическимъ сіяніемъ. Обнявъ юношу, онъ сталъ говорить ему дружески:

«Мнѣ лучше ввѣрься, возлюбленный! Я раскрою предъ тобою тайны природы, умудрю тебя искусно придуманными предположеніями, объясняющими тайну бытія міра. Раскрою предъ тобою все сокровенное въ природѣ, озарю умъ твой дивными познаніями: низведу въ нѣдра земныя, вознесу до тверди небесной, изчислю висящія на ней свѣтила, взвѣшу ихъ вѣсъ, вычислю быстроту ихъ движенія, уясню предъ тобою все, отъ былинки до кедра, отъ насѣкомаго до бегемота. И имя твое, какъ имя просвѣтителя человѣческаго рода, лучезарною звѣздою возсіяетъ въ вѣкахъ грядущихъ, и будетъ сіять славою благодѣтеля человѣчества!»

—«И земная мудрость—суета и крушеніе духа!» говорилъ юношѣ внутренній голосъ. «Полезны, благотворны познанія природы, собираемыя терпѣніемъ тружениковъ по капелькѣ, какъ собираютъ пчелы медъ въ свои соты,—для славы Виновника природы и блага человѣчества! Но предположенія весьма рѣдко что нибудь объясняютъ; большею же частію суть не что иное, какъ бредъ и мечты болѣзненныхъ умовъ, нехотящихъ въ гордыни своей смириться предъ непостижимымъ величіемъ Недовѣдомаго, и, подъ видомъ мудрости, дѣлающихъ ложь убѣжищемъ своего невѣдѣнія. Ибо природа, хотя есть мгновенное произведеніе всемогущества своего Виновника, никогда не раскроетъ предъ взоромъ смертныхъ всѣхъ таинъ своихъ; но до конца бытія своего останется для человѣка неразгаданною!

«Берегись же умственнаго самолюбія, и помни, что вся земная мудрость безполезна въ часъ смерти, потому что только свыше сходящая отъ Отца свѣтовъ мудрость ведетъ человѣка прямымъ путемъ къ его назначенію!».

Съ углубленіемъ юноши въ смыслъ вѣщаній таинственнаго

голоса, фосфорическій свѣтъ явившагося призрака тусклѣлъ; и наконецъ самъ онъ исчезъ.

Въ размышленіи о случившемся, продолжая путь, Перегринъ увидѣлъ предъ собою золотой истуканъ, сіяющій драгоцѣнными камнями, и, всматриваясь въ него, услышалъ глухой голосъ, выходящій какбы изъ груди истукана: «пади предо мною, молодой человѣкъ, принеси мнѣ въ жертву сердце свое! Я обогащу тебя сребромъ и золотомъ, доставлю тебѣ горы драгоцѣнныхъ камней и жемчугу. А обладая моими сокровищами, ты содѣлаешься предметомъ всеобщаго въ мірѣ уваженія. Люди всякаго состоянія станутъ оказывать тебѣ почтеніе: доступными будутъ для тебя не только вельможескіе, но даже царскіе чертоги. Ты будешь имѣть въ рукахъ своихъ средства къ удовлетворенію всякому желанію сердца своего, и — обладать ключемъ ко всему сокровенному, если хочешь узнать человѣческія тайны!»...

Хотя слова, выходившія извнутри истукана, не были ни усладительны, ни грозны; но они имѣли такую силу, что въ груди юноши возбудилась необыкновенная жажда сокровищъ: ему казалось, что сердце его поглотило бы весь міръ, и еще бы не насытилось...

Горя желаніемъ обогатиться, юноша готовъ былъ пасть предъ истуканомъ, какъ въ глубинѣ души своей услышалъ голосъ:

«Если ты принесешь идолу въ жертву сердце твое: то сдѣлаешься самоубійцей, потому что сердце твое будетъ впредь мертво для всякой, самой невинной радости, и даже для тѣхъ возвышенныхъ ощущеній, коими человѣкъ отличается отъ бездушныхъ камней и безмысленныхъ животныхъ!

«Стоитъ ли для того, чтобы обладать тлѣнными сокровищами, жертвовать качествами, возвышающими человѣка выше всѣхъ земныхъ тварей? Не такъ же ли произведеніе всемогущества земная пыль, попираемая ногами, какъ золото и драгоцѣнные камни?

«Только похоть очей сообщаетъ имъ цѣну, которою увлекаютъ они сердце человѣческое; между тѣмъ какъ цвѣты, ра-

стущіе на поляхъ, стократъ великолѣпнѣе золотыхъ тканей, восхитительнѣе блеска драгоцѣнныхъ камней!»

По мѣрѣ того, какъ Перегринъ внутренно убѣждался въ истинѣ словъ таинственнаго голоса, стоявшій предъ нимъ истуканъ тусклѣлъ, чернѣлъ, раздувался; наконецъ, разсыпался въ пыль, и сталъ кучею щебня.

Въ смятеніи чувствъ, волнуемый противоположными желаніями, увлекаемый то тѣмъ, то другимъ призракомъ, недоумѣвая, кому ввѣриться,—среди безчисленнаго множества путей и тропинокъ, то скрещивающихся, то раздѣляющихся и теряющихся вдали, юноша изнемогалъ, тревожимый опасеніями и страхомъ. Дрожь проникла до глубины его души.

Размышляя о своей участи, не зная, какъ избѣжать заблужденія въ странѣ невѣдомой, куда направить путь свой, юноша почти безсознательно, будто кѣмъ-либо вразумленный, воскликнулъ: «скажи ми, Господи, путь Твой!»

На небѣ крестовидная звѣзда яркимъ свѣтомъ, казалось, призывала, влекла его впередъ.

Но, едва устремился онъ по предлежащей тропинкѣ, какъ безчисленная толпа то самыхъ причудливыхъ и чудовищныхъ, то обольстительныхъ и пріятныхъ привидѣній, окруживъ юношу, сжимая его, тѣснила, толкала, увлекая его съ шумомъ, визгомъ и воплями, то въ одну, то въ другую сторону. Одни изъ нихъ, осклабясь и будто въ хороводѣ летая предъ нимъ, манили его къ себѣ. Другіе, кривлялись, коверкаясь, издѣвались надъ нимъ, дразнили его, терзали и заливались пронзительнымъ смѣхомъ.

Вдругъ невѣдомая сила объяла юношу, укрѣпила и оживила грудь его утѣшительною бодростію. Онъ рванулся и направилъ шаги свои по тропинкѣ, ведущей на востокъ. Она вела по дикой дебри мѣстами поросшей лѣсомъ.

Усталый отъ изнеможенія, Перегринъ расположился отдохнуть подъ развѣсистымъ, деревомъ, обремененнымъ зрѣлыми, сочными плодами. Укрѣпивъ ими силы свои, онъ сталъ размышлять о случившихся съ нимъ приключеніяхъ: они представлялись не болѣе, какъ соннымъ видѣніемъ.

Между тѣмъ юноша сознавалъ, что онъ, неизвѣстно какъ и отъ чего, возмужалъ. Вмѣстѣ съ симъ, безвѣстность будущаго и какое-то тайное побужденіе къ дѣятельности устремляло его въ дальнѣйшій путь. Онъ чувствовалъ крайнюю въ этомъ необходимость; ибо видѣлъ, что его участь—участь невольнаго странника.

VI.

Пройдя нѣсколько поприщъ, Перегринъ вышелъ на широкую дорогу, которая привела его въ большой, многолюдный городъ.

Улицы города наполнены были толпами народа, которыя куда-то бѣжали, спѣшили, другъ друга толкали, опрокидывали, или сами спотыкались на бѣгу, и падали. Иные—въ богатыхъ нарядахъ; другіе—въ странныхъ, самыхъ причудливыхъ одеждахъ, а большею частію въ лохмотьяхъ, полунагіе. Одни скакали верхомъ; другіе, разъѣзжая въ позлащенныхъ колесницахъ, безпощадно давили пѣшеходовъ, бросая надменные взгляды на толпы народныя. Казалось, будто воды морскія волновались сильною бурею. Шумъ, вопли, крикъ отнимали всякую возможность разслушать говорящихъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, люди продавали или покупали разные товары; въ другихъ мѣстахъ, разрушали старыя зданія, или строили новыя.

Удалясь отъ мѣстъ, болѣе другихъ наполненныхъ толпами народа, путникъ въ уединенномъ переулкѣ увидѣлъ старца, сидящаго возлѣ развалинъ, на обломкѣ колонны, и сталъ его спрашивать:

«Что это за городъ? отъ чего въ немъ такое волненіе? куда и за чѣмъ народныя толпы стремятся съ такою поспѣшностію, что люди, опрокидывая одни другихъ, взаимно попираютъ себя, не смотря на страданія и вопли ближняго?»

Старецъ, взглянувъ на путника съ видомъ сожалѣнія, отвѣчалъ:

«По всему видно и вопросъ твой доказываетъ, что ты за-

шелъ сюда съ какой-нибудь далекой стороны. Городъ этотъ именуется Космосъ.»

«Безпрерывное движеніе жителей его возбуждается, по большей части, неизбѣжною потребностію каждаго жителя поддержать бытіе свое, пріобрѣсть хлѣбъ насущный и другіе способы необходимые для жизни.

«И ты, молодой человѣкъ», продолжалъ старецъ, «если вздумаешь остаться въ здѣшнемъ городѣ, также вынужденъ будешь хлопотать, заботиться, трудиться!»

«О другихъ же причинахъ, побуждающихъ жителей сего города къ безпрерывному движенію, самъ узнаешь, когда здѣсь останешься».

Въ первый разъ въ Перегринѣ пробудилось живое сознаніе, что для поддержанія своего существованія въ семъ мірѣ, неизбѣжно трудолюбіе. Мысль о семъ, а особенно какое-то непреодолимое влеченіе къ общежитію, заставили пришельца обратиться къ старцу съ просьбою, указать ему способы къ содержанію себя, научить, какой избрать родъ жизни?

Разспросивъ о его склонностяхъ и способностяхъ съ живымъ участіемъ въ судьбѣ его, старецъ привелъ пришельца въ домъ одного трудолюбиваго семейства, въ которомъ Перегринъ и остался.

Видя, что ему не на что полагаться, какъ только на труды свои, Перегринъ съ ревностію принялся за исполненіе возлагаемыхъ на него препорученій. Терпѣніемъ и неутомимымъ трудолюбіемъ превозмогалъ онъ встрѣчавшіяся въ дѣлахъ своихъ затрудненія, такъ-что успѣхъ увѣнчалъ его занятія. И его полюбили въ семействѣ.

Онъ сталъ помышлять, какъ устроить впредь жизнь, чтобы хотя подъ старость могъ жить беззаботно, спокойно. Но, думая объ этомъ, онъ убѣдился, что ему, пришельцу на чужой сторонѣ, безъ стороннихъ пособій и средствъ, не возможно, а покрайней мѣрѣ весьма трудно достигнуть желаемаго.

Сначала Перегрину семейная жизнь до того понравилась, что онъ полагалъ въ семейномъ образѣ жизни все счастіе человѣка на землѣ, и хотѣлъ было жениться.

Но, наблюдая за образомъ жизни извѣстныхъ ему семействъ, онъ убѣдился, что чрезвычайно рѣдкія супружества пользуются тѣми выгодами и благополучіемъ, которыхъ, по предположенію, надлежало бы ожидать отъ столь священнаго союза, какъ супружескій; что супруги большею частію живутъ между собою въ разладѣ и безпрерывныхъ спорахъ; что нѣкоторыя супружества безчестятъ святость своего союза невѣрностію своимъ обѣтамъ и нарушеніемъ своихъ обязанностей; что многіе супруги, страдая подъ бременемъ бѣдности, отягчены многочиленнымъ семействомъ, котораго пропитать не въ состояніи; что иные, обладая достаткомъ, терзаются посреди обилія—мыслію, кому достанется ихъ имущество, затѣмъ что дѣтей не имѣютъ; наконецъ, что хотя и бываютъ супружества и согласныя и небездѣтныя и достаточныя: то, или кто нибудь изъ супруговъ страждетъ, пораженный неисцѣльною болѣзнію, а другая половина мучится безплоднымъ сожалѣніемъ о семъ; или дѣти подвергаются постояннымъ недугамъ, или своимъ поведеніемъ и строптивостію неутѣшныя причиняютъ скорби родителямъ.

Такія наблюденія убѣдили Перегрина, что выборъ супруги требуетъ чрезвычайной осмотрительности,—что не должно спѣшить женитьбой.

Но, размышляя о семъ, и, отъ времени до времеми отлагая намѣреніе вступить въ супружеское состояніе, Перегринъ иногда останавливался на мысли: не поздо ли ему думать о супружескомъ состояніи; тѣмъ болѣе, что его часто посѣщали болѣзни и различныя горестныя испытанія.

Онъ крайне сожалѣлъ, что не поселился въ какомъ нибудь уединеніи и остался въ такомъ городѣ, котораго мѣстоположеніе чрезвычайно было опасно; а образъ жизни большей части жителей постоянно его тревожилъ.

Городъ часто постигали пожары; землетрясенія, голодъ, моровыя язвы, наводненія и другія объщественныя бѣдствія.

Зданія въ городѣ часто внезапно разрушались, потому что были построены на пескѣ. Многія строенія даже провалились въ землю, оттого что, какъ достовѣрно дознано, подъ всею окруж-

ностію земли, на которой построенъ былъ городъ, множество было пещеръ; почему казалось, что городъ не имѣлъ основанія, и стоялъ будто на воздухѣ.

При всемъ томъ, на мѣстѣ обрушившихся зданій, граждане, оставшіеся въ живыхъ, вовсе не думая ни о погибшихъ, ни о будущей своей участи, спѣшили завладѣть мѣстомъ обрушившихся зданій, и принимались строить на немъ новыя, какъ будто были увѣрены, что ихъ не постигнетъ подобное несчастіе,—что имъ суждено быть вѣчными жителями города.

Къ довершенію общественныхъ бѣдствій, жители были нелюбовны, надменны, горды, невоздержны, самолюбивы, наглы, предатели; увлекались то завистію, то корыстолюбіемъ, то злобою до того, что безпрестанно между собою враждуя, производили постоянныя драки, убійства, кровопролитія.

Въ городѣ царствовали волненія, мятежи, развратъ, жадность, безстыдство, неистовство, хищенія, обманы, ненасытность, грабежи.

Казалось, что каждый житель города былъ порабощенъ одному изъ тѣхъ злыхъ духовъ, которые являлись въ началѣ его путешествія.

Правда, были въ городѣ храмы, посвященные имени Всевышняго, въ которые по временамъ стекалось множество народа различнаго состоянія; но на лицахъ стекавшихся въ храмы такъ мало было примѣтно сердечнаго участія въ общественномъ богослуженіи, что, казалось, они стекались въ храмы, какъ на зрѣлище, для одного развлеченія.

Были въ городѣ люди, которые не одобряли насилій, неправдъ, обмановъ и всеобщаго растлѣнія нравовъ. Такіе люди тяжко скорбѣли, что потокъ разврата будто наводненіемъ увлекалъ всѣ состоянія, старались образумить, привесть ближнихъ въ чувство сознанія ожидающихъ ихъ бѣдствій.

Были ревнители общественнаго блага, усиливавшіяся обратить жителей города къ долгу, предвѣщавшіе грозныя послѣдствія растлѣннаго образа жизни.

Но усилія такихъ людей похожи были на покушеніе удер-

жать на волоскѣ большую чугунную гирю, стремящуюся къ землѣ силою своей тяжести.

Они сами сознавались, что ихъ попытки образумить жителей города, указать имъ, въ чемъ состоитъ истинное благо человѣка на землѣ, совершенно были безплодны; что ихъ вразумленія, совѣты похожи были на голосъ комара, при всеобщемъ завываніи бури.

Большая часть жителей города считали такихъ людей чудаками, странными, безпокойными, вредными въ общежитіи. Казалось даже, что они сами, уклоняясь отъ всеобщаго растлѣнія нравовъ, старались жить добродѣтельно единственно для того, чтобы хоть нѣсколькими единицами меньше было въ городѣ беззаконниковъ.

Между тѣмъ, несмотря на общественныя бѣдствія, часто постигавшія народъ, не смотря, что всѣ почти стонали, воздыхали отъ какихъ нибудь скорбей, жаловались на свои стѣснительныя обстоятельства, на тяжкія времена, на скудость способовъ къ жизни: въ городѣ ежедневно, съ утра до вечера, на площадяхъ и на всѣхъ перекресткахъ улицъ вѣстовщики, скоморохи, гаеры, приглашали людей къ новымъ забавамъ, увеселеніямъ, играмъ,—обѣщали новыя чувственныя удовольствія и наслажденія. На всякомъ шагу встрѣчались соблазнительные примѣры; на всѣхъ улицахъ множество было притоновъ для всякаго рода пороковъ, искушеній и беззаконій.

Такой образъ жизни граждане называли успѣхомъ, улучшеніемъ, возвышенностію образованія. И хотя каждый житель города сознавалъ втайнѣ, что общественный образъ жизни безразсудный, разорителенъ во всѣхъ отношеніяхъ, доводитъ людей до крайней нищеты, порождаетъ неизлѣчимыя болѣзни; но всѣ, почти безъ исключенія, слѣдовали не внушеніямъ благоразумія и безчисленныхъ несчастныхъ опытовъ, а руководствовались подражаніемъ одинъ другому.

Каждая прихотливая новость, будто повѣтріе, мгновенно вторгалась въ домъ каждаго жителя; а такія новости безпрерывно появлялись, и исчезали.

Изъ-за нихъ жители города, какъ будто не имѣя своего ума и соображеній, что накануне считали истиною, на другой день объявляли ложью; что казалось имъ сладостію, называли горечью; черное признавали бѣлымъ; разрушали старыя, прочныя зданія, чтобы построить новыя, шаткія; бросали одежды изъ драгоцѣнныхъ тканей, чтобы устроить новыя, мишурныя.

Странныя изреченія: «такъ принято, такъ водится!» будто непреложный законъ, порабощали всякаго самой безумной новости, и всѣхъ увлекали въ растлѣніе нравовъ.

Страннѣе всего было то, что для жителей города все отечественное, даже пища и питіе, казались отвратительными,— что граждане стыдились своихъ отцевъ, презирали ихъ обычаи; особенно же, гнушались отечественнымъ нарѣчіемъ и говорили на различныхъ, иностранныхъ, искаженныхъ языкахъ, такъ что казалось въ городѣ было смѣшеніе языковъ, или что городъ не имѣлъ ни одного природнаго жителя.

Особенно одинъ иностранный языкъ въ такомъ былъ всеобщемъ употребленіи, съ такою страстію всѣми былъ изучаемъ съ дѣтства, какъ будто жители города съ нетерпѣніемъ ожидали и пламенно желали быть въ рабствѣ того народа, языкомъ коего объяснялись.

Это желаніе жителей тѣмъ болѣе представлялось вѣроятнымъ, что, по безотчетному благоговѣнію къ народу, котораго языкъ былъ между гражданами въ столь пристрастномъ употребленіи, и обычаи того народа, почти насильно, повсемѣстно были вводимы въ домы, занятія, распоряженія, какъ будто бы съ тою цѣлію, чтобы благовременно привыкнуть къ игу предстоящаго порабощенія.

А многіе граждане, досадуя, что не могутъ дождаться вожделѣннаго рабства, спѣшили, отъ нетерпѣнія, переселиться въ страну любимаго народа, чтобы тамъ расточить остатокъ своего имѣнія и здоровья.

VII.

Ежедневно терзаясь въ душѣ при видѣ всего того, что происходило въ городѣ, утомленный обращеніемъ съ чувственными, себялюбивыми жителями его, Перегринъ рѣшился оставить городъ, въ которомъ не только никогда не испытывалъ онъ непомрачаемаго скорбію удовольствія, но даже подвергался многимъ горестямъ, увлекаясь иногда растлѣнными обычаями гражданъ.

Уже и сѣдина, будто инеемъ, убѣлила главу его, и силы его ослабѣли; а онъ не находилъ въ городѣ мѣста для безмятежнаго успокоенія.

Съ одной стороны, душевныя огорченія, уныніе, истома, скука безпрерывно преслѣдовали его, какъ нѣкія страшилища; съ другой — размышленіе о суетѣ всего окружающаго его, о цѣли бытія своего на землѣ, возносили духъ его отъ настоящаго къ будущему, отъ временнаго къ вѣчному, отъ земли къ небесамъ.

Доселѣ, шумъ и тревоги города, житейскія занятія, предположенія заглушали въ Перегринѣ внушенія внутренняго голоса. Теперь, странникъ снова получилъ способность слышать ихъ. А голосъ говорилъ ему: «Отрекись отъ всего видимаго, забудь все прежнее, оставь городъ, и стремись въ страну, которая будетъ тебѣ указана; спасайся на гору, ищи невидимаго. Все видимое пройдетъ, исчезнетъ, не оставивъ и слѣда по себѣ; а невидимое вѣчно! Живущій въ семъ городѣ, по обычаямъ и правиламъ его, берегущій душу свою для настоящей жизни,—для преступныхъ удовольствій и наслажденій,—потеряетъ, погубитъ навѣки душу свою; а потерявшій ее въ сей жизни, отрекшійся отъ суетныхъ грѣховныхъ удовольствій, ради Того, Кто столько возлюбилъ людей, что предалъ Себя на лютѣйшія за нихъ страданія, обрѣтетъ душу свою. Иди впередъ!»

Одушевленный такими внушеніями, Перегринъ, оставивъ городъ, направилъ шаги свои на востокъ; и, на склонѣ небесъ, снова явилось ему крестовидное свѣтило, котораго не видѣлъ

онъ въ городѣ, покрытомъ всегда туманами, носившимися надъ нимъ отъ зловонныхъ испареній.

Тропа, по которой Перегринъ шелъ, привела его къ рѣкѣ, на противоположенномъ берегу коей видна была, подъ высокою горою, такая восхитительная растительность, виднѣлись такія пріятныя рощи, что казалось, переправившись на другой берегъ, можно было освободиться отъ снѣдавшей Перегрина душевной туги и унынія, и, хотя на время, насладиться вожделѣннымъ спокойствіемъ.

Кстати на берегу была лодочка, только такая утлая, ветхая, что Перегринъ едва рѣшился воспользоваться ею для переправы на противоположную сторону. Съ большимъ затрудненіемъ, съ опасностію утонуть, переплылъ онъ рѣку, потому что она чрезвычайно волновалась; а лодка отъ ветхости вскорѣ наполнилась водою, которая имѣла свойство ѣдкой горечи, будто чувство отреченія отъ пристрастія къ земнымъ благамъ.

Но непріятное ощущеніе Перегрина усладилось восхитительнымъ видомъ луговой зелени, испещренной прекрасными, безчисленными цвѣтами, разливавшими въ воздухѣ невыразимо пріятное благовоніе.

Перегрину показалось въ новой странѣ такъ привольно, отрадно, что онъ бы навсегда въ ней остался, еслибъ совершенное уединеніе, привычка къ дѣятельности и любопытство обозрѣть новую страну не побуждали его идти далѣе.

Онъ пошелъ въ рощу, которая какбы опоясывала возвышавшуюся до небесъ гору.

Восхитительное пѣніе неизвѣстныхъ, сіявшихъ радужными цвѣтами птицъ, тѣнистый примракъ развѣсистыхъ, благовонныхъ деревъ рощи, расположили Перегрина къ успокоенію.

Отдохнувъ немного, онъ нашелъ тропинку, которая привела до самой горы.

Заключая изъ сего, что эта страна несовершенно безлюдна, — что тропинку протоптали если не мѣстные жители, то прохожіе,—онъ рѣшился идти по ней далѣе.

Она очевидно вела на верхъ горы. Но, чтобы подняться на первую возвышенность, надлежало пройти такое узкое, тѣсное ущелье, что если бы онъ былъ одѣтъ великолѣпно, или имѣлъ съ собою какую либо пошу: то никакъ не могъ бы идти далѣе. Казалось даже, что для прохода тѣспины требовалось самоотверженіе, — необходимо было совлечься тѣлесности, или умалиться до младенческаго возраста; что легче было бы верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели человѣку пройти сквозь предстоявшее ущеліе.

Но слѣды прошедшихъ сквозь него были очевидны. Внезапная мысль: если другіе прошли тѣсною стезею; то почему ты, Перегринъ, не можешь? ободрила его.

Взглянувъ на вершину горы, онъ увидѣлъ, какбы на самомъ темени ея, крестъ, сіявшій такимъ чуднымъ, отраднымъ свѣтомъ, который вливалъ въ душу и сладость и мужество; и, хотя съ крайне тягостнымъ усиліемъ, однакожь протѣснился Перегринъ сквозь предстоявшее ему ущеліе!

За нимъ открылась между колючимъ терніемъ тропинка, усѣянная кремнистыми камешками. Она вилась по такимъ крутымъ, обрывистымъ утесамъ, что отъ одного взгляда на нее страхъ проникалъ въ сердце Перегрина. Но крестовидный свѣтъ свыше вливалъ въ него какбы новую жизнь, одушевленную пламенным желаніемъ—достигнуть, во что бы то ни стало, крайней горней высоты. Посему, какбы влекомый таинственною нѣкоею силою, Перегринъ пошелъ впередъ.

Но, едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ безчисленныя, разнородныя, самыя докучливыя мошки, будто неотвязные, безразсудные помыслы, кружась надъ нимъ роями, ослѣпляли его, не давали ему свободно дышать, причиняли несносную боль своими уязвленіями. Защищаясь отъ нихъ по возможности, Перегринъ съ напряженнымъ усиліемъ сталъ взбираться по жестокой, колючей тропинкѣ.—Только каждый шагъ его требовалъ новыхъ усилій; потому что жестокая тропинка по мѣстамъ лежала надъ ужасными пропастями. Неоднократно онъ претыкался о камни, и едва подвигался впередъ, придерживаясь за утесы.

Отъ жесткаго пути лишился онъ обуви; а колючее терніе, изорвавъ въ куски его одежду, часто острыми иглами наносило ему мучительныя язвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и ступни ногъ его были въ ранахъ и крови—отъ острыхъ кремней, на которые неизбѣжно надлежало ступать, чтобы, подавшись впередъ, не оступиться гдѣ-либо въ пропасть.

Не разъ, обливаясь пòтомъ отъ изнуренія, будто отъ тягостныхъ усилій преодолѣть гнусныя свои привычки, Перегринъ едва переводилъ духъ отъ утомленія.

Но, напрягая всѣ силы для достиженія предположенной цѣли, онъ превозмогалъ встрѣчаемыя затрудненія, ободряемый какимъ-то голосомъ, который говорилъ ему: «не унывай, мужайся! Всѣ претерпѣваемыя на семъ пути уязвленія и трудности ничего не значатъ въ сравненіи съ тою славою, которая ожидаетъ достигшихъ горней вершины!»

И по мѣрѣ того, чѣмъ выше труженикъ взбирался на гору, становился онъ бодрѣе. Преодолѣнныя имъ препятствія и труды, казалось, заключали въ себѣ невыразимую сладость, между тѣмъ какъ съ каждымъ шагомъ онъ укрѣплялся невидимою нѣкоею силою, и чувствовалъ въ себѣ новую бодрость, съ услажденіемъ, похожимъ на вожделѣнное ощущеніе прохладнаго вѣтерка, во время солнечнаго зноя.

Превозмогши еще нѣсколько затрудненій, оставивъ за собою чрезвычайно колючій кустарникъ, покрывавшій обрывистыя скалы, Перегринъ очутился на умѣренной покатости, окружавшей вершину горы, которая съ этого мѣста представлялась уже величественнымъ холмомъ. Самая тропинка, ведущая отселѣ на верхъ, была уже гладка, какбы утоптанная; а вся вершина горы усѣяна безчисленными, невиданными въ дольнихъ странахъ земли, цвѣтами, которыя казались бы безцѣнными рубинами, сапфирами и алмазами, еслибы вѣяніе тонкаго, горняго вѣтерка, потрясая ихъ, не обличало въ нихъ растительности.

Возведя взоръ на небо, онъ былъ восхищенъ невыразимо чуднымъ надъ горою сіяніемъ, которое съ небесъ лилось какбы потокомъ. Объятый восторгомъ, Перегринъ ощутилъ въ себѣ

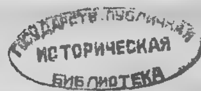
юношескія силы,—съ легкостю, безъ труда, взбѣжалъ на вершину горы, достигъ возвышавшагося на ней креста, палъ предъ нимъ на колѣни, воздѣлъ къ небу руки, и воскликнулъ: *гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?* — преклонился къ землѣ, и уснулъ у креста сномъ смерти.

Повѣсть сія, очевидно, какая-то приточная, иносказательная. Есть же люди, которые пишутъ и такія повѣсти! Найдутся, вѣроятно, и читатели, которымъ онѣ могутъ правится. Въ этомъ предположеніи, нижеподписавшійся рѣшился эту повѣсть напечатать.

Авдій Востоковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Цѣна 1 р. 50 к. с., а безъ статьи «объ Иконописаніи»—1 р. с. На пересылку прилагается за 2 фунта, по разстоянію.

«Объ Иконописаніи» (изданіе второе, С. П. Б. 1867 г.) можно получать отдѣльно. Цѣна за экз. 60 коп., съ пересылкою 75 коп. сер.

